АҨСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д. И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АҨСУАҬҬААРАТӘ ИНСТИТУТ

В. Е. КӘАРҷИА

АУСУМҬАҚӘА РЕИЗГА

БЫЖЬ-ТОМКНЫ

V АТОМ

АЕТНИКАТӘ ҬОУРЫХ

Aĸəa
Academia
2020

ABKAZIAN ACADEMY OF SCIENCES
ABKAZIAN INSTITUTE FOR RESEARCH
IN THE HUMANITES NAMED AFTER D.I.GULIA

V. E. KVARCHIA

COLLECTED WORKS

VOLUME V

HISTORICAL

Sukhum
Academia
2020

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА
АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

В. Е. КВАРЧИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ V

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Сухум
Academia
2020

УДК 39
ББК 63.521(=602.1)–3
Кә 30

В. Е. КӘАРҶИА
АУСУМҬАҚӘА РЕИЗГА быжь-томкны. **V атом. Аетникатә ҭоурых.**
Аҟәа: Academia, 2020. 671 д.

V атом шьаҭас иамоуп ҽыц аус зыдулоу еицырдыруа автор имонография «Аԥсуа // Абаза жәлар рхылҵшьҭра аҭоурых ахьтә, мамзаргьы аԥсуааи ашәуааи рбызшәеи рҭоурыхи рзы».

В.Е. КВАРЧИЯ
СОБРАНИЕ ТРУДОВ в 7-ми томах. **Том V. Этническая история.**
Сухум: Academia, 2020. 671 с.

В V томе Собрания трудов представлена с некоторыми изменениями известная монография автора «Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин».

© Кварчия В. Е., 2020
© АбИГИ им. Д.И. Гулиа, 2020
© Academia, 2020

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

В. Е. КВАРЧИЯ

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗСКОГО (АПСУА // АБАЗА) НАРОДА, ИЛИ О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ АБХАЗОВ И АБАЗИН

Сухум, 2015

ББК 63.521 (=602) я73
К 32
УДК 394

Научные редакторы:
доктор филологических наук, проф. **О. П. Дзидзария,**
кандидат исторических наук **Г. Д. Гумба**

Рецензенты:
доктор филологических наук **Л. Х. Саманба,**
кандидат исторических наук **О. В. Маан**

КВАРЧИЯ В. Е.
Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. /В. Е. Кварчия: АН Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. – Сухум: Госиздат, 2015. 665 с.

Книга историка, доктора филологических наук, академика В. Е. Кварчия представляет собой многоплановое исследование вопросов истории этногенеза абхазо-абазинского этнического мира с древнейших времен до конца XIII в. н. э. Работа автора базируется на материалах аналогичных исследований абхазских и других ученых, а также на древние, античные и средневековые письменные источники, широко привлекаются историко-этнографические, фольклорные и, в особенности, разнообразный языковой материал как абхазо-абазинского, так и других языков. Комплексное исследование проблемы позволило автору дать принципиально новые оценки исторического прошлого не только абхазов и абазин, но и,в определенной мере, отдельных периодов истории ряда народов Кавказа.

Книга рассчитана на специалистов, студентов, а также широкий круг читателей.

© Академия наук Абхазии,
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д. И. Гулиа, 2015

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA
D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies

V. E. KVARCHIA

FROM THE ETHNIC HISTORY OF THE ABKHAZIAN (APSUA // ABAZA) PEOPLE, OR ON THE LANGUAGE AND HISTORY OF ABKHAZIANS AND ABAZINIANS

Sukhum, 2015

Scientific editors:
Doctor of Philological Sciences **O. P. Dzidzaria,**
Candidate of Historic Sciences **G. D. Gumba.**

Reviewers:
Doctor of Philological Sciences **L. Kh. Samanba,**
Candidate of Historic Sciences **O. W. Maan.**

KVARCHIA V. E.
From the ethnic history of the Abkhazian (Apsua // Abaza) people, or On the language and history of Abkhazians and Abazinians. – Sukhum, 2015. 665 p.

The book by the historian, doctor of philological sciences, academician V.E.Kvarchiais a multi-faceted study of the history of the ethnogenesisof the Abkhaz-Abazinian ethnic world from ancient times until the end of the XIII century A.D. The author's work is based on materials of similar studies of Abkhazian and other scientists, as well as on the ancient and medieval written sources. Historical, ethnographic, folklore, and especially, various language materialsof both Abkhaz-Abazinian and other languagesare widely used. A comprehensive study of the problem allowed the author to give a fundamentally new assessment of the past of not only Abkhaz and Abazinian, but to a certain extent, of different historical periods of a number of peoples of Caucasus.

The book is intended for professionals, students and for a wider readership.

© Academy of Sciences of Abkhazia.
D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

История конкретной страны, государства, этноса, как ныне существующего, так уже исчезнувшего, является важной частью мировой истории. Вместе с тем народы в своем развитии базируются, прежде всего, на опыте собственной истории и на знании своего места и роли в окружавшем его в разное время этническом мире.

Невозможно реконструировать прошлое того или иного народа без совокупности таких данных, как археологические, этнографические, антропологические, языковые, в том числе письменные источники. Среди них представляется наиболее значительным языковой материал, ибо сам язык, в целом, является прямым и живым отражением всей истории его носителей.

Абхазы и абазины, о которых ниже пойдет речь, ещё в недавнем прошлом (в XVIII–XIX вв.) составляли один народ, сегодня же они развиваются раздельно и представляют близкородственную абхазо-абазинскую группу языков. Их этнические предки распознаются в древневосточных письменных источниках, начиная, по крайней мере, со второй половины II тыс. до н. э., и далее они все четче вырисовываются в античных и средневековых исторических сведениях.

Научно-познавательный интерес к языку и истории абхазов и абазин стал проявляться с XVII столетия. Причем первоначально он исходил от иностранцев-путешественников, миссионеров и других лиц.

В частности, к числу древних письменных свидетельств абхазского языка относится запись 40 абхазских слов и фраз, сделанная в 1641 году известным турецким путешественником Эвлия Челеби. Сохраняют и ныне свою научную значимость приводимые им и этно-топонимические, а также этнографические и другие сведения, касающиеся Черноморского побережья Западного Кавказа [1].

Во второй половине XVII века к истории и быту абхазов проявляют некоторый интерес итальянский миссионер Арканджело Ламберти [2], французский путешественник Шарден [3] и др.

К середине XVIII столетия грузинский царевич Вахушти Багратиони завершает свои сочинения «Описание царства грузинского» [4], «География Грузии» [5], в которых немалое место занимают материалы и рассуждения по истории Абхазии.

С конца XVIII в. абхазским языком начинают заниматься русские и западноевропейские ученые И. Гюльденштедт, П. Паласс, И. Клапрот, Г. Розен и др. В частности И. Гюльденштедту принадлежит первенство в определении родства абхазо-адыгских языков.

В первой половине XIX столетия издается немало работ, так или иначе касающихся истории Абхазии. Среди них наиболее значительными являются публикации С. Броневского [6], Ф. Дюбуа [7], Ф. Нордмана [8], Ф. Ф. Торнау [9] и других известных авторов.

В середине XIX столетия появляются работы первого абхазского этнографа С. Званба [10].

В 1862 году публикуется основополагающий труд по абхазскому языку выдающегося кавказоведа П. К. Услара [11]. Тогда же зарождается абхазская письменность, основанная на русской графике, создавшая возможность фиксации и правильной письменной передачи материалов абхазской речи и развития национальной литературы и литературного языка.

Выход вышеуказанной работы П. К. Услара заметно расширил интерес ученых к языку истории абхазов и абазин. Вскоре, уже в начале XX века, этой тематикой глубоко увлекся акад. Н. Я. Марр. Он в абхазах видел народ, уходящий своими корнями в глубочайшую древность, а их язык относил к числу древнейших языков мира. О той огромной ключевой роли в языкознании, которой Н. Я. Марр отводил абхазскому языку, свидетельствуют не только его научные выкладки, но и название одной из его известных работ – «Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык» [12].

В 1907 году выходит важная как тогда, так и сегодня работа П. Воронова «Абхазия не Грузия» [54].

Значительным вкладом в воссоздании цельной истории абхазов стал труд К. Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу», изданный в 1913 году [13]. В нем отдельно дается краткий, довольно объективный историко-этнографический очерк Абхазии [13, 222–347].

В 1919 году, в период оккупации Абхазии войсками Грузинской демократической республики, публикуется работа И. Воробьева «О неосновательности притязаний Грузии на Сухумский округ (Абхазию)» [14].

Несомненно, наиболее значительным событием для исторического абхазоведения явилась монография талантливого историка К. Кудрявцева, вышедшая в 1922 году под скромным названием «Сборник материалов по истории Абхазии» [15]. Данная работа, написанная и изданная в непростых условиях, и по сей день сохраняет свое научно-концептуальное значение.

Вслед за вышеназванным исследованием, в 1923 году, появляется еще один значительный абхазоведческий труд известного ученого, общественно-политического деятеля, народного просветителя С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» [16].

В 1925 году увидела свет довольно актуальная аналитическая работа С. А. Ашхацава «Пути развития абхазской истории» [17]. Книга позже была запрещена, а ее автор был репрессирован в 1939 году.

В том же 1925 году, впервые под названием «История Абхазии» (т. 1), выходит известное многострадальное исследование абхазского ученого, основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа [18]. Этот труд, являющийся по своему характеру историко-лингвистическим исследованием, стал, как и надеялся ее автор, первым абхазским камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия к истории культур и наций Кавказа [18,14]. Многие положения гулиевской «Истории Абхазии» до сих пор продолжают оставаться в научном обиходе. Ряд же его предположений и сегодня ждут внимания компетентных исследователей.

Отдельные периоды истории Абхазии находят свое отражение в работах известного советского историка А.В. Фадеева, археологов Л.Н. Соловьева, А.Л. Лукина, Б. А. Куфтина, С. Н. Замятнина и др., а также этнографов Г. Ф. Чурсина и И. А. Аджинджал, изданных в 1930–1960-х годах. В те же годы к истории Абхазии проявляют значительный интерес и грузинские ученые, как: И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашия, С. Г. Каухчишвили, Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе и многие другие.

В 40-50-ые годы приступает к научной деятельности целый ряд национальных кадров. Это З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Х. Акаба, А. И. Куправа, Б. Е. Сагария, археологи М. М. Трапш, М. М. Гунба, лингвисты К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба и др., ставшие впоследствии корифеями абхазоведения.

С наступлением Хрущевской оттепели, несмотря на существование жесткой цензуры, обслуживавшей грузинскую националистическую конъюнктуру, в Абхазии широко развернулось всестороннее изучение истории и культуры абхазского народа.

В 1959 году выходит монография абхазского ученого, признанного научного авторитета в среде кавказоведов З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)» [19]. Она стала первой серьезной работой, пробившей брешь в свалке надуманных небылиц по средневековой истории Абхазии и Грузии. Вместе с тем автор вынужден был трактовать целый ряд положений в духе политической конъюнктуры, существовавшей в его время. Значительным вкладом в абхазоведение стали и последующие его работы: «История и культура древнейшей Абхазии» [20], «Очерк этнической истории абхазского народа» [21] и др.

В 1960 году стало возможным издание абхазоведами сводного труда по истории Абхазии с древнейших времен по 50-е годы XX века (в двух частях) [22]. Данный труд, как и монографии З. В. Анчабадзе и работы других абхазоведов, создавался на фоне продолжавшегося с 30-х годов яростного отрицания многими грузинскими учеными и политиками существования какой-либо значимой истории у абхазов, отрицание самого абхазского народа как отдельного этноса и т.д. Поэтому названный коллективный труд, хоть и был строго ограничен дозволенными сверху пределами и концепциями, представлял собой наиболее серьезную попытку научной разработки накопленных фактических данных, кратким итогом многолетних исследований коллектива абхазских историков и других ученых.

Вместе с тем работа над этим первым сводным трудом показала, что для создания в будущем более содержательного обобщающего труда необходимы монографические исследования по отдельным периодам истории Абхазии, в том числе археологии и этнографии, а также историко-лингвистические исследования абхазских (абазских) языков, абхазо-абазинского фольклора и т.д.

В том же 1960 году не менее значительным событием стал выход общеизвестного историко-этнографического труда крупнейшего абхазского ученого Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», переизданного в дополненном виде в 1965 года [23]. Этот, поистине энциклопедический труд, стал основой для дальнейшего углубленного изучения всех направлений абхазоведческой науки. Среди многих последующих исследований Ш. Д. Инал-ипа особо важное место занимает его монография «Вопросы этнокультурной истории абхазов» [24], появление которой всполошило весь гуманитарный научный мир и политическое руководство Грузии конца 70-х годов XX века. Несмотря на все усилия последних очернить эту работу, она получила тогда высокую оценку со стороны ведущих ученых бывшего СССР. Переработанный и дополненный вариант данного исследования увидел свет в 2011 году [365].

В 1964 году издается известная монография крупного абхазского лингвиста Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка», а затем его же работа «Этюды и исследования» [168] и др.

Определенную растерянность и негативную реакцию вызвало в Тбилиси и открытие ленинградским ученым, проф. Г. Ф. Турчаниновым древне-абхазского письма [25].

В 1950–1980 годах выходят десятки работ по истории Абхазии XIX–XX веков общепризнанного кавказоведа, флагмана абхазоведческой науки второй половины XX столетия Г. А. Дзидзария. Неоценимое значение имеют такие крупные его монографии как: «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975, 1982) [26], «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (1979) [27], «Очерки истории Абхазии (1910–1921)» [28], а также и его исследования по истории Абхазии советского периода.

Значительным вкладом в изучение истории и культуры Абхазии явились и работы уже названных абхазских ученых: М. М. Трапш, М. М. Гунба, Б. Е. Сагария, А. И. Куправа, К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба, а также нового поколения ученых: Г. К. Шамба, Г. А. Амичба, Р. А. Хонелиа, О. Х. Бгажба, Ц. Н. Бжания, В. В. Бжания, Ю. Н. Воронова, И. И. Цвинария, Л. Г. Хрушкова, В. Г. Ардзинба, Е. М. Малиа, Ю. Г. Аргун, Р. К. Чанба, языковедов – Ш. К. Аристава, Л. П. Чкадуа, В. Х. Конджария, В. А. Амичба, С. А. Амичба, Р. К. Гублия, Т. Х. Халбад, Н. В. Аршба; фольклористов – Ш. Х. Салакая, С. Л. Зухба, А. А. Аншба, З. Д. Джопуа и многих других.

В 70-х годах XX века приступает к научной деятельности известный специалист по древним языкам, хеттолог В. Г. Ардзинба. В 1977 году он публикует статью «Заметки к текстам хеттских ритуалов» [486], далее выходит целый ряд интересных работ как «Нартский сюжет о рождении героя из камня» [137], «Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков» [361], «Ритуалы и мифы Древней Анатолии» [487] и другие.

Определенным итогом исследований всех вышеназванных и других авторов стал сводный труд «История Абхазии», составленный в виде краткого учебного пособия профессорами З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа [29]. Значение этого первого учебника по истории Абхазии, изданного в 1986 году, трудно переоценить. В тех условиях сам факт издания учебника под названием «История Абхазии» оказался возможным только благодаря большому научному авторитету и настойчивости его авторов и членов редколлегии. Конечно же, отдельные периоды истории Абхазии авторы вынуждены были изложить приближенно к концепции грузинской историографии. Например, что абхазские цари вели общегрузинскую политику, что в Абхазском царстве VIII–X вв. грузинское население было преобладающим, что Абхазия в XI–XIII в. являлась составной частью «единого Грузинского государства» и т. д. В целом же названный учебник во многом объективно и лаконично отразил в свете уже известных фактов историю Абхазии и абхазского народа с древнейших времен по 80-е годы XX века.

В 80-ые годы, вопреки политической конъюнктуре, начинается разработка так называемых запретных тем. В 1983 году в Тбилиси выходит монография О. Х. Бгажба «Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии» (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.) [379]. Несмотря на всевозможные препятствия, выходят и работы автора по топонимии Абхазии «Ойконимы Абхазии в письменных источниках» (1985) [30], «Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР» (1988, на абх. яз.), а также исследования С. М. Шамба «Монетное обращение на территории Абхазии» (1987г.) [590], «Гюнос –I» (1988 г.) [591]. Далее увидели свет: в 1990 году книга С. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии» [31], а в 1992 – коллективный труд «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.» (составители Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулиа) [32].

Значительным событием следует считать также выход в 1992 году первого учебника по истории Абхазии на абхазском языке *«Аԥсны аҭоурых»* («История Абхазии»), составленный В. Л. Бигуаа [33]. Он же автор оригинального исследования «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов» [595].

В 1993 году коллектив ученых Абхазского института издает на русском языке очередное учебное пособие «История Абхазии» [34]. Оно по своему объему, содержанию и объективности качественно отличается от предыдущего аналогичного издания. В нем представлен целый ряд принципиальных объективных оценок исторического прошлого абхазов, основанных на документальном материале.

Вместе с тем, этот коллективный труд создавался в ускоренном режиме, на фоне начавшегося в конце 80-х годов прошлого столетия распада СССР и резкого обострения абхазо-грузинских отношений, чем и объясняется некоторые недостатки этого издания, например, отсутствие академической формы изложения текста, повторение и здесь отдельных, не соответствующих первоисточникам, формулировок грузинской историографии и т. д. В целом же изданием этого многозначительного учебного пособия завершился советский этап развития абхазоведческой науки. Это был длительный период, охвативший пору репрессий, запретов и уничтожения неугодных книг и авторов, жесткой цензуры, вынужденного написания уважаемыми учеными «самоопровергающих работ», как, например, «Книга о моей книге» Д. И. Гулиа и т. д., и т. п. Тем не менее, за этот период ученым все же удалось значительно продвинуться в сторону правдивого и всестороннего освещения истории и культуры Абхазии и абхазского народа.

Немало было сделано в советский период и в изучении прошлого и настоящего ближайшей ветви абхазского народа – абазини убыхов. Из специально посвященных им работ наиболее значительными, обобщающими являются историко-этнографические очерки под названием «Абазины» Л. И. Лаврова (1955) [35], Е. П. Алексеева (1971) [36], Е. Н. Данилова (1984) [37], коллективный труд «Абазины» (1989) [38], а также монографии М. С. Тхайцухова «Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв.» (1992) [39], его же «Абазины» (2006) [377] и др.

Наряду с вышеназванными и др. работами представляются основополагающими и исследования лингвистов К.В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка» (1944) [40], «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазских диалектов» (1954) [41], «О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселении абхазов» [232] и др.; А.Н. Генко «Абазинский язык» (1955) [42], Г. П. Сердюченко «Язык абазин» (1955) [43], Н. Т. Табулова «Грамматика абазинского языка» (1976) [44] и др.

Таким образом, в конце 80-х годов XX столетия в абхазоведческом портфеле накопилось значительное количество важных разновременных первоисточников и исследований по истории абхазов и абазин. С 1990-х годов появилась и возможность непредвзятого переосмысления многих публикаций в свете данных первоисточников и других материалов. Этим качественно отличаются в основном последующие абхазоведческие публикации, о чем более подробно будет сказано ниже.

С какими же искажениями первоисточников и истории Абхазии борются абхазские и другие ученые на протяжении многих десятков лет?

Как известно, основными письменными источниками, которыми пользуются исследователи древней истории Кавказа, в том числе Абхазии и Грузии, являются греко-римские. Для исследователей же средневековой истории, наряду с византийскими сведениями, представляют значительный интерес древнегрузинские, армянские, персидские, арабские, итальянские, турецкие и русские источники.

Камнем же преткновения оказались, прежде всего, грузинские летописные сведения об Абхазии и Грузии раннего и зрелого средневековья, подвергающиеся основательной ревизии в течение уже многих лет. Основа этому была заложена еще в начале XVIII столетия в Москве потомками грузинских «царей», изгнанных персами и турками из разрозненной Грузии. Они годами вынужденно отсиживались в Москве в надежде получить русскую помощь в освобождении отнятых у них «царств» (т. е. владений). Как известно, эти многолетние тягостные ожидания были безрезультатными. Вместе с тем пребывание в Москве давало им возможность знакомства с русской и европейской культурой. Здесь развернул свою литературную деятельность имеретинский царь

Арчил. По его же инициативе в Москве было начато книгопечатание на грузинском языке, здесь же редактировались и готовились к печати грузинские церковные книги и т. д. [45,117–118].

По совету также грузинских царей-беженцев, находившихся в Москве, будущий омусульманенный ставленник Ирана в Картлии Вахтанг VI составил в начале XVIII века комиссию «ученых мужей» по «реставрации» свода грузинских летописей [46, 24] и создания цельной истории Грузии.

В то время Грузия испытывала большое политико-культурное влияние (давление) со стороны Персии. Сам Вахтанг VI был посажен на картлийский престол персидским шахом и выполнял функции главнокомандующего грузинских войск, которые нужны были ему для борьбы с афганцами. Вахтанг прекрасно знал языки, занимался переводами книг и сам писал стихи.

В 1709 году Вахтанг в Тбилиси основал свою типографию и сам стал печатать книги. В 1712 году он издает поэму «Витязь в тигровой шкуре». Тогда эта, ныне известная, поэма была воспринята грузинской элитой, и, прежде всего, грузинской церковью, как инородное, заслуживающее осуждения произведение. Практически весь ее тираж был утоплен в Куре [417, 21, 22]. Учитывая эти обстоятельства и время появления поэмы «Витязь в тигровой шкуре», а также на основании глубокого анализа ее содержания, отдельные авторы приходят к выводу о том, что «…поэма возникла где-то в конце XVII– в начале XVIII столетий и её автором, с большой долей вероятности, был молодой грузинский царь Вахтанг VI, который и издал её под псевдонимом Шота Руставели в 1712 г.» [417, 30].

Фальсификация истории, как пишет П. Л. Карабущенко, – любимое занятие политических идеологов и аристократов: первым нужно оправдать существующий политический режим, найдя опору в истории, вторым – необходимо углубить свою родословную, дабы доказать всем свою породистость и право на социальные привилегии. Именно этим мотивам и должен был руководствоваться молодой грузинский царь Вахтанг, когда он взялся за исправление источников по истории своей страны. Именно этот мотив мог двигать им, когда он поставил под своей поэмой псевдоним и отправил ее на 500 лет вглубь истории своей страны. [417, 30].

Как увидим ниже, созданной Вахтангом VIкомиссией «ученых мужей» по «реставрации» свода грузинских летописей и создания цельной истории Грузии двигал тот же мотив, что и самого Вахтанга VI. Комиссия «ученых мужей» выполнила поставленную перед ней задачу. Она исправила все «погрешности», допущенные переписчиками прошлых времен «Картлис цховреба», и дала исправленную и дополненную, поистине новую «Картлис цховреба» [47, 14]. О каких исправлениях и дополнениях идет речь можно не только догадываться, но и определить их путем сличения труда «ученых мужей» с данными самих первоисточников. И это притом, что их исходные варианты чудесным образом затеряны. К тому же, почему-то в России трижды горели дома Арчила вместе с вывезенным им из Имеретии царским архивом [45, 84, 117]. Один из грузинских комментаторов нового «Картлис Цховреба» справедливо писал: «И все же, отдавая дань уважения и благодарности комиссии Вахтанга, следует заметить, что некоторые исправления носили тенденциозный характер. Поэтому мы не можем безоговорочно принимать вахтанговскую редакцию «Картлис Цховреба» [47, 14].

Сын Вахтанга VI- царевич Вахушти, проживавший также в качестве беженца в Москве с 1724 года до самой свой смерти (1757), посвятил себя написанию истории Грузии. Он, главным образом на основе «обновленных» и произвольно дополненных отцом первоисточников, пишет свою историю Грузии [4] и географию [5]. Работы Вахушти вскоре были переведены на русский и французский языки и, таким образом, они стали достоянием русских и европейских ученых того времени.

Труды Вахтанга и его сына Вахушти получили среди ученых неоднозначную оценку. Одни, например, акад. Г. Броссе и др., преувеличивали их значение, а другие призывали ученых относиться к ним с осторожностью. Известный грузиновед, французский ученый Виктор Лангуа писал: «Стоит только бросить взгляд на содержание первых страниц грузинских летописей, которые содержат курьезные образчики невежественной и религиозной литературы, как наталкиваешься на героические легенды и вскоре хроникер переносит вас к первым векам нашей эры, эпохи чисто исторической для других народов, которая для Грузии все еще частью остается героической. И действительно,

составители избрали первые века нашей эры, чтобы заставить нас присутствовать при появлении не родоначальника, но восстановителя нации, героя грузинского, по преимуществу необычайного завоевателя, который успешно расширил границы своей страны, восторжествовал при помощи своих войск со славой над всеми своими врагами и царствовал могущественно над обширными странами, ему подчинившимися. И странное дело, это героическое лицо, которое хроникером называется Вахтангом Гургасланом – лев – волк, жило в V ст. нашей эры, следовательно, очень немногим ранее Юстиниана и Хосроя Нуширвана. Читая описание жизни и приключения Вахтанга Гургаслана, тотчас же признаешь в нем одно из тех поэтических сочинений, которые обязаны своим созданием воображению какого-нибудь энтузиаста, создавшего национального героя, высокие деяния которого должны служить вступлением к истории его родины. Вахтанг, так, как он обрисован в летописях, есть скорее Вах-индийский или Псевдо-Александр – полубог, полугерой, проходивший через Азию, подчиняя ее своим законам, чем глава маленького государства, которое с такой суровостью квалифицирует Тацит: «…Как бы то ни было, биография Вахтанга, как она передана летописями, была странным образом искажена и дополнена – и критика отказывается признать ее подлинность… Тем не менее, курьезно видеть, что в V в. нашей эры грузины были еще в своем героическом периоде, и что их история по большей части покоится на поэтических вымыслах». [15, 76, 77]. Ещё в XIX веке известный ученый, профессор Петроградского университета, основатель русской школы востоковедения О. И. Сенковский предупреждал, что летописи «Вахтанга и Вахушти… требуют большой недоверчивости и крайне хладнокровной критики со стороны ориенталиста…, потому, что однажды преувеличив ее достоинства, легко распространить в ученом свете на счет истории грузинов такие заблуждения, на опровержение которых нужно будет потом сорок лет времени и сорок томов печати, то есть ровно в восемьдесят раз больше, нежели чего, как кажется, стоит вся эта история» [48, 172].

Названный уважаемый профессор ошибся только в одном, а именно во времени и затратах, необходимых на опровержение так называемых «заблуждений» названных авторов. Как известно, этого по-настоящему не произошло до сих пор, ибо эти «за-

блуждения» постоянно подпитывались и подпитываются всеми правдами и неправдами многими грузинскими учеными.

Одной из причин этого обстоятельства заключается в отсутствии в природе первоисточников, указывающих на существовании с VII по XIX век какого-либо централизованного грузинского государства в Закавказье, тогда как в грузинской летописи и в других источниках речь идет с VIII по XIV века об абхазах, абхазских царях, Абхазском государстве, просуществовавшем около 500 лет и занимавшем значительную часть Закавказья, в том числе и территорию современной Грузии. Обо всем этом красноречиво говорят приводимые самим Вахушти исторические сведения об Абхазии в книге «История царства грузинского» [4, 220–224]. Однако эти сведения никак не соответствуют заглавию раздела его книги «Жизнь Эгриси, Абхазети или Имерети», придуманной автором (или кем-то другим?) для затушевывания сути и значимости этого государства [4, 220]. Более того, в другой своей работе –«География Грузии» он уже пишет, что абхазский царь Баграт III (998–1024) был «абхазо-грузинским царём», а его государство являлось «грузинским царством».

Таким образом, одним росчерком пера наиболее значительная 300-летняя средневековая история Абхазии превращается в героическую историю вовсе не существовавшего тогда грузинского государства. Соответственно, не существовало тогда ни современного названия страны «Грузия», ни этнонима «грузины», а также и самоназвания грузинского народа «картвелы» и их страны «Сакартвело». Все это, как известно, появляется лишь после распада в 1245 году Абхазского государства, т. е. в период формирования грузинской феодальной народности – картвелы [50, 35, 141; 51, 108; 52, 11; 45, 311, 313–326].

С вводом в научный оборот вахтанговской редакции «Картлис Цховреба» и трудов Вахушти последующие авторы начинают робко и неуклюже пользоваться их «новым вкладом» в текст первоисточников, например, как можно понять слова известного грузинского ученого второй половины XIX века Д. З. Бакрадзе: «Известно, что с конца X-го века цари Грузии титуловались царями не только Абхазии, но и Грузии, Армении и Рани и др.» [53, 5]. Эта алогичная цитата становится вполне понятной, если в ней вместо «цари Грузии» поставить «абхазские цари».

В дальнейшем названный автор и многие другие все чаще избегают таких терминов как «царь абхазов», «абхазское царство», «абхазо-картлийское (карталинское) царство», фигурирующих многократно в летописных сообщениях. Более того, вскоре грузинским ученым удается путем подтасовок, тенденциозных толкований терминов и всевозможных домыслов сфокусировать историческую действительность в нужном им свете. Так, в наименование присоединенной в начале XI века к Абхазскому царству области – «Картли» вкладывается не существовавшее тогда понятие «Грузия». Вместе с тем территориальное понятие «картлийцы» или «карталинцы» отождествляется с понятием «картвелы», «грузины», соответственно этому титул «царь абхазов и карталинцев» меняется на «царь абхазов и грузин» и т.д. В конечном итоге Абхазское царство объявляется грузинским, а абхазы – грузинами.

Александр Широкорад пишет: «…как быть с титулом «царь Абхазии». Поначалу шулеры стали после слова «Абхазия» ставить в скобках «Грузия». Ну, а потом слово «Абхазия» убрали, а слово «Грузия» освободили от скобок… Согласно тифлисской мифологии, Баграт III объединил Грузию и присоединил к ней Абхазию. Как мы знаем, всё было с точностью до наоборот, и в Тифлисе по-прежнему сидел арабский эмир. Но, как говориться, «чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят»… Грузинские и совковые шулеры от истории навязывают нам термин «Грузия» чуть ли с каменного века…» [476, 23].

Искажение истории абхазов особо стало проявляться после трагических событий в Абхазии в 1866, 1877–1878 годы, поставивших абхазский народ на грань исчезновения.

В уже названной книге «Абхазия – не Грузия», изданной в Москве в 1907 году, читаем: «В последнее время целый ряд авторов грузин… выступили пред русской публикой с брошюрами и статьями, доказывающими, что абхазцы живут на «грузинском» берегу Черного моря и Абхазия – грузинская провинция, что абхазский язык и народ – грузинского происхождения…» [54, 1,4].

С этого времени историко-теоретические усилия грузинской интеллигенции по присвоению истории Абхазии и абхазов непременно сопровождаются практическими действиями грузинского правительства, направленными на захват самой территории Абхазии и ассимиляции оставшейся на ней части абхазского на-

рода. С этой целью с конца XIX века организовывается массовое заселение полу опустевшей Абхазии картвельским этническим элементом, а в 1918–1920 годах страна оказывается оккупированной грузинскими меньшевиками. Последние были изгнаны в начале 1921 года, и тогда же Абхазия была провозглашена Социалистической Республикой, однако, спустя десять лет, в 1931 году, по воле Сталина и Орджоникидзе, Абхазская Республика становится на правах автономии составной частью Грузинской ССР. Эта акция, как известно, имела плачевные последствия для абхазского народа. В 1936–1940 годах Абхазия была физически обезглавлена, а ее автономия превращена в фикцию. В это время, а также в 40-х и начале 50-х годов, говоря словами З. В. Анчабадзе: «Берия и его подручные пытались проводить в Абхазии великодержавно-шовинистическую политику. Шовинисты упразднили абхазские школы и ввели в них преподавание по всем предметам на грузинском языке… Проводилась великодержавно-шовинистическая фальсификация истории Абхазии, грузинизация абхазской топонимики, в абхазский язык искусственно вводились грузинские слова, абхазы вытеснялись из руководящих советских и особенно партийных органов и т. п.» [2, 142].

Вместе с тем, в 40-е годы XX в. грузинская историческая наука и политическая конъюнктура достигли такого уровня, когда его деятели начинают ощущать себя не вполне комфортно от явного несоответствия написанной ими истории Грузии с данными первоисточников, и, прежде всего, с древнегрузинскими. В них, как и в других средневековых исторических анналах, вместо желанных терминов «грузины», «Грузия», «Грузинское государство», значатся «абхазы», «Абхазия», «Абхазское государство» и т. д. Механическая же подмена последних первыми не давала желаемого эффекта. Поэтому начались поиски иного подхода к толкованию исторических сведений и терминов. Так, в 1954 году появляется объемный труд грузинского ученого литературоведа П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» [55]. В ней предпринимается попытка доказать, что средневековые и современные абхазы – это два разных народа, что нынешние абхазы в Абхазии пришлый народ, оказывается появившийся здесь лишь только в XVII столетии. Отсюда, – упоминаемые в античных и средневековых источниках апсилы, саниги, абазги, мисимияне,

обезы, абхазы – это грузинские племена. Этноним «абхазы», якобы в средневековье означавший одно из грузинских племен, присвоили нынешние «пришлые» абхазы, являвшиеся сами по себе апсуйским племенем. Эту свою теорию Ингороква подкрепляет огульными соображениями и фантастической грузинской этимологией многих абхазских топонимов. Данная работа была подвергнута жесткой критике известными учеными К.В. Ломтатидзе [56], З. В. Анчабадзе [57, 261–278], Х. С. Бгажба [58, 279–303] и др., что вызвало, в свою очередь, злобную реакцию со стороны грузинских националистов [59]. По поводу книги П. Ингороква, уже в наше время, грузинский ученый, сотрудник Парижского Института политической науки Торнике Гордадзе пишет: «Чтобы доказать, что Абхазия это часть Грузии, грузинские научные работники были вынуждены доказывать, что абхазы являются частью грузинского этноса, потому что для советской науки значение имел только этнос. Результатом такой сложной «научной гимнастики» была и книга П. Ингороква «Георгий Мерчуле» (1954), в которой он совершенно антинаучно обосновывал теорию старых и современных абхазов». Можно лишь сожалеть, что книга Ингороква обрела вторую жизнь в 80-90-х годах с легкой руки грузинских диссидентов» [60].

Теория Ингороква, в отличие от уже существовавших, открыла для тенденциозных исследователей упрощенную возможность выдачи всей истории Абхазии и абхазов за историю Грузии и грузин, и это, как известно, стало делаться и делается до сих пор. Уже изданы в Тбилиси более сотни книг подобного толка. Новым образцом таких фальсификаторских работ стала вышедшая недавно объемная книга В. Гамахария и Б. Гогия «Абхазия – историческая область Грузии» [61]. Не говоря уже о названии самой книги, она, как и другие подобные публикации, пестрит такими «пояснениями», как: «колхи, т. е. грузины», «апсилы, т. е. грузины», «абазги, т. е. грузины», «абхазы, т. е. грузины», «Абхазия, т. е. Грузия или Западная Грузия», «абхазский царь, т. е. грузинский царь», «Абхазское царство, т. е. Грузинское государство» и т. п. [61].

Следует сказать, что не все грузинские авторы всецело придерживаются теории П. Ингороква. Напротив, одни признают этническую индивидуальность абхазов и считают их автохтонным народом Западного Кавказа. Признается также при-

частие абхазов к созданию в VIII веке Абхазского царства, но при этом пишут, как и Вахушти, о чудесном превращении в конце X века Абхазского царства в Грузинское государство. Вместе с тем абхазам и их средневековым царям приписываются большое желание и стремление к созданию единого грузинского государства (С. Н. Джанашия, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, З. В. Анчабадзе и др.).

Придумана также «компромиссная», по сути абсурдная, теория двуаборигенности, по которой коренными жителями Абхазии признаются сразу два народа – абхазы и грузины (М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мусхелишвили и др.).

Перед распадом СССР для грузинских политиков и историков особую значимость приобретает вышеназванная теория П. Ингороква. Они в националистическом порыве публикуют многочисленные брошюры и газетные статьи, в которых бесцеремонно абхазов объявляют пришлым народом, оккупировавшим Абхазию пару столетий тому назад. Поэтому, как они заявляли, абхазы не имеют никакого права на автономию и на саму Абхазию. Так, например, группа грузинских писателей (М. Кахидзе, Р. Мишвеладзе, Т. Мебуришвили, Г. Джулухидзе) пишет: «Используя нашу тысячелетнюю доброту и с нашего вежливого согласия, пару веков тому назад с Северного Кавказа к нам пришли адыгейские племена (апсилы и абазги). Мы пригрели их на нашей грузинской земле… Пришелец из-за гор, покрывший мхом нашу национальную плоть, оспаривает нашу землю» [373]. Один из них (Р. Мишвеладзе) договорился до того, что «… в природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение наивных адыгейцев, придумали для них на территории Грузии абхазскую автономию и в паспортах записали несуществующую национальность – «абхаз» [62, 4].

Еще более показательно выступление бывшего главы Грузии Э. Шеварднадзе на 47-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь, 1992). Он, опасаясь проигрышного для Грузии исхода грузино-абхазской войны, развязанный ею же, просил с высокой трибуны мировое сообщество защитить (5 мл. – *В. К.*) грузин, которые якобы уничтожаются на своей же земле какими-то (100 тыс. – *В. К.*) пришлыми «лилипутами» и «пигмеями» [375].

Комментарии, как говорится, излишни. Остается только подчеркнуть, что все это явилось плодом «достижений» грузинской историографии, выполнявшей, главным образом, политический заказ грузинского руководства всех времен. В заданном направлении она достигла многого. Ее деятели, путем искусных фабрикаций, подтасовок исторических фактов и других недобросовестных приемов, сумели предоставить грузинскому народу и мировому сообществу стройную, на первый взгляд правдоподобную, историю никогда не существовавшего в природе «великого, централизованного, грузинского государства». Вместе с тем они сумели возбудить в грузинском народе великодержавно-шовинистический дух, приведший, в конце концов, к кровопролитной грузино-абхазской войне в 1992–1993 гг. По поводу причин начала этой войны грузинский автор П. Закарейшвили писал: «Самая главная ошибка грузинских властей заключается в том, что недальновидная и преступная политика оттолкнула абхазов от властей Грузии, от которых им только и приходилось слышать, что абхазский народ – это пришедшее откуда-то население, и поэтому абхазы должны вести себя как подобает гостям» [63,6].

Фальсификация истории абхазов, как уже сказано, изначально происходила путём уничтожения и искажения первоисточников. Так, были уничтожены уже в наше время, т. е. в период грузино-абхазской войны, Абхазский институт с его уникальным архивом, музей Н. А. Лакоба с его архивом, также преступно был сожжен Государственный архив Абхазии и т.д.

Как говорят «нет худа без добра» – в результате развязанной грузинским руководством в 1992 году войны, абхазы из положения «гостей» на собственной исторической родине вновь превратились в независимых хозяев своей страны. У народа появилась возможность свободного развития и правдивого освещения своего прошлого и настоящего.

Так, с 1993 года, начинается новый период Истории Абхазии.

За короткое послевоенное время, несмотря на тяжелые последствия войны, на сожженные и разграбленные научно-исследовательские учреждения, архивы, научные библиотеки и другие обстоятельства, абхазским ученым удалось сделать многое.

Перед войной и во время боевых действий абхазоведами публикуется множество статьей и брошюр в ответ на тотальное иде-

ологическое и военное наступление интеллигенции и руководства Грузии на абхазов.

В 1992 году выходит брошюра И. Марыхуба «Об абхазах и Абхазии», переизданная в дополненном виде в 1993 г. [64], им же составлен и в 1994 году издан свод важнейших документов по истории Абхазии XX столетия под названием «Абхазские письма» [65]; издаются также и другие книги автора, среди которых и монография «Очерки политической истории Абхазии» (2000 г.) [66].

В период военных действий, т. е. в 1993 году, публикуются работы акад. Б. Е. Сагария «О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии» [67] и брошюра известного кавказоведа Ю. Н. Воронова «Абхазы – кто они?» [68]. Монография же последнего – «Колхида на рубеже средневековья», изданная в 1998 году, явилась одной из важнейших абхазоведческих публикаций [69]. В том же 1993 году выходит и работа С. З. Лакоба «Столетняя война Грузии против Абхазии» [70], далее автор выдает ряд интересных публикаций, таких как «Асланбей» (1999 г.) [71], «Ответ историкам из Тбилиси [72] и др.

Трудно переоценить важность для абхазоведения и таких очередных послевоенных трудов проф. Ш. Д. Инал-ипа, как «Садзы» (1995 г.) [73], «Антропонимия абхазов» (2002 г.) [74].

Активно продолжает работать и опытный историк, проф. А. Э. Куправа. Актуальны и содержательны его монографии «Из истории абхазской традиционной культуры» (1998 г.) [79], «Из истории абхазской антропонимии» (2003 г.) [76], «Вопросы традиционной культуры абхазов XIX–XX вв.» [366] и др.

Представляются значительным вкладом в абхазскую историографию такие работы Т. А. Ачугба, как «Этническая революция в Абхазии» (1995 г.) [62], «Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы» (Сборник материалов в двух томах) [77], [78], «О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии» [79], «Этническая история абхазов XIX–XX вв.» [367] и др.

Ученый, осторожный политик, бывший секретарь Абхазского обкома партии по идеологии М. Ш. Хварцкия издает в 1997 году принципиально важную работу – «История фальсификации или фальсификация истории» [80], наглядно показывающую всю негативную сторону абхазо-грузинских отношений XX столетия.

Ряд важных вопросов абхазской истории освещаются в исследованиях Е. К. Аджинджал «Из истории абхазской государственности» (1996 г.) [8], «Из истории христианства в Абхазии» (2000 г.) [82], «Приоритеты исторического абхазоведения» (2005 г.) [83], «Отитулатуре абхазских царей» [488] и др.

Несомненно, значительный интерес представляют для кавказоведов работы абхазских ученых предвоенного поколения: Г. Гумба «Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках» (1994 г.) [52], «Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтии Мровели» (2003 г.) [240], «К вопросу идентификации р. Эгрисцкали Джуаншера Джуаншериани» (2004 г.) [322] и др.; В. Ф. Бутба «Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (2001 г.) [84], его же «Труды» (2005 г.) [85]; Д. К. Чачхалиа «Абхазская Православная церковь» (1997 г.) [86], «Хроника абхазских царей» (2000 г.) [87]; Л. И. Цвижба «Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке» (2001) [378].

С начала же 2000-ного года уже увидели свет целый ряд крупных монографий абхазоведов: Г. А. Амичба «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (VI–VIII вв.)» (1999 г.), [88], его же «Абхазия в эпоху раннего средневековья» (2002 г.) [89], его же «Труды» (на абх. яз. 2004 г.) [90]; Г. К. Шамба «Абхазия в I тысячелетии до нашей эры» (2000 г.) [91], «Древний Сухум» (2005 г.) [92]; автора этих строк «*Аҧсны атопонимика*» (2003 г.) [93], «Историческая и современная топонимия Абхазии» (2006 г.) [94]; Т. Ш. Гыцба «Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп» (на абх. яз. 2002 г.) [95], его же «Страна древних абазгов» [382]; В. К. Ворошилова «Топонимы Российского Черноморья» (2005 г.) [96], «Убыхи» (2006 г.) [97]; Иеромонаха Дорофея (Дбар) «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (2005 г.) [98], его же «Православная церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее» (2012 г.) [368]; Вячеслава Бигуаа «Абхазский исторический роман» (2003 г.) [99]; О. В. Маан «Абжуа» (2006 г.) [100], его же «Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии» (2012) [376], «Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов» (2014 г.); [484] и др.; А. Ф. Авидзба «Отечественная война (1992–1993)» [380], его же «Абхазия и Грузия: завтра была война» [381], «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии

(1992-1993 гг.)» [485]; В. М. Пачулия «Грузино-абхазская война 1992-1993» [391].

В 2005 году, наконец, вышла эпохальная, глубоко выстраданная монография А. Л. Папаскир «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» [49], в которой впервые, на основе глубокого анализа первоисточников и надуманных разными авторами теорий, высвечена неконъюнктурная абхазская концепция на всю историю Абхазии.

Недавно также изданы: большая монография Р. Х. Агуажба «Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи…» [488], название которой говорит само за себя, и многоплановое исследование М. Х.–Б. Кишмахова «Проблемы этнической истории и культуры убыхов» [416].

Несомненно, также являются значительным вкладом в абхазоведение коллективные монографии «Абхазы» (2007 г.) [369], (второе издание – 2012 г.) [374]; «Искусство Абхазского царство VIII–XI веков» [383]; сборники материалов по истории Абхазии – «Абхазия и абхазы в Российской периодике» (составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.), Книга I [384], Книга II [385]; «Материалы по истории Абхазии XIX века», т. I [386], т. III [388]; «Абхазия – документы и материалы (1917–1921 г.г.)» [389], «Материалы по истории Абхазии Советского периода», т. I [390], а также новый учебник по истории Абхазии, (сост. О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба) [398] и др.

В послевоенный период наблюдается продвижение и в абхазской лингвистике, в частности, как в области грамматики, так и в лексикологии и лексикографии.

В 2003 году увидела свет монография академиков Ш. К. Аристава и Л. П. Чкадуа «Грамматика абхазского языка» [101].

В отделе языка Абхазского Института выполнены и изданы: проф. В. А. Касландзия «Абхазско-русский словарь» (в двух томах) [102], С. Б. Начкебия «Абхазско-русский археологический словарь» [103], А. Д. Хеция «Словарь спортивных терминов» [104], Л. Х. Саманба «О границах полисемии и омонимии» [105], «Лексические и лексико-грамматические омонимы абхазского языка» [106], Б. Г. Джонуа «Заимствованная лексика абхазского языка» [107], а также вышеназванные работы автора по абхазской топонимии и др.

Вместе с тем абхазскими языковедами Т. П. Шакрыл, В. М. Бганба, А. Д. Хеция, Л. Р. Хагба, Э. К. Килба, Н. В. Аршба публикуется целый ряд важных статей по различным проблемам абхазского языкознания.

Плодотворно работает уже именитый абхазский лингвист, докт. фил. наук, академик В. А. Чирикба. Им опубликованы такие важные работы как: «Баскские и северокавказские языки» (1985 г) [594], «К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке» (1998) [493], «Расселение абхазов и абазин в Турции» (2012) [597] и др.

Представляют также значительный интерес и выполненные в АГУ работы абхазских лингвистов: Р. К. Гублиа «Абазо-адыгские этимологии» (2004 г.) [108], «Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках» [551], «Очерки по абхазской этимологии» [556] и др.; работы профессора О. П. Дзидзария «Морская лексика в абхазском языке» [147], «Море и абхазы» [592], «Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках» [593], «Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков» (2005 г.) [109] и др.

В 1993 году в Карачаево-Черкессии выходит довольно актуальная работа С. Х. Ионовой «Абазинская топонимия» [110], а также «Абазинские фамилии и имена» [425]. Над проблемами абхазских (абазских) языков плодотворно работают за рубежом известные ученые З. М. Габуниа, Дж. Хиют и др.

Однако, несмотря на очевидные достижения абхазской лингвистики, она, к сожалению, как и в целом кавказское языкознание, еще не вполне готова отвечать на все историко-культурологические запросы абхазоведения. Находится еще в зачаточном состоянии историко-этимологическое исследование абхазских (абазских) языков. Предстоит сделать еще многое в изучении культурно-отраслевой и контактной лексики, ономастики и т.д. Все это довольно актуально, ибо, как известно, язык является важнейшим памятником, наиболее ярко отражающим этнокультурную историю любого народа, его этническим лицом.

Автор в данной работе ставит перед собой сложную задачу – состыковать различные исторические свидетельства с доступными ему данными абхазских (абазских) и других языков, и, таким образом, попытаться проследить пути этнокультурного и исторического развития абхазов и абазин с древнейших времен.

В заключении хочется выразить благодарность моим коллегам: академикам О. Х. Бгажба, Т. А. Ачугба, проф. О. П. Дзидзария, специалисту по древней истории Кавказа Гумба Г. Д., а также директору Абхазского Института В. Ш. Авидзба, прочитавшим рукопись работы и сделавшим ценные замечания и пожелания.

Признателен также О. В. Маан и Р. Х. Гожба – за предоставление отдельных материалов, и абхазскому филологу В. Б. Агрба – за перевод с грузинского на русский язык целого ряда текстов и цитат, представлявших для нас интерес.

Не могу вспомнить с благодарностью и набиравших технически довольно сложный текст этой работы: Л. Чамагуа, Х. Ардзинба, А. Гурцкая, а также И. Шоуа, практически являющуюся редактором данной работы.

Естественно, не могу не выразить свою благодарность также акад. З. Д. Джопуа за изыскание возможности издания данной работы.

Наконец, о ссылочном аппарате. В целях экономии и удобства пронумерована использованная в работе литература: в тексте в скобах первым указывается номер источника, а затем через запятые – страницы, далее через точку и запятую – номер и страницы следующего источника в том же порядке.

* * *

В данном издании (V том «Собрание трудов») автором существенно переработана Глава IX.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ АБХАЗИИ

Человеческая часть истории любой территории начинается с начального этапа заселения ее людьми.

Абхазия, без преувеличения, является одним из регионов нашей планеты, где ранее всего появляется человеческое общество. Об этом свидетельствуют многочисленные, разновременные, древнейшие археологические памятники, открытые и довольно хорошо изученные многими как местными, так и зарубежными, именитыми археологами на протяжении последних ста лет. Эти открытия обобщены и подвергнуты цельному историческому анализу в работах известных кавказоведов С. Н. Замятнина [111], Л. Н. Соловьева [112], А. Л. Лукина [128], З. В. Анчабадзе [20], М. М. Трапш [113], Ю. Н. Воронов [392] и др.

Как полагают ученые, территория Абхазии и сопредельные с ним районы Черноморского побережья не случайно оказались местом обитания первобытных людей и последующего формирования человеческой культуры. Для этого здесь имелись определенные предпосылки. Территория Абхазии –довольно своеобразная часть Кавказского Причерноморья. Она отличается своей природной спецификой. Сочетание Главного Кавказского хребта, прикрывающего Абхазию от вторжения с севера холодных воздушных масс, и Черного моря, являющегося источником тепла и влаги, создают здесь микроклимат, близкий к субтропическому. Богатая растительность, наличие ресурсов питания растительного происхождения, разнообразие дичи, богатый водный ресурс, масса пещер и гротов представляло этот край наиболее подходящим местом для обитания первобытных людей и последующего развития человеческого рода.

Древнейший период человеческой истории, как известно, именуется *палеолитом* (по- греч. *палайос* – древний, *литос* – камень), т. е. древний каменный век. Эпоха палеолита делится на *ранний палеолит*, *средний* и *поздний*.

1. Палеолит. По общепринятой периодизации человеческой истории начальный период становления первобытного общества относится к палеолиту (т. е. древнекаменному), охватывающему огромный промежуток времени – от 800 тысяч лет до 40 или 50 тысяч лет до нашей эры. Это самый длительный этап становления человеческого общества. Палеолит делится на ранний (*ашель),* средний (*мустье)* и поздний [245, 12]. Название *Ашель* и *Мустье* связаны с именами местечка Сант-Ашель в Северной Франции, а также деревни и пещеры Ле-Мустье на юго-западе Франции, где впервые были найдены орудия древнейшего типа [20, 6].

Согласно исследованиям археологов, памятники (каменные орудия) Ашельской эпохи в Абхазии появляются около 400–300 тыс. лет назад.

Археологические памятники ашельского периода обнаружены в Абхазии и в сопредельных с ним районах в предгорьях, возвышающихся над современным уровнем моря на 80–110 м. [392]. Объясняется это тем, что уровень Черного моря находился тогда примерно на 60 м. выше современного.

Из ранних (ашельских) памятников Абхазии наиболее древними и значительными являются стоянки первобытных людей в долине Восточной Гумисты и на горе Яштух, открытые археологами в 1958 году. Яштухская стоянка, пользующаяся широкой известностью в научном мире, занимает около 70 га. Здесь обнаружено большое количество образцов рукотворных каменных орудий труда: миндалевидные массивные рубила, отбойники, отщепи от камней (нуклеусы), кремневые острия, скребла, прополки. По всей Абхазии были обнаружены десятки древнепалеолитических местонахождений домустьерского периода: в Гагрском районе – с. Псахара (быв. Колхида), Гечрипш (быв. Леселидзе), Амзара (быв. Хейвани); в Гудаутском р-не – с. Анхуа (Анухва), Кюр-дере (вблизи Нового Афона); в Сухумском р-не – с. Нижний Яштух (Яштуха), горы – Бырц (*Бырцə)*, Гвард (Гуарда) и Апианча; в Очамчирском р-не – с. Отап (Уатап); в Галском р-не – с. Чубурхиндж и др. [111, 9-13; 20, 8].

2. Средний палеолит – мустьерская эпоха. Наиболее важным периодом становления человека считается эпоха мустье, обозначаемая и как «средний палеолит». Памятники культуры мустье в Абхазии представлены гораздо шире, чем памятники предшеству-

ющей эпохи. В настоящее время здесь зафиксировано свыше 100 пунктов находок мустьерских орудий [34, 16]. Они обнаруживаются преимущественно в низменной части морского побережья, в таких населенных пунктах как: Лыхны, Гудаута, Лечкоп, Келасур, Багажиашта, Очамчира, Моква, Елыр (Илори), Ачгуара, Гал (Гали) и в других местах. Это объясняется исследователями уже произошедшим тогда снижением уровня Черного моря. Вместе с тем также установлено, что начало мустье совпало с наступлением так называемого рисского оледенения, приведшего к резкому изменению климата. Наступившие сильные холода ускорили выработку способов искусственного добывания огня. Огонь становится жизненной необходимостью, важнейшим фактором выживания людей этой эпохи. Тогда же возрастает значение пещер, гротов, как места укрытия и проживания. Об этом свидетельствуют исследованные археологами пещерные стоянки первобытных людей на территории Абхазии и в сопредельных с ним районах: Ахштырская на р. Мзымта, Навалашинские 1-я и 2-я на р. Кудепста, Хостинская и Воронцовская на р. Хоста, Ацинская на р. Ац (приток р. Соча) [114, 100-101; 115,30-34], Мачагуа в абхазском селе Хуап, Акуи (вблизи Нового Афона), гроты – Апианчская, Хупынипшахва и др. [34, 17-18, 21]. В эпоху мустье значительно усовершенствуется методика изготовления каменных орудий. Появляются наконечники копий из камня, пользуются копьями и рогатинами. Всё это делает занятие охотой более продуктивным. Мясо становится всё чаще употребляемой пищей. Объектами охоты выступают пещерные медведи, бизоны, олени и др. животные. Вместе с тем собирательство остается традиционным занятием первобытных людей.

В дальнейшем переход от дородовой общины к матриархальному общинному устройству сопровождался разделением труда по полу и возрасту. Главным занятием мужчин становится охота, а собирательство преимущественно остается в руках женщин, подростков и маломощных людей [20, 23]. Внутри матриархально-родовых общин, состоявших из родственных групп людей, объединенных единством происхождения, а также общностью хозяйственной и духовной жизни, происходят существенные изменения и в характере брачных отношений полов. Вместо существовавших в дородовом обществе беспорядочных внутриродовых брачных связей

возникает и укрепляется экзогамия (внеродовой брак), являющийся непременным условием существования родовой общины.

В мустьерскую эпоху произошли существенные изменения и в физическом облике человека. Согласно утверждению ученых, мустьерский тип людей не был на земле изначальным.

Древнейший человеческий род в науке принято называть архантропы (от греч. «первоначальные люди»), со временем их сменяют палеоантропы («древние люди»). Последние в эпоху мустье трансформируются в неандертальцев –ближайших предков современных людей. Как известно, само же обозначение этого типа древнейших людей происходит от названия немецкой деревни Неандерталь, где впервые были обнаружены их кости. Считается, что неандертальцы гораздо лучше владели речью, чем их предшественники. Следует заметить, что не просто труд и освоение огня выделило человека из животного мира, как общепринято считать, но и появление на основе инстинкта самосохранения и трудовой деятельности возможности мышления и, вместе с нею, способности знакового и знако-звукового общения. По поводу происхождения человеческой речи (языка) в разное время высказывались разнящиеся точки зрения как языковедами, так историками, психологами и представителями других специальностей. Современный уровень науки позволил ученым сделать общепринятое заключение о том, что язык неразрывно связан с мышлением. Возникая и развиваясь вместе с мышлением, язык является его основным и специфическим орудием и его материальной опорой. В словах и словосочетаниях откладываются и материально закрепляются результаты работы мышления и познавательной работы человеческого общества на всем протяжении его существования. Такому заключению предшествовали не только теоретические исследования ученых, но и всевозможные практические работы (опыты) и наблюдения над животными, главным образом над обезьянами, с целью выяснения биологических предпосылок возникновению речи. Мало кто знает, что такие работы долгое время проводились и в Сухумском питомнике обезьян Института экспериментальной медицины СССР. Выводы ученых этого института были обобщены в объемной книге Н. А. Тих «Предыстория общества» [116]. Установлено, что обезьяны, в отличие от других животных, сравнительно широко пользуются, как средством общения, жестику-

ляцией, мимикой, звуками. Исследователями зафиксировано более 30 биологических звуков обезьян, таких как: звуки общения («*ы-ы*»), зова («*у, оу*») опаски и подчинения («*ак-ак*» или «*ах-ах*»), опасности («*е*», «*ее*»), агрессии («*хы*» – «*ххы*»), звуки обыскивания («*ц-ц-ц*»), обращения взрослого к детёнышу *(«мля-мля»),* обращение слабого к сильному («*бла-бла*» или «*ала-ала*») и т. д. [116, 187-200].

В. В. Бунак писал, что речь возникла на основе звуков, свойственных высшим антропоидам, но не аффектных криков, а аффективно-нейтральных жизненных шумов, сопровождавших обыденные акты поведения. К ним он относит звуки хрюканья, аканья, еканья, мляканья, уханья, хмыканья и другие [117, 27]. Правы, видимо, и ученые, считающие, что аффектные звуки, звуки детско-биологического происхождения так же могли составить основу будущих слов первобытного человека [118]. С появлением у древних людей способности ассоциации естественных звуков с ситуациями, при которых они произносятся, эти звуки превращаются в знаковые единицы – слова, означающие соответствующие им ситуации и действия. Таким образом, появляется первоначальный скудный словарь антропоида. В дальнейшем этот словарь пополняется, благодаря дальнейшему развитию мышления и способности повторять звуки природных явлении и окружающей среды, как обозначения их источников. Например, в абхазском языке такие слова как *ан* «мать», «самка», *аб* «самец», *ам* «еда», *а-мла* «голод», похоже, имеют детско-биологическое происхождение. Вполне вероятно, что и указательные местоимения *а-на* «там», *а-ни* «тот», «то» также происходят из детской речи и связаны с местонахождением матери.

Явно же звукоподражательными (звукоизобразительными) являются такие слова как: *цәа (ацәа-ра)* «сосать»*, а-ԥша* «ветер»*, а-дыд* «гром» – *адыд-ра* «греметь»*, а-гәыргәыр-ра* «шуметь», *ԥсы* «вода», а-бжы «жук», *а-ҳәа* «свинья», а-ғәыр-ра «хрюкать», *а-ҳәыҳә* «голубь», *а-хьажь* «сойка», *а-шәи-шәи* «индюшка», *а-какара* «кудахтать» и многие другие. Слова, напоминающие как по звучанию, так и по содержанию биологические звуки антропоидов и слова звукоподражательного происхождения, присутствуют во всех языках мира. Они составляют общую роднящую их начальную основу.

Язык получает дальнейшее развитие уже в результате удвоения одного знакового звука [119, 228], а также сложения (комбинации) различных знаковых основ. Удвоение основ, как один из древних важных приёмов абхазского словообразования, отмечено в работах ряда ученых, и примеров тому более чем достаточно [120, 115–135; 121; 122, 280–330].

Вероятно, в конце среднего палеолита уже существовали в разных уголках планеты прообразы (стартовые основы) современных языковых групп, носителями которых являлись отдельные матриархально-родовые общины, получившие свое развитие в следующую эпоху.

Люди же конца позднего палеолита качественно отличаются от своих предшественников как усовершенствованными орудиями труда, охоты и собирательства, так и гораздо более обширным, разносторонним словарным запасом и более развитой речевой системой. По этому языковому пласту можно судить о древнейшей истории человеческого общества и о путях языкового строительства.

Известный исследователь палеолитической культуры Л. Н. Соловьев не без основания считал, что абхазский язык – один из древнейших живых языков, может служить исключительно ценным источником для освещения некоторых сторон жизни первобытного человечества [112, 74]. Например, он относит к глубочайшей старине абхазо-абазинское сложное слово *ашьанӡа* «кремень» буквально «кровь выводящий» (точнее «кровь наносящий» от «*а-шьа* «кровь» и *нӡа* «наносящий» – *В. К.*). Он также считает древнейшим и название самшита – *ашыц*, переводимый им как «белый зубец» (из *аш* «белый» и *ац* «зуб, клык») или «белый наконечник», который усиливал действия примитивнейшего копья – заострённой палки (однако *ашыц* может восходить к *асыц*, бзыб. *ас'ыц,* которое переводится как «зубец копья» «наконечник копья» – от *а-са* «короткое копье», «меч» (при *ас-ра* «бить») и *ц* «зубец», «кончик» – *В. К.*).

Представляет также интерес увязка автором двух значений абхазского слова *аԥса «*пихта» и «копье» (точнее «наконечник копья», «пика», «штык» – *В. К.*). Он пишет: «Ветви пихты (*аԥса* – *В. К.*) в основании сильно обогащены смолой и образуют сучок очень твердый с двумя острыми концами, из которых один входит в мягкую древесину ствола, другой в ветку. Когда упавшее дерево

сгнивает, эти острые сучки выпадают. ... Они очень тверды, а по своей форме напоминают веретенообразный наконечник копья, подобный древнейшим костяным копьям верхнего палеолита» [112, 73, 74].

Похоже, что к нижнеполеолитической эпохе восходит целый ряд и других абхазских (абазских) слов, как:*ахаҳə* из *аҳаху* «камень», букв. «камень-ручка» или «камень дерево» (от *аҳа*«камень» – *аҳа-цҳа* «каменный мост», *аҳа-ша* «известняк», букв. «белый камень и т.д.»; *аҳаԥы* «пещера», «скальный навес», *аҳаӡа* «грот», букв. «под камнем»; *аҳаƙьа* плоский камень с углублением в середине для растирания продуктов питания, букв. «плоский камень», *аҭып* «стоянка»; *а-ҭзы* «стена», букв. «укрывающее место» или «укрытое место», что в дальнейшем приобретает и значения «дом», «семья»; основа глагола *а-ҭаа-ра* «посещать кого-чего-л.», «приходить» – *ҭаа* осмысливается как «посещаемое место» «место посещения» или как «место – люди» (от *ҭ* «место» и *аа* «приходить», срав. *аа-ра* «приходить» или от *аа* – показатель множественного числа класса людей). Похоже, что этой основой первоначально обозначались общее место обитания группы людей, а так же и сама группа. В дальнейшем от основы *а-ҭаа* образуется гл. *а-ҭаа-ра* «приходить к кому-чему -л.» и существительное *аҭаа-цəа* «род» – «семья», где *цəа* также является показателем множественности класса людей. Возможно от этой же основы и *ахəшҭаа-ра* «очаг» [123, 155–158]. Категория подобных слов, несомненно, составляет древнейший пласт любого языка, они в более первозданном виде выявляются в проязыках современных языковых групп. Этот языковой пласт является также важным свидетельством истории людей древнего каменного века, как и археологические памятники того же периода.

3. *Верхний палеолит. Родовое общество.* Следующую за нижним и средним палеолитом археологическую эпоху принято называть Верхним или Поздним палеолитом. Примерно она охватывает период от 40 до 14–12 тысяч лет тому назад.

На территории Абхазии известно более 10 стоянок верхнепалеолитического времени.

Наиболее значительные находки обнаружены в селах: Гума (Михайловское), Лечкоп, Яштуха (близ Сухума), Отап (Очамч. р-н), Гал (Гал. р-н), а также в пещерах Ква-чара (условное назва-

ние) и Хупынипшахва (близ с. Цебельда, Гулр. р-н). Выявленные здесь и в других местах орудия труда свидетельствуют о том, что в эпоху позднего палеолита получает более высокое развитие техника обработки камня. В кремневый инвентарь вышеназванных стоянок входят ножевидные пластины, скребки на концах удлиненных пластин, боковые резцы с краевой ретушью, массивные нуклевидные скребки и скобели. Многие из этих памятников обнаруживаются над культурным слоем эпохи мустье [13, 57]. Вместе с тем, в этот период связь расположения поселений с речными потоками не прослеживается уже так отчетливо, как это было ранее [111, 9–18].

К числу наиболее замечательных памятников конца позднего палеолита относятся находки в гроте Хупынипшахва: выпрямитель для стрел и дротиков, изготовленный из плоско обточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя, и образцы арнаментированных постоянных гарпунов, предназначенных для рыболовства. Здесь же обнаружены останки ископаемого человека рассматриваемой эпохи [20, 27, 30; 23, 61].

В целом же палеолитические памятники Абхазии, как отмечают ученые, проявляют генетические связи с нижним палеолитом Черноморского побережья Малой Азии. По этому поводу З. В. Анчабадзе пишет: «Верхнепалеолитическая культура на Кавказе и в прилегающих районах Передней Азии отличается удивительным однообразием, что позволяет сделать заключение об общих этнических чертах её носителей» [21, 12].

В период позднего палеолита происходят важные изменения как в технике изготовления орудии труда, так и в формах хозяйства, образа жизни, общественных отношениях и в самом физическом типе человека. Значительно повышается продуктивность охоты – в результате усовершенствования метательного оружия (копья, пики, дротики) и изобретения лука и стрелы (абхазо-абаз. х*ыри-хыц*; детский вариант в абхаз. *ахыци а-ахумпали*). Последний факт имел огромное историческое значение в жизни первобытного человека. По этому поводу Энгельс писал: «Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации» [124, 30].

Наряду с охотой получает свое развитие рыболовство. Значительную роль играет накопленный опыт собирательства. Всё это,

а также запрет внутриродовых кровосмесительных брачных связей, улучшение возможностей языкового общения и мыслительных способностей, привели к появлению в позднепалеолитическую эпоху человека современного типа Homo Sapiens разумный человек), пришедшего на смену своему предку-неандертальцу [20, 30]. Тогда же завершается процесс становления родового строя – матриархата, в котором женское начало, материнский род становятся определяющими. Прекращение брачных связей между членами обособленного материнского рода привело не только к биологическому усовершенствованию человека, но и к сближению между собой представителей разных общин, а в дальнейшем и к формированию племени (племён), являющихся более сложной социально-экономической организацией. Экзогамный порядок брачных связей, действовавший в полную силу и в эпоху патриархальных отношений, и ныне соблюдается в определенной степени многими народами [125, 20–104], в том числе абхазами [23, 446]. Последние и сегодня придерживаются тех же правил, о которых говорил еще Г. Ф. Чурсин: «Лица, принадлежащие к одной фамилии, не могут вступать в брак, хотя бы они происходили из различных районов Абхазии и находились в самых отдаленных степенях родства» [126, 159].

Как полагают ученые, родовые общины конца позднего палеолита жили уже в условиях более продолжительной, чем раньше, оседлости. В то же время зарождаются примитивные формы домостроительства, вместе с тем человек начинает одеваться в скромную и сшитую одежду, о чем свидетельствуют обнаруживаемые в большом количестве кремневые и костяные острия – проколки, а также костяные иглы с отверстиями для нитей [20, 32].

4. Мезолит. Переходной этап от палеолита к неолиту принято называть мезолитом (т. е. средний каменный век). Он датируется примерно XIII–VI тысячелетиями до н. э.

В Абхазии мезолитические пласты выявляются в пещерных стоянках предыдущих периодов – Квачара и Хупынипшахва (р-н с. Цебельда), а также на горе Яштух и в других местах. В этом периоде обычный позднепалеолитический инвентарь пополняется усовершенствованными образцами костяных гарпунов, грубыми прототипами топора, долота, рубанков и других хозяйственных предметов. Однако наиболее важными являются находки (при-

митивные зернотерки, мотыги, тёрочники и др.), указывающие на появление зачатков земледелия, а может быть и скотоводства [127, 194].

В рассматриваемый период общество продолжает жить правилами матриархально-общинного строя. Расширяется круг людей, связанных кровным и брачным родством. Сообразно этому расширяется и состав меж общинных союзов – будущего племени.

5. Неолит. Промежуток времени, охватывающий примерно VI-IV тысячелетия до н. э., известен в науке под названием неолита или новокаменного века. Не без основания он считается исключительно важным периодом в истории человечества. В эту эпоху «люди изобрели глиняную посуду, научились изготовлять полированные каменные орудия, освоили способы сверления и пиления камня и, что особенно важно, стали активно переходить от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В неолите появляются домашние животные, и распространяется земледелие» [20, 38].

Образцы неолитического инвентаря обнаружены в Абхазии в районе г. Очамчира, вблизи Сухума (Гуадиху), на северной окраине г. Гудаута (у устья р. Кистрик), в поселке Адзалагарахук (с. Лыхны) и в других местах.

Среди выявленных на территории Абхазии неолитических селищ наиболее изученным и значительным является Кистрикское, располагавшееся на морском берегу в северо-западной части г. Гудаута. Кистрикское поселение, охватывающее около 6 га, было открыто еще в конце 40-х годов известным археологом А. Л. Лукиным [128], и в дальнейшем оно исследовалось долгое время В. Бжания [129]. Сегодня можно говорить о том, что насыщенность, многообразие и выразительность кистрикского археологического материала ставит это неолитическое селище в ряд древних памятников мирового значения. Создательницей и носительницей этой археологической культуры являлась развитая матриархальная родовая община, напоминающая уже племя, и бытовавшая на этой территории в продолжение длительного времени [20, 50]. Именно к неолиту ученые относят расцвет матриархально-родового строя. Эта эпоха отличается от предыдущих периодов не только более развитыми материальной культурой, общественными отношениями и расширением видов хозяйственной деятельности, но и довольно высоким уровнем возможностей языкового общения и развитием

религиозных воззрений. К этому времени люди, общавшиеся на более или менее понятном языке, занимали значительные территории. Их словарный запас был довольно обширным. Сформировались основы систем современных языковых групп.

Довольно интересный языковой пласт, касающийся матриархально-родового строя, можно выделить в абхазском и абазинском языках. Уже отмечалось, что в названных языках от слова *ан // ана* «мать» могут быть производными указательные местоимения *а-на* «там», *ани* «тот», «то» (см. выше), а также, похоже, от этой же основы и древняя абхазо-адыгская глагольная основа *ны-ƙə (а-ныƙəа-ра)* «ходить» (букв. «отрываться от матери»). Термин *а-н // а-на* «мать», «породительница» со временем приобрел и значение «покровительница» → «бог», а отсюда и слова *аныҳəа* «моленье», «праздник» – *аныҳəара «*молиться», букв. «просить мать (покровительницу)», т. е. «молиться матери – покровительнице» (от *ан* «мать» – «породительница, покровительница» и *ҳəа-ра* «просить, умолять»). В значении «породитель, покровитель (покровительница→бог)» основа *ан* присутствует в именах покровителей (богов) отдельных отраслей животноводства: *Джаб-р-ан* (абхаз. *Џьабран)-* покровитель мелкого рогатого скота, *Жабр-ан* (абхаз. *Жəабран)* – покровитель крупного рогатого скота, *Аҷыышьашь-ан-* «покровитель коневодства». З. В. Анчабадзе допускал, что и абхазское слово *анышə* «земля», «почва» в основе своей может иметь понятие «мать» («ан»). Отсюда и богиня земли и плодородия мыслилась в образе женщины. В период созревания урожая абхазы проводили «*нанхва*», т. е. моление в честь великой матери плодородия земли (20, 52). Несомненно, от той же основы *ан* «мать», «породительница», путем ее удвоения производно, слово *Анана* – упрощенно *нан // нана* «бабушка», букв. «мать+мать», т. е. «мать матери». Ныне оно сохраняется в виде обращения бабушки к внукам и матери к детям, а также в названии праздника *нанҳəа*, посвященного богине плодородия *Анан // Нан* (*нанҳəа* – из *нан+ныҳəа,* букв. «моление (богинь) нан», т. е. «моление прародительнице». От уже сложного образования нан // нана «бабушка», «прародитель» с помощью прилагательного *ду* «большой(ая)» образуется новое слово *нанду* «прабабушка», букв. «большая бабушка», от последнего *нанду* происходит и следующий термин этого ряда *нанду ду* «прапрабабушка»,

букв. «большая прабабушка». Позже, по такой же модели, создаются обозначения отцовской линии: *аб // аба* «отец» – отсюда *баба* «дед», т. е. «отец отца», баба+ду «прадед, т. е. большой дед», *бабаду ду* «прапрадед» – его вариант «*дадуы*» – из *дад ду* [130, 12]. С распадом большой родовой семьи наиболее старшими членами отделившихся ячеек становятся дед и бабушка, в связи с чем позже в абхазском языке за ними больше закрепляются термины *анду* или *нанду* «бабушка», в прошлом же – *нанду* «прабабушка», *абду* или *бабаду* «дед» (первоначально «прадед»).

В период матриархата культ породителей, т. е. матери, бабушки, прабабушки, становятся настолько развитым, что они возносятся в ранг богов – покровителей. Объединяли их и общим термином, имевшим форму множественного числа *Анцәа* «боги», букв. «матери», т. е. «породители», «покровители», что в конце-концов становится у абхазов и абазин именем единого бога – *Анцәа*.

Представляет интерес и целый ряд других абхазских терминов родства, несомненно восходящих к периоду матриархата: *анхәа* «свекровь», «теща» и более позднее – *абхәа* «свекор», «тесть» (трактуются некоторыми учеными как «кривая мать», «кривой отец» [131, 93], похоже, восходят к *анҕәа* «вторая мать» и *абҕәа* «второй отец», где окончание *ҕә-а* является древней формой современного числительного *ҧы (ҧ-ба)* «два»;

аншьа «дядя по матери», букв. «брат матери» (*ан* «мать» + *шьа* «брат», «кровь») – *аншь-цәа* «родня матери»;

абиашьа «дядя по отцу» –*абиашь-цәа* «родня отца», наличие в составе этих терминов, в отличие от первой *аншьа*, классного показателя второго л. ед. числа *и* «его» (*аб-иа-шьа*) свидетельствует о их более позднем происхождении, как это и должно быть;

амаҳә «зять» (существующие варианты этимологии см. [132, 259–260; 133, 128] – исходной формой может быть *анаҳә*, осмысливающийся как «проситель матери (жены)» (от *ан* «мать» и глагольной основы *ҳәа – аҳәара* «просить», «умолять»). Отсюда словосочетание *маҳәра цара*, т. е. «идти к родственникам жены», первоначально же – *анҳәара цара,* буквально «идти просить мать (жены)», что вполне вписывается в матриархальные отношения, в положение мужа, зятя этого времени;

амҳара – название небольшого строения круглой конфигурации для новобрачных, которое могло иметь место как на террито

рии рода жены, так и, на территории стороны мужа [134, 254-260]. Этимологически *амҳара* осмысливается как «не слышать», однако *амҳара* может быть и из *анҳара*, которое уже переводится как «место матери-главы» – от *анҳа*, букв. «мать-глава».

С древним материнским родом связываются и происхождение ряда современных родовых имен (фамилий), как *Ануа, Анаа* (ед. ч. *Анба*), переводится как «люди матери» (*уа* «люди» *аа* – суффикс множественного числа класса людей), имя же *Нанаа* буквально означает «Бабушкины», а *Нанба* «Бабушкин» – (*В. К.*).

В эпоху материнского родового строя словарь людей значительно пополняется и за счет слов – терминов, возникавших в результате трудовой деятельности. Видимо, к тому времени относится формирование в абхазском языке орудивного суффикса *«га»*, с помощью которого создаются наименования различных орудий труда. Например: *арпыга* «палка с крюкообразным концом», букв. переводится как «то, чем рыхлить (землю)» – из глагольной основы *а-рпы* от *арпра* «разрыхлять» и орудийного суфф. *«га»,* последнее, т. е. *арпы-га,* сохраняется и как название части куринного тела – куринной крючкообразной кости – *арпыга*; срав. *аԥхны-га* «камень для растирания продуктов питания»; *аԥҟа-га* «режущий инструмент», букв. «то, чем режут»; *аԥҽы-га* «то, чем ломают»; *аҟы-га* «долото», букв. «то, чем долбят, дырявят»; *аҿа-га* «тяпка», «мотыга»; *аҳәҳәа-га* «грабли»; *ажы-га* «лопата» и т.д. Словарь людей рассматриваемого периода насыщается и другими категориями слов – видовыми названиями животных и растений, обозначениями небесных тел, природных явлений и многими другими. В целом же язык в тот период представляет собой уже довольно развитое системное образование.

Матриархально-родовой строй оставил глубокий след и в устной народной словесности. К числу замечательных памятников древности относится абхазо-адыгский Нартский эпос. В нем речь идет о большой родовой семье, состоящей из 99 братьев и одной сестры, управляемой их общей матерью *Сатаней* (об эпосе см. [135; 136; 137, 128–161]). Главная сила матери – героини заключается в сбыточности ее желаний, изречений, проклятий, что вполне может быть указанием на этимологию самого имени, *Сатԥанеи* из *Ҫатԥанеи,* буквально переводимое как «доходящее (сбывающееся) изречение», где *=ҫатԥа* «изречение» (*аҽатԥа-хьа*

«обет», «клятва»), и *неи* букв. «доходящий» т. е. «сбывающееся, исполняющееся».

Неолит является концом огромной по времени палеолитической эпохи. Археологическая культура Абхазии этого исторического периода обнаруживает как самобытные истоки, так и определенные связи с аналогичной культурой близлежащих и более отдаленных от нее регионов. Академик Б. Б. Пиотровский писал: «Кавказ, в частности Закавказье и Восточный берег Черного моря, представляется нам одним из центров древнейшей человеческой культуры, связывающим звеном палеолитических культур Средиземноморья с Северным Причерноморьем» [138, 24].

Известный палеолитчик А. А. Формозов же поздний палеолит Кавказа (в том числе Абхазии) и Приазовья объединял в одну культурную область с палеолитом Передней Азии [139, 51].

6. Энеолит. В IV тысячелетии до н. э. неолит, т. е. новокаменный век, сменяется новой археологической эпохой. Это так называемый энеолит или период меднокаменного века. На это же время приходится и переход от матриархата к патриархату [113, 59].

Судя по многочисленным и разнообразным археологическим материалам эпохи энеолита, в жизни людей того времени происходят крупнейшие изменения. Суть этих изменений состоял не только в употреблении неизвестных ранее металлических изделий, но и в том, что на смену охоте и собирательству, составлявшим основу существования людей предшествующего периода, приходят земледелие и скотоводство. О сочетании примитивного земледелия со скотоводством свидетельствуют находки кремневых вкладышей серпов, каменных мотыг, зернотерок, зёрен пшеницы и ячменя, керамической посуды, костей крупного и мелкого рогатого скота [24, 68].

Охота и рыболовство продолжают играть заметную роль для людей энеолитического периода. Среди находок имеется немало прекрасно отретушированных кремневых наконечников стрел и дротиков, а также грузила для рыболовных сетей и ткацкого станка, просверленный рог, представлявший иглу для вязания сетей, обнаруживаются следы жилых и хозяйственных помещений. Ученые допускают, что в этот период уже были в употреблении лодки, на которых люди плавали в мелководном заливе и на небольших глубинах у морского берега. Медные изделия в Абхазии впервые

были обнаружены при раскопках дольменов в селе Эшыра вблизи Сухума. Дольмен, именуемый у абхазов *адамра*, представляет собой древнее монументальное наземное погребальное сооружение, сложенное из огромных каменных плит, четыре из которых ставились на ребро, образуя как бы комнату, а пятая, самая большая плита, клалась сверху. В передней стене дольмена делалась круглое отверстие, затыкавшееся большой каменной пробкой. Дольмены такого типа обнаружены и в других пунктах Абхазии (с.с. Азанта, Ачандара, Отхара и др.), а также и в других местах северо-западного Кавказа. Они служили на протяжении длительного времени и в период ранней бронзы для последовательных захоронений, скорее всего, племенных вождей. Строительство дольменов северо-западного Кавказа датируется III–II тысячелетием до н. э. Из нижнего слоя дна местных дольменов происходят вислообушные топоры, пластинчатые медные ножи, наконечники копий и своеобразные крюки, имеющие аналоги в материалах дольменов сопредельных районов [113, 61].

Как отмечают археологи, энеолитическая культура Абхазии, и в целом Кавказа, проявляет также близость к энеолетической культуре Передней Азии [21, 20], дольмены же Западного Кавказа увязываются с аналогичными памятниками Средиземноморья [405, 223].

Представляют интерес так же и языковые факты.

Медь обозначается в абхазском языке словом *абюа*, созвучным с другим абхаз-абаз. словом *баҩы // бҩы* «кость». Абхазо-абазинское *а-бҩа* «медь», несомненно, родственно *биа* «медь» древнеегипетских текстов III тыс. до н. э. [141, 84], что позже закрепилось в некоторых языках в значении «железо», «руда» [142, 210]. В абхазском же языке медная руда обозначалась словом *аҳабҩа,* букв. «камень-медь» (от *ҳа* «камень»), что ныне сохраняется в качестве названия рудоносной горы в Гудаутском районе – *Ҳабҩы*. Значительными памятниками медно-бронзового века являются известные Башкапсарские (г. Башкапсара) медные рудники в верховьях р. Бзыбь, функционировавшие, предположительно, с конца III тыс. по VIII в. до н. э.

В эпоху энеолита и освоения металлов завершается переход от матриархальных отношений к патриархальным. Усиливается процесс социальной дифференциации общества, выделения

племенной аристократии. Тому свидетельство – появление с середины III тысячелетия курганных насыпей и дольменов с погребениями племенных предводителей. В ту пору основной социальной единицей общественного устройства становится патриархальная семейная община, в которой частнособственническое начало все более и более растет и укрепляется. Семьи, связанные общей отцовской линией (патронимии), объединяются в более крупные единицы – в патриархальный род. Объединения родов составляют племя, народ.

Подобная структура общественного устройства оставила свое отражение в языках и этнографических пережитках разных народов, в том числе и абхазов.

По этому остаточному отражению, как отмечали Ш. Д. Инал-ипа и З. В. Анчабадзе, можно говорить о том, что элементарную клетку общества у абхазов составляла отдельная семья «*аҭаацәа*»: ближайшие родственные семьи объединялись в своеобразные патронимии, которые назывались «*абиҧара*» (досл. «сыновство по отцу»); объединение патронимии составляло «братство» («*аешьара*»). Совокупность последних составляла патриархальный род в собственном смысле, именовавшийся «*ажәла*» (букв. семя)… Все члены *ажәла* считались братьями. Совокупность родственных и соседних патриархальных родов – *ажәла* составляла племя, «народ» – «*ажәлар*» (множ. число – от «*ажә-ла*» букв. семена, т. е. род – *В. К.*)» [20, 102; 23, 403–405].

Главу семьи и рода именовали *а-хы* «голова», т. е. «глава»; *аҭаацәа рхы* «глава семьи», букв. «семьи их голова (глава)» – где *р* – классный показатель 3 лица, мн. числа «их», *ажәлантә рхы* «глава рода (однофамильцев)». От слова *а-хы* образован другой социальный термин – *ахада* «правитель», «начальник», а ныне и «президент», который, видимо, восходит к *ахы аҭа* «давать голову», т. е. «дающий направление», «управляющий» (срав. глаг. *ах(ы) аҭара* «давать направление», «управлять»).

С объединением родов, образованием племен появляется более могучее, избранное (признанное) лицо, управляющее всеми главами родов. Такое лицо предками абхазов и абазин было названо *аҳ, аҳа,* букв. «высший», «большой» (срав. совр. *аҳа-ра* «высота», «вершина», *аҳа-рак* «высокий»). Примечательно, что тогда как высшее должностное лицо именуется *аҳ* «высокий» (ныне

«князь», «владетель», «царь»), подчиненные ему люди называются *алаа,* букв. «низы», «нижние люди».

В рассматриваемый период основой политической надстройки патриархально-общинных отношений и внутриплеменного устройства, а также племенных союзов становится так называемая «военная демократия». Как отмечал Ф. Энгельс: «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [124, 164].

К пережиткам типичной военной демократии ученые относят, например, решение важнейших вопросов на народном сходе – у абхазов *ажәлар реизара,* букв. «собрание родов», где также на время военных походов выбирали себе военных вожаков – *«аԥыза»* [20, 105]. Видимо к этому времени в абхазском языке закрепляются и такие термины как: *аибашьра* «война», «воевать», букв. «убивать друг друга» (где *аи-* преверб взаимности и *ашьра* «убивать»), *ақәыла (ақәылаҩ)* «нападающий», «разбойник» – *ақәылара* «нападать», «разбойничать», *апҟара* «бить», и «побить кого-л.», *хьыӡрацара* «идти в поход», букв. «идти за славой». Тогда же появляется и термин *а-тәы* (первонач. *аты*) «раб», букв. «принадлежность», причем рабами могли стать как отдельные представители рода, племени, так и целое племя. Захваченная территория вместе с людьми обозначалась *атәыла* – из *атәыра (атыра,* букв. «владение» – в дальнейшем «страна», отсюда *атәылрбгара,* букв. «разрушить страну», сохраняющееся ныне в абхазском языке в переносном смысле «совершать что-нибудь грандиозное». Видимо, в то же время определенное развитие получает мореходство [144, 145]. В связи с этим представляют интерес отдельные термины из разветвленной абхазской лексики мореходства [146, 189–211, 177]. Например, *амшын* «море» –*амшын ныҟәара* «ходить по морю», *аӡсара* «плавать» – из *аӡцара*, букв. «ходить по воде», *арра* «переплывать, переходить (реку, море)» – отсюда *арга* «средство для переплытия», *ашхәа* «лодка» и «куриная лопата» – *ашхәар* «морской отряд», *амар* (*ҳамар)* «челнок ткацкого станка», увязывающийся с названием лодки *камар* у гениохов – предков абхазов и абазин (см. ниже), *ажәюа «*весло», *аԥра* «парус» и др.

В период расцвета военной демократии значительно расширяется круг отраслей хозяйственной деятельности человече-

ского общества. Возрастает значение гончарного производства «*аҳаԥшьаԥҿра»,* ткаческого ремесла *«асра»,* пчеловодства *«ашьхаазара»* и, в особенности, земледелия *«аарыхра»* и животноводства «*арахәаазара*». Причем пчеловодство и ткацкое ремесло становятся в основном женским занятием. Важностью этих женских занятий в жизни предков абхазов и абазин обусловлено возникновение образов богов-покровителей: *Анана-Гәында* «Богиня пчеловодства» и *Ерыш* «Божество ткацкого ремесла», *Кәыкәын (Кукун)* «Покровительница льноводства и хлопководства». От занятия пчеловодством получали – *ацха* «мед», *ацәа* «воск»; ткацкого ремесла – *ашлых* «льняные полотна», *абырфын* «шелк», *аласалых* «шерстяные ткани», «сукно», ковры – *«акыдыршәыла», «аԥәыршә», «ауарҳал»,* и различные веревки – *«ашаха», «ашашәа», «ачапырхәа»* и др. Они готовились не только для внутреннего пользования, но, как отмечают многие авторы, являлись предметами экспорта [23, 260–265]. Еще древние писатели (в частности Ксенофонт) отмечали превосходные качества колхидского льна и льняного полотна, а Геродот писал, что колхи обрабатывают лен, и что колхидское полотно у греков носит название сардонического [23, 260; 215, 256]. В связи с этим обращает внимание близость основы названия колхидского полотна *сарды* (сарданический) с абхаз. *асыртԥы* или *асыртԥа (асра* «ткать») «ткацкий станок», «ткацкий цех». Большим спросом также пользовались, как и в недавнем прошлом, веревки, изготовленные из конопли, известные у соседних народов под названием «абхазских» [149, 198].

Сырьевую базу ткацкого ремесла составляла продукция животноводства (овечья шерсть, абх. «*аласа*»), земледелия (лен. *«аш»* и конопля «*аԥәны»,*а также хлопок *«абымба»)* и шелководство *«аҟанҵааза̀ра».*

Энеолит, фактически являвшийся зарёй медно-бронзового века, сменяется в конце IV тыс. временем бронзы.

В эпоху бронзы получают своё дальнейшее развитие земледелие и скотоводство, являвшиеся тогда, и в последующие периоды, ведущими отраслями народного хозяйства. Они на протяжении длительного времени определяли как общий уровень, так и специфические черты развития культуры того или иного этноса.

На территории Абхазии наиболее изученным и значительным по своему содержанию считается Очамчирское селище ранней

бронзы, датируемое, примерно, серединой III тыс. до н. э. [140, 6, 5]. Судя по многочисленным и разнообразным археологическим материалам селища, основными чертами хозяйства этой эпохи были – земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, ткачество, керамическое производство, обработка камня, кости, торговля и т. д.

Земледелие становится значительно более продуктивным с началом использования тягловой силы и сохи для обработки земли. В абхазском языке соха вместе с ярмом обозначается словом *ацəматҭəа*, букв. «бычье одеяние». Соха же в отдельности именовалась *аԥəыхəа* (бзыб. *аԥəахəа)*, восходящее к названию примитивного земледельческого ручного орудия *аԥəыхəа* «палка с крючкообразным, заостренным концом» букв. «кривая (согнутая) палка». Отсюда, видимо, и глагол *ацəаҕəара* «пахать» – от *аԥəаҕəара* «черкать», «взрыхлять», «соскабливать» [23, 232]. Представляет также интерес абхазское название ярма *ауҕə, ауыҕу* «*ау(ы)гу»,* родственное груз. *уҕели,* мегр. *уҕи, сван. уҕва*, которое некоторые языковеды возводят к реконструированному индоевр. iug – «ярмо» [150, 186]. Однако довольно соблазнительно видеть в абхазском *а-у(ы) ҕə* «ярмо» более древнюю форму *ԥыҕə* (срав. индоевр. lug) или *ҕəыҕə,* букв. «две доски», «две перекладины», где *ԥы- основа числительного –ԥба* «два» и *ҕəы* «доска». Такая семантика термина вполне соответствует древнему виду ярма, которое составлялось из двух обтесанных досок – перекладин, одна из которых ложилась на шеи тягловой пары животных, другая же закреплялась снизу под шеей путем связывания (закрепления) ее с верхней перекладиной, с фиксацией боковых сторон на шее животного. Интересно, что у абхазов нижняя доска такого ярма именовалась *аԥаԥҕə,* букв. «подложная доска», (т. е. нижняя доска) получившая и переносное значение «основа», «основание», «подоплёка».

Судя по археологическим материалам, на территории Абхазии в рассматриваемый период имели распространение, в той или иной степени, разные сельскохозяйственные культуры, в том числе хлебные злаки – пшеница, просо и др. В абхазском языке хлеб и пшеница обозначается словом «*ача*», белое просо – «*ашы*», а чумизу именуют *ахəыдз* или *абыстҭа* (последнее из абхаз. название мамалыги– *абыстҭа).* Похоже, абхазам была известна и пол-

ба (особый вид пшеницы) под именем «*аԥш»,* название которой позже было перенесено на кукурузу – *«аԥш».* Это слово вряд ли можно отделить от названия особого вида полбы «бешо», которую выращивали египтяне во времена Древнего царства [141,22].

Очевидно, у предков абхазов и абазин в прошлом, на протяжении длительного времени, наиболее употребляемой была пшеница «*ача*», отчего и возникли десятки производных от этой основы других абхазских слов: *ача* «хлеб», «пшеница», «рожь» – *ачарʒ // ачарыц* «пшеничное зерно», *ачажәла* «семена пшеницы», *ачха* «колос хлебный», *ачашыла «*пшеничная мука», *ачара* «есть», «насыщаться», *ачара* «свадьба», «застолье», *ачеи-ԥьыка* «хлеб – соль», *ачыс* «мучные изделия», «пища», *ачаҕьа* «крошка», *ачшәар* «поджаристая корка», *ачашә «*сырники*»,* «пирог с сыром (хачапур)», *ачаԥь* «блинчики», *ачгьахьа* «скоромный», *ачгара* «поститься», *ачафага* «средство существования», *ачахра* «откармливание», *ачарҕә* «деревянная лопата», «хлебная лопата», «хлебная доска», *ачарҭа // ачатҧра* «хлебное поле», *аҽаԝра* «урожай» из *ачаура*, букв. «возделывание пшеницы», *аҽбыга // ачапыга* «коса с обоюдоострым лезвием» *(аҽ-быга*, срав. с абаз. *аҽа* «трава», «сено»), *ачаала,* бзыб. *ачалаа* «коса», *ачаз* «хлебная солома», «мякина», *ача* «перепелка», *ачалт* «борона», *ачачра* «молотить», *ачачаб* «плетенка из хлебных или кукурузных стеблей», *ачаƙәа* «куча», «стог хлебных стеблей» и др. [151, 116].

Занятие земледелием нашло свое отражение также в абхазском лунном календаре и пантеоне, так, например: у абхазов май месяц обозначается «*лаԥамза» // «лаԥарамза»,* букв. «месяц сеяния», август «*нанҳәа*», т. е. «месяц моления богине плодородия», сентябрь «*абԥара»,* то есть «месяц сбора проса». Значительными божествами земледелия являлись: *Нан* «великая богиня плодородия», именуемая также названием посвященного ей праздника *Нанҳәа* из *Нан ныҳәа,* букв. «моление (богине) Нан»; *Џаԥа* (Джаджа) «покровительница посевов»; *Кәыкәын* (*Кукун)* – покровительница льноводства и хлопководства.

Высокий уровень развития ткаческого ремесла и земледелия предполагает и широкое развитие животноводства. На это указывает наличие в археологической культуре Абхазии рассматриваемого периода множества бронзовых фигур почти всех видов

домашних животных, а также элементов конского снаряжения. Вместе с тем, существующие этнографические описания культуры животноводства у абхазов [243; 23, 204–225] и анализ связанной с нею широко разветвленной лексики [151] дают возможность утверждать, что животноводство в эпоху бронзы уже являлось одним из ведущих видов хозяйства абхазов и абазин. Оно развивалось по отраслевому принципу. Разведение мелкого рогатого скота «*аԥсаса»* шло по двум направлениям – *аԥьмаазара* «козоводство» *(аԥьмахьча* «козопас») и *ауасаазара* «овцеводство» (*ауасахьча* «чабан») – оба направления имели одного бога-покровителя – *Ԥабран,* букв. «Бог (покровитель) коз». Разведение крупного рогатого скота *«ашьамаҟа»* именовалось *«ашьамаҟаазара»* (пастух же *«ажәахьча»*, букв. «пастух коров»), покровителем этой отрасли являлся *Жәабран* «Бог коров». Далее: *аҽаазара* «коневодство» *(аҽыхьча* «табунщик») –*Аҽышьашьан «*Покровитель коневодства*»; аҳәааазара* «свиноводство» *(аҳәахьча* «свинопас») – *Аҳәараҳ*«Покровитель свиноводства»; *алаазара* «собаководство» (*алахьча* «псарь») – *Алышькьынтыр* «Покровитель собак». Все животноводческие божества представлялись частями семидольного великого бога обновления природы размножения и особенно скотоводства – *Аиҭар* [152, 23–24].

Таким образом, анализ древних археологических материалов Абхазии и сопредельных с ним районов и соответствующие им языковые факты убедительно говорят, что в эпоху медно-бронзового века широкое развитие получают не только культура металлургии, но и гончарное производство, ткацкое ремесло, земледелие, животноводство и связанные с ним человеческое миропонимание.

В дальнейшем бронзовая металлургия и металлообработка достигает своего расцвета в Абхазии в VIII–VI вв. до н. э. Здесь производятся бронзовые боевые, парадные, гравированные топоры, разновидные кинжалы, дугообразные фибулы – застежки, пластинчатые пояса, гравированные ритоны, различные бронзовые культовые предметы и т. д.

В период поздней бронзы территория Абхазии входила в так называемую «колхидско-кобанскую металлургическую провинцию», ареал которой совпадал с ареалом распространения абхазо-адыгских племён от Геленджика до Орду (Турция) [245, 39].

В период расцвета бронзовой металлургии в Абхазии начинает зарождается и металлургия железа. Железные изделия появляются здесь в VIII в. до н. э. В VII–VI вв. до н. э. в Абхазии научились целенаправленно, с помощью цементации, превращать железо в сталь, которая могла воспринимать закалку (подробности о металлургии железа см. [379]). Открытие железа и способов его закалки оказали, как известно, огромное влияние на развитие всех сфер человеческой деятельности.

Об интенсивном занятии абхазов в прошлом производством металлов и кузнечным ремеслом, а также о значимости этого занятия в их жизни говорит культ кузни и нахождение в абхазском пантеоне бога–покровителя металлургии и кузнечного ремесла *Шьашәы (Шашвы)* [365, 587, 589]. На это же указывает широкий круг металлургической, кузнечной терминологии в абхазском языке (подробно об этом, см. ниже, главу VI, § 5).

ГЛАВА II

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЭТНОГЕНЕЗА АБХАЗО–АБАЗИНСКОГО НАРОДА – «АБАЗА»

§ 1. О родстве и особенностях кавказских языков

Язык, как основной этнический показатель, является и основным материалом, отражающим историю и особенности этногенеза того или иного народа. Изучение какого-либо народа, как отмечал еще П. К. Услар, без знания языка его немыслимо [153, 7].

Как известно, языки народов мира по признаку родства группируются в различные языковые семьи. Одним из них является и кавказская семья языков.

В понятие «кавказские языки» (или в прошлом иберийско-кавказские языки) объединяются три отдельные языковые группы: абхазо-адыгская, нахско-дагестанская и картвельская.

Генетическая общность кавказских языков была отмечена еще П. К. Усларом. В 1864 году он пишет: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить ещё совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты (без армянского и осетинского)» [359, 465].В дальнейшем другому известному языковеду Н.С. Трубецкому удалось выявить ряд черт, характерных, как для абхазо-адыгской группы, так и для восточно-кавказских языков, т. е. нахско-дагестанских. Так зародилась в XIX веке теория родства кавказских языков, которая и ныне находится на стадии разработки. По мнению же ряда ученых, родство кавказских языков всё ещё остается не вполне доказанным [154, 10].

По этому поводу А. С. Чикобава писал: «Иберийско-кавказские языки (т. е. кавказские языки – *В. К.*), в нынешнем их состоянии резко

расходятся между собою вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение: так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т.д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни грамматических классов. Более того, даже языки одной группы обнаруживают различия по существенным моментам: в адыгейском, лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргийского языков категории грамматических классов играет важную роль» [155, 223].

Вместе с тем кавказоведами выделено немало лексических параллелизмов и звукосоответствий в этих языках, проявляющихся на уровне древнейшего языкового пласта. Делаются интересные попытки реконструкции общекавказской, прежде всего северокавказской (абхазо-адыгской и нахско-дагестанской) языковой основы [156; 157].

Более отчетливо определена степень родства языков абхазо-адыгской группы.

Данная языковая группа состоит из пяти западнокавказских языков: абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского и кабардинского (кабардино-черкесского). Они же представлены тремя подгруппами: абхазской, адгыской и убыхской.

Языки абхазо-адыгского семейства роднит, прежде всего, общность фонетического строя, характеризующегося простой системой гласных и богатством согласных фонем. Консонантизму абхазо-адыгских языков свойственны различия твердых и мягких фонем (в том числе среди шипящих), нелабиализованных и лабиализованных, наличие шипяще-свистящих аффрикат и спирантов, материальных спирантов [164, 80].

По морфологическому типу абхазо-адыгские языки относятся к агглютинативным языкам. Иначе говоря, здесь в основном слова образуются путем присоединения стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням. Проявляется общность и в других формах словообразования. Немаловажным фактором является связывающие эти языки общий полисинтетический тип

глагола. Ему присущи такие морфологические категории, как: переходность – непереходность, статичность – динамичность, финитность – инфинитность, лицо, число, время, наклонение, побудительность, версия, непроизвольность, возвратность, союзность, совместность, взаимность [164, 82].

В основном однообразен и синтаксис западно-кавказских языков. Здесь налицо номинативная эргативная и инверсивная конструкция простого предложения. Сравнительно-историческое изучение абхазо-адыгских языков выявило также немало (около 250) общих лексических основ. Общими являются обозначения личных местоимений «я», «ты», «вы». В число лексических параллелей входят отдельные названия частей тела, некоторые числительные и термины родства, а также ряд названий предметов и явлений из области неживой природы, названий растений и животных, орудий труда, глаголы, прилагательные [165, 48-54].

Вместе с тем, судя по остальному языковому материалу, распад абхазо-адыгского проязыка произошло в далеком прошлом. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Общность основных терминов кровного родства при отсутствии совпадений названий, выражающих более поздно возникающее родство по свойству (за исключением одного слова – «зять»), а также расхождения таких важных с культурно-исторической точки зрения лексических единиц, как бронза, железо, лен и т.д., свидетельствуют о том, что абхазский и адыгские языки разошлись по путям своего самостоятельного развития очень рано, еще задолго до эпохи классической бронзовой культуры. Вместе с тем, судя по некоторым оригинально-абхазским нартским личным именам (*Нарӷьхьоу, Хәажәарӷыс* и др.), можно предполагать, что уже в эпоху создания самого ядра нартского эпоса происходило формирование и выделение абхазского языка как особой единицы [24, 347].

На временные рамки распада проязыка могут указывать и результаты сопоставления абхазо-абазинской животноводческой терминологии с аналогичным в адыгских языках. В них выявляются ряд совпадений в видовых названиях животных. Однако, здесь вовсе нет параллелей в названиях, различающих животных по полу, возрасту, цвету, упитанности и другим признакам. Нет так же общих основ и в группе терминов, связанных с практической деятельностью человека по разведению и использованию домашних животных, а также и мясомолочной продукции. Все это дает основание

думать, что распад западно-кавказского языка – основы произошел в глубокой древности – в начальной стадии развития скотоводства, примерно в IV тысячелетии до н. э. [151, 128, 129]. Таким образом, можно полагать, что в IV тыс. до н. э. абхазский и адыгский ветви проязыка уже стояли на отдельных путях своего развития. Стало быть и их носители, т. е. предки абхазов и предки адыгов, так же представляли собой обособившиеся этнические образования.

В научной литературе существует немало высказываний по поводу возможной генетической связи проязыка кавказских народов (абхазо-адыгского и нахско-дагестанского) с хаттским и хуррито-урартским языками древней Малой Азии и языком басков Испании.

Например, целый ряд таких ученых как: Э. Форрер, И. М. Дьяконов [158, 11, 166–176], И. М. Дунаевская [159, 73–77], Г. Г. Гиоргадзе [160, 189, 206], Г. А. Меликишвили [161, 169, 168], О. Н. Трубачев [162, 35], М. А. Кумахов, В. Г. Ардзинба [361, 7-20] и другие усматривают генетическую связь носителей абхазо-адыгских языков с хаттами. Значительное внимание уделяет данному вопросу и исследователь проблемы этногенеза абхазов Ш. Д. Инал-ипа, в работе которого освещаются все известные материалы, связанные с данной проблематикой [24, 122–166].

Мнение о возможном родстве кавказских языков с баскским также не ново. Оно озвучено такими известными учеными как: Г. Шухардт, А. Тромбети, Н. Я. Марр, К. Боуда, Р. Лафон, В. Георгиев, И. М. Дьяконов, Ю.В. Зыцарь, В. А. Чирикба. Последним, т. е. В. Чирикба, не так давно опубликована интересная работа, посвященная отдельным фактам лингвистических соответствий между баскским и северокавказскими языками. Выявленные этим автором и другими учеными звукосоответствия представляются весьма существенными для обоснования родства этих языков [163, 95–104], но пока же это родство не считается несомненно доказанным.

§ 2. Абхазо-абазинские языки, наречия, и о наименованиях их носителей

В западно-кавказских языках эту подгруппу составляют собственно абхазский, абазинский, которые еще находятся вблизи диалектного различия. По своему составу убыхский язык зани-

мает промежуточное положение между абхазскими и адыгскими языками.

Абхазский и абазинский языки ныне подразделяются на четыре наречия: абжуйское, бзыбское, ашхарское и тапантское. Принято считать первую пару абхазскими диалектами, а вторую пару – абазинскими. К абхазским наречиям следует относить и, практически уже исчезающий, садзский говор.

Вместе с тем очевидна более тесная связь ашхарского диалекта абазинского языка с южно-абхазскими наречиями, а тапантского диалекта, составляющего основу современного абазинского языка, с садзским (джигетским) наречием.

В целом же все эти диалекты базируются на общей фонетической, морфологической, лексической и грамматической основе. Имеющиеся же в них некоторые различия являются результатом разновременных (неравномерных) фонетических, семантических и грамматических сдвигов, а также влияния на них языков соседствующих народов. Поэтому, с точки зрения исторического развития абхазского языка, можно говорить об абазинском и садзском наречиях, как о диалектах абхазского языка. [40; 41].

Абхазский язык выделяется, прежде всего, многообразием своей фонетики. В отдельных его диалектах, в том числе и в абазинском, число согласных звуков доходит до 80 [393, 30–31]. Действующий абхазский алфавит обозначает 56 согласных фонем и 6 гласных. Из шести гласных (*а, е, и, о, у, ы)* первичными и основными являются *а* и *ы*, они же представлены в древних корнесловах типа открытого слога.

Одним из отличительных черт абхазского языка является отсутствие склонения имен. Вместе с тем, богатство глагольных форм как бы восполняет в абхазском языке отсутствие изменения имен по падежам. Нет также родового деления существительных, если не считать показателей мужского и женского рода в отношении человеческой личности.

В абхазском языке имя, как правило, маркируется префиксом *а*, чего нет в абазинском и других родственных языках.

Наиболее интересной и вместе с тем сложной формой абхазо-абазинской речи является глагол. Главнейшие его особенности – полисинтетизм и полиперсонализм. Это означает, что в одной глагольной форме выражены не только субъект действия, но и объект,

на который распространяется действие. В состав глагола – сказуемого включаются личные местоимения, локально-пространственные префиксы, связывающие глагол – сказуемое с подлежащим, дополнениями, обстоятельствами [311, 3; 312, 223; 313, 123]. Таким образом, абхазский глагол является и носителем существенных синтаксических функций. Он может отражать в своей структуре весь строй абхазского предложения [314,9].

Абхазский язык в целом – давно сложившийся системный язык, с оригинальной формой строя речи, восходящий своими корнями к глубокой древности. По этому поводу акад. Н. Я. Марр отмечал: «Абхазский язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописей, имеющих сейчас изначальную дату почти шесть тысяч лет» [49, 45]. Далее Н. Я. Марр приходит к выводу о том, что «абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи. Он, среди родственных с ним языков, занимает ту ступень, который английский занимает среди европейских» [294, 63].

Абхазы непрерывно пользуются собственной письменностью со второй половины XIX века (с 1862 г.), а абазины с 1933 года. Вместе с тем, существует немало материалов, указывающих на существование у них и более древней письменной традиции [25; 49, 48-50; 24, 258].

До второй половины XIX века все носители абхазских (абазских) диалектов и наречий осознавали себя единым народом и называли себя в разное время общими именами: *аԥаса // абаза*, во множ. числе *аԥаса-қәа // абаза-қәа*или же *аԥса-уаа // абза-уаа; абаза // аԥаса,* усечено *аԥса,* во множ. ч. *апса-р, апса-қәа, аԥса-цәа, аԥса-уа, аԥс-уаа* отсюда и название всей территории (страны) их обитания – *Аԥсны* [394, 127; 9, 109, 123–124; 367, 29]. При этом каждое сообщество выделяло себя из общей этнической среды отдельным локальным именем. Другим же народам все они (в том числе и убыхи, занимавшие по языку промежуточное положение между абхазами и адыгами) были известны также под общими названиями *абаза* или *абхазы* [217, 479–480; 11, 77–79]. Кабардинцы и другие самоуправлявшиеся адыгские общества к народу *абаза* причисляли и *абадзехов, шапсугов, натухайцев*, называя их *абадзе-чиль*, буквально означающее «абазские народы». Именем *абаза* иногда

обозначали также *бжедугов, махошевцев* и *жанеевцев* [167, 10, 11], что, похоже, указывает на их абазские корни.

Ареал распространения абхазов и абхазского (абазского) языка в различные периоды истории был разным и всегда выходил далеко за пределы современной Абхазии. Так, например, во времена Абхазского царства VIII–XIII вв. устойчивыми границами Абхазского царства (стало быть и распространения абхазов) являлись «…р. Нечепсухо (Никопсия)– на севере: Сурамский хребет – на юго-востоке: Главный Кавказский хребет – на северо-востоке: р. Чорох (Апсара) – на юге; Черное море – на западе» [374, 67].

После распада Абхазского царства, согласно сообщению итальянского мисионера Иоана де Галонифонтибуса, абхазы компактно проживали в Абхазии между Черкесией и Мигрелией [603, 18,1 9]. В XVI же веке Сигизмунд Герберштейн находит около Меотийских болот и Понта при реке Кубань абхазские поселения. В частности он пишет: «…около болот Меотиды и Понта, при реке Кубани, впадающей в болото, живет народ Афгазы…» [395, 2, 159–160].

Известный турецкий ученый-путешественник Эвлия Челеби, побывавший в 1641 году во всех регионах Абхазии (Абаза) и вполне различавший грузин, абхазов и адыгов, помещает между рекой Риони (Фаша) и Анапой 25 крупных абхазских этнографических обществ [1,49–56] и фиксирует образцы абхазской речи.

По утверждению М. Пейсонеля, занимавшегося в 1750–1762 гг. исследованием Черноморского побережья Кавказа, абхазы или абаза в его время проживали между Суджуком (Новороссийск) и Мегрелией [396, 29]. Об этом же пишет и Гюльденштедт [399]. Согласно этим и другим авторам ареал распространения абхазов и абхазского языка и влияния Абхазского княжества к началу XVIII века охватывали Черноморское побережье от Анапы или р. Кубань до р. Ингур, атак же и часть сопредельной с Абхазии территории современной Карачаево-Черкессии. В известном энциклопедическом труде, изданном в 1788 году под названием «Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон», читаем: «*Абхазы»* – вольный и многочисленный народ, живущий в Кавказских горах, язык которых ни с каким из известных, как только с черкасским некоторое, но и то небольшое сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном их

языке *Абсне* называется; татереж, турки и черкасы называют ее Абаза, а грузины Абхазети… В прежние времена жил народ сей только по западной к Черному морю примыкающейся стороны Кавказских гор, по рекам прямо в сие море между Кубанью и Енгури впадающим. Последняя река отделяет его от *мегрельцев*. Большая часть народа живет и до ныне в сей стране, и составляют уезды: Хирпис, Чаши, Садз, Аибга и Ахшипса… За сими уездами, кой полуденно-западную часть Абхазии составляют, следуют на северо-запад уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с Черкасскими уездами Бжана и Гатукай граничат… Третия малая часть абхазского есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между Черкасскими уездами Кабардою и Безленом реку Куму, верхней части Кубани и впадающие в Кубань реки Инджик и Уарпа или Арпа занимает, и живет по линии от Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно» [178,2-4].

Вышеприведенное описание границ Абхазии и расселения абхазских обществ в основном совпадает также с данными авторов первой половины XIX века: Гамба [400, 87], барона И. К. Аш [23, 357], Хан Гирея [175, 57, 76, 82], Люлье [167, 9], Дж. Белла [217, 479, 480], Броневского [6, 326–328] и др. Все эти сведения подкрепляются турецкими, французскими, немецкими и русскими картами XVII–XIX веков. На них территория Абхазии указывается раздельно под названием *Большая Абхазия* и *Малая Абхазия*. Большая Абхазия на французской карте Делисле (1723 г.) – GRANDE ABAZA ou ABKASIE [401, К–7], на немецкой карте (1802, 1804) – Der CROSSEN ABASA –ABSNE [402, К– 8], на русских (1770–1825 гг.) – *Большая Абхазия* или *Большая Абаза* помещается на Черноморском побережье между реками Ингур и Кубань [403, К–9; К–10; К–11]. В них же *Малой Абазой* («Petite Abasa», «Kleine Abasa», или «Малая Абхазия или Абаза») именуется северо-кавказская часть Абхазии, располагавшаяся на территории современной Карачаево-Черкесии [94, 7–10].

На карте Кавказских земель (1823 г.), [404, К–12], составленной известным исследователем Кавказа С. Броневским, также указываются пределы страны *Абхазия* или *Абаза,* соответствующие сделанному им же словесному описанию границ Абхазии. Согласно последнему, в начале XIX века *Абхазия*, или *Абаза,* граничила «к

юго-западу с Черным морем, к северу с черкесами закубанскими, к северо-востоку с Кабардою, в горах на полдень с карачаевцами, к востоку с Мигрелией». В другом месте Броневский пишет: «Абхазы живут на берегу Черного моря, начиная от реки Ингур …. до Геленджикского залива и немного далее. Сия часть … называется Юго-западная или Большая Абхазия …Часть, лежащая по северному и северо-западному наклонению гор, названа Северною и Северо-восточной Абхазиею», известная и под именем Малой Абазы [6, 326, 328], т. е. Малой Абхазии.

Вместе с тем, по причине того, что абхазо-абазины в прошлом занимали значительный по длине берег Черного моря, последнее, т. е. Черное море, также именовалось «*Абазинское море»,* т. е. «*Абазское // Абхазское море»* [491, 109]. Поэтому же и этнотопонимом *Абаза* назывался «сильный восточный ветер, нередко свирепствующийу западных берегов Черного моря и особенно опасный для дунайских рыболовов» [492, 5].

В последние столетия этническая ситуация в северо-западной окраине Абхазии начинает менятся. В результате миграции адыгов на юго-восток и ассимиляционных процессов, здесь в XVII–XVIII вв. формируется абхазско-адыгский этнический массив с тенденцией сокращения в нем абхазского элемента. В 30-е годы XIX века Хан – Гирей, Броневский и другие уже проводят приморскую границу между Абхазией и Черкессией вблизи Геленджикского залива, а реку Лаба Хан – Гирей указывает границею «между абадзехами и абхазскими коленами».

Именно в названных пределах Абхазское княжество в 1810 году было принято под протекторат Российской Империи. Однако не вся территория Абхазии оказалась подконтрольной последней. Причина в том, что Абхазия была принята «в вечное подданство» России с подачи одного из сыновей бывшего могучего провителя Абхазии Келешбея Чачба (Шервашидзе) – Георгия (Сафарбея), жившего в Мигрелии в качестве опального к своему старшему брату Асланбею – законному наследнику владетеля Абхазии. Поэтомусам факт принятия Абхазского княжества под протектарат Российской Империи свершился без ведома и согласия подавляющего большинства его граждан. Этот политический акт и последовавшее за ним водворение Георгия Чачба (Шервашидзе) в Абхазию силой русского оружия привели к русско-абхазскому противосто-

янию и к многолетней (1810–1830 гг.) междусобной войне в Абхазии [398, 212–226]. В результате этой войны от Абхазского княжества отошли абхазские горные общества и вся Северо-Западная Абхазия, которые впоследствии были вовлечены под черкесским флагом в Русско-Кавказскую войну. В этой связи некоторые авторы в середине XIX века начинают рассматривать Северо-Западную Абхазию как часть Черкесии, а её абхазское население именуют «черкесами» или «черкесскими абхазами» [367, 31, 58–59]. Убыхи и садзы, оказавшиеся вне пределов Абхазского княжества, не раз совершают карательные экспедиции в Юго-Восточную Абхазию [10] по причине её прорусской ориентации. В дальнейшем Российская Империя, покоряя абхазские общества, присоединила их территории непосредственно к своим пределам.

В мае 1864 года Россия праздновала своё победное завершение Кавказской войны в уже безлюдной Садзской Абхазии в местности Красная поляна, известной в источниках *Кбааде, Губааде* из абхазского – Губаадәы, букв. «поле (местности) Губаа» или *Губаадәду* (искаженно – *Губаа Абду*), букв. «большое поле (местности) Губаа». Спустя месяц после этого празднества была упразднена союзная с Россией часть Абхазского княжества, заключавшаяся между рек Ингур и Багрипста. Как известно, итогом всего этого стал вынужденный массовый исход абхазов и абазин, как и черкесов, из своей исторической Родины в Турцию и другие страны Ближнего Востока.

Ныне во всем мире насчитывается абхазов и абазин около миллиона человек, из них лишь 160 тысяч проживает на своей исторической Родине.

Абхазы – государствообразующая нация независимой страны *Аԥсны Аҧспублика // Республика Абхазия,* расположенной на Черноморском берегу Кавказа между рр. Псоу и Ингур.

Вместе с тем Северо-Кавказская историческая часть абхазского (или абазского) этноса ныне предстает как устойчивая этническая общность – абазинский народ, предки которых, в начале XIX века оказавшись окончательно оторванными от пределов и влияния Абхазского княжества, стали формироваться в составе Русской империи в отдельную народность.

Раздвоению народа способствовал не только отрыв от Абхазии ее Северо-Кавказской территории, но и получившее в дальнейшем

в литературе искусственное разделение народа *апсуа* или *абаза* на *абхазов* и *абаза* или *абазины, абазинцы*.

Таким образом, за северо-кавказской абхазской (абазской) этнографической группой тапантцев и ашхарцев закрепляется русскоязычный этноним *абазины,* которым первоначально именовалось все абхазоязычное население Западного Кавказа. В российских энциклопедиях конца XIX века они уже значатся как «абазинское племя, принадлежащее к абхазскому племени» [489, 10; 490, 6]. Вместе с тем практически все известные источники подчеркивают этническое единство абхазов, садзов и абазин и равнозначность их наименований: *апсуа, обезы, абаза, абхазы*. Они всегда фигурируют у адыгов, турок, арабов под общим именем *абаза*, в древне-русских источниках – *обезы* [48], позже они же – *абаза, абазины*, *абазинцы*. Этнонимам *апсуа, абаза, абазины*, *абазинцы* соответствует грузинское *аԥхази*, отсюда русск. *абхазы*, от которых производны названия страны абхазов – груз. *Аԥхазеთи* и русск. – *Абхазия*.

Однозначность вышеназванных этнонимов подтверждают многие известные авторы прошлых веков, такие как: академик И. А. Гюльденштедт [317, 46–47], М. Пейсонель (XVIII в.) [206, 29], Ф. Ф. Торнау [9, 106, 109, 123–124], Л. Я. Люлье [1679], П. К. Услар (XIX в.) [11, 77–79] и др. Известный лингвист, один из исследователей абазинского языка А. Н. Генко пишет: «Абазины сами называют себя в настоящее время абазинами (Абаза) лишь под влиянием русского и кабардинского словоупотребления. Термин Абадза или Абаза очень древнего происхождения… и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских племён все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и … убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья… На основе этого-то черкесского термина Абаза … возник и с XVIII в. упрочился русский термин – абазины (абазинцы) в специальном значении абхазоязычных племён Северного Кавказа» [42, 7, 8]. Единство содержания названий *абхазы, абаза, абазины*, как отмечает Г. П. Сердюченко, сохранялось еще до первой половины XIX века. Он пишет: «…в исторической и международной литературе, а также во всей официальной русской документации, в частности, военной переписке по Кавказу

(рапорты, донесения и пр.), наименование абазины было равнозначно термину «абхазы…» [39, 23]. Дальнейший расклад названий абхазы и абазины, по справедливому замечанию М. Тхайцухова [39, 24], на протяжении многих лет вносит путаницу в общую историю абхазов и абазин.

Абазиновед М. С. Тхайцухов является автором ряда работ по истории абазин. В первых своих публикациях он, как и подавляющее большинство исследователей Северо-Западного Кавказа, говорит о равнозначности фиксирующихся в античных и средневековых источниках этнонимов – *«абазг»*, «*аббаз*», *«обез»*, «*обесесы»,* «*абаса*», *«абаза*», *«абеслинцы*», «*афгазы*», «*абхазы*», *«аббазы*», *«абассини*», *«абазы*», «*абазинцы»* и т. д. [39, 23]. Далее он пишет: «Выявления связи термина «абаза» с терминами «Абхазия» и «абхазы», последние, как известно, вошли в литературу из грузинских средневековых источников, указывают на этнокультурную общность носителей этих терминов в историческом прошлом» [39, 24].

Автором выявлены множество общих абхазских (абазских) фамилий, а также и немало общих фамильных тамг. На основе этих и других материалов М. Тхайцухов приходит к выводу о том, что предки абазин переселялись на Северный Кавказ из всей территории исторической Абхазии, т. е. от реки Ингур – на востоке, до Туапсе- на западе [397, 17; 39, 151]. Таким образом, абхазов и абазин обьеденяют общее их обозначение, общая языковая основа, общая историческая территория, общие фамилии, тамги и т. д. Все это значит, что абхазы и абазины до недавнего времени являлись одним народом с общим историческим прошлым. Однако, несмотря на это, последние годы М. Тхайцухов стал придерживатся иного мнения. Вызывают недоумение его новые утверждения, заключающиеся в следующем: термин *абаза* восходит к племенному названию *абазги* (хотя должно быть наоборот, от *абаза* > абазг – *В. К.*); современные абазины – прямые потомки абазгов; этнонимы *абазги, абаза, абазины, абазинцы* всегда обозначали только предков нынешних абазин и их территорию. Из этого умозаключения автора вытекает, что на территории исторической и современной Абхазии не было народа *аԥсуа* под иноязычными названиями *абхазы, абаза* и страны *Аԥсны,* известной другим народам как *Абаза*, или *Абхазия*, а также Абхазского царства, Абхазского княжества и

т. д. Это утверждение автора, грубо искажающее историю абхазов и абазин, подвергнуто в научной литературе справедливой критике [49, 148–154].

Как уже сказано, общим древним самоназваниемабхазо-абазинского этнического мира является *абаза // аԥаса,* стяженно– *аԥса*. От фонетических (диалектных) вариантов *абаза, аԥаса,* и *аԥса* производны известные формы этнонима: *абаз-г*, *абез, аԥс-ил, аԥса-р, аԥса-қәа, аԥса-цәа, аԥс-уаа,* а также абхазское *аԥс–шәа* «абхазский язык», сохраняющийся у турецких абхазов как *аԥса-шәа* и *аԥаса-шәа*. О том, что вышеназванные автонимные формы*аԥс, аԥса*,*аԥаса*по своему происхождению неотделимы от формы *абаза*, было отмечено еще П. Усларом. С ними же ряд авторов увязывает и наименования древних абхазских (абазских) этнических образований *аԥс-ил, абас-к или абаз-х, абаз-г*. Х. С. Бгажба пишет: «Абазги и апсилы являются ближайшими родственными этническими образованиями, о чем указывают и их самоназвания, восходящие к одному и тому же корню, представленному различными фонетическими вариантами: *ps // ps' (←pas//pas') // bs (←bas // bas/) // pš (←paš.)*. Таким образом, стяженный корень *ԥс (ср. а-ԥсуа)* является видоизменением *ԥас»* [168, 150].

Вероятнее всего, что древние автонимные формы *абаза, аԥаса* восходят к абхазо-адыгскому *а-быз* «язык». Отсюда *абаз-а* или *абыз-а,* букв. «язык, люди», т. е. «одноязычные» – от *абыз* «язык»+*а* – показатель множественности класса людей. То же самое означает его более поздняя форма *абз-уа → аԥс-уа* из *абыз* «язык»+*уа* «люди» (срав. *ақыртӡ-уа* «грузин», *агыр-уа* «мегрел», *асадз-уа* «садз» и т. д.). Из основы *абыз* «язык» происходит абхазское слово *абызшәа* «язык (разговорный)». Среди имен народов мира известны немало этнонимов, означающих «человек», «люди», «понимающие», «говорящие». Как отмечает В. А. Никонов, носители одного языка, понимая друг друга, называли себя «говорящие», в отличие от всех других, языка которых не понимали [169, 16]. У абхазов и абазин и сегодня можно услышать выражение *ҳабзуаа* – букв. «нашего языка люди».

Как нам представляется, одного происхождения не только основы*а-быз, а-баз, а-бас, а-ԥс,* но и окончания этнонимов *аԥс-уа, абас-кили абаз-х, абаз-г*, а также *кол-х, бру-х, зи-х, сани-к // сани-г* древнегреческих источников. Похоже, что варьирующий суффиксальный

элемент *у(ғәы), г, гу (базгун) к, х* древних записей восходит к абхазо-адыгскому гортанному *ғәы* «человек», «люди» [94, 64–65], что впоследствии в абхазском языке дало *у, ҩы* [170, 46]. Основа *ғәы* имеется в убыхском слове *тыҕәса* «человек», она же в форме *уы* присутствует в адыгском термине *шыуы* «всадник» [132, 22].

Академик Н. Я. Марр считал, что этноним «абхаз» является также формой древнего названия абхазов – *абазг* [12, 44].

Это мнение разделяли И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашия, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др. При этом для подавляющего большинства кавказоведов не вызывает сомнения, что древним названием *абазг* именовались именно *абхазы* – жители Западной части исторической Абхазии – Абазгии. Такая же трактовка имеется во всех исторических справочниках и энциклопедиях. Вместе с тем, вышеназванные этнонимы, в том числе «абхаз» и «абаза», увязывающиеся с древними абхазо-абазинскими этническими образованиями, давно стали камнем преткновения для грузинской историографии. Причина тому – историзм и принятое понимание этих терминов, не дающие некоторым грузинским «патриотам» возможность видеть как в самих древнегрузинских источниках, так и древне-греческих, армянских, арабских, русских и др. свидетельствах желаемой, безраздельной героической истории Грузии и грузинского народа (см. Предисловие). Поэтому, чтобы как-то «выправить» данное обстоятельство, П. Ингороква, К. И. Бердзенишвили, М. П. Инадзе, Н. И. Ломоури и многие другие пытались доказывать, что этнонимы *абхаз, аԥсил, абазг* в прошлом означали грузинские племена, что современные абхазы появились в Абхазии (неизвестно откуда) 200–300 лет тому назад и присвоили себе грузинское имя *абхазы*. В наше время академик Т. В. Гамкрелидзе, также решив как-то обосновать эту теорию, старается убедить, что этноним *абхаз*, появившийся в обиходе в VII–VIII веках, является исходным для *абазг, абаск,* упоминаемого древними источниками за 500 лет раньше первого. Далее его логика проста: если этноним *абхазы* бытует в грузинском языке, то он грузинский и связан с грузинским этносом [171, 89–95]. Данная работа, а также в целом и сама версия названных авторов, справедливо подвергнута обстоятельной критике и признана несостоятельной как грузинскими, так и абхазскими, и другими авторитетными учеными (Анчабадзе, Ломтатидзе, Бгажба, Гордадзе, Бганба).

В литературе существует также попытка объяснить этимологию *абхаз* на почве армянского языка. В XIII веке армянский историк Мхитар Айриванский писал, что *абхаз* на армянском языке означает «меченая ладонь» (от *ап* «ладонь» и *хаз* «штрих, знак»). Беспочвенность такой этимологии отмечена З. В. Анчабадзе [19, 173].

В. М. Бганба дает объяснение этимологии этнонима *абхаз* из гибридной формы а+пёх+аз, где – *пёх* «убых»+*аз (азра)* «абхазы» [172, 72].

Высказано также мнение о том, что этноним *абхаз* мог появиться в обиходе в VII–VIII веках в связи с Абазгиейи приобретением ею независимости от Византии. Отсюда и предположение, что *апхаз,* возможно, из абхазского слова *ауаахаз (→ауахаз→ авхаз →абхаз),* букв. «люди самостоятельные, независимые», где *ауаа* «люди» + *хаз(ы)* «независимые». При этом представляется, что абхаз. *аухаз (из ауаахаз*) в форме *апхаз, абхаз* могло быть усвоено грузинским и армянским языками посредством персидского *афхаз, апхаз,* или арабского *абхаз*, как название абазгов, а затем всего абхазского этноса. Персидско-арабское посредство вполне соответствует положению персов и арабов в VI–VIII веках в Грузии, в том числе, в ее западной части и Апсилии [94, 71].

Однако не исключено, что этноним *абхаз* представляет собой более древнее образование и оно, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, по своему корню *абх* сопоставимо с названием причерноморской страны *Хабх, Хабхи* зафиксированной в ассирийском источнике XII в. до н. э. (подробнее об этом см. главу V).

Значительную часть народа *аԥсуа* или *абхазы // абаза* составляют садзы, проживавшие до их выселения в XIX веке на Черноморском побережье Западной Абхазии между Гагра и р. Сочи, а немного раньше –и до устья р. Кубань. Они в средневековых грузинских источниках известны под названием *чиқи* или, *џьихи* – отсюда и русское наименование садзов *джихи*.

С. Я. Чанба еще в 1925 году писал, что в прошлом территорию от Гагры до р. *Хуастԥа* (Хоста) абхазы именовали *Џьгьытԥа* или *Џьгьытԥа Аԥсын хәычы,* т. е. «Джгитская (Джигетская) Малая Абхазия» [173, 443]. На наш взгляд, этот факт представляет значительный историко-лингвистический интерес. Прежде всего, обращает на себя внимание родство абхазского *Џьгытԥа* или *Џьгьытԥа* с

чиқи, џьиқи, џьихи (джихи) «сад-зы» и *Џьиқетџи* (Джикети) «Страна садзов» грузинских источников. Вместе с тем, похоже на то, что абхазское *Џьгытџа // Џьгьытџа* является трансформированной формой исходного *Чыгқытџа,* букв. «Село Чиговых». Как известно, до махаджирства сразу за Гагрой начинались владения многочисленного дворянского рода Чиговых (Чыгаа, Чыг-ба, Чыгу-ба, Ачыгу-ба). Они практически занимали всю обширную горную территорию между Гагрским ущельем и Цандрипшской долиной, являвшейся труднопроходимой преградой между Западной и Восточной Абхазией [94, 140]. Здесь находилось село под названием *Чыгрыпҵшь*, означавшее «край Чиговых», р. *Чыгрыпҵшьакәара* «Река Чыгрыпҵшь», *Чыгрха* (Чыгурха) «Чигуская долина» или «Чигуское плато», *Чыгырхуа (Чыгәырхәа)* «гора Чиговых», *Чыгәрныха* или *Чыгәырханыха* «Чигуская святыня» или «Чыгурхская святыня». Здесь же, ближе к морю, располагалось «божество Ага», наводившее страх на мореходов (*Ага иқәу*), которому поклонялся род *Чыгу* (Чыгуба) [73, 224]. Этот район являлся и центром Садзской Абхазии, т. е. Джигетии, на что указывает сообщение И. Аверкьева: «Народное собрание, как и народный суд, происходили на местах, считающихся священными, русские называют такие места «присягой». У джигетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугур-ханаха (*Чыгәы-рха-ныха – В. К.*), находящийся вблизи р. *Чугур,* в верстах 15-ти от Гагр. Здесь же приносили жертву во имя успеха набега или воровства» [174].

Как видно, в прошлом стратегически важную территорию между Гагрой и р. *Цандрыпҵшь* плотно занимал могущественный род *Чыговых*, защищавший, по обстоятельствам, вход то в Западную, то в Восточную Абхазию. Абхазы называли ее *Чыгқытџа*, со временем трансформированное в *Џьгытџа* «село (район) Чиговых», «поселение Чиговых». В дальнейшем последнее, т. е. *Џьгытџа,* стало покрывать всю садзскую Абхазию от Гагр до р. Хоста; *Џьгытџа* или *Џьгытџа Аҧсын хәҷы* «Джигетия Малая Абхазия».

Похоже, что также от родового имени Чыг и грузинское название садзов *Чики*, *Џьики* (джики) и название страны садзов – *Чикети, Джикети* (Чик-ети. Джик-ети), срав. с *Апхаз-ети* [94, 286, 287].

Абхазами же вся садзская территория именовалась *Саҙны* (от *садз* и *н* – локативный суффикс), т. е. «территория, страна садзов».

Современное абхазское обозначение садзов – *асаз, асʒуа,* «садз», *асаʒуаа, асаʒқәа* «садзы» зафиксировано в речи некоторых информаторов Бзыбской Абхазии и как *а-санʒ, асанʒуа (асанʒуа, асанʒқәа*, т. е. «садзы»), что, похоже, является более древней формой. Оно состоит из основы *сан* и*зы* – показателя множественного числа; *а-санʒ,* букв. «сановы», т. е. «садзы».

Форму *санʒ* сохраняет и родовое имя *Санʒаа,* букв. «Сандзовы», а также названия влиятельного садзского общества и большого села *Цандрыԥшь (из Цанʒрыԥшь) // Цандрыԥшь (из Цанʒрыԥшь),* и р. *Сандрыԥш (из Санʒрыԥшь)* в Гагрском районе. Варьирующие названия *Сандрыԥшь, Цандрыԥшь, Ҵандрыԥшь* букв. означают «край Сандзевых или Цандзевых, Цандзовых», где *ԥшьы* «край». От этнонимической основы *цан // ҵан* происходит и родовое имя известных садзских князей *Цан-ба // Ҵан-ба* (ед. ч.) – *Цанаа, Ҵанаа* «Цановы». Как известно, садзов (*сан-зы)* ученые отождествляют с*сан-игами* античных авторов, что и подтверждается вышеприведенным этнопатронимным и топонимическим материалом.

В XVIII–XIX веках народ *аԥсуаа,* т. е. абхазы или абаза, делились на следующие крупные территориально-этнографические общества как: *асаʒқәа (асанʒқәа), аҳҷыԥсаа, аибга, ԥсҳәы, ашәуаа (*совр. абазины*), абзыԥқәа, гәымаа, дал, ҵабал, абжьыуаа, самырзаҟанаа*. К ним причислялись и родственные, как абхазам, так и черкесам, убыхи (*аубыххқәа),* жившиев верховьях *р. Соча (Шәача)*. Автор начала XIX века Хан-Гирей считал также абхазами по происхождению и абадзехов. Он пишет: «Племя это именуется абедзах для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя понастоящему должно выговариваться *абадзех*: ибо это наименование, по всем вероятностям произошло от того, что первоначальные абадзехи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы» [175, 199].

Этнонимом *абадза* (ср. абаза) обозначались, наряду с абадзехами и шапсуги, натхокоадцы [175, 229]. Тот же Хан-Гирей прямо указывает местонахождение чисто абхазских анклавов в среде абадзехских, шапсугских и натхокуадских поселений [175, 82]. Согласно источникам XVIII и начала XIX века, народ *аԥсуаа* (абхазы, абаза) был довольно многочисленным, по своему количественному составу он не намного уступал своим ближайшим соседям – грузинам [176, 199; 177, 148; 178, 2].

Абхазы свою этнополитическую территорию издавна именуют *Аԥсны*. Абхазское *Аԥсны* и русское *Абхазия* являются сегодня конституционно утвержденными названиями страны.

Апсны впервые фиксируется в V веке в древнеармянском источнике в форме *«Псин»* [84, 76, 78]. Далее, с XVII века, абхазское *Апсны,* как «Абсне», начинает часто фигурировать в различных источниках (см. К-12, К-13, К-16; 176]. Термины *Аԥсны, Абаза, Абазия, Абхазия, Аԥхазеҭи*, упоминаемые в разное время и разными авторами, являются синонимами. В источниках и на географических картах они встречаются отдельно или вместе. Так, на карте Ламберти (XVII в.) написано *«Абасса* или *Абхазия»*, а на карте Рейнеке (1802 г.) – «Абаза – *Аԥсне»*.

В абхазском языке, наряду с *Аԥсны,* имеются термины *Аԥсынду* «Большая Абхазия», *Аԥсынҟьаҟьаду* «Великая Абхазия», *Аԥсынхәҷы* «Малая Абхазия». Второе – *Аԥсынҟьаҟьаду* «Великая Абхазия», букв. «Абхазия широкая, большая», видимо восходит к периоду существования Абхазского царства, занимавшего обширную территорию. С XVIII века термином *Аԥсынду* – Большая Абхазия – обозначается область от реки Енгури до р. Кубань, а земля, прилегающая к Абхазии со стороны современной Карачаево-Черкессии, именуется *Аԥсынхәыҷы* – Малая Абхазия [178].

Страна в целом также именуется *Аԥсынтәыла,* букв. «страна Апсны», т. е. «страна Абхазия», где *тәыла* «страна». С помощью основы *тәыла* «страна» созданы имена других стран: *Урыстәыла* «Россия», *Қыртҭәыла* «Грузия» и т. д.

Собственно *Аԥсны*, как отмечал ещё Услар, состоит из основы самоназвания абхазов «*аԥс-уа»* и элемента *ны*, выражающего понятие «место», «страна», отсюда *Аԥсны* букв. «Страна апсов», т. е. «Страна абхазов», срав. *Агырны* «Мегрелия» – от *агыр-уа* «мегрел», *Зыхә-ны* «Черкессия» – от *а-зыхә* «черкес», *Шәа-ны* «Сванетия» и т. д.

ГЛАВА III

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Как полагают многие авторитетные ученые, область распространения носителей абхазо-адыгских и, в частности, абхазских (аԥсуа-абаза) языков охватывала в древности не только область Западного Кавказа, но и обширные территории Малой Азии. Еще в 60-е годы XIX века известный лингвист Фридрих Мюллер писал: «… кавказские языки – наподобие баскскому языку в Европе – представляют собой остатки какой-то большой группы языков, которая была распространена на Кавказской территории и южнее от нее до появления здесь семитских, арийских и урало-алтайских племен» [179, 21].

В начале XX века авторитетный исследователь древней истории П. Н. Ушаков также отмечал: «Во времена глубокой древности, за 15–18 вв. до н. э., племена абхазо-черкесской группы занимали все пространство западной половины Кавказа от Черноморской губернии через всю Колхиду сплошной полосой до истоков Евфрата и делились на четыре ветви: народ метании, колхи, абасги (абхазцы) и убыхи …» [406, 27]. Вслед за П. Н. Ушаковым и профессор А. К. Глейе считал, что язык протоабхазо-убыхов являлся языком «могущественного народа Метании» [253, 25-27; 49, 40].

По мнению же востоковеда И. М. Дьяконова: «…на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье… в III и, вероятно, во II тыс. до н. э. были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским, а в отдельных районах (Закавказья), вероятно, на картвельских» [180, 13].

В монографии С. А. Токарева «Религия в истории народов мира» читаем: «Малая Азия издавна была населена племенами,

говорившими на языках, родственных яфетическим кавказским языкам» [185, 371].

Академик А. Чикобава, в результате анализа различных языковых данных, приходит также к следующему убеждению: «Чем дальше мы смотрим в историческое прошлое картвельских и других кавказских языков, тем ощутимее становится генетическая связь этих языков с языками древней цивилизации Передней Азии и Среднеземноморья (урартским, хурритским, хаттским, эламским, шумерским)» [179, 23].

Конкретно о предках абхазов и абхазском языке Н. Я. Марр писал: «В одних абхазах, нас сейчас интересующих, мы имеем основания, как в драгоценном обломке целого, до нас не дошедшем, видеть часть древнего Передне-Азиатского культурного мира и, следовательно, редкий живой источник. И поэтому, вполне естественно, что абхазский язык начинает оказывать помощь в разборе до сих пор не понимавшихся клинописных памятников не только этого мира, но и Армении, Индии и Элама» [17, 32; 12, 147].

Выше говорилось и об устоявшемся мнении ученых в пользу родства народов абхазо-адыгской языковой группы с древнейшим населением Малой Азии – хаттами.

Вместе с тем, в плане этногенеза абхазского народа, представляют интерес не только данные хаттского языка (см. выше), которые отдельными отрывками засвидетельствованы в хеттских текстах, но и материалы, обнаруживающиеся и в письменах других народов – создателей древнейших государств Малой Азии и Переднего Востока в III тыс. до н. э. Сравнение этих данных с материалом кавказских и, в частности, абхазо-адыгских языков создает впечатление о некоем древнем кавказском субстрате на этой территории. Не в малой степени об этом свидетельствуют целый ряд языковых параллелей между абхазской группой языков и древними языками этого региона. В предыдущей главе приводились, по мере необходимости, образцы древнейшей абхазской лексики, соответствующие той или иной первобытной эпохе.

Примерно уже в IV тысячелетии до н. э. предки абхазов и абазин говорили на вполне самостоятельном системном языке. В эпоху освоения металлов в их языке имелась довольно развитая терминология, связанная с животноводством, земледелием, металлургией, гончарным производством, ткаческим ремеслом, мореходством

и др. отраслями человеческой деятельности. Широко был развит абхазский языческий пантеон и мифология (см. выше). Именно в этой части абхазской лексики представлен значительный круг культурно-исторических терминов, прямо или косвенно перекликающихся с аналогичным материалом древнейших письменных языков и, прежде всего, египетских и шумерских источников. При этом большинство языковых фактов, о которых ниже пойдет речь, похоже, имело место еще до появления древних цивилизаций, т. е. до III тыс. до н. э.

§1. Протоабхазы и Египет

Как известно, единое Египетское государство возникло на рубеже IV и III тыс. до н. э. Его основное население говорило на языке, относящемся к семито-хамитской группе. К этому этническому массиву примешивались чужеземные народы: с юга – кушиты (копты) или нубийцы, известные у греков как эфиопы, с запада – ливийцы, отличавшиеся светлой кожей и голубыми глазами, а с северо-востока не раз вторгались в долину Нила азиатские народы [181, 151].

В научном мире не раз высказывалась мысль о возможных древних связях кавказских языков с семитскими. Более того, П. К. Услар, Н. Я. Марр, А. Н. Грен, Д. И. Гулиа в одно время пытались установить общность этих языков. К этому их подталкивало, главным образом, мнение Геродота о том, что колхи, возможно, родом из Египта. Д. И. Гулиа же свою теорию египетского происхождения абхазов обосновывал как сообщением Геродота, так и созвучием самоназвания абхазов *аԥса // абас // аԥсар* совр. *аԥсуа* и названия их страны *Аԥсны* с Египетской *Абассией* (Абиссинией) т. е. страной абасов. Он приводит довольно интересную абхазскую легенду о выходе абхазов из Египта, опубликованную еще в 1919 году [18, 95, 103]. Возможно, что и сам Геродот, говоря об Египетском происхождении колхов, опирался на то же созвучие указанных этнонимов и был знаком с чем-то вроде вышеназванной легенды.

Д. И. Гулиа в своей книге «История Абхазии» значительное место отводит иллюстрации абхазских языковых и фольклорных данных, перекликающихся с египетскими. На основе этих срав-

нений и других материалов им же делается вывод: «…абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и, главным образом, из Абиссинии» [18, 12, 110]. По его мнению, колхи могли быть однимииз тех, которые были переселены правителями Египта из-за своего мятежного характера на окраину государства, сопредельного с Закавказьем [18, 118].

Однако многое из языкового материала, приводимого Д. И. Гулиа, считается сомнительным, и сама теория египетского происхождения абхазов не была воспринята научным миром. Вместе с тем, в действительности, есть немало разительного материала, похоже указывающего на древние контакты предков абхазов и абазин с Египтом. И это притом, что до сих пор нет специальных лингвистических исследований, расширяющих наши знания в этой области.

Как отмечал еще Д. И. Гулиа, абхазы именуют Египет – *Мсыр*, а адыги *Миссир*. От названия *Мсыр* «Египет» происходит абхазское *амсырқьаад* «папирус», букв. «египетская бумага», что является свидетельством давнего знакомства предков абхазов и абазин с древней страной Египет. Вместе с тем, на существование более глубоких связей, похоже, указывает, прежде всего, терминология, связанная с древнейшими религиозными воззрениями, именами египетских правителей, а также и целый ряд лексических совпадений.

По утверждению ученых – египтологов среди богов египетского пантеона наиболее древним является бог солнца *Хору Аха* (от чего последующие формы теонима *Хор // Гор*), он же покровитель царской власти, изображавшийся в виде сокола, символизировавшего высоту [182, 38; 184, 202]. Этому богу в начале поклонялись только в Иераконполе и в Эдфу, а затем вышедшие из этой области цари – первые объединители Египта (конец IV тыс. до н. э.) превратили свое племенное божество в общеегипетского бога Солнца [185, 334]. Египетское имя бога Солнца, передаваемое (приближенно) как *Хору Аха* (Хор, Гор), похоже, имеет некоторое объяснение на материале абхазских (абазских) (абхазского, абазинского и садзского) языков: так, например, в абхазском и абазинском языках*а-хы* означает «голова», «начало», «глава» – отсюда форма *о-хары* «головная часть», «главенство» – *ахарыуаа* «главенствующие». Вместе с тем, в этих же языках имеется и корнеслово *ҳы*

в значении «высокий» – отсюда *а-ҳара* «высота» и *а-ҳ* «князь», «царь», *а-ҳра* «княжество», «царство». Если исходить из этих фактов, египетское *Хору Аха* можно было бы перевести как «голова главных», «начало главенствующих» или из *ҳарыаха* «высшее начало», «начало царей», «начало царства».

Судя по именам царей (Ахтой I Хети; Ахтой II Хети и т. д.), в конце III тыс. до н. э. в Египте появляется новая царская династия, похоже принадлежащая хаттам. Вслед за этим, в период XI династии, египтяне начинают прибавлять к именам царей слово *хатеп* или *хатти,* переводимое, как представляется, не очень подходяще – «довольный» [201, 504]. Например, в абхазском и абазинском языках *хатҵып* означает «наместник», «заместитель», «наследник» и если, исходить из этого, то Ментухатеп букв. будет означать «наместник (наследник) Ментуа», Амонхатеп – букв. «наместник Амона», т. е. «наместник бога Солнца Амона» и т. д.

В титулатуре египетских царей появляются и такие элементы, как *ах* (h), срав. абхазо-абаз. *аҳ* «царь», «князь» – египет. Ах-хатып, на абхазском «наместник царя», Ях-мос или Ах-маси «Царь Маси»; абхаз. *а-хи (ахьы)* «золото», например, Ахетатон, букв. «Золотой Татон», т. е. «Золотое солнце» (переведено же как «Небосклон Солнца»), срав. также египетское имя «казнохранителя бога» – Хи-р-хуф; имя царицы «Хи-шапсауы (Хатшепсут) может быть из Хи-шапцы «Золотая ступня», «Золото ступня», срав. абхаз. *Анцәа ихьышьаргәыцәа,* був. «Золотая ступня Бога», *Ахьы Зосҳан* «Золотой Зосхан» – Бог оспы.

В абхазском и абазинском языках солнце обозначается словом – *а-мра,* в абаз. *мара,* что существенным образом отличается от названий солнца в других кавказских языках, в том числе в близкородственном адыгском: в адыг. *дыгъэ // тыгъэ,* убых. *д(ы)гъа, ндгъэ* «солнце» [132, 153]; в груз. *дғе*, мегр. *дға*, чан. *набға*, сван. *ла-беғ* «день», что первоначально означало «солнце» [186, 3]. На основе звукосоответсвия *гъ: р* все эти формы сближаются с вариантами названия солнца в восточно-кавказских языках, и получается, что в основе всех кавказских названий солнца лежат соответствующие друг с другом морфемы *ра* и *гъа*. В абхазском *а-мра* и абаз. *мара* согласный *–м-* считается окаменелым экспонентом грамматического класса, восходящим (фонетически) к *–б-* [132,153]. Таким образом, в абхазо-абазинском названии солнца

выделяется значимая основа *ра*, что собственно в абхазском и абазинском, а также в египетском языках, означало «солнце».

В связи с египетско-абхазо-абазинским *ра* «солнце» и культом солнца в Египте вoII тыс. до н. э., представляет значительный интерес абхазо-абазинский древний и основной рефрен «*Уа рада, сиуа рада уаҳаҳаира»,* который первоначально мог звучать как «*Уа Ра ду, есиуа Раду, уаҳаҳа-ира»,* что переводится «Уа! (обращение) Великий Ра, всегда рождающийся Великий Ра, Уа! Царь царём рождённый». Бытует также и вариант *«Уа рарира уа радоу» – из «Уа! Ра-ри-Ра, уа! Ра ду»-* дословно «Уа! Рожденный от Ра (т. е. солнца). Уа! Великий Ра», где Ра – «Бог Солнца», *ри* «рожденный» – *ари-ра* «рождать» и *ду* «великий».

Известен также некий служитель Храма солнца в Египте, именовавший себя *Аман апа* [201,509], т. е. «Сын Солнца (Аман)», где *па* тождественно абхазо-абазинскому*па* «сын».

Обращает на себя внимание и название египетского солнечного города Гелиуполя – *Ане // Ана* [201, 498, 508] или *Иуну, Уну* [214, 234, 250], где располагался «Дом Солнца»; *Ане* или *Иуну*, *Уну* (условно озвучены), срав. адыг. *уны*, абхаз. *ԥны* «дом».

В абхазском языке используется окаменелое непонятное выражение *нын / ныын* или *ныын-ныын* при недоуменном вопрошании: *ныын-нын! избо закәузеи* – «ныын-ныын! что я вижу?»; *ныын! ииҳәо закәузеи?* – «ныын! что он говорит?» и т. д. Похоже, что это недоуменное вопрошание адресовано какому-то забытому древнему богу Нын или Ныын, напоминающему имя древнеегипетского бога *Нуна* – породителя бога солнца *Ра* [187, 172].

С известным именем быка бога солнца Ра – *Апис* [185, 336] можно сопоставить абхазо-абазинскую форму *абц* (*абцәы)*, букв. «отец бык», – от *аб // ап* «отец», «самец» и общекавказского *ц(ы),* совр. абхаз. *а-цә* «бык». Как известно, у египтян «солнце» и «лодка» назывались одинаково *–ра-* , кажется, и в абхазском имеем тоже самое – и здесь название солнца *амра // а-мара* в усеченной форме *амар* означает «лодка» – «челнок ткацкого станка» (см. ниже). Похоже, что и название египетского храма *Афы* [201, 444] соответствует абхазо-абазинскому *Афы* «Бог грома и молнии».

Вряд ли является случайностью и близость, как по форме, так и по содержанию, имени древнеегипетского бога *Анубис* – покровитель умерших [184, 161, 201] и абхазского бога *Аныԥс // Аныбыс*

(Аныԥс ныха «образ бога Аныпс») – покровителя мертвых: абхаз. *Аныԥс* этимологически прозрачно и состоит из *Ан-«*бог» (мать, породитель) и *ԥс* «мертвый», «мертвец» [188, 42]. Похоже, что этот образ языческого бога в период утверждения христианства был идентифицирован абхазами с образом успения богоматери.

Древние египтяне представляли небо в виде огромной коровы, рождающей золотого теленка – Солнце [187, 88]. В связи с этим обращает на себя внимание и абхазо-абазинское название неба *ажәҩан*, которое, возможно, из *ажә-ан*, букв. «корова – мать» или «корова – небо», «корова бог», где *ажә* «корова»и *ан* «мать», «бог», т. е. «породитель». Здесь же уместно вспомнить, что у абхазов созвездие медведицы именуется *жәгараа,* букв. «ведущие корову».

Очевидна так же близость египетского *нч* (египет. написание) – *анча* (условно) «бог» с абхазо-абазинским *А-нцәа* «верховный Бог»; египет. *нх (nh) – анха (условно,)* абхаз. – абаз. *анха-ра* «жизнь», «жить», где *ра-* масдарный аффикс, придающий основе отвлеченное абстрактное значение; египет. *хт* или *хута* (условно) «надел», «выделяемый участок» [201, 475], срав. абхаз. – *хәтԥа* «доля», *ихәтԥаа* «его доля», «ему наделенный». У египтян слово *хам* означало «слуга» (хама «служанка»), в этой связи вызывает любопытство абхазо-абаз. полуокаменевшее выражение – *хамыжә уҽдыр!,* известное и как название одной из абхазских сказок. В разговорной речи оно используется при необходимости осадить (зарвавшегося, зазнавшегося, потерявшего чувство меры и т. д.) собеседника или партнера. Второе составляющее это выражение – *уҽдыр-* букв. означает «знай себя», «осознай себя»: первое же ха*мыжә* осложнено абхазским суффиксом пренебрежительности *жә* «старый», «негодный», и в целом слово *хамыжә*букв. означает «негодный хам». Если же исходить из египетского значения *хам* «слуга», то абхаз. – абаз. выражение *хамыжә уҽдыр!,* букв. будет означать «осознай себя, негодный раб!» При этом следует отметить, что абхаз. *хамыжә* переводится и как «старая шуба».

Напрашивается также сближение общего названия персонажей абхазо-адыгского эпоса *Нарт* с египет. ntr «бог» при др.-инд. netr, милийском natri (натри) «предводитель», «вождь» [234, 9, 17].

Представляет определенный интерес также и то, что в египетском иероглифическом письме изображением совы обозначалась

морфема *ты*, что в абхазском языке значит «сова». Вместе с тем, вряд ли возможно отрицать общность древне-египетского названия меди – *абиа* и абхаз. *абҩа* «медь». При этом следует учесть, что в самом Египте месторождений медной руды практически не было [189, 146]. Очевидна и близость названия особого вида египетской полбы «беша» с древнеабхазским а-*ԥш,* ныне выступающей как название кукурузы (см. выше).

К вышеприведенным материалам можно приобщить и приводимые Д. И. Гулиа такие сопоставления как:

абис. *сыт*. абхаз. *и-сыт* «дай»;

абис. *теныш,* абхаз. *анышь* «шлюпка»;

абис. *адауауа,* абхаз. *адауара, адауарта* «судилище»;

абис. *ахуай*, абхаз. *ахуҩы* «холоп», «прислужник»;

абис. *зара*, абхаз. *азаара* «состояние бешенства»;

абис. (*гемиро*) кец «коза», абхаз. *кец* «зов для коз» и др. [18, 124].

Можно было бы приводить целый ряд и других любопытных материалов, однако определяющее слово здесь принадлежит, прежде всего, специалистам египтологам.

§2. Предки абхазо-абазин и народы древнего Двуречья

Двуречье или Месопотамия – один из древнейших колыбелей человеческой цивилизации. Считается, что здесь, именно в Шумере, в конце IV тысячелетия до н. э. человеческое общество едва ли не впервые вышло из стадии первобытности и вступило в эпоху древности; отсюда начинается подлинная история человечества [182, 112].

В IV тыс. до н. э. основными жителями этого региона уже являлись шумеры, родство языка которых с другими языками до сих пор не выяснено. Вместе с тем установлено, что северную часть Месопатамии (Двуречья, в узком смысле) в IV–III тыс. до н. э. населяли племена, говорившие на языках, близких к отдельным современным кавказским языкам и к хурритскому [189, 192].

По мнению ученых, шумеры были выходцами из какой-то горной страны, чем они объясняют обоготворение последними гор, остатки которого сохранились в некоторых их верованиях [191, 100].

С III тыс. до н. э. шумеры перемешиваются с пришлыми семитскими племенами аккадцев. Они же пришли в Двуречье из Страны запада – *Марту* и потому получили название *аморитов* [191, 67]. На наш взгляд, довольно соблазнительно видеть в имени *Марту* абхазо-абазинскую основу *мары* «солнце», локативный суффикс *т (ҭ)* «место» и этнонимообразующее – *у* (*уа)* «люди»: абаз. *марты,* абхаз. *мраҭы* «место (для) солнца», «вместилище солнца», т. е. «запад», срав. современное абхаз. *мра-ҭа-шәара* «запад» – отсюда *Марту,* букв. «Люди запада».

Одним из наиболее значительных достижений шумерийского народа было изобретение письменности, появившейся в середине IV тысячелетия до н. э. Похоже, именно в древнейших шумерских письменных памятниках более всего улавливаются элементы абхазских (абазских), хурритских и других родственных языков, а также отдельные лексические параллели.

Прежде всего, это проявляется в именах древних богов, религиозных понятиях и в части земледельческой лексики. По этому поводу абазинский литератор В. З. Копсергенова пишет: «Вчитываясь в каждую строчку внимательно, в шумерских литературных памятниках я нахожу абазинские и абхазские слова и образные выражения, различные названия, и имена Богов и царей» [407, 23]. В действительности, на наш взгляд, во многом это так. Например: у шумеров бог воды первоначально именовался *Ancy*, что совпадает с абхазо-адыгским словом *псы* «вода». означающим также у абхазов и абазин «душа» и «покойник». В воде шумерийцы видели первородную стихию, в которой коренилось начало жизни [191, 100]. В шумерско-аккадской мифологии *Ancy* встречается и в озвонченной форме *Абзу*. Согласно энциклопедическим словарям «...*Абзу* (шумерское), *Ancy* (аккадское), в шумеро-аккадской мифологии- мировой океан подземных пресных вод, окружающий землю... Владыка *Абзу* – Бог мудрости *Эа // Энки*, его храмы в городе Эреду и Уре носили название *Абзу*. Одновременно *Абзу* считалось потаенным, где-то в глубинах спрятанным местом, куда Боги не могут заглянуть» [408]. В этой связи следует отметить, что одни ученые *Ancy* и *Абзу* рассматривают как варианты одного слова и переводят в значении «бездна». Другие в форме *Абзу* видят самостоятельное название, обозначающее землю морского дна, из чего (из глины *Абзу*) Боги вылепили человека. Согласно той же

мифологии на дне пресноводного океана в «Абзу» хранятся божественные законы жизни. Исходя из этих фактов, уже упомянутый автор В. Копсергенова, на наш взгляд, правомерно *Абзу* сближает с абхазо-абазинским *абзу* «живой», *абза* «живое», а *Апсу* переводит в значении «душа». По её мнению, «первично *Апсу* как Дух, Душа, вторично – *апсу* («*псе*») как вода» [407, 9, 14, 106].

В одном из вавилонских мифов так рассказывается о начале мира: «Когда вверху небеса еще небыли названы, а внизу суша (?) имени не имела, были только *Апсу* изначальный, отец их Мумму и Тиамат, что родила всех богов»... [185, 365]. Здесь *Апсу*- мужское олицетворение подземной бездны и подземных вод; Тиамат – женское олицетворение той же бездны или первобытного океана, соленой воды, изображавшееся в виде четвероногого чудовища с крыльями. Мумму – подчиненный им дух [185, 365]. В связи с этим нельзя не вспомнить абхазо-абазинское слово *мым* «чудовище», «страшила». Обращает также на себя внимание и следующий факт: сына водяного божества *Апсу* звали *Тамм-уз* (или Думузи) или же *Думу-зи* (Тамму-зи) – *Апсу*, что значило «истинный сын Апсу» Существовал миф о его гибели, нисхождении в подземный мир и возвращении на землю [185, 361]. Похоже, что основа этого имени *Там (Тамм-уз)* также имеется в абхазо-абазинском *тым-и-тыша* «преисподняя», «глубочайшая пропасть», букв. «пропасть (его) *Тыма*», где –*и-тыша* «его пропасть». По другим древним шумерским преданиям, водным божеством являлся *Эа // Эйа*, обитавший в *Апсу(ва)*, т. е. подземном пресноводном океане [183, 105]. Как уже сказано, на абхазо-адыгском *ԥсы* «вода», «река», а имя же *Эйа* напоминает абхазо-абазинскую глагольную основу *айа,* отсюда *аиа-ра* «ложиться», «лежать». Это наводит на мысль о том, что водное божество первоначально могло именоваться *Апсеиа, Апсиа*, означавшее «лежащий в воде», «находящийся в воде», и только позже второй компонент этого имени *айа // еиа* «лежащий» стал выступать в качестве имени Бога воды. Похоже, к последнему восходит и абхазское имя водяного бога *Аит // Ҳаитԥ* [24, 202].

Представляет также интерес и то, что, согласно шумерской мифологии, уже Бог воды Эа (Ейа) создал первого человека по имени *Адапа*. Учитывая это обстоятельство, в имени *Адапа* можно усмотреть форму Адзапа (*Аʒаԥа)*, что на абхазском означает «сын

воды», «водный отпрыск» – из *аҙы* (адзы) «вода» и *па*(*ԥа*) «сын», «отпрыск».

В поэме о сотворении мира читаем:

«… Когда Боги не сияли во славе,
Имен не давали, не вершили судеб,
Тогда среди хаоса возникли Боги,
Лахму и Лахаму нарекли имена им
И прежде, чем выросли эти Боги,
Аншар и Кишар великие созданы были…»

Это означает, что Бог – Апсу создает вершителей судеб: *Лахму* (а по Токореву –*Ламму* [185, 365]) и *Лахаму,* которые предрекали судьбы всему, что создается и воссоздается во Вселенной. В помощь себе Апсу, пока подрастают Лахму и Лахаму, создает еще себе подобных Богов – *Аншар* и *Кишар*.

На наш взгляд, заслуживает внимание попытка В. Копсергеновой объяснения значения названных имен Богов на основе абхазских (абазских) языков: *Лахма* и *Лахама* – из абхазо-абазинского*лахьы* «судьба» (совр. абаз. *лахьы*, абхаз. *алахьы-нӡа* «судьба», *лахьы-цәгьа*«несчастный»). Имя Бога Аншар она переводит с абхазо-абазинского в значении «Создатель», хотя, на наш взгляд, был бы более правдоподобным перевод «Божье создание», «Созданный Богом *Ан*» – где *Ан* «Бог» и *шара* «созданный». Имя же *Кишар* В. Копсергенова возводит к абазинскому *Хъшара* «Воссоздатель» [407, 10, 11].

По древней шумеро-аккадской мифологии в Апсу рождается прекрасное, божественное дитя, «ребенок-солнце» *Мардук*, превосходящий всех созданных до него Богов. Эпитет «ребенок-солнце» [410; 407, 13] дает основание видеть в имени *Мар-дук* основу *мар(ы),* означающую у абхазов и абазин «солнце» [407, 13, 14].

У шумеров Бог неба именовался *Ан* (у аккад. Ану). Этот же Бог (Богиня) является главным властелином мира [191, 95]. У абхазов *ан* «мать» – «Бог-породитель (творец)». Отсюда абхазское слово *аныҳәара* «моление», «молиться» (*аныҳәа* «моление», «праздник»), означающее «просить *ан* (мать)», т. е. «просить (Бога) Ан», где *ан* «Бог» и *(а) -ҳәара* «просить». С той же основой *ан* «мать», «породитель (вернее породительница)» увязывается и имя Верховного Бога абхазов и абазин – *Анцәа*, букв. означающее «породители», т. е. «Боги». [192, 23]. Небо же именуется у абха-

зов *ажәан (ажԥан)*, переводимое соответственно воображению древних египтян букв. как «корова – небо» или «корова – Бог» (см. выше). От основы *ан* «мать» производен также термин *анан // нан* «бабушка», букв. «мать матери», и далее *анан ду // нанду* «прабабушка», букв. «большая бабушка» (см. выше).

Точно также, как от *ан* «мать» происходит понятие «породитель», «Бог (творец)», так и от *анан // нан* «бабушка» идет уже понятие «прародитель», «мать богини». Отсюда у абхазов и имя Великой Богини – матери Богов, Богини земли и плодородия *Анана // Анан* или *Ананду* «Великая Анан», Анана Хибла, букв. «Анана златоокая», увязанное уже в христианскую эпоху с Богоматерью. [192, 48, 50]. Основа данного теонима сохраняет наименование моления (праздника) – *ананҳәа* или *нанҳәа*, совершаемого абхазами в честь названной богини *нанҳәа,* т. е. *Анан ныҳәа* или *Нан ныҳәа*, букв. «моление (богине) Анан // Нан».

Абхазский теоним *Анана // Анан*, или *Нана* как по форме, так и по содержанию практически идентичен с шумерским *Анана* (аккад. форма *Инанна)* – Богиней земного плодородия и любви [181, 138; 184, 203]. Он же перекликается с шумерским именем лунного божества *Нанна* [184, 118, 204]. Теоним *Анана* выступает у абхазов и в значении «Бог», «Боги»: *Анана Гунда* «Богиня пчеловодства», *Ананашацәа,* букв. «Ананы творцы», т. е. «Боги творцы» [152, 70].

Богиня *Анана* функционально совпадает с более поздней античной *Кибелой* – Великой матерью богов. Её имя напоминает использовавшийся абхазами по отношению к Великой богине *Анана* эпитет (определение) *Хибла* – «Златоокая», из *хи (хьы)* «золото» и *бла* «око», «глаз». Если исходить из соответствия абхазо-хуррит. *Ху-баба* с формами *Ку-баба, Ку-вава* «лохматое страшилище», «леший» (об этом см. ниже), то вполне допустимо и тождество абхазо-абаз. *Хи-бла* «Златоокая» с античной *Кибла* или *Кибела* – Великой матерью богов [301, 257]. В этой связи представляет интерес малоазийская легенда о Кибеле. Согласно этой легенде, у Кибелы был юный партнер или супруг по имени Аттис. Последний, чтобы избежать любовных домогательств со стороны Кибелы (богини-матери), оскопил себя и умер под сосной. С тех пор сосна считается священным деревом Аттиса [185, 316-317]. Вероятно, что абхазское название

сосны – *а-псса* из *псы* «мертвец», увязано с органическим мифом о Кибеле (абхаз. Анана Хибла или Хибла «Златоокая») и Аттисе, умершем под сосной. Отсюда и традиция сажать сосну около кладбища.

В представлении древних шумеров богиня *Ананна* или *Инанна* являлась дочерью верховного бога *Ан* (аккад. Ану). Считается, что само божество Ананна // Инанна функционально тоже самое, что и аккад. (семитское) *Иштар* – богиня земли и плодородия, скотоводства и земледелия [193 23]. Ряд ученых именно с аккадским семидольным богом *Иштар* сопоставляют имя аналогичного абхазского божества *Аиҭар* [152, 27; 24, 142], воспринимаемое как бог скотоводства и размножения. С последним абхазы никак не путают богиню земного плодородия и обновления природы *Анана // Анан*. В абхазском *Аиҭар* представлены следующие семь доль (божеств): *Ԥьаб-р-ан* «Покровитель» (Бог) коз», *Жәаб-р-ан* «Божество коров», *Аҽышьашь-ан* «Покровитель лошадей», *Алышькьинтыр* «Покровитель собак», *Амза* «луна», *Амра* «солнце» и *Анаԥаанага* «Покровитель урожая».

Божества – абхаз. *Аиҭар и* шумеро-аккад. *Иштар*- роднит не только их семидольность и созвучие имен, но, похоже, и общее происхождение. Выше названы все семь доль (богов) абхазского *Аиҭар*. О том, что под названием *Аиҭар* кроется не одно божество, говорит и сама многократно повторяющаяся абхазская формула молитвенного текста: *Аиҭар, бжьеиҭар, абжьныха, абжьцәымзак зызкыдырԥо*, букв. «Аитар семь Аитар, семи святынь, которому ставятся семь свечей» [152, 27]. Это, в свою очередь, указывает на этимологию самого имени *Аиҭар*, похоже имеющего первозданную абхазскую форму (но не *Аидыра,* как это ранее представлялось [151, 117]). *Аиҭар* возможно перевести как «совместие», «сожительство» из *аи // еи* – преверб совместности, *ҭа* – основа глагола *а-ҭа-ра'* «находится у кого-либо», «сожительствовать» (ср. *дыс-ҭоуп, еиҭоуп* и т. д.) и *р-* суффикс множественности (об ином мнении см. [194, 154]). Что же касается мегр. *Антар*, то оно явно заимствовано из абхазского с закономерным наращением «н», срав. абхаз. *хага* – мегр. *ханга* «сумасшедший», абхаз. *ацҳа* – мегр. *нацҳа* «мост», абхаз. *Егры* – мегр. *Енгури (р. Енгур)* и т. д.

Вместе с тем, как уже сказано, шумеро-аккад. имя *Иштар* (первоначально акад. Ештар «богиня») может быть ближайшим вариантом абхаз. *Аитҭар*. Иштар из *Еишьтҭар* осмысливается как «сопутствующие», «спутники» – из *еишьтҭоу* «сопутствующие друг-другу», «спутники», где *р* – тот же суффикс множественности. Так или иначе, очевидно, что *Аитҭар* и *Иштар* первоначально являлись просто словами, обозначавшими содружество, совместие богов, и только позже они стали восприниматься как имя семидольного бога.

Представляет значительный интерес и следующий факт. У Д.Г. Редера в «Мифы и легенды древнего двуречья» читаем: «Семь величайших богов и богиня, подающие советы, собрались в зале творения, в доме Дуку, и слепили из глины божественного юношу Лахара, кроткого пастыря, и его сестру, прилежную и заботливую богиню зерна Ашнан» [195, 31]. Прежде всего, обращает на себя внимание теоним *Ашнан,* переводимый с абхазского как «богиня проса» или «богиня хлебных злаков» –*ашы* «просо», «хлебные злаки» (отсюда *ашы-ла* «мука») и *нан* «бог-покровительница» (см выше). Этнограф В. Л. Бигуаа *Ашнан* переводит с абхазского, как *«мать пшена»* [595, 178], однако пшено абхазы именуют *ахәыʒ*. На шумерском, как и у абхазов, *Ашнан* этимологизируется из шумерского *ше* (срав. абхаз. *Шы* «просо») «зерно», «ячмень» и *нан* «богиня»;– *Ашнан,* т. е., «богиня зерна», «богиня хлебных злаков» [189, 220, см. таблицу]. Согласно вышеприведенному тексту – семь величайших богов и богинь из глины вылепили, наряду с *Ашнан*, и божественного юношу – пастыря *Лахара* (или Лахар), далее он же – Бог, создатель овец и коз, он же – брат богини *Ашнан*, опустившей первые зерна на землю [181, 115, 138]. Представляется, что и это имя божественного юноши сближается с абхазским словом *лаҳара* «желанный», «привлекательный» – *аилаҳара* «пожелать», «сильно захотеть что-л.», «влюбляться» [42, 29]. Что же касается названия дома «*дуку*», где собираются великие творцы, то и здесь, похоже, просматривается абхазское *адуқәа (адуқәа)* «великие»: *Анцәа дуқәа* «Великие боги», *ауаа дуқәа* «великие люди», «элита», *адуқәа рыҩны* «дом великих», т. е. «дом элиты» и т. д.

Невозможно не заметить и такие увязывающиеся факты, как: абхазское *Адад // Адыд* «гром» и ашшуро-вавилонское *Адад*

«бог грома, дождя и бури» [184, 201; 185, 369]; Бог дождя *Ишкур*, отождествляемый с Ададом, и абаз. *Ишкур* [409, 100; 407, 33]; шумеро-аккадское имя чудовища-хранителя кедрового леса *Хувава, Хумбаба*, *Кубаба* или хуррит. *Хубаба* [181, 141; 189, 509] и абхаз. *Хубаба* (дет. Хумбаба) «лохматое страшилище», где абхазская форма Ху-баба совершенно прозрачна, состоит из абхаз. *аху* «волосы», «волосяной покров» и *баба* «обильно лохматое»; *Ашаку* (в Двуречье) – злой дух, вызывающий головную боль, поражающий голову и абхаз. слово *ашаҟәа* «порченный», «тухлый» – *акәтаҕьшаҟәа* «порченное (тухлое) яйцо», *ахышаҟәа (Ахышаҟәара)* больная, отупевшая голова»; *утуку* – злой дух, вызывающий болезнь горла – абхаз. *атыҟә* «обух вместе с горловиной для ручки»; *Набу* – бог письма и мудрости – абхаз. *напы* «рука», *анапынҷара* «подписываться».

По мнению исследователя вопросов традиционной религии и бытовой культуры абхазов В. Л. Бигуаа: «на абхазском языке объясняются почти и все другие теонимы, из которых наибольшей прозрачностью отличаются вышеназванные уже *Апсу, Аншар, Кишар* и *Ашшур*. *Апсу* олицетворяет мировой океан, и по-абхазски *аԥсы* – вода. Таково значение этого термина, кстати, и в родственном адыгском языке. По своему звучанию «кишар» походит на абх. *«кашыра»* – всемирная светлость, изобилие, достаток. «*Аншар*» как-будто состоит из двух абхазских слов: *ан – небо* + *ашара* – рассвет. Если *Ашшур*- бог солнца (ассир.), то абх. *ашара* – рассвет, *ашра* – кипение, *ашы* – кипяток, горячий. Сюда может относиться и другое имя аккадского бога солнца – Шамаш, звучащее так же по-абхазски: *ша* – свет, горячий + *маш* – день. Вряд ли является случайностью также наличие одного корня – *т* – в абхазском имени (atəw^{o}) чудовища, осуществляющего затмение солнца, и в имени шумерского бога солнца Уту [595, 180; 598, 88].

Обращает также на себя внимание окончание *ду* в именах *Энки-ду* (энки – у шумеров – слуга, а у аккад. герой, друг Гильгамеша) и *Эре-ду* (название одного из древнейших шумерских городов, считавшегося местом царственности), *ду* в абхазском и абазинском языках означает «большой», «великий».

Можно говорить и о таких более или менее очевидных параллелях как:

Шумерский	Абхазский
ан-наку «олово» (по представлению древних шумеров небосвод был сделан из олова) [187, 210]	*анакуа (анаԥәа)* «густой туман»
ара «ходить» [189, 20]	*аара «*идти», «приходить»
бару «гадатель» [185, 68]	*а-бара* «видеть», «предвидеть», срав. *а-ԥшра*«гадать», букв. «смотреть»
биа «железо» (у египтян «медь»)	*а-бюа* (а-бɷа) «медь»
дар «заем»	*а-тԥара* «давать»
сим // сум // шум «лук»	*джимшьы (а-џьым-шьы)* «лук»
уру «пахать»	*ура* «возделывать» и сущ. *аура* «неубранный урожай»
хека «властелины (главы) сел и дворов» [189,165]	*ахҟәа* «главы», «управляющие» (срав. также *аҳҟәа / аҳцәа* «цари», «властелины»
ше «ячмень», «зерно»	*а-шы* «просо», «хлебный злак»
эммер «продуктивная пшеница двузернянка»	*амара* «продуктивный», «дающий наибольший выход»

Еще Н.Я. Марр сопоставлял абхазо-абаз. *а-ла* «собака» с шумер. lu «лев» [197, 127] и с русск. лаять (←lau-a-te) [198, 269].

Напоминает древнешумерский город *Умма* окаменелое, но часто употребляемое в абхазском языке слово *аума // оума,* в смысле «нечто ужасное», «великое несчастье», «что-либо огромное», «весьма», «чудо», «чудовищный» и т. д.: *аума ихьит* «случилось с ним великое несчастье», *омала идуып* «весьма огромный», *оума аамтԥа* (большое (долгое) время), *омажә* «великан» и т.д. Возможно, абхаз. *а-ума* является далеким отзвуком великого разгрома древнего сильного города-государства Уммы в середине III тыс. до н. э. соседним государством Лагаш. Это событие было увеко-

вечено в так называемой «Стела коршунов», в которой изображен ужасный для Уммы исходбитвы [189, 204; 184, 135].

Возможно, что и слово *анкьа,* употребляемое абхазами в значении «в прошлом», «вначале», как-то увязывается с шумеро-аккадским *Энки* он же *Эйа* – бог-изобретатель, автор древних «технических» достижений; бог пресных вод, владыка мудрости и т. д. [184, 23, 207].

Можно предположить, что в основе названия древнейшего города-государства Двуречья – Ашшур лежит этноним *Ашу* или ашшу «*ашуец»,* а во множественном числе *Ашур, ашшур* «ашуйцы», как, например, *апсу // аԥсуа* «абхаз» – *аԥсар* «абхазы». Первое, т. е. *ашу* (ашшу), сопоставимо с абх. *ашуа* (лабиал. *ашәуа)* «абазин», где *у*, *уа* «человек», «люди». Возможно неслучайно и созвучие самоназвания абхазов *апсуа* с именем шумерского города *Апсу (ва)*, упоминаемого в песне об Улликумми [199, 105]. Всё это вполне согласуется с мнением ученых о том, что древнейшим населением указанного региона могли быть хурриты, родственные народам Кавказа и Закавказья [189, 311]. Уже в середине III тыс. до н. э. здесь утвердились выходцы из Шумера и семиты из Аккада, создавшие в дальнейшем Ассирийское государство с центром в Ашшуре [182, 101].

С осторожностью также можно допустить связь основы имени известного (могучего) абхазского княжества рода Мар-шьан – *Мар* (см. ниже) с именем древнешумерского небольшого города-государства *Мари*. На это, как будто, указывает, прежде всего, наименование старого царского дома *Мари-Зимрилим,* созвучное с именем абазинского ответвления рода Маров (Маршанов) – Зоурым, ныне пишущихся Зоурумовы.

В плане вышеприведенных сближений обращает на себя внимание и название города-государства Урук, покровителем которого являлась богиня *Ананна (Инанна)*. Может быть не случайность – созвучие древнего имени *Урук* с названием реки и местности *Урук, Урух* на Северном Кавказе, где в прошлом обитали абазины (абхаз. *ашәуа)*. К подобному роду совпадений можно отнести и название другого города-государства древнего Двуречья *Куту* с древней формой наименования города Кутаис – *Кута*, объяснимое из абхаз. *кыта* «село», или же имя царя страны Киша *Акка,* боровшегося в начале III тыс. до н. э. против царя Урука *Гильгамеша*

(срав. абхаз. *агьыргьалашь* «великан») с именем царя Колхиды *Акки* и древне-абхазским названием столицы Абхазии – *Акуа*.

Наконец, есть основание думать, что иноязычная форма наименования одного из древнеабхазских племен – *апсил,* в основе которого лежит древнее самоназвание абхазов *апсу* (совр. *аԥсуа)* получила свое оформление в шумерской среде. На это, похоже, указывает её окончание *–л-*, сопоставимое с шумерским *лу* «человек», «люди» [234, 17]; *апсил* из *апсулу* «апсилы», что соответствует древнему самоназванию абхазов *апс-у,* совр. *апс-уа*, где *у // уа* «человек», «люди».

Из всего вышесказанного следует предположение о том, что древне-хурритские, в том числе абхазо-адыгские, и, в частности, абхазо-абазинские племена, могли быть, скорее всего, предшественниками шумеров в Двуречье. В основном на базе культуры этих племен зарождается в конце IV тысячелетия шумерская цивилизация, которая, в свою очередь, стала основой аккадской, ассирийской и других культур. Похоже, что абхазо-абазинские и родственные им народы не теряли связь с цивилизацией данного региона и на протяжении III-II тыс. до н. э.

ГЛАВА IV

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IIТЫС. ДО Н. Э.

§1. Абиша или Абисар

Для понимания древней этнокультурной истории абхазов и абазин, наряду с уже названными языковыми фактами, может быть весьма важным египетская надпись на стене гробницы Ньюбери, датирующаяся XIX веком до н. э. В частности, на этой стене изображена сцена приёма высокопоставленным египетским чиновником делегации из 37 человек. Здесь же указываются близкие по фонетическому облику имена *Абиша и Абисар* [190, 81]. В этих именах исследователи склонны видеть обозначение народа, которого эта группа людей представляет. Ряд же авторов в указанной сцене и содержании надписи усматривают свидетельство прихода в Египет израильтян во главе с Яковом или Авраамом. Однако несостоятельность этих мнений считается в настоящее время научно доказанной [190, 80–85]. Вместе с тем, очевидна близость *абиша* и *абисар* египетской надписи с древними формами самоназвания абхазов. Причем первое, *абиша,* выступаеткак этнонимная основа в названии народа *абеш-ла, абешла-ицы* ассирийских источников XII в. до н. э., отмечавших их в пределах северной части Малой Азии и Южного Закавказья. Многие исследователи древней истории с народом *абешла* увязывают *апсилов* или *абшилов* письменных источников начала 1-го тыс. н. э. и более поздних времен [180, 12, 13; 360, 204; 24, 130] и др. В формах *абешла, абшил, апсил* принято усматривать древнюю основу современного самоназвания абхазов *апс-уа – аԥ(ы)са, аԥса,* по-видимому, восходящую к *аб(ы)за* «одноязычные», срав. *абаза* – обозначение всего абхазо-абазинского этноса (см. гл. II). Что же касается формы *абисар*,

представленной, наряду с *абиша,* в древнеегипетской надписи, то она практически идентична форме множественного числа абхазского автонима «апса» – *апсар* «абхазы». Последняя, т. е. *апсар,* фиксируется еще в I тысячелетии до н. э. как название народа, а также реки (сов. Чорох), города и прилегающих к ним земель Черноморского побережья. В дальнейшем этноязыковое лицо народа *апсар* раскрывается в древнегрузинском письменном источнике XII в. н. э. Так, в анонимном сочинении «История и восхваления венценосцев», говорится о том, что царица Тамара назвала своего единственного, долгожданного сына именем *Лаша*, означающем на языке апсар «светоч», «просветитель» [199, 91; 19, 215]. Как известно, это этимологически прозрачное абхазское лексическое образование и сегодня бытует у абхазов не только как личное имя, но и как слово, означающее «светлый», «блистательный», и в масдарной форме – *алаша-ра* «светиться», «рассветать» и *алашара* «свет».

Ассирийская *абешла* (апешла), возможно, из *абеш-лы* или *абеш-лу*, окончание которых, похоже, восходит к шумерскому *лы, лу* «человек», «люди» [200, 400]. Это может быть указанием на то, что упоминаемый в ассирийских источниках XII в. до н. э. народ *абешла* был известен в Малой Азии и гораздо раньше – ещё в период непосредственного его соседства с шумерами.

С этнонимом абешла // апешла (как уже сказано) тождественны варианты этнонима *абшил, апсил*более поздних источников. Согласно утверждению известного хеттолога В. Г. Ардзинба, в окончании последних вполне допустим хеттский суффикс происхождения *«ил»* [24, 220].

Таким образом, как представляется, во II тысячелетии до н. э. фиксируются в древних письменах два этнонима, образованных от одной основы и относящихся к древне-абхазскому этносу. Первое – это автоним *апса(апыса)* и его форма мн. числа *апсар*, упоминаемые как *абиша*, *абисар, апсар* с XIX в. до н. э., и второе – иноязычное *абешла* или *апешла (апешлайцы)*, указывающиеся в надписях ассирийского царя Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), а в других источниках как *апшил, апсил*.

Представляет также значительный интерес этническое имя *каски* или *кашки,* часто появляющееся в хеттских документах XVII–XIII вв. до н. э., и фиксирующееся уже в XII в. до н. э. вместе с

апешла (абешла) в надписях вышеназванного ассирийского царя. Так, в походе Тиглатпаласара I, предпринятом в 1114 году до н. э. против мушков, как назывались у ассирийцев фрако-фригийские племена, принимало участие 4000 тыс. кашков-абелшайцев и урумейцев [180, 181]. В анналах Тиглатпаласара I апешлайцы и урумейцы названы «некоторыми людьми Хеттской страны», они выставили против ассирийцев 4 тыс. воинов и 120 колесниц, но затем подчинились им и были «причислены к людям Ассирии» [201, 107].

С названием *«каски» // «кашки»* учеными сопоставляется этноним «касоги» («косоги», «кашаги», «кешаги»), упоминающиеся в более поздних византийских, арабских, древнегрузинских, древнеармянских, древнерусских источниках как наименование адыгских племен, обитавших в Прикубанье [24, 130].

Если *каски // кашки-* предки адыгов, а *абешла* – абхазов, то не случайнаи связка имен двух близкородственных народов «*кашков-абешлайцев*», что по смыслу совпадает с современным именем «*абхазо-адыги*». Поэтому поводу известный востоковед И. М. Дьяконов пишет, что племенное название «абешлайцы», упоминаемое в ассирийских источниках конца II тыс. до н. э. в связи с касками, как и название последних, т. е. каски, «может быть истолковано как принадлежащее к языку абхазо-адыгской группы» [180, 12].

Как полагают ученые, к началу II тысячелетия до н. э. каски или каскейцы жили вдоль Черноморского побережья от устья р. Галис по направлению к Западному Закавказью. Они делились на множество отдельных племен. Каски имели укрепленные постоянные селения и занимались скотоводством и земледелием. В тот же период с юго-востока к каскам примыкали близкородственные им апешлайцы (апсары), которые, как выше сказано, считаются одними из предков современных абхазов и абазин [201, 107, 118–119].

Следует подчеркнуть, что абхазы и адыги ко II тысячелетию до н. э. представляли собой вполне отделившихся от общего корня два народа со своими этническими подразделениями, с разнящимися языками и пределами обитания. Вместе с тем они находились, как и сегодня, в тесном, непосредственном контакте друг с другом, и в момент опасности осознавали себя едиными народом.

§2. Абхазо-адыги и хаты

Древние абхазо-адыги, т. е. кашки и абешлайцы, как уже отмечено, считаются родственными по языку хаттам – древним обитателям Малой Азии, фиксирующимся источниками первой половины II тысячелетия до н. э. в пределах большой излучины р. Галис восточнее касков.

Учёными разных поколений выявлены такие показательные черты структурного и материального сходства абхазо-адыгских языков с хаттским как: наличие в них системы двух гласных *(а, ы);* разграничение префиксальной, корневой и суффиксальной части глагола; расположение префиксов в определенной последовательности, сходство положения и функций локативного префикса (хатт. *ma*, абхаз. *мә,* адыг. *м*); одно-двухсложные корни глаголов, образование повелительного наклонения от чистой глагольной основы, слабое развитие склонения имени (в абхазских (абазских) языках, сохранивших исходное состояние, системы склонения вообще отсутствует, а в адыгских она также образовалась сравнительно поздно и представлена в зачаточном состоянии); морфологическая недифференцированность существительного и прилагательного, сходные типы редупликации основы имени; одинаковое сочетание имен; совпадения в построении простых предложений и др. [24, 421]. По утверждению тех же учёных, в частности И. М. Дьяконова, И. М. Дунаевской, Г. А. Меликишвили, И. Л. Джавахишвили, Н. Я. Марра, О. Н. Трубачева, Ш. Д. Инал-ипа и др., хатто-кашко-абешлайский (апсарский) этнический массив во II тыс. до н. э. занимал довольно значительную территорию от центральной Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа, включая и современную Абхазию. По мнению же Ш. Д. Инал-ипа, И. М. Дьяконова и др. хатто-абхазо-адыгская языковая семья в III–II тыс. до н. э. территориально простиралась и до центральной части Северного Кавказа [24, 424; 180, 13].

В этой цепи, если как-то определены места расселения древних касков и хаттов, то не совсем ясно, где располагались наиболее восточные из абхазо-адыгов – *апешлайцы*. Напрашиваются и целый ряд других вопросов. Например, если принять за самое ранее упоминание апешлайцев (абиша, абисар) египетским источником XIX

века до н. э., то почему они исчезают с поля зрения вплоть до развала Хеттского царства? Что же стало с хаттским языком и хаттами с завоеванием их страны в XVII в до н. э. иноязычными *хеттами-неситами?* Действительно ли вымер хаттский язык к концу III – началу II тыс. до н. э., как это записано в одной солидной исторической работе [201, 119], или же он имеет своего наследника в лице какого-либо современного живого языка? Наконец, несмотря на выявленные усилиями целого ряда ученых довольно важных общих черт, связывающих абхазо-адыгские языки с хаттским, остается до сих пор непонятным: какая часть абхазо-адыгов генетически ближе стоит к хаттам; а может быть хаттский язык являлся самостоятельной ветвью прото абхазо-адыгского языка и т. д.? Ответы на эти и другие важные вопросы возможно получить, прежде всего, в результате сравнительно-исторического изучения хаттского и абхазо-адыгских языков. Однако на этом пути имеются довольно серьезные препятствия. Как известно, существующее представление о хаттском языке сложилось благодаря исследованию хеттских документов, составленных на языке индоевропейского толка, где, как правило, делались вставки и тексты на хаттском языке с пометкой «хаттили» (по-хаттски), то есть обозначением, которое является производным от названия страны «хатти» [202, 70].

При этом известно, что хеттские писцы, записывавшие, главным образом, отрывки хаттских религиозных обрядов, сами хаттского языка уже не понимали, и поэтому точность их передачи текста оригинала (вплоть до неправильного словоделения) вызывает у специалистов определенное сомнение. Кроме того, система аккадской клинописи в том виде, как она применялась для записи как хеттских, так и хаттских текстов, совершенно не приспособлена для передачи хаттского звукового состава: так, она позволяет различать только 13–14 согласных, хотя в хаттском их могло быть и, вероятно было, несколько десятков. Поэтому, как отмечают специалисты – хаттологи, до сих пор было невозможно восстановить фонологическую систему хаттского языка, а это, в свою очередь, делало невозможным и достоверное решение о его принадлежности к определенной языковой семье, так как для этого необходимо установить закономерные соответствия между фонемами хаттского и сравниваемого языка (или лучше – праязыка такой же древности, как хаттский) [201, 119].

В этой ситуации, наряду с данными хеттских текстов и материалов абхазо-адыгских языков, немаловажную роль играет анализ древних культурных терминов, бытовавших у целого ряда народов, прежде всего находившихся в II тыс. до н. э. под влиянием хеттов. Представляется также ключевым и ономастический материал, в большей степени, историческая топонимия Малой Азии и прежде всего этнотопоним – *хатты*.

Как теперь известно, именем «*хатти*» первоначально обозначались город (ныне Богазкёй в Турции) и его жители [201, 119], а затем оно становится именем страны и его народа, и далее оно же, в форме «*хетты*», начинает представлять народ индоевропейской языковой группы, являющийся одним из создателей в XVII веке до н. э. Хеттского царства.

Название «хатты» – по первоисточнику «hatti», как уже сказано, фигурируется в научной литературе в качестве обозначения города, страны, народа и в значении «хаттский», «по-хаттский». Однако, не может быть, чтобы слово, переводящееся как «хаттский» и, тем более, «по-хаттски» также являлось этнотопонимом. Как правило – первое должно быть производным от последнего, т. е. от имени города, страны или народа.

Поэтому в слове hatti «хаттский» следует видеть основу, являвшуюся в чистом виде именем города или страны, народа и суффиксальный элемент. Как представляется, такой исходной основой здесь может быть *hatə,* записанный древним писцом в форме hattə, т. е. с двумя t, что, похоже, указывает на предыхательность конечного элемента слова ha-tə, соответствующего абхазо-абаз. *ҭы*. В связи с этим представляет интерес засвидетельствованное в египетских источниках времён Нового царства (XVI–XIII вв. до н. э.) имя народа ht' (условно озвученное как «хета») в качестве злейшего врага Египта в Палестине и Сирии [201, 121].

Если исходить из того, что hatъ (ht') первоначально являлось названием города, местом резиденции правителей определенной территории, то эта основа идентична прозрачной абхазо-абазинской *аҳҭы // ҳаҭы* «резиденция», букв. «князья или царя место», где *ҳ* «князь», «царь» (совр. абхаз. *аҳ*, абаз. *а-ҳы* «князь, царь») и *ҭы* – локативный суффикс. Фонетические варианты этого слова выявляются в отдельных географических названиях Абхазии. В столице Абхазии, в г. Сухум, имеется возвышенность, извест-

ная как *Аҳтӷ-хәа* или *Ҳатӷ-хәа*, где располагалась в прошлом одна из резиденций правителей Абхазии, в том числе известного Келешбея Чачба; *Аҳтӷ-хәы // Ҳатӷ-хәы*, букв. «царского (или княжеского) места гора» [94, 111]. Территория же, прилегающая к резиденции царей-правителей Абхазии в селе Лыхны, именуется *Аҳтӷы-хәӣа*, букв. «подгорье царской (княжеской) резиденции», где *аҳтӷы* «резиденция» *и хәӣа* «подгорье». От основы *а-ҳтӷы* производно также абхаз. *аҳтӷ-ны* «столица», где *ны* – локативный суффикс, образующий названия этнических территорий и административных центров: Лых-ны – столица Абхазии позднего средневековья, Аԥс-ны – «Абхазия», Егыр-ны – «Мегрелия» и т.д.

Представляется также вполне объяснимым и хатт. hatti в значении «хаттский» – из хатт. *hatə*, древ.-абхаз. *ҳтӷы* или *ҳатӷы* «место царя», «стольный город – государство (страна)» и суффикса принадлежности (притяжательности) *ti*, абхаз. *ти,* позже лабиализованного в *тәи*, срав. гагра-тәи «гагрский», москва-тәи «московский», лыхны-тәи «лыхненский»и т.д. Таким образом, слово *hat-ti* и его абхазская форма *ҳатӷ-ти* (совр. *ҳатӷ-тәи*) на абхазском и абазинском языках, как и в хаттском, буквально означает «хаттский».

Внутри излучины р. Галис (совр. Кызыл – Ирмак), наряду с *hatь* или *Хатти* – столицей хаттов, локализовались такие древние города, как *Амкува* и *Коман // Куманы* (срав. село Каман в Абхазии), здесь же и современный город *Ениапан* (абхаз. *апан* «брод»). К городу Богазкёй (быв. Хатти) примыкает с Востока обширное плато под названием *Бозок*, напоминающее иноязычную форму наименования абхазов и абазин *а-база* с древнеармянским суффиксом множественности *–к-* (срав. абхазы – др.-арм. *абхазк*; апсилы – др.-арм. *апшилк* и т.д.), гора *Бебрек* у города Кепрюкёй (срав. с абаз. княжеским родовым именем *Бебер-д*).

Обращают на себя внимание также ряд географических названий сопредельной на западе с излучиной Кызыл-Ирмак территории. Имеются ввиду такие названия городов как: *Аяш* (срав. абхаз. дворянское родовое имя Аяш, встречающееся также и в абхазском эпосе об Абрскиле), *Анкара // Ангора //Анкира, Зир* (см. ниже), *Кулу* (срав. с. Кулха – город и страна в Колхиде) и др.

Особый интерес представляет гидронимика этого региона. Многие известные ученые (П. Услар, А. Глейя, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили, С. Джанашия, Д. Гулиа, И. Дьяко-

нов, Ш. Инал-ипа и др.) в северо-восточной части Малой Азии и в Юго-Западном Закавказье выделяют такие абхазо-адыгские топонимические реалии, как: *Синопэ, Акампсис, Арипса, Арпас, Дирапс, Апсар, Апсарея, Дуабзу, Супса, Фазис, Кура* и др.

На наш взгляд, к числу последних относятся также гидронимы Малой Азии с окончанием на «з» // »с».

Гидронимы с окончанием на «з» встречаются в Турции вне излучины Кызыл-Ирмак по направлению к югу:

р. Девре-з (левый приток р. Кызыл-Ирмак);

р. Бана-з (исток у хр. Ахыр, здесь же город. Баназ; в нижнем течении река Баназ именуется Большой Мендерес);

р. Геди-з (берет свое начало ниже города Кырка и впадает в Эгейское море).

Общее для этих гидронимов окончание «з» практически идентично абхазо-абазинской основе *«з» (дз)* «вода», «река», известной и как продуктивный абхазо-абазинский гидронимообразующий элемент.

К основе *«з» (дз)* «вода», «река», по-видимому, восходит и окончание «с» и таких дотюркских гидронимов интересующего нас региона, как: *Арак-с* или *Ара-с* – из *Арак-з* (абхаз. *Арак-з*), букв. «Река Арак» или *Арас* из *Араз (Аразʒ)*, букв. «Река Ара»; река *Кар-с* из *Карз (Карʒ)*, букв. «Река Кар»; река *Арпас* (или *Арпа*) – из *Арпаз (Арпаʒ)*, букв. «Река Арпа» и др.

По-видимому, тот же элемент «з» представлен и в препозиции имени города *Зир*, находящегося в междуречье рр. Ова и Чубук, а именно – у слияния этих двух рек: срав. *Зир*. с абхаз. *зыр // зры* «воды» и топонимами Абхазии – *р. Зыр-қәа и Зыр-хә* [93, 623].

В номенклатуре того же района обращает на себя внимание и гидроним Эгриоз. Река Эгриозберет своё начало ниже плато Бозок (о нем см. выше) и впадает в реку Канак. Основа этого гидронима – *Эгри* (срав. тур. егри «кривой») присутствует так же в названии турецкого озера Эгри-дир и в наименовании горы Эгри-гёз (в междуречье рр. Эмет и Симав). Известно, что эта же основа в чистом виде «*Эгри*» выступала в античный период как одно из названий р. Чорох, затем р. Цхенисцкали, а ныне абхаз. *Егры* (Эгры) является наименованием р. Ингури.

Следует подчеркнуть, что все вышеназванные гидронимы, представляющиеся привлекательными с точки зрения носителя

абхазо-адыгских языков, локализуются в групповом порядке в определенно ограниченных регионах Турции.

По этому признаку, как уже сказано, выделяется, прежде всего, территория излучины р. Кызыл-Ирмак (древн. Галис), т. е. территория исторических хаттов. Древний ономастический пласт этого региона как будто указывает на генетическую связь хаттов с абхазо-адыгским и, прежде всего, с абхазо-абазинским этническим миром.

Вместе с тем, как известно, главным показателем родства языков является, прежде всего, сходство их грамматических и лексических основ.

Если исходить из того, что используемые для сравнения хаттские слова, извлеченные из хеттских текстов, не были изначально искажены писцами при их включении в хеттские документы, и в дальнейшем правильно озвучены чтецами, в чем сомневаются ученые (см. выше), то, похоже, что т.н. хаттский язык периода Хеттского царства никак не увязывается напрямую как с абхазскими, так и с адыгскими языками.

Выявляемые учеными общие черты в этих языках говорят пока лишь о далеком их родстве. Сам же т.н. хаттский язык, известный из материалов хеттских текстов, представляется как вполне самостоятельная, структурно сформировавшаяся ветвь протоабхазо-адыгских языков, уже намного отличная от последних, во всяком случае абхазских (абазских) наречий. По мнению же И. М. Дьяконова, хаттский язык либо очень древнее ответвление от абхазо-адыгской группы, либо промежуточное звено между этими языками и языками картвельской группы [158, 11]. Исследователь убыхского языка А. Дирр же усматривал в убыхах потомков древних хеттов (хаттов), а убыхский (пэкхийский) язык считал генетически связанным с протохеттским, т. е. хаттским [411, 14, 96; 412, 195].

В то же время древняя географическая номенклатура территории Хатти, как уже сказано, похоже, больше увязывается с абхазо-абазинским этносом. Данное обстоятельство может быть указанием на то, что древние коренные хатты и хатты времён Хеттского царства не являлись одним и тем же народом. Есть основание думать, что в самом начале II тыс. до н. э. носители т.н. хаттского языка (псевдохатты) времён хеттского царства занимали северную часть излучины р. Галис, соответствующую пределам

древнего города – государства (царства) *Куссара* или *Кушшара* (видимо, это совр. область Чорум в Турции). Ниже царства Куссара располагалось город-государство h(a)ttə, контролировавшее всю южную часть территории излучины р. Галис. Это царство и его население, как справедливо отмечают исследователи [201, 119] получили свое название hatti от имени стольного города hattə и, судя по топонимии, в том числе и названию h(a)tə (см. выше), первоначальное население этого региона, более чем вероятно, являлось в основном абхазоязычным, возможно оно и представляло часть народа *абисар // апешла* древних источников.

В хеттских документах содержатся косвенные свидетельства о том, что ближе к началу XVIII столетия до н. э. на территории излучины р. Галис происходят определенные события, приведшие вскоре к резкому изменению этнополитической ситуации во всей центральной Малой Азии. Всё начинается с того, что царь Куссара (Кушшара) – некий *Питханас* со своими людьми, по неизвестной причине (похоже, под натиском хаттских правителей), оказывается вне пределов своего и хаттского царства далеко на юге, на левой стороне р. Галис. Здесь этот же Питханас, «взяв в плен царя города Несы, захватив этот город ночью штурмом и, не причинив неситам никакого вреда, перенёс туда свою резеденцию» [201, 127]. Укрепившись в этом регионе, уже сын Питханаса – Аниттас, вместе с несситами (по происхождению индоевропейцы) нападает на Хаттское царство, измором берет город Хатти и разрушает его до основания. Этот древний престольный город, видимо, настолько был ненавистным, и настолько боялись его возрождения, что Аннитас проклял всякого, кто захотел бы сделать Хатти своей резиденцией. При этом он имел в виду возможных будущих царей hattъ из числа её первоначальных граждан, а не граждан Несы и Куссары [201, 128]. Из этого также следует, что древний город и государство hattъ было разгромлено с особой жестокостью (в XVII. до н. э..), а его территория отошла к Куссаро-Неситскому царству. Видимо, тогда же здесь произошла и смена населения – коренные (абхазоязычные?) хатты, похоже, оказались на западных и южных перефириях уже нового по существу Куссаро-Неситского государства, известного как Хеттское царство. Видимо с этим связано то, что в дальнейшем апешлайцы и кашки становятся непримиримыми врагами Хеттской державы на всё время её существования.

Что же касается самой территории разгромленного Хаттского государства, то оно продолжает именоваться прежним названием hattъ, а новые его хозяева, видимо *куссары*, завоевавшие вместе с несситами эту территорию, обозначаются как «хаттские люди» или «люди страны Хатти». В дальнейшем название hattъ переиначивается в *хетты,* и последнее становится именем индоевропейцев – основного населения Хеттского государства. В XV же веке до н. э. восстанавливается и «проклятый» древний город hattъ (хетт. Хаттус) – в качестве новой столицы Хеттской державы. Учитывая всё это и, прежде всего, роль и место куссаров в истории Хеттского государства, можно говорить о том, что встречающийся в хеттских текстах языковой материал с пометкой хатти-ли «по-хаттски», «хаттский» принадлежит именно куссарам. Сам языковой материал, известный как хаттский, больше указывает на то, что хаттский, т. е. куссарский (ново-хаттский) язык, являлся, скорее всего, как выше отмечено, самостоятельной ветвью прото-абхазо-адыгской языковой основы. Этот, т. е. псевдо-хатский (куссарский – *В. К.*) язык, как полагают ученые, был поглощен индоевропейской языковой средой ещё в эпоху Хеттской державы [189, 367].

Наконец, следует отметить, что в качестве важных аргументов связи предков абхазов и абазин с древней страной Хатти выступают и фольклорные данные. Так, например, абазинский фольклор сохраняет этнотопоним Хlаты. Абазиноведы С. У. Пазов. А. Х. Татаршао пишут: «...существует фразеологизм *Хlаты дцатl* («ушёл в Хаты» – *В. К.*) // *Хlаты дцан дгlайтl* («ушёл в Хаттыи вернулся» – *В. К.*) [413, 12].

Фольклорист В. Б. Тугов публикует следующую абазинскую скороговорку, упоминающую также страну Хаты:

Ъахlы-ъахlы!	Кхы-кхы!
Ауи дзачlвыйа?	Кто это?
Цlаракlвыжв сакlвпl	Царакуж я.
Уабаъаз?	Где ты был?
Хlатты саъан	В *Хатах*.
Йудрыфйа?	Чем угостил?
Тшыбгъабаста.	Бастой со спины лошади.
Схъвы абау?	А где моя доля?
Ацlла йхъапl.	На дереве.
Ацlла абау?	Агде дерево?

Агврыхlа йпнакъытl.	Топор срубил.
Агврыхlа абау?	А где топор?
Алгъачl йабылтl.	Степной пал сжег.
Алгъачl абау?	А где степной пал?
Адзы йарычвтl.	Вода потушила.
Адзы абау?	А где вода?
Ала йажвтl.	Собака выпила.
Ала абау?	А где собака?
Дон йцатl!	Ушла на Дон!

Существует также дразнилка о хаттах:
Хlатт, хlатт– джьалала!
Хlатты, хlатты – джьалала!
Хlатт, хlатт – джьалала!
Хlатты, хlатты – джьалала!

Джьалала, как объясняет В. Копсергенова, – неспокойный, неуровновешенный хатт, позволяющий себе делать все, что дозволено и не дозволено [407, 120].

С хаттами увязывается также абазинское название лепёшки *хатык («хlатыкъ»)*, означающее в буквальном переводе «хатовская еда» [407, 121].

Таким образом, думается, что вышесказанное в целом дает определенное основание говорить о том, что древнее Хаттское государство могло бытьстраной абхазоязычных (т. е. абазоязычных).

ГЛАВА V

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МАЛОЙ АЗИИ XV–XI ВВ. ДО Н. Э.

Безжалостный разгром Хаттского государства в XVII в. до н. э. куссаро-неситами, нужно полагать, повлек и исход из его пределов коренного населения. Данное обстоятельство, а также образование на территории хаттов могущественного Хеттского царства, не могли не повлиять на этнополитическую ситуацию малоазийского региона. К середине II тыс. до н. э., по-видимому, хатто-абешлайские сообщества уже были одними из создателей ряда царств, как на западе, так и на юге, юго-востоке Малой Азии. На западе, предположительно, такими царствами являлись *Арцава* и т. н. *Страна реки Сеха* (возможно и *Ассува*), располагавшиеся в междуречье рек *Баназ* (Большой Медерес) и *Гедиз* (Герм). Южный же край этой территории примыкал к Эгейкому морю. Царство *Арцава*, как полагают ученые, являлось крупным разноплеменным государством, кудапорой входила и Страна реки Сеха, и другие автономные образования.

Этот регион примечателен такими наименованиями географических объектов как: хр. *Ахыр* у истока р. Баназ (о втором хребте Ахыр см. ниже) – *Ахыр*, срав. с абхаз. *ахра*или *ахыр* «утес», «скальная гора», а также с *ахры* «верха», «вершины»; здесь же горы – *Гал, Эгри-гёз;* города – *Ходжалы* (у подошвы г. Чал), *Карачал* (у р. Эрен), *Кырка* (город и река), *Чине* (город и левый приток р. Бол. Мендерес), а также города на левобережье р. Мал. Мендерес –*Чатал*, *Одемиш*. Все эти названия практически компактно представлены и в топонимии Абхазии: село и гора *Чал*, р. *Эгры*, г. *Хуаджал*, гор. *Ткуарчал // Карчал* [30, 31, 76; 93]; *Кырка* – срав. с *Кирки-пал*; с. *Чин*, г. *Чатал*; *Одемиш* – срав. с названием сел *Тамыш, Тоу-мыш, Герге-мыш* и др. [93]. В этом же регионе Турции и город Кечи-барлу (срав.р. *Кеч-псы* – рукав р. Кубань и

Кеч, Геч – абхаз. княжеско-дворянское родовое имя), *Карты* (срав. *Карт-* древнее название г. Тбилиси), *Кула* (срав. гор. *Кула* в Колхиде). Здесь же и уже упоминавшиеся реки *Бана-з, Геди-з* и р. *Кум* – правый рукав р. Гедиз (срав. м-сть. *Гум, Гума* и р. *Гум-ста* в Абхазии, а также р. *Кум* на Северном Кавказе) и др.

Наконец, рассматриваемый регион примечателен также и тем, что в междуречье Большой Мендерес (Бана-з) и Малый Мендерес, вблизи Эгейского моря, ученые локализуют древний город *Апаса* (совр. *Ефес*) [см. карту, приложенную к книге «История древнего Востока» (201)], что совпадает с древней формой самоназвания абхазов и абазин *апаса // абаса // абаза* (см. главу II). Обращает на себя внимание и окончание названия территории и царства – Арца-ва– «*ва*», сопоставимое с абхазским *уа* «люди», что также является этнонимообразующим элементом: *апс-уа* «абхаз», *агыр-уа* «мегрел», *ақырҭ-уа* «грузин» и т. д. В географических названиях Малой Азии с окончанием на *у(ва), -уа* И. М. Дьяконов видит хурритский суффикс родительного падежа *–ва;* отсюда, например, топоним *Салуа* переводится как «область людей Сала» [180, 86]. Это же окончание представлено и в названии царства *Асу-ва* (срав. абхаз. *ашə-уа* из *ас-уа* «абазин») и *Ахия-ва*, находившихся выше Арцавы, а также и в наименованиях таких царств как *Паххува, Ишу-ва, Хему-ва* и др. (см. ниже). Известно имя одного из царей Страны реки Саха *Манапа-Таттас*, что букв. переводится с абхазского как «сын Мана-Таттас», где *па* (абх. *а-ҧа*) «сын», (упоминаются также имена *Лац-па-с, Ат-па-с*). *Таттас*, у абхазов *Татташь,* является сугубо княжеским именем, восходящим к абхазскому слову и имени *Татта*, означающим «мягкий», «добрый», «добродушный».

Хеттский царь Мурсилис II упоминает, наряду с Арцавским городом *Апаса* (Апаса-с), и царя этой страны – *Уаххацит* (*Уаххацитис*) [201, 155], совпадающего с именем одного из героев абхазского Нартского эпоса *Уахсит // Уахасит* [74, 41].

Наконец, видимо, также не случайно, что слово *ага,* созвучное с названием Эгейского моря, в абхазском языке означает «берег моря», т. е. «предел моря», а иногда и «море».

На юго-востоке Турции, в малоазийском Тавре в бассейнах рр. Тарсус, Сеихан и Джейхан, т. е. на территории исторической Кацувадны, также выделяется целая группа любопытных наименова-

ний географических объектов. Это: маленькое горное царство *Табал*, срав. *Цабал* – название горного района и общества в Абхазии; г. *Чамарды* – у истока р. Чакыт – срав. *Ачмарда // Чамарда* – гора в Гагрском р-не Абхазии; место и река *Чакыт* (берет своё начало у г. Чамарды и впадает в р. Сейхан). В этих взаимосвязанных названиях как будто просматривается основа родового имени древних абхазских царей *Ачы* (ныне Ач-ба) – отсюда ароним *Чамарды* (в Абхазии г. Ачмарда // Чамарда), переводится букв. как «подъём или склон Чаовых», где *марды / марда* «крутой склон», «крутой подъём». Второе же – *Чакыт* в буквальном значении «село Чаовых», срав. с названиями сёл в Абхазии: *Чаа-ркыт* «село Чаовых», *Баз-кыт* «село Базовых», *Еш-кыт* «село Ешовых», *Лоу-кыт*, *Тамкыт* и т. д.

В указанном регионе также имеются гора и река *Мededсиз*. Похоже, что в этом названии окончанием может быть *дсиз,* сопоставимое с абхаз. *дзыжь* (аʒыжь) «водоем», «озерцо». Река Мededсиз берет свое начало у одноименной горы и заканчивается в образованных ею же водоемах (озерцах). Представляют также интерес и такие названия, как: *Занапа* – город у реки Мededсиз (срав. *Анапа, Куанапа* и др. в исторической Абхазии); город и река *Тарс // Тарсус* (срав. *Тарсур* – река в Абхазии, упоминаемая Арианом в II. н. э.). Далее в бассейне р. Джейхан: город и река *Козан* (срав. пос. *Куазан* в абхазском городе Ткуарчал); хр. *Ахыр* (см. выше о первом хр. *Ахыр*); гор. *Мараш* – у подножья хр. Ахыр (срав. с основой имени абхазского княжеского рода – *Мар(ы)ш-ан);* гор. *Даренда* – у правобережья р. Тохма (срав. с названием пос. *Дранда / Даранда* в Абхазии [94, 161–166]).

Обращает также на себя внимание и название царства *Кицувадна // Кацувадны,* и его столицы *Кумманна*. По своему окончанию название *Кицува-дны* сближется с такими абхазскими топонимами как: *Ашə-дəны* «Абазия» (т. е. «страна абазин»), *Аԥшь-дəны, Бгар-дəны, Зи-дəны // Зи-дəна* – исторические села в Абхазии. Роднящий эти названия конечный элемент *дəны* осмысливается в значении «равнинное место», «равнинная страна» – от *дə (*древ.←*д)* «равнина» и *ны* – локативный суффикс. В основе же названия Кицувадны – *Кицу-ва,* похоже, имеем тот же этнонимный постпозиционный компонент *ва*, что представлен и в названиях царств *Арца-ва, Ассу-ва, Паху-ва, Ишу-ва, Хему-ва* и др., вполне

сопоставимое с абхаз. этнонимообразующим *уа* «люди» (см. выше). Вместе с тем имя столицы этого царства – *Кумманна* как будто сближается с названием села и святого места *Каманы* в центральной части Абхазии. Наконец, любопытно и то, что горы Кицувадна, являвшиеся широко известным местом железных и серебряных рудников [189, 504], именовались *Тавр // Тавра*, что в форме *Тсауры // Тсаура* в абхазском буквально означает «место получения свинца (или олова)» – от *тса* «свинец» – у абаз. «олово» и *аура* «получать».

Царство Кицувадна, как полагают ученые, возникло в XVI веке до н. э., и характеризуют его как лувийско-хурритское государство с хурритской царской династией. Оно в начале находилось в договорных отношениях с Хеттской державой, затем оказалось под влиянием державы хурритов Метании, а в битве египтян и хеттов при Кадеше Кицувадна выступало уже на стороне хеттов. Это царство также было уничтожено «народами моря» в начале XII в. до н. э.

Кицуваднские хурриты говорили на языке, отличном от языка хурритов Метании [201, 124, 134] и, как представляется, вышеприведенные языковые факты их увязывают с предками абхазов и абазин.

Вблизи вышеочерченной территории Кицувадны, в частности на правобережьер. Евфрат, имеются город и река *Кяхта* – правый приток р. Евфрата. В этом гидротопониме также можно усматривать абхазо-абазинский гидронимный суффикс *-тӏа* и древнеродовое имя *Кяхь*, восходящее к кабардинскому *Кехь* – названию адыгейцев и букв. означающему «низовые» [204, 267]. В эпоху Хеттского царства ниже реки Кяхта на берегу Евфрата находились города *Хахха* и *Хашшу* (*Хашша)*. Последний, по-видимому, соответствует современному турецкому городу *Алтынташ*, название которого переводится с турецкого как «золотой камень», «золотые камни (россыпи)». В связи с этим представляет интерес и возможное объяснение древнего *Хашшу* из абхаз. *Хаша (Ҳаша)* «белый камень (или белые камни)», где *ҳа* «камень» и *ш* «белый», «светлый» или же из *ҳасса* «мелкие камни», «россыпь мелких камней»; *аҳаса* «крупный песок». Примечательно и то, что жители *Хашшу* именовались *хашшува* или *хассува*, где имеется уже названное окончание *ва // уа* «люди»: *хашшува // хассува*, букв.

«люди Хашша», т. е. «хашшуйцы» (см. выше). Название второго древнего города – *Хахха* созвучно абхазо-абазинскому *Хаха // Хахха* «растопыренный», «отдельно стоящий», «выпертый».

К югу от древнего Хашшу (совр. Алтынташ), ближе к турецко-сирийской границе, в Евфрат впадает река с оригинальным именем *Незип;* у этой же реки и гор. *Низип* (срав. в Абхазии рр. *Мезыб, Бзып, Пшап*; сс. *Хуап, Гарп* и др.). Чуть ниже р. Незип, у Евфрата, расположен также гор. *Барак,* название которого созвучно с именем ветви абазинского общества *Барак (Барака-иԥа), баракайцы.*

Есть некоторое основание говорить и о существовании в первой половине II тыс. до н. э. (возможно и раньше) каких-то связей части абхазских (абазских) этнических подразделений с Финикией, Палестиной и прилегающим к ним территориям. Если исходить из ономастического материала, то и здесь, как кажется, представлены ряд географических названий, имеющих параллели и в топонимии Абхазии или созвучные с родовыми именами абхазских князей и дворян: *Акка // Акки* – самый южный приморский город Финикии – срав. древ. *Акку // Акки*, совр. абхаз. *Акуа* – столица Абхазии (Сухум), расположенный также на морском берегу; город *Губла* (*Библ*) – срав. *Убла (//Аубла)* – родовое имя самого почитаемого у абхазов и абазин княжеского рода, считающегося, по данным фольклора, родственным царскому роду Лау//Лоу (Ачба); гор. *Цумур // Сумур* на морском берегу северной окраины Финикии – срав. *Цумур // Сумур* – река и село в центральной Абхазии; г. *Акра* на берегу Средиземного моря в пределах древнего города-государства Угарит (о нём см. ниже) – срав. *Акра* и *Анакра* на морском берегу Абхазии, означающий на абхазском «маяк».

К вышеназванным параллелям можно прибавить и такие сближения, как *Керкемиш* – название древнего города-государства на большой излучине Евфрата и *Гиаргямишь (Гьаргьамышь)* – село и местность в Гулрыпшском районе Абхазии [93, 333, 344]; хеттско-сирийский город *Кадеш* (он же Киндза) у р. Оронта и *Кадош // Кодош* – приморское село и бухта в исторической Западной Абхазии вблизи г. Туапсе. Последнее, т. е. кавказское *Кадош // Кодош,* зафиксировано ещё в середине XVIII века Пейсонелем [206]. Он пишет: «Кадош – открытая бухта. Тут именно знаменитое дерево, называемое Кодош, которое чтут и абазинцы и черкесы (дерево pangiassan). Этимология

слова Кадош, означающего «святой», так же, как pangiassan, происходит от греческого panaghia – имени, которое греки дают святой деве» [207, 198–199]. По мнению Дж. Н. Кокова, то обстоятельство, что исторически черкесы и абазины словом Кодош обозначали почитаемые, святые места, говорит в пользу этимологии – «святой», ср. араб. Кудус «святой». Далее он пишет: «Вряд ли есть смысл рассматривать топоним Кодош (Кадош) на Западном Кавказе в отрыве от переднеазиатского Кадеш (имя древнеасирийской богини, изображаемой в виде женщины, сидящей на спине льва; название крупнейшей хеттской крепости в Сирии). Эта параллель не должна быть исключена хотя бы потому, что не является единственным кавказско-малоазийским ономастическим сближением» [207, 198–199].

Вместе с тем, согласно материалам абхазского фольклора, *Кодош*, абх. *Куадаш* мог быть родовым, обожествленным именем. Так, в абхазском фольклоре, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, *Куадаш-пха* (*пҳа* – «дочь») – неопределенный образ некой небесной девы без личного имени: известно только то, что она происходила из рода Куадаш [74, 35, 191].

Представляет интерес и совпадение второго названия малоазийского города Кадеш – *Киндза* с именем абхазо-абазинского дворянского рода *Киндза // Кинца* [74, 166, 184, 206], а также близость основы названия реки *Оронт // Оронта,* у которой располагался этот город, и имени рода абхазских (абазских) князей *Аран // Арин // Арын (Арын-ба, Арынд-ба)* [74, 160]; окончание же гидронима Оронта – *та* может быть тем же самым, что и абхазский гидронимный суффикс *тӡа*, ср. *Гумыс-та, Хыԥс-тӡа, Мҷышьтӡа, Зиа-та, Басла-тӡа* и т. д. [91, 46].

О присутствии во II тыс. до н. э. части предков абхазо-абазин в пределах Финикии, Палестине и прилегающих к ним территориях, похоже, говорят и другие факты. Так, например, австрийский ученый А. Ирку и русский профессор – эпиграфист Г. Ф. Турчанинов и др. считают, что псевдоиероглифическое письмо принесли с собой в 2000–1800 гг. до н .э. в Библ люди, родственные кавказцам, в частности, абхазо-абазанам – *ашуйцы.* Один из памятников этого письма, т. е. «Майкопская надпись» XIII–XII веков до н. э., дешифрованный Г. Ф. Турчаниновым на древне-абхазо-абазинском языке, назван им «Колх(ид)ское (древнеабхазское) письмо» или «Ашуйское (древне-абхазо-абазино-убыхское) письмо [208, 18].

Вместе с тем представляют довольно значительный интерес материалы угаритских текстов XV–XIII вв. до н. э. Прежде всего, – это фигурирующие в них имена царей, высокопоставленных чиновников и отдельные термины, похоже, говорящие о существовании во второй половине II тыс. до н. э. в городе – государстве *Угарите* абхазо-язычной царской династии. Так, в материалах угаритского архива называются последовательно цари Угарита *Никм-Адду I, Никм-Эпа, Никм-Адду II* и его сын *Никм-Эпа* и др. Царское имя *Никм-Адду* переводится с абхазского, как «Никм Великий», где *адду* (адыу) – «большой», «великий». Судя по другим материалам, прилагательное «*адду*», в сочетании с именами царей, означавшее «великий», в других случаях (как и у абхазов) выступало и в значении «старшина», «глава», «главный» (глава семьи, рода, общины и т. д.).[1]

Сын царя *Никм-Адду* именуется *Никм-Эпе,* в котором нетрудно усмотреть абхазскую форму *Никм-иԥы* или *Никм-иԥа*, букв. «сын Никма» – от *и-па // и-пы* «его сын», где *и*– притяжательное местоимение 2-го лица, *па*– «сын».

Далее в угаритских текстах речь идет о некоем *Абду // Абди*, усыновившим, в отместку своим сыновьям, своего внука от дочери, которому и передал свое наследство. Очевидно, здесь называется не собственное имя этого деда, а слово *абду*, означающий на абхазском «дед», букв. «большой отец». Видимо, усыновленным внуком являлся Азиру – наследник другого деда, уже со стороны отца, первого правителя Амурру *Абду (Абди)–Ашырта* (?). Поэтому вряд ли случайно, что в источнике эти два деда именуются одинаково *Абду,* т. е. «дед». Азиру впоследствии становится самым сильным царём Амурра [201, 248–249].

Известен так же и один из состоятельных придворных царя Угарита *Никт-Эпы*, а затем и его наследник с именем *Аммистамр(у),* в котором угадывается абхазский социальный термин *аамыста* «придворный», «дворянин» и *мары // мара* «иметь» «владеть». В Угарите после царя Аммистамры царствует Иберану (видимо – сын Амистамры), далее сын – наследник Иберану именуется *Никм-Адду III*, последним же царём Угарита становится *Амурапи* (конец XIII – начало XII в. до н. э.) [201, 259].

[1] С ним созвучно имя бога грозы и дождя Адду//Адды, представляющий собой усеченную форму Адыд → Адды «гром».

Вместе с тем, представляют интерес и имена царей Библа или Губла. В XIV–XIII вв. до н. э. цари Губла (Библа), где египетское влияние прочно укрепилось уже почти тысячелетием раньше, пользовались египетским языком, как официальным, и составляли на нем надписи, обычно выступая как исполнители воли фараонов [201, 226]. Так, в них упоминаются цари Библа (конец XIV в. до н. э.) *АбишемуI* и его сын *Япашему – Аби I*. В имени отца Аби-*шему I* (абхаз. *аб* «отец»), похоже, просматривается абхазский термин *абиашьа* «дядя», букв. «отца брат», а окончание *му* остается непонятным. Имя же второго царя – *Япа-шему-Аби I,*являвшегося сыном Абишему I-го, осмысливается «Аби I-го сына брат» (видимо, по матери), где препозиционный компонент– *Япа* соответствует абхаз. *и-па*, букв. «его сын» (см. выше). В Библе позже царствовала и вторая семейная пара – отец *АбишемуII*и его сын *Япа-шему-Аби II*. Все они, и последующий царь Библа, Риб-Адди, правившие в довольно смутное для региона время, были тесно связаны с фараоновской властью. Во времена царя Риб-Адди здесь сложилась крайне тяжелая военно-политическая ситуация, что вызвало массовое разорение населения и отток людей в вольные области хаппиру, где воспользовавшиеся этим хаппири создали царство Амурру.

Как пишут востоковеды, в частности И. Дьяконов, уже первый правитель Амурра *Абди Аширта* стал призывать народ к нападению на Библ (Губла) и к изгнанию городоначальников из близлежащих стран (городов), намекать на необходимость создания антифараоновской коалиции. Вместе с тем, *Абди-Аширта*, позже и его сын *Азиру,* в своих письмах в Египет из осторожности прикидывались верными слугами фараона, но оба они систематически через своих агентов призывали население окрестных городов убивать своих «городоначальников» и примыкать к хапиру. Это происходило не только в Библе, но и в соседних городах – Тире и Амби (Аммия) и даже в Палестине, вплоть до границ Египта, где дело доходило до мятежных выступлений рабов. Так, один из ханаанейских царьков Палестины (*Милькиэль*) просил у фараона военной помощи «чтобы не убили нас рабы наши», а *Абди-Хеба*, царёк Иерусалима, сообщает, что некоего сановника его рабы действительно убили у ворот города *Зилу* (точнее *Чилу*, срав. с с. Члоу в Абхазии) и затем присоединились к хапиру [201, 248]. В войне

с народами городов – государств Финикии был убит и сам *Абдаширта* (или *Абди-Аширта*) [189, 393]. В связи с этим вызывает любопытство вторая часть имени Абди-Аширта // Абдаширта – *аширта*, буквально означающая на абхазском «место убиения», «место убиийства», «место казни» – от глагола *ашьы – ашьра* «убивать» и *тӡа* – локативного суффикса, срав. абаз. *аба-шьыртӡа, абхаз. аиба-шьыртӡа* «место сражения», букв. «место взаимного убиения», в Абхазии *аб-ашьыртӡа* «место убиения тура» и т.д. Если исходить из абхазской этимологии, то возникает сомнение в правильности записи или прочтения первоисточника, где, возможно, *Абдиаширта* является не собственным именем правителя Амурра, а названием места (территории), где он был убит, срав. абхаз. *Абдуишьыртӡа,* букв. «место убийства Абди (или Абду)». Настоящее же имя правителя Амурру – *Абди//Абду* («дед», «великий (большой) отец»). С именем этого жестокого и кровожадного царя *Абди* или *Абду* может как-то увязано устаревшее окаменелое абхазское выражение «*Ҳаи*! *Абду ихы лахааит*» и усеченно *«Ҳаи! Абадиха (//абадихуа)»,* выражающее большое сожаление, чувство досады, проклятье. Первая полная форма переводится как «Ой! Чтобы свернулась (свисла) голова Абдуа», в смысле «чтобы он сдох (провалился)», срав. абхазское проклятие *ухы лахааит* «чтобы свернулась у тебя голова», т. е. «чтобы ты умер».

Обращает также на себя внимание и имя правителя Иерусалима *Абди-Хеба* [201, 248]. Второй компонент этого имени – *Хеба* напоминает абхаз. *еиҳабы* «старший», «старшина», «правитель» (отсюда *аиҳабы-ра* «правительство»). Возможно, *Абди-Хеба*, являлся старшим братом *Абди-Аширта: Абди-Хеба,* срав. абхаз. *Абду еиҳабы,* буквально означающим «старший Абду (Абди) или же «старший дед».

Думается, что о былом присутствии абхазо-абазинского этнического элемента в указанных регионах могут свидетельствовать и целый ряд других языковых фактов. Так, к ним можно отнести абхазское просительное выражение *«иахуа»*, широко бытующее особенно в Восточной Абхазии. С его помощью оформляются всякие просительные обращения: *иахуа суҳәоит* «иахуа, я тебя прошу», *иахуа исытӡ* «иахуа, дай мне его», *иахуа угыл* «иахуа, встань» и т.д., и т.п. Вряд ли это, давно окаменевшее в абхазском языке, слово отделимо от имени израильского бога *Яхве* (срав. абхаз. *Иахуа*).

Весьма любопытен и другой факт – это близость абхазо-абазинского *цабыш // сабыш* «суббота» и еврейского шабаш «суббота» – переносно «отдых», «празднование», «конец недели». Как известно, из еврейского шабаш (др.-еврейск. šabbad) ученые выводят русск. «суббота» (старо-слав. субота), латынское Sabbata, ср.-греч. sambata, sabbaton, груз. *шабати* и другие созвучные с ними варианты названия шестого дня недели [209, 391; 210, 460].

Вместе с тем, насколько известно, этимология еврейского *шабаш* «суббота» до сих пор остается до конца невыясненной. Непонятно также, почему родственные др.-еврейск. *шаббад* основы, например, в груз. *шабати*, армян. *шаԓԓи* и целый ряд других языковых вариантов, выступают в названиях дней недели в значении «день», «рассвет» и в значении «суббота». Обращает на себя внимание и то, что в этих языках (в грузинском, армянском и др.) порядковый отсчет дней недели начинается с воскресенья, так, например, в груз. понедельник именуется *оршабати*, букв. «второй день», *самшабати* «вторник», букв. «третий день» и т. д. То же самое наблюдается в армянском, в таджикском, узбекском и в целом ряде иных языков, тогда как у абхазо-адыгов, славян и других народов счет начинается с понедельника, т. е. понедельник является первым днем недели.

В абхазском и абазинском языках понедельник именуется ныне не очень понятным именем «*ашәахьа // ашәахьы*», что, похоже, трансформировано из *ашахы-* «начало дней» или «головной день». Далее все понятно: *а-ԛаш // а-ԛаша*«вторник», букв. «второй день» – от основы числительного *ԛ-ба* «два» и *шы(ша)* «день», «свет» (совр. *ам-ш* «день»); *а-хаш // а-хаша* «среда», букв. «третий день»; *а-ԓшьаш //а-ԓшьаша* «четверг» – «четвертый день»; *а-хәаш // а-хәаша* «пятница» – «пятый день»; *а-цабыш // а-сабыш* (совр. литер. *а-сабша,* абаз. *цабыш*) «суббота», букв. «шестой день» и наконец *а-мҵеыш // а-мҵеыша* – «воскресенье». Последний термин, т. е. *а-мҵеыш // амҵеыша*, скорее всего, восходит к форме *а-мшыш(а),* букв. «светлый день» и увязывается с днём оживления Христа. Вместе с тем, похоже, что воскресенье, т. е. седьмой день недели, у абхазов и абазин первоначально именовался *амчыбжь* – из *амшбжь*, букв. «седьмой день» или «семь дней», что ныне означает «неделя», букв. «семь дней». Таким образом, абхазо-абазинская древняя основа *цабыш // сабыш* (из *ца-*

баш) «суббота», сближающаяся с еврейск. *шабаш* «суббота», представляется довольно прозрачным двусложным образованием. Состоит она из основы *цы*(*ца*) –абхазо-абазинского числительного *ц-ба* «шесть» (*цы-шə* «шестьсот»)[1] [246, 566] и уже известного корнеслова *шы* (*ша)* «день», «рассвет». В целом же абхазо-абазинское *цабы-ш* или *цаба-ш* «суббота» буквально означают «шестой день», поэтому, вполне возможно, что эта основа и является исходной для еврейск. *шабаш* «суббота».

Вместе с тем может возникнуть вопрос: почему в абхазском языке в названиях второго, третьего, четвертого и пятого дней недели в препозиции представлены усеченные формы числительных *ҩ* – от *ҩба, х*– от *хԥа(хпа)* «три», *ԥшь* – от *ԥшьба «четыре», хə – от хəба* «пять», а в названии шестого дня имеем полную форму числительной основы *ц(ы)* – *цба* «шесть», от которой *цабыш* или *цабаш* «шестой день». Возможно, ожидаемая здесь усеченная основа *цаш(цыш)* уступила место своей полной, более благозвучной форме, *цабыш*. Последняя же может быть и древним диалектным вариантом. В этой связи следует отметить, что некоторую особенность проявляет и название седьмого дня недели *амчыбжь* из *амшбжь* «воскресенье», «неделя», где вместо ожидаемого *бжьы-ш* «седьмой день» имеем *аміш-бжь (амчыбжь)* «день седьмой».

Представляет также значительный интерес довольно важный социальный термин *хупшу, хуԥше,* уже известный в первой половине II тыс. до н. э. в Ассирии, Финикии, Метаннии, возможно, и в других государствах Ближнего Востока. В Ассирии он означал низший разряд воинов, набиравшихся из людей, зависимых от царя и получавших от дворца либо земельный надел, либо только довольствие [189, 322]. В Финикии он обозначал зависимых крестьян. Так «царь Библа Риб-Адди писал фараону, что его *хупшу*, оставившие свои поля вследствие голода и вторжения неприятеля, бежали или в город Библ, или в области соседних городов» [189, 388; 201, 244, 249]. Этот термин вряд ли можно отделить от

[1] Для ясности отметим, что в абхазских (абазских) языках числительные основы, обозначающие счет от двух до одиннадцати оформляются общим окончанием ба//ԥа: ҩ-ба «два», х-ԥа «три», ԥшь-ба «четыре», ху-ба «пять», ц-ба «шесть» (в абаз. ц-ба →в абх. ф-ба), бжь-ба «семь», аа-ба «восемь», жə-ба «девять», жəа-ба «десять».

абхазо-абазинского этимологически понятного слова *а-хьыԥшы* «зависимый», что, в частности, обозначает и категорию зависимых крестьян [211, 17, 27; 23, 502], а также зависимого от кого-либо человека или следующую за кем-либо группу людей: *Аԥсҳа и-хьыԥшы(у)* «подданные (абхазского) царя», *аҳ и-хьыԥшу* «люди, зависимые от князья», *ахьыԥшы* или *анхаҩыхьыԥшы* «зависимый крестьянин», *атәылахьыԥшы* «зависимая страна», *ажәлар з-хьыԥшу* «тот, за которым идет народ», *ар з-хьыԥшу* «предводитель», т. е. «тот, за которым идёт армия» и т. д. От основы *хьыԥшы* образованы сущ. *ахьыԥш-ра* «зависимость», а с помощью элемента отрицания *м–* слово *ахьыԥшы-м-ра* «независимость».

Интересующая нас основа *хьыԥшы* имеет и второе значение – «следующий (за кем-либо)» – отсюда и глагольная форма *ахьыԥшра* «следовать за кем-либо» [212, 354]. Похоже, именно второе значение ближе к исходному. Слово *а-хьыԥшы* представляется древним двусложным образованием, где препозиционное *хь(ы)* выступает в значении «зад», «задний», а второй компонент – *ԥшы* является основой глагола *аԥш-ра* «смотреть», «глядеть»: срав. *а-хьа-ԥшра* «оглядываться назад» – от морфемы (преверба) *хьы* «назад» и *аԥшра* «смотреть»; *а-хь(ы)-шьҭра* «оставленный сзади след», где *ашьҭра* «след», *ахьа-ӷра* «отступать», «отступление»; *хьи*! – оклик волов, употребляемый с целью отодвинуть их назад и т.д. Таким образом, слово *ахьԥшы* в целом буквально переводится, как «смотрящий взад кого-л.», т. е. «следующий (стоящий) за кем-л.» – отсюда *а-хьыԥш-ра* «последовать за кем-л.», а в дальнейшем *ахьыԥшы* «человек, следующий за своим предводителем или хозяином», «люди, зависящие от кого-л.» и, наконец, понятие «зависимые». Древнюю форму слова *хупшу* также можно сопоставить с основой абхазского глагола *хуапшы→ а-хуаԥш-ра* «смотреть (глядеть) на кого-либо».

В Ассирии, наряду с социальным термином *хупшу,* было в обиходе и не менее важное древнее слово *алайау* «общинник» [189,322]. Похоже, оно также находит определенную связь с абхазо-абазинскими *аила* (аилар) «община» и *аилаеиуоу «*общинник». Первое осмысливается в абхазском и абазинском в значении «совместье», «коллектив», букв. же означает «находящиеся друг в друге» – от *аи(еи)* префикса взаимности [213, 144] и элемента

(преверба) *л-а*«входить». От основы *аила* (срав.угарит. *ала* «община»), с помощью суффикса множественности *–р* образован термин *аилар* «община» [94, 169]. Эта же основа выступает в качестве преверба во многих сложных словах: *аилага* «сумасшедший», т. е. «помешанный»; *аила-га-ра* «помешать»; *аила-жра* «закопать всех вместе»; *аила-жьра* «валить всех вместе*», аила-жә-ра* «сварить всё вместе»; *аила-кра* «закрывать всех вместе»; *аила-ԥса* «складчина» и т. д., и т. п. От древней формы *а-ила* (совр. *аила-р*) «община», «коллектив», «совместье» происходит и сложное слово *аилаеиуоу* (срав. ассир. *–алайау* «общиник»), букв. «принадлежащий к общине», т. е. «общинник» – от *аила* (совр. *аила-р*) «община» и *еиуоу* «принадлежащий», «относящийся».

Вышеприведенные языковые факты, в том числе и древние египетско-абхазо-абазинские лексические параллели (см. главуII), как представляется, дают веское основание говорить о былом присутствии абхазоязычного этнического элемента на восточной стороне Средиземного моря, в пределах подвластных Египту и отчасти Хеттскому царству территориях Финикии, Палестины и прилегающих к ним районов. Более того, создается впечатление, что в XV–XIV вв. до н. э. (возможно и раньше) ряд городов – государств этого региона находились под властью какой-то абхазоязычной правящей касты, возможно являвшейся частью гиксосов, которых египтяне именовали «вожди или властители чужих стран» [201, 229].

В первой половине II тыс. до н. э. египетское влияние распространялось широко за его пределами и, в частности, и на интересующую нас территорию Восточного Средиземноморья.

К середине XIV века до н. э., в связи с обострением хеттско-египетских отношений, здесь резко усложняется этнополитическая ситуация. Видимо, не без поддержки хеттского царя, у реки Оронта возникает государство хапиров – Амурру. Первые же его правители Абди-Аширта и его приемник Азиру, опираясь на поддержку хеттов, начинают свою деятельность с яростных попыток завоевания городов – государств Финикии и Палестины. В то же время они призывают население этих стран убивать, прогонять своих правителей, где последние, возможно, уже являлись чуждыми для большинства подвластных им граждан. Население охватывает голод и паника, люди разбегаются со своих мест по разным на-

правлениям. В этой связи проегипетские правители жалобно просят помощи у фараона. Однако эти просьбы, в основном, остаются безответными, тогда как прохеттские цари Угарита *Никм-Адду* и его сын *Никм-Эпа*, а также цари *Амурру Абди-Аширта* и *Азиру* и др. пользуются реальной поддержкой хеттской державы [201, 249, 254, 255].

В то же время происходит покорение хеттами сильного хурритского государства Метании – союзника Египта. Все началось с довольного интересного факта – бегства большой массы людей с подвластных хеттам южных земель в царство Ишуву, а оттуда в Хайасу. Это подтолкнуло царя хеттов Суппилулиумаса к войне с этими царствами, приведшей к бегству уже населения самой Ишувы в Метанию. Тогда хетты, обвинив уже метанийцев в укрывательстве врагов, напали на них, и, как известно, это закончилось разгромом Метании. Падение союзной с Египтом Метании ставит в ещё худшее положение проегипетские города – государства; ситуация выглядит не лучшим образом и после знаменитого сражения египтян и хеттов у Кадеша (1312 г.) с участием египетского фараона Рамсеса II и хеттского царя Муватталлу.

Как представляется, эти события, происходившие на территории восточной части Средиземного моря, и, прежде всего, – вынужденный исход части населения из этого региона во второй половине XIV века (возможно позже), значительно перекликается с рассуждениями отца истории Геродота об египетском происхождении колхов и с данными абхазских этногенитических преданий.

Так, например, Геродот переход колхов из пределов Египта на Черноморское побережье связывает именно с уже упомянутым египетским фараоном Рамсесом (Рамзесом) II – он же Сезострис, царствовавшим 67 лет с конца XIV века и на протяжении всей второй половины XIII века до н. э. Как известно, этот царь, возглавлявший египетскую армию при знаменитом сражении с хеттами в конце XIV века при Кадеше, и в дальнейшем носился «как опустошительный смерч… по своим непокорным владениям, сокрушая крепости, уничтожая леса, угоняя жителей. Египетские войска прорывались до самых подступов к Малой Азии» [189, 354]. Согласно Геродоту, Рамсес II (Сезострис), доходил до р. Фасис. В связи с этим Геродот пишет: «…Я не могу с точностью сказать, сам ли царь Сезострис, отделив некоторую часть своего войска,

оставил там для заселения страны или же некоторые из его войск, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе. Ведь колхи, очевидно, египтяне: я высказываю это мнение, сам пришедший к нему прежде, чем слышал от других, а так это заинтересовало меня, то я, расспрашивая тех и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от Сезострисова войска. Сам я предположил это потому, что колхи темнокожи и курчавы. Впрочем, это ничего не доказывает, так как есть и другие с подобными приметами. Гораздо важнее то обстоятельство, что колхи, египтяне и эфиопы – одни из всех людей исконно совершают обрезание… Теперь я приведу еще другое доказательство родства колхов с египтянами: они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом, и вообще весь образ жизни их и язык представляют взаимное сходство. Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического, а привозимое из Египта называется египетским» [215, 256].

В связи с сообщением Геродота Д. И. Гулиа писал: «По его (Геродота – *В. К.*) идее египетские войска, по всей вероятности недовольные 9-ти летним странствованием и частыми войнами фараона, откололись от фараонова войска; конечно, это могло быть не на Кавказе, как это полагал Геродот, а ещё в Сирии, около р. Оронты и хеттского гор. Кадеша, как это выясняет Ленорман, где происходила борьба египтян с хеттами и оттуда, быть может, с некоторыми другими племенами (метанийцами), по своей ли воле или под давлением ассирйцев с одной, хеттов с другой стороны, двинулись на север, где и заняли юго-восточный и восточный берег Черного моря» [18, 117–118]. Другой же автор, Д. Бакрадзе, еще во второй половине XIX века писал: «Абхазцы получили свое начало от египетской колонии, которую Сазострис Великий в XII в. до Р. Х. водворил на берегах Понта Эвксинского, в доказательство чего некоторые из новейших авторов указывают на сходство абхазских физиономий с чертами лиц, сохранившимися на египетских мумиях, на удержавшиеся в их языке коптские слова, на обычаи, общие в жизни обоих народов, и даже на некоторые древние колхидские монеты, имеющие стиль египетских монет» [216; 24, 162].

Так или иначе, в этих предположениях, похоже, имеются определенные зерна истины. Действительно, часть колхов могли быть по-

томками беженцев времён Рамсеса II из подвластных Египту Финикии и других территорий Восточного Средиземноморья, а также с юго-восточных провинций Хеттской державы. В пользу этого говорят и абхазо-абазинские этногенетические предания, главными мотивами которых являются: 1. выход абхазов и черкесов из Египта, вообще с юга; 2. вынужденное их бегство от нависшей над ними угрозы расправы; 3. беженцы останавливают хлебом и солью догнавшего их царя (или пророка, полководца) Азарталы или Хазарталы(у черкесов Хазрет-Али); 4. догнавший их царь-преследователь уговаривает абхазов вернутся назад на Родину, последние не соглашаются, и тогда он благословляют их путь [18, 103-104; 24, 164–174].

Как нам представляется, имя царя-преследователя – *Азарталы* или *Хазарталы // Хазартаалы*, фигурирующее в этих преданиях, напоминает известного царя Амурра *Азира* – наследника Абди-Аширта. Оба эти царя являлись союзниками хеттов и с особым усердием терроризировали города-государства, подвластные египтянам в Финикии и на прилегающих к ней территориях (*Азиру→Азыр-талы*, срав. с именем хеттского царя *Мува-ттала*). В кабардинском варианте интересующего нас предания, записанного еще в XVIII в., называется и страна Кара-Хисса, куда прибыли беженцы из своей Родины. Здесь до них дошла весть о том, что они могут вернуться в свою страну, однако они этого не сделали [217, 24, 164–166]. Кажется, в тюркизированном названии *Кара-Хисса* усматривается наименование древнего царства *Хайаса*, куда, согласно источнику, через царство Ишува прибыла масса беженцев из юго-восточной окраины Хеттской державы при хеттском царе Суппилулиумасе. Последний же, преследуя беженцев, вошел в пределы Ишуве и Хайасы и, в конечном итоге, эти царства, затем и Метания были разгромлены (см. выше).

Шапсуги – одно из подразделений абхазо-адыгских народов –так же считают себя выходцами из Сирии, именуемой у последних Шьам, и свое имя возводят к форме *Шьамԥсыԛə* [24, 174], что на абхазском может означать «сирийские абхазы» – из *Шьам* «Сирия» и *ԥсы-ԛə,* то же самое, что и совр. *ԥсыуа* «абхазы» (о переходе ԛə→ҩ→у см. выше).

Таким образом, сообщения Геродота и названные этногенетические предания можно считать далеким отражением реальных эпизодов этнической истории как абхазов и абазин, так и адыгов.

По определению ученых в XV–XII вв. до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовали такие этнополитические образования, т. е. царства, как: *Каска, Ацци, Хайаса (или Ацци-Хайаса), Паххува, Цухма, Ишува, Тегарама, Алзи, Хемува, Салуа*.

Царство *касков* располагалось между северным, северо-восточными пределами Хеттского царства и Черным морем. Сам термин *каски*, упоминающийся часто в хеттских документах с XVII вв. до н. э., как уже сказано, увязывается с обозначением адыгов (черкесов) – «касоги», «кашаги», «кешаги» более поздних источников (см. выше).

Вместе с тем известно, что термин «каски» нередко употреблялся хеттами и в собирательном значении для обозначения вообще северо-восточных горцев [180, 123; 235, 169; 24, 124, 127].

Восточнее касков к Черноморскому берегу прилегало царство *Ацци*. В XVI–XV вв. до н. э. племена касков, воспользовавшись ослаблением Хеттского царства, продвинулись в южном направлении далеко вглубь его территории, а люди царства *Ацци* вторглись в область верховьев р. Галис и «сделали своей границей г. Самуху» [24, 124].

К востоку от Ацци, в верховьях Евфрата и Чороха, располагалось довольно значительное царство – *Хайаса*, которое до XII века до н. э. находилось в тесном союзе с царством *Ацци,* и этот союз именовался *Ацци-Хайаса*. Видимо, эти два царства объединялись, прежде всего, по признаку генетического родства населения этих стран и это притом, что они были разделены географически Понтийским хребтом. В тоже время этническое лицо ацци-хайасцев пока всё еще остается не вполне ясным.

Одни исследователи склонны считать хайасцев древним ядром армянской народности [189, 514], другие же исключают какое-либо их родство. Считается также, что нет достаточного основания причислять хайасцев и к хурритам. Вместе с тем, такими крупными востоковедами как Г. А. Меликшвили, И. М. Дьяконов и др. представляется более вероятным принадлежность хайасцев к хаттской или северо-западно-кавказской (в частности, абхазо-адыгской) языковой группе. К этой мысли склоняют некоторые особенности географической номенклатуры, «особенно название Арипса, относящееся к типу абхазо-адыгской топонимики» [205, 83-85; 180, 184]. Эту же мысль подтверждают и ряд других язы-

ковых материалов. Так, например, слово «*ашьха*», означающее в абхазском «гора», и выступающее также как оронообразующая основа, представлено в составе названия Восточно-Понтийской горной области *Ашхарпайя* (Asharpaja). Последнее упоминается как каскская гора *Асхарпа (Ашхарпа)* хеттским царем Мурсили II (XIV в. до н. э.) в связи с описанием войн с касками, обитавшими в этой области. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Ашхарпайя» выглядит почти совершенно идентичным абхазскому (прозрачному – *В. К.*) слову *«ашьхарпы» (ашьхарҧы)*, означающему «предгорье», «горная местность» [24, 140]. Точно также переводят названный топоним Г. А. Меликишвили [205 ,78] и В. И Хачтрян [236, 88].

Ш. Д. Инал-ипа обращает внимание на наличие общего для абхазского, каскского и хаттского языков суффикса *ра* для образования географических названий, а также ими сопоставляется хеттские топонимы с окончанием на *нда* – хетт. *Пурусханда, Кабуранда* с абхаз. *Дра-нда, Пицу-нда*, хетт. *Аланда, Ланда* с *Аланда* в Абхазии в верховьях р. Кодор; название страны *Киндари* (в бассейне р. Чорох XII в. до н. э.) с названием абхазского приморского села *Кындыг (Кындыя)*; страны *Ацци* (между Черным морем и верховьем р. Чорох) с *Аацы* – селом в Гудаутском районе Абхазии [24, 140–141]

Последнее, т. е. название страны *Ацци* (срав. также р. *Ац* – приток р. Сочи в исторической Западной Абхазии – *В. К.*), напрашивается и на сопоставление с названием скальной горы *Хацци*, упоминаемым в хурритском эпосе «Песнь об Улликумми». Форма *Ацци* может быть из *Хацци-* в результате усечения или ассимиляции препозиционного *х(h)* соседним подударным *а*. Согласно названному эпосу, хеттский Бог Грозы со своим братом Тасмисом направляется к базальтовой скале *Хацци*, которая все время растет, угрожая разрушить трон Бога [233, 120]. После первого сражения с каменным чудовищем Улликумми Бог Грозы делает местом своего пребывания гору *Хацци* [182, 132]. Название легендарной базальтовой скалы *Хацци* практически идентично с абхазо-абазинским *а-ҳац* «выпирающая скала», «одиноко выпирающаяся скальная вершина» – букв. «каменный клык», «каменный зубец» – от *ҳа* «камень» (см. выше) и *а-ц* «зубец», «клык».

Не исключено, что от названия скалы, а затем и горы *Хацци* получила свое название страна *Ацци* (Хацци→Ацци) и союзное

царство *Ацци-Хайаса*, представлявшее постоянную угрозу Хеттскому государству. Думается, что именно об этой угрозе, более всего, идет речь в эпосе «Песнь об Улликумми», когда говорится о скале (стране – *В. К.*) *Хацци*, которая все время растет, угрожая разрушить трон Бога (т. е. трон хеттских царей – *В. К.*). Похоже, что с этим же эпосом как-то увязано и второе название страны – *Хайаса*, которое может быть объяснено из абхазского *ҳаеиҩса* (хаеиуса) «рассеченный камень» – из *ҳа* «камень» и *еиҩса* «рассеченный» –*а-ҩса-ра* «рассекать». По эпосу же каменное чудовище Улликумми было резаком отсечено от плеча великана [182, 133].

Вместе с тем, если исходить из того, что в эпосе гора и скала Хацци подчеркнуто называются базальтовыми, то представляется также уместным видеть в названии *Хайаса* исковерканное абхазо-абазинское *а-ҳаиаԥа* (ахаицва) «базальт», букв. «зеленый камень» – где *а-ҳа* «камень»,*иаԥа* (иацва) «зеленый» (ср. *аҳаскьыниаԥа* «зеленая трава», *абҕьы-иаԥа* «зеленые листья» и т. д.). Как известно, базальт – распространенная плотная, обычно темного цвета, легкоплавкая стеклообразная вулканическая черная порода [237, 84]. Древнейшие виды базальта (палеобазальт), именуемые диабазы и порфириты имеют зеленую окраску, вследствие чего они, вместе с сопровождающими их туфами, носят название зеленокаменных толщ. Базальт используется как ценный строительный материал для мостовых, в керамической и стекольной промышленности. В древности же базальт применялся как материал для скульптуры в искусстве Египта, позднего Рима, Византии [238, 36] и, таким образом, представлял значительную ценность. Любопытно, что само греческое слово «базальт» переводимо как «абазский (абхазский) камень», где *льт* – от гречес. *лит* «камень».

Наконец, основа названия страны Хайа-са *«Хайа»* (с/са может быть хетт. окончанием), также сопоставима с именем полумифической страны *Айа // Эйа* древнегреческих сказаний об аргонавтах. Форма же *Айа,* возможно, получена из *Хайа* в результате ассимиляции препозиционного *х* (абхаз. *ҳ)*. Однако не исключено и обратное, т. е. в форме *Хайа* (Хайа-са) начальное *х* (ҳ) может *быть наращением*. Название царства – *Хайаса* (Хайа-са – Аацци) хеттских источников (XIV–XII веков до н. э.), *А-йа* древнегреческих

сказаний (XIII–XII вв. до н. э.) совместимы не только по близости названия, но также территориально и по времени их существования (см. ниже).

На юге от страны Хайаса или Ацци-Хайаса, на правой стороне р. Евфрата, находилось царство *Паххува*, оно же граничило по р. Евфрат с царством *Цухма*. В основе названия царства *Паxх-ува – паxх*, как справедливо отмечали Ш. Д. Инал-ипа [221, 224], Г. А. Меликишвили [161, 63] и другие, усматривается название убыхов *а-пёх, пёх, пахы*, абхаз. *ау-бых*, адыг. *у-ббых* «убыхи» и окончание *ва-* от абхаз *уа* «люди» (см. выше) – отсюда *Паххува*, букв. «пахховцы», т. е. «убыхи» (см. [416, 198, 199]).

Что же касается населения *Цухмы*, то, как полагают некоторые исследователи, оно могло быть протоармянским. При этом название страны Цухма сопоставляется с грузинским словом «сомехи» – «армянин», что, якобы, означает жителей области *Цухма* (хетт.) или *Сухму* (ассийриск.) на верхнем Евфрате [180, 196, 234; 24, 118]. Однако, варианты названия царства – *Цухма // Сухму* гораздо ближе к фиксируемым еще в раннем средневековье наименованиям области и города *Цхом* и *Сухум* в исторической Абхазии (сов. Сухум – столица Абхазии). Что же касается грузинского «*сомехи*» и абхазского *ашәамахь* (ашвамах) – «армянин», «армяне», то они гораздо ближе к названию древнего города – государства *Самухи* или *Шамухи,* располагавшегося примерно на р. Келькит (?) [201, 84, 126, 144]

Южнее царства Паххувы, на правой стороне реки Евфрат, размещалось царство *Тегарама,* а на левой стороне этой же реки – страна *Ишува*, и далее на востоке – царство *Алзи*. Есть некоторое основание думать, что *Тегарама*, возможно наряду с городом-государством *Самухи*, являлось древним протоармянским этнополитическим образованием. Пока же на это намекает близость названия этого царства – *Тегарама* с именем «отца» урартских (кавказских) народов – *Таргамо-са*, который «пришел со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом…» [239, 21; 240, 110–120].

В начале XIV века царство *Тегарама* было покорено Ишувой, последнее расширило свои пределы и далее до страны Кацувадна [201, 144], однако, при хеттском царе Суппилулиумасе Ишува было силой подчинено хеттам (см. выше).

На востоке от Сухма и Ишува, в центре Армянского нагорья, локализовались царства *Хемува* и *Салуа (// Сала)*. Последнее, т. е. Салуа, лежало у самойюжной окраине Араратских гор, длинная цепь которых именуется *Агры* или *Агры-даг,* и верховьях рек Аракс и Арацани (Мурат). Под названием *Агры* ныне известен также турецкий вилайет, расположенный между хребтом Агрыдаг и Ираном. Турецкое *Агрыдаг* означает «гора Агры» – где тур. *даг* «гора». В основе же «*агры»*, кажется, имеем абхазское слово *агры* «предельный», «крайний», «край» – от *ага* «предел», «край»: *амшын ага* «берег моря» – первонач. «предел или край моря» – *Агрышьха* «предельная (пограничная) гора», *Агрызы* «предельная река» и т. д.

Представляют интерес и гидронимы *Аракс, Хыныс* – реки, берущие своё начало недалеко друг от друга в вышеуказанной области. Их общее окончание *с*, возможно, восходит к абхазо-абазинскому *з* (з, дз, тс) «вода», «река». Похоже, что и название крупной реки *Арацани* (совр. Мурат) производно от *Аразы* (Арадзы), букв. «река Ара», т. е. «река горы Ара (срав. А-ра-рат»). Обращает также на себя внимание близость названий горной территории и города *Мыгды*, расположенных здесь на правом берегу р. Мурат (Арацани), и названия горы *Мыгды // Мды* и реки *Мыгды-азыхь* (Мигдадзех) в Абхазии [93, 172].

Географические названия с окончанием на *«уа»* встречается также южнее озера Урмия. Это *Замуа* (или Мазамуа) – область в бассейне реки Джегету и верховья реки Малый Заб и *Парсуа* или *Парсава* в бассейне реки Диялы [244, 88, 89]. Последнее, т. е. Парасуа или *Парсава,* как установлено, не имеет отношения к персам и означает «край», «окраина» [244, 161] (основу *пар(ы)* срав. с абхаз. *вары* «боковой» –*а-вара* «бок»); *Парсуа* с абхазского переводится букв. «люди Парса» или «парсские люди», т. е. «парсцы». Что же касается названия области *Замуа*, то оно буквально означает «замские люди» или «люди Зама», т. е. «замцы». Вместе с тем очевидна близость основ – *зам* (Зам-уа) и абхазо-абазинского *Джам* «Персия», «Иран» – отсюда абхазо-абаз. *а-джам, а-джамуа* (срав. Зам-уа) «перс», *аджам-уаа, аджа-мкәа* «персы», «иранцы». В южной части Замуа было известно и маленькое царство *Араштуа* [244, 157].

Таким образом, судя по ономастическому материалу, прежде всего по-абхазскому окончанию *уа, ва* «люди» названий царств

*Паху-ва, Иашу-ва, Хему-ва, Сал-уа, Замуа, Парсуа, Арашту*а и ассирийским источникам, фиксирующим *апешлайцев* и *урумейцев* в районе Шубарты, можно говорить о том, что в XV–XII вв. до н. э. значительную территорию Армянского нагорья занимали абхазо-абазинские этнические подразделения. Вместе с тем не исключено, что после разгрома во второй половине XIV века до н. э. хеттами царств Ишувы, Хайасы и Метании какой-то абхазо-абазинский этнический элемент вместе с хурритским, возможно и картвельским, осел в области озера Ван. Эту версию как будто подтверждает абхазская этимология названия древней крепости *Тушпа*, ставшей намного позже столицей государства Урарту. *Тушпа* из абхаз. *Тышба*, (срав. совр. *атышабаа*), букв. «крепость пропасти», где определяющая основа *тыш* «пропасть» и определяемая основа *ба* (совр. *баа*) «крепость». Такое название вполне соответствует крепости, характеризующейся как «недоступная горная твердыня на вершине скалы, круто обрывающаяся со всех сторон» [181, 222]. Уместно также привести подмеченный акад. Н. Я. Марром факт восхождения основ армянского варианта имени Прометея Mher, груз. *Амирани*, и абхаз. Aberskile к абхазскому a-mra или amer «солнце» [12, 144–145; 219, 75]. Вместе с тем, один из известных исследователей абхазо-адыгского эпоса – Ш. Х. Салакая считает, что объединяющее имя героев нартского эпоса – *нарты* может быть увязано с названием древнего царства *Наири* (Хубушкиа), позже вошедшего в состав племенного союза Наири-Урарту [220, 74; 189, 515].

Наконец, видимо, не совсем безосновательна и существовавшая у части абхазов версия их выхода из Армении. Так, Яков Рейнекс еще в XVIII в. н. э. писал: «Сами абхазцы не согласуются в своем происхождении: некоторые полагают оный от армян, другие же подтверждают, что предки их были выходцами из Египта или, может быть, из Абиссинии, ибо абхазцы себя называют Абсне» [218, 4-5; 24, 164].

Вместе с тем, как уже отмечали, во второй половине II тыс. до н. э. на северо-западной окраине Малой Азии, в регионе Эгейского моря, существовали такие царства, как: *Ахиява, Арцава, Ассува,* а на самой северо-западной окраине между Ассувой и проливом Дарданеллы – *Мисия*.

Судя по уже описанному топонимическому материалу этого региона (см. выше), в том числе и названиям этих царств, здесь

располагалась часть абхазо-абазинского этнического мира, появление которой в этом регионе могло быть следствием разгрома хеттами древне-хаттского царства в XVII в. до н. э.

Этнотопоним *Ахиява*, видимо являлся абхазской формой наименования ахейцев и их страны. Название же страны *Мисия* напрашивается на сравнение с именем древне-абхазского этнического подразделения *Мысы* или *Мысаа,* упоминающегося в VI в. н. э. Агафием под названием миси-мияне, как один из горных воинственных народов в пределах территории нынешней Абхазии. Топонимия страны *Арцава* и, прежде всего, само название царства и его главного города *Апаса*, указывают на абхазов, на древнюю форму их самоназвания *апаса // абаза*. Что же касается царства *Ассува*, то, как уже отмечалось, его название идентично с абхазским названием абазин *ассуа* (→*ашәуа*), где *уа* «люди», основа же *ас // асс* соответствует адыгскому названию абхазов и абазин *аз* или *аз-ра*. Область *Ассува*, где позже расположилась Лидия, греки называли *Асия*, откуда произошло и слово «*Азия*» [189, 281], а население же указанных царств причислялось к догреческим пеласгам.

К началу XIV века до н. э. в основном все предполагаемые абхазо-адыго-язычные царства предпринимают наступления с четырех сторон на Хеттскую державу: с запада – Арцава, с севера – народы Каска, с северо-востока – Ацци и Хайаса, с востока – Ишува, а с юга – Кацувадна, что поставило державу хеттов на грань полного разгрома. Однако, вскоре ситуация меняется в пользу хеттов [201, 144].

Уже в середине XIV века до н. э. хеттский царь Суппилулиум с особой жестокостью покорил Арцаву. Он увел из этой страны огромное количество людей – 66 тыс. человек [189, 370], которых поселил на южной окраине своей державы. Видимо, они и бежали вскоре в Ишуву, а затем в царство Хайаса, где существовала родственная им этническая среда. В силу того, что они не были выданы хеттам, произошли при Сиппилулиуме уже описанные грандиозные события. Приемник Суппилулиума – Мурсилис II также стал требовать от хайасцев возвращения беглецов. Хайасцы в ответ на это предприняли военные действия против хеттов и отхватили у последних территории по верхней части р. Галис [201, 148]. Каски также начинают совершать набеги на хеттские территории.

Некоторое время Арцава выступала и как союзница Хеттского государства. Войска Арцавы принимали участие в знаменитом сражении под Кинзой (Кадешом) на стороне хеттов против египетского фараона Рамсеса II. Однако, к концу первой половины XIII века Западная Малая Азия (в том числе Арцава, Ассува и Ахиява) полностью отпала от Хеттской державы. В связи с этим хеттами предпринимаются военные действия против Арцавы и Ассувы. Последняя же была спасена благодаря каскам, напавшим на хеттов во время похода хеттского царя на Ассуву, что вынудило царя прервать этот поход [201, 188].

Вскоре за этим, уже в самом начале XII в. до н., народы царств Западной Малой Азии – Миссии, Ахеявы, Ассувы и Арцавы, в числе т.н. «народов моря», вместе с касками и абешлайцами [201, 192] и др. сыграли решающую роль в окончательном разгроме Хеттской державы. Этому предшествовало, как полагают ученые, захват ахейцами города Троя, подчинение Страны реки Сеха и появление вслед за этим со стороны Балкан каких-то племен [201, 192].

Из надписи египетского фараона Рамсеса II известны имена части племен т.н. «народов моря». Среди них представляют интерес такие, как: *шрдн, чкр, шкрш, трш, рк,* имеющие египетскую форму записи с опущением гласных звуков. Представители племени (народа) *шрдн* служили, как сообщает Рамсес II, наемниками в египетском войске. Затем, во время войны фараона Мернептаха с ливийцами, в числе союзников последних были *шрдн, шклш, квш, рк и трш* [201, 192, 194, 196]. Предполагают, что племя *шрдн* или *шардан* происходили из района города Сарды, располагавшегося в т. н. Стране реки Сеха [189, 383] или царстве Ассува [см. карту в книге 189, 376].

Название города *Сарды* сопоставимо с абхаз. *А-шәырдәы* (из Асырды) «абазинская равнина» – отсюда форма *А-шәырдәны* (или Ашәдәны) «Страна абазин», «Абазия», где *ашәы* от *ашәуа* (←асуа, срав. Ассува) «абазин», *-р* притяжательное местоимение 3 лица, мн. ч. «их», *дә* (древ. *ды*) «равнина», «поле», и *ны* – локативный суффикс; а комплекс же *дәны* (дны) означает «равнинное место», «равнинная страна». Последний, как уже отмечалось, представлен в таких абхазских географических названиях как: *Аԥшьыр-дәны// Аԥшь-дәны, Зи-дәны, Бгар-дәны* и т. д. Похоже, что это же оконча-

ние и в названии царства Киццува-дна «равнина, (страна) Киццува», «равнина, страны Киццуовых»?). Вместе с тем любопытно созвучие название племени *шардан* с именем древнего абазино-кабардинского княжеского рода *Шардан*, (пишутся Шарданов), а также с *Шурадын* (Шарадын) – именем персонажа абхазского нартского эпоса, представителя племенной группы *радыз* [74, 42]. Далее: племя *чкр*, срав. *чикир-еи // чигир-еи* – известное абазинское родовое сообщество и родовое имя *Чыкыр // Джикыр* (пишутся Джикир-ба); племя *шкрш* срав. *Скрыш // Цкрыш* – абхазское родовое имя, а также речка и село в Восточной Абхазии; племя *трш*, срав. древне абхазо-абазинский род *Трыш* (Трыш – пишутся *Трыш-ба*, у абаз. *Татрыш-ау*); племя *рк*, срав. родовое имя *Рик-уаа* у мегр. *Рик-ва-ва*. Как полагают ученые, часть разнородной этнической массы «народов моря», двигавшейся с запада после разгрома хеттов, задержалась на востоке полуострова или продвинулась на Армянское нагорье [201, 194] – в область похоже родственной им абхазо-адыгской этнической среды. Другая же обосновалась, в основном, в пределах Восточного Средиземноморья.

В связи с вышесказанным приобретает некоторый реальный смысл и этногенетическое предание абазин о том, что они некогда жили среди арнаутов, т. е. албанцев [24, 167]. С этим, в какой-то мере, перекликается и албанская легенда, опубликованная в 1916 году М. К. Первухиным. Легенда гласит: «На юге от реки Евфрат в незапамятные времена жили два семейных брата. Были они очень богаты: не было счета их коням, верблюдам, рабам. Но вот разгневался творец на ту землю и послал засуху. Погибла большая часть стад, умирали с голоду люди. И тогда братья, в поисках новых мест, пошли на север. Дошли до высоких гор, где буйные потоки мчатся по дну пропастей, а седые облака разрывают грудь свою о вершины бесплодных скал.

– Это и есть обетованная страна! – сказал один брат. – Видишь, сколько тут воды? Засухи нечего опасаться! И травы всегда хватит для наших стад!

Но другой брат не захотел оставаться здесь, и они расстались. Старший – его звали Абхазом – остался в приглянувшихся ему горах Кавказа, младший – его звали Наутом – пошёл дальше, обошёл Черное море, пересек Балканы. И, наконец, увидел горы, походившие на те, которые задержали Абхаза.

– Эти горы будут моими и детей и внуков моих! – сказал Наут. И раскинул свой стан там, где теперь стоит город Эльбассан. От старшего, Абхаза, пошло самое воинственное племя Кавказа – абхазы, родные братья албанцев. От Наута пошли арнауты, или албанцы, – самое неукротимое племя в мире» [222, 172].

Наконец, видимо, не случайно, что в I тыс. до н. э. *Ахея, ахейцы* фиксируются на Черноморском побережье Кавказа западнее гиниохов. Более того, древнегреческие авторы упорно твердили о том, что кавказские *ахейцы* и их соседи *зихи* и *гениохи* пеласгийского происхождения, что они родом из западной части Малой Азии («…ахейцы, гениохи и зиги, чада земли пеласгийской»; «…ахейцы, гениохи и зиги племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов») и т. д. [223, 240, 251].

В целом же, о значительном физическом и культурном представительстве предков абхазов и абазин в среде народов Малой Азии в II тыс. до н. э. говорят, наряду с уже названными, и другие не менее важные языковые факты.

Ряд ученых (Ю. Мессарош, В. Георгиев, Г. Меликишвили и др.) в своих исследованиях не раз ссылаются на общность происхождения протохеттского (хаттского) *уашҳау* (Washaw) «бог» и абхазо-абазинского «*уашхуа*», убых. «*уашхва*», адыгейского «*уашхъуэ*», «*уашъхо*», кабардинского «уашхъуэ», употребляемого, главным образом, как наистражайшая клятвенная формула [24, 152]. Уделяя значительное внимание этому обстоятельству, сопоставляя материалы кавказских языков, Ш. Д. Инал-ипа приходит к выводу о том, что «уашхо» – это общее наследие проязыка абхазо-адыгских народов, что, в свою очередь, напрямую связывает с хатт. *Уашҳау* (wa-shaw) «бог» [24, 157]. Однако, при всей очевидности этой связи, абхазо-адыгское «уашхо // уашхуа», как представляется, не имеет убедительного объяснения этимологии на местной языковой почве, во всяком случае, – на уровне абхазского и абазинского языков. Более того, абхазо-адыгская семантика – употребление «уашхо» как выражение самой сильной, верной клятвы и заверения, например, в случае отказа от сопротивления, признания своего поражения, безоговорочного подчинения воле победителя и т.п. [24, 146], указывает, скорее всего, на его инородное происхождение, что некий бог «Уашхо» был чужд для абхазского и абазинского (возможно и для всего абхазо-адыгского) пантео-

на. Его абхазо-адыгская семантика, похоже, возникла в результате того, что некогда этот чуждый бог и клятва в верности ему навязывалось силой этническим подразделением абхазо-адыгов. Это было равносильно принуждению мусульман к признанию Христа и клятвы на верность ему или наоборот, принуждению христиан в верности Аллаху и т. д.

Поэтому связь абхазо-адыгского «уашхо» с хатто-хетским «уашщау» важен не в плане доказательства родства хаттов с абхазо-адыгами, а в плане определения характера этнополитических взаимоотношений хатто-хеттов с кашками и абешлаицами, т. е. с предками абхазо-адыгов, в период могущества Хеттской державы. А эти отношения, как уже выше было отмечено, являлись далеко не приятельскими.

Вместе с тем, представляется как будто очевидным абхазо-абазинская этимология имени героя хурритского эпоса «О герое Гурпаранцаху» [182, 133]. Эпическое имя *Гурпаранцаху* переводится буквально с абхазского как «бог (покровитель) двора (или дворовых)» или «божество гурповых» – где *гурпа*, возможно от *агәарԥ* «двор» –*агәарԥаа* «дворовые», или: *гурпа* – этноним, и далее *ры* – притяжательное местоимение 3-го лица мн. ч. – «их», и *нцәаху* «божество», «покровитель» (ҳа-нцәаху, букв. «наш бог»).

Обращает на себя внимание и сходство основы хеттского термина *аппанте-с* «схваченный», «плененный», т. е. *аппанте* [189, 370] с основой абхазского слова *абаанда-ҩы* «пленник», «заключенный», где – *ҩы* – «человек» – отсюда форма мн. числа *абаанда-ҩ-цәа* «пленники», «заключенные» и глагол. *абаандаю-тәра* «пленить», «арестовывать». Основа *абаанда* хетт. *аппанте* как-будто объясняется на абхазском из *абаа* (в персид.*баа*) «крепость» и *аанда* «изгородь», «ограда», в целом же абхазо-абаз. *абаанда-ҩы* «пленник», «заключенный» букв. означает «человек крепостной ограды», «крепостник», т. е. «заключенный», «плененный».

Вместе с тем очевидно также родство абхаз. *«а-ҩы»,* хетт. «*вийаны*», латын. «*винум*», греч. «*ойнос*», финик. «*йаин*», русск. «*вино*», груз. «*гвино*» и других близких к ним вариантов, выступающих в значении «вино». Индоевропейские вариации названия вина ряд ученых выводят из реконструируемой ими индоевропейской основы uei «вить», «плести» [210, 71; 224, 647-649]. Другие же исследователи индоевропейских языков (Томсон и др.) утверж-

дают, что это слово не является коренным индоевропейским и что оно должно быть заимствовано. Семитологи также не считают его словом семитического происхождения (Легард, Гомель, Генезиус). Н. Я. Марр и Г. В. Церетели предполагали грузинское происхождение этого слова, мотивируя, главным образом, библейским преданием, в котором говорится о Закавказье как родине виноградарства и виноделия [179, 73]. Однако современные авторы –Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Иванов –груз. название вина *гвино* (gwino) рассматривают как иноязычный вклад в грузинском языке [224, 651].

В связи с абхазским названием вина *ҩы-(а-ҩы)* wʻъ представляет интерес, прежде всего, фонетически близкая к нему, реконструированная индоевропеистами исходная форма названия вина wei. Вместе с тем, предполагаемая учеными изначальная семантика и.-е. uei «вить», «плести» – отсюда «вьющееся растение» – «виноград», затем – «плоды его» и далее – «напиток из виноградного сока», представляется не вполне убедительным.

Если же исходить из признания идентичности абхаз. *ҩы* (а-ҩы) «вино» и основы индоевропейских вариантов названии вина – uei, то, похоже, появляется возможность уточнить с помощью абхазских (абазских) языков первоначальное значение этой основы. Так, в абхазском языке *а-ҩы* «вино» осмысливается в значении «выжим», т. е. «сок», а слово а-*ҩа* означает «сухой», «сухое», т. е. «высушенное», «выжатое». От этой основы образованы каузативная форма абхаз. масдара *ар-ҩа-ра* «выжимать», сущ. *ар-ҩа-га* «пресс», букв. «то, чем выжимают», *ажьаҕь-р-ҩа-га* «специальный пресс для выжимания виноградного сока» и т. д.

Возможно также и другое объяснение, вполне соответствующее технологии приготовления вина, – из глагольной основы *«а-ҩ» –аҩ-ра* «мешать», «взбивать (напр. яйцо)», абаз. *аҩа-тра (ала-ҩа-тра)*, абхаз. *аҩы-нтра (аила-ҩы-нтра)* «взбалтываться», «перемешение», «бурление» – переносно «суматоха».

Вместе с тем определенно можно говорить о том, что не осложненная форма абхазского названия вина *ҩы* является показателем ее более древнего происхождения по сравнению с вышеназванными производными вариациями исходного наименования вина.

Как известно, виноградарство и виноделие с древних времен является традиционным занятием абхазов, о чем свидетельствует

и связанная с ними широко развитая отраслевая лексика. До недавнего времени в Абхазии культивировались более сорока сортов винограда [13, 181], а вино являлось объектом экспорта и бартерных сделок: например, еще в XIX и в начале XX в. абхазы свое вино обменивали на мегрельскую кукурузу и на другие виды товаров.

Вместе с тем, следует отметить, что культура виноградарства и виноделия слабо выражены у абазин и других абхазо-адыгских народов Северного Кавказа в силу климатических условий их место проживания и утверждения здесь мусульманства.

О широких культурных и исторических связях кавказских народов, в том числе предков абхазов и абазин, с древними цивилизациями Малой Азии говорят и целый ряд других языковых фактов. Например, обращает на себя внимание близость абхаз. *а-ҽы абаз. чы*, убых. *чы*, адыг.*шы,* грузин. (детское) *ачу, ачи* (считается заимствованным из абхазского), авар. *чу*, лакск. *чу* с хурр. *issi*, хетт. *assu*, др. пер. *asa*, др.-инд. *asva* «лошадь» [151,87-88]. В абхазо-адыгских языках от основы *ҽы / чы / шы*, означающей «лошадь», образовано название осла – абхаз. *а-ҽада*, абаз. *ҽада,* убых. *ҽыды*, адыг. *шыды*, каб. *шыд* «осел». Значение же конечного элемента *д/ды* пока еще остается не до конца выясненным [151, 90–91]. Однако, похоже, что он восходит к адыг. *ты* (ды) «отец», «самец» – отсюда адыг. *шыды*, букв. «лошадь-самец», точно также, как в абхазском и абазинском *а-ҽаба* «жеребец» – из *а-ҽы* «лошадь» и *аб //аба* «самец», «отец».

Абхазо-адыгское название лошади *ҽы/чы/шы* присутствует также и в наименовании верблюда: абхаз. *а-мах-ҽ,* абаз. *мах-ҽа,* убых. *маху-ча*, адыг. *махъ-шэ/махъу-шэ* «верблюд» [225, 100; 151, 92, 98]. Если рассматривать данное слово как исконно кавказское, то элемент *мах* можно было увязывать с абахзо-абазинским названием луки (седла) – *а-маха* (*амаха* – также «конечность»), и тогда *а-махҽы*, букв. «лошадь, имеющая луки (лука)». Такое название верблюд мог получить благодаря форме его горба. А. Куйперс [226, 101], А. Шагиров [132, 262] и др. не исключали и возможность заимствования. Однако, трудно сказать, в какой связи может быть абхазо-адыгское *мах-ҽы// махъ-шэ* «верблюд» с кирг. *мокочо* «бука», «чудовище» (детское) [227, 437] или с персид. *махчи* «арабская лошадь-полукровка», где персид. *мах* «нечистый, с примесью» [227, 437].

Вместе с тем, абхазо-абазинское *а-гужь* «мул», несомненно, восходит к и.-е. *ekuos*, лат. *egus* «конь», «лошадь» [228, 48]. Возможно, что здесь мы имеем тот случай, когда, как отмечал В. И. Абаев, слово, означающее у одного народа «лошадь», вообще у соседей нередко получает насмешливое значение «кляча» и т.д. [229, 256; 151, 98].

Вряд ли также можно отрицать общность абхазо-абаз. термина *а-уаса* «овца», адыг. *уаса* «цена», и.-е. **owis,* ср. хетт. *hawas*, лат. *ovis*, русск. *овца* «овца», не имеющего до сих пор убедительной этимологии [228, 70; 151, 72]. Поэтому не лишне говорить и о возможном объяснении абхазо-абаз. *уаса* из *ху(а)са* или *ху(а)сса*, букв. «тонкорунный» – где *ху(а)* «шерсть», «волосяной покров» и *са //сса* «тонкий», «мелкий» (*са* является также основой глагола *а-са-ра* «стричь», «брить», *а-са* «стриженный», «бритый»). Вместе с тем, баран в абхазском и абазинском языках обозначается иноязычным словом *а-тӏы*, которое, скорее всего, восходит к адыг. *т/ы* «баран» – из *ты* «самец», «отец», точно так же, как абхазо-абаз. *аб* «козел» – из *аб* «самец», «отец».

На непосредственное знакомство прото-абхазо-абазин с самой крупной пустыней мира – *Сахарой* может указывать абхазо-абазинское слово *а-сакара* (ср. «Сахара»), означающее «пустыня» (в араб. *сахара*, в турец. *sahpa* «пустыня»). В этой связи представляет значительный интерес являющееся страшным проклятием у абхазов выражение «*агәы-сакара уқәхааит*», букв. «чтобы ты застрял в центре Сакары» – переносно *асакара* или *агу-сакара* (агуысакара) «безнадежный», «неодолимый», «трудноодолимый», где *агу* (агәы)- «центр», «середина». Думается, что термин *а-сакара* появился в языке прото-абхазо-абазин гораздо раньше II тыс. до н. э., а сам термин по-своему фонетическому облику и суффиксальному оформлению вполне вписывается в абхазо-абазинский словарь исконных терминов: *асака-ра* «пустыня», срав. *ашшара* «равнина», *агәаҩа-ра* «лощина», *ашьха-ра* «гористое место», *аҙбаа-ра* «болото», *абна-ра* «лесной массив» и т.д.

В известной степени с пустыней ассоциируются древние ее обитатели – негры и арабы. Последние именуются у абхазов и абазин одним именем *«арапӏ»,* имеющим параллели в ряде других языков. Вместе с тем, абхазо-абазинское *арапӏ* означает не только «негр», «араб», но и «чёрный», «кожура (плода) грецко-

го ореха». Похоже, что все это не случайно, – названные значения вполне увязаны между собой. При этом, как представляется, по крайней мере абхазо-абаз. *арапӷ* первоначально являлось обозначением черной (красящей) кожуры плода грецкого ореха, что подтверждается абхазо-абазинской этимологией слова *арапӷ* (ара-пӷ) – из *ара* «грецкий орех» (срав. *ара-са* «фундук», букв. «мелкий орех) и *а-пӷ* «кожура», «мякина» [212, 51]. Отсюда, переносно, прилагательное *арапӷ* «черный» и далее «негр», «араб» т. е. «черные, темные люди». Думается, что именно от той же основы, –*ара* «орех» происходит и другое абхазо-абазинское слово *арацәа* «уголь», букв. «шкура (плода) грецкого ореха», где *цәа* «шкура», «кожа», «оболочка». В связи с этим следует подчеркнуть, что грецкий орех занимал с древнейших времен важное место в жизни абхазов и абазин. В силу этого абхазы называли его также *аԥсныхәша*, букв. «масло Абхазии», и, действительно, последние из него получали (впрочем, как и сегодня) ценное ореховое масло, ореховое тесто, являвшееся основой для соусов, подлив, а также разных обыденных и праздничных блюд. Кожура же плода грецкого ореха употреблялась в качестве краски, а ореховая древесина использовалась как ценный строительный материал. В прошлом многих путешественников и других лиц, попадавших в Абхазию, поражало обилие здесь громадных ореховых деревьев [247, 47], причем состоявших из разных сортов.

В связи с этнонимом *арапӷ* «араб» представляет интерес название контролировавшийся хурритами в первой половине II тыс. до н. э. области – *Аррапха*. Она являлась в указанный период крайней восточной областью хурритского государства Митанни [189, 316]. Название же *Аррапха // Арапӷха* осмысливается на абхазском как «головные арабы», «передние (начальные) арабы» – от *аррап // арапӷ* «араб» и *хы // ха* «голова (головной)», «начало (начальный)».

Что касается самого государства – Митанни, то оно было создано хурритами в первой половине II тыс. до н. э. в междуречье Тигра и Евфрата, куда входили области от Северной Сирии до Ашшура и Аррапхи. Оно долгое время соперничало с такими могущественными государствами, как Хеттское царство и Египет.

Хурриты Митанни считаются изобретателями боевых колесниц и методов подготовки лошадей, впрягавшихся в них [187,

129], и т. д. Управлял страной Митанни «дворец» – сосредоточие местного государственного хозяйства [189, 316]. Столица именовалась Вашшуккани. Окончание этого названия *кан* или *ккан-и* соспоставимо с абхаз. *хан* (а-хан) «дворец», например Лоу-хан «дворец Лоуовых»: абхаз. *а-хан,* букв. «место главы», *хы* «глава» и *н* – локкативный суффикс, срав. *аҩ-ны* из *ау-ны (аҕә-ны)* «дом», букв. «человек места». С названием страны Метанни как-будто увязывается и полуокаменевшее абхазское слово *а-матанеи-ра,* букв. «матенеиствовать», что употребляется в значении «просить у кого-л. пощады», «раболепствовать», «замазывать свою вину путем подхалимства» [102, (т. 1), 667]. Абхазское *аматанеира*тоже самое, что и греческое *μετάνοια* [370, 1082], церк. *μετάνειο* [371, 512; 372, 248, 495] «каяться», «раскаиваться», «покаяние», «сожаление», «коленопреклонение». Возможно, это является отголоском безжалостного разгрома хеттами Митаннии из-за принятия ею бежавшего от хеттов населения царства Ишувы. В разгромленной Митаннии – союзнице Египта, стал править уже зять хеттского царя.

Как установлено учеными, хурритские племена были широко распространены и за пределами Митаннии. Их помещают практически во всех вышеназванных территориях: царств Ассува, Арцава, Кицувадна и в верховье р. Евфрата, а также на Армянском нагорье и в Восточном Средиземноморье. Хурриты, как уже отмечалось, считаются по языку родственным кавказским народам – нахско-дагестанской и абхазо-адыгской языковым группам. Поэтому и неслучайно, что именно в названных местах проглядываются следы абхазских (абазских) этнических подразделений.

Можно говорить и о длительных тесных контактах части предков абхазов и абазин с картвельскими племенами именно на территории Малой Азии в II тыс. до н. э., а возможно и раньше. Причем, как установлено учеными, абхазский язык оказывал довольно серьезное воздействие на языки последних, которые ныне считаются по происхождению индоевропейскими. Так, например, акад. А. С. Чикобава подчеркивал значительное влияние абхазского языка в далёком прошлом на мегрельскую и чанскую речь [230, 288]. В частности, он обоснованно указывает на морфологические заимствования из абхазского языка – превербов *ла, ҭа, қа, ӷа, на*, которые оказали значительное влияние на строй речи

мегрельского и чанского диалектов занского языка [231, 165–166]. К. В. Ломтатидзе, также являющаяся крупным авторитетом в кавказской лингвистике, пишет: «Племена, говорившие на абхазском языке, имели с древнейших времен неразрывные связи с грузинскими племенами. Результатом этих взаимоотношений является бесспорное влияние абхазского языка на грузинский, не только в области лексики, но также в определенных областях марфологии. Факты подобного рода в языке не могут быть результатом простого влияния. В этом случае мы имеем дело с абхазским субстратом в мегрело-чанском языке. Этот факт есть факт далекого прошлого, и он указывает на древнейшие интенсивные контакты между названными племенами» [232, 138].

Эти контакты продолжают иметь место и в конце II тыс. до н. э., уже в пределах северо-восточного региона Малой Азии, где, вслед за разгромом Хеттской державы (возможно и раньше), похоже возникает союз между отдельными царствами абхазо-адыгских, т. е. кашко-абешлайских, этнических подразделений [24, 129].

Вместе с тем наблюдается здесь и некоторое передвижение или смешание местных родственных племен. Так, например, в начале XII в. до н. э. на правобережье р. Евфрат вместо Паххува уже значится Каски, а в место царства Хайаса (в области верховьи рек Чорох и Евфрат) появляется царство Дайаэни или Диауехи // Диаохи, т. е. «Страна таохов» [189, 515]. Примечательно, что названия царств *Паххува* и *Даиохи // Диауехи* непосредственно увязываются с убыхами, являвшимися всегда территориально и по языку промежуточным звеном между абхазами и адыгами. Выше уже говорилось об этимологии названия царства *Паххува*, состоящей из названия убыхов *пахы,* [161, 63], *пёх*, и абхазского этнонимообразующего окончания *уа* «люди». Паххува, букв. «пахховцы», т. е. «убыхи».

С появлением убыхов в верховье р. Чороха и создания здесь, при их определяющей роли, мощного абхазо-убыхского государства и река Чорох начинает именоваться абхазо-адыгским именем убыхов *Пёх, Бух*, видимо отсюда и древнеармянское название реки Чорох – *Вох* [240, 121], а также название народа *похи* у древнеармянского автора Vвека до н. э. Фавстоса Бузанда [414, 15, 16] и *пухи* в «Армянской географии» VII века [415, 38] (обэтом же см. в работе М. Кишмахова [416, 199, 200]).

В названии нового царства *Дайаэни* или *Диаохи // Диаухи*, переводимом учеными как «страна таохов», явно имеем уже самоназвание убыхов *туахы* (*тәахы*)– отсюда *туахыбза* «убыхский язык» и абхазо-убыхский – *Туахы* (*Тәахы*) «Убыхия». Вместе с тем, название *таох* образовано от этнонимной основы *тао,* – отсюда и местное название страны *Тао*, зафиксированное в древнегрузинской исторической литературе (249, 245), а в армянских же источниках *Тао* именуется *Таик*. Похоже, что в этнониме *Тао* конечное *о* восходит к абхазскому этнонимообразующему элементу *уа* (см.выше) *мауа* → *тао* «тауцы». В дальнейшем этноним *тао (мауа)* был осложнен и урартским аффиксом множественности *х* – *таох*.Отсюда и внешнее название народа и страны – Диаух или Таох. Со временем последнее стало и самообазначением (самоназванием) убыхов.

В ассирийских источниках конца II тыс. до н. э., в частности, в анналах Тиглатпаласара I, наряду с абешлайцами и кашками (касками), страной Диаени (Диаохи) упоминается и страна *Хабхи*, похоже, прилегавшая к «великому морью», т. е. Черному морю. Как полагает Ш. Д. Инал-ипа, название Хабхи может быть основой внешнего обозначения народа апсуа (древ. апсар) – *абхазы* и их страны *Абхазия* или же увязанным с самоназванием убыхов – *пёх* (24, 111).

В первой половине XII века до н. э. абхазо-адыгские этнические подразделения совершают целый ряд военных походов в юго-восточные районы Малой Азии. В частности, тогда же каски и абешла прошли через территорию Мелид-Камману [180, 181], с этого времени они все чаще упоминаются на восточной части территории Малой Азии, по соседству с табалами и мушками. Они также соседствовали и с аримами – урумейцами и действовали зачастую с ними вместе [24, 125]. Кашки и абешлайцы сумели завхатить и страну Шубарту. Однако их экспансия на юг и юго-восток Малой Азии была приостановлена встречным движением ассирийского царя Тиглатпаласара I. Последний пишет, что «4000 кашкайцев… (и) урумейцев, непокорных людей Хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту… битвы они убоялись (и) обняли мои ноги [24, 129]. В другой же своей хвалебной надписи сообщает: «… Урумейев (и) абешлайцев… непокорных людей страны хеттской, я схватил, причислил к людям моей страны» [24, 129].

По-видимому, удачные походы Тиглатпаласара I в конце XII до н. э. вынудили абешлайцев – апсаров сосредоточится в верховье Евфрата и бассейне р. Чорох, а также на восточном и кавказском берегах Черного моря. Однако, вскоре абхазо-адыгские этнические формирования вновь начинают играть значительную роль на восточных территориях бывшего Хеттского государства [189, 515]. Часть касков обосновываетсяв области верховья р. Галис и создает здесь мощное царство Каску. Что же касается убыхо-абхазского этно-политического образования *Туахы* (Тәахы) или *Диауехи* (Дайаэни), то оно не только устояло от натиска ассирийцев, но и сумело уже в XI–X веках превратиться в самое сильное и богатое государство в восточной части Малой Азии, в том числе, во всем Армянском нагорье [189, 515; 241, 140; 24, 110]. Оно возглавляло крупную коалицию племен, живших к северу против Ассирии. Вся эта обширная территория была известна под названием Наири, и здесь существовали десятки мелких царств.

Влияние царства Диаохи или Дайаэни распространялось и на многие причерноморские племена, войска которых приходили на помощь подвергающемуся нападению со стороны ассирийцев Диаохи (249, 193–194).

К концу II тысячелетия до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье, в непосредственном соседстве с Диаохи, продолжает существовать и царство *Хайа* (*Хайа-са*), по-видимому, соответствующее *Аиа* (Айа) или *Еиа* (Ейа) древнегреческих источников и ассирийскому *Хабхи*.

Таким образом, есть довольно вескоеоснование полагать, что предки абхазов, абазин, убыхов и адыгов составляли еще во II тыс. до н. э. многочисленный этнический массив. Это близкородственное этническое сообщество, как отмечают многие авторитетные ученые (А. Глейе, И. А. Джавахишвили, И. М. Дьяконов, Н. Я. Марр, Г. А. Меликишвили, Ш.Д. Инал-ипа и др.), занимало во II тыс. до н. э. территорию от центральной Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья, и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа, включая территорию современной Абхазии (24, 424; 180, 13).

Заметная роль абхазо-адыгов в истории древней цивилизации Малой и Передней Азии предполагает и возможность существования у последних своего древнего письма. На это же намекает и собственно абхазо-абазинская древняя терминология чтения и

письма [242; 99, 57]. Вместе с тем известно, что во II тыс. до н. э. в Малой Азии государственные и иные документы составлялись на шумерском или аккадском, египетском (коптском), хеттском, лувийском, полайском, хурритском языках. Существуют здесь и недешифрованные тексты неизвестного происхождения. Большая часть иероглифических и других текстов II тыс. до н. э., записывались на деревянных табличках (абхаз. *ашәҟәы* «письмо», «книга», букв. «продолбленный бук»), поэтому они могли и не дойти до нас [182, 122]. Из вышеназванных письменных культур в малоазийском регионе больше всего использовалась аккадская клинопись, чаще вместе с аккадским языком, известно и протобиблское или т. н. псевдоиероглифическое библское письмо, употреблявшееся параллельно с возникшим на его основе усовершенствованным финикийским письмом [201, 266]. Как уже сказано, австрийский семитолог А. Ирку и советский кавказовед-эпиграфист Г. Ф. Турчанинов и др. считают, что это древнее письмо принесли в Финикию (в Библ или Губла) предки абхазов и абазин с Кавказа. Дешифровке и исследованию составленных на нем текстов Г. Ф. Турчанинов посвятил две известные монографии: «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» [25] и «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» [208].

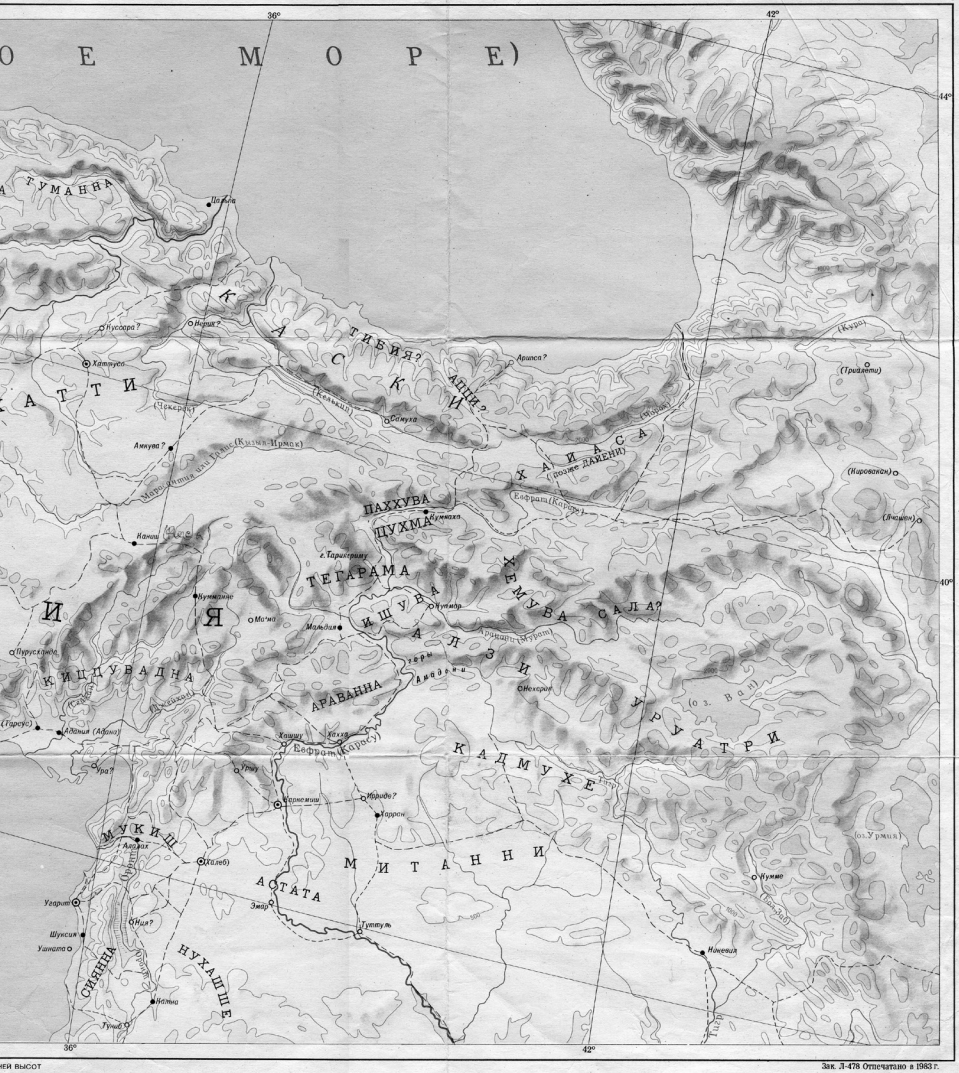
По поводу открытия Г. Ф. Турчаниновым древнеабхазского (ашуйского) письма одобрительно высказался целый ряд известных востоковедов. Но, к сожалению, со смертью автора и поддержавших его ученых начатая им работа остается до сих пор без продолжения. Тем не менее, сегодня можно говорить о главном, т. е. о том, что Г. Ф. Турчанинову удалось обнаружить в текстах этого письма древние образцы абхазо-абазинской речи. Немаловажно, что это письмо и тексты увязываются с Финикией, где, как уже отмечалось, во II тыс. до н. э. мог быть представленным абхазо-абазинский этнический элемент.

Пока же для исследователей древнейшей истории Малой Азии и Кавказа основной историографической базой остаются дешифрованные учеными текстов вышеназванных письменных культур. Из этих источников материал отбирался с учетом особенностей древней письменной традиции. Прежде всего, имеется ввиду, что на ранней стадии развития письменности при записи слов опускались (особенно у египтян) гласные звуки, и при чтении ученым

приходилось восстанавливать их условно. Кроме того, каждый текст отражал и нормы языка самого писца и степень его грамотности. Поэтому, при сопоставлении языкового материала древних текстов с данными современных языков, определяющим является, прежде всего, единство или звукосоответствие комплекса корневых согласных и совместимость их семантических нагрузок. Думается, что в этом плане вышеозначенные языковые сближения вполне допустимы и вписываются в исторический фон древнейшей Малой и Передней Азии и Кавказа.

МАЛАЯ АЗИЯ ВРЕМЕНИ ХЕТТСКОГО

ЦАРСТВА (около 1500–1200 гг. до н. э.)



ГЛАВА VI

ЮЖНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ, ЮГО-ВОСТОЧНОЕ И КАВКАЗСКОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

§ 1. Этнические сообщества Юго-Западного Закавказья по данным урартских источников. Царство Дайаэни или Диаохи

В начале 1-го тысячелетия до н. э. в Юго-Западном Закавказье и на примыкающей к ней с юга территории представляются наиболее развитыми в экономическом и культурном отношениях малоазийско-кавказские абхазо-адыгские этнические подразделения. В верховье р. Чорох все еще остается значительным этнополитическим образованием царство *Диаени* или *Дайаэни?* именуемое также *Диауехи // Диаохи* (т. е. «Страна таохов») – от самоназвания убыхов *туахы* (см. выше).

В IX веке до н. э. Ассирия предпринимает новые крупные походы против северных территорий. В связи с этим в ассирийских источниках вновь появляются сведения о стране Даиаэни, как о крупной политической единице. В то же время рядом с Дайаэни (или Диаохи) вокруг Ванского озера возникает сильное государство Урарту, в лице которого Дайаэни получает довольно опасного врага. Это обстоятельство вынуждает Дайаэни выступить в союзе с бывшим её противником- Ассирией против Урарту. Однако, в конце IX века Дайаэни приходится полагаться уже только на собственные силы против натиска Урарту. Используя выгодную для себя ситуацию, урартский царь Менуа на рубеже IX–VIII вв. до н. э. предпринимает удачный военный поход против Дайаэни, именуемой в урартских источниках Диауехи, Диаохи. В язлыташской скальной надписи, посвященной этому событию, Менуа сообщает: «Бог Халди выступил (в

поход) со своим оружием (?) против Диауехи, могущественной страны. … Завоевал я страну Диауехи, в бою я завоевал город Шашилу, царский город. Страну я сжег, крепости (разрушил?). Дошел (?) я до страны Шешети, (до) города Зуа… Утупурши, царь Диауехи, явился передо мною, обнял (мои) ноги, ниц повергся: я отнесся (?) (к нему) милостиво (?), пощадил я (его) под условием (выплаты) дани: дал он мне золото (и) серебро, дал дань. Тех пленников, (?) (которые) возвратились (к нему), он вернул полностью…» [250, 36].

Примечательно, что в этой надписи урартский царь Менуа о Диауехи говорит как о могущественной стране со множеством крепостей и подвластных царьков. По этой же надписи, и другим урартским источникам, в Диауехи более всего было развито скотоводство и металлургия. В отрасли скотоводства на первом месте стояло разведение мелкого рогатого скота, в частности овцеводство. Значительное место занимало так же коневодство. Большим спросом у соседних народов пользовались диаухские кони. В Диауехи широко применялись металлы – медь, золото, серебро [249, 201], особенно выделялась здесь металлургия меди. Соседние страны, в том числе Урартское государство, доставляли медь из Диаохи [214, 408].

В урартских источниках, наряду с названием страны «*Диаохи/Диауехи*» и реки Чорох «*Вох*» «*Бох*» (см. о них выше), упоминаются целый ряд и других любопытных топонимов. Прежде всего, представляет значительный интерес название царского города Диаохи *Шашил // Шашил-уни*, сближающийся, по своему окончанию, с древним именем юго-восточных абхазов – *апсилы* или *абшил* (см. выше), и, в полной своей форме, сохраняющийся и ныне в названии большого села в Галском районе Абхазии – *Шешелети // Шашилети,* абхаз. *Шьашьыл қыҭ*. В этом же районе и река *Шаш-куара*, букв. на абхаз. «речка Шашов». Название села *Шьашьылкыт*, как впрочем и многие другие топонимы Абхазии, абхазские махаджиры (переселенцы) во второй половине XIX века увезли с собой в Турцию, где также существует село *Шашилкыт* [268, 429]. Первое, т. е. *Шашилети,* оформлено грузинским суффиксом *ети* (срав. груз. *Абхаз-ети* «Абхазия», *Кахети* «Кахетия» и т. д.) и в целом означает «страна или земля Шашилов», абхазское же *Шьашьыл-қыҭ* букв. «село или община шашилов».

В урартских источниках дается и форма *шашк, шашки* (292, 31). Этнонимной основой для шаш-ил и шаш-к является *шаш,* представленная в упоминаемой урартским царем Менуа страны *Шашети, Шешети*, букв. «Страна шашов», где *ети* – локативный суффикс. Название страны (области) *Шашети* позже в грузинских источниках было переиначено в *Шавшети.* В основе этих названий просматривается родовое имя абхазских князей и царей *Шаш* (у северо-западных абхазов) [35, 9; 74, 172] или *Чач* (в восточной Абхазии). Этим же именем *Шаш* обозначалась и одна из областей исторической Западной Абхазии (293, 3), от которой, похоже, происходит и название города Сочи, известного в прошлом и как *Шаша, Шаше* (96, 191, 194).

В надписях урартского царя Менуа, наряду с царским городом Диаохи – *Шашилу,* упоминается и город *Зуа (Зуа-ни),* который уже Аргишти называет царским городом (292, 42). В названии *Зуа* также налицо его абхазское этнонимообразующее окончание *уа* «люди» – *Зуа,* букв. «Зуовцы». Этноним *Зуа* сопоставим с именем горного абхазского общества *Зоу* (из *Зауа*) и связанными с ними географическими именами в Гагрском р-не Абхазии: горы – *Зоу*, *Зоу ду,* букв. «Большой Зоу», *Зоухәҷы* «Маленький Зоу», *Зоу ихәы*, букв. «Возвышенность Зоуа»; река *Зоуаҳы* «Зоуская река», *Зоу аҳхыҷәа* «Зоуский водопад». От этнонима *Зуа* или *Зауа,* похоже, образовано урартское название страны – *Забаха* из *Зауах* > *Завахa* > *Забаха*, груз. *Дзаваха // Джавах*. Как справедливо полагает Г. А. Меликишвили, от названия исторической области Диаохи – *Забаха* происходит груз. *Джавах* и *Джавахети* (292, 30).

В связи с этнонимом *Зуа* представляет интерес и одно из известных наименований абхазов – *азра* (217; 11, 77, 79; 24, 323, 353). Последнее представляет абазинскую форму множественного числа этнонима *аз*. Возможно, от абазинской формы – *азра* образовано название соседней с Забаха области и города *Одзр(а) хе* [249, 205, 220], представляющее чанскую передачу урартско-абазинского *Азра-ха* (*ха* –хурриттский аффикс принадлежности [292, 30], срав. *Заба-ха, Кул-ха* и т. д.). По мнению же Г. А. Меликишвили это название связано с безирами греческих источников, упоминаемыми на Черноморском побережье, южнее устья Чорохи [249, 212] – (о безирах см. ниже.).

Преемником урартского царя Менуа – Аргишти I (VIII в. до н. э.) в число завоеванных племен включаются как *шашки*, так и *кабилухи*. В названии племени «кабилухи» также присутствует окончание «*хи*», что и в других, уже упомянутых именах. Это дает основание усматривать в препозиционном *«кабил»* этнонимную основу. Вместе с тем, похоже, что сама основа *«кабил»,* по-своему же окончанию роднится с такими древними именами племен Причерноморья, как *апсил, дрил, шашил* и др. Поэтому, можно говорить об основе *кабил*, как об этнониме, от которого производно урартское *кабилухи*. Этнонимная основа *кабил* распознается в названии крупного левого притока верховья реки Кура – *Коблиани* (она же – Джах-суй), а также и в наименовании прибрежного района Аджарии – *Кобулети*, букв. с грузинского «место (село) Кобулов». Как нам представляется, этнониму *Кабил* или *Кобл* (р. Кобл-иани), *Кобул* (Кобул-ети) соответствует название абхазо-шапсугского общества – шапс. *Кобла*, абхаз. *Куапал*, абаз. *Кабулов*. С этнонимной основой *«куапал»* совпадает топоним *Копал*, обозначающий местность в верховье Ефрата, в среднем течении её притока Гексу, ниже области Абаза [К-2].

От абхазского *Куапал* (во мн. числе *Купалаа* «Купаловы», в ед. ч. *Купалба* «Купалов») происходят родовые имена: груз. (сван.) *Копалиани* (Копал-иани) и мегр. *Кобалиа* (Кобал-иа).

Сообщество *Кобла* или *Купал// Куапал, Кабул* (абаз.) до XIX века занимало западную окраину Абхазского княжества, а затем основная ее часть вынужденно оказалась в Турции, остальные же переселились вглубь Абхазии и на Северный Кавказ.

Царство Диаохи (т. е. таохов) к концу IX века до н. э. начинает приходить в упадок в связи с военными неудачами в борьбе с Урарту. Урартийцы все более уверенно берут ориентацию на присоединение территории Диаохи к своей стране. Сын Менуа –Аргишти I в первой половине VIII века до н. э. повторяет опустошительный поход своего отца на Диаохи, обратив эту страну, по крайней мере частично, в урартское наместничество [189, 518]. Вскоре, уже в конце VIII в. до н. э., эта страна, существовашая около 500 лет, исчезает в источниках как государство под названием Диаохи (или Диауехи, Диаохи). Вместе с тем тогда же, в северной части Диаохи, урартийцы уже сталкиваются с политическим образованием *Кулха*, что, по мнению акад. Г. А. Меликишвили, соответствует

стране *Хабх // Хабхи*, зафиксированной в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара I (1112 г. до н. э.) как царство, расположенное вблизи Великого (Верхнего) моря, т. е. Черного моря.

В VIII в. до н. э., наряду с Кулха урартских источников, в древнегреческой литературе начинает фигурировать и страна *Эйа // Айа*, а в дальнейшем она же *Колхида*. Во всех случаях, похоже, речь идет об одной и той же территории и этнополитическом объединении *Хабхи, Айа, Кулха, Айа-Колхиде*.

§ 2. Народ и страна Хабхи

Как уже сказано, согласно ассирийскому источнику *Хабхи* являлась самой северной из стран Наири и располагалась у Черного моря, что, по мнению ученых, территориально соответствует царству *Кулха*.

Отождествляя страну *Хабхи* с урартским *Кулха,* акад. Г. А. Меликишвили высказывает вместе с тем сомнение в правильности прочтения названия страны как «*Хабхи*» и полагает, что для *Хабхи* могут быть исходными формы *Килхи* или *Кулха*. Поэтому поводу проф. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «…прочтение названия «*Хабхи*» Г. А. Меликишвили считает неправильным и предлагает свое толкование наименования этого этно-политического образования как Килхи на том, в частности, основании, что *«Килхи»* близко стоит к известному из урартских источников VIII в. до н. э. царству *Кулха*, хотя в порядке рабочей гипотезы «*Хабхи*» («Хапхи») можно было бы сопоставить и с корнем названия «*Абхазия*», или самоназванием убыхов – *пёх*, учитывая наличие значительного абхазо-адыгского слоя в топонимике этих мест» [24, 111].

Действительно, вряд ли можно считать основанием для сомнения в правильности ассирийской формы названия страны *Хабхи* лишь факт несовпадения его с более поздним *Килхи* (?) или *Кулха*, трудно также представить этимологическую и фонетическую близость форм Хабхи и Кулха, хотя они являются названием одной и той же территории и этнополитического образования. Единственное, что роднит эти названия –это их окончание *–х-* (Хаб *-х-*и, Кул-х-а), присутствующее также в именах многих древних Кавказских племен: *тао-х, пё-х, мос-х, заба-х* (джавах), *абас-х, зи-х*

и т. д. Поэтому с уверенностью можно говорить только о том, что в названиях *Хабх // Хабхи* и *Кулх // Кулха* этнонимными основами являются *хаб* и *кул*.

Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает серьезного внимания указание Ш. Д. Инал-ипа на возможность сближения названия *Хабхи* с корнем наименования страны «*Абхазия*». Если быть точнее, последнее образовано от этнонима *абхаз* (абхазы), корнем которого в действительности может быть *абха*, сопоставляемое Ш. Д. Инал-ипа с *Хабхи*. Исходной формой для *Хабхи* вполне допустимо *абха*, где препозиционное *а* вероятно произносилось с приступом и могло дать формы *Хаб-ха // Ҳабх-а // Кабх-а // Ќабх-а* (срав. древнее название лодки, абхаз. *амар* вгречес. передаче *камар)*. Однако не исключено обратное, т. е. каждая из последних форм в результате ассимиляции препозиционного согласного могла преобразиться в *абха*. Так или иначе, довольно похоже на то, что от этнонима *абха* (Хабхи, Хабха, Кабха), с помощью садзского суффикса множественного числа *ʒ (дз),* образована усложненная форма имени *абха – абхаʒ→абхаз* (Хабхаз, Кабхаз), по-видимому первоначально обозначавшая одно из абхазских (абазских) сообществ. Впоследствии садзское *абхаз* было усвоено картвельскими племенами и соседними с ними народами как название всего абхазского этноса – срав. груз. *апхази, апхазни*, *апхас*; мегр. *апхаза*; армян. *апхаз, апхазк*; араб. *аугаз, авгаз, абхаз*; персид. *афхаз*; др.-греч. – *авогаз;* итал. *абкас, абкац*. От груз. *апхази* образовано грузинское название страны абхазов «*Апхазети*», а от формы *абхаз(ы)* – «Абхазия».

Вместе с тем обращает на себя внимание древнефиникийское название Кавказских гор «*Каф*», которое вполне может быть одной из фонетических вариаций корня ассирийского *Хабхи – Хаб*, срав. *аб, каб, кап, каф, кав, кау.* Если исходить из возможных фонетических форм ассирийского *Хабх* (Хабхи, Хабха) – *Хабк, Кабк,* соответствующих формам *абх, абк* то, с определённой уверенностью можно увязать с ними упоминаемое Мосуди арабское название Кавказских гор *Кабк* [61, 194]. Современное же название этих гор «Кавказ», засвидетельственное ещё Эсхилом (V в. до н. э.) как «*Каукас*» (Каукасос), представляется производным от форм Кабказ, Капказ (→Кавказ) для которых, как уже отмечено, исходным может быть этноним *абхаз // апхаз // абкас*. Последний, со-

гласно сообщению арабского автора Иакута, был известен не только как название народа, но и горной страны, в частности, по словам Иакута: «Абхаз… название одного из краёв нагоре Кабки (Кавказ – *В. К.*) [61, 215][1].

§ 3. Страна и царство Айа // Эйа

Сведения о стране, царстве и городе *Айа // Эйа,* а также о народе аиасос, широко представлены в разных версиях сказания об аргонавтах и мифе о прикованном к Кавказским горам Прометее. Они, как известно, восходят к поэмам Гомера VIII–VII вв. до н. э. Сам же миф об аргонавтах, как полагают ученые, сложился еще в догомеровское время. События в нем происходят за одно поколение до троянской войны на малоазийском берегу Геллеспонта (конец XIII или начало XII века до н. э.).

Страну *Эйю*, куда совершили свое плавание аргонавты, многие авторы, как древнегреческие, так и современные исследователи, отождествляют с Колхидой [24, 199–200]. Вместе с тем следует отметить, что имя *Эйа // Айа* также фиксируется в догреческих источниках и вне связи с названным царством.

Выше уже говорилось о том, что в древней Месопотамии именем Эйа // Эа обозначалось водное божество, обитавшее в подземном океане *Ancy* (ва) [см. главу II]. Оно же и бог мудрости в г. Эреду.

В Египте был известен придворный чиновник под именем *Айа // Аи // Эйа,* ставший затем фараоном в XIV в. до н. э. [201, 148, 575].

В гомеровской «Одиссее» остров, где обитает дочь бога Гелиоса и сестра Аиета // Ээта – богиня *Цирцея,* также именуется *Эя // Эйя* [256, 120]. Ряд авторов его локализуют у берегов Лации (в Италии).

По сообщению Корнелия Тацита в древности существовал и город под названием *Эя* в Северной Африке [257, 529; 99, 52].

Как отмечает Ю. В. Откупщиков, древнее название Колхиды – *Аиа// Айа* также совпадает с названием города в Фесалии, откуда и отправились в свой поход аргонавты [258, 68-69], жившие, согласно античным сведениям, до Троянской войны. Последних

[1] Об иной этимологии оронима Кавказ, см. работу автора (94, 179).

многие авторы отождествляют с карийцами [258, 65] и пеласгами, т. е. с догреческим, не индоевропейским населением Греции. Натиск древних греков вынуждает последних обосноваться в первой половине II тыс. до н. э. на среднеземноморском (эгейском) побережье Малой Азии. В частности, страна карийцев – *Кария* отмечается на юго-восточной стороне территории царства Арцава, похоже являвшегося, наряду с Страной реки Сеха, Ассувой, Миссией, одним из абхазо-абазиноязычных этнополитических образований в западной части Малой Азии в середине II тыс. до н. э. [см. главу III]. Ряд древних и современных авторов считает, что карийцы, являвшиеся «сильным морским народом», были первыми, кто из эгейского мира стал посещать берега Черного моря еще задолго до начала греческой колонизации. Именно с ними увязываются многие древние топонимы и имена персонажей сказаний о походе аргонавтов [258, 65–74]. В основном, не отрицая это мнение, можно предположительно говорить о том, что морские походы могли совершать и ближайшие соседи карийцев – люди Арцавы, а также Страны реки Сеха, Миссии и других прибрежных районов, часть из которых, как уже отмечалось, похоже, являлись абхазо-абазиноязычным. Они и могли быть морским связующим звеном между эгейским миром и Черноморским побережьем Айя-Колхиды и Северо-Западного Кавказа, где уже проживали родственные им племена. Видимо не случайно, что, наряду с ономастическим материалом, и дольменная культура Северо-Западного Кавказа находит ближайшую аналогию в Среднеземноморье [259, 322; 260, 29, 43, 50].

Контакты могли быть обоюдными. Известный кавказовед Л. И. Лавров пишет, что у строителей кавказских дольменов – предков адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абазин и абхазов, идея и опыт строительства этих сооружений могли появиться в результате торгового и военного мореплавания в страны Среднеземноморского бассейна, начиная с неолитической эпохи [261, 105–107].

На древнюю связь между этими двумя регионами указывают также утверждения отдельных античных авторов о пеласгийском происхождении гениохов (предков абхазов) и зихов (адыгов) Кавказского Причерноморья [223, 240, 251].

Однако все это никак не проливает свет на этимологию древнего названия Колхиды и ее столицы *Айа // Эйа*. Что же касается ана-

логий, то они порой бывают и не взаимосвязанными. Как уже отмечено в предыдущей главе, *Айа*, *Эйа* древнегреческих источников и *Хайа*, т. е. *Хайа-са* хеттских источников XIV–XII вв. до н. э., похоже являются фонетическим вариантами названия одного и того же царства. В отдельные периоды *Айа* или *Хайа (Хаиаса)* и *Ацци* выступали как одно целое под названием *Хайаса – Ацци* (срав. *Аацы* – село у древней столицы Абхазского царства Апсар – совр. Новый Афон). В XII–VIII вв. до н. э. на территории этого царства также были представлены два союзных царства: в южной части убыхо-абхазское *Диаохи (Диайэни)*, а в северной – *Хайа* или *Айа*, оно же ассирийское *Хабхи* и *Кулха* урартских источников второй половины VIII в. до н. э. Последнее в трудах ряда исследователей именуется «Южно-Колхидское царство» или «Айа-Колхидское царство».

Колхидское *Айа // Эйа* первоначально могло быть также узко-этническим племенным именем, отсюда и обозначением территории и царства. С этой точки зрения, вызывает любопытство известное абхазское родовое имя *Аи // Аиа,* пишущееся в единственном числе *Аи-ба* (где *ба-* «сын»), а во множественном *Аиаа* или *Аи-р // Аи-раа*, букв. «Айцы», «Айовы». Последние формы образованы с помощью суффиксов множественности *р* и *аа,* как и древнее самоназвание абхазов *аԥса-р* или *аԥса-раа* «абхазы» от *аԥса // аԥсуа* «абхаз». Родовое имя *Аи // Аиа* широко представлено и в топонимии Абхазии: *Аи-шьха* – гора в Гагрском районе, букв. «Гора Аиовых», где *шьха* «гора»; *Аи-бԥа* – исторический регион Абхазии и хребет в верховье р. Псоу. букв. «Хребет (гора) Аиовых»; *Аибы-хәԥа* – село в Гулрипшском районе и местность в с. Аацы (Гудаутский р-н), букв. «предгорье Аиовых (Аибовых)»; *Аи-раа рыбна* – лес в с. Звандрипш (Гуд. р-н), букв. «лес Аиовых», где *Аи-раа* форма мн. числа; *Аи-раа рыцьра* «дубняк Аиовых» в с. Апшидны (Гуд. р-н); *Аирқәа // Аирқәарыʒха* – большой родник в с. Аацы вблизи местности Аибыхәҵа, букв. «родник Аиовых (Аировых)», гора и река *Аиц* – правый приток р. Ингур в восточной окраине Абхазии – из *Аиʒ* (Аидз), букв. «Аиов река (вода)», где, *ʒ (→ц)* «река» «вода» [93, 190, 555, 217, 345, 246, 275, 303, 550]. Представляет также интерес и то, что в с. Отхара (Гуд. р-н), являющимся одним из мест проживания рода *Аиовых* (Аибовых), имеется широкое каменистое поле под названием *Акула* [93, 273], напоминающее урартское обозначение колхов – *Кул-ха* (Кулха).

Судя по ассирийским, урартским и древнегреческим источникам, Айа-Колхидское царство занимало Восточное и Юго-Восточное Причерноморье и простиралось от Черного моря до верховья р. Кура, с охватом территории исторических *мосхов* (Мосхети, Месхети) и *забахов* (Джавахети). Согласно же поэмам Гомера, влияние царства *Айа* распространялось и на всё Северо-Западное Причерноморье до Крыма (об этом см. ниже).

На крайний восточный предел Айа-Колхиды, похоже, указывает сохраняющееся и сегодня название крупного левого притока верховья р. Куры – «Ай», «Айа» (ныне – на территории Турции) [К-2].

Политический центр древнего Айа-Колхидского царства, по-видимому, располагался в районе бассейна р. Чорох. В этой связи довольно определенно высказывается акад. Г. А. Меликишвили. В частности, он пишет: «Помещение политического центра (мифической) Колхиды на р. Риони является, несомненно, продуктом позднего осмысления, когда этот центр на самом деле переместился сюда. Раньше он должен был находиться намного южнее, в Юго-Восточном Причерноморье, близко от древневосточных государств (Урарту и т. д.). Вместе с тем, органическая связь между представлениями о Колхиде и о реке Фасисе говорит о том, что этот древнейший центр Колхиды надо все же искать на какой-то большой реке Восточного или Юго-Восточного Причерноморья. Если это не может быть р. Риони, то остается думать, что это, вероятно, другая большая река этой области – Чорохи, впадающая в море недалеко (южнее) от совр. Батуми. Древнюю столицу Кулха, видимо, и нужно искать в приморской полосе, в нижнем или среднем течении р. Чорохи. В топонимике и этнонимике этой области сохранились названия, связанные с названием «Фасис» (область Басиани, племена фасианов и т. д.). По-видимому, «Фасис» и являлся древнейшим названием р. Чорохи. На р. Риони это название, очевидно, было перенесено позднее» [249, 207].

Соглашаясь, в основном, с мнением уважаемого автора, еще раз отметим, что в урартских источниках р. Чорох (похоже, ее верховье) именуется *Вох* или *Бох*. Последнее, как уже сказано, увязывается с этнонимом *пёх* «убых», от которого и название царства *Похува*, располагавшегося в верховье указанной реки. Кроме того, греческий полководец Ксенофонт (V в. до н. э.) со-

общает, что ему вместе со своей армией пришлось перейти (где-то в среднем течении) большую реку *Арпас*, которая, как полагают исследователи, соответствует р. Чорох. Если исключить возможность присутствия в гидрониме *Арпас* греческого окончания *«с»*, то форма *Арпас*, возможно, из абхазо-абазинского *Арпаз* (Арпадз), букв. «река Арпа», что напоминает название левого притока р. Кубань, известного под названием – абхаз. *Арпа*, абаз. *Уарпа*, он же *Урун* [110, 218, 219].

В древнегреческих источниках среднее и нижнее течение р. Чорох фигурирует под названием *Апсар*. Последнее также обозначало гавань и город – крепость, располагавшиеся у левого устья р. Апсар, что соответствует современному Гонио. С IV века до н. э. в источниках *Апсар* фиксируются и как *Абсари, Апсарос, Апсарея, Апсарунт* [281, 179-180], а также груз. *Апсарети*, букв. «Страна апсаров» и т. д. С большой долей вероятности можно говорить о том, что все эти, и другие, вариации восходят к множественной форме древнего самоназвания абхазов – *апсар*, состоящей из *апса* (совр. апс-уа «абхаз») и суффикса множественности *(а)-р* (см. главы II, III). Эта форма самоназвания абхазов находилась в обиходе вплоть до позднего средневековья. Примечательно, что первая столица Абхазского царства раннего средневековья также именовалась *Апсар*, что соответствует г. Новый Афон. Оно же, как отмечалось, фиксируется как этноним в древнегрузинском письменном источнике XII века вместе с именем сына царицы Тамары *Лаша*, которое, согласно автору текста, с апсарского (абхазского) языка переводится как «светлый», «блистательный» [199, 91; 19, 215]. Прежде всего этот факт, а также и этимология самого этнотопонима *Апсар*, представляются неопровержимым доказательством абхазоязычности древних *апсов,* т. е. *апсар*. Поэтому, вполне справедливо М. Г. Джанашвили считал, что *абхазы-* суть *абсары, апшилы*, по греческим источникам – *апсарос, абсилы, апсилы,* а их страна по-грузински *Абсарети* или *Абсирети*... [265, 18, 95]. Также не без основания в абсарах видят абхазов такие известные ученые, как Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, Б. А. Куфтин, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе и другие.

Наконец, как полагает Г. А. Меликишвили, река Чорох или Апсар ранее могла именоваться «Фазис». Возможно автор и прав, однако эта версия не подтверждается никакими источниками.

Древние же авторы названием Фасис/Фазис обозначают только р. Риони. Г. А. Меликишвили, прежде всего, исходит из того, что в среднем и нижнем течении р. Чорох базировались древняя область *Басиани* и племена *фасианов*, что, на наш взгляд, никак не исключает распространения последних и до р. Риони, именовавшейся *Фазис*. Вместе с тем, автор справедливо указывает на родство названий *Басиани, фасианы* и *Фазис // Фасис*. Они, по своему оформлению представляющие не местные формы, образованы от этнонимной основы *бас* или *фас*. Варирующие в этих названиях формы *бас // пас // фас // фаз* или *паса // Фаса (Фаша) // Фаза*, как это фиксируется в качестве гидронима и оронима в других источниках, являются, по утверждению многих исследователей (Услар, Глейе, Марр, Куфтин, Бгажба, Инал-ипа и др.) фонетическими вариантами древнего эпонима абхазов *а-паса // а-база // а-пса*. В частности, акад. Н. Я. Марр, уже применительно к территории Северо-Колхидского царства (VI–I вв. до н. э.), пишет о том, что название горы *Фаса* в верховье р. Риони и греческое название р. Риони – «*Фазис*» сохранили свидетельство, когда эта река протекала среди территории «*пас*»-ского, то есть абхазского племени. По его мнению, абхазский народ в древности занимал площадь значительно более обширную: на юге – до р. Супсы, был расположен и на р. Риони, носившей некогда его племенное название – Фазис, с древнейшим городом *Кута* или *Кита* (груз. Кутатис, Кутаис), что по-абхазски *акыта,* означает «село» [264, 19]. Того же мнения и П. К. Услар [11 (О яз. убыхов), 78].

К древнему эпониму абхазов *абаса*, более чем похоже, восходят также названия современного города *Абаша (Абашьа, Абасса)* в Сенакском районе Грузии и *Абаша* – притока р. Техура, впадающей в р. Риони (Фасис) [18, 101]. Именно в этом регионе древнегреческие авторы помещают древний город *Айа / Эйа*, что современные исследователи отождествляют с нынешним Накалакеви и с «Археополисом» (Древний город) византийских источников [249, 231].

В аргонавтике в связи с царством *Айа // Эйа*, наряду с топогидронимами *Айа// Эйа, Фазис, Апсар*, многократно упоминается и целый ряд других интересных имен.

На этническое лицо царства *Айа // Эйа*, как нам представляется, проливает свет, прежде всего, этимология имени Айского

(Колхидского) царя – *Аиет // Ает*. В окончании этого имени, с большой долей вероятности, можно усматривать абхазо-абазинский суффикс принадлежности, владения *–т*, сохраняющийся в первозданной исходной форме в абазинском, а в абхазском лабиализованной в *тъ*. Исходя из этого, *Аиет //Ает* буквально можно перевести как «владетель Аиа», т. е. «владетель (страны или города) Аиа». Форма же *аиати* переводится с абхазского как «аиаский» *–аиати аҳ* «аиаский царь». Поэтому представляется, что *Аиет // Ает* первоначально не являлось личным именем аиского (колхидского) царя, а обозначало его титул или его принадлежность. В этой связи примечательны слова Стефана Византийского (V в. н. э.): «Айа // Эя – город колхов, построенный Аиэтом; …от имени города образовано имя Айета; как от Азия – Азиат, от Айя-Айат и Аиэт. Имя жителей – айайос» [270, 170; 271, 253; 99, 52]. Со временем имя *Аета* было обожествлено. Согласно древнегреческой мифологии, *Аиет // Ает// Эет* являлся сыном бога солнца *Гелиоса*. У абхазов же до недавнего времени почиталось божество *Эт-ных*, букв. «икона (образ) Эета», «святыня Эета» – *В. К.*) или *Эт-ных Аг-ных*, букв. «святыня (икона-образ) Эета – морская (прибрежная) святыня» (– *В. К.*), которой особо поклонялось родовое сообщество Ампар села Калдахвара [126, 26; 188, 26; 23, 552]. Наряду с этими обращают также на себя внимание личные мужские имена *Аиатҵ*, *Аитҵ, Аитҵа,* бытующие и ныне у абхазов [509, 24].

Одним из наиболее интересных ключевых имен аргонавтики является «*Апсирт*», упоминающийся впервые в V в. до н. э. Софоклом и Феркидом. Согласно этим и другим древнегреческим авторам, Апсирт являлся сыном Колхидского царя Аета. Этимологии этого имени касались многие известные ученые, как Джанашвили, Марр, Джавахишвили, Гулиа, Куфтин, Анчабадзе, Инал-ипа, Откупщиков и др. Большинство из них Апсирт рассматривают как эпоним имени абхазов.

Академик И. А. Джавахишвили этимологию *Абсирт // Апсирт* выводит из абхазского языка и переводит как «местожительство абхазов (апсаров) [266, 67]. По этому поводу Д. Гулиа пишет: «По нашему мнению Абсирт-а, правда, слово абхазское, но означает оно место смерти, место, где люди вымирают, а не местожительства абхазов» [18, 95].

С точки зрения З. В. Анчабадзе, этническая принадлежность колхидского владетеля Аэта абхазам не должна вызывать сомнения еще и потому, что имя сына Аета – Апсирт является эпонимом, давшим имя абхазам [267, 9].

В имени *Апсирт* Ш. Д. Инал-ипа также видит абхазское слово, в котором «первая часть (*апс*) является племенным названием, *р* – абхазским показателем множественности, а последняя частица *–т-* абхазским локативным суффиксом (ҭы). В таком случае слово Апсирт первоначально обозначало буквально «место обитания апсов» (абхазов – *В. К.*)» [24, 220].

Как представляется, вышеприведенные родственные по существу и не безосновательные мнения ученых нуждаются в уточнении.

Прежде всего следует отметить, что формы *Абсирт-(ы) Апсирт(ы)* и *Апсирта* отличаются не только по окончаниям, но и по семантике. Слово *апсирта* (совр. абхаз. аԥсы-рҭа), как справедливо отмечал Д. Гулиа, довольно прозрачно и на абхазском языке буквально означает «место гибели», «место смерти» – от основы *апсы* «мертвец» (аԥс-ра «умирать») и *рҭа–* локативного суффикса. Видимо, исходя из этого абхазского значения слова *апсирта,* древние греки объясняли название местности и гавани Апсар, где якобы был убит и похоронен Апсирт [269, 14].

Если исходить из зафиксированной в источниках формы *Апсирт(ы)*, то в ней можно видеть основу самоназвания абхазов *апсы, р* – притяжательное местоимение третьего лица множественного лица «их» и *ты* (совр. *тәы, а-тәы*) – «владение», «принадлежность» – отсюда Апсирт(ы), Апсарт(ы), букв. будет означать не «местожительство апсов», как его переводит Ш. Д. Инал-ипа, а «владение апсов». Однако, эти предполагаемые значения *Апсирт* или *Апсарт* трудно увязываются с именем героя. Поэтому, скорее всего, в основе имени *Апсирт* или *Апсарт* имеем множественную форму древнего самоназвания абхазов *апсыр // апсар,* уже являвшуюся и названием территории, с абхазо-абазинским суффиксом принадлежности *т* (совр. абхаз. *тә*). В таком случае, *Апсирт // Апсарт* буквально будет означать «владетель Апсира (Апсара)»; если же исходить из формы *Апсирти // Апсарти,* то это уже имя в значении «апсирский // апсарский», срав. с именем (титулом) отца Апсирта – *Аэт// Аиет* «владетель Айа» или «айский (царь)».

По данным древнегреческих легенд, у царя *Аиета* были сестра по имени *Цирцея* и два брата: *Персей*, являвшийся царем тавров, и второй – *Фазис // Фасис,* от имени которого, якобы, происходит наименование главной Колхидской реки *Фазис // Фасис* (сов. р. Риони). Дочь Персея звали *Геката*. По одной из версий Аиет женился на Гекате и имел двух дочерей: Цирцею (иногда она же Кирка) и *Медею*, а также сына *Абсирта* по кличке *Эгалея*. Цирцея была выдана замуж за скифского или сарматского царя, а затем овладела царской короной.

В то время, когда Одиссей прибыл в Айа – Колхиду, здесь владычествовала сестра Аиета – волшебница, чародейка Цирцея. Она посылает Одиссея к подземным богам в земли Кемириан, расположенные по обеим сторонам Керчинского пролива, откуда он возвращается к ней. Одиссею пришлось целый год пробыть у Цирцеи, прежде чем освободиться из-под влияния ее чародейства [49, 52].

В поэме Гомера *Цирцея* – дочь Бога Солнца и сестра божественного царя *Аета*, характеризуется также как «коварная обольстительница», «сладкоречивая», «светлокудрявая» [263, 144]. В этой связи напрашивается сравнение имени *Цирцей // Цирцея* с такими абхазскими словами, как *цырцей* «блистательно сияющий», *цыр-цыр* «блестящий», *цеи-цеи* «жгучо-сияющий», «жгучее сияние». Первое –*цыр-цеи* состоит из препозиционного *цыр*, являющегося усеченной формой слова *цыр-цыр* «блестящий» и постпозиционного *цей* «сияющий», срав. *амра цеи* «ярко сияющее солнце», «жгучее солнце», *цеи-цеи* «ярко сияющий», масдарная форма *а-цеи-ра* «сияние», «сиять».

Цирцея упоминается иногда и под именем *Кирка*. Последнее представляется созвучным абхазскому женскому имени *Хыр-ка*, по-видимому образованному от абхазского слова *а-хыркы* «красивый», «украшенный», «украшение»; *и-хырк-ны ацәажәара* «говорить красиво», *а-хырк-ра* «украшать», «приукрашивать», *мыцхәы и-хырку* «излишне украшенный» и т. д.

С колхидским царем Айетом древнегреческие сказания увязывают также и легендарного *Прометея*. Айет и Прометей были женаты на родных сестрах [49, 57].

Имя героя – *Прометей* по происхождению греческое. Однако сам Прометей – богоборец, носитель добра людям был прикован

по указу Зевса к горам Айа-Колхиды, т. е. к Кавказским горам, а по другой же версии – в пещере у подошвы горы [24, 250]. Арриан сообщает и название этой горы – *Стробил* (о нем см. ниже). Как отмечено многими исследователями, сюжет легенды о Прометее во многом схож с известным абхазским сказанием об *Абырскиле* и грузинским *Амирани*. Абхазский Прометей – *Абырскил* был закован в конце глубокой пещеры у подошвы горы в абхазском селе *Oman*, где, согласно легенде, он находится и ныне. Данная пещера у абхазов издавна именуется *Абырскьыл иҳаԥы* «Пещера Абырскила».

Целый ряд исследователей (Н. Я. Марр, Вс. Миллер, С. Л. Зухба и др.) допускают кавказское происхождение греческого мифа о Прометее. Более того, в различной литературе абхазы именуются потомками *Прометея – Абрыскила* [49, 54–57].

Значительный интерес вызывает этимология имени *Абрыскьыл* – абхазского двойника Прометея. По этому поводу высказывались Н. Я. Марр, Г. В. Цулая [273, 329–330; 274, 87], Ш. Д. Иналипа [24, 249–251, 425], Ш. Х. Салакая [220, 121, 123], Л. Х. Акаба [275, 67–71] и другие исследователи. На наш взгляд, ближе к истине акад. Н. Я. Марр, считавший что A-bъr-skil (Абырскил), груз. Amirani (Амирани), а также армянский Mher восходят к абхаз. a-mra или a-mъar «солнце» [12, 144–145]. Абхазское же *Абырскил* он переводит как «дитя Солнца» – из *быр // мыр* «солнце» и мегрело-чанского *скил // скир* «сын» [219, 75].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что автор совершенно справедливо отождествляет основу имени Абырскил – *абыр* с *амыр* «солнце». Известно, что взаимозаменяемость губно-губных *м, б*– обычное явление в абхазском языке. Ярким примером того является прозрачное абхазское слова *мрамба,* встречающееся, как топоним, в различных регионах Абхазии. Последнее фиксируется в письменных источниках и произносится то как Мрамба, то как Брамба. Исходное – *Мрамба*, букв. означает «солнце невидящее», т. е. «место, куда не попадает солнечные лучи»: – от *мра* «солнце» и *м-ба* «невидящий».

Таким образом, трудно возразить Н. Я. Марру в том, что армян. Mher и основы груз. Амирани – *Амир*, абхаз. Амырскил – *Амыр (→абыр)* восходят к абхазо-абазинскому *а-мра // а-мыр* «солнце». В этой связи груз. *Амиран(и)* (*«и»* – грузинское окончание) в

форме *Амиран // Амаран* широко бытует как личное имя у абхазов и грузин; фонетические же варианты этого имени *Мрын, Марин(е)* фиксируются в древних источниках как имена абхазских царей [25, 39; 276, 112].

По своему составу и фонетическому облику *Амиран // Амаран* и его варианты *Мрын, Марин* похоже восходят к абхазскому *Амран,* означающему «Бог Солнца» – от *а-мыр* «солнце» и *ан* «бог», «породитель» (срав. *ан-цәа* «боги»): абхаз. *амраныҳәа // амырныҳәа* «моление солнцу» – из *амран+ныҳәа*, букв. «моление Амрану (т. е. Богу Солнца)»; *амза+ныҳәа* «моление луне» – из *амза–ан +ныҳәа*, букв. «моление Амзану (т. е. Богу луны)»; *нанҳәа* «моление Великой Богини земли и плодородия» – из *нан+ныҳәа* «моление (Богине) Нан» и т.д. (см. выше). Как представляется, значения имён *Амиран* и *Амырскил* (→Абырскил) могут быть идентичными, если рассматривать последнее, т. е. Амырскил не как гибридное абхазо-мегрело-чанское слово (Н. Я. Марр), а как абхазо-греческое гибридное образование – *Амрос+гель* (→Абросгель →Абрыскел). Последнее, как и абхаз. *Амран*, будет означать «Бог Солнца», от –*амрос* – греческой формы абхазского *амра* и греч. *гель* (Гелиос) «Бог Солнца». Все это вполне соответствует существовавшему в Айа-Колхиде, как и в Египте, культу солнца. В силу этого основатели правящей династии Аетидов в Айа-Колхиде считались сыновьями Бога Солнца. Они поклонялись этому богу в храме, носившему его имя. Именно в храме Солнца аргонавты встретили Медею – дочь царя Аэета.

Вызывает любопытство и имя «воспитавшего» Фрикса золоторунного, говорящего барана *Криос* (т. е. «баран»), который, по велению Аиета, был принесен в жертву богам. С него же была снята шкура с золотым руном и прибита к стене внутри храма (святилища) Арея. Особенности этого мифического барана и его руна дает основание ассоциировать основу имени Криос – «*Кри*» (*ос* – греческое окончание) с формой *хьри*, буквально на абхазском означающей «золоторожденный» – от абхаз. *хьы* «золото» и *ри* «рожденный». Что же касается названия самого храма (святилища) «*Арея*», то, оно, как уже отмечено в литературе [280, 92; 107, 51], напоминает абхазское *Ареяи (Ареиааи)* – название божества, покровителя войны и войска, переводимое буквально с абхазского

«побеждающая армия» или «армия победитель» – из *ар* «армия» и *еиааи* «побеждающий», «одерживающий победу» (аиааира «победа», «побеждать»).

§ 4. Корабль «Арго»

Как известно, аргонавты свое имя получили от названия корабля «Арго», на котором они плыли. Согласно поэме Гомера, в самом начале у аргонавтов в составе экспедиции было много кораблей, однако лишь один корабль «Арго» целым доплыл до Айа-Колхиды [256, 149]. Сюда аргонавты добирались со стороны тавров, находившихся тогда в сфере влияния Айского (Колхидского) царя Аэта. Как гласит легенда, в Тавриде сыном Аэта был основан г. Пантикопей, а брат Аэта являлся царем тавров // синдов. Тавры также были хранителями золотого руна в Айа-Колхиде. Дочь Аэта – Медея говорила на таврском языке и молилась на колхидском языке (возможно, точнее, «молилась по-колхски» – *В. К.*) [277, 105]. Все это, похоже, указывает на то, что тавры (или синды) и колхи были близкими и по языку. В этом плане является примечательным зафиксированное древнегреческим автором таврское обозначение женского полового органа [...], которое в том же значении бытует и ныне только у абхазов и абазин. Вместе с тем, не исключена и возможность приобретения греками корабля, вместе с названием «Арго», у тавров // синдов, которые, как и колхи, обладали значительным опытом кораблестроения [278, 168–171].

Кавказоведы обходят наименование корабля «Арго», видимо считая, что если на корабле «Арго» плыли греки, то и название греческое. Между тем греческая форма названия «Арго» может быть получена из абхазского *арга*. Соответствие абхаз. *«а»* греч. суффиксу *«о»* (напр. абхаз. Апсырта → греч. Апсирто), и вообще смешение гласных *а* и *о* в догреческом субстрате отмечено исследователями уже давно [266, 67; 258, 69]. Таким образом, если для греч. «Арго» считать исходным абхазо-абазинское слово *арга*, то этимология первого, похоже, будет понятной: абхаз. *арга,* букв. «средство переправы», т. е. «то, чем переходят (реку, море)». Состоит оно из глагольной основы *ар* (масдарная форма *ар-ра* «пе-

реходить (реку, море)» и широкопродуктивного орудивного суффикса *га;* срав. *ача-га* (аҵа-га) «тяпка», букв. «то, чем тяпают»; *ажы-га* «лопата», букв. «то, чем копают»; *ахухуа-га* (аҳәҳәа-га) «грабли», букв. «то, чем гребут» и т.д.

Как представляется, этимология *арго* из абхазского *арга* «средство переправы», «то, чем переходят (реку, море)» более всего раскрывает предназначение лодки, корабля и вообще всякого средства перехода водного пространства.

Название «Арго» созвучно с наименованием г. Аргос и территории Арголида в Пелопонесе. Если эти названия как-то связаны с именем аргонавтов или именем их корабля, то, надо полагать, что названия Аргос и Арголида могли возникнуть после возвращения аргонавтов в Грецию. Это могло произойти еще задолго до начала троянской войны, т. е. до XII в. до н. э. Древние авторы с аргонавтами увязывают и целый ряд названий территорий, расположенных также далеко от пределов Черноморского региона. Например, Арриан говорит о том, что острова на Адриатическом море, именуемые Апсиртиды, получили свое название от Айэтова сына Апсирта, убитого якобы на одном из них сестрою Медеей [18, 265, 279]. По рассказу Диодора Сицилийского, Цирцея – дочь Айэта, изгнанная из захваченного ею царства, оставив Понт, поселилась на мысе Италии, которому дала свое имя, и который до сих пор называется Цирцейским [18, 286].

§ 5. Колхи и Колхида

В древних же источниках, в качестве общего названия всего населения Айа-Колхидского или Южно-Колхидского царства, наряду с греческим *айайос*, т. е. «айцы», встречается и однозначный с последним этноним *колхос* «колхи», появляющийся в форме *кулха* в урартских источниках конца VIII в. до н. э.

Для исследователей до сих пор остается загадкой происхождение самого термина *Кулха, Колха* или *Колх*. Неизвестно также, существовал ли этот термин как обозначение кого-либо этноса или этно-политического образования до VIII в. до н. э., или же он появляется в обиходе в VIII в. до н. э. в связи с какими-то политическими событиями в Восточно-Черноморском регионе.

Если же исходить из аргонавтики, как будто все объясняется довольно просто. Название страны *Айа // Эйа* происходит от названия города *Айа // Эйа*. От последнего образовано имя Айского или Айа-Колхидского царя Аета. С сыном царя Аета – Апсиртом увязано название города-крепости и реки–*Апсар* (совр. Чорох), а река Фазис названа именем брата Аэта – *Фазисом*, наконец, по Феокриту (IV–III вв. до н. э.) [272, 48], Страбону, Дионисию, Перегету (I в. до н. э. – I в. н. э.) и более позднему Евстафию, у Фазиса, являвшегося братом Аэта, был сын *Колха*, от которого якобы происходит название страны Кулха и ее народа – колхи [18, 259, 279].

Как нам представляется, очевидно одно– вышеприведенная связка имен сделана, прежде всего, с целью подтверждения равнозначности терминов айцы, фасианы (от Фазис), апсары и колхи.

В древнегреческой литературе встречаются и прямые указания на взаимозаменяемость этих имен. По этому поводу Ш. Д. Инал-ипа пишет: «В некоторых описаниях древнегреческих авторов (например, у Ксенофонта) в качестве синонима названия «колхи» употребляются «фазиани», «фасианы», восходящие, повидимому, к той же основе «пас» (пс), присутствующей в слове «апсилы», «апсуа» (т. е. абхазы – *В. К.*)». [24, 130].

По поводу существования страны *Кулха* исследователями высказаны различные мнения. Некоторые авторы считают, что политическое образование Кулха существовало и до развала царства Диаохи [249, 205]. Другие же доказывают, что название Диаохи и Кулха являются обозначениями одной и той же страны, которые отражают два этапа политической истории этого царства – сначала с первенствующим положением южной провинции (а, быть может, и династии) Диаохи, а затем – Кулха [251, 140]. Есть и исследователи, полагающие, что в I тысячелетии до н. э. существовали два колхидских царства – одно ранее, Южно-Колхидское (др.-греч. Айа, ассир. Хабхи, урар. Кулха – *В. К.*), другое, более позднее, – Северо-Колхидское (Колхида древнегреческих источников). Принято считать, что Южно-колхидское царство представляло собой не простой союз племен, а являлось уже государственным образованием раннерабовладельческого типа [235, 218–223; 249, 208; 24, 194], и что последнее царство прекратило свое существование в связи с его разгромом скифо-киммерийцами, вторгшимся вдоль восточного побережья Черного моря [235, 115].

Северо-колхидское же царство сложилось в VI в. до н. э. и простиралось от устья р. Чороха до р. Кодор, а может быть, как полагает М. П. Инадзе, еще далее на северо-запад с центром на р. Фазис (Риони) [252, 168].

Грузинские исследователи (Меликишвили, Микеладзе и др.) эти оба колхидских царства рассматривают как раннегрузинские государственные образования [235, 219; 251, 140]. Вместе с тем, в исторической литературе имеются и другие утверждения. Еще в V в. до н. э. отец истории Геродот пытался доказать, что колхи – выходцы из Египта [148, 256]. Часть современных исследователей считают, что в названии *Кулха* или *колхи* следует видеть этническое сообщество абхазов и абазин [253, 49-50; 18, 9-12; 49, 42 и др.], а другие авторы рассматривают этноним *колхи* как общее название разноязычных народов, в том числе абхазо-адыгов Восточного Причерноморья I тыс. до н. э. [235, 66-69; 20, 132]. Некоторые же ученые считают, что *«колхос»* представляет собой греческую форму передачи местного названия Кулха [285, 280–321; 286, 175]. Существует и мнение о том, что миф об аргонавтах возник как отражение древних путешествий в Колхиду за металлом [287, 125; 258, 69], что название Колхиды, а отсюда и ее жителей – колхов, было дано еще догреческими мореходами [258, 69]. В этой связи Ю.В. Откупщиков пишет: «Связь между названием страны или ее жителей с названием металла достаточно хорошо известна в истории: лат. cuprum «медь» и греч. Κυπρος, греч. χαλυψ «вид высокосортного железа (сталь?) и Χαλυβες «халибы» (народ, живший на южном Понте и изготовлявший данный металл). Такие топонимы, как χαλκις (Эвбея), Χαλκιδικη (область Фракии, богатая медной рудой), Χαλκηδωγ (город у входа в Боспор Фракийский, занимающий ключевые позиции на пути в Понт), возникли, видимо, в связи с греч. (догреч. происхождения) Χαλκος «медь». Топоним Καλχηδωγ неоднократно засвидетельствован также в метатезной форме (первичной?) Καλχηδωγ. Суффиксальное δωγ вычленяется в этом имени без особого труда (ср.Σαρπηδωγ, Μακηδωγ и др.). От той же основы образовано имя прорицателя Калханта (Καλχας,-γτος). Последнее особенно важно подчеркнуть, ибо связь между кузнечным делом и чародейством разного рода хорошо известна в истории народов. Связью сχαλκος | καλχος можно объяснить и пророческий дар Калханта, и чародейство колхидянки Медеи.

Косвенным аргументом в пользу последнего предположения могут послужить такие имена из греческой мифологии, как Χαλκο – μεδεια и Χαλκο – μεδη.

Следовательно, Κολχις этимологически, быть может, равняется топониму Χαλκις «страна богатая медью». Словообразовательная модель здесь та же, что и в случаях Χρυσος → Χρυσις и αργυρος → αργυρις. От Καλχος (ср. Καλχηδων) было образовано производное Κολχις, а не Καλχις, во-первых, в силу того, что для греческого субстрата весьма типично «смешение» гласных *а* и *о*, во-вторых, нельзя исключить возможности переосмысления какого-то близко звучащего туземного топонима или этнонима» [258, 69].

В связи с вышеприведенной версией происхождения имени *Колх,* следует вспомнить и абхазский термин *а-кал*, означающий на абхазском языке «олово» – отсюда глагол *акалра* «лудить», «латать».

Г. Ф. Турчанинов также увязывает происхождение этнонима *куалх // колх* с названием металла «*куа*», выводимый им из абхазского *кәалҙы* (куалдзы) «кольчуга», «броня», «панцырь». В частности он пишет: «Слово «кәалҙы», «кӏуалҙы» сложное. Во второй своей части, опять-таки глагольной, оно совершенно прозрачно: – лҙы означает «закаленный» (срав. абаз. «лаҙара» – «закалка», «закаленный»). Слово «лҙы» образовано из корня «ҙы», что представлен в глаголе –а-ҙ-ра- «калить», «обжигать», «жарить» и отягчен превербом «*л*» со значением «движения внутрь», откуда редкое а-л-ҙ-ра – «закалять», дословно: «вкалять». Не подлежит сомнению, что «закалять» в прямом смысле слова можно только металл, следовательно «куалҙы», «кӏуалҙы» – «броня», «кольчуга», «панцирь» это: «куа / кӏуа» – металл, «-лҙы» – «закаленный» [208, 27].

В форманте *куа* Г. Ф. Турчанинов усматривает именно название бронзы, а в окончании же этнонима куалх / колх глагольный компонент «-lc», соответствующий абхазскому и абазинскому корню «лх», дошедшему до нашего времени в обширной семантике действия, обозначающему «выделывание». «переработку», «обработку», «извлечение (чего-либо из чего-либо)». Далее автор приходит к следующему заключению: «Древнее ашуйское (абхазское – *В. К.*) сложное слово *куалх // кӏуалх* греки восприняли в форме kolc, передав дифтонг «уа» через «о». Так появился «этноним»

kolcoj, означавший здесь «металлург», букв. «бронзодел». Термин куалх // кIуалх был создан древними ашуйцами, предками абхазо-абазино-убыхов, в ту пору их жизни, когда им была уже известна выплавка и горячее литье металла, т. е., по крайней мере, – во второй половине III тыс. до н. э. Металлические вещи из Майкопского кургана уже говорят о хорошо освоенной технике металлургов ашуйцев [208, 28]. Однако предложенная автором этимология *куалх // колх* кажется не очень убедительной. Во-первых, у абхазов и абазин бронза обозначается словом *аԥьаз* (аджаз), формант же *куа* (убых. kIы) является основой глагола *акуа-ра* «ковать». В таком значении она встречается во многих языках и выводят её из и.-е. *qou̯ā«бить» «ударять» [143, 205]. Во-вторых, абхазское *акуалʒы* (акулдзы) означает не только «броня», «кольчуга», «панцирь», но и «жилет», женская старинная одежда «безрукавка» [288, 123]. Последнее может быть указанием на то, что слово *акуалʒы* могло возникнуть и вне связи с металлом. Так, например, *акуалʒы* в форме *акуаалʒы* (акуаалдзы) будет означать «сыромятный покров», т. е. «покров из сыромятной кожи», где основа *акуаал* из *акуаала* «сыромять», «твердая кожа» и *-ʒ-*(а-ʒы-ра) «скрывать», «покрывать», «покров». Вполне логично, что до появления металлической защитной одежды роль панциря, брони выполняла одежда из специально обработанной грубой кожи. В этой связи уместно вспомнить сообщение Геродота о том, что колхи были вооружены сыромятными щитами [18, 245]. Вероятно, название сыромятной одежды позже было перенесено на виды металлических защитных средств (кольчуга, броня, панцирь).

То, что колхи, как и их соседи халибы, были искусными металлургами, не вызывает сомнения у специалистов.

Наличие местной рудной базы, а также накопленный опыт его добычи и переработки, привели к бурному развитию своеобразной бронзовой культуры в IX–VII в. до н. э. на всем Северо-Западном Кавказе. Она выделяется учеными под названием Колхидская или Колхидско-Кобанская культура. По уровню развития этой культуры век бронзовый делится на три периода – ранний, средний и поздний. Наибольший расцвет бронзовая культура достигает в Абхазии и прилегающих к нему регионах в период поздней бронзы.

Бронзовые изделия в Абхазии обнаруживаются повсеместно, в основном в могильниках и в виде кладов. Среди многочисленных

находок более всего представлены бронзовые украшения (браслеты, бусы, серьги, фибулы, булавки, различные фигурки животных и птиц) и оружие (топоры, кинжалы, наконечники копий и стрел, части конской сбруи и др.). При этом наиболее характерными памятниками Колхидской культуры представляются изящные орнаментированные секирообразные боевые и рабочие топоры, которые обнаружены большими кладами в Гаграх, Пицунде, Сухуме, в селах Лыхны, Тагилан (Тагилони) и в других местах. Среди находок имеются и формы для отливания бронзовых предметов, что является ещё одним свидетельством местного истока рассматриваемой культуры.

С VIII века до н. э. начинается так же и процесс освоения железа, котороев основном вытесняет бронзу уже примерно к VI в. до н. э. [379].

В связи с историей развития металлургии на Кавказе и, в том числе, в Абхазии, особый интерес представляют абхазские термины, связанные с этим занятием и, более всего, – с металлургией бронзы.

Как отмечено выше, в абхазском и абазинском языках медь обозначается древним термином *а-бфа*, встречающемся в форме *биа* в древнеегипетском и других древних языках. Руда же у абхазов именовалась *ҳабфы*, букв. «камень медь».

Не менее важным является и термин *аԥьаз* «бронза», имеющий местои в родственных языках. Он так же известен и соседним тюрко-язычным карачаевцам и балкарам, тогда как данный термин отсутствует в турецком и в др. близких им языках. Более чем похоже, что слово *аԥьаз*, как бы оно не было широко распространено, имеет абхазо-абазинскую этимологию. Дело в том, что бронза представляет собой, главным образом, сплав меди и олова. Последнее, т. е. олово, у абхазов именуется *а-тса*, означающее в абж. «свинец» (при бзыб. *ԥстԥа* «свинец»)[1], а в абазинском *а-тса* «олово» и, далее, каб. *дзэ-ху* «олово», адыг. *Пца-шIо* «свинец». Это обстоятельство и учет закономерных фонетических сдвигов в языке дают возможность усматривать для совр. *а-ԥьаз* «бронза» как исходную форму – *а-тсаз*, буквально означаемую «коричневое олово» – от *а-тса* «олово» и *з* «бурый, коричневый» срав.

[1] В значении «олово» абхазы используют и слово *акалаи* [550,111], из персид. *кала* «олово» – отсюда абхаз. *акалра* «лудить» .

ҽеы-з «гнедая лошадь». При этом следует подчеркнуть, что медь и бронза в ряде языков имеют цветовые обозначения: например, слово «бронза» возводится к итал. brunezz «коричневый», от лат. brunz «коричневый» [143, 51]. В отличие от термина «бронза», абхазо-абаз. *атсаз* (аԥьаз) указывает как на цвет, так и на состав металла. Первоначальная форма *а-тсаз* «бронза» распознается в абхазском названии кольца –*амацәаз* из *амацәатсаз*, букв. «палец – бронза», т. е. «пальцевая бронза» – от *амацәа* «палец руки» и *атсаз* «бронза».

Название олова *а-тса*, возможно, лежит и в основе абхазского имени Бога (покровителя) металлургии – *Шьашәы*, (о сопоставлении его с адыг. материалом см. [137,151]). Последнее означало так же и плавильную печь, яму, отсюда и проклятие «шьашәы уҭарблааит», т. е. «чтобы тебя сожгли в плавильной печи (яме)»; форма *Шьашәы*, скорее всего, получена из *тсажәы,* букв. «варящий олово (или свинец)», отсюда и «(место) варения олова (свинца)», где *жәы* – основа глагола *ажәра* «варить». Вместе с тем есть основания полагать, что и абхазо-абазинское *а-жьи* «кузнец», «металлург» также происходит от слова *атса* «олово», «свинец»; *атса>атси>ажьи*> «кузнец» – первоначально «оловянщик». Например, в древнем Египте профессия металлурга обозначалась тем же знаком тигля, что и медь «биа» [141, 84]. С термином *ажьи* «металлург», «кузнец» увязывается целый ряд абхазских обозначений металлургических понятий: *ажьи-ра* «заниматься кузнечным ремеслом», «кузнечное ремесло», *ажьыра* «кузница», *ажьырақь* «шлак», «отходы плавки», *ажьаҳәа* «кузнечный молот», *аԥсынгьыри* «наковальня», *аҕа* «мех», *ажьырныҳәа* «праздник кузни», букв. «моление кузне» – переносно «Новый год». Из металлургической, кузнечной абхазской лексики можно выделить и такие важные термины, как: *аҭәара* «плавиться» – *артәара* «плавить», отсюда *арытәа* «клещи», *аилартәара* «сплавлять», *аиҧыбаара* «сваривать», *арацәарца* «древесный уголь для плавки», *аҙрыжәра* «закалка», букв. «поить водой», *аԥьуа* «ртуть», *атыҧша* «сера», *аиха* «железо», «топор», *аҭыць* «чугун», *аԥыр* «сталь» и др.

Абхазы и абазины издревле имели также значительный опыт обработки золота и серебра. Прежде всего, обращает на себя внимание терминология, связанная с обработкой золота. Золото у аб-

хазов именуется собственным словом *ахьы* – от него образованы такие слова как: *ахьии*-ра «обработка золота», «заниматься обработкой золота», *ахьыра* «место обработки золота» [109, 176], *ахьи* «золотых дел мастер», *ахьҽеижь* «желтое золото», *ахьҙы* «расплавленное золото», *ахьҙыркы* «позолото», «позолоченный», *ахьҙыркра* «золотить», *ахьтәы*«золотой», *ахьырԥаақәа* «вид золота»», *ахьыршәыгә*«золотой слиток», *ахьырхәыц* «золотая нитка», *ахьыматԥа* «золотая утварь», «изделие из золота», *ахьыԥса* «стоящий золота», «золотая цена», *ахьԥара* «золотые деньги», *ахьтԥа* «хранилище золота» и т.д.

В целом вся эта широко развитая металлургическая лексика и данные этнографии и истории [189, 514] вполне вписывают предков абхазов и абазин в бронзовую культуру как Абхазии, так всего Западного Кавказа и Восточного Причерноморья.

Вместе с тем, увязка этимологии этнонима *колхи* и топонима *Колхида* с др.греческим названием меди *Халк-ос* или же с понятием «металлург» представляется нам сомнительной.

В имени *Кулха // Колхи* в качестве основы вычленяется *кул* или *кол*, а конечное *х* или *к*, по мнению ряда авторов, может быть аффиксом множественного числа (282, 133; 99, 51) или притяжательность.

Следует, прежде всего, отметить, что основа *кул* или *куал, кол // кал* не просматривается ни в одном из известных наименований кавказских народов. Однако, указанные вариации широко отмечаются у абхазов и абазин как в основе родовых имен, так и в абхазской топонимии. Еще в начале XX века абхазские ученые Д. Гулиа, а за ним, позже, Ш. Инал-ипа, К. Шакрыл сопоставляли название «Колхи» с абхазским родовым дворянским именем *Колхи // Калхи* (абхаз. Ҟалԥьы // Ҟолԥьы*)* а «Колхида» с абхаз. *Колхита // Калхита* (Ҟолԥьҭа // Ҟалԥьҭа), букв. «Место колхов» [18, 81; 283, 7; 284, 242-243]. Родовое имя *Колхи // Куалхи // Калхи* пишется в единственном числе *Колба,* а также и в форме *Колбая* [74, 261]. Похоже, ее вариантом является и фамилия *Куалдзба* (Кәалҙба // Акәалҙба) [74, 191], где в окончании *дзба(ҙба)* усматривается садзский аффикс множественности *дз(ҙ)* и фамильное окончание *ба,* означающее «сын». Известны также личные имена *Куал, Куалашь* (*Кәалашь*), *Куалдзып* (*Кәалҙып)* [74, 103, 104] и топоним *Куал иху*, букв. «гора Куала» [93,247]. Однако, на наш взгляд, ро-

довые имена с основой *кол, куал* вернее сопоставлять с *кол* – именем этнического сообщества, упоминаемого Гикатеем Милетским (VI в. до н. э.) и Псевдо-Скилак Карианским (IV в. до н. э.). Согласно сообщениям этих авторов, народ и страна Колы находились рядом с коарксами выше колхов, в предгории Кавказа, в частности, в пределах восточной Абхазии (20, 133–134). Думается, что с основой *кол,* формой *куал* родственна и основа *гуал,* представленная в родовом имени *Гуал-аа*, букв. «Гуаловы» и в географических названиях *Гуал-дхвы* (*Гәалдәҳәы*) в с. Верхнее Эшера (Сух.р-н), означающий «поле Гуалов» и *Гул-рыпш* (центр Гулрыпшского района Абхазии) – возможно из *Куал-рипш* или *Гуал-рыпш* «Краи Гуалов или Куалов» т. е. «Краи Колов».

В связи с этнонимом *колх, колхи,* древней формой которого является урарт. *кулк, кулх, кулха,* для нас представляет интерес абхазо-абазинские родовые имена и топонимы с основой *кул*. Так, например, *Кул* (*Ҟәыл*) – фамилия одного из героев абхазского фольклора – *Кул Ахмат*, т. е. Кул по имени Ахмат [99, 51], у абазин и ныне существует род *Кул* (пишется «Кулов») [39, 199, 140], а у абхазов же – *Акул-ба (/Аҟулба)* «Акулов», (*ба* «сын» – фамильное окончание) [74, 218] и род *Кул-аа (Ҟәлаа, Аҟәл-аа)* а у мегрелов *Кула-ва*. Возможно, к основе *кул* восходит и *гул,* представленный в родовых именах *Гул-иа, Гул-уа.* Основа *Кул* присутствует в таких географических названиях, как: *Акула* – название большого поля в селе Отхара Гуд. района (о ней см. выше), *Акул-ԥацхьра*, букв. «Акулов кустарники» в Очам. районе [93, 440, 580], *Кулаа ртвы* (*Кәылаа ртәы)* – «Владение Куловых» (в Гуд. районе [93, 265], *Кул-рхуа*, букв. «гора Куловых» (в Гуд. районе [93, 235], *Кул-дзху* (*Кулзҳәы*), букв. «прибрежье Куловых» (в Гагрском районе) [93, 193]. С кулами, возможно, связано и название известного с древних времен перевала через Главный Кавказский хребет – *Клухор*, абхаз. *Кылхура // Клыхура* [94, 184], которое, может быть из *Кул+хура*, букв. «хребет (гора) Кулов». Эта же основа, в качестве этнонима, фиксируется и в древних письменных источниках. Согласно урартским сообщениям, в период правления царей Ишпуини и Менуа (VIII в. до н. э.) в пределах царства Диаохи существовала страна *Кул*-иани (292, 39).

Вместе с тем более чем похоже, что этнонимная основа *кул,* в стянутой форме *кл,* присутствует в имени *Клардж*, обозначавшем

народ древне-колхидской области и их страны, известной в древнегрузинских источниках под названием *Кларджети* [249,205]. На наш взгляд, перед нами название *кларджж*, представляющее собой искаженную форму прозрачного абхазского *кулардз* (→кларджж), образованного от этнонимной основы *кул,* формы мн. числа *-кулар, кул-ар*-дз, букв. «*кулцы»,* где *ар*- тот же абхазский аффикс множественности, что и в этнониме *апс-ар* «абхазы», осложненный садзским *ʒ* (дз), являющимся также показателем множественного числа (см.выше). Отсюда грузинское название области исторической Колхиды – *Кларджети* из *Кулардз-ети*, букв. «страна (место) кулардзов» (*ети* – груз. локативный суффикс).

Абхазский этноним *кулар,* в форме *куллар,* упоминается в летописи ассирийского царя Шамши Адада V (IX в. до н. э.) как название гор в пределах Южного Закавказья (291, 265). С множественной форой этнонима *кул // кулар* увязываются и абхазские родовые имена *Гулар-иа* (из *Кулар-иа*) и *Гулар-д-аа*, мегр. *Гулар-д-ава* (из абхаз.-садз. *Кулар-ʒ-аа*). В связи с абхаз. *кулар* и абхазо-садзским *кулардз* также обращают на себя внимание названия соседнего с кулардзами народа *Катарза – Котарзе*-на и *Годерз* (перевал от Самцхе в Аджара) [249, 213, 327–328]. Похоже, что в этнониме *Кат-ар-за* или *Кот-ар-за* представлены, также как и в *Кул-ар-з*, абхазо-садзский аффикс множ. числа ар+ʒ. С *Кат-ар-за, Кот-ар-зе* срав. абхаз. родовые имена *Кот, Куд, Кут – Кутар* (отсюда и фамилии *Кот-ба, Куд-ба, Кут-ба, Кутар-ба*).

Таким образом, есть определенное основание говорить о существовании в прошлом в абхазо-абазинском этническом мире родоплеменного сообщества под названием *кул*. Такого же мнения и абхазовед Вяч. Бигуаа [99, 51]. Исходя из этого, логично видеть в основе урартского Кулха этноним *Кул*, а в его окончании –урартско-хурритский аффикс множественности *–х(кулх, Кулха→колх)* или урартскую передачу абхазо-адыгского *ҕәа* «человек», «люди», соответствующего современному абхазскому *уа // уаа* «люди» [см. выше]. От основы *кул // кол* образовано и название территории и страны кулхов // колхов – *Кулхида // Колхида*, которое возможно из формы *Кулкита // Колкита*, где постпозиционная его часть из абхаз. *кита* (кыта) «село», «община», «страна». В таком случае, перед нами топоним *Кулкита // Колкита → Колхида*, означающий буквально на абхазском

«община (или страна) кулов». Как известно, древнегреческие авторы центр Айа-Колхидского царства именовали *Кита* (см. выше). Сердцевиной Южно-Колхидского царства являлась территория исторической Кларджети (Кул-ардз-еҭи), абхаз. Кулкита (→Колхида) – страны одного из древних абхазских (абазских) сообществ – *кулов,* множественная форма имени которых *кулар, кулардз* соответствует по значению урарт. Кулх, кулха «кулы». В силу значимости *кулов* урартская форма их имени *кулх, кулха* (→колх, колхи) становится и общим внешним названием всех родственных с кулами сообществ и их территорий в пределах царства Кулха, т. е. Колхидского царства первой половины 1-го тыс. до н. э.

Это царство, как полагает Г. А. Меликишвили, прекратило свое существование в конце VIII в. до н. э. в результате разгрома его киммирийцами [249, 209, 215, 216].

Однако, в исторических источниках на этот счет нет никаких сведений. На наш взгляд, киммерийцы вряд ли могли быть виновными в исчезновении Диаохи и Южно-Колхидского царства. Напротив, поход киммерийцев на юг, скорее всего, был вызван враждебными действиями Урарту против Диаохи и Айа-Колхидского царства, поставивших их в первой половине VIII в. до н. э. под угрозу исчезновения. Факты говорят больше за то, что благодаря помощи киммерийцев, Диаохи и Айа-Колхида просуществовали еще около ста лет, вплоть до разгрома киммерийцев скифами. Эти царства не только продержались, но и их население принимало активное участие в походах киммерийцев в Переднюю Азию [189, 530] и, прежде всего, на Урарту.

Киммерийцы, в понимании древнегреческих авторов, – это все население Северного Причерноморья. Древневосточные же памятники киммерийцами называют лишь одно сильное племя или племенной союз, обитавший первоначально, по-видимому, в Прикубанье и Крыму. Одни исследователи полагают, что киммерийцы могли быть родственными иранским или фригийским племенам. Большинством же кавказоведов признается, что в начале 1-го тыс. до н. э. Северный Кавказ, часть Черноморского побережья и Восточное Закавказье были заселены племенами, говорившими на языках абхазо-черкесской и северо-восточной (дагестанской) групп кавказских языков [189, 527, 529]. Из-

вестный кавказовед Л. И. Лавров происхождение абхазо-адыгских народов выводит из среды киммерийских племен [290, 198, 199].

В нашем представлении киммерийцы – это союз абхазо-адыгских этнических подразделений северо-западной части Черноморского побережья, известных как *меоты* или *синды (зикхи, зихи) // тавры* и собственно колхидцы. Судя по данным древнегреческой литературы, синды или тавры в первой половине 1 тыс. до н. э. находились в сфере влияния Айа-Колхидского царства, возможно и Диаохи, т. е. в сфере влияния юго-восточных абхазо-адыгов. Например, как отмечает Т. С. Каухчишвили, Евстафий Фасалоникийский в комментариях к 311 строке Дионисия Периегета пишет: «Пантикопей основан сыном Айэта»; а по Диодору Сицилийскому, Кирке (дочь Аэта) была женой сарматского или скифского царя; брат Аэта – Перс был царем тавров; дочь Перса Геката, отравившая своего отца, получила по наследству страну тавров, а затем сошлась с Аэтом (т. е. объединились две страны – колхов и тавров). В Колхиде стражей были тавры; Медея говорила на таврском языке, молилась на колхском языке и т. д. Далее Т. С. Каухчишвили пишет: «Основываясь на данных этих письменных источников (укрепленных археологическими материалами), я полагаю, что взаимоотношения между колхами и таврами // синдами являются неоспоримым фактом [277, 104, 105].

Киммерийцы, как уже говорилось, рассматриваются как союз племен (абхазо-адыгских – *В. К.*) Северо-западного Причерноморья. В этой связи представляют интерес абхазо-абазинская этимология названия этого союза – *Киммер*, *Гимар* или *Гамир* (они же – названия киммерийских владений в Закавказье). Похоже, что эти варианты восходят к абхазскому *Гаеимара*, усеченно – *Геимар*, букв. «прибрежный союз», «прибрежное объединение», – где начальное г(а) – от *а-га* «морское прибрежье» и *еимара* «союз», «объединение», «соединение» [94, 83].

Союз причерноморских этнических сообществ, как нам представляется, возник в противовес урартийцам, практически завоевавшим в начале VIII века до н. э. убыхо-абхазское царство Диаохи и поставившим в середине того же столетия под угрозу уничтожения Южно-Колхидское царство.

Союзные силы причерноморских родственных этнических сообществ формировались и базировались, скорее всего, в центре Колхиды, т. е. в современной Имеретии, а по мнению И. М. Дьяконова киммерийская страна Гамир находилась в центральной Грузии, либо в современной Аджарии и Восточном понте [24, 112]. Об этом же пишет Г. А. Меликишвили: «Вторгшиеся киммерийцы осели, вероятно, не только в северо-восточной части Малой Азии, но и значительно севернее, во многих местах Южного Закавказья. Вероятно, киммерийское племя треров дало название горному хребту в области в Южной Грузии – Триалети «(*Трел* древнеармянских источников)» [249, 212].

По-видимому, с именем кимерийцев увязывается название грузинской области – *Имерети*. Наше мнение основано на грузинской этимологии названия *Имер-ети*, буквально означающего «Страна имеров», где *ети* – груз. локативное окончание. Не трудно заметить близость основы «*имер*» с *киммер*, *геимар* или *гамир* древних источников, а форма же *имер, имар* может быть результатом ассимилятивной редукции *Геимар→Имар*, *имер.* Вместе с тем существуют и другие мнения. Проф. О.И. Сенковский основу названия *Имере-ти – имер* увязывал с этнонимом *ивер // ибер* и названием страны *Иверия // Иберия* [516, 27–30]. Существует также мнение о том, что *Имер* или *Имерети* образованы от грузинского указательного местоимения – *им* «тот» (та, то) посредствам локативного суффикса *«ети»* – отсюда перевод *имерети* вроде как *«то место»* или *«место тех»*. В форме же *Амарети,* употребляемой в отношении Восточной Грузии, усматривается в препозиции уже другое местоимение – *ам* в значении «здесь», «тут», а в окончании – локативный аффикс *ети* – отсюда *Амарети* переводится «здешнее место». Эти этимологии представляются нам не очень логичными, практически нет примеров подобных образований.

Более похоже на то, что груз. *Амарети* происходит от абхазо-абазинского *Амарата*, букв. «место солнца», т. е. «восток» – абаз. *амара, амар,* абхаз. *амра* «солнце» и абхаз. *ҭа* (груз. *ети*) «место» (совр. абхаз. *амрагылара* «восток», *амрагылар- ҭа*, букв. «солнцестояние»).

Исходя из значения слова *амарата // амрата* «восток», возможно и объяснение происхождения названия Имерети также из

абхазо-абазинского *Аиа-мара* или *Аиамра,* букв. «лежащее Солнце» – от *аиа* – основа глагола *аиа-ра* «ложиться» и *мра* «солнце» – отсюда *Аиамраҭа,* букв. «место, где ложиться солнце, т. е. «запад» (совр. абхаз. *амраҭашәара, амраҭашәарҭа* «запад», букв. «место впадения солнца»).

Так или иначе бесспорно то, что кимерийцы в VIII–VII вв. до н. э. играли значительную роль в Закавказье и, в частности, на территории совр. Грузии. Они, на наш взгляд, представляя собой каолицию абхазо-адыгских этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья и Колхиды –*Геимара (Геймар→Киммар // Киммер),* обладали довольно внушительной силой. Примечательно, что слово *геимара* букв. на абхазском «прибрежное объединение (союз)». Геимарское или киммерийское войско состояло сплошь из конницы, отличалось большой подвижностью, владело незнакомой дотоле народам древнего Востока массовой конно-стрелковой тактикой [189, 529]. Новшеством являлось использование в военных действиях и боевых собак. Подвергая полнейшему разграблению захваченную территорию, киммерийское войско внушало ужас жителям соседних стран [189, 530].

Киммерйцы уже в 30-ые годы VIII в. до н. э. проникают в Переднюю Азию. Поэтому, похоже, они оттесняют урартийцев из пределов Диаохи и Айа-Колхиды. Уарартийцы же, опасаясь нападения киммерийцев уже на собственно Урарту, решили сами нанести им упреждающий удар. Однако выступление урартийцев закончилось вначале 20-х гг. VIII в. до н. э. разгромом урартийской армии [249, 211]. Урартское государство киммерийцы не смогли разрушить, но им удалось стать хозяевами восточной части Малой Азии. Есть предположение, что именно в битве с ними погиб в 705 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II. Около 679 г. киммерийцы попытались проникнуть на ассирийскую территорию, но были отбиты [189, 530].

От киммерийцев наиболее тяжело пострадала Фригия. Она, как государство, была разрушена. В бою с киммерийцами погиб и фригийский царь Мидас.

В течение первой половины VII в. почти все области Малой Азии подвергаются разрушительным набегам киммерийцев, которые нападают и на столицу Лидии – Сарды и на греческие города побережья Эгейского моря. Считается, что только после того, как Лидия дважды получила помощь от Ассирии, а кимме-

рийцы были ослаблены столкновениями со скифами, лидийцы одержали победу.

В начале же 40-х годов VII в. до н. э. киммерийцы были разгромлены скифами. Как полагают ученые, остатки киммерийцев осели в северо-восточной части Малой Азии, где постепенно слились с местным населением [189, 524, 530]. На наш взгляд, с разгромом армии киммерийцев, т. е. армии союза северо-западных абхазо-адыгских этнических сообществ, прекращают свое существование царство Диаохи // Диаухи, а вскоре и Айа-Колхидское или Южно-Колхидское царство.

ГЛАВА VII

АБХАЗО-АБАЗИНСКИЕ СООБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

§ 1. Этнический состав населения Юго-Восточного Причерноморья

В VI в. до н. э. вслед за Диаохи уходит с исторической сцены Урартское царство. Оно окончательно было разгромлено Мидийским царством около 590 года до н. э. (205,319). На смену же самого Мидийского царства вскоре приходит Персидская держава. К концу VI в. до н. э. в ее пределах оказывается часть южных регионов Айа-Колхидского царства, а собственно Южно-колхидское или Кулхское царство, как политическая единица, перестает существовать. Несмотря на это, территория этого царства на юге, вплоть до Трапезунта, еще некоторое время именуется *Страной колхов* [215, 311]. Сами же собственно *колхи*, т. е *кулы,* они же. *кулар-ы* или *кулардз-ы,* оказываются в конце V в. до н. э. на Черноморском побережье вблизи Трапезунта [215, 340, 341] . Согласно Геродоту [V в. до н. э.], в его время колхи невходили ни в одну из сатрапий (округов) Персидской державы, но они «через каждые четыре года доставляли дары, которыми себя обложили, именно сто мальчиков и сто девочек» [18, 245]. Вместе с тем Геродот говорит о том, что племена Юго-Восточного Причерноморья – мосхи, тиборены, макроны, моссиники и мары, составляли девятнадцатую сатрапию (округ Персии). Среди названных Геродотом племен нет бизеров, проживавших на левобережье р. Апсар. Видимо, во времена Геродота река, отделявшая бизеров от экехерийцев, уже именовалась Арион (совр. р. Абу у мыса Фартына [см. 295, 242]). По-видимому, эта река и являлась границей между Фасианской Колхидой и Персидской державой в Юго-Восточном Причерноморье, на что, прежде всего, указывает название реки *Арион,* означающее «персидский» [249, 252].

Вскоре, во времена смут в Персидском дворе, зависимость племен Южного Кавказа и Юго-Восточного Причерноморья становится номинальной. Уже в 401 году Ксенофонт пишет: «Кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссиники, койты, и тибарены», а также «таохи» небыли подчинены царю (персидскому – *В. К.*)» [215, 245]. В специальной литературе существуют различные точки зрения по поводу этнической принадлежности этих племен.

Большинство грузинских ученых, на наш взгляд, без всякого основания, их, как и колхов, считают западно-грузинскими племенами.

Ряд же исследователей: И. А. Джавахишвили, И. М. Дьяконов, М. Кислинг, П. К. Услар, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и другие допускают присутствие, как в Южном Закавказье, так и в Юго-Восточном Причерноморье, абхазо-адыгских племен вплоть до конца 1-го тысячелетия до н. э.

Вышеназванные и другие племена Юго-Восточного Причерноморья впервые упоминаются древнегреческим автором VI в. до н. э. Гекатеем Милетским, а затем о них говорят Геродот (V в. до н. э.), Ксенофонт (V–IV в. до н. э.), Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) и др.

В пределах Юго-Восточного Причерноморья Гекатей Милетский называет следующие племена: *мосхи, хои, вехиры, макроны, мары, моссиники, тибарены, халибы*. В частности Гекатей говорит:

«Мосхи, племя колхов, соседнее с матиенами»;

«Хои, народ вблизи вехиров»… И опять «с хоями соседят к востоку *дизиры* (видимо *бизеры – В. К.*);

«Макроны» (Страбон отождествляет с саннами);

«Мары, народ, соседний с моссаниками»;

«с *тибарами* к солнечному восходу граничат *моссиники*, а у них город Хейрады*»;*

«*Халибы*, народ у Понта, на реке Термодонте… и халибои». Стамена, город халибов» [291, 301].

Вышеназванные племена, за исключением *хоев*,упоминает и Геродот. Последующие авторы не называют не только хоев, но уже и мосхов, маров. Вместе с тем, гекатеевский список племен Юго-Восточного Причерноморья Ксенофонт дополняет такими

именами, как: *таохи* (т. е. убыхи, см. выше), *скифины, враги скифинов, колхи, моссиники* (упоминает их и Геродот) и *дрилы*.

Позже уже Скилак Кариандский не называет этих племен, но говорит о неизвестных предыдущим авторам *бизерах, бехирах, экехерийцах* и *длинноголовых*.

В связи с отсутствием других свидетельств, сложно определить этническую принадлежность этих племен. Об этом можно судить лишь на основе лингвистического анализа этнических имен интересующего нас региона и увязываемых с ним географических названий.

Гикатей Милетский первым упоминает колхское племя *мосхов,* соседнее с матиенами. Часть же мосхов фиксируется и в Юго-Восточном Причерноморье, а также на левобережной стороне верхнего и среднего течения р. Кура (о них см. ниже).

В IV в до н. э. Скилак Кариандский, как и Ксенофонт, уже не называет среди племен Юго-Восточного Причерноморья мосхов. Вместе с тем Скилаком впервые на левобережье р. Апсар (Чорох) указывается племя *бизер* [295, 242]. Этноним *бизер,* похоже, распознается в названии реки *Пазар* (на турец. пазар, базар «рынок»), впадающей в Черное море между турецкими селами Ардешен и Пазар. В пределах бизеров Скилак называет реки Арион (сов. Абу) и Дараанон, отождествляемые с р. Архабили Архавеболее поздних авторов [295, 242]. Последние, т.е *Архаб* и *Архаве,* как и гидроним *Пазар*, похоже являются наследием бизеров; *Архаб(а)* на абхазском и абазинском означает «высыхающая долина», где *арха* «долина» и *ба* «высыхающая» – от глагола *аба-ра* «высыхать»; вторая же форма *Архаве* – от абхаз. *Архафа*, букв. «сухая долина» , где постпозиционная *фа*«сухая». С этими гидротопонимами согласуется и более позднее название населения этого региона *зидрит,* где в основе *зидри*, просматривается абхазское слово *дзыдара (зыдара)*, буквально означающее «безводие», а *дзыдараа* «безводные». Видимо отсюда и др-греч. *зидр-ит,* образованное точно также, как от названия лодки *«камар» – «камарит».*

На территории исторических бизеров, в частности в районе города Риза, расположена древняя, оригинальная крепость под названием *Зил кале* или *Зир кале* (кале – на тур. «крепость»). В основе *Зил* (Зир), несомненно, название одного из родовых или этнографических обществ абхазо-адыгов. Подтверждение этому –

сообщение Арриана о *зилхах (зил-х),* проживавших в его время (II в. н. э.) у реки Ахеунта рядом с санигами [223, 271].

Обращает также на себя внимание и само название причерноморского города *Риза,* в районе которого, как уже сказано, лежит крепость Зил-кале. Ойконим *Риза* (в древних источниках Rhizion, Rhiziun, Riso.и т. д.) до сих пор не имеет общепринятой этимологии. При этом *Риза, Ризе* или *Рицеи* [302, 18, 60] по форме напоминают название реки и озера *Рица* в Абхазии. Похоже, что для *Риза* и *Рица* является исходной *Реидзы* или *Риидзы*, состоящие из этнонимной основы *Реи* или *Рии* [168, 174] и абхаз-абаз. *дзы(зы)* «вода», «река» – отсюда *Реидзы или Риидзы* (Риза, Рица) «река Реиов или Рииов» [94, 235, 236]. Однако не исключено, что исходным может быть этноним *Риидзы* или *Реидзы,* образованный садзским аффиксом множ. ч. – *дз (з)*.

Древний прибрежный район г. Ризы именуется Hemŝin или *Амшен,* напоминающим абхаз. *амшын* «море». В связи с этим представляет интерес то, что армяне – выходцы из Юго-Восточного Причерноморья – называют себя *амшенскими армянами*, и, по их же объяснению, они так себя называют от абхазского *амшын* «море», «Черное море» – *амшенские армяне*, т. е. морские армяне или Черноморские армяне.

В 30 км. от Ризы,на реке Шаирлер существует известный водопад под названием *Апарон*. Основа этого гидронима – *апар* напоминает абхазский глагол *апара (аԥара)* «прыгать», что представлено в абхаз. *адзыпара (аӡыԥара // аӡырԥара)* «водопад» – буквально же «прыгающая вода»– от *адзы* «вода» и *(а)пара* «прыгать». При этом остается непонятным аффикс *н* или *он*, что роднит интересующее нас название *Апарон* с топонимом того же региона – *Псарон* (см. ниже). Вместе с тем кажется несомненным происхождение древнего названия современного турецкого села Фындыклы – *Вица // Вице* из абхазо-абазинского *а-вица (аҩыцӷа)* «подгорье». По своему фонетическому облику обращают на себя внимание и такие названия турецких сел, как *Дутха* (село юго-восточнее Ардашена) и *Хопа* (прибрежно-предгорное поселение в близи села Вица). Последнее исследователями относится к числу абхазо-адыгских географических наименований с окончанием на *п/па (ԥ/ԥа)* [268, 174]. Оно, т. е. *Хопа,* практически идентично с *Хоб-и* – названиям реки и территории в Мигрелии и *Хуап* (*Хәаԥ*)

– именем высокогорного села в Бзыпской Абхазии;абхазское *Хуап* буквально переводится «перед горой» , «предгорье» [94, 266].

Таким образом, есть основание полагать, что бизеры, как и мосхи, являлись абхазоязычным обществом, а сами этнонимы «бизер» и «мосх» обозначали в прошлом подразделения одного и того же народа. Первое, *бизер,* представляется искаженной формой самоназвания *базыр* или *базыр,* образованной от этнонимной основы *бызы, базы* (срав. абаза, абазги) посредством абхазо-абазинского аффикса мн. числа. *и-р, а-р*: *базы,* во множ. числе *баз-ир*, букв. «базы» (срав. от *апса* – апсир, апсар; от *кул* – кулар,кулардз и т. д.). Этнонимная основа *быз>баз // паз* ныне сохраняется у абхазов и абазин как родовое имя, у абхазов *Базы* – во множ. числе *Базаа* или *Базыр* (пишутся Базба), у абазин *Паз* – во множ. числе *Пазраа* (пишутся Пазов).

Второе же, *мас-х,* в греческой передаче *мос-х,* похоже, является иноязычной формой названия отрасли абхазского народа – *масыр // мысыр* (мысаа), у абазин *масыл // мысыл* (см. выше). Однако, для формы *масх (мосх)* исходной может быть *басх,* сохраняющаяся в основе черкесско-убыхского названия абазин *басх-ыг* (срав. *басхы* и *масхы*) [11, 72; 24, 262].

Гекатей Милетский после мосхов называет племя *хои или хоу (*xoů̊s) [304, 263], живущих вблиз *вехиров* (бехиров), тогда как последующие авторы их не упоминают. П. К. Ушаков, вслед за ним и В. В. Латышев, полагают, что *хои* «может быть,следует читать таои или таохи» [291, 301], что, на наш взгляд, неубедительно. В конце V в. до н. э. таохов, т. е. убыхов, Ксенофонт находит в местах, где они и прежде обитали, в частности, – в верховье реки Апсар (Чорох). Представляется, что *хои* или *хоу*, в дальнейшем они же макрокефалы, т. е. «длинноголовые», которые, согласно Скилаку Кариандскому (IV в. до н. э.), проживали между бехирами и моссаниками, и им принадлежала гавань Псарон (295, 242). Этноним «макрокефалы», т. е. «длинноголовые», является ничем иным, как свободным переводом абхазского *хоу,* букв. «длинноголовые», где *х* «голова» и *ау* «длинный». Данное толкование может быть и образцом народной этимологии, а на самом же деле изначально это название могло иметь иное значение. Так, например, название *цIыфа,* означающее на адыгском «люди», «человек» было переведено на древнегреческий язык из созвучного с ним абхазского слова *аӷафа* «вшеед» – отсюда древ-греч. *фтейрофаги,*

т. е. «вшееды», что и стало фигурировать в древних источниках [296, 401–404]. Видимо и Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) говорит о фасианах (апсилах – *В. К.*), что они «чрезвычайно тучны», « в их теле не заметны ни сочленений, ни жил» [18, 246], исходя именно из созвучного с этнонимом *апсил* абхазского слова *апсыла* «жирный», «тучный».

На наш взгляд и перевод названия гавани *хоев – Псарон* как «чесоточный», также вряд ли соответствует действительности. Скорее всего, перед нами этнотопоним *Псарон* в значении «а-псарская (гавань)», состоящий из этнического имени *а-псар* и суффикса *он* или *ун* (см. выше Апарон), возможно,являющего древнегреческим. Вместе с тем, Псарон может быть искаженной формой абхазо-абазинского этнотопонима *Псарны* или *Псарын*, букв. «место а-псаров» или «страна апсаров», где *н* – локативный суффикс (срав. *апсуаа* «абхазы» –*Апсны* «Абхазия», *агыруа* «мегрелы» – *Агыр-ны* «Мигрелия» и т. д.).

С именем длинноголовых – *хои* или *хоу-* связано упоминаемое Гекатеем название города моссаников *Хеирады*, что у Скилака Кариандского *Хойрады*. Последнее, несомненно, является этнотопонимом, в котором налицо абхазо-абазинская множественная форма имени хоев – *хойра* или *хоура*, от нее и образовано название города Хоирады, точно также, как от этнонима *бехир* – название города *Бехириада* (см.выше). Согласно Гекатею, город хоев – *Хоирады* уже в VI в до н. э. находился в пределах моссаников, а в IV в. до н. э. город Хоирады, как и Бехириада, называется эллинским.

Название племени *мар(ы)* встречается также только у Гекатея Милетского и Геродота. Мары и колхи, видимо, были соседями и этнически родственными. Они принимали совместное участие в походе персидской армии против Греции. В этой связи Геродот говорит: «Над марами и колхами начальствовал Фарандат, сын Теаспия» [18, 245].

Этноним *мары* возможно связан с основой родового имени могучих абхазских князей Маршанов, срав. гора и перевал в Абхазии – Марыху, из *Мар+рху*, букв. «гора Маров» [24, 234]; за Кавказским хребтом, у абазин, р. *Мара* или *Марыпс* – левый приток р. Кубани, букв. «река Маров» [204, 77].

Греческий полководец Ксенофонт в 401 г. до н. э. со своей армией, оставив территорию *таохов* (т. е. убыхов), прошел «через

землю халибов» и подошел к р. Арпасу, отделявшей халибов от скифинов [215, 309]. Вдругом месте он говорит о халибах, граничащих с моссиниками, и что «это был народ малочисленный и подвластный моссаникам; большая часть их жила разработкой железной руды» [215,314]. В связи с этнонимом *халибы* обращают на себя внимание имя абхазского (садзского) рода *Хал-ипа*, а также одно из названий садзов и их территории *Халцыс (абхаз. Халӡыс)* [73, 95-96]. Родовое имя рода *Хал-ипа* (срав. Халибы) на абхазском означает «сын Хала», что напоминает слова древнегреческого автора Каллимаха (III в. до н. э.): «…Халибы-скифское племя. В земле их добывается железо; они получили свое имя от Халиба, сына Арея…» [18, 266].

Любопытно также, что этнотопоним Халцыс букв. переводится как «малый Хал», где *цыс* (абхаз. *ӡыс, ҷыс*) «малый», «маленький» (срав. *а҆ҷы* «лошадь» – *а҆ҷцыс* «жеребенок», т. е. «маленькая лошадь»; *ацә* «бык» – *ацәӡыс* «бычок» и т. д.) [151, 64]. Из этого следует, что если существует *Халӡыс*, т. е. «Малый Хал», то где-то должен был быть *Хал* или *Халду (ду «*большой», «великий»), возможно это и есть страна *Халды*.

Вместе с тем, на этническое лицо халибов, похоже, указывает название р. *Арпас*, отделявшей халибов от скифинов, что по своей форме соответствует названию реки *Арабис* Скилака Кариандского. Первое, т. е. Арпас, исследователями увязывается с р. Чорох и с формой *Арипса*, упоминаемой хеттским царем Мурсилисом (XIV до н. э.) как название горы и крепости на Юго-Восточном Причерноморье в пределах царства Ацци [201, 150]. В Арипса или Арпас почти все исследователи видят абхазо-адыгское название, образованное с помощью абхазо-адыгского гидронимообразующего слова (аффикса) *ԥсы* «вода», «река» [297, 204; 180, 84; 266, 428–429 и др.].

Скилак Кариандский на Юго-Восточном Причерноморье южнее бизеров помещает неизвестных предыдущим авторам *экехерийцев*, реки *Порданис* и *Арабис,* город *Лимна* и эллинский город *Одиний* [295, 242]. Похоже, что в имени *экехерийцы* просматривается этнонимная основа *кех* и его форма множ. числа. *кехе-р,* практически единтичная с абхазским общеродовым именем Бениевцев (в Бзыпской Абхазии) –*Кехир* или *Кехир-аа* «Кехиры». Имеется также фамилия *Кьахь* –пишется *Киахба* (Кьахь-ба), т. е. «Киахов». На

кабардинском же языке слово *киахь* означает «нижний», «нижний житель». Обращает на себя внимание и название экехерийской реки *Пордан-ис*. Последнее представляется сопоставимым с названием реки и абхазо-убыхского общества в исторической Западной Абхазии – *Вардан* (Вардане) или *Вордан* (абхаз. *Ԥардан*).

Как уже отмечено, Гекатей *хоев* (т. е. длинноголовых – *В. К.*) помещает вблизи *вехиров*. Спустя почти два века, Скилак Кариандский *вехиров,* под названием *бехиры,* локализует между экехерийцами и длинноголовыми, т. е. хоями Гекатея, что является подтверждением идентичности хоев и длинноголовых. В пределах *бехиров* Скилак называет Бехирскую гавань и эллинский город Бехириада [295, 242].

На наш взгляд, в этнониме *бехир* или *вехир* имеем форму множ. ч. имени убыхов *пёх – пёхир,* где тот же аффикс множественности *и-р* (срав. бехир, вехир с *пёхир*). К самоназванию убыхов – *пёх,* похоже, восходит и название горы *Фех,* откуда, как говорит Ксенофонт, было видно море [215, 309].

Представляется, что к вышеназванным этническим сообществам проявляли языковую близость и *дрилы*. Последние, согласно Ксенофонту, являлись воинственным, враждебным к Трапезундцам народом, жившим близ моссиников [215, 311, 312], в частности, в горах к северо-востоку от Трапезунта. В окончании этнонима *дрил* имеем тот же аффикс *ил*, что и в названиях древнеабхазских сообществ *апс-ил, шаш-ил* (см. выше). Основа же имени дрил – *др, дыр* представлена в гидрониме *Дирапс* или *Дрипс* древних источников [289, 123; 24, 385], означающем на абхазском и адыгском «река Дыров». Последний соответствует реке, ныне известный под названием Дигермен (со слов же турецких абхазов – *Адзлагарадз*, что с абхаз. «мельничная вода») и впадает в Черное море у турецкого города Трабзон, греч. Трапезунт. Очевидно, что от древнего абхазо-адыгского имени реки *Дирапс* или *Дырапс,* с помощью форманта «*унд(а)*», «*унт-а*» *(Пицунда, Ахе-унта* и т. д.), создано греками название города, лежавшего у устья реки Дирапс – *Дирапис-унт>Трапез-унт, Трапез-унд,* соврем. Трабзон. Представляется, что ту же основу *дир, дыр* имеем и в наименовании известного абхазского села *Дрыпш* (ныне Дурипш, абх. *Дәрыԥшь*), буквально означающем «край Дыровых», или «край Дировых».

В конце V века до н. э., согласно Ксенофонту, Трапезунт являлся эллинским городом и располагался в пределах колхов, а последние проживали вблизи этого города [215, 311]. Однако уже в IV в. до н. э. Псевдо – Скилак нечего не говорит о колхах района Трапезунты, вместо них здесь он помещает длинноголовых, т. е. *хоев*.

К древним этническим сообществам Юго-Восточного Причерноморья относились и *макроны,* о которях упоминают авторы VI–V вв. до н. э. Макронов уже нет в списке племен этого региона, составленном в IV н. э. Скилаком Кариандским, но их называет в III в. до н. э. Аполлоний Родосский [295, 280, 282].

По данным Ксенофонта, *макроны*, видимо жили в горах, прилегающих к верховью р. Дирапс (совр. Дигермен). Армия греков оказалась на земле макронов вскоре после перехода через уже упомянутую нами гору *Фех,* откуда видно было море. Гора Фех, название которой, на наш взгляд, увязывается с именем убыхов *пех,* отождествляется с высотой в 2000 м. близ Зигани, к юго-западу от Трапезунда [215, 309]. После переговоров с макрономи греки, в сопровождении макронов, за три дня дошли до пределов колхов.

Более поздние авторы макронов идентифицируют с *саннами*, так например, Страбон (I в. до н. э.) говорит, что в его время их называли не макрономи, а саннами [18, 256; 249, 277]. В этой связи, видимо ошибочно, Арриан (II в. н. э.) махелонов отождествляет с макронами [223, 270]. По существу, это всё, что известно о макронах.

Немалый интерес представляет и народ *моссиники*, упоминаемый впервые Гекатеем Милетским «Хейрады, город моссиников» [291, 301]. Далее о нём говорят Геродот, Ксенофонт, Скилак, Аполлоний Родосский и др. Более полную информацию о моссиниках дает тот же Ксенофонт, проходивший со своей армией через земли моссиников. В его время (конец V в. до н. э.) страна моссиников состояла из враждующих между собой двух областей. Причем моссиники северо-восточной области владели городом – «Столицей» и считали себя владыками всех моссиников. Эллины, воспользовавшись этой ситуацией, вступили в союз с обиженной стороной, т. е. с моссиниками южной области, и совместными силами покорили первых моссиников. К пределам последних эллины подошли, пройдя от Керасунта некоторое расстояние в южном

направлении. Поэтому предположительно можно говорить о том, что моссиники занимали территорию, заключенную между рекой, ныне именуемой Аксу, и рекой Милет до самого верховья этих рек. Царь и царьки моссиников жили в *моссинах*, т. е. в деревянных башнях, с чем и увязывают название народа – *моссиники* [215, 342–344].

Согласно Ксенофонту, за моссиниками жили халибы: «…этот был народ малочисленный и подвластный моссаникам» [215, 343, 344] (о халибах см. выше). Моссиники также граничили с длинноголовыми и тибаренами. Скилак Кариандский говорит: «За длинноголовыми – народ моссиники, гавань Зафирий, эллинский город Хойрады, остров Ареса. Эти живут в горах.

За моссиниками живет народ тибарена.

За тибаренами живет народ халибы» [295, 242, 243].

Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) также рядом с моссиниками помещает тибаренов и далее пишет: «…моссиники занимают лесистую страну и предгорья, устраивая себе жилище в деревянных башнях и крепкие ограды, которые называются моссинами: отсюда они и сами получили название. А в самом высоком моссине сидит у них царь и творит правый суд своему многочисленному народу» [295, 280, 281].

Этническая принадлежность моссиников пока еще остается не выясненной. Ш. Д. Инал-ипа в своей работе приводит существующие по этой проблеме мнения ученых, в частности, он пишет: «Название мосиников по своему звуковому составу, как указывает Г. А. Меликишвили, близко стоит к названию племени санигов, локализуемому на территории современной северо-западной Абхазии, поэтому не исключено, что в мосиниках мы имеем дело с остатками проникших с Севера племен. При этом он (т. е. Меликишвили – *В. К.*) связывает *сан* (чан) с грузинским префиксом *н* и суффиксом *–иг*, наличным в названии санигов, и на этом основании склонен причислять их к грузиноязычному этническому миру» [300, 80; 24, 177]. И. М. Дьяконов, возражая против этого, полагает, что в санигах мы имеем, по всей вероятности, абхазо-адыгское племя. Он пишет: «Мы не имеем основания сомневаться в сообщении Страбона [XII, 3, 18], говорящего о неместном происхождении имени мосинойков (mosynoikoi), «живущие в башнях», где mosyn, возможно, не греческое, а первоначально фригийское

слово «башня»; передача имени чанов как *сан* обусловлена греческой фонетикой, но не видно, почему *а* здесь должен переити в *у»* [180, 122; 24, 177].

На наш взгляд, древние авторы именем «моссиники» называют этнически не однородное население. Это вытекает из сообщения Ксенофонта о том, что есть моссиники, господствующие и моссиники, зависимые от них. Последние становятся союзниками эллинов. Когда эллины по пути дошли до области своих союзников (части моссиников), им показывали тучных детей богатых лиц, спины у них были разрисованы, а вся передняя часть тела татуирована цветами [215, 344]. Ничего подобного не видели эллины у покоренных ими господствовавшей части моссиников.

Страбон (I в. до н. э.) название «моссиники» употребляет в собирательном значении и применительно к существовавшей до него этнической ситуации в горной части Юго-Восточного Причерноморья [XII, 3, 18].

Важно также и то, что имя «моссиники» не является самоназванием народа, их так называли, якобы, в связи с тем, что их царь и царьки жили в деревянных башнях, названных, неизвестно на каком языке, «моссин». Если исходить из утверждения древних авторов, то не приходится говорить о родстве этнонима «моссиники» с *саниги* или *сан(чан),* за которыми стоят вполне известные этнические общества.

Согласно Аполлонию Родосскому, моссиники являлись многочисленным народом, в пределах которого уже находился город хоев (т. е. длинноголовых) *Хойрады,* позже ставший эллинским. Моссиникам были подчинены халибы, а также безымянная «обиженная» область, которая в конце V в. до н. э., с помощью эллинской армии, стала господствующей в Моссиникии. Поэтому, возможно, в названии мос-син-(ики) представлены две этнонимные основы *мос (мосхи) и син* (сан, чан) – обозначение подчиненного мосам племени: *мос-син(ики),* возможно, из *мос-сан-(ики)* – могло означать «мосские саны (чаны)» или «Санника моссов (мосхов)». Форму *мос-сан* греки могли передать по созвучию с названием башни «*моссин»* как *«моссиники».*

Понтийские мосхи жили в соседстве с тиборенами и моссиниками в районе сов. Орду [215, 344; 249, 220]. Геродот говорит о том, что мосхи и тибарены были представлены под одним началь-

ством в войне ахменидского царя Ксеркса, вторгшегося в Грецию. Он же называет как мосхов, так и моссиников, составлявших с макронами отдельный воинский отряд в персидской армии. Последующие авторы уже не говорят о мосхах как о племени Юго-Восточного Причерноморья, если не считать некоторых позднейших авторов, часто слепо повторяющих своих предшественников.

В пределах моссиников Скилак помещает гавань под названием Зефирий, которой очевидно соответствует имя жителей этого района – *сапиры*. Аполлоний Родосский называет их «гордыми сапирами» [295, 282]. В фонетических вариантах *Зефирий* и *Сапиры* похоже просматривается название абхазского родового общества *Джапыр (Џьаԥыр)*, представители которого и ныне живут в Абхазии и, более всего, – в Турции, в среде абхазских переселенцев. По видимому, от основы этого имени *джап // дзап* (во множ. ч. *джапыр*, дзапыр) происходит абхазский княжеский род *Дзиапш (Дзаԥшь-иԥа)* и крестьянский род *Джьаԥшь*.

На наш взгляд, вслед за разгромом эллинами враждебных им племен, в том числе правящих моссиников, возникает некий союз поддержавших эллинов этнических обществ, т. е. дружественный эллинам союз макронов, санов, халибов и тибаренов, в котором, видимо, мокроны играли в определенный период главенствующую роль. Подтверждением этому могут быть слова Страбона: «Выше Трапезунда и Фарнакии живут тибарены, халдеи и саны, которых прежде называли макронами» [XII, 3, 18].

К числу древних племен Юго-Восточного Причерноморья относятся также и тибарены, фиксирующиеся рядом с моссиниками. Ряд грузинских ученых тибаренов считает родственным тубалам и мушкам (они же, по их мнению, мосхи) и представляют западно-грузинскими племенами. Об этих племенах также говорит Г. А. Меликишвили, который называет их *тубало-тибаренами* и далее, созданный им же этноним, рассматривается как собирательное название народностей разного происхождения, среди которых он предполагает присутствие и западно-грузиских племен, проникших сюда в XIII–XII вв. до н. э. и многие другие племена, «стоявшие по языку близко к носителям современных горских кавказских (абхазо-адыгских, бацбийско-кистинских) языков»[235, 169; 24, 127]. И. М. Дьяконов, не удовлетворяясь идентификацией табала или тубала и мушков с тибаренами и мосхами, считает наи-

более вероятным, что «название тибаренов тождественно с именем каскского племени XIV в. до н. э. *тирия(тибия*), с каким-либо местным суффиксом множественного числа- ар» [180, 123; 24, 127]. Таким образом, название *«тибарены»* также увязывается с абхазо-адыгским племенем и содержит в себе этнонимную основу *тиб(тип,)* что в абхазской форме мн. числа *тиб-ар,* видимо, произносившееся в чанской среде как *тибар-ени*.

Обращает на себя внимание и название племени *керкит*, упоминаемое Страбоном, – «аппаити, прежние керкити», «древние керкиты». Автор их указывает выше тиборенов, халдов, санов и макронов близ Малой Армении. Под созвучным с *керкит(и)* именем «керкеты» Скилак называет и племя в Западном Причерноморье, что связывается исследователями с этнонимом «черкес». При этом считается, что препозиционное «ч» в названии «черкес», в связи его отсутствия в греческом, передан через *«к»* – отсюда *черк-ес,* в греч. *керк-ет* (24, 189). Вместе с тем представляется, что страбоновское обозначение племени- *керкит* сохраняется в современном названии реки Келькит, протекающей через места, о которых говорит Страбон, т. е. через область Келькит.

В сообщениях древних авторов конца 1-го тыс. до н. э. среди горских племен Юго-Восточного Причерноморья начинает фигурировать племя *саны, санны*, т. е. чаны (см. ниже) которое, на наш взгляд, справедливо считается древнегрузинским. На их историческое местожительство, прежде всего, указывает название хребта *Джаника* или *Чаника* в Турции. Византийский автор Евстафий в своих комментариях к сообщениям древних авторов пишет: «Макроны, народ понтийский, живущий южнее вехиров. Их мы ныне называем *саннами* или вульгарнее *цанами*... и страну саннов называют Цаникою употребляющие вульгарную форму имени» [303, 202–205, 08].

По Страбону, санны (чаны) прежде, как и тиборены, халды именовались макронами, а уже римский чиновник Арриан (II в. н. э.) говорит о том, что санны – это бывшие дрилы. Последнее может быть указанием на то, что к концу 1-го тыс. до н. э. санны (чаны) выдвинулись на передний план среди вышеназванных племен, находившихся до этого в подчинении макронов. В дальнейшем союз племен, возглавляемый саннами (чанами), непокорными врагами Рима, живших в I–II вв. н. э. в условиях родового строя («народ, не

имеющий царей» – по Арриану), как пишет Г. А. Меликишвили, в римскую эпоху достигает такой политической силы, что во второй половине IV в. вторгается в Каппадокию, Киликию и Сирию [300, 83, 86].

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя путать этих *чанов* (греческая форма имени которых *санны* или *цаны*), увязываемых Страбоном, Аррианом и Евстафием с горными племенами южного крыла Юго-Восточного Причерноморья, прилегавшего к Малой Армении, с саннами Плиния, обитавшими в I в. до н. э. вместе с гениохами на Черноморском побережье, главной рекой которых являлась *Ancap,* и санигами Северо-Западного Причерноморья (о них см. ниже).

Этнонимная форма *санны* исследователями выводится из *чан(ҷан*). Считается, что передача имени *чанов* как *сан* обусловлена греческой фонетикой [180, 122]. С именем *чаны (ҷаны)* увязывают как название территории Чаны, Чанети, так и современное обозначение приморского региона Грузии *Ачара* или *Ачанра* [55, 139]. В этой связи представляет интерес абхазское название аджарцев, точнее их предшественников в Аджарии – *чоу (ҷоу, а-ҷоу)* – от *ҷау (а-ҷау)*, состоящего из этнонимной основы *ча (ҷа)* и абхазо-абазинского окончания *у* – «человек», придающий основе форму этнического имени. Чоуский язык абхазы именуют *аҷоу бызшәа, букв. «язык чоуов».* Историческую территорию *чоуов* (чауов) абхазы, похоже, называли *Чаны*, где *ны-* локативный суффикс: *Ча-ны* «Страна чауов» или «Место чауов» (срав. *апсуа* «абхазы» – *Аԥсны* «Абхазия», *агыруа* «мегрелы» – *Агыр-ны* «Мигрелия» и т. д.). Выходцев из страны (территории) *Чаны* абхазы именовали *а-ҷануа (ҷануа*), букв. «люди страны Чаны», «чанские люди». Представляется, что этнотопоним *Чаны* и этноним *а-чануа* были заимствованы грузинами у абхазов, в соседстве с которым некогда жил народ *чау(ҷау).* Причем абхазское название страны *ҷоуов – Чаны* было усвоено грузинами и греками как этническое имя чоуов.

Позже сами предки абхазов стали использовать название *чаны(ҷаны)* и производное от него абхаз. *а-ҷануа,* букв. «чанские люди», как варианты древней этнического имени *чау (ҷау, ҷоу, а-ҷоу)*. На это указывает абхазское окаменелое выражение «*и-ҷан-ҷаны еибафоит»,* использующееся, когда речь идет о бескомпромисных раздорах между родственными людьми: *и-ҷан-ҷаны еибафоит,*

букв. «чан-чаны съедают», что осмыслено означает «друг друга как чан чана съедают». Похоже, в этой фразе сохраняется память о ситуации, когда в древности чанские племена были охвачены жестокими междоусобными распрями.

В конце I-го тысячелетия до н. э., в результате распада огромного государства Селевикидов и наступательных действии правителей Понта, начинает значительно меняться этнополитическая ситуация в северной части Малой Азии и, в частности, в Юго-Восточном Причерноморье.

В начале II века до н. э. вазникает Армянское государство. Вскоре племена Юго-Восточного Причерноморья оказываются под властью Малой Армении. В прибрежную зону начинают проникать армянский этнический элемент, начинается интенсивный прцесс эллинизации и арменизации. В отторгнутых армянами у соседних черноморских племен областях армянский язык становится государственным... С этим же процессом увязывают появление здесь т. н. армяно-халибов [249, 275].

§ 2. Страна фасианов

В конце VII века до н. э., с падением Диаухи и Южно-Колхидского царства и утверждением в Юго-Восточном Причерноморье сначала Урарту, а затем Персидской державы, политический центр Айа-Колхиды перемещается в Восточное Причерноморье. Население этой области позднее рассматривало себя преемником древних колхов. Перенесение греками сказаний о древней (Южной) Колхиде на позднюю Колхиду (цикл сказаний об аргонавтах), а также, по мнению Г. А. Мелекишвили, и самого названия «Фасис» с р. Чорохи на р. Риони, тоже может указывать на эту преемственность [249, 219]). Древними авторами в Восточном Причерноморье выделяется область, заключенная между реками Апсар (Чорох) и Фасис (Риони), что территориально соответствует центральной части древне-Айского царства. Здесь же, у реки Фасис, как полагают многие исследователи, находился и главный город этого царства – Айа или Эйа. По сообщению Ксенофонта (V век до н. э.) эта область именовалась «Страна фасианов» и, в его же время, там царствовал потомок Ээта [249, 221]. Ксенофонт

этих фасианов не путает с колхами, которых он находит отдельно, в Юго-Восточном Причерноморье близ Трапезунда.

В колхах Ксенофонта, по-видимому, следует видеть собственно колхов, т. е. *кулов – кулар* или *кулардз* из области *Кулардз* (Кларджети) – центра Южно-Кавказского (Южно-Колхидского) царства – урарт. *Кулх, Кулха*, абхаз. *Кулкита*, др.-греч. *Колхида* (см. выше).

Как уже было сказано, в Юго-Восточном Причерноморье, наряду с колхами, Ксенофонтом упоминаются и *таохи* (т. е. убыхи) – потомки основоположников бывшего могучего царства Диаухи, т. е. царство *таохов* [249, 202].

В VI–V в.в. до н. э. собственно колхи и таохи, по своему политическому статусу и возможностям, мало чем отличаются от племен Юго-Восточного Причерноморья. Последние, согласно Геродоту, составляли XIX-ую сатрапию Персидской державы, тогда как в Восточном Причерноморье уже существовало значительное Царство фасианов, традиционно возглавляемое династией Аэтидов.

На наш взгляд, фасианы являлись также одним из подразделений народа, ранее известного как *айаеос* или *колхи*. Поэтому у некоторых древнегреческих авторов название *«колхи»* употребляется как синоним имен «айаеос» и «фасиани». Сам же народ фасиани соответствует древним апсилам, что, похоже, вытекает из сообщения Иппократа (V–IV в.в. до н. э.). Он пишет: «…фасианы резко отличаются своей наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле незаметно ни сочленений, ни жил» [18, 246]. На наш взгляд, не трудно заметить, что автор описывает фасианов, исходя из переводасозвучного с этнонимом *апсил* абхазского слова *апсыла* – «тучный», «жирный», полученного им от абхазоязычного информатора.

Как уже отмечено, многие исследователи, вопреки ученым, видящим в колхах только картвельский элемент, считают *колхов–фасианов* предками абхазов и абазин (см. Страна и царство Айа // Эйа). В колхах–фасианах усматривает также предков современных абхазов и крупнейший знаток древнегреческой литературы, переводчик и комментатор текстов о Скифии и Кавказе – В. В. Латышев [215, 265]. Главным аргументом для такого утверждения, конечно же, является ономастический материал этих древнегреческих текстов, увязывающийся, в основном, с языком абхазов и абазин (см. выше). О родстве древних *айцев, колхов*, *фасианов* с абха-

зами может говорить и наличие общих элементов в их материальной и духовной культуре, в особенности – характерный только для них обычай «воздушного захоронения». Нимфодор Сиракузский (IV-III в.в. до н. э.) – автор «Варварских законов» – пишет: «Мужские тела колхам нельзя было ни сжигать, ни погребать; тела мужчин завертывали в свежие шкуры и вешали на деревьях, женские же предавали земле» [295, 273]. Апполоний Родосский (III в. до н. э.), в связи с походом аргонавтов в Айа – Колхиду, говорит о том, что аргонавты по дороге к дворцу Аэта увидели «множество ракит и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы». Далее он же, отождествляя айцев с колхами его времени, пишет: «…и теперь ещё считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин: нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в невыдубленные бычачьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, так как трупы женщин предают земле; таков установленный у них обычай» [295, 283].

В дальнейшем, уже в новое время, в Закавказье и на всем Причерноморье только у абхазов фиксируется обычай «воздушного захоронения». Монах доминиканского ордена Жан де-Люк, посетивший Абхазию в XVII веке, сообщает, что абхазы «покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом, и потом, привязав их (от шакалов) к четырем столбам, держат их как бы висящими в воздухе» [319, 493]. Турецкий же путешественник Эвлия Челеби (XVII в.) пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит … тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева [320, 179]. Более подробное описание абхазскому обычаю «воздушного захоронения» дает итальянский миссионер А. Ломберти, который, в частности, подчеркнуто отмечает: «У абхазов есть замечательный обычай, который нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дереве следующим образом: выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают всё оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне», а, «чтобы послать на тот свет коня, гоняют его во всю прыть от этого дерева до тех пор, пока тот не околеет. Если он издохнет скоро, то говорят, что хозя-

ин любил его сильно: если же, напротив, он долго не издыхает, то говорят, что покойник этим показывает, как мало заботился о нём» [1, 189, 190, 321, 212].

На наш взгляд, на этническое лицо фасианов – колхов также указывают и древнегрузинские источники. В них, как известно, отсутствуют названия *Колхида* и *колхи*. Вместо них употребляются *Эгер*, *Эгриси* и *эгры*, означающие, в широком смысле, всю Колхиду и колхов, а в узком же смысле – территорию фасианов – Фасиду и её население.

Название *Егр(и)* фиксируется и в древнеармянских источниках в форме *Егерк*, как обозначение области в нижнем течении р.Чорох, и *егерацик*, т. е. егры [322, 82]. Видимо поэтому и река Чорох первоначально в грузинских источниках именуется *Эгрис-Цхали*, бук. «Эгрская река», тогда как у греческих и римских авторов она фигурирует под самоназванием абхазов «*Апсар*».

По мнению ряда ученых (И. М. Дьяконова, Д. И. Гулиа, Ш. Д. Инал-ипа и др.) термин *«егры»* не являлся этническим именем, а обозначал страну, территорию [24, 198]. В этой связи представляет значительный интерес высказывание Д. И. Гулиа о том, что в основе абхазского этнонима *агыр-уа* – «мегрел» лежит абхазское слово *ага* – «морское побережье». В частности, он пишет: «Абхазы их (т. е. мегрелов – *В. К.*) называют *агруа, агvр-уаа*, что означает по-абхазски – «люди берега (моря)», «береговые люди», «люди морского берега» – в противоположность *ашхаруа, ашхар-уаа* «люди горы» – горцы. (Если бы это слово происходило от слова *Эгри* (река Ингур), или *Эгриси*, как это принято признавать, тогда абхазы, соседи, их, мингрелов, называли бы *эгруа, эгур-уаа*, а страну их *Эгурну* (Мингрелия) вместо *Агурну* (агырны).

Гурийцев же абхазы называют *агураа*, т. е. «центральные люди», «люди середины» [18, 69].

Действительно, слово *ага* в абхазском языке означает «морской берег», а производный от него термин *агара* – «приморье», «поморье» (срав. *ашьха* – «гора», *ашьхара* – «горы») и абазинское *агараа* или абхазское *агарауаа* (усечено же *агар*) – «приморцы», «поморские». Правда и то, что абхазы и абазины Черноморья делились на горцев и приморских. Горцы назывались у абазин *ашьхар, ашьхараа* (от *ашьха* – «гора», *ашьхар* – «горы»), отсюда обозначение части абазин – *ашьхар* или *ашьхараа*, являющихся носи-

телями ашхарского диалекта, с которыми связана и фамилия *Ашьхараа* (пишутся Ашхарава). Абхазским вариантом абаз. *ашьхар, ашьхараа* – «горцы» является *ашьхаруа* – от *ашьхара* – «горы» и *уаа* – «люди», – отсюда абхазская фамилия *Ашхаруа*. Жители же приморья у обеих народов именовались *«агараа»* или усеченно *«агар»*. К этой категории в прошлом, видимо, относились предки ныне самого многочисленного рода абхазов и абазин – *Аграа* или *Агыр* (в един. числе у абхазов – *Агыр-ба*, у абазин – *Агир-ов*).

Термин «*Эгры*», вполне возможно, из абхазского *«агара»* или *«агар, «агр»*. По утверждению П. Ингороква в топонимах начальное «а» может соответствовать грузинскому «э» –*Егри* (Егриси) [55, 138].

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что абхазское *агара* или *агар* – «приморье» было принято в древности картвельскими племенами как *эгер* в значении «приморье», «прибрежье», а производная от него форма *эгри* стала обозначать приморских абхазов, т. е. колхов – фасианов, отсюда и *Эгриси* – грузинское название территории эгров, известной в древнегреческой литературе как Колхида или Страна фасианов.

Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Важно ещё раз отметить, что в основе грузинского названия страны Эгриси лежит древняя абхазская форма «Егры»…у адыгов Егерквай – название аула и племен» [365, 22]. По Ц. Нойману Эгер, Экер выступает как армянское название адыгов и абхазов [483; 365, 222].

В генеалогическом древе кавказских народов, составленном грузинским автором XI века Мровели, один из сыновей общего прародителя Таргомоса именуется *Егрос*. Последнему отведено Черноморское побережье до самой реки Малой Хазарии (Кубань), т. е. область, занятая с древних времен абхазо-адыгскими народами, где он построил город *Эгриси* [239, 229].

Имя же *Эгрос*, представляющее греческую форму, производно, по нашему убеждению, от абхазского *Агара // Агар* (груз. Эгер, Эгри, армян. Егерк) – «Приморье», – отсюда *Эгрос –Эгрский*, т. е. «Приморский». Поэтому Мровели, писавший о периоде могущества абхазов, в своей генеалогической карте напрямую не называет абхазов, считая их потомками *Эгроса*. П. Ингороква прав, когда говорит, что «Леонтий Мровели не упоминает об абхазах, поскольку считает их этнически идентичными эгрисцам» [55; 365,

529]. По мнению Г. Д. Гумба, рассказ Мровели о происхождении кавказских народов корнями уходит к временам Урартского царства [240, 115, 127].

Таким образом, можно говорить о равнозначности в прошлом этнонимов *колхи, апсары, фасианы и эгры* грузинских источников. В соответствии с этим, Страна фасианов – тоже самое, что Колхида или Эгриси.

Как уже сказано, основная территория *Страны фасианов* или *Эгриси* простиралась от среднего и нижнего течения р. Апсар (Чорох) до р. Фасис (Риони) и её притока Техури. Вместе с тем считается, что эта страна имела своё продолжение и за р. Фасис. Она, по мнению М. Инадзе, простиралась от устья р. Чорох (Апсар) до р. Кодор или современного Сухума и, может быть, ещё далее на северо-запад [252, 168].

На наш взгляд, в VI–V вв. до н. э. юго-восточная граница фасианов начиналась не от устья р. Чорох, а проходила южнее её – по р. Абу, именовавшейся во времена Ксенофонта *Арион*, т. е. «Персидский» [249, 252]. Эта граница, похоже была передвинута Александром Македонским уже позже на р. Апсар (Чорох), именуемую в древнегрузинских источниках Эгрис-Цхали.

Согласно утверждениям академиков И. А. Джавахишвили и С. Т. Еремяна, в прошлом в Колхиде существовали две реки с созвучным названием *Эгрис-Цхали* и *Эгрисис-Цхали* [331, 23, 337, 264], которые не следует путать.

Первое, т. е. *Эгрис-Цхали*, букв. «Эгрская река» образовано от названия прибрежной области Эгры или Эгер (абх. Агара // Агар), прилегавшей к нижнему течению р. Чорох, и, как гидроним, *Эгрис-Цхали* представляет грузинский вариант обозначения р. Апсар (Чорох), которая, по мнению Г. А. Меликишвили, в древности именовалась Фасис [249, 207].

Название же второй реки *Эгрисис-Цхали* является более поздним, чем первое, производно от имени страны *Эгриси,* – отсюда *Эгрисис-Цхали* – «Эгрисская река», что в усеченной форме *Эгрис-Цхали* увязывается с р. Квирила (Фасис) [322, 88], а также с р. Ингури [337, 264], и ошибочно – с р. Галидзга [55, 175, 338, 114].

Однако, как нам представляется, название рек *Эгрис-Цхали* (р. Чорох) и *Эгрисис-Цхали // Эгрис-Цхали* (Квирила – Фасис) могут быть образованы и от разных основ. Первое, как уже сказа-

но, – от абхазского названия приморской области *Агара*, усечено *Агар*, груз. Эгер, Эгры «Приморье» – отсюда груз. Эгри-Цхали (р. Чорох). В основе же второго *Эрисис-Цхали* или *Эгрис-Цхали* (Квирила – Фасис) может быть созвучное с Агара // Агар, Эгер, Эгры –топоним *Агуры,* являющееся абхазским названием центральной части Колхиды – *Агура*, т. е. Гурия. Абхазское *Агура*, букв. «центр, середина, сердцевина» – от *агу (агәы)* «сердце, сердцевина, центр» и *ра* – суффикс собирательности, абстрактности [94, 29, 45]. От названия территория *Агура* (Гурия) и абхаз. *агур* «гуриец», *агураа* «гурийцы» [18, 69].

Как уже сказано, политический и экономический центр Страны фасианов или Колхиды (Эгриси) располагался по обеим сторонам Фасиса, и этот исторический центр абхазами именовался *Агура*. Последнее, похоже, в закономерной форме *Агуры*, в груз. *Эгури* или *Эгурис-Цхали* обозначало и р. Фасис (Квирила – Фасис). На это, на наш взгляд, указывает современное название р. Ингури, в котором *«н»* является мегрельским наращением (см. выше). Поэтому современная форма *Ингури* производна от *Эгури*, что из абхазского *Агуры*. Последнее, путем стяжения основы и под влиянием грузинской формы Эгури, позже трансформировалось в современное абхазское *Егры,* а в менгрельском – *Ингури* (// Энгури). Грузинское же Эгури или Эгурис-Цхали в древнегрузинских источниках превращается в Эгрис-Цхали, тогда как форма Эгрис-Цхали изначально означала р. Чорох. Вместе с тем, не исключен и перенос названия реки от одной к другой, что, как полагают исследователи, было вызвано перемещением коренного населения центральной части Колхиды в северо-западном направлении [322, 89, 90].

Как нам представляется, указанием на то, что р. Фасис (Рионі) в конце второй половине 1-го тысячелетия до н. э. абхазами именовалась Эгры (←Агуры), является упоминаемое Плинием название земли этого района – *Кэгритика*, в которой начальное *«к»* может быть наращением, срав. *Кэгритика* с *Экректикой* Птоломея. В форме *Эгрит-ика* (К-эгритика) выделяется основа *Эгрит,* напоминающая абхазское *Эгырта,* обозначающее территорию, лежащую в пределах бассейна р. Эгры. По этой модели образованы абхазские названия территории бассейнов крупных рек Абхазии: р. Кудры – Кудырта, Гумсы – Гумыста, Гудоу – Гудоута, Бзып – Бзыпта, Мзым – Мзымта и т.д.

Вслед за Плинием (I в. н. э.) Птолемей (II в.) называет страну, лежащую выше приморской части Колхиды, – *Экректика* [304, 251]. По своему составу название Экректика Птоломея отличается от *Кэгритики* (Эгриктики) Плиния. В имени *Экрект-ика* вычленяется основа *Экрект* из *Эгрект,* что, похоже, восходит к абхазскому *Эгрыкыт* «Эгрская область, община», где абхаз. *кыт, кыта* –«область, община, село» (срав. *Эгры-кыта* или *Агура-кыта* с *Кул-кыта* – «область (страны) кулов», т. е. *Колхида*: об этом см. выше).

С абхазо-абазинским *кыта*, как уже сказано, исследователи увязывают и название центра Айа-Колхиды – *Кита, Китеи* древних авторов, что соответствует совр. г. Кутаиси, расположенному в бассейне р. Риони, в междуречьи его верховьев – Верхнего Риони и Квирилы, где и помещается *Эгректика* Птоломея и *Егревике* армянских источников.

Царство фасианов или, как именует его ряд исследователей, Северо-Колхидское царство, в VI–IV вв. до н. э. представляло собой ранне-классовое государство, в котором были еще сильны пережитки первобытнообщинных отношений [249, 233]. Вместе с тем, археологический материал того периода свидетельствует о высоком развитии производительных сил, прогрессе во всех областях хозяйства (земледелие, животноводство, ремесло), развитии товарного хозяйства, и, в этой связи, – интенсивном обращении монет местной чеканки, т.н. «колхидок» [249, 232].

На среднем и нижнем течении р. Фасис (р. Риони) лежали все основные торгово-ремесленные и политические центры Страны фасианов, в том числе и её столица *Айа*. В этом районе также проходил последний этап международной торгово-транзитной дороги, шедшей из Индии по среднеазиатским рекам и Каспийскому морю, Азербайджану и Восточной Грузии, через Сурамский перевал и р. Фасис, достигающей у устья последней берега Черного моря [249, 231, 232]. Именно у устья р. Фасис в VI в. до н. э. возникает древнегреческий город – торговая фактория Фасис (соврем. Поти).

В то же время и в пределах нынешней Южной Абхазии появляются прибрежные греческие фактории под названием Гиен или Гиенос (близ соврем. г. Очамчира) и Диоскуриа (соврем. г. Сухум), что является показателем интенсивности торговых отношений эл-

линов с населением Черноморского побережья Кавказа в VI–IV вв. до н. э. [287, 48–58; 94, 145–146, 159–161].

Однако, во второй половине VI века до н. э. все греческие города малоазийского побережья оказались под властью Персии [301, 35]. По-видимому в то же время в сфере влияния Персии оказались г. Фасис и вся Страна фасианов – колхов. Геродот (VI в. до н. э.), имея в виду политическое образование – Царство фасианов – колхов, говорит о том, что колхи взяли на себя единое обязательство по отношению к Ахменидской державе – посылать «каждый пятый год» сто мальчиков и сто девочек [249, 219, 220].

Кроме тех «добровольных приношений» Ахменидам, о которых говорит Геродот в связи с колхами, эти последние, очевидно, приняли на себя и обязательство выставлять в случае надобности вспомогательные войска. Об этом говорит сообщение того же Геродота о народах, участвовавших в известном походе персидского царя Ксеркса против Греции в 480 г. до н. э. Среди участников персидского войска он называет и колхов [249, 221].

Несколько позже Ксенофонт (конец V в. до н. э.) – полководец армии греческих наемников – сообщает, что в походе персов участвовали фасианы и гаспориты, над которыми начальствовал Тирибаз [215, 315]. Он же говорит и о том, что в его армии, стоящей в г. Катиоре (соврем. Орду), некоторые подняли вопрос о походе к Фасису морским путем и овладении Страной фасианов, по-видимому, считая её враждебной грекам, проперсидской страной.

В 30-ые годы IV в. до н. э. прекращает свое существование Персидская держава Ахменидов.

Во второй половине IV в. до н. э., согласно древнегрузинскому источнику, Александр Македонский, вытеснив персов из центрального Закавказья, установил здесь греческое правление. Посадил во Мцхета (Картли) своего ставленника Азо (Азона) [239, 27–28], определил границами Мцхетского (Карлийского) царства «Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору и ушел» [327, 23]. При Александре и Азо, и окончательно при Фарнавазе, к Мцхетскому (Картлийскому) царству была присоединена Кларджети, доходившая по левобережью р. Чорохи до моря. Думается, что в этом районе, по нижнему течению р. Эрис-Цхали (Апсар, соврем. Чорохи) Картлийское царство стало граничить с Эгриси.

Ставленник Александра Македонского во Мцхета – Азо, как гласит источник, «разрушил ограды всех городов Картли и покорил все рубежи её от Эрети и реки Берунджи до моря Сперского. Вслед за Картли покорил он Эгриси и сделал данниками овсов, леков и хазар» [239, 28, 29]. Однако, вскоре против ставленника Понтийских греков Азо восстали все регионы, находившиеся под его управлением. В то время в Стране фасианов или Эгриси правил *Кудж*. С поддержки последнего восстание возглавил Фарнаваз – сын убитого Александром правителя Мцхеты [239, 29]. Фарнаваз и Кудж объ единились, а затем они сговорились с овсами и леками. Согласно источнику: «…Пришли к ним овсы и леки, и приумножились войска. В Эгриси созвали бесчисленную рать и пошли на Азона…» [239, 29]. Военные действия коалиции против Азо были поддержаны силами Селевкидов, более того, думается, что само восстание возникло не без их подачи. На это указывает то, что в период резкого противопоставления интересов Селевкидского царства и Понта организатором антипонтийской коалиции в Закавказье становится Фарнаваз, по роду матери – перс Аспанели. В руках последнего, при «фантастических обстоятельствах», оказываются сокровища, которые были использованы им для организации восстания.

Борьба коалиции, возглавляемой Фарнавазом, против Азо закончилась поражением Азо. Фарнаваз получает венец от царя Асурастана (т. е. от Селевкидов), которому он обещал свою покорность, и становится царем Мцхеты (Картли).

Царь фасианов (егров) Кудж, по-видимому, признал над собой верховенство Фарнаваза, что вытекает из слов Куджа «ты чадо патриарха Картлийского (Мцхетского – *В. К.*) и тебе подлежит владычествовать надо мной» [239, 29]. Подчинение Куджа Фарнавазу означало подчинение через него и царю Асурастана.

Фарнаваз, похоже, предпринял попытку присоединения к Мцхетскому царству земель своих союзников Куджа и овсов, что не было поддержано последними. Более того, мы полагаем, что при этом Кудж пригрозил Фарнавазу возможностью его перехода в сторону Понтийских греков. Поэтому в источнике говорится «…[земли] в нижнем течении Эгри-Цкали остались за греками, так как население этих мест не изъявило желания отступиться от греков. Тогда Фарнаваз выдал одну сестру свою за царя овсов,

другую – за Куджи. И дал он Куджи земли между Эгрис-Цхали и Риони, от моря до гор. В этой [местности] и находился Эгриси и Сванетии. И назначил [Фарнаваз] его там Эриставом. Он, Куджи, воздвиг Цихе-годжи…» [239, 30].

Как нам представляется, в цитируемом тексте имеется некоторое искажение фактов. Во-первых, Фарнаваз не мог дать Куджи территорию, над которой последний властвовал и ранее, когда ещё Фарнаваз был никем. Фарнаваз мог только признать за Куджом его владения, по-видимому, заключавшиеся: с юга на север – между морем и Главным Кавказским хребтом; с востока и юго-востока на северо-запад – между нижним течением р. Эгрис–Цхали (р. Апсар, совр. Чорохи), р. Имер-хеви [330, 26, 240, 121], Месхетским хребтом, реками Хонис-Цкали, Квирилой, Эгрисис-Цхали, нижним течением р. Фасис (Риони) и её правым притоком – р. Техури.

Кроме того, Кудж не мог быть эриставом, потому что, согласно Ксенофонту, ещё к началу IV в. до н. э. Страной фасианов правил царь из династии Аэтидов, правление которого в III в. до н. э. должен был унаследовать Кудж.

Признав за Куджем его владения и выдав за него свою сестру, Фарнаваз установил как свое влияние, так и влияние Асурастана в *Стране фасианов*, именуемой в древнегрузинских источниках *Эгри, Эгриси* (др. армян. Егерк). Вместе с тем Фарнаваз не мог не учитывать значительную роль Куджа и его страны в освобождении Картли и воцарении там Фарнаваза.

В научной литературе высказаны различные мнения по поводу происхождения и принадлежности имени Куджи. Ю. Г. Гаглойты возводит его к осетинскому *Кудж* – «Собака» и делает следующее заключение: «Очевидно, Куджи был сарматским военачальником, находившимся в вассальной зависимости» от правителя Картли, подтверждением чего, якобы, является «факт совместных действий Куджи и овсов на стороне Фарнаваза» [332, 183, 184]. Однако, согласно хронике, Куджи являлся представителем колхского (фасианского) правящего дома. Кроме того, хроника не путает Куджа и его страну с овсами (осетинами) и их обитанием. Как отмечает Г. Цулая: «Совместные действия Куджи и овсов на стороне Фарнаваза были продиктованы не «сарматским происхождением» колхского царя, а единством политических задач народов Кавказа…» [239, 62, 63].

Имени колхского царя Куджи также касается и Ш.Д.Инал-ипа, – в частности он говорит о том, что имя Куджи до сих пор встречается у абхазов и связано с их древними тотемическими воззрениями *(ақәыцьма* по-абхазски означает волк) [24, 201]. Действительно, имя Кудж, не характерное для грузинской ономастики, у абхазов и абазин бытует с древних времен и встречается в формах *Кудж* (Қәыць), *Куадж* (Куаць) как личные имена представителей привилегированного сословия абхазского общества. Вместе с тем, у абхазов и абазин имеется (встречающийся и в фольклоре) княжеско-дворянский род *Кудж* (пишутся Куджба // «Куджев») и княжеский род *Куд* – в садзской форме, *Кудз*. Последние до махаджирства проживали в Сочи – Адлерском районе. От их родового имени *Куд*– и происходит название местности и реки этого района *Куде-пста*, букв. «Кудов ущелье», где *пста* – «ущелье». Можно также вспомнить и абхазское родовое сообщество, именуемое *Кутар* (пишутся Кутарба «Кутаров»), в основе которого лежит этнонимная основа *Кут, Кута* (срав. *Куд, Кут // Кута* с *Кута-иси*) – отсюда и форма мн. числа *Кутар*.

Как уже сказано, Кудж (Куджи) и царь овсов были женаты на сестрах Фарнаваза – дочерях владетеля Мцхета *Ублоса*. Таким образом, сын Куджа являлся внуком Убло(са). За наследника Куджа была выдана внучка Фарнаваза, являвшаяся дочерью его сына Саурмага. Кажется с этими обстоятельствами увязывается абхазское сказание об Аубле и его внуке Апсха [146, 230-231], по которому у первого абхазского царя *Апсха* (букв. «абхазский царь») по материнской линии дедом являлся Аубла (об этом см. ниже).

У Фарнаваза царство унаследовал его сын Саурмаг – по отцу из рода *Убло(с)*, по матери из дурдзуков, т. е. вейнахов (чеченцев, ингушей, бацбийцев). Воцарение Саурмага во Мцхете не было воспринято собственно мосхами-картлийцами. Последние восстали против него, что, похоже, было вызвано тем, что он стал править страной, опираясь, в основном, на овсов (осетин), царем которых являлся его двоюродный брат по матери, и дурдзуков – родни его матери. С их же помощью было подавлено восстание мосхов-картлийцев. Согласно хронике: «Тогда же Саурмаг привел с собой всех [дурдзуков] – половину рода Кавкасионов. Некоторых из них он сделал родовитыми, остальных посадил в Мтиулети, от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети, и овладел он всеми ими – род-

нею матери своей – надежно…» [239, 30]. В армянской же версии говорится: «…Призвал к себе царя Овсского. Пришел и легко овладел теми землями… привел половину размножившихся кавказских племен и поселил [их] в Мтиулети, которая есть Сванети» [239, 63]. Эти материалы дают возможность полагать, что овсы в конце III в. до н. э. с помощью Саурмага начинают контролировать северо-восточную окраину Страны фасианов (Эгриси), в частности – верховье *р. Кианей* (Верхний Риони), на что указывает появление гидронима *Роан* или *Рион(и),* вытеснившее позже древнее название *Фасис* [69, 8]. Думается, что гидроним *Роан* или *Рион* происходит от самоназвания части овсов (осетин) – *ирон*. В первом веке до н. э. река *Роан* Плиния, похоже, локализуется между р. Ингури и р. Хоб [61, 527].

С появлением в Стране фасианов овсов, возможно, увязывается один из сюжетов абхазского сказания об Абраскиле, где говорится о борьбе героя Абраскила с рыжими, голубоглазыми людьми, которые угнетают слабых и бедных. Г. Ф. Чурсин в этом видел отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом – голубоглазыми блондинами [126, 24]. В этой связи представляет интерес абхазская этимология этнонима *ауаԥс*, являющегося абхазской формой *овс, опс*, обозначающих осетин и их царей *Уобос* или *Уавбос* [239, 52]. Абхазское *ауанс (ауанс', ауапшь)* переводится как «рыжие люди», «блондины» из *ауа(а)* – «люди» и *пшь (ԥшь)* – «рыжий» (срав. с *ауаҩаԥшь* – «рыжий человек», *адау-аԥшь* – «рыжий великан», *амца-ԥшь* – «пламя» и т. д.) [333, 48].

В пользу такой этимологии абхазского *ауанс* (осетин) говорят и сведения древних авторов. Так, Гиппократ (IV в. до н. э.) пишет, что скифы (от которых, как принято считать, происходят аланы-осетины) – рыжие [215, 297]; другой автор Аммиан Марцелин (IV в.) сообщает, что почти все аланы являлись белокурыми [334, 304]. Кроме того, название одного из сарматских племен Ρωεολανοί разъясняется как составное из *roxs* – осет. «светлый» и *alan* «осетины», – букв. «светлые аланы» [335, 38].

На рубеже III–II вв. до н. э. в Стране фасианов или Эгриси повидимому царем становится сын Куджа (имя неизвестно), женатый на дочери Мцхетского (Картлийского) царя Саурмага. Внук же Куджа по имени *Картам* (сын дочери Саурмага) с малолетнего

возраста воспитывался у царя Картли – Бартома и по его взрослению Бартом отдал Картаму в замужество свою дочь и усыновил его [239, 32]. Затем, похоже, Бартом и Картам стали совместно царствовать в Эгриси и Мцхетском (Картлийском) царстве. Однако вскоре они оба были убиты в сражении с их соперником Мирваном.

Намного позже после этого, уже правнук Куджа *Адерк* (Адерки) из династии Аэтидов, по матери из Фарнавазов рода *Убло(с)* (абхаз. Аубла), становится царем Картли, видимо, и Эгриси.

Таким образом, Страна фасианов в III–I вв. до н. э. представляется государством, союзным с Картли. Союз этот постоянно подкреплялся родственными связями царей обеих стран. Вместе с тем, в III в. до н. э., в период могущества Асурастана, они были больше похожи на сатрапии этого государства. Видимо в этот период возник топогидроним *Сурий*, обозначавший один из правых притоков (возможно, Техури) р. Фасис, а от названия реки – и город Сурий. В последнем, скорее всего, следует видеть название страны Сурии – «Сирия» (Асурастан). Похоже, что река Сурий (Техури) одновременно являлась северо-западной границей Страны фасианов и одной из границ Асурастана.

В III–I вв. до н. э., в связи с ослаблением государства Селевкидов, Колхида (Страна фасианов // Эгриси) оказывается в сфере влияния Понтийского государства. Вскоре царь Понта – Митридат VI Эвпатор (111–63 гг. до н. э.) включает в свое государство Юго-Восточное и Восточное Причерноморье (Колхида), а также и территорию Северного Причерноморья (Боспорское царство) [249, 278]. Согласно сообщению Аппиана, в 83 г. до н. э. он уже «воевал с отпавшими колхами и боспорцами» [336, 26]. После поражения Митридата от войск Помпея в 65 г. до н. э. Колхида или Страна фасианов оказывается в политической зависимости от Рима.

§ 3. Мосхи и Мцхетское царство

1. Мосхи

Гикатей Милетский (VI в. до н. э.) первым упоминает племя *мосхов*, соседнее с матиенами. Мосхи, жившие близ матиенов, после ассирийских завоеваний продвинулись вглубь Закавказья. Как

полагают ученые, в V–IV вв. до н. э. они осели к югу от Фасиса и в долине верхнего и среднего течения Куры, на что указывает название Мцхета, которое сопоставляется с племенным названием мосхов [301, 155; 249, 395]. С последними связаны и географические названия *Самцхе, Месхети* и *Мосхийские горы*.

По поводу этнической принадлежности *масхов* или *мосхов, месхов* в специальной литературе существуют разнящиеся мнения. Ряд исследователей (Г. Меликишвили, Т. Микеладзе, А. Апакидзе и др.) *месхов (мосхов)* идентифицируют с малоазийскими *мушками* лишь на основании некоторого созвучия их имен. Далее эти же авторы, практически безо всякой аргументации, *месхов* или *мосхов* (мушков) называют одним из древнейших грузинских племен [235, 96, 150; 205, 420; 251, 35; 325, 176]. Согласно же И. Дьяконову никаких следов собственно грузиноязычных племен в местах проживания мушков // мосхов древних источников, ни раньше, ни позже, не обнаруживается [180, 30, 56; 326, 54].

Гипотезу о принадлежности мосхов древнегрузинским племенам отвергает и кавказовед Г. Д. Гумба. Последний выдвигает собственную версию по проблеме происхождения мосхов. По его утверждению, во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. именем *мосхи* обозначались *нахские* племена, проживающие на Центральном Кавказе. В подтверждение своей версии он приводит целый ряд географических названий этого региона, увязывающихся, по мнению автора, с нахскими племенами. В качестве одного из главных аргументов он считает и то, что дагестанцы термином *мосох* называют именно нахских цова-тушин [343, 223]. Вместе с тем, как отмечает сам автор, в вайнахской этнической номенклатуре совершенно отсутствует термин *мушк* или *мосох*. Данный факт свидетельствует, скорее всего, о том, что термин мосох не был самоназванием каких-либо нахских племен и что название *«мосхи // мосохи»* употреблялось к тому времени (вторая половина 1 тыс. до н. э.) в общем, собирательном смысле для обозначения всего населения южной и северной части и всего Центрального Кавказа [343, 228]. Вместе с тем известно, что в конце III в. до н. э. картлийский царь Саурмаг переселил в Страну мосхов или Картли значительное количество овсов и вайнахов (дурдзуков) [239, 30, 63]. В этой связи не исключено, что нахских цова-тушин соседи дагестанцы стали именовать и именем *мосх* или *мосох*.

В специальной литературе существуют рассуждения о мосхах и как о древнеабхазском племени. Академик Н. Я. Марр в названии *мосхи* усматривает фонетический вариант этнонимной основы *бас, мас*. Далее Н. Я. Марр с мосхами связывает древнеармянское название Арарата – *Масик* и этноним *маскуты*, а также считает, что в именах *«Мцхета»* – древнейшего города Грузии и *Самцхе*, видна та же яфетическая основа, ведущая к «мосхам, прародителям абхазов» [18, 94]. По поводу этого мнения акад. И. А. Джавахишвили пишет, что такой взгляд может быть лишним доказательством в пользу того, что *моссиники* (мосхи) и *фазиани* в древности были народами абхазо-черкесского племени [266, 21, 22, 23]. Профессор Тураев также считал народ *маску* (маскуты или мосхи – *В. К.*) предками абхазов, переселившихся с юга [316, 133].

Название племени –*мосх(и)* образовано, несомненно, от этнонимной основы *мос* или *мас* (о переходе *а* в *о* см. выше) и хурритo-урартского аффикса мн. числа *–х* (срав. Кул-х, Кул-ха) – отсюда *мас-хи* или в древнегреческой передаче *мос-хи,* буквально означает «масы» или «мосы». От основы *мас* образован и древний этноним *масил // мысыл* (срав. апсил, дрил, шашил), сохраняющиеся в наименовании абазинского родового общества *Масыл-пара // Мысыл-пара*, букв. «потомки масилов» – они же *Масил-бай // Мысыл-бай* (бай –тюркское окончание), фиксирующееся и в форме *Башьил-бай*. Общество *Масыл-пара* или *Мысыл-пара* связывают с древнеабхазским племенем *мас // мыс*, во множ. числе в абазинском – *мыс-ра(а)*, в абхазском *мас-ир* или *мыс-ыр* [42, 10, 11; 148, 268, 269]. Похоже, что Геродот, говоря об египетском происхождении колхов, исходит, прежде всего, из абхазо-абазинского этнического имени *масыр // мысыр* (или *мыс-ра*), созвучного с абхазо-абазинским *Мсыр* – «Египет».

Как уже отмечено исследователями, этнонимная основа *мос* или *мас* сопоставима с *пас, фас, фаз, бас, баз*, от которых происходят варианты наименований древних абхазских (абазских) сообществ и их территорий. Для формы *масх (мосх, месх)* исходной может быть *басх*, сохраняющийся в основе черкесско-убыхского названия абазин *басх-ыг* (срав. *басхы* с *мосхы*).

Эту же тему более широко рассматривает П. Ингороква. По его мнению, в V–I вв. до н. э. абхазы были известны только под назва-

нием *мосхи*, то же самое, что *месхи, масхи, басхи*. От последней, т. е. *басхи*, как он пишет, происходит название одного из абхазских кланов – *басхог-и*. От форм *басхи* и *басили* производны соответствующие географические названия: от имени *басхи* произошло название *А-басхети* (Са-басх-ети) или *А-басх-ия*; от *басили* произошло географическое название *А-басилети* (Са-басх-ети) или *А-бсил-ети* [55, 137–139]. Однако, несмотря на это справедливое рассуждение, П. Ингороква в конце делает совершенно противоположный вывод, соответствующий его «странной» теории, по которой мосхи-абхазы и все древнейшие их отрасли по происхождению являлись картвелами.

Как нам представляется, для определения этнического лица *мосхов* или *масхов* значительным подспорьем также является топонимия левобережной части верхнего и среднего течения р. Кура, где и располагались исторические *Забаха* (Джавахети) и *Страна мосхов* (Мосхети или Самцхе).

Начнем с того, что само название р. *Кура* сопоставляется с абхазским *куара* – «река, речка» [18, 62].

В верховье р.Кура существует древний город Ардаган или Ардахан [305; 306]. В основе названия этого города, похоже, лежит родовое имя абхазских (садзских) князей *Ард // Арт*, проживавших до середины XIX века в районе Адлера, отчего и сам ойконим Адлер из тур. Ард-лар, т. е. «Ардовцы». Род князей *Ард* (или *Арыд*) пишутся Арыдба, ныне проживают в Турции. Название же города *Ардахан* на современном абхазском языке означает «Дворец Ардов», где абхазское *хан* – «правитель», «дворец»; форма же *Ардаган* переводится как «Область Ардов» или «Край Ардов». От именной основы *Арта* образована и персидская форма ойконима Артаани [339, 36, 37].

Вблизи Ардагана *г. Сазара* [305], название которого также похоже увязывается с садзами, вернее с абазинской формой их обозначения – *садзара*, т. е. «садзы».

Западнее Ардагана за хребтом местность *Арлан*, совпадающая с именем садзского сообщества князей Арлан.

Ниже Ардагана слева в Куру впадает *р. Ай(а)*, как уже сказано, напоминающая название древнего царства и его столицы *Айа // Эйа*. Река Ай(а) в нижнем течении также именуется Хани или Хони чай (на турец. – «чай река»). В реку Ай(а)

впадает её левый приток *Мачахели* [306, 308], название которой в форме *Мачахелисцкали* (груз. цкали – «вода», «река») выступает и в качестве обозначения одного из правых притоков р. Чорох, здесь же местность *Мачихел* [305, 308]. Топогидроним *Мачахели* состоит из основы *Мачах(и)* и грузинского суффикса *«ели»*. Вместе с тем, сама же основа, по своему окончанию *Мача-х(и)* (срав. Хаб-хи, Кабил-ухи, Заба-хи и т. д.) представляет собой хурритско-урартскую форму этнонима *мача*, что соответствует имени одного из абхазских (абазских) сообществ *мача* (маҷа), упоминаемого в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби. Как отмечает известный абхазовед Х. С. Бгажба, Мачаовы следы своего существования оставили в Сухумском районе Абхазии в таких названиях, как: река и село *Мача-ра* – букв. «Мачаовы», *Мача-рыпш* – «край Мачаовых», местность *Мача-ныха* – «Святыня (рода) Мача» [168, 178]. Этноним *мачара,* в усеченной форме *Мачар,* сохраняется и в названии реки *Мачар-цкали* в Боржомском районе [55, 180]. От родоплеменного имени *мача* происходят фамилии: абхаз. *Мача, Мача-ба*; груз. *Мача-ишвили, Мача-идзе*; а от абхаз. *Мача-ба* – груз. *Мачаб-ели*.

Как уже сказано, за сливом рек Ай и Мачахели в Куру впадает и река под названием *Коблиани*, напоминающее народ *Кабилухи* урартских источников и абхазо-шапсугское общество – шапс. *Кобле*, абхаз. *Куапал, Купал* – пишутся Купалба (подробно об этом см. выше). С абхазским *Купал* или *Копал* идентично обозначение местности в районе среднего течения р. Гёсу ниже местности *Абаза* [306].

Правый приток р. Коблиани именуется *Посх-ови*, что П. Ингороква увязывает с этнонимом *мосх* или *босх*. На эту связь, несомненно, указывает и название левого притока р. Коблиани – *Абастуман(и)* и одноименной области, лежащей у её левобережья. Топогидроним *Абастумани* из груз. *Абаст-убани* означает «Абасский квартал» или «Абасский район» – из груз. *Абас–т «Абасы»* и *убани* «квартал», «район», срав. с топонимом древней Мцхеты *«Уриатубани»* («Еврейский квартал») [249, 375]. Вместе с тем *Абастуман* возможно из персид. Абас-дуван, что может означать «место собрания абасов (абхазов)» или «место скопления абасов (абхазов)», где *абас (абаса, абаза)* – «абхазы» и персидское *дуван* – «место, где собираются на совет, на сходку» [318, 192]. При-

мечательно, что именно в этом районе река *Саджа-су* (левый приток р. Посхови) и местность *Садзели* [308], в основе которых лежит обозначение части абхазо-абазинского этнического сообщества – *«садз»*. Это этническое имя в абхазской форме *Асаз* (асаʒ) [305] фиксируется справа от р. Аракс вблизи местности *Парнаут* (здесь же местность Кити) [305]. Последняя (т. е. Парнаут) бытует и в Абхазии в качестве фамилии и названия села [94, 224].

В междуречье Коблиани и Абастумани также представлены и такие названия местности как:

Мохва [305] – срав. с *с. Моква* в Абхазии, а также с абхазским родовым именем *Маху* – отчего и название *Маху-куара* «Речка Махов», *Махуитып* «Махов стоянка» и *Махураа*, мегр. *Махури* «Маховы» в Галском районе [93, 559, 482, 538];

Лиаше или *Ляше* [305], срав. с абхазским названием Адлерского приморья – *Лиашв* [146, 287];

Цре [305], срав. речка *Цыра* в районе Пицунды [93, 309], а также гора и река *М-цыра* в Сухумском районе [93, 309].

Далее по течению р. Кура, слева от неё, встречаются десятки и других названий, основы которых, похоже, также увязываются с абхазским этническим миром и более всего с садзами. Некоторые из этих названий по времени появления могут быть более поздними и относиться к периоду Абхазского царства. Поэтому мы здесь остановимся лишь на тех именах, которые, на наш взгляд, имеют более древнее происхождение. Таковыми могут быть:

Чвинта [305] – местность выше Ахалциха, похоже из абхаз. *Цхвинта (Цәҳәынҭа)* «Голое место» – из *цхвина (Цәҳәына)* «голый» и *та* – локативный суффикс. Под названием *Цхвын / Цхвына (Цәҳәына)* известны горы в Гагрском, Ткварчалском и Галском районах Абхазии [93, 194, 554; 340, 7];

Ацкур (Ацкури) – местность и ручей в прибрежье Куры [308]. Топогидроним *Ацкур* возводят к абхазскому *Ацкуар (Ацәкуар)* «Бычачий ручей» [17, 31];

Боржоми – местность (город) у левобережья Куры [308]. Название производно от основы *Борж* или *Бордж,* что совпадает с абхазским родовым именем князей *Бардз* (во мн. ч. *Бардзаа* «Бардзовы») [74, 191] и *Бырдж* (*Бырджаа* «Бырджовы») [167, 21]. От первого, т. е. *Бардз*, – убыхское дворянское родовое имя

Бердзыху или *Бердзеко* (пишутся Берзеков), а от формы *Бырдж* – село *Бырджа* в Гулрыпшском районе Абхазии [94, 137];

Хашури – местность (город) у левобережья Куры. Несомненно производно из абхазского *Хаша (Ҳаша),* букв. «Белый камень», т. е. «известняк» [341, 338], *Аҳашара* «Известковое место», что вполне соответствует характеру территории района Хашури. В Абхазии *р. Хашпсы (Ҳашԥсы)* «Известковая река», а также в Чхороцкуйском районе речка *Хаша* – левый приток р.Хоби, выделяющаяся своим известковым руслом;

Пса – местность и левый приток Куры [307], срав. с древним самоназванием абхазов *апса,* от чего форма множественного числа *апсар, апсакуа (апҵсақәа), апсуаа* (от *апсуа*);

Агара – местность у левобережья Куры вблиз впадения в неё р.Пса (совр. Прони) [308]. Название фиксируется также в Абхазии, Западной Грузии и больше всего в Аджарии. К нему проявляли интерес ряд грузинских ученых – Сабо Орбелиани, Н. Бердзенишвили, Ю. Сихарулидзе и др. По мнению Сабо Орбелиани Агара – многозначное название. Им обозначались весенние стоянки, места посевов, виноградников, а также поселения [342, 4]. Оно известно и как обозначение ряда гор. На неоднородность местностей, обозначаемых словом Агара, указывает и Ю. Сихарулидзе [281, 145], однако ни один из этих авторов не углубляется в этимологию данного топонима, скорее всего из-за отсутствия в её основе картвельской почвы. На самом же деле название *Агара* по своему фонетическому облику представляется как абхазская топоформа, имеющая, в зависимости от места ударения, несколько значений. С ударением на начальное «*а*» –*À*гара в абхазском языке означает «прибрежье», а с ударение на среднее «*а*» –*Агáра* означает «кавказская люлька» – переносно в топонимии «седловина». Существует также форма *Аггара* (→Агара) «голое место», срав. *ацвы-ггара* (ацәыггара) «голое тело» (букв. «голая кожа»). Название *Аггара* (→Агара) «голый» универсально для обозначения любого непокрытого ничем места, будь то гора или участок земли;

Абиси – местность у правобережья р. Лапнис цкали, вблизи слияния её с р. Пса [308]. Сравните Абиси с самоназванием абхазов *апыс, апс* и названием р. Пса;

Скра – местность на реке Кура между Урбниси и Б. Лиахви [308]. Более чем похоже, что Скра является искаженной формой

абхазского имени *Дзкра* (Зыкра) «место удержания реки», «место пруда реки» – от *дзы* (зы) «вода», «река» и масдарной основы *кра* «удерживать». Именно в местности Скра (абхаз. Зыкра) Кура оказывается в теснине, выбравшись оттуда река резко расширяет своё русло и начинается её тихое течение;

Арагва (Арагви) – левый приток р. Куры [308], впадает в Куру восточнее г. Мцхета. По мнению Д. Гулиа *Арагва* соответствует абхазскому *Араква* (Аракуа) «ветвь, ветка» – переносно «рукав» [18, 62]. Однако, гидроним Араг-ва, судя по его окончанию *«ва»*, что в абхаз. *«уа»* «люди», может быть из названия местности или реки *Араг* – отсюда Арагуа (в груз. Арагва, Арагви), букв. «Арагские люди», т. е. «Арагцы», см. также местность Арагва справа от р. Гандза у её правого притока [308; 612, 100];

Мцхета – город у слияния рек Куры и Арагви. Мцхета – один из древних городов Центрального Закавказья, по мифическому рассказу Мровели – резиденция этнарха мосхов *Ублоса* [239, 24], имя которого совпадает с именем самого почитаемого в прошлом абхазами и их царями княжеского рода *Аубла* (об этом см. ниже). Род Ублоса является и родоначальником династии Мцхетских (Картлийских) царей, восседавших в IV–I вв. до н. э. во Мцхета. Как уже сказано, название Мцхета ученые увязывают с этнонимом *мосх*. На наш взгляд эта увязка нуждается в некотором уточнении. В частности, если видеть в ойкониме Мцхета этноним *мосх*, то в грузинской передаче должна быть не форма *Мцхета*, а *Мосхети* или *Мцхети*. Поэтому, как нам представляется, форма Мцхета восходит к абхазскому *Мысхата* (Мысҳаҭа), где основа *Мысха* (Мысҳа) букв. «князь (царь) мосов», срав. абхаз. *апсҳа (аԥсҳа)*, букв. «царь абхазов», где постпозиционное *«ҳа»* из аҳ – «князь, царь». От основы *Мысха* с помощью абхазского локативного суффикса *«ҭа»* образован ойконим *Мысхата* (→ в груз. Мцхета), букв. «место царя (князя) мосов (мысов, масов)», т. е. «резиденция царя (владыки) масов», что и соответствует действительности. Слово «резиденция» в абхазском языке *ахты* (аҳҵы) или *ахтны* (аҳҵны), букв. «место царя (князя)», см. выше.

Карт или *Картл (Картли)* – гора, город, область Центрального Закавказья. Указанные топоформы связывают с именем мифического родоначальника Картлийцев *Картлоса*, который, якобы, обосновался на горе *Армази* (совр. *Багинети*), после чего его

именем Картл (Картли) стала называться эта гора [239, 47] и «всё Картли – Картли, от Хунани до моря Сперского» [239, 23].

Как отмечает Г. А. Меликишвили, исходныи корнем для Карт, Карта, Картли является *Карт*, которым первоначально именовалась вершина горы [205, 95]. Последнее, т. е. *Карт,* в формах *Кард, Карт, Гарт, Гарта, Карта, Карты,* имеет широкое распространение от южных пределов Турции до Центрального Закавказья, а под именем *Картла* известна и местность у левобережья р. Чорох [308].

По этимологии термина *Карт* существуют различные точки зрения [343,...]. Мы лишь отметим, что именем *Карт* абхазы и мегрелы традиционно обозначают грузинскую столицу Тбилиси. От топонима Карт производно абхазское *акыртуа (ақыртуа)* «грузин», букв. «картский человек» – от него же и мегрельское *корту* «грузин», а также и самоназвание грузин «*картв-ели*». По этому поводу ещё академик Н. Я. Марр отмечал, что в грузинской языковой среде слово *карт* не имеет объяснения, а «самоназвание грузин ქართველი kartv-el-i образовано не от чистой основы термина kart, а от абхазской формы а-карт-уа, а- kartw-a», где «уа(wa)» означает «люди», то есть «люди (местности) Карт» [344, 1047]. По утверждению А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе первоначально абхазские и картлийские племена находились в тесном и длительном этническом контакте в районе Лихского хребта, пока между ними с юга не вклинились мегрело-чанские племена, о чем свидетельствует древнейший пласт абхазской топонимики (здесь и факты значительного влияния абхазского языка на картлийский, как в области лексики, так и морфологии, минуя мегрело-чанский язык) [231, 149-168; 232,139];

Армаз(и) – гора-святилище у правобережья р. Кура, напротив Мцхета. Соответствует совр. Багинети и Страбоновскому Гармозика и горе Карт или Картл (Картли) древнегрузинского источника [239, 47]. На горе Армаз(и), как считают грузинские исследователи, мосхи покланялись Богу Луны под хеттским именем *Армас*, что, якобы, ему здесь был поставлен идол и в честь него же построена крепость *Армаз-цихе*. Однако форма имени *Арма (Арма(с))* скорее всего является результатом перестановки звуков (метотезы) от абхазского *Амра* «Солнце», что в форме *Амра(с)* указывается в армянской версии Картлис Цховреба [239, 47]. Поэтому главным божеством мосхов, как и для всех айа-колхов, являлся (как и

прежде) не хеттский Бог Луны *Арма(с)*, а богиня солнца *Амра*. В этой связи примечательно, что Александр Македонский, покорив Мцхетский регион, повелел своему ставленнику Азону из Ариан-Картли (т. е. Персидской Картли) почитать Солнце и Луну и пятерицу звезд и служить Богу незримо – создателю всего сущего [239, 28]. Между тем этот Азо (Азон) отправился к отцу своему в Ариан-Картли, привел (оттуда) восемь домов и десять домов сородичей (своих) и поселился в старой Мцхета, имея при себе богами идолов – *Гаци* и *Га* [249, 252]. Они же и считаются божествами картвелов [249, 254]. Согласно древним источникам, в Мцхетском регионе существовало и другое святилище Левкотеи, также посвященное Богине Солнца [249, 355], которое как отмечает, В. Латышев, греческими колонистами было отождествлено с Левкотеей аргонавтики [299, 216].

«В Стране мосхов, – говорит Страбон, – находится святилище *Левкотеи*, построенное Фриксом, и его прорицалище, где не приносят в жертву баранов: некогда оно было богато, но на нашей памяти было разграблено Фарнаком (сыном Митридата Эвпатора, царя Боспора) и несколько позже Митридатом Пергамским» [XII, 2, 17]. Разграбление этого храма (40-ые годы I в. до н. э. – *В. К.*) могучими правителями Понта и Боспора указывает на то, что речь идет не о разграблении самого храма, а скорее всей одноименной с ним области, принадлежавшей храму [249, 304, 356].

Название святилища и территории *Левкотеи* представляется искаженной формой абхазо-абазинского *Лоукыта* (срав. абазинское село Лоукыт, Лоукыта), букв. «община или село Лоуов». В греческой *Левкотеи* препозиционное *Лев* соответствует родовому имени абазских князей *Лоу // Лау*, и династическому имени абхазских царей Леонидов – *Лоу*. Вторая же часть названия Лев-кетеи – *«кетеи»* встречается у древнегреческих авторов как обозначение столицы Колхидского царства – *Китеи*, что принято считать производным от абхазо-абазинского *кыта, кыт* «община», «село, селище», с помощью которой образованы многие названия абхазских (абазских) сел (см. выше).

Таким образом, все имеющиеся материалы по мосхам второй половины I тысячелетия до нашей эры дают веское основание говорить об абхазоязычности мосхов и отсутствии какого-либо намека на их картвельское происхождение.

2. Мцхетское царство

Страна мосхов (Самцхе-Картли) в период могущества Ахменидской Персии находилась в сфере её влияния. Вместе с тем Страна мосхов, по-видимому, не считалась Персидской территорией в отличие от Ариан-Картли, т. е. Персидской Картли [249, 252].

В 30-ые годы IV века до н. э. уходит с исторической сцены Персидская империя Ахменидов. В то же время, под натиском греко-македонской армии, происходит изменение этнополитической ситуации в Центральном Закавказье, а также в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье.

К этому периоду восходят древнегрузинские предания об Александре Македонском и о первых Мцхетских (Картлийских) царях, засвидетельствованные в своде летописей (X в.) «Обращение Картли» [323, 1–117] и в Хронике Леонтия Мровели (XI в.) «Жизнь Картлийских царей» [239, 27–39].

Согласно этим источникам, Александр Македонский дважды побывал (в конце IV в. до н. э.) в Закавказье. Первый его поход похоже был разведывательным. Встретив здесь сопротивление, он вернулся обратно. Во второй раз он завоевал Ариан-Картли [323, 1–11], обозначающий «Персидскую Картли», т. е. «Картли, принадлежащая Персии», а также Страну мосхов с центром во Мцхета.

В тоже время и Страна фасианов или Егриси находилась в сфере влияния Персии и поэтому греки силами Азо или Азона (у Мровели) покорили также Эгриси (т. е. Страну фасианов). В хронике Леонтия Мровели читаем: «Завоевал Александр всю Картли, сокрушил все пребывающие в Картли смешанные племена, перебил и полонил всех иноплеменников, женщин и отроков-несмышленышей моложе пятнадцати лет; пощадил он [лишь] племена картлосанов и поставил над ними патрикия по имени Азон, сына Иаредоса, уроженца своей же страны Македонии. И дал ему сто тысяч человек из римской области Фротатос. Эти фротатосцы были люди многосильные, статные и беспокоящие государство Рима. Привел [Александр] их в Картли и вручил патрикию Азону. [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нём войско, занявшее Картли». Вслед за Картли покорил он (т. е. Азон – *В. К.*) Эгриси и сделал данниками овсов, леков и хазар» [239, 28–29].

В другом же источнике «Мокцевай Картлисай» говорится о том, что «царь Александр держал при себе Азо, сына царя Ариан-Картли: он дал ему во владение Мцхета и, назначив ему границами Эрети, Эгрисцкали, Самхитию и Црольскую гору, ушел.

Между тем, этот Азо отправился к отцу своему в Ариан-Картли, привел (оттуда) восемь домов и десять домов сородичей (своих) и поселился в старой Мцхета, имея при себе богами идолов – Гаци и Га.

И этот Азо, сын царя ариан-картвелов (вернее ариан-картлийцев – *В. К.*) был первым царем во Мцхета…» [323, 1–11]. Из этого текста, похоже, следует, что Александр Македонский свой первый поход в Закавказье завершил взятием в заложники Азо – сына царя (персидского ставленника) уже бывшей Персидской Картли (Ариан-Картли). Спустя некоторое время после завоевания Александром всей Картли перевоспитанный греками Азо (Азон) становится греческим правителем этого региона с центром во Мцхета. Азо же именуется не царем, а патрикием, эриставом [239, 28].

В «Картлис цховреба» Азо обрисован как чужестранец, завоеватель, опирающийся на «греков», т. е. войска правителей соседнего Понтийского государства. Обосновавшись во Мцхета, Азо как будто подчинил себе (Греции) не только Картли от Эрети и р. Бердуджи до Сперского моря, но и Егриси (Страна фасианов), а также наложил дань на население горного Кавказа – «осетин, леков и хазар». К управлению страной он, прежде всего, привлекал людей из своей чужестранной армии, из которых формировалось дворянское сословие. Видимо поэтому с именем Азо или Азон связывают появление названия дворянского сословия «*азнаури*» [249, 255–257].

Правление Азо было жестоким, кровавым и это не могло не вызвать недовольства у местного населения. С другой же стороны – с утверждением греческого господства в Стране мосхов и в целом в Картли никак не могла смириться Персия, т. е. Персидское государство Селевкидов (Асурастан).

Не без усилия последнего сформировалась антигреческая коалиция *Страны фасианов* (Эгриси) во главе с Куджем и *Страны мосхов* (Картли) с Фарнавазом, к которым примкнули *овсы* (осетины) и *леки*. Коалицию возглавил Фарнаваз, являвшийся «…по

отечеству картлиец, из рода Уплоса, сына Мцхетоса, да и по роду матери – перс Аспанели. Был он отпрыском брата Самара, бывшего мцхетским домовладыкой во времена пришествия [в Картли] Александра.

Сей Самар и брат его, отец Фарнаваза, были убиты Александром. Мать же Фарнаваза взяла трехлетнее дитя и скрыла его на Кавказе. Там он был воспитан и возвращен во Мцхету – свою вотчину» [239, 29]. Согласно «Картлис цховреба», Фарнаваз в последний раз, похоже, вернулся со своей матерью во Мцхету из Персии – вотчины его материнского рода. Он привез с собой сокровища, которые якобы случайно нашел в пещере. На самом же деле, видимо, речь идет о средствах, полученных им от властей этой страны для организации сил, способных изгнать ненавистного Азо из Картли. Для этого Фарнаваз вскоре наладил связь с правителем Эгри (Эгриси) Куджом и обратился к нему с предложением союза. В этой связи Кудж говорит Фарнавазу: «Ты чадо патриарха Картлийского и тебе надлежит владычествовать надо мной. Не жалей богатств своих, дабы приумножить нам войско наше. Коли нам будет ниспослана победа, стань владыкой нашим, мне же быть холопом твоим» [239, 29]. Фарнаваза поддержали, наряду с эграми (фасианами), картлийцы, овсы (осетины), леки и селевкиды. Фарнаваз послал послов с большими дарами «к Антиоху, царю Асурастана», прося его оказать помощь в борьбе с «греками» (т. е. войсками Понта) и обещая свою покорность. Антиох внял его просьбе, послал ему царский венец, а своим эриставам (наместникам) в Армении отдал приказ оказать помощь Фарнавазу [249, 256, 257].

В конечном итоге борьба союзников с Азо закончилась разгромом сил последнего и Фарнаваз становится коронованным селевкидами царем Картли. Тем самым устанавливается влияние селевкидов в Картли, а через него и в Стране фасианов (Эгриси). Такая система вассальных отношений, видимо, существовала и до этого, поэтому Куджи говорит Фарнавазу: «Ты чадо патриарха Картлийского и тебе надлежит владычествовать надо мной» [239, 29].

Согласно тому же древнегрузинскому преданию Фарнаваз происходил по отцу из рода *Уплос*, сына *Мцхетоса*, являвшиеся т. н. домовладыками (старейшинами) Мцхеты [239, 29]. *Уплос* же занял Мцхету – место пребывания отца своего Мцхетоса и владел

он страной от Арагви и Тбилиси до Тасискари и Фанавари. Он же согласно Мровели, построил крепость Уплисцихе [239, 24].

Фарнаваз также устраивает столицу своего царства во Мцхета – резиденции своего отца Уплоса, убитого еще в сражении с войсками Александра Македонского. Так на рубеже IV–III вв. до н. э. возникает *Мцхетское царство*, именуемое также Карлийским царством. Фарнаваз же становится родоначальником династии Мцхетских царей из рода Уплоса. Вызывает особый интерес само родовое имя *Уплос*, представляющее собой греческую форму, производную от основы *Упло*. Последнее практически совпадает с именем самого почитаемого у абхазов княжеского рода *Убла* (*А-убла*), являвшихся князьями сообщества *Шаше* (срав. с Шаш-ети) и владетелями Сочинского района. *Убла* или *Аубла* считался одним из предков абхазских царей *Апсха* [146, 231, 269] (об этом см. выше).

По объяснению Г. В. Цулая *Уплос* – дословно «владыка» – произведено по греческому образцу от грузинского *упали* – «владыка» [239, 49]. В действительности в имени *Упло-с* абхаз. *Убла* и грузинском термине *упали* «владыка», «господин» имеем основу, восходящая к *Бел* или *Бал*, обозначавшие у семитских народов – ассирийцев, вавилонян и других, Бога Солнца, владыки неба и света, создателя мира и людей. Имена *Бал* или *Бел* в значении «владыка» давались также и царям [324, 22; 240, 115].

Препозиционное *«у»* в имени *Упло*, абхаз. *Убла* и груз. *упали* «владыка», «господин» похоже из абхаз. *«у»* «человек» – отсюда *Упло* или *Убла* «человек владыка» в отличие от верховного бога.

С вышесказанным согласуется и имя Бога (Богини) Солнца *Амра* или *Арма* (Армази) главного божества рода Мцхетских *Упло(-с)*. Первое, т. е. *Амра,* на абхазском и абазинском языках означает «Солнце». Оно же, как имя Богини Солнца (Амра, Амрас), фиксируется в древнеармянском источнике [239, 47]. Вариант имени *Амра →Арма* (Армази) древнегрузинских преданий несомненно представляет собой измененную форму абхазского *Амра* «Солнце» (см. выше «гора – святилище Армаз-и»).

Как известно, бог солнца являлся главным и в пантеоне Айа-Колхидского царства, цари Айа-Колхиды считались сыновьями бога солнца. Думается, что с культом солнца связаны и имена героев легенд – абхаз. *Абрскил* – из Амрос-гель, груз. *Амирани* – из абхаз. *амра*, абаз. *амыр* «солнце».

Из вышесказанного следует, что и для *мосов* (мосхов), считавшихся родом из колхов, главным божеством также являлась богиня Солнца *Амра*. Поэтому первый мосхийский (Мцхетский) царь Фарнаваз – сын Уплоса воздвиг на горе Карт или Картл, располагавшейся напротив Мцхета у правобережья р.Кура, идол именно богини Солнца *Амра* (в греч. Амрас), зафиксированной в армянской версии КЦ [239, 47]. Здесь же он поставил и крепость Амра (Амрас), что в грузинских источниках именуется Армаз, Армазцихе.

Фарнаваз, коронованный селевкидами, стал устраивать свое царство «на подобие Персидского царства», разделил свои владения на округа и поставил там своих наместников. Укрепил столицу свою Мцхета и все другие города и крепости Картли [249, 257]. Фарнаваз присоединил к своему царству Кларджети и построил крепости Димну и Шорапани [322, 87]. Последняя находилась у левобережья р.Квирилла, являвшейся в тот период границей между Мцхетским царством (Картли) и Страной фасианов (Эгриси) [322, 88]. Название местности *Шорапан-и* или *Сарапан-и* [249, 279] похоже из абхаз. *Тшырпан* (Аҽеырԥан) букв. «Лошадиный брод», где абхазо-абазинское *тшы* (ҽы), *шы* – «лошадь», *р* – показатель 3-го лица мн.числа – *«их»* и *пан* «брод». Именно в местности Шорапан(и) или Сарапан дорога из Кутаиси во Мцхета пересекала (как и сегодня) реку Квирила.

Фарнаваз также подкрепил родственными отношениями связь со своими союзниками – фасианами (апсилами), овсами (осетинами) и дурдзуками (т. е. вайнахами – чечены и ингуши). Так Фарнаваз выдал одну из своих сестер за царя фасианов Куджи, другую за царя овсов, а сам женился «на деве из рода Кавказа [племени] дурдзуков» [239, 30].

В Мцхетском царстве после Фарнаваза царем становится его сын Саурмаг – по отцу из рода Упло(с) (абхаз. Убла// А-Убла), а по матери – дурдзук. Похоже, что Саурмаг стал править страной в основном опираясь на дурдзуков, в связи с чем, население Мцхетской страны (Катли) восстало против него и Саурмаг вынужден был со своей матерью скрыться у дурдзуков. В дальнейшем на сторону Саурмага перешли римские азнауры, а затем «Саурмаг сговорился с царем овсов – своим двоюродным братом» – и попросил у него вспомоществования. Тот с радостью пришел ему на

помощь; и Саурмаг, собрав к тому же и [население] Дурдзукети, нагрянул на картлийцев. И никто не оказался в силах противостоять [ему]. Захватил [Саурмаг] Картли и сокрушил отступников; затем некоторых помиловал, зато унизил картлосианов и сделал знатными азнауров, преумножились при нем дурдзуки, потомки Кавказа. В пору же хазарского пленения все пребывали в мире в силу крепости страны, и не вмещала людей Дурдзукети.

Тогда же Саурмаг привел с собой всех [дурдзуков] – половину рода Кавкасионов. Некоторых из них сделал родовитыми, остальных посадил в Мтиулети, от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети, и овладел он всеми ими – роднею матери своей – надежно...» [239, 30].

Согласно процитированного источника, Саурмаг являлся полным дурзукофилом. У власти он удерживался с помощью материнской стороны – дурдзуков, а также своего двоюродного брата по матери – царя овсов и так называемых римских азнауров. Саурмаг усыновил в качестве своего наследника Мирвана, родом перса, двоюродного брата своей жены [239, 30], а свою дочь выдал за сына Куджа – царя фасианов (апсилов).

Страна мосхов и в целом Картли являлась многонациональной еще в период нашествия войск Александра [239, 28]. В районе Мцхеты похоже проживали мосхи – абхазы, персы, армяне, евреи, дурдзуки, овсы и другие. В период царствования Саурмага удельный вес и влияние местного населения в Мцхетском царстве намного уменьшилось. Видимо здесь, благодаря Саурмагу, на передний план выдвигаются дурдзуки и овсы. Однако эта ситуация меняется коренным образом при воцарении усыновленного Саурмагом перса Мирвана. Против него открыто выступила бывшая опора Саурмага – дурдзуки. Они силой заняли Кахетии и Базалети [239, 30]. Мирван, собрав войско из местных картлийцев, напал на дурдзуков и разбил их на голову. Последние вынуждены были бежать с территории Мцхетского царства.

В первой половине II в. до н. э. четвертым царем Картли становится сын перса Мирвана Фарнаджом. Согласно КЦ Фарнаджом умножил строительство многих городов и крепостей. В Кахетии начал строительство города Нелкари, позже ставшего политическим и культурным центром Восточной Грузии – Иберии. Название *Иберия* впервые появляются в источнике II в. до н. э. Оно за-

имствовано, как пишет Страбон, у римского писателя Апалладора – современника Фарнаджома.

Вместе с тем Фарнаджом становится активным проводником персидской ориентации. Как говорит Мровели, Фарнаджом «возлюбил веру персидскую, огнепоклонство, привел из Персии огнеслужителей и могов (магов) и посадил их во Мцхете, в том месте, которое ныне называется (местом) могов». По-видимому, Фарнаджом в своей деятельности проявлял крен и в сторону иберов. Это обстоятельство, а также целенаправленное ущемление местных культов, вызвало противостояние среди местного населения Мцхетского царства. Об этом, по-видимому, свидетельствует рассказ Мровели о том, что эриставы картлийские вступили в союз с армянами и свергли Фарнаджома [239, 67].

После свержения Фарнаджома правителями Картли становятся цари родом из армян: *Аршак* (армянский царевич), а затем *Артак*. Последнего, т. е. Артока, царствовавшего в Картли в период нашествия Помпея (65 г. до н. э.), Аппиан (II в. н. э.) называет царем иберов [291, 286]. Страбон же (конец I в. до н. э.) не путает Страну мосхов, колхов с иберами. В частности он пишет: «Область мосхов, в которой находится святилище (т. е. Левкотей – *В. К.*) делится на три части, из коих одной владеют колхи, другою – иберы, третьей – армяне» [239, 217].

После Артока (Артаг) в Картли царем становится его сын Бартом. У последнего, т. е. Бартома, не было наследника и усыновил он внука царя фасианов Куджа по имени Картам, мать которого была из рода Фарнавазов – *Ублоса* (абхаз. Убла // Аубла). Вместе с тем супругой Картама становится дочь царя Бартома. А сделал это Бартом, согласно источнику, «в угоду картлийцам, ибо картлийцы были весьма расположены к Фарнавазианам: и не желали они царствования того, кто не причастен к Фарнавазианам» [239, 32]. Однако намерению Бартома и картлийцев не суждено было сбыться. Бартом и Картам были убиты в сражении с персидской армией Мирвана II – сына Фарнаджома, по происхождению перса, воспитанного в Персии. После захвата Картли Мирваном II последний на короткое время становится восьмым царем Картли, а за тем царский престол занял его сын Аршак.

В это время правнук Куджа – сын Картама по имени Адерки воспитывался в Армении. По его взрослению он где-то в конце I в. До

н. э. с помощью войск армянского царя и поддержки картлийцев сверг Аршака. Согласно источнику «И спешились все картлийцы и пали ниц перед Адерки. И мирно собрались воедино армяне, картлийцы и персы из Рана. Картлийцы принесли венец Аршака, возложили его на Адерки и привели его [во Мцхета]» [239, 33]. Таким образом, царем Картли становится Адерки – правнук царя фасианов (апсилов) Куджа из династии Аэтидов, а по матери – из Фарнавазов рода *Уплоса* (абхаз. Убла). Этим самым вновь была восстановлена в Мцхетском царстве (Картли) династия царей Фарнавазов, а также традиция колхско-картлийского союза [239, 67].

Как уже сказано, население Мцхетского царства было разнородным. Термин *картлийцы,* судя по материалам, в узком смысле означало мосхов (абхазов), в широком же смысле – все население царства (мосхов-абхазов, персов, армян, евреев, иберов и других). Территория этого царства еше к концу I в. до н. э. в греко-римских источниках именуется «Страна мосхов». Похоже, что на данной территории изначально отсутствовали картвельские племена. Попытка проникновения картвелов в Мцхетский регион была предпринята только при ставленнике Александра – *Азо,* что не увенчалось тогда успехом. Мровели же (автор XI в.), исходя из современной ему ситуации, картлийцев отождествляет с поздними картвелами, родоначальником которых якобы является мифический Картлос. Вместе с тем, как нам представляется, со II в. до н. э. возрастает значимость иберов в Мцхетском царстве.

Из всего вышесказанного следует, что во второй половине 1-го тысячелетия до нашей эры колхи в лице колхов-фасианов (апсаров, апсилов) и колхского «племени» мосхов (басхов) занимали обширную территорию от Черного моря до верхнего и среднего течения р. Кура. Они контролировали важнейшие торговые пути от г. Фасиса, а также Юго-Восточного Причерноморья до Мцхета. Сам же г. Мцхета – местопребывание рода этнарха *Убло(с)* (абхаз. Убла // А-убла) – являлся местом скрещения дорог, идущих из Северного Кавказа, Армении, Албании и Колхиды [345, 288].

По-видимому, с историей мосхов (басхов) связано появление у общепринятого абхазского названия нартского героического эпоса «*Нартҭаа ражәабжь*», букв. «Сказание о нартах» – варианта «*Нартҭаа қартаа ражәабжь*», т. е. «Сказание о нартах и картах».

На наш взгляд в первой половине II века до нашей эры, именно в период правления Мцхетского царя Фарнаджома и царя Понта Митридата Евпатора, первенство в Мцхетсском царстве от мосхов переходит к иберам. Более того, по-видимому, именно в этот период значительное число мосхов переселилось в Северную Колхиду, где в I веке их находит Мела и др. авторы. По этому поводу Кисслинг пишет: «Мы должны пожалуй предполагать, что Митридат Евпатор намеренно и добровольно предоставлял колхидскую пограничную область кочующим племенам, изгнанным из их старых мест обитания, чтобы использовать эти племена как пограничный караул… Вполне очевидно, что рядом с керкетами он (Митридат Евпатор – *В. К.*) поселил мосхов, которые, по-видимому, стали неудобными ему в их старых местах жизни между верхним течением реки Кура и нижним реки Чорох. Во всяком случае, неоспорим факт, что мосхи в первом веке до нашей эры уже жили в Кавказской Северной Колхиде» [350, 265].

Мосхи Северной Колхиды, как мы полагаем, это басхи (баскоги) в дальнейшем мисимяне, которых апсилы (южные абхазы) называли *мыса* или *мысыр*.

§ 4. Северо-Западное Причерноморье

Как уже отмечалось, Фасианское (Колхидское) царство, сложившееся в VI в до н. э., включало в себя и юго-восточную часть современной Абхазии от р. Ингура до Сухума, «а, может быть, ещё далее на северо-запад» [252, 168]. Раньше же всё восточное Черноморско-Азовское побережье от Синопа до р. Танаиса (Дона) похоже находилось под влиянием Айского или Айа-Колхидского царства. На это указывают, прежде всего, следующие сведения аргонавтики: «Тавры являлись хранителями золотого руна колхов»; «дочь царя Аэта Медея говорила на таврском языке и молилась по-колхски»; «сыном Аэта был основан г. Пантикопей»; «брат Аэта являлся царём синдов»; «сестра Аэта Цирцея посылает Одиссея в землю кемиреян (киммерийцев)»; «Цирцея была выдана замуж за скифского или сарматского царя, а затем овладела царской короной» и т.д. [8; 285–292; 247, 105].

Вместе с тем анализ дольменной культуры Северо-Западного Кавказа и ареала её распространения, данных аргонавтики, а также материалов абхазо-адыгской топонимии и этнонимии дают основания полагать, что в древности всё Восточное Черноморско – Азовское побережье в основном занимали абхазо-адыгские племена. Представляется, что эта этническая ситуация сохранялась здесь и во второй половине I тыс. до н. э.

В этот период в северном направлении от р. Фасис на морском берегу древние авторы помещают такие племена как: *керкеты, гелоны, меланхлены, макропогоны, кораксы, фтейрофаги, гениохи, ахеи, тореты, синды, меоты.*

Печально, что ряд грузинских ученых, прежде всего С. Т. Каухчишвили, без всякого основания, эти племена, в том числе и апсилов, абазгов, санигов, а также все этнические сообщества Юго-Восточного Причерноморья, объявляют грузинскими [346, 28; 249, 234, 277].

Ниже остановимся более конкретно на сведениях древних авторов, касающихся этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья второй половины I тыс. до н. э.

1. Керкеты (южные)

Народ под именем *керкеты* относительно Закавказья впервые упоминает Гелланик (IV в. до н. э.), в частности он говорит: «Над керкетами живут мосхи и хариматы, под ними гениохи, а выше кораксы» [347, 25]. Далее, уже на рубеже нашей эры, керкетов упоминает только Страбон: «…за ней [Синдикой] живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны (длиннобородые). Выше их лежат теснины фтейрофагов (вшеедов)» [299, 209]. В другом же месте он пишет: «…историки митридатовских деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеян, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов колхов, живущих под ними фтейрофагов, соанов и другие мелкие народы у Кавказа» [299, 214].

Ранние авторы – Гекатей Милетский (VI в. до н. э.) и Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.) не знают керкетов вблизи гениохов и колхов. Последний, т. е. Скилак, отличающийся от других авторов подробным описанием племен Кавказского Причерноморья, керкетов помещает между синдами и торетами. То же

самое делают, за исключением Страбона, последующие авторы. Поэтому, возможно, Гелланик ошибочно отождествляет имя народа Северо-Западного Причерноморья – *керкеты* с созвучным с ним названием области *Экректика*, лежавшей выше Приморской части Колхиды [304, 251]. Как уже говорилось, (см. выше) последнее может быть из абхазского *Егыркыт* «Эгрская община (село)», (т. е. «егырцы»), где *Эгр* (абхаз. *Егры)* – первоначально р.Фасис, а затем р. Енгур (абхаз. Егры). Отсюда иноязычная передача абхаз. *Егыркыт* как *Экрек(ы)т*-ика и *керкет*- по аналогии с именем народа *керкеты* Северо-Западного Причерноморья. Вместе с тем не исключено и тождество абхазских керкетов Страбона и древних керкетов Северо-Западного Причерноморья. Похоже, на это указывает соседство абхазских керкетов и торетов, подобно, как это имело место и в пределах Северного Причерноморья, где они впервые и упоминаются [295, 242].

Ряд авторов этноним *керкет* увязывают по созвучию с современным именем *черкесы*, что остается ещё не доказанным. Возможно, и этнонимная форма *керкет* происходит из абхазского *гыркыт* (←*гаркыт*), букв. «сообщество поморян» – от абхаз. *га (а-гаа)* «поморяне», *р* – притяжательное местоимение 3-го лица мн.числа и *кыт // кыта* «община, село, область»: срав. абхаз. *гыркыт* с *керкет* древних авторов.

2. Торетика

Название производно от этнонима *тореты*. Народ *тореты* впервые упоминает Псевдо-Скилак [IV в до н. э.] в Северном Причерноморье между ахеами и керкетами [295, 242-243]. В I–ом в. до н. э. они (видимо, их осколок) оказываются также на территории современной Абхазии. Здесь торетов фиксирует только Помпоний Мела и помещает их между меланхленами и кораксами [351, 118]. Современник Мела – Страбон – не знает торетов. Он вместо торетов Мела локализует керкетов, которых также, как и торетов, на этой территории до этого никто не упоминал. Из этого следует, что керкеты и тореты – взаимозаменяемые названия. Считается, что керкеты – те же тореты [61, 182].

Как нам представляется, с торетами увязывается происхождение ряда абхазских родовых имён, как: Торт-иа, Тарт-ава (Тортаа)

[74, 323], Тор-уа, Тор-аа (Тор-ава, Тур-ава), Тор-иа, Тар-иа, Тор-чуа (Тор-дз-уа), Тар-пш (Ҭарԥшьы) [74,322], возможно и Тор-наа // Тар-наа.

3. Гелоны

В Закавказском Причерноморье их помещает только Псевдо-Скилак. В частности, он пишет: «За меланхленами – *гелоны*, а за ними народ колхи и город Диоскуриада и Гиен – город Эллинский и Гиен-река» [295, 242]. Вместе с тем, Геродот и Скилак Кориандский указывают народ *гелоны*, живущий вместе с *будинами* в пределах Северного Причерноморья. Геродот говорит: «Выше царских скифов к северу обитают *меланхлены*, народ чужой и не скифский; выше же меланхленов болота и безлюдье, насколько нам известно… По ту сторону реки Танаиса [р. Дон – *В. К.*] земля уже не скифская, но первая из стран савроматов… Выше сих савроматов во второй стране сей живут будины. Будины суть народ великий и многочисленный, голубоглазый и красноволосый. У них есть город деревянный по имени Гелон… Ибо гелоны по происхождению своему суть эллины, изгнанные из торжищ своих и поселившихся у будинов; язык у них частично скифский, частию же эллинский. Равно и образом жизни гелоны с будинами не схожи: будины, будучи природными тамошними жителями, суть народ кочующий и один из всех народов страны сей едят вшей; гелоны же возделывают землю, едят хлеб, имеют сады и нимало не походят на будинов ни образом своим, ни цветом лица. Однако эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно…» [348, 27–28, 100–136; 61, 163, 165].

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) *гелонов* также помещает в районе Северного Причерноморья: «…побережье океана у Венедского залива занимают *вельты*, выше их – *оссии*, затем – самые северные – *карбоны*, восточнее их – *кареоты* и *салы*; ниже этих – *гелоны*, *гиппоподы* и *меланхлены*» [304, 237].

Если не ошибается Скилак Кариандский, то, по его словам, в VI в. до н. э. *гелоны* также проживали и на территории современной Абхазии на северо-западе от г. Диоскурия (Сухум) между меланхленами и колхами. Вместе с тем с *гелонами*, похоже, увязывается название села *Тагилони* в Галском районе Абхазии, известного находками богатых погребальных комплексов [69, 20].

Кроме того, гелоны Псевдо-Скилака, по-видимому, соответствуют фтейрофагам – салам поздних авторов [354, 93].

Согласно Плинию, в I в. н. э. *салы-фтейрофаги* проживали в верховье р. Хариен, рядом со сванами [61, 171]. *Салы* отождествляются с народом *спалы*, жившим в районе устья р. Танаис (Дон) рядом с гелонами [304, 237].

4. Меланхлены или макропогоны

У Псевдо-Скилака впервые упоминаются и *меланхлены*- в пределах территории современной Абхазии, между гелонами и колами (Коликой). Ранее же Гекатей Милетский их фиксирует в районе Крыма [291, 299]. Геродот также помещает *меланхленов*, как будинов «вшеедов» и гелонов, в пределах Северного Причерноморья и Меотиды, вблизи будинов и гелонов. Далее он пишет: «Меланхлены все носят черные ризы, отчего и получили название своё, обыкновения же у них скифское», выше же он говорит: «Меланхлены, народ чужой и не скифский» [348, 27–28, 100–136; 61, 163, 165]. Клавдий Птолемей (II в. н. э.), как и Геродот (V в. до н. э.), меланхленов и гелонов указывает на Севере [304, 237].

Обращает на себя внимание то, что и Псевдо-Скилак, уже на территории Абхазии, помещает меланхленов и гелонов также рядом друг с другом [295, 242]. Помпоний Мела (I в. до н. э. – I в. н. э.) на Черноморском берегу с юга на северо-запад, сразу же после *колхов,* называет *меланхленов,* и далее идут *тореты, ледохеки* (только у автора), а затем *кораксы, фтирофаги (фтейрофаги), гениохи, ахеи, керкетики* [61, 170]. Плиний же (I в. н. э.) в пределах Апсилии на морском берегу помещает «…район, именуемый *Колика*. Племена, занимающие почти весь остальной берег – одетые в черную бурку (меланхлены) и кораксы, с колхидским городом Диоскурия на реке Антемунта» [61, 172]. Как известно, бурка с древнейших времён является важнейшим элементом национальной одежды абхазо-адыгов и ряда северокавказских народов, что не было характерно для картвельских племён. Однако название *меланхлены* – «черноризцы» не проливает свет на их этническое лицо. В этом плане, на наш взгляд, более интересно употребляемое Страбоном вместо «меланхлены» прозвище *макропогоны* «длиннобородые» [299, 209]. Похоже, что в последнем случае имеем перевод самоназвания одного из древних абхазских сооб-

ществ *ԥсоу*, исходя из созвучной с ним формой *ԥцоу (ԥцӯоу)*, букв. «длиннобородый», где *ԥца* «борода» и *оу* «длинный». От этнонима *псоу* происходит и название абхазской реки Псоу.

5. Кораксы и колы

Эти два этнических сообщества являются наиболее древними по времени упоминанияна Черноморском берегу Абхазии. В VI в. до н. э. только их и называет здесь Гекатей Милетский. В частности, он сообщает: «Кораксы, племя колхов, вблизи колов. ...Кораксийская крепость и Кораксийская страна» и далее: «Колы, народ у Кавказа... Предгорья Кавказа называются Колскими горами. Страна называется Коликою» [291, 300].

Как выше сказано, уже Псевдо-Скилак на абхазском берегу называет целый ряд этнических сообществ, в том числе кораксов и колов. Последних он помещает между меланхленами и гениохами [295, 242].

У древних авторов, живших в I и II вв. н. э., немного иная раскладка племен Черноморского побережья Абхазии. Так, Помпоний Мела (I в. н. э.) вместо колов называет здесь ранее неизвестных торетов и ледохеков, и от них на северо-запад – кораксов [61, 170]. Вместе с тем Плиний (I в. н. э.) пишет: «Ниже [гениохов – *В. К.*] находится Черноморский район, именуемый Колика... Племена, занимающие почти весь остальной берег – одетые в черную бурку (меланхлены) и кораксы, с колхидским городом Диоскурия на реке Антемунта» [61, 172]. У Страбона отсутствуют как *колы*, так и *кораксы,* и *меланхлены*. Вместо них он называет макропогонов и керкетов (о них см. выше).

Таким образом, получается, что *колы*, находившиеся в IV в. до н. э. на абхазском предгорье Кавказа выше кораксов, к I в. н. э. занимают абхазский причерноморский район между гениохами и меланхленами, а за последними оказываются кораксы. Согласно Плинию, весь остальной берег (южнее колов), вместе с г. Диоскурия, занимают меланхлены и кораксы [61, 171]. По сообщению же Помпония Мела вся эта территория находилась в Стране гениохов: «Диоскурия в стране гениохов» [61, 170]. Это может быть указанием и на то, что колы, кораксы и меланхлены (// макропогоны), керкеты (т. е. егыркетцы) являлись гениохскими племенами.

Вместе с тем, сообщения древних авторов не дают возможности определенно говорить об этнической принадлежности колов и кораксов. Грузинский исследователь П. Ингороква колов отождествляет с миссимиянами верховья р. Кодора более поздних авторов и считает их, как и ряд его тбилисских коллег, мегрело-сванским племенем [55, 143–145], другие же в них видят древнеабхазское племя. На наш взгляд, с древними колами, занимавшими первоначально нагорную часть современной Абхазии, увязывается древне-абхазское родовое сообщество *Кул* или *Куал*, *Гол, Гуал*, срав. родовые имена: *Кул-аа* (у абазин Кул-раа, у мегр. Кул-ава) «Куловы» – в ед. числе пишутся *Кул-ба, Акул-ба* (у абазин – *Кулов*), т. е. «Кулов» – от родового имени *Кул* и топонимы в Абхазии: *Кул-рхуа*, букв. «Гора кулов», *Кулаа ртвы* (Кулаа ртәы) «собственность кулов», *Куал иху* «Гора Куала» (Гудаутский район), *Куладзхвы* (Кулʒҳәы), букв. «берега р. Кулов» (Гагрский район) [93, 629, 631]. Сюда же, по-видимому, и название перевала *Клухор*, абхаз. *Клыхура*. Последний, возможно, из абхаз. *Кул-хура*, букв. «Хребет (гора) кулов» – отсюда *Кулхура ахыцырҭа* «Кулхурский перевал». Абхазскому *Кулхура* «Хребет (гора) кулов» вполне соответствует сообщение Гекатея Милетского: «Колы народ Кавказа… Предгорья Кавказа называют Колскими горами» [291, 300]. Фонетическими вариантами формы *кул, куал*, по-видимому, являются и абхазские родовые имена *Гол-аа* (в мегр. Гол-ава «Головы») или *Гуал-аа* «Гуаловы» – отсюда топонимы *Гуалдхвы* (Гәал-дәҳәы), букв. «Поле (равнина) Гуалов» и *Гуалʒа* или *Гуалҷа* (в Сухумском районе), букв. «Гуалов подгорье», а также и известное название центрального района Абхазии – *Гул-рыпш* (возможно, от *Гуал-рыпш*), букв. «Край гулов (гуалов)», срав. вариации основ *гул, гуал, кул, куал* с этнонимом *кол* древних авторов (см. «Колхи и Колхида»). Вместе с тем, напрашивается связь названия центрального приморского района Абхазии *-Гул-рыпш* или *Гуал-рыпш* (срав. *Кол-рыпш*) «Край Гуалов (Колов)» с Черноморским районом, именуемым Плинием *Кол-ика* и находившимся между гениохами и меланхленами. Представляется весьма интересным то, что эту же территорию Помпоний Мела называет «Шесть Колик» [351, 118]. Данная деталь может быть увязанной с главным абазинским сообществом *тапанта*, именуемым шестиродным, т. е. состоящим из шести частей. Ногайцы их именуют Алты Кесек Абаза «Аба-

за, состоящая из шести частей» [42, 8], они же – Басхи (на кабард. Басхаг), по-видимому, они же и *миссимияне*.

Сложно также говорить об этнической принадлежности *кораксов*.

По сообщению Гекатея (VI в. до н. э.): «Кораксы племя колхов, вблизи колов…», колы же, согласно автору, не относятся к колхам. На наш взгляд, из этого вытекает, что кораксы, проживая в районе г. Диоскурады (в отличие от колов), находились в пределах Колхидского царства, как и сам г. Диоскурия [291, 300].

Что же касается происхождения этнонима *коракс*, то, по мнению П. К. Услара, «это есть чисто греческое название, с легкой неправильностью обозначающее – вороны» [18, 66]. По-видимому, в этой связи Ш. Д. Инал-ипа указывает на созвучие этнонима *коракс* с абхаз. *куараса* «горлица» [24, 181]. Вместе с тем, обращает на себя внимание сходство имени *коракс* с упоминаемым Птолемеем названием мыса – *Коракс*, отождествляемым Латышевым с Аю-Даг, находящимся севернее Алушты, и горой *Корак*, локализующейся также в этом регионе [304, 240, 248]. Далее Птолемей говорит о крепости Картерон Тейхос («Сильная крепость»), реке Корак, местности Наана и пограничной черте Колхиды [304, 244, 245, 250]. В данном сообщении р. Корак, по мнению отдельных авторов, может соответствовать р. Бзыбъ [55, 150; 61, 517]. Другие же исследователи р. Корак отождествляют с р. Кодор, а *Наана* – с названием современного села *Наа* на правобережье р. Кодор [304, 244, 245; 18, 37; 24, 181]. На наш взгляд, и Крепость Картерон Тейхос Птолемея может соответствовать крепости Пскал, закрывающей вход в Кодорское ущелье, или другой древней крепости в центральной Абхазии. Что же касается Кораксийской стены Гекатея, то её Кудрявцев, Гулиа и другие увязывают с Великой Абхазской (Келасурской) стеной [15, 28, 29, 53; 18, 158].

Так или иначе, очевидно, что кораксы, как и керкеты, гелоны, меланхлены, тореты, упоминаются древними авторами одновременно, как на территории современной Абхазии, так и в далёком от неё Кубано – Азовском регионе. Среди них на территории Абхазии наиболее древними представляются кораксы, а также колы и гениохи. В целом же, скорее всего, речь идёт об абхазо-адыгских племенах, ареал распространения которых, как известно, охватывал всю Черноморско-Приазовскую область. Поэтому ни одно из

вышеназванных племён, в том числе и кораксы, не могут быть отнесены к картвельским племенам, как это пытаются доказать некоторые исследователи (Орбели, Гулиа, Мибчуани и др.).

Кораксы, по мнению З. Анчабадзе, Г. Томашева и др., могут быть отождествлены с санниками или абсилами [20, 134]. Услар же полагал, что кораксы – шапсуги или убыхи [15, 53], а Дюбуа де Монпере в них видел цебельдинцев. Поддерживая мнение Дюбуа, Кудрявцев пишет: «Кораксы это без всяких колебаний кодорцы и впоследствии получившие имя уже не по реке, на которой жили, а ущелью «дальцы», «цебельдинцы». Кораксийские стены, – современные Келасурские (т. е. Великая Абхазская стена – *В. К.*), пересекающие Кодор» [15, 28, 53].

Д. И. Гулиа допускал возможность происхождения этнического имени *коракс* от обозначения крепостной стены – *Коракс*, т. е. Кораксиновской (Келасурской) стены. В частности, он пишет: «Название этой стены указывает, может быть, на материал, из которого она была сложена туземными жителями: по-абхазски *а-qуараш* – речные круглые камни: «*ш*» – указание на беловатость камня; корень *qуара*, вероятно, древне-гениохское слово, означавшее «камень». По названию стены возможно, что греки стали называть и местное племя «каракси енами» (вместо *qуарашны* – страны камней или страны, находяшейся за стеной). Жители страны: *qуараш-уа* (qуарашаа)=греческое κορα ξ-οι» [18, 158]. Автор имеет в виду название низовья р. Кодор – *Кораси*, абхаз. Кораш (Ҟәараш), о котором говорит и Инал-ипа [24,181]. Это же название встречается и во многих местах Абхазии как обозначение рек, берега которых сплошь застланы белыми (известняковыми) камнями [93, 168, 337, 365, 558].

На наш взгляд, представляется более правдоподобной связь этнонима *коракс* с абхазским словом *гуаракуша* (срав. коракс), букв. «окруженная оградой», «окаймлённая оградой» – от *а-гуара* «ограда» и *куша* (глаг. а-куша-ра) «окружение», «окаймление». Вместе с тем не исключено, что этно-топо-гидроним к *оракс* может быть образованным от имени абхазо-абазинского сообщества *коура* или *гоура* с помощью иноязычных суффиксов «*к*» и «*о-с*». Сама корневая часть, т. е. *коура* или *гоура,* представляет абазинскую форму мн. числа первичной основы *коу* или *гоу*, где *у* – этнонимное окончание в значении «человек». Исходная основа *коу* или *гоу* со-

ответствует имени абазинского княжеского рода *Гоу* (ныне пишутся Гоов, во мн. числе Гоураа), проживавшим в прошлом на западной окраине исторической Абхазии. Здесь же река, гора и населенный пункт (аул) Агой [96, 42–43]. Родовое имя *Гоу* закономерно восходит к форме *Гау* (Гауаа или Агауаа), означающей на абхазо-абазинском «приморцы», «поморяне» – от *га* (а-га) «морское прибрежье» и *у* (уа) «люди» [96, 43].

Как уже сказано, множественная форма этнонимной основы *гоу // коу – гоураа // коураа,* в греческой передаче *кора,*может быть основой интересующей нас греческой формы названия *кора–к*, отсюда и *корак-с*. Вместе с тем похоже, что эта же основа присутствует в вариантах исторического названия современного села Скурча, лежащего у моря слева от р. Кодор. Речь идет о зафиксированных источниками в разное время таких форм названия, как: Кавро (Дзвампи), Т-кавру, Курса (Досифей), Из-гаур // Ис-гаур (Шарден), Ис-курия (Ламберти), Ис-куар (Фадеев) [94, 178]. С Искурией (Скурча) ряд авторов отождествляют Диоскурию (см. ниже). Возможно и в этом названии, т. е. *Диос-кур-ия // Диос-кор-ия,* имеется та же основа *гоура // коура*, означавшая *кораксов*, на земле которых находился известный город Диоскурия.

Интересующий нас этноним может также лежать в основе целого ряда местных родовых имен, как: Куар-дзы (срав. Куардзышха «Гора Куардзов» в Псху), Куар-дз-аа, Кор-дз-ая, Кор-ч-аа, Куар-ч-иа, Кора-ндз-иа, Кор-с-аа // Кор-с-ава, Кор-с-ая, Кор-т-аа // Кор-т-ава, Кор-т-уа, Кор-уа, Корк-ия, Курык-ба и т. д.

6. Фтейрофаги «вшееды» и(или) «шишкоеды»

Прозвище *фтейрофаги* – «вшееды» в I в. н. э. упоминает, в качестве этнического имени, Помпоний Мела. Он помещает фтейрофагов между кораксами и гениохами. Арриан (II в. н. э.), похоже ошибочно, скифское племя фтирофагов Геродота считает народом, жившим в древности в районе Нитики (совр. Гагры). Однако Геродот говорит только о многочисленных будинах и гелонах, обитавших вблизи Танаиса, выше савроматов (см. Гелоны). Арриан же приводит лишь слова Геродота: «…этот народ (т. е. будины – *В. К.*) ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени… эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно…» [61, 165]. На наш взгляд, южные фтейрофаги, согласно ис-

точникам, могут быть отождествлены с гелонами Псевдо-Скилака и поздними салами Плиния (см. Гелоны).

По мнению Г. Ф. Турчанинова презрительное название фтейрофаги – «вшееды» представляет собой плод народной этимологии, созданной в абхазской языковой среде. Оно могло возникнуть в результате перевода адыгского слова *цIыфа* «люди», «человек» из созвучного с ним абхазского слова *ҵыфа(ҵафа)*, букв. «вшеед», «вшееды». На самом же деле, как он полагает, адыг *цIыфа* «люди», «человек» могло быть древним самоназванием адыгов и не может иметь ничего общего с абхазским *ҵыфа (ҵафа)* «вшеед» [355, 401-404; 356, 18].

В связи с вышесказанным представляет интерес и следующий абхазский языковой факт. Абхазы издавна жителей равнин Северного Кавказа именуют насмешливым прозвищем *шкифа // шкиф* (ҽҟьыфа) «едящий конский навоз» – во мн. числе *шкифа-аа* (ҽҟьыфаа) или шкифа-цва (ҽҟьыфа-цәа).

Для нас теперь понятно, что такое прозвище возникло у абхазов в результате перевода известного древнего этнонима «*скиф*» из созвучного с ним абхазского слова *шкиф-а* (ҽҟьыф-а), букв. «едящий конский навоз», где *шки* (ҽҟьы) «конский навоз» и *ф-а* «есть», срав. ҭ *ы-фа* «вшеед». Данный языковой факт несомненно указывает на древнее соседство абхазо-адыгских сообществ со скифами.

7. Гениохи

Гениохи или *Иниохи* – один из раннеупоминаемых древними авторами значительных народов Кавказского Причерноморья. Первым о них говорит Гелланик (Vв. до н. э.): «…над керкетами живут мосхи и хариматы, над ними гениохи, а выше кораксы» [347, 25]. Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) помещает их между ахеями и кораксами [295, 242] и он же называет гениохов народом «разнородным» [295, 276]. Гераклид (II в. до н. э.) пишет, что по Фасису первоначально жили гениохи [295, 304]. По данным Плиния (I в. н. э.): «…Не доходя Трапезунда по берегу река Пиксит, а за ним племя Саннов Иниохов» [351, 178], «…река у них Абсар» [18, 272] и «…племя Абсилов, крепость Севастополь в 100000 ш. от Фасида, племя Саников, город Кигн (или Цигн – *В. К.*), река и город Пений, наконец, племена Иниохов, различающиеся мно-

гими названиями» [351, 179; 61, 171]. Помпоний Мела (I в. н. э.) говорит, что в земле Иниохов была основана Диоскуриада [351, 118; 18, 271]. В то же время Страбон (I в. н. э.) указывает, что колхи обитают за гениохами [303, 84-85]: «…За гениохами находится Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхийскими горами» [299, 209-210]. Гениохов также упоминают Диодор Сицилийский, Аристотель, Тацит и многие другие древние авторы.

Указанное Псевдо-Скилаком (IV в. до н. э.) место обитания гениохов, как полагают некоторые исследователи, соответствует части Черноморского побережья, заключенной примерно между г. Сочи и Сухумом. В районе же г. Сухум (Аква, Диоскурия, Севастополь) и *р. Корак* (Кодор) проживали кораксы, которые граничили с колами и меланхленами. Названные сообщества, т. е. кораксы, колы и меланхлены, по-видимому являлись одними из многих гениохских племен. На это, похоже, указывает ряд сообщений древних авторов: «… в земле гениохов основана Диоскуриада» (Помпоний Мела): «За гениохами находится Колхида» (Страбон); «От Кавказских ворот (Дарьяльский проход – *В. К.*) в Гурдинских горах живут Валлы и Сваны (ошибочно Свавы – *В. К.*) …От них до самого Понта живет множество Иниохийских и потом Ахейских племен» (Плиний [351, 182]).

Как уже сказано, Гераклид, живший в II в. до н. э., указывает район р. Фасис, как первоначальное местожительства гениохов. Согласно же Арриана и других древних авторов, в I в. н. э. гениохи уже находились и в Восточном Причерноморье, в междуречье Пиксита и Абсара.

У древних авторов *гениохи* или *иниохи* характеризуются как:

– многочисленные племена, различающиеся многими названиями (Плиний);

– «…у гениохов было четыре царя» (Страбон);

– «…воинственные гениохи» – «Меня узнал покоренный араб и *воинственные гениохи*» (Лукан со слов Помпея);

– «…славные племена… генихов» (Псевдо-Орфей);

– «гениохи страшные наездники» (Лукан);

– «Иниохи … названы Иниохами, что весьма искусны в управлении лошадьми» (Схолий к Лукану);

– «гениохи мореходы и пираты» – «Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь мест-

ность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву, а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удается им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших» (Страбон);

– «гениохи – камариты» – «…большой народ камариты» (Дионисий); «Они получили название свое от судов, на которых они занимались пиратством, которые назывались у эллинов «καμαραί» (комментарии Евстафия к Дионисию Периегету).

Античные предания гениохов увязывают с аргонавтами. В частности, Плиний передает: «Многие полагают, что город этот (Диоскурия – *В. К.*) построен возницами Кастора и Поллукса – Амфитом и Тохием, от которых, вероятно, и произошло племя гениохов» [18, 274; 351, 179]. Об этом же говорит и Помпоний Мела [351, 118].

Страбон же пишет: «Рассказывают, будто ахейцы – фиоты из язонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию – лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили сове название» [299, 213].

Встречаются и утверждения о том, что «…гениохи и зигии, чада земли пеласгийской…», «…гениохи и зигии племя очень дикое, происходящее, по преданию, от пеласгов» [223, 240, 251] и т. д.

Эти предания, засвидетельствованные античными авторами, не воспринимаются исследователями древней истории всерьез. Последними выдвигаются отличные от них версии по вопросу этнической принадлежности гениохов. Одни считают гениохов сванами (И. Орбели, Г. Меликишвили, Т. Мибчуани), другие отождествляют их с мегрело-лазами (С. Джанашия, М. Инадзе и др.), третьи же видят в гениохах предков абхазов (А. Кудрявцев, Д. Гулиа, Ш. Инал-ипа, З. Анчабадзе, Ю. Воронов и др.).

На наш взгляд, при определении этнического лица гениохов, прежде всего, важно разобраться в вариантах их наименований: *гениохи, ениохи, иниохи, возничьи // возницы, камариты*. Все они в прошлом рассматривались не как этнонимы, а как профессиональные прозвища. При этом авторы исходили из перевода созвучного с *гениохи* греческого слова *Υηνioxoi*в значении «возницы». По этому поводу Д. Гулиа писал: «…«возницы» – такое же выдуманное мнимо-этническое название, как макрокефал – «длинноголовые» (на южном побережье Черного моря), макропогоны – «длиннобордые» и фтейрофаги – «вшееды» (на восточном), да и многие другие» [18, 44].

Название *гениохи,* как этноним кавказского происхождения, первым стал рассматривать П. К. Услар. По его мнению, *гениохи* может быть искаженное греками адыгского *ганноаче*, «каковым словом племя адиге называют лезгин». Однако, как отмечает И. Орбели, сами лезгины этого названия своего не знают [18, 42, 43]. П. Ингороква полагал, что *гениохи – возничие* от грузинского цхени→гени «лошадь» [55, 178]. Существует и указание на то, что название санигов может являться вариантом названия «гениох». В частности, Г. Меликишвили пишет: «По своему звуковому составу эти названия довольно близко стоят друг к другу. Чередование «S» и «H» мы имеем и в других племенных названиях (напр. Sper и Hiber) [345, 91].

Как выше указано, название *гениох* имеет варианты *ениох, иниох*. Последние, скорее всего, получены в результате ассимиляции начального «г» или «h» названия *гениох – heviox*. Основой последнего, очевидно, является *генио* древ. –греч. – *hevio*, от которой образована форма этнонима *генио-х* с аффиксальным окончанием «*х*» (срав. *зи-х, абас-х, мос-х, кол-х* и т. д.). Похоже, что этнонимная основа *генио* представляет собой стяженную по закону фонетики форму абхазского слова *гаиану*, букв. «находящиеся в приморье», где *га* (а-га) «приморье» и *иану* «находящийся» (срав. *амҩа иану* «находящийся в дороге», *Аԥсны иану* «живущие в Абхазии» и т. д.). Представляется, что именно абхаз. *гаиану* или → *геноу* лежит в основе греческого названия древнего города *Гиенос* (о городе, см. [591]). Как уже сказано, от абхазской основы *а-га – агара // агар* «приморье» образованы и названия приморской территории *Егыр // Эгер // Эгриси*, а также и имена примор-

ских жителей *агаруа* (из а *гарыуаа*) и *гоуаа // гоураа* (см. Кораксы). В связи с гениохами обращают на себя внимание также абхазские родовые имена, как: *Ген* – в множ.ч. *Гена-р*, пишутся *Генаба*, а у абазин – *Генов*; *Ин* – во мн.ч. *Ина-р*, пишутся *Инарба*; *Ин-апш*, букв. «Рыжий Ин», пишутся *Инапшба*; *Гун* – родовое имя, пишутся *Гунба* (вариант *Гумба*), у абазин – *Гонов*.

Вызывают особый интерес и такие топонимы Абхазии, как: *Ген-рыпш // Гинрыпш* – в Сухумском р-не, букв. «край Генов (Гинов)»; *Кин-рыпш* (срав. *Генрыпщ)* – в Гудаутском р-не, букв. «край Кинов»; *Генараа ркуара* – в Очамчирском р-не, букв. «речка Генов»; *Генадз* – речка в горах Гулрыпшского р-на, букв. «речка (вода) Геновых»; *Генараа рзыхь* – в Гудаутском р-не, букв. «родник Геновых».

Вместе с тем представляется довольно значительным, ключевым следующий языковой факт. Как известно, греки *гениохов* именовали и словом *камариты* по названию лодок *камары*, на которых те плавали. От названия гениохской лодки – *камар* вряд ли отделимо абхаз. *амар* «лодка», «челнок» – во мн. числе *амарква (амар-қәа*), сохраняющееся ныне как обозначение мини-лодки, т. е. челнока ткацкого станка, переносно и швейной машины. Очевидно, что абхазское *амар,* подобно русскому «челнок», означало «лодку, на которой плавали», а также «мини-лодку – челнок ткацкого станка» и переносно «челнок швейной машины». Слово *амар* «лодка» в форме множественного числа *амарква* «челнок» – «челноки», как и абхазский морской термин *апра* «парус» [357, 87, 143], заимствовано соседними мегрелами и грузинами.

В препозиции термина *амар*, похоже, представлен *«а»* с приступом, что может восприниматься и как *«к»*– отсюда и *амар* может быть озвученным как *камар*. Однако, возможно и другое. Форма *амар* может быть из сложного слова *ҳамар (hamar)*, означавшего заправленный внутри клубком нити (пряжей) челнок ткацкого станка: *ҳамар*, букв. «содержащий нить (пряжу)» – от *аҳа* «пряжа» (*аҳара* «прядение», «плести») и *мар* (а-мар-а) «содержать», «иметь». Исходное *ҳамар (hamar),* в результате ассимиляции начального *«ҳ»,* могло закономерно трансформироваться в *амар*. При этом становится очевидным перенос названия челнока ткацкого станка на схожее с ним плавсредство – лодку (челнок). Таким образом, есть основание говорить о тождестве форм – абхаз. *амар* или

ҳамар и греческой записи *камар*. Последнее, согласно Дюбуа, сохранялось и у черкесов в качестве одного из названий лодки [7, 58].

Вместе с тем примечательно, что у абхазов и абазин лодка и солнце обозначаются одним словом *амар* (абаз. *амар*, абхаз. *амра* «солнце»), точно так же, как и у египтян именем *Ра* обозначались солнце и лодка (см.выше).

Наконец, представляется довольно любопытным также и сообщение Диониса (II в. н. э.) о *гениохах –камаритах*. В частности, он говорит, что на Кавказском перешейке живет «большое племя камаритов, которое некогда гостеприимно приняли Вакха после индийской войны и вместе с эллинами устроили священный хоровод, надев на грудь передники из оленьей кожи, крича: «Эвой, Вакх!» [303, 184; 18, 258]. Как нам представляется, в сообщении Диониса объединены легенда о Вакхе со знакомым автору обрядовым хороводом гениохов – камаритов. Возможно, причиной тому звучащий во время хоровода призыв «Эвой, Вакх!», напоминающий имя Вакха. На самом деле, речь может идти об обрядовом хороводе моряков – камаритов, во время которого звучал призыв по Дионисию *«Эвой, Вакх!»,* в котором можно усматривать абхаз. *Уах*, букв. «тяни», «греби», во мн. числе *Швах* (Шəах) «тяните», «гребите». Последнее, т. е. множественная форма *Швах*, присутствует в названии и рефрене абхазской песни моряков *Швах амарджа* «Шəах амарԥьа!», букв. «тяните (гребите) амарджа!» В слове же *амарджа (амарԥьа)*, несомненно, имеем название лодки *амар (камар или hamar)*, а в окончании элемент *джа(ԥьа)*, который может быть видоизмененной формой абхазского аффикса мн. числа класса людей – *цва (цəа)* – срав. *атшы (аҽы)* «лошадь» –*атшцва (аҽцəа)* «конники», «всадники». Вместе с тем, элемент *джа,* в значении «человек», «люди», присутствует в абхазском *аджвы* (аʒəы) – из *аджы*, «один человек», *ви-джа* (ԥыцьа) «два человека», *аджа-р* (аԥьа-р) «множество людей». Отсюда *амарджа* равнозначно слову *«камариты»*– «лодочники», «лодочный отряд», «морской боевой отряд». Форма *Ҳаи (или Аҳаҳаи) амарджа!* – первоначально боевой клич моряков, а затем и подбадривающий призыв к любому действию. Слово *амарджа* представлено и в языках некоторых соседних с абхазами народов: в кабардинском – *маржэ, мардж* – возглас, обозначающий «призыв», «клич»; в осетинском – *амарджа, йамарджа* – поощрительный возглас, что, по

мнению Абаева, из груз. *мардж* «побеждать», от которого и груз. *гамарджоба* – приветствие; в карач.-черкес. *марджа, маржа* «пожалуйста (обращение)» и в ног. *марже* – междометие, выражающее обращение, призыв к группе людей. Последние два варианта Шагиров считает заимствованными из кабардинского [132, 260].

8. Ахея и ахейцы

Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.) помещает *Ахею* и *ахейцев* между торетами и гениохами: «За торетами – народ ахеи. За ахеями – народ гениохи» [295, 242]. О них упоминают также Диодор Сицилийский (IV в. до н. э.) [358, 188], Аристотель (IV в. до н. э.), Диоген и другие древние авторы. Согласно Артемидору (II-I в. до н. э.) ахейцы проживали от современного Туапсе на юг, вдоль побережья, вплоть до района Сочи [249, 281; 295, 242]. Страбон же говорит: «За ней (Синдикой) живут ахеи, зиги, гениохи…» [299, 209]. Он же, ссылаясь на Артемидора, указывает, что «побережье ахеян, на пространстве пятисот стадиев, далее берег гениохов в тысячу стадиев…» [299, 214, 215]. В I в. н. э. ахейцев упоминают также Помпоний Мела [351, 118] и Плиний Секунд. По сообщению Плиния от валлов и сванов (или свавы) «до самого Понта живет множество Иниохийских и потом Ахейских племен» [351, 179, 182]. Далее Аппиан (II в. н. э.) пишет отом, что Митридат (в 67 г. до н. э. – *В. К.*) прошел через страну гениохов, которые приняли его дружески», «но ахеев он разбил и преследовал» [18, 283]. По-видимому, из последнего сообщения следует, что после разгрома Митридатом ахейцев, Ахея, как этнополитическое объединение, перестало существовать, именно в этой связи ахейцы постепенно приходят в забвение. Так, например, если в первой половине II в. н. э. Аппиан, Клавдий Птолемей [304, 249], Дионисий [303, 184] еще пользуются термином «ахейцы», то у их современника – Арриана ахейцы в списке народов Кавказского Причерноморья уже не значатся. Здесь вместо них он помещает санигов, а в качестве границы между санигами и зикхами называет р. Ахеиус (р. Шахе). Вместе с тем, он указывает территорию под названием «*Старая Ахея*» между *Старой Лазикой* и *гаванью Пагр* (Геленджик) [223, 271, 272].

Согласно древним авторам (Диодор Сицилийский, Аристотель, Тацит, Овидий, Страбон и др.), ахейцы, как и гениохи, являлись

искусными мореходами и славились своим пиратством не только у берегов Кавказа, но и по всему Черному морю [24, 185]. Они также характеризуются и как воинственный народ [61, 175].

В древней и последующей литературе представлены различные точки зрения по происхождению ахейцев. Страбон говорит: «Рассказывают, будто ахейцы – фтиоты из язонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию – лаконцы» [299, 213]. Аппиан же приводит легенду, согласно которой ахейцы являются древними греками, заблудившимися при возвращении из Трои и «много страдали от варваров, как эллины» [223, 285]. Дионисий Периегет (II в. н. э.) также о кавказских ахейцах пишет: «…воинственные ахеи, которые некогда, занесенные южным и западным ветром, приехали сюда от Ксанта и Идейского Симеонта, сопровождая после (Троянской) войны своего царя, сына Аретия; их соседи, гениохи и зиги – также пелазгийского происхождения» [61, 175].

Некоторые новейшие исследователи Ахеи отождествляют их с ахийява хеттских источников [295, 242]. Другие же, в частности Кисслинг и ряд грузинских исследователей, ахейцев, как и керкетов, гениохов и других, причисляют к картвельским племенам [345, 88, 89; 61, 25].

Однако, как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-ипа, вряд ли можно сомневаться в том, что кавказские ахейцы, не имеющие, конечно, ничего общего с гомеровскими ахейцами – эллинами (тем более с картвельскими племенами – *В. К.*), являются одной из прибрежных древнеабхазских родоплеменных групп [24, 188]. Свое мнение Инал-ипа подтверждает данными абхазской топонимии. В частности, он пишет: «… почти все побережье от Гагры до Адлера старые абхазы и по сей день называют Аха. Недалеко отсюда, в верховьях р. Бзыбь, имеется и местность под именем «селища (рода) Ахба», а одна из впадающих в неё речек известна под названием Ахей. Воинственные ахейцы, локализируемые в северо-западной части Абхазии, многими исследователями сопоставляются с одним из древнеабхазских племен (срав. абхазские родо-племенные названия Хиба и Ахба, распространенные до сих пор на указанной территории) [24, 188, 189].

Известный кавказовед А. Н. Генко *ахеи* отождествлял с именем шапсугского общества *гуае*. Соглашаясь с этим, В. И. Ворошилов пишет: «…древние «ахейские» корни имеет и этноним середины

XIX в. *агуйя* и соответственно современный топоним Агой. Срав., тот же Арриан упоминает город Ахеунт (ориентировочно в устье Шахе), в основе названия которого также прозрачно виден этноним *ахеи*, а в XIX в. (до 1864 г.) в междуречье Псезуапсе – Шахе проживало шапсугское подразделение гой или гуайе». Далее Ворошилов говорит, что древние обитатели Юго-Восточного Причерноморья «…Хои – это, по-видимому, те же ахеи…» [96, 43]. Однако лингвистически трудно представить тождество этнонимов *ахей* и *гой*, *гуайе* или *агуйя*. Этимологии этнонима *ахеи* касается также Н. Г. Волкова. Она усматривает в этнониме *ахеи* корень адыгейского названия моря *хы* с абхазо-абазинским суффиксом *а* и греческим окончанием *ои (еи)* [362, 34]. Из названных материалов более убедительными нам представляются сопоставления проф. Ш. Д. Инал-ипа. Прежде всего, автор прав в том, что абхазы в прошлом Гагра-Адлерский район именовали *Аха*. Последнее существует в абхазском языке и как слово в значении «верховье», «головная часть чего-либо» – от *ахы* «голова»: *аҙы аха* «верховье реки», *ахы-уаа* «жители верхней части села или страны», ахы-аамсҭа «головной дворянин», т. е. «главный из дворян» [74, 163] и т. д.

Есть основание полагать, что абхазы в прошлом территорию, именуемую *Аха*, делили на две части – *Аха* или *Ахаду* «Большая Аха» и *Ахахучи* (Ахахәҷы) или *Ахач* (Ахаҷ) «Малая Аха». На наш взгляд, первое соответствует *Старой Ахее* Арриана (прибрежье от Геленджика до р. Шахе). Второе же – *Ахахучи* «Малая Аха», похоже восстанавливается из названия хребта *Ахахча* (из Аха+хуҷы, где хуҷы «малый»). Вариант же *Ахач* представляет более древнюю форму и распознается также в значении «Малая Аха» (из *Аха* и *ч* (ҷ) «малый») в названии известного абхазского общества *Ахачпсоу // Ахчыпсоу*, усечено *Ахчыпсы* или *Хачыпсы* (совр. абхаз. Ахчыԥсы или Аҳҷыԥсы), проживавшего в верховьях рек Мзымта и Псоу. Первое, т. е. *Ахачпсоу*, буквально переводится «Абхазы Малой Аха» – из *Ахач* (Ахаҷ) «Малая Аха» и *псоу* (а-ԥсуа) «абхазы». Из основы *Ахч* (*Ахач*) похоже образованы также названия района Псху – *Ахчипсху, Ахчипсхоу* [364, 347, 472] и его жители – ахчипсхувцы [364, 127]. Таким образом, большая вероятность в том, что древний топоэтноним Северо-Западного Кавказа *Ахеи* производен от абхазо-абазинского географического термина *аха*

и, возможно, посредством греческого окончания *ой // ей* [96, 12] или адыгского притяжательного суффикса «*й*». С этнотопонимом *Ахеи* Ш. Д. Инал-ипа увязывает, наряду с *Аха,* и родовое имя *Хиаа* (в ед. числе *Хииба, Ахииба* «Хиибов»), однако, по утверждению исследователей, оно происходит от слова *ахии* (ахьи) «золотых дел мастер». На наш же взгляд, от родового имени *Аха* образована и княжеско-дворянская фамилия *Ахеиба* [74, 219, 236] – из *Аха+и+ба (Аха+и+па)*, букв. «Ахов сын» (ныне прожив. в Турции).

ГЛАВА VIII

ЭТНО – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I В. ДО Н. Э. – VII В. Н. Э.

§ 1. Из истории международных отношений конца I тыс. до н. э. и 1 в. н. э.

В конце I тыс. до н. э. в Малой Азии происходят бурные события. Это борьба государства Селевикидов с Римом, ослабление и распад Селевикидской державы, образование в начале II в. до н. э. армянских царств и их завоевания, усиление Понтийского государства, противостояние Понта и Рима, расширение границ Римской Империи. Всё это, несомненно, не могло не отразиться и на этно-политической ситуации Юго-Восточного и Восточного Причерноморья II-I вв. до н. э.

Как выше отмечалось, во II веке до н. э. племена Юго-Восточного Причерноморья оказываются под властью Малой Армении, а затем – Понта.

В начале II в. до н. э. Понт представлял собой уже довольно значительное государство. В первой половине II в. до н. э. понтийский царь Фарнак I захватил Синопу и перенес сюда свою столицу. Соседняя с Понтом Малая Армения, занявшая ранее часть Юго-Восточного Причерноморья, превратилась фактически в зависимое от Понта государство. В конце II в. до н. э., уже при понтийском царе Митридате VI Эвпаторе, Малая Армения и Колхида были присоединены к Понту. Тогда же Митридат утвердился в государствах Северного Причерноморья, заключив союз с Ольвией и Херсонесом и получив царскую власть над Боспором. Он также постарался утвердиться и на западном берегу Черного моря. И здесь Митридат, не располагая возможностью подчинить местные народы, стремился привлечь их на

свою строну, заключая союзы и набирая среди них наёмников в свои войска.

Таким образом, Митридат VI Эвпатор сделался правителем или союзником всех причерноморских племён и народов [301, 322, 323, 364]. Митридату удалось также подчинить многие области Малой Азии. К 88 г. до н. э. под властью Митридата находилась уже вся Малая Азия, Эллада и берега Черного моря [301, 365].

Одним из преимуществ Митридата как политика и властелина являлось знание многих языков. По Плинию Секунда: «Митридат, величайший из царей своего времени, … был единственный из смертных, говоривших на 22 языках, и что в течение своего 56-летнего царствования он не обращался при помощи переводчика ни к одному человеку из подвластных ему племён» [351, 194].

Главным союзником Митридата являлся армянский царь Тигран II. При нем Армения находилась в зените своего могущества. Тигран II в 95 г. до н. э. присоединил к своим владениям Софену. Вслед за этим он захватил ряд пограничных албанских областей и приступил к захвату владений распадавшейся державы Селевкидов. С этой целю Тигран двинулся к берегам Средиземного моря, подчинил своей власти Сирию, Финикию и равнинную Киликию [301, 420]. Армении были подчинены также Иберия и Страна мосхов. [249, 304].

Римская империя не могла мириться с чрезмерным усилением Армении и Понта. Впервые римляне нанесли ощутимый удар Митридату в 87 г. до н. э. в Греции. Здесь войска Митридата были наголову разбиты. В результате, в 85 г. до н. э. по Дарданскому миру Митридат вынужден был отказаться от всех завоеваний в Малой Азии. Однако вскоре, в 83 г. до н. э., Митридат, воспользовавшись неурядицами в Римской державе, начал вторую войну с Римом, в ходе которой ему удалось временно захватить значительную часть Каппадокий [301, 367].

В 73 г. до н. э. Митридат предпринял новую, уже третью по счёту войну с Римом, закончившуюся поражением самого Митридата. К 70 г. до н. э. римляне практически завладели всей территорией Понтийского царства. В тоже время они заключили союз с правившим на Боспоре сыном Митридата – Махаром и, таким образом, подготовились к военным действиям против Армении, которые развернулись в 69 и 68 гг. до н. э. Митридат же, восполь-

зовавшись занятостью Рима войной с Арменией, вернулся с 8-тысячным войском впределы своего царства и разбил находящееся здесь римское войско. Тем временем римское войско во главе с Лукуллой в 69 г. до н. э. захватило и ограбило столицу Армении Тигранакерт; в результате этой победы римлян Армения потеряла все свои южные завоевания, сама же страна осталась тогда до конца непокорённой.

В 66 г. до н. э. продолжение войны против Митридата и Тиграна было поручено Гнею Помпею. Войска последнего весной 66 г. до н. э. разгромили на территории Малой Армении силы Митридата, а сам Митридат вынужден был бежать на север – в Колхиду. Прозимовав в Диаскуриаде, Митридат пробился в 65 г. до н. э. на Северное Причерноморье, где начал новые приготовления к войне с Римом. Он заключил союз с меотскими племенами и, обойдя с севера, вновь захватил Боспорское царство, изгнав оттуда Махара. Однако дальнейшим намерениям Митридата не суждено было сбыться, он закончил жизнь самоубийством в 63 г. до н. э. [301, 376].

Римляне, разгромив войска Митридата, в 66 г. до н. э. развернули военные действия уже против Армении. Тигран II, оценив ситуацию, в которой он оказался, сдался Помпею. Вскоре Помпей подчиняют Риму Иберию, Страну мосхов и Страну фасианов (Колхиду). Так заканчиваются бурные события конца I-го тысячелетия до н. э., существенным образом отразившиеся на судьбах многих народов Малой Азии, Закавказья, Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. В этот период происходит переселение народов, меняются этнические и этнополитические границы, появляются новые этнические имена.

Как уже отмечено, с вышеназванными событиями, в частности – с деятельностью Митридата, увязывают переселение одного из древнеабхазских сообществ мосхов (масхов, басхов, т. е. мисимян поздних источников) из Мцхетского царства в Северную Калхиду [350, 265]. На наш взгляд, это переселение могло быть вызвано политикой армянского царя Тиграна II, который, как правило, переселял народы из захваченных им территорий. Перемещение мосхов также могло быть следствием походов в 40-х гг. I в. до н. э. в Страну мосхов боспорского царя Фарнака, а затем Митридата Пергамского, которому Цезарь отдал царство Фарнака. Страна

была разорена. Страбон говорит о разграблении «богатого святилища Левкотей» в Стране мосхов [249, 304].

Разительные изменения происходят в II–I вв. до н. э. в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье.

§ 2. Колхида в конце I тыс. до н. э. – I в. н. э.

Как уже было отмечено, на рубеже III-II в. до н. э., в связи с ослаблением Селевкидов, прибрежные районы Восточного Причерноморья оказываются под влиянием эллинистических центров Юго-Восточного Причерноморья и прилегающих к нему областей. Вскоре, уже при Митридате VI Эвпаторе, Царство фасианов или Колхида становиться составной частью Понтийского царства и ликвидируется местная государственная власть. По этому поводу Страбон пишет: «Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Язона, дошедшего даже до Мидии, и о предшествующем ему походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на провинции страною, не имели особой силы. Когда же особенно усилился Митридат Эвпатор, страна перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Моаферн, дядя нашей матери с отцовской стороны. Отсюда шла царю главнейшая помощ для (организации) его морских сил…» [299, 216]. Согласно сообщению Аппиана в 83 г. до н. э. колхи (т. е. фасианы) попытались отложиться от Понтийского царства, в связи с чем Митридат вынужден был воевать с колхами. После подавления этого восстания Митридат назначил правителем Колхиды своего сына, носившего также имя Митридат. Однако отец, заподозрив сына в измене, как говорит Аппиан: «призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его….» [223, 283]. Похоже, после сына Митридата Колхидой правил некий Олтак (срав. с именем его современника, правителя Иберии – Артак). Именно при этом правителе Помпей, разбив войска Митридата в 65 году завладел Колхидой.

С Олтаком отождествляется некий начальник «скиф родом, по имени Олкаба», лавировавший между Лукуллой и Митридатом [223, 284], по Плутарху же, Олтак (он же Олкаба – В. К) – из

дандариев Меотиды. Плутарх говорит: «В войске Митридата был некий Олтак, властитель дандариев (дандарии – варварское племя из числа живущих по побережью Меотиды), отличавшийся на войне во всех случаях, где нужна сила и отвага, обладавший замечательным умом и, кроме того, приличный в обращении и услужливый. Постоянно споря с одним из соплеменных ему, он обещал оказать Митридату важную услугу – убить Лукулла….» [299, 281]. Согласно Аппиану, он же сообщил Митридату «о другом скифе, по имени Сободаке, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Сободак был схвачен». [223, 284].

Именно при этом Колхидском правителе Олтаке (он же Олкаба), Помпей, разбив войска Митридата и иберийцев, в 65 году до н. э. овладел Колхидой. Со своей армией Помпей вошел в Колхиду со стороны Иберии. Кассий Дион говорит, что Помпей («идя вдоль р. Фасиса») «прошёл (через земли) колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом». Так он достиг города Фасиса, где его встретил Публий Сервилий с эскадрой, охраняющей Понт [249, 299, 300]. Вскоре, как известно, состоялся победный триумф Помпея в Риме. В этой связи, как один из участников этого триумфа упоминается «скиптроносец (или «скептух») колхов Олтак» [249, 300]. Вместе с тем, в тот же год Помпей, вместо Олтака, правителем Колхиды поставил некого Аристарха, (65-47 г до н. э.), которого Европий именует «царём» [249, 301]. В его время в Колхиде, как и прежде, печатались монеты (колхидки), на этот раз – с надписью на греческом языке «Βασήλεωσ Αρισταρχοσ Κολχιδος», т. е. Аристарх базилевс (царь, правитель князь) Колхиды [15, 63]. После Аристарха, примерно с 47 г. до н. э., Колхида уже не представляла собой даже римской провинции.

На рубеже I в до н. э. – I в н. э. Колхида числилась в составе римских провинций Понта и находилась под властью понтийского царя Полеймона (I), а затем – его супруги Пифодариды.

По мнению Г. А. Меликишвили, падение местной государственной власти в Колхиде и установление здесь поверхностного господства Понта широко открыло дорогу в низменную часть Колхиды, в её прибрежную полосу окружающей стихие горцев, живших в условиях разлагавшегося родового строя. [345, 366].

Из данного заключения автора, на наш взгляд, бесспорно то, что некоторое передвижение причерноморских народов вдоль по-

бережья и образование здесь новых царств в период I в. до н. э. – I в. н. э. были вызваны сложившейся тогда политической ситуацией в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, о которой уже сказано выше.

Однако же, еще в начале I в. н. э., согласно Страбону, этническая ситуация в Колхиде, похоже, остается прежней. С северо-запада на восток Страбон называет уже известных гениохов, у которых «было четыре царя» [299, 211], которым подчинились скептухи и «…великий Питиунт, в триста шестьдесят стадиев, до Диоскуриады», далее, за гениохами, он помещает «керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтейрофагов, соанов (санов)» [18, 253]) и другие мелкие народы у Кавказа [299, 214]. За Диоскуриадой, как говорит Страбон, «…идёт остальное побережье Колхиды и смежный с ней Трапезунт» [299, 215]. Из названных здесь народов впервые упоминаются только *соаны* (саны?), что, как увидим ниже, не означает их отсутствия до этого в указанном регионе. Вместе с тем, с сожалением приходится говорить о том, что целый ряд важных сообщений Страбона находят разное понимание как у древних авторов, так и у современных исследователей. Это, прежде всего, касается локализации г. Диоскурии и сванов. Греко-римские авторы называли Диоскурию как один из древних городов Причерноморья и обозначали его также в качестве ориентира. Впервые Диоскурия упоминается в сообщении анонимного автора IV в. до н. э. Псеводо-Скилака Кариандского. В частности, он пишет: «За ними (абхазскими гелонами – *В. К.*) народ колхи и город Диоскуриада и Гиен, город эллинский, и Гиен-река, Херобий-река, Хорс-река, Харий-река, Фасис-река и Фасис, город эллинский и вверх по реке 180 стадий плавания до большого варварского города [Эя], откуда была Медея, здесь Рис-река: затем Исис-река, Разбойничья река, Апсар-река [295, 242].

Вслед за Скилаком о Диоскурии говорит историк III в. до н. э. Тимосфен Родосский. Он утверждает, что «…там (в Диоскурии – *В. К.*) собиралось до 300 народов, говоривших на разных языках» [18, 274].

Во II веке н. э. Харакс Пергамский рассказывает о том, что один из кораблей аргонавтов, на котором находились возницы Диоскуров тиндаридов, сбился с пути: «они дали имя гениохам и тиндаритам и *стране Диоскурис* которая лежит в крайнем углу Понта…

Там же лежит страна тиндаридов» [18, 279, 280]. Современник же Харакса – Никонор Александрийский пишет: «…город Диоскурия у Понта: он называется также Севастополем, прежде же назывался Айа. Жителей его называются диоскурийцами» [420, 213]. Об этом же говорит и Геродиан (II-III в. н. э.): «Севастополь остров в Понте: он же Диоскуриада и раньше Эя» [304, 250, 251]. Их повторяет автор VI в. н. э. Стефан Византийский [61, 189]. Однако данные Страбона и Плиния противоречат этим сообщениям в части соответствия «абхазских» городов Диоскурия и Севостополь. По Страбону Диоскурия отстоит от Питиунта на 360 стадий, что указывает примерно на Скурчу, расположенную на морском берегу вблизи левобережья р. Кодор. Плиний же говорит о Диоскурии и Севостополе, как о разных городах. Он, довольно точно помещая Севастополь на месте современного г. Сухум, Диоскурию (уже не существующий в его время город) отодвигает от него на юго-восток на расстояние 30 миль [61, 172], что примерно соответствует морскому берегу между с. Кындых (Киндги) и р. Мыку (Моква). Он здесь помещает Диоскурию на р. Антемунта (?) и говорит, что это уже было пустынной территорией [351, 179].

Вместе с тем, по рассказу Страбона, по-видимому, что были известны ему две Диоскурии: одна – на левобережье р. Кодор на расстоянии 360 стадий от Питиунта, другая же – в районе правобережья Фасиса на реке *Харес*. Он пишет: «Возле Диоскуриады течет р. Харес» [299, 217]. Данная река у правобережья Фасиса известна многим древним авторам: *Харии* [295, 242] или *Ариос* [61, 160] – Псевдо Скилак; *Харес* [299, 217] – Страбон; *Хариент* [351, 179] или *Хариен* [61, 171] – Плиний; *Хариуста* [304, 251] – Птоломей; *Хариент* [223, 269] – Арриан: и др. Река эта отождествляется акад. С. Джанашия с р. Циви – правым, ближайшим к устью притоком Фасиса [419, 273]. На наш же взгляд, такой рекой может быть и ближайшая к Циви, р. Техури или же правый рукав Фасиса.Такого же мнения и историк Г. Д. Гунба [322, 86, 88].

Древние авторы почти в один голос утверждают, что аргонавты прибыли именно к устью Фасиса, в мифическую столицу Колхиды *Айя*. Последний всеми исследователями отождествляется с г. *Археополис* «Древний город» византийских источников, соответствующий *Цихе Годжи* грузинских источников и современному *Накалакеви (Нокалакеви)* в 17 км. к северо-востоку от г. Сенаки, у

левобережья верховья р. Техури [249, 231, 343; 295, 242], а иногда также и с г. Кутаиси [61, 160, 518]. Вместе с тем следует отметить, что во времена Страбона уже давно не было города под названием *Айя*. Страбон говорит лишь о том, что «…и до сих пор еще указывают город «Айю» у реки Фасиса и все верят, что царь *Айэт* царствовал в Колхиде, где имя это до сих пор в употреблении» [420, 56]. В то же время, в этом же регионе, у р. *Харес* Страбон помещает вторую *Диоскурию*, отождествляемую древними авторами с *Айя*. Имея в виду именно этот город, Страбон говорит: «К числу собирающихся в Диоскуриаду, принадлежат и фтейрофаги [вшеедыі], получившие такое имя от своей нечистоплотности и грязи. Недалеко живут и соаны, нисколько не лучше их в отношении чистоплотности, но превосходящие силой, пожалуй, даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, хотя бы и не было в строю. Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур» [299, 217].

В данном тексте важно не только упоминание Диоскурии, расположенной у р. *Харес*, но и *соанов,* господствовших над этим городом. Локализация страбоновских сванов уточняется следующими сообщениями Плиния: «Эя в 15000 шагов от моря на том месте, где в Фасид с разных сторон впадают большие реки Ипп и Кианей…. Затем другая река Хариент (Харис – В. К), народ салти, у древних называвшиеся вшеедами, и другой народ – санны; через область сванов с Кавказа течет река Хоб. Далее – Роан, область Кегритика» [351, 179]. В другом месте он пишет: «От Кавказских ворот (Дарьяльский проход – *В. К.*) в Гурдинских горах живут валлы и сваны (ошибочно – свавы [352, 194], племена незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество иниохийских и потом ахейских племен» [351, 182]. Как мы видим, сваны проживали высоко в горах именно над Фасианской Колхидой. Территория же, лежащая между ними и морским берегом, была занята «множеством иниохийских и потом ахейских племен». Не учитывая эти важные сведения, ряд исследователей (И. Орбели, Г. Миликишвили

и др.), опираясь лишь на сообщения древних авторов о том, что г. Диоскурия основан на земле гениохов и на слова Страбона «соаны господствуют над Диоскуриадой» утверждают, что гениохи – это сваны. Отсюда и соответствующий вывод – всю Северную Колхиду, в том числе и современную Западную Абхазию до Сочи в древности занимали сваны, что, якобы, это подтверждается и топонимикой названной территории. В действительности, как свидетельствуют древние источники, а также и местная топонимия [421; 93; 94], сваны никогда не имели прямого отношения к указанному региону Причерноморья и, тем более, к гениохам [18, 14, 35-52; 20,134-137; 24, 184, 188 и др.].

Согласно Плинию, в начале I в. н. э. приморскую часть Колхиды, заключенную между р. Фасис и крепостью Севастополем, занимал, впервые упоминаемый автором, народ *апсилы*, за ними помещаются *санники* и далее «племена *иниохов*, различающиеся многими названиями» [351, 179]. В тоже время за апсилами в южной, приморской части Колхиды, в междуречье рр. Апсар и Фасис уже проживали ранее не известные здесь гениохи и лазы. Плиний конкретно указывает места их обитания: «В 140000 ш. от Трапезунта река Абсар с соименною крепостью при устье. В этой местности за горами лежит Иверия, а по берегу живут иниохи, ампревты, лазы, текут реки Акомпсеон, Исид, Могр, Глубокая, потом племена колхов, город Матий, река Ираклий с мысом того же имени и славнейшая из Понтийских рек – Фасид» [351, 178].

Из этого сообщения Плиния следует, что в I в. н. э. современная река Чорох всё ещё именуется Абсар (Апсар) и слева, при устье реки,существует соименная с нею крепость. Выясняется также, что по берегу моря, на бывшей территории колхов-апсаров между реками Апсар (Чорох) и Кинтриш или Супсой (Могр), проживали *гениохи*, *ампревты* и *лазы*. Колхи же упоминаются отдельно от них и помещаются рядом с ними в пределах, примерно, между р. Могром (Супсой) и Фасисом (Риони), что соответствует, в основном, современной территории Гурии. Данное обстоятельство указывает на то, что коренные *колхи,* они же *апсары*, *фасианы*, *апсилы*, *егри* (об этом см. выше) были оттеснены к берегам Фасиса и далее на север. Возможно, это явилось результатом подавления их антимитридатского восстания в 83 г. до н. э. Освобождённая от колхов территория, примерно соот-

ветствующая пределам современной Аджарии, заселяется уже названными *гениохами*, *ампревтами* (они же амфитаи [61, 171]) и *лазами*.

§3. Царство махелонов и гениохов

В конце первого тысячелетия до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье, в среде традиционно проживавших здесь этнических сообществ появляются новые поселенцы *гениохи* или *санны гениохи*. Вэтом районе впервые их находит Плиний Секунд (I в. н. э.). В частности он пишет: «…За ним (т. е. г. Трапезунтом – *В. К.*) живут племя арменохаливов и лежит Великая Армения на расстоянии 30000 шагов. Не доходя Трапезунта по берегу река Пиксит, а за ним племя Саннов Иниохов» [351, 178]. В месте с тем, о *саннах – иниохах* умалчивают Страбон (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.) и Помпоний Мела (15–60 г. н. э.). Похоже, что при описании народов Юго-Восточного и Восточного Причерноморья указанные авторы пользовались, в отличии от Плиния, данными своих предшественников.

Согласно Плинию *иниохи (гениохи)* проживали также на побережье Черного моря в районе впадения в него р. Абсар (Чорох) и далее, основной своей массой («множество иниохийских племен»), – за рекой Фазис [351, 178, 182]. Спустя чуть более 50 лет после Плиния, древнегреческий историк, известный римский чиновник, правитель Каппадокии – Флавий Арриан говорит о *Царстве махелонов и гениохов*,располагавшемся в Юго-Восточном Причерноморье [223, 270]. Представляет значительный интерес также и другие сведения автора, касающиеся населения этого региона. Так, Флавий Арриан, проплывая в 131(?) году вдоль Юго-Восточного и Восточного берегов Черного моря, отмечает: «…с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это – санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укреплённых местечках: народ этот не имеет царей и с давнего времени обязаны платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут

аккуратно, или мы выгоним их из страны. Рядом с ним живут *макроны* (в рукописи *махелоны – В. К.*) и *гениохи*: у них царь *Анхиал*. С махелонами и гениохами граничат *зидриты*, они подвластны Фарсману» [223, 270].

Из вышеприведенных важных и взаимодополняющих сообщений Плиния Секунда (I в. н. э.) и Флавия Арриана (первая половина II в. н. э.) следует, чток I в. н. э. в Юго-Восточном Причерноморье появляется сообщество *санновгениохов* и созданное ими *Царствомахелонов* и *гениохов*.

Совместное употребление Плинием этнонимов «санны гениохи», похоже не указывает на два народа – санов и гениохов, а обозначает, как это было отмечено Кисслингом, саннов из рода гениохов, т. е. гениохское племя саннов [350, 269] в отличие местных саннов (чанов, занов). Судя по Арриану, этноним *санны* или *санники* во II в. н. э. уже покрывает издавна известный на Восточном Причерноморье этноним *гениохи*.

Этнополитические изменения, произошедшие в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье в самом конце I тыс. до н. э. и в начале I в. н. э., как уже отмечено, представляются, прежде всего, результатом понтийско-римских войн.

В этом противостоянии на стороне понтийского царя Митридата VI Эвпатора оказалось подавляющее большинство этнических сообществ Юго-Восточного, Восточного и Северного Причерноморья. Одним из наиболее могущественных народов этого региона являлись гениохи (о них см. гл. VII). Похоже, что Митридат, с целью упрочения своего положения в Юго-Восточном Причерноморье, переселил сюда часть преданных ему воинственных гениохов из Восточного Причерноморья (терр. современной Абхазии). Несомненно, гениохи принимали активное участие в военных действиях в составе войск Митридата против Рима, о чем свидетельствуют слова римского полководца Гнея Помпея:

«…Меня узнал покорённый араб, узнали воинственные иниохи и известные похищением руна колхи» [351, 147].

Также не случайно, что после своего поражения Митридат, убегая от преследования Помпея, на пути в Северное Причерноморье зимовал в 66 г. до. н. э. в Диоскуриаде, в окружении гениохов [18, 271; 351, 118] и далее мирно проходил через всю исконную их территорию, разделенную, согласно Страбану, на

четыре царства [299, 214]. Поэтому, врядли отэтих «абхазских» гениохов отделимы южные гениохи. Последние, вопреки мнению Г. А. Меликишвили [249, 227], не могут иметь отношение к потомкам иганиехов побережья Чалдырского озера, упоминаемых в урартских источниках VIII в. до. н. э., которые, якобы, являлись заподногрузинским племенем и создателями Царства махелонов и гениохов [235, 114, 213, 240]. Вызывает немало вопросов и этноним *махелоны*, присутствующий в названии царства – «Царство махелонов и гениохов». Ряд исследователей рассматривают его в качестве варианта названия «макроны», носители которого, согласно Ксенофонту и другим последующим авторам, издавна проживали в горах Юго-Восточного Причерноморья юго-западнее Трапезунта, рядомс тиборенами. Народ с именем «макроны» (махороны) здесь, в последний раз, находит автор I в. н. э. Плиний, в частности, он пишет: «[За рекой Фермодонта живут] племена кепов, халивов (халибов – В.К), лежит город Котиор, далее тиварины (тибарены – *В. К*), массины с татуированными телами, племя длинноголовых, город Керасунт, порт Кордула, племена бехиры, буксеры, река Черная, племена *махоронов* и *сидонов,* река Сидень, омывающая город Полемоний в 120000 шагов от Амиса» [351, 178]. Как видно, вышеочерченная территория проживания макронов в значительной степени отделена от территории Царства махелонов и гениохов, которое охватывало морское побережье в районе совр. Ризы и Атины [249, 331]. Вместе с тем, похоже, что в рассматриваемый период этноним «макроны» уже приходит в забвение. Поэтому Страбон, Помпоний Мела и Флавий Арриан не знают современных им макронов. Страбон гооарит лишь о том, что санны (чаны) прежде именовались макронами [18, 265], а римский чиновник Арриан утверждает, что санны – бывшие дрилы. Всё это, как представляется, ставит под сомнение тождество арриановских махелонов и бывших мокронов.

Махелоны также отождествляются и с гелонами [350, 270–271].

На наш взгляд, при определении этнического лица махелонов, прежде всего, следует исходить из того, что махелоны и гениохи представляли в Юго- Восточном Причерноморье одно общее царство, что предполагает их этническую близость. Чуть позже они сливаются и выступают под именем *«гениохи».* Поэтому, уже во времена правления Марка Аврелия (во второй половине II в. н. э.)

упоминаются только гениохи и рассказывается о царе гениохов, ставшем жертвой преследования армянского сатрапа Тиридата [350, 270].

Следует также учесть, что интересующий нас этноним *махелон* представляет греческую форму, состоит он из этнонимной основы *махел* и греческого окончания *он* (срав. Псар > Псар-он, дараан >дараан-он, макр> макр-он и т. д.). На наш взгляд, указанная этнонимная основа *махел*встяженной форме сохраняется в имени известного абхазского, привилегированного в прошлом, сообщества *Мхелов // Мхилов // Мкелов* (ныне пишутся: абхаз. *Мкьалба // Мкьелба*, на русск. *Мкелба,* у грузин *Микел(а)дзе*, букв. «Мкелов»). С ними связаны названия ряда исторических сёл в Абхазии: с. *Амхел (Амхиал),* вблиз г. Сухум (в Гулрипшском р-не) [8, 422; 418, 30, 39]; *Мхил-рыпш // Мкел-рыпш* – село у левобережья р. Псоу (Гагрский р-н) – букв. «Край Мхиалов (Мкелов)» [93, 186]; *Мкел-рхуа* – поселок и гора в селе Хуап, а также гора в селе Гарп (Гудаутский р-н) – букв. «Плато Мкелов» [93, 271, 277]. Существуют также и такие топонимы, как: *Мкиалаа рыдгьыл* – букв. «Земля Мкиалов», *Мкиалаа рдзих* (Мқьалаа рӡыхь), букв. «Родник Мкиалов» – в селе Аацы (Гудаутский р-н) [93, 220, 321], *Мхиалитуарта (Мхьал итәартҵа*) -в селе Анхуа, букв. «Стоянка Мхиала» (Гудаутский р-н) [93, 228], *Мхиал-пха лыпста* (*Мхьал-пҳа лыпстҵа),* букв. «Ущелье (женщины) из рода Мхиал» (в горах Сухумского р-на – гора *Акуадыр зку*) [93, 160]. Как видно, все перечисленные топонимы, связанные с *мхелами // мкелами,* локализуются строго в предгорной зоне исторической родины гениохов, что даёт дополнительное основание видеть в царстве махелонов и гениохов два гениохских клана:*саннов гениохов и махелоновгениохов*.

С этнонимной основой *махьел>мхел>мхиал,* похоже, увязывается упоминаемое Аррианом имя царя махелонов и гениохов *Анхиал,* возможно идентичное с уже названным абхазским этнотопонимом *Амхел // Амхиал*.

В связи с гениохами обращает на себя внимание и этноним *анчил*. Как отмечает Кисслинг, от малоазийских гениохов находилось в зависимости некое сообщество *анчилы* [Anchialos], которое также имело своего царя [350, 270]. По своему окончанию «ил», данный этноним роднится с такими названиями народов, как: *дрил* –из этнонимной основы *дир // дыр,* отчего название реки

Дир+апс, букв. «Река диров»; *шашил* – из основы *шаш ; апсил* – из *апса,апсар* «абхазы» и т. д. (см. выше). Исходя из этого, в названии *анчил* выделяется этнонимная основа *анч,* сохраняющаяся в качестве родового имени древнеабхазских князей – родоначальников династии абхазских царей *Ач(ы)*, во мн. ч. *Ачаа,*они же *Анч(ы) – Анчаа,* букв. «Ачовы» / «Анчовы», отсюда абхазская фамилия в форме ед. ч. *Ачба / Анчба,* букв. «Ачов» / «Анчов», у абазин и адыгов *Анчок / Анчокуа*, т. е. «Анчов» [425, 263; 204, 123], у грузин в средневековье – от абхазского *Анчпа – Анчпадзе / Анчипидзе / Анчибадзе*, совр. *Анчабадзе*, букв. «Анчапов» / Анчабов» [366, 320].

Форма же *анч-ил,* как нам представляется, восходит к *хеттскому* обозначению древнего сообщества *Ачов* или *Анчов,* на что указывает окончание «*ил*», соответствующее хеттскому суффиксу происхождения [24, 220] (см. также гл. VI, VII). Вместе с тем, похоже, что имени *анчил* в греческом соответствует форма *анхил,* практически идентичная с *Анхиал* – именем царя махелонов и гениохов.

Согласно Арриану, дворец Анхиала находился у реки Пританис – она же *Порданис* (совр. р. Фуртуна) [223, 267]. Последняя форма, т. е. *Порданис,* выше нами сопоставляется с именем известного абхазо-убыхского сообщества *Вардан*. Гидроним «Порданис» упоминается и в качестве имени царя. Кисслинг говорит, что Арриан в заметках путешественника также сообщает об общем царе махелонов и генеохов *Портанис* или *Порданис* [350, 272].

Наконец, в связи с *махелонами*, представляет значительный интерес одна из пояснительных надписей шаханшахов Ирана о том, что страна *Махелония*, она же *Сикана* [442, 47–59]. Последняя, похоже, из этнонима *зиги*, срав. топонимы этого же региона *– Зигана, Зигополь*.

Выше (см. гл. VII) мы пришли к выводу, что во второй половине I тыс. до. н. э., как и ранее, Юго-Восточное Причерноморье, в том числе его горные области, занимали в основном абхазо-адыгские и чанские племена, о чём свидетельствуют этнонимия и топонимия данной территории указанного периода.

Среди абхазо-адыгских сообществ выделялись *апсы, (апсары),* известные как *колхи* и, похоже родственное им племя *хоу* – имя которого переведено на греческий язык, как *макрокефалы*

«длинноголовые» – из абхазского х+оу, букв. «длинноголовый». Представляется, что с апсарами находились в родстве *безиры* и *зидриты*. Здесь же были представлены воинственные убыхские сообщества *таохи, пёхи,* и, по-видимому, абхазо-убыхский клан *Вардан* (абхаз. Ԥардан).

Как выше было сказано, в трудные времена эти этнические сообщества не раз подпитывались сородичами с Восточного и Северо-Западного Причерноморья.

В конце I тыс. до. н. э. для населения Юго-Восточного и Восточного Причерноморья складывается очередная тревожная ситуация, связанная, на этот раз, с усилением Армении, образованием Понтийского царства и противостоянием Понта и Рима. Именно в этот период здесь появляются представители отдельных кланов этнических сообществ Северо-Западного Причерноморья, в частности, *саннов, гениохов, махиалов (*махелонов*), анчилов, варданав, лазов (лауазов)* и других. Как уже сказано, с II-I в. до н. э. этому намеренно способствовал [350, 265] и понтийский царь Митридат VI Евпатор [350, 265]. Переселенцы объединяют под своё начало родственные им местные этнические сообщества в отдельные царства. По этому поводу Г. А. Меликишвили пишет: «…почти на всём протяжении прибрежной полосы Юго-Восточеого и Восточного Причерноморья появляются новые племена, проникшие сюда частично из северных горных областей Колхиды и Северного Кавказа, частично же из горных облостей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго- Восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Слившись с древним земледельческим населением прибрежной полосы, весьма близко стоявшим в ряде случаев этнически к ним, они становятся во главе новых крупных политических образований: «царства» махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов и санигов» [235, 366].

Из сообщения Арриана известно, что новые причерноморские царства, за исключением Царства махелонов и гениохов, в начале II в. н. э. уже были подчинены римлянам. Вместе стем, Арриан умалчивает об отношениях Царства махелонов и гениохов с Римом и другими государствами, что, похоже, указывает на независимое существование этого царства.

Во второй половине II в. н. э. это царство именуется уже гениохским, а гениохский царь, как уже сказано, погибает в сражении с армией армянского царя Тиридата II. Дальнейшая судьба Царства гениохов и гениохских кланов Юго-Восточного Причерноморья неизвестно. По мнению Кисслинга, гениохи двинулись от реки [Furtuna] (т. е. Порданис), по крайней мере в пятом веке, дальше на восток до реки Архабис [Archabis] (т. е. [Archawe]) [350, 272]. На наш же взгляд, они в основном уже являлись частью населения царства лазов.

§4. Абхазо-абазинские ладзы (лоадзы) и Лазское царство

Лазы, как уже отмечено, впервые упоминаются в I в. н. э. Плинием у правобережья р. Апсар (совр. р. Чорох).

В тридцатые годы II в. н. э. римский чиновник Арриан, проплывая вдоль Черноморского побережья, уже говорит о царстве лазов. В частности он пишет: «С макрономи и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарсману. Рядом с зидритами – лазы; царём у лазов Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы… От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклова мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики; отсюда сто пятьдесят стадиев до Старой Ахеи…» [223, 270, 271–272].

Этническая принадлежность и первородина неизвестных до I в. н. э. в Колхиде *лазов* Плиния до сих пор всё ещё остаются спорными. По этому поводу существуют различные теории – отсюда и различное понимание древней истории причерноморских народов. По мнению Г. А. Меликишвили, *лазы* являлись чанским племенем, их предки проживали в древности (в IX–VIII вв. до н. э.) в урартской области *Луша*, отсюда, якобы, и этноним «*лазы*». Далее он говорит, что племена Луша, продвинувшись к Черноморскому побережью Колхиды, явились этнической основой будущих *лазов*. Затем, под натиском этих лазов, древнее население центральной Колхиды – *эгры* были оттеснены во внутренные области Западной Грузии. Далее происходит слияние *лазов* с почти однородными с ними «*эграми*» (мегрелами) – «древнейшим» населением

центральной Колхиды [345, 366, 374; 24, 199]. В другом месте Г. Меликишвили уже пишет о том, что *лазы* являются древнейшими обитателями Западной Грузии, прямыми потомками колхов, принадлежащими к мегрело-чанской ветви грузинских племён [300, 66-69, 210, 212, 374].

Ряд других исследователей, в основном грузинских (С. Каухчишвили, П. Ингороква, М. Инадзе, М. Кисслинг и др.), а также и некоторые путешественники (А. Ламберти и др.), исходя лишь из соответствия территории Мингрелии в основном с территорией исторической Лазики, а последней, – с пределами Колхиды, мегрелов же отождествляют с *лазами*, *эграми* и *колхами*. Они же, на основании сообщения Арриана (II в. н. э.) о «Старой Лазике» (совр. Нечепсухо), считают лазов выходцами из Северного Причерноморья. Более того, они же, представляя лазов как чанское племя, уже без всяких оснований, все этнические сообщества, помещаемые древними авторами на Черноморском берегу от Синопа до Крыма, обьявляют картвельскими. Несостоятельность данной версии очевидна, что и отмечено многими исследователями.

Существует также мнение о том, что *лазы* родом из *абхазо-колхов*. Впервые к такому заключению приходит Д. Гулиа. Он, пишет « …абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи … Колхи, которые позже именовались и гениохами, являлись оборигенами восточного берега Черного моря. Наконец, один народ из этого племени, т. е. колхов, лазы, с помощью греков получают первенство на восточном берегу черного моря и страна Колхида начинает называться Лазикой, – затем это господства переходит к абас-гам (абхазам) и страна, бывшая Колхида, в последствии – Лазика, начинает называться Абхазией, а позднее … – Имеретией» [18, 9, 51].

Абхазский историк Р. А. Хонелия указывает на собирательный смысл этнонима «лаз» [596, 10].

В действительности, откуда родом *лазы,* какая из вышеназванных версий ближе к истине? Прежде чем начать рассуждение на эту тему, необходимо, на наш взляд, подчеркнуть;

1) несостоятельность отождествления Г. Меликишвили далеко несозвучных и состоящих из разных основ названий *лаз* и *Луша*;

2) чанские (мегрело-чанские) племена, отсутствовавшие на протяжение всего I го тыс. до н. э. на Восточном Причерноморье,

не могут быть потомками колхов (об этом см. выше), и, тем более, и других этнических сообществ Северо-Западного Кавказа;

3) упоминание Аррианом лазов на юге, наряду с названием территории «Старая Лазика» на Северо-западном Причерноморье, занятой издревле абхазо-адыгскими этническими сообществами, никак не указывает на чанское происхождения лазов, а наоборот, похоже – их увязывает с абхазо-адыгами.

В связи с пунктом «*Старая Лазика*» и этнонимом *лазы* Ш. Инал-ипа пишет: «…кроме пункта «Старая Лазика», локализуемого северо-западнее современной Абхазии, обращают на себя внимание и некоторые факты антропонимии того периода. Так, в то время, как термин «лаз» чужд для восточно-грузинской среды (в грузинских источниках Лазика носит название Эгриси), в Абхазии этот этноним (абхаз. *алаз, алазқәа*) имел, как видно, широкое распространение; известен он и в качестве мужского личного имени (*Лаз*) и одной бзыбской крестьянской фомилии *(Лазба)*. Среди тех же северо-западных абхазов встречается по сей день и фамильное имя *Губаз*. Такое имя, как известно, носили лазские цари, среди которых известны и другие имена подобного облика: *Замназ, Дамназ* (срав. с абхаз. именами *Шьабаз, Чамаз, Сасангаз* и мн. др.). В этих абхазских именах «з» является специфическим свистяще-щипящим звуком, сохранившимся только в бзыбском диалекте, который не встречается в звуковом составе заимствованных слов. Следовательно, *Губаз,* как и другие фамильные названия с подобным же оформлением (*Чуаз, Чалмаз, Тхуаз* и пр.), являются местным абхазским антропонимом, а не заимствованным из какой-либо другой языковой среды… При этом важно, что этноним *лаз* является не только названием, но и самоназванием *лазов* [365, 324, 325].

На наш взгляд, проблема происхождения лазов гораздо проще, чем до сих пор эта представляется.

Прежде всего, мы, как и уже названные авторы, исходим из поистине ключевого сообщения Арриана о местности «Старая Лазика», отождествляемой с поселением у р. Нечепсухо, где, по мнению некоторых авторов, располагался и античный город Никопсия [96, 162]. В этом районе Черноморского побережья, южнее р. Нечепсухо существует издавна известное поселение и река под названием *Лоо // Лоу*, восходящие к этнониму *Лау* – родовому

имени ветви древнего абхазо-абазинского многочисленного и влиятельного княжеского рода – абхаз. *Ачы* (совр, Ачба), абаз. *Ашы* (Ашба, Ашев). Они же считаются родоначальниками династии абхазских царей [146, 250, 251; 96, 140]. С их родовым именем связаны и название местности и крупной реки *Аше* к югу от Туапсе [96, 73].

Согласно средневековым источникам, на Северо-Западном Причерноморье наибольшим влиянием пользовались абхазо-абазинские сообщества *Аше*, *Шашеи Лау*. Последние, т. е *Лау*, ещё в период Абхазского царства, как пишет арабский ученый ал-Идриси, являлись князями Матрахи (Тмутаракань), расположенной на Таманском полуострове [49, 152].

Похоже, что с Лоуами связано и название одной из столиц Абхазского княжества – *Лыхны*, в прошлом фиксирующееся в источниках и как Лоухин – похоже, из абхазского *Лоу+хан* «Дворец Лоуовых» [94, 205, 206].

Родовое имя *Лоу // Лау* имеет следующие формы множественного числа: в абхаз. *Лау-аа* или *Лауар* (срав. апсуа – апсар «абхазы»), у абаз. *Лау-раа* [42, 114] или *Лоуа-дз*, у садзов – *Ладз(Лаʒ*).

Все эти формы встречаются и в различных источниках. Представляет значительный интерес, что абазинские общества, некогда проживавшие на Черноморском берегу Северо-Западного Кавказа и далее на север, в конце XVIII века фиксируются под общим именем *лоадза* над территорией современной Абхазии в бассейне верховья р. Кубань [422, К-13; 39, 40-К-6]. Ш. Д. Иналипа также называет в качестве одного из абхазских родо-племенных названий *Лоу, Лоуаа – Лоуадз (Лоуаʒ)* [73, 94, 95].

Это же имя родового сообщества,в форме *Лауаз,* отмечено как название поселения вблизи Гагры на картах П. Весконте (1318 г.) и Г. Солери (1385 г.) [61, 830]. Садзская форма множ. ч. имени *Лау – Ладз (Лаʒ*) – усеченное как *Лдз (Лʒ), Лыдз (Лыʒ)* сохраняется в названии известного крупного села у г. Пицунда *–Лдзаа (Лʒаа)*, фиксирующегося и как *Лыдзаа* – из абхаз. *Ладз-аа,* букв. «Ладзовы», т. е « Лоуовы». О селе *Лдзаа* (абхаз. *Лʒаа)* и жившем в нем благородном и бывалом роде *(Лаʒ) (из Лаудз) или Лыдза* (абхаз. Лыʒ-аа букв. «Лыдзовы») упоминается и в абхазском Нартском эпосе [424, 71–72]. С ними также связано название известного Пицундского храма (X в.) *Лдзаа-ных* (Лʒаа-ных), букв. «Святыня

(села) Лдзаа (Ладзаа)», возможно и «Святыня Ладзов», т. е. «Святыня Лауовых» [94, 204, 205]. Наконец, как справедливо отмечено Ш. Инал-ипа, этнонимная форма *лаз* издавна бытует у абхазов и в качестве личного имени *–Лаз,* а также и фамильной основы *Лаз-ба,* срав. груз. *Лаз-и-швили,* букв. «Лазов».

Таким образом, представляется довольно очевидным тождество имени известного абхазо-абазинского (садзского) общества *лаз* (абхаз. *лауаз // лаз // лыз)* и имени народа *лаз(ы),* упоминаемого впервые Плинием (I в. н. э.) у правобережья р. Апсар (сов. Чорох). И это тождество лишний раз подтверждается также названием данной территории *Лоар*, указанной на карте Фредуче (1497г.), [423, 14], что, как уже сказано, представляет абхазскую форму множ. ч. имени древнего абхазо-абазинского могучего сообщества *Лау*.

Первоначальная родина *лазов* (т. е. лауов) – *Старая Лазика-* находилась на территории Ахеи. Старая же Ахея, по данным Артемидора, занимала часть Черноморского побережья на протяжении 550 стадий, примерно между современными Сочи и Туапсе. В этой связи Кисслинг пишет: «… Название [лазы – *В. К.*] не может быть отделено от этноса ахейцев, так как город [Lazos- *В. К.*] в какое-то время был основан и заселён людьми этого племени, и даже был столицей ахайев» [350, 261].

Согласно Аппиану,ахейцы и гениохи являлись надежными союзниками Митридата VI. Поэтому, нужно полагать, что не без поддержки Митридата в его время ахейцы продвинулись на северо-запад и заняли часть территории ненавистных им керкетов в районе населенных пунктов совр. *Буланная* или соседнем *Губа* [350, 263]. В то же время часть ахейских *лазов* (*лауов)* и часть гениохов оказываются на бывшей территории восставших против Митридата колхов, т. е. в пределах современной Аджарии. Во время Плиния с ними с запада граничили *колхи*, которых вскоре уже Арриан именует *апсилами*. К северу от Фасиды над апсилами проживали *санны* и *салты*, а верховьях рек Хоб и Рион – *сваны* [351, 179]. Вскоре в приморском районе Колхиды происходит быстротечная, безболезненная консалидация *саннов,колхов* (они же апсилы, апсары, егры), *лазов* и *гениохов*, что, прежде всего, указывает на их этническое родство, о чем говорит и Г. Меликишвили [235, 366]. В начале II в. н. э. вышеназванные этнические сообще-

ства под эгидой абхазских (абазских) лазов (они же – *лауар* и *лау*) создают этнополитическое объединение, получившее название «Лазское царство» [249, 335]. Затем, по имени этого царства, всё его население, в том числе и чанское, начинают именовать лазами, точно также, как в обширном Абхазском царстве всё его разнородное население именовалось абхазами (обезами, абазгами).

Однако, похоже, что объединившиеся этнические сообщества Колхиды, согласно Птолемею (не позже 168 г.), вначале назывались и *санноколхами* фиксирующееся ошибочно как *сваноколхи*. Это потдверждается сообщениями самого Птолемеия и других авторов. Так, Птолемей раздельно говорит о горских и приморских обществах. Вдоль Понта он помещает: ахеев, каркетов, гениохов, а за ними сванноколхов, т. е. санноколхов [304, 249]. Из этого сообщения видно, что санноколхи, в отличиеот сванов – горцев, находятся в приморской части Колхиды. В другом месте Птолемей сванноколхов, т. е. санноколхов, уже именует *лазами,* в частности, он пишет: «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие местности – манралы и народы, живущие в стране Экректике» [304, 251]. Как видим, и здесь вовсе не упоминаются сваны. Они, как уже сказано, довольно четко локализуются Страбоном и Плинием вдали от моря – в горах, в верховъях рек Хоб и Рион. К тому же, в составе Лазского царства они оказались лишь в конце IV в. [249, 339]. Поэтому под именем санноколхи или сванноколхи Птолемея следует видеть абхазо-абазинские сообщества – апсилов, санов, колхов, лазов, гениохов Плиния, которые известны Птолемею и под именем лазы.

Язык лазов и их царей, похоже, еще в первой половине IV века оставался непонятным для многих чанов, т. е. эгров (мегрелов), проживавших в северо-восточных районах Лазики. По мнению историка Г. Гумба, свидетельством этому может быть древне-армянский источник, повествующий о прибытии в Лазику в первой половине IV века Агатангелоса – секретаря армянского царя Трдата III (287–330). Согласно этому рукописному источнику, *эгр*, сопровождавший в качестве переводчика Агатангелоса, не смог понять (перевести) речь эгрского, (т. е. лазского) царя [463].

В этой связи представляют значительный интерес слова известного кавказоведа С. Хотко о том, что «лазская верхушка вела свое происхождение от зихских (керкетских) аристократов, и это

обстоятельство обеспечило Лазике надежных союзников в лице зихов» [480, 70]. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, английский путешественник и ученый Э. Спенсер, побывавший в Абхазии в первой половине XIX века, называя абхазов черкесами, писал: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском (читай: абхазском – Ш. И.) диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с … черкесами ….Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами …которые охарактеризовали знать Мегрелии … как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий…» [483, 317–318; 365, 571].

Нужно полагать, часть лазов (т. е. лауов), переселившихся из района Старая Лазика в Колхиду, состояла из отдельных родовых обществ. Судя же по царскому имени *Губаз,* цари избирались из *лауов* рода *Губаа* или *Губаз,* т. е. «Губовы» (срав. *Лау> Лаз* и *Губаа> Губаз*). С последними, похоже, связано поселение *Губаа*, находившееся примерно в 50 км. к западу Туапсе [350, 263], и название верховья р. Мзымта – *Губаа,* где ныне известная местность «Красная поляна», называемая абхазами *Губаады (Губаадәы),* букв. «Губааское поле (равнина)», т. е. «поле или равнина (области) Губаа» [340, 17]. Акад. Н. Я. Марр также видел в имени *Губаз* (в грузинской летописи – *Губадзе*) абхазское родовое имя *Губа* [12, 57]. По этому поводу Г. В. Цулая пишет: «С вычетом сомнительных этимологий, например *гу-ба* (сын сердца), думаю, что основная мысль Н. Я. Марра об исторической преемственности указанной абхазской фамилии заслуживает доверия. Перед нами – сохранившиеся в антропонимики современных абхазов отголоски той эпохи, когда Абхазия находилась в орбите Лазского царства, исторической преемнице которого она впоследствии и стала [513, 122].

Ш. Д. Инал-ипа также обращает внимание на схожесть имен лазских и абхазских царей и на происхождение царской родовой имени *Губаз*. В частности, он пишет: «Идентичность имен апсилийского и лазского правителей – *Опсит*, думается, должно явиться предметом отдельного специального рассмотрения в системе абхазо-лазской ономастики: *Лаз* (срав. старо-абхазские мужское и фамильное имена *Лаз, Лаз-ба), Маласс // Маласса, Губаз, Дамназ(Замназ), Цата (Цате), Опсит* и др.

Если же говорить о собственно лазской династии, то среди ее местных правителей наиболее известны несколько царей*: Губаз I (Цата, Цатий), Губаз II и Цата // Цате* – младший брат *Губаза*II, также возможно носивший второе (родовое?) имя *Губаз*. Происхождение, т. е. этническая принадлежность этой династии, все еще остается невыясненной, так же, как и происхождение этнонима «*лаз»* с одинаковым оформлением антропонима *Губаз*» [365, 522]. В этом контексте можно говорить и о других известных именах лазских царей, представляющих абхазо-адыгский языковой облик, как *Замнак-с, Барнук,* где, похоже, в окончание *к, ку (ҟу-а)* «сын».

Представляют значительный интерес и материалы топонимики. В Южной Колхиде, на границе Гурии и Аджарии, протекает р. *Губазеули,* впадающая слева в р. Супса ниже Чохатаури [К – 4]. Верховье реки *Губазеули* именуется *Ханис цкали,* букв. с груз. «Река Хана» или «Ханская река», где *хан* на тюрк. и абхаз. «правитель, хан», название же *Губазеули – букв*. «Губазская», «(река) Губаза (или Губазов)». На этническую принадлежность *Губазов,* и в целом *лазов* того периода, указывает, на наш взгляд, и нахождение вблизи «ханской реки» или «реки царского рода Губазов» территории под названием *Басил-ети,* букв. «Область Басилов». Этноним *басил*, как уже сказано, представляет собой одну из форм названия древне-абхазского сообщества *а-псил* (самоназвание *апса*, *апсар, апсуа),* известное и как *колхи*. Этот же этноним, озвонченно как *Базил,* сохраняется в названии района *Базил-ети // Базал-ети* «Область Базилов», расположенной справа от р. Чхери мела [308]. Вблизи Басилети и местность *Лаше* [308; 310], похоже, из абхазского *Лаша* «светлый», «светящийся». Выше говорили и о названии области – *Гурия*, увязывающемся с абхаз. *а-гура* «центр», «центральная часть чего-либо». Похоже, что и наименование главного города этой области -*Озургети* или *Озругети* [281, 54] восходит к абхазо-абазинскому *Уазркыт // Озркыт*или же к форме *Азыркыт*. В первом варианте, в препозиции, может быть имя древнего абхазо-абазинского сообщества – абхаз. *Уаз-аа*, «Уазовы» (пишутся *Уазба, Возба*), абаз. *Уаз, Оз,* во множ. числе – *Озраа* (пишутся Озов), срав. *Озраа* с названием *Озраха* урартских источников, а также *уазаа* с *аваза* или *абаза* древних авторов. С *уазами* связано и название известной древней

крепости в Абхазии *Уаз-абаа*, букв. «Крепость Уазов». Однако, в препозиции исторического *Озругети* можем иметь чанскую форму передачи шапсугского обозначения абхазов *аз* во множ. ч. – *азра* [428, 447; 429, 53]. Последнее, по-видимому, и является основой аджарского топонима*Азра-ти* «Место Азров» [281, 94]. Отсюда *Оз-р-кыт(а)* или *Аз-р-кыт(а),* букв. «*село* (поселение, район) *Уазов // Озов* или же *Азов*», где *Уаз // Оз* – родовое имя, или же *аз* – этноним в значении «абхазы», *р* – притяжательное местоимение 3-го лица множ. числа «*их*», *икыт-(а*) «селение район, область», срав. название абхазских (абазских) сел: *Ачааркыт(а)* «Село Ачбовых», *Бибаркыт* «Село Бибовых», *Ашвыркыт* «Село Ашуевых», *Ешкыт* «Село Ешбовых», *Абазакыт* «Село абазин» и т. д. Неслучайно, что вблизи *Озургети* и местность *Ацана,* соответствующее имени абхазо-садзского княжеского рода *Ацан-аа* или *Цан-аа* (пишутся Аканба), а также *Цанда-ури* «Цандовы» в районе Хихадзири [281, 103], срав. в Абхазии *Цанд-рыпш*, букв. «Край Цандов».

В этом же регионе в нескольких местах представлен этнотопоним *Абаша,* восходящий к фиксирующемуся в различных источниках этнониму *абасса* «абхазы» – отсюда *Абассия* или *Абаския* «Абхазия» [61 267, 268, 277, 298, 335; 423, 62, 63]. Вчастности, существует село *Абаша* между рр. Супса и Риони, выше города Чохатаури [308]; *Земо Абаша,* т. е. Верхняя Абаша – выше с. Абаша, восточнее Саджавахо [К-6]; р. *Абаша* – правый приток р. Риони; г.г. *Абаша* и *Старая Абаша* – слева от р. Абаша. В этом же регионе, в междуречье рек Циви и Техури, впадающих справа в Риони, расположены известный город *Сенаки* и местность *Старый Сенаки*. Вблизи их пределов ученые помещают *г. Айя* аргонавтики, *Археонополис* – «Древний город» византийских источников и *Цихе Годжа* грузинских источников [249, 343]. Само же название *«Сенаки*» представляется искажённой формой имени одной из ветвей абхазо-абазинского этноса– *санны* или *саники // саниги*. Именно в этом районе Плиний и помещает *саннов*. Следы саннов сохраняются и на территории Аджарии: *Саниагверди* «Сторона саннов» – в Горджомском р-не [281, 117]; *Саницкали* «Река Санов» – в р-не Кирнати [281, 135]; *Санигеле* «Речка санов» – в р-не Мериси [281, 62]; *Санихеви* «Ложбина санов» – в р-не Сирти [281, 59].

Есть основание полагать, что в начале I в. н. э. вместе с абхазо-абазинскими *лазами* (Лауазами) к своим Колхидским сородичам

переселились и другие кланы. Думается, на это указывает, например, название реки и местности *Бата (Бати-с),* упоминаемое Плинием в районе территории совр. города Батуми, что увязывается с названием деревни и гавани *Бата* Птолемея [304, 245]. Последние локализуются в районе Новорассийска вблизи вышеназванных поселений *Губа* и *Ахея* [350, 263; 304, 245]. От местности *Бата*, как известно, происходит и название города *Батуми*.

В названии *Бата* Пталомея, скорее всего, следует видеть, как и в топониме *Губа*, родовое имя (оно же и личное имя), фигурирующее в абхазском фольклоре в форме *А-бат-аа* или *Батаа,* носители которого являлись удельными князьями шапсугов. Похоже, что вместе с *Батами* переселилась в Южную Колхиду и подвластная им часть абхазо-шапсугской отрасли, именуемая у абхазов – *Куапал / Купал*, у шапсугов –*Кобла*, у абазин – *Кабул // Кобул* (пишутся *Кабулов* / Кобулов), которые, как уже сказано, своим названием напоминают *кабилухов* урартских источников. Свидетельством пребывания *кабулов* в районе локализации *лазов* Плиния является одно из названий этого региона – *Кобулети / Кабулети,* букв. на грузинском «Область Кобулов // Кабулов», срав. абаз. *Кабул*. Эта же этно-потронимная основа присутствует в таких топонимах Аджарии, как: *Кобле-би* «Коблы», в р-не Кеды [281, 37, 56]; *Кобуле-би* «Кобульцы», в р-не Бутураули [281, 99]; *Кобалаури* «Кобальские», в р-не Хуло и Горджоми [281, 109, 117, 118]; *Кобалети* «Область Кобалов», в р-не Кирнати [281, 138]; абхаз. *Кобалта,* букв. «Место Кобалов», в районах Дгвани и Шубани [281, 89, 93] и др. Из рода абхазских *Копалов // Куапалов* происходят фамилии – груз. (сван) *Копал-иани* и мегр. *Кобалия* (о более древних *копалах // кабулах –кабилухах* см. выше).

По-видимому, с абхазо-абазинскими лауазами (лазами) связаны появление в Гурии и Аджарии и названия рек с окончанием на *ԥсы, бзы* – представляющих собой абхазо-адыгский словообразовательный элемент со значением «вода», «река»: *Акампс-ис, Супса, Дуа-бз*, [426, 196, 8, 10; 393, 13, 14; 427, 274; 94, 44]. Здесь же и географические названия с окончанием на *ква,* что может соответствовать известному абхазо-абазинскому форманту *куа* (қуа) – показателю множественного числа [425, 292]. Названия с окончанием на *ква*, как правило, образованы от потронимных и этнонимных основ. Таковыми являются: *Чаква* (река и местность

в р-не г. Батуми) [305; 308] – от потронимной основы *Чаг* –>*Чаг+ква* (*Чаг+қуа*) «Чаговы»; дворянский род Чаква до махаджирства проживали в Абхазии в районе Гума – Сухум и в других местах [74, 232, 265]; с. *Ачы // Аҷи* на границе Гурии, а также *Ачква,* (груз. *Аҷ̌әа)* (местность слева от р. Дагва) [308]– возможно из абхазского родового (княжеского) имени *Ач – Ачба «Ачов»* (срав. абхаз. *Чач* – груз. *Ҷач, Ҷаҷасдзе*) и абхаз. окончание множ. ч. – *қәа* (куа) – отсюда *Ачкуа «Ачовы» «Ачовцы».* Не исключено также *Ачкуа* из этнонима *аҷ (ач),* абхаз. *Аҷоу* и *куа* – аффикса мн. ч. (срав. *агыруа – агырқуа* «мегрелы», *ақыртуа – ақыртқәа* грузины и т. д. В районе Ачква имеется река и местность *Ачгуай* [305], что, похоже, из абхазо-абазинской формы *Ачгуаиа* (*Ачгуафа),* букв. «Лощина Ачовых (или Аҷовых)»; *Бабоква // Бобоква-ти* (местность у левобережья р. Дагва, вблизи местности. Ачква) [308] –от имени абазинского княжеского рода *Бабыгу+ква* (*Бабыгу+қуа*), букв. «Бабыговы»; *Маква* (м-сть в верховье р. Чолок, вблизи Аихаури) [305] – возможно, из имени дворянского рода *Макь+ква (Макь+қуа*) «Макиовы» они же *Макьар*; *Малтаква // Молтаква* (м-сть и река, впадающая в Черное море, вблизи озера Палеостоми) [308]) – из потронимной основы *Малта* или *Балта* [74, 95]; *Даркова // Даркв(а)-ети* (у р. Квирила, ниже Сачхере) [К-4]) – из патронимной основы*Дар,* срав. село в Абхазии *Дрыпш (Дурипш)* – из абхаз. *Дар+рыпш (Дәарыҧшь)* «Край Даров» и *Дары+ква* – одно из шести обществ абазин – Тапан-та [425, 291]; *Знаква* (в верховье р. Риони, выше Качаети) [308] – вероятно, из абхазо-абазинского *Зына+ква* (*Зына+қуа*), т. е. «Дзыновы (Зыновы)» и др.

Ш. Д. Инал-ипа выделяет ряд абхазских топонимов, бытующих как в Абхазии, так и в Аджарии и Гурии: м-ть *Куараши* вблизи Вардзии и абхаз. *Куараш (Ҟуараш)* «Белокаменный берег», «Белобулыжный берег» [94, 185]; *Абжарские высоты* близ Кутаиси – из абхаз. *абжьара* «середина», «среднее»; р. *Цачхур* «энурез», «подмачивающая»; село *Кодори* (Кудры) в бассейне р. Риони и *р. Кодори* в Абхазии; в Гурии *Ацкур* – в Абхазии *Цкуара (Цәкуара*) «Бычья река»; горы *Дагуа* «Глухая» и *Лаша* «Светящийся», а также р. *Схалта,* срав. *р. Чхалта* в Абхазии, и м-ть *Ажашвара* «Место охоты для зайцев», встречающееся как в Абхазии, так и в Аджарии [365, 221]. К числу повторяющихся названий относятся и такие, как: *Бзана*– речка в Абхазии и *Бзана* в Аджарии [281, 52, 49],

местности *Двана* (Дәҩана), *Джампал, Скурча* (Шәқәырча), *Шубара (Шәбаара)* в Абхазии и *Двана* [281, 97], *Чампали* [281, 129, 134], *Сквирча* [281, 59], *Шубара* (в Хулойском р-не)[1]в Аджарии.

На наш взгляд, очевидным абхазским вкладом в топонимию Гурии и Аджарии являются также такие названия, как: *Агара* – распространённый топоним в Аджарии – из абхаз. *агара*, *аггара* «пустошь», «голое место» (об этом см. выше); м-ть *Хала* – справа от р. Чаква [308], срав. в Абхазии *Хала(а также, Ҩхала)* «конец подъёма» [93, 213, 226]; речка *Окваре* в Гурии – из абхазского *аквара (а-куара)* «речка», «ручей» [365, 222] – *Надиквара* в Аджарии [281, 92, 111, 125], букв. «Ручей (речка) Нада» [365, 221], здесь же названия – *Баба-квари, Бабо-квара*, *Боболо-квари*, *Сачо-квара* [281, 47, 53, 106];

Агвара // Гвара – топоним, встречающийся как в Абхазии, так в предгорной зоне Мегрелии [436, 181]; в Гурии – селение *Ципинигвара* [365, 222]; в Аджарии село *Гуара* – слева от *р. Ачгуай* (Ачҟуа) [305], а также в р-не Кирнати [281, 28, 37, 134, 183]. В абхазском и абазинском языках слово *а-гуара*, бзыб. *а-агуар,* бытует в значении «ограда», «двор», «загон» (для скота)». Оно является словообразующей и топонимообразующей основой. От него производны: *агуарта,* букв. «место стоянки», *агуарата(агәаратԥа)* «двор», «усадьба», *агуарп* (агәарԥ) «предворье», *агуарабжара* (агәарабжьара) «просёлочная дорога» и т. д. Оно, т. е. слово *агуара,* присутствует в таких композитных абхазских топонимах, как: *агуара ду*, букв. «большая ограда (двор)», *агуарааида* «оградный забор», *абаагура* «крепостная ограда», *ачгуара* (аҵәаара) «загон для лошадей», «конный двор», *аджмагуара* (аԥьмагәара) «загон для коз», *ажгуара* (ажәгәара) «загон для коров», *ацангуара,* букв. «ограда карликов» и др. Термин *а-гуара* является также составной частью уже названного гурийского села – *Ципнигвара*, букв. «Ограда (или двор) Ципна» – от *Ципна* или *Ципина*(имя владельца) +*и* «его» +*гвара (гуара)* «ограда», «двор» [365, 222]. Само слово *агуара* также имеет прозрачную абхазо-абазинскую этимологию [151, 109, 110].

Наконец, как нам представляется, невозможно иметь полное представление об этническом составе Лазского царства без определения этимологии гидронима *Чорох* (быв. р. Апсар) и макрото-

[1]Здесь же и с. Абхазури

понима *Ачара* (Аҷара)– исторического названия области Южной Колхиды, расположенной справа от р. Чорох.

Область *Ачара* (*Аҷара*, совр. *Аджария*) упоминается в «Матиане Картлиса» с привязкой к событиям второй половины VIII века [46, 48].

Считается, что *Ачара (Аҷара*) первоначально являлось наименованием главной реки этнографической Аджарии, ныне известной как *Аҷарисцкали* (Аджарская река), а затем гидроним *Аҷара* стало покрывать весь край [281, 143]. Армянский историк Н. Адонц отождествляет название *Ачара (Аҷара*) с *Егер* древних источников [330, 26].

Происхождение и самого названия Аҷара также давно обсуждается в научной грузинской литературе. Ещё в конце XIX века Н. Джанашвили писал, что *Аҷара* может быть производным от груз. *ҷа* «колодец», допуская, что последнее могло означать «родник», «речушка», отсюда, по его мнению, *ҷара –>аҷари* [437].

Академик С. Джанашия считал, что *Аҷара* происходит от названия поселения *Ач (Аҷ)* в верховье р. Ачкуа в Аджарии, – отсюда и название Аджарского хребта – *Аҷарис қеди* [438, 625].

По мнению П. Ингороква, *Аҷара* связана с этническим именем «*ҷаны*» (чаны); *Ҷан-ети, А-ҷан-ра* являются вариантами *А-ҷара:* начальное «*А*» в названии *А-ҷара* он считает префиксом, соответствующим «Е» в названии *Е-гри-си,* равное своим значением грамматической частице *«Са*» (*Са-мцх-е*). По его мнению, например, «*а-дгили*» по своему значению то же самое что «*са-дгили*», «*Абано*», т. е. «*Са-бано*» также как *А-ҷанра*,есть ни что иное, как «*Са-ҷанра*», «*Са-ҷано*» [55, 138, 139].

С точки зрения З. Чичинадзе, *Аҷара* происходит от слова *вачари* «торговец» [281, 144].

Названные варианты этимологии топонима *Аҷара* С. Ю. Сихарулидзе справедливо считает не убедительными [281, 144, 182, 183].

На наш взгляд, скованность исследователей, различность подходов к этимологии *Аҷара* объясняется, прежде всего, ограниченностью авторов картвельским языковым материалом. Как уже установлено учеными, в этом регионе предшественниками картвелов являлись абхазо-адыги. Поэтому, было бы неверно игнорировать данными абхазо-адыгских языков, когда речь идет о древней историй этого края.

Как уже выше сказано, абхазы издавна Аджарию называют *Аҧара,* аджарцев – *аҧоу,* аджарский *(ҧоуский)* язык – *а-ҧоу бызшәа*, букв «язык ҧоуов», последнее, т. е. *аҧоу бызшәа,* имеет и переносное значение – «непонятный язык». Этноним *аҧоу* состоит из первоосновы *а-ҧа* и абхазского элемента *–у–*«человек», придающего основе этнонимную форму; *аҧа+у –> аҧоу* «ҧоуец». От этой же этнонимной основы *а-ҧа,* посредством абхазского локативного суффикса, производно и название местожительства (страны) ачов – *Чаны* (срав. *аԥсуа.* «абхаз» – *Аԥсны* «Абхазия», *азыху* «черкес» – *Зыхуны* «Черкесия» и т. д). Похоже, что абхазское названиеҧоуской страны – *Чаны (Ҷаны)* было заимствовано грузинами у абхазов, являвшихся тогда непосредственными соседями *чоуов* (т. е. ҷанов), и оно было усвоено в грузинской среде как этническое имя *ҷоуов*. Поэтому для обозначения страны *ҷоуов* (ҷанов) был прибавлен к *Ҷаны* грузинский суффикс *ети – Ҷаны –> Ҷане-ти.*

Вариантом этнотопонима *Ҷаны* выступает и форма *Аҧан-ра* точно также, как в абхазском *Аԥсны* «Абхазия» – *Аԥсын-ра* (вся территория Абхазии). Что же касается интересующего нас названия *Аҧара,* то и в его основе лежит также этноним *а-ҧа* – в абхазском оформлении *аҧоу*, являющийся этнонимной формой единственного числа. Во множественном числе *а-ча* (а-ҷа) будет звучать как *ачкуа* (аҷқуа) или *ачар*, абаз. *ачара(аҷараа)* «ҷоуовы» или «чаны», – отсюда *Аҧара* «Аджария», срав. *аԥсуа* «абхаз» – *аԥсақуа* или *аԥсар*, *аԥсараа* «абхазы» – отсюда и название реки и места *Аԥсар, Аԥсара* в той же Аджарии, упоминаемые еще древнейшими авторами (см. ст. Аԥсар).

Известно, что названия большинства крупных рек, как правило, имеют этнонимическое происхождение. Таковым является и гидроним *Аҧара* (Аджарис цкали) который, как правильно отмечает Ю. М. Сихарулидзе (см. выше), впоследствии стал покрывать и земли, прилегающие к этой реке [281, 143], то есть территорию современной Аджарии, абхаз. *Аҧара.* Абхазское происхождение *Аджара, Ачара* отмечал ещё акад. Н. Я. Марр [17, 30].

В связи с этнонимом *а-ҧа*, абхаз. *аҧоу,* представляет интерес и гидроним *Чорох*. Река *Чорох* (она же *Аԥсар*) фиксируется в древнегрузинских источниках как *Ҷорохи, Ҷорехи*. Вахушти и Сабо Орбелиани значение *Ҷорохи* толкуют вроде как «собирающая песок (или камни)», а археолог Куфтин считал, что *Чорох* происходит

от слова *чортехил*, являющегося армянским переводом Акампсиса [281, 182]. Географ Н. Нижарадзе и Ю. Сихарулидзе считают, что река *Чорох* получила свое название из-за её переливающегося цвета бурления, по-аджарски *чороха* означает беловато-коричневый цвет. Действительно, пишет Ю. Сихарулидзе, «река *Чорохи,* как правило всегда цвета бурления» [281, 183]. Однако, следует отметит, что и в абхазском языке существует общеизвестное слово *чырыху* (срав. с. аджар. чороха) созначением «рябый», разноцветный». Ещё Д. Гулиа имя реки *Чорох* связывал с абхазским *чрыху* (чрыху), что значит «серо-белый» (полосатый) – намёк на пенистость реки [18, 63]. С абхазской формой *чирыху* идентична основа названия верховья реки *Ачара* (Аджарис цкали) – *Чирухи-с цкали* (Чирухская река) – левый приток р. Ачарис цкали.

Вместе с тем, мы больше склонны видеть в основе гидронима *Чорох* (Чорох-и) этноним *чоу-* отсюда *Чорох* (Чорох) может быть из абхазского *Чоурху*, буквально означающего «гора или хребет чоуов», т. е. «Чоуская гора», «Чоуский хребет» – от *чоу* (этническое имя) + *р* «их» (притяжательное местоимение третьего лица мн. числа) + *ху* «хребет», «гора». При этом, похоже, что *Чоурху* –>*Чоурух* первоначально являлось названием Чорохского хребта, тянущегося вдоль правого берега р. Чорох, а затем название хребта становится и обозначением чоурхуской реки.

Таким образом, вышерассмотренный лингвистический материал, на наш взгляд, ещё раз подтверждает давно высказанное многими учеными (А. Глейе, П. Ушаковым, О. Сенковским, И. Джавахишвили, А. Чикобава, В. Латышевым, К. Ломтатидзе, С. Джанашия, Д. Гулиа и др.) мысль о том, что в Западной Грузии картвельским племенам предшествовали абхазо-адыгские племена. Более того, на протяжении длительного времени абхазский (абхазо-абазинский) язык оказывал существенное влияние на чанский язык. В частности, известные лингвисты-кавказоведы А. Чикобава, К. Ломтатидзе считают бесспорным насыщенность чанских и мегрельских глагольных приставок абхазскими элементами [230, 288; 231, 165, 166, 167], а также в целом и «факт наличия абхазского субстрата в мегрело-чанском языке» [56, 138, 139]. Вместе с тем подчеркивается, что «…с адыгами абхазы представляют собой остаток некогда несравненно более значительного этнического конгломерата, оказавшего, по-видимому, большое вли-

яние на процесс этногенеза народов западной части Северного и Южного Кавказа» [56, 138, 139].

Как уже отмечено, А. Глейе [253, 49, 50], П. Ушаков [406, 25, 27], В. Латышев [215, 265] и др. считают абхазов прямыми потомками колхов, с которым многие авторы увязывают и лазов. Всё это, в основном, соответствует содержанию уже упомянутой формулы Д. И. Гулиа «абхазы и их предки гениохи суть колхи» [18, 9] … «один народ из этого племени, т. е. колхов, лазы, с помощью греков и получают первенство на восточном берегу Черного моря… и страна Колхида начинает именоваться Лазикой …» [18, 51]. На наш взгляд, здесь нуждается в уточнении лишь то, что *лазы* (т. е. *лоуцы*), представлявшие северо-западное крыло абхазов, оказываются в Южной Колхиде в среде родственных им *колхов* (*апсилов*) в I в н. э., т. е. в период тяжёлых испытаний колхов.

На рубеже I-II. н. э. абхазским лазам удается объединить под своим началом разрозненные абхазо-абазинские общества Южной Колхиды и, таким образом, восстановить здесь колхидскую государственность. Вместе с тем, сообщение Арриана о том, что первый лазский царь Маллас получил знаки царской власти от римского императора Адриана, указывает на то, что царство лазов (лоуов) в 30-х годах II в. уже целиком находилось в сфере политического влияния Рима.

Однако, это влияние первоначально, похоже, являлось символическим. Поэтому, нужно полагать, в конце II в. римский император Сиптимий Север и подчинил силой Колхиду (т. е. Лазику) [69, 10]. Но римляне в то время не были в состоянии контролировать положение внутри Колхиды, они прежде всего старались сохранить свои прибрежные города-крепости для поддержания номинальной зависимости от них местных правителей. Для Рима и находившихся под его покровительством царств, III в. также являлся тяжелым. Это было время, как отмечают исследователи, обострения внутриполитической обстановки, ожесточённой борьбы между отдельными социальными группировками и гражданских войн, а также порой неудачных войн, которые приходилось вести империи против Персидского государства сасанидов и т. д. Данная ситуация привела к ослаблению римских позиций в Северном и Восточном Причерноморье. В 40-х гг. III в. римские горнизоны были выведены из Боспорского царства [249, 337]. Именно в это

время Колхидское побережье подвергается опустошительным набегам готов. Они предпринимают безуспешный штурм римской крепости у устья Фасиса.

В конце IIIвека полководец боспорцев Савромат выступил в поход против римлян. Согласно источнику, сначала он завоевал страну лазов, воевал с жителями этой страны и достиг реки Галиса. Однако вскоре Савромат был вынужден возвратиться в Баспор [345, 381; 249, 339].

В первой половине IV века император Константин основывает на рубеже Малой Азии и Европы новую столицу Римской империи – Константинополь. В этой связи наблюдается некоторое укрепление римских позиций в восточных провинциях, лазы же остаются в числе данников Рима. Более того, в 362 г. лазы явились одними из тех, кто направил императору Юлиану посольства с просьбой «чтобы им позволено было спокойно жить в пределах родных стран, платя ежегодно обычную дань» [69, 11]. Однако, по мнению ряда авторов (С. Джанашия, С. Каухчишвили, Г. Меликишвили и др.), к концу IV в. наблюдается усиление Лазского царства, выразившееся подчинением им сванов. С. Н. Джанашия полагал, что Рим, в связи с событиями второй половины IV века – походы гуннов, сарматов, неудачные войны с Персией и т. д. – был вынужден согласиться на это и не мог помешать усилению Лазского царства [429, 315–317; 249, 339]. Вместе с тем, очевидно, что тогда это было выгодно и Риму. В это время в объединение лазских, т. е. абхазских (абазских) сообществ, возможно, уже были включены и *чаны (чоу)* бассейна р. Чарох, часть из которых могла быть переселена в пустынные места центральной и прибрежной Лазики.

В середине V в. между Византией и Лазикой произошел серьезный конфликт. Поводом явилась попытка лазского царя внести изменения в традиционную форму управления страной. Он разделил Лазику и передал часть своей власти своему сыну. Такое разделение страны, как отмечает Ю. Воронов, по-видимому шло вразрез с интересами империи в этом районе. По рассказу же современника событий историка Приска Понтийского, при императоре Маркиане (450-458) царь лазов Губаз восстал против империи. В ответ на это Маркиан вспупил в войну с Лазами [462, 119].

В 456 г. византийские войска вторглись в Центральную Колхиду и захватили территорию от р. Верхний Риони (Эгрисцкали)

до Цихе-Годжи (Археополь) [69, 12]. Губаз же обратился за помощью к персам, однако ему было отказано, в связи с их занятостью борьбой с гуннами. Тогда Губаз отправил в Константинополь послов с предложением о мире [69, 13]. В конечном итоге, как пишет Приск, царь Лазики был вынужден вновь подчиниться империи и отказаться от титула царя Лазики в пользу своего сына Цатэ [462, 119–120].

Вместе, с тем в первой половине V в. в Лазике, особенно в её восточных районах, усиливается влияние Персии, основным проводником интересов которой здесь были картлийские правители. В 70-х годах V в. картлийский царь Вахтанг Горгосал дважды вторгался в Лазику. Последняя война длилась три года и завершилась «кровопролитной битвой, в которой Вахтанг убил византийского полководца Поликарпоса». В результате во владения Картли были включены «крепости Абхазии (т. е. Эгриси – *В. К.*) вплоть до Цихе-Годжи». По мирному договору с Византией к Картли отошла территория «от Эгрисцкали до Клисуры», т. е. от реки Риони до системы укреплений, проходившей ниже Цихе-Годжи и Кутаиси, и являвшейся «границей Греции и Картли» [431, 157, 177; 69, 16, 150–153].

Как показывают вышеописанные события III–V вв., самыми нестабильными в Лазике являлись её восточная и юго-восточная части, заключенные между рр. Чорох (Апсар) и Риони (Фасис). Похоже, в этой связи данный регион – колыбель Лазского царства – уже в VI веке был почти безлюдным. Население Лазики в основном было сосредоточено на правобережье Фасида. Прокопий пишет: «Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки» и далее уточняет «левая сторона Фасида, начиная от сей реки до пределов Лазики, простирается на один день для доброго пешехода. Но эта земля совсем безлюдна» [412, 224, 26–228]. Согласно Г. Меликишвили, столицей Лазского царства являлась Цихе-Гуджа (т. е. Крепость Куджа), именуемая византийскими авторами Археополисом (т. е. Древний город) [249, 343]. Это мнение оспаривается Ю. Вороновым. В частности, он пишет: «Несмотря на то, что Археополь называется в источниках первым и самым значительным городом у лазов, вряд ли он был на самом деле «столицей Лазского царства», как предполагают исследователи. Археополь занимал окраинное, неестественное для столицы положение по

отношению к центральному, наиболее заселённому району Лазики ... – Мухирисисе» [69, 141, 142]. Как справедливо отмечает автор, роль столицы мог выполнять г. Кутаиси – главный город Мухирисиса, которыйнаходился не только в центре самой плодородной и густонаселенной части Лазики, но и на пересечении двух чрезвычайно важных путей. Первый из них вёл с Северного Кавказа через Сванию по ущелью Риони, другой – из Восточного Закавказья через Лихский Хребет. Город *Кутаиси,* название которого напоминает имя одной из абхазских племен *Кутаси* [1, 6], располагался в 12 км. от другого лазского города-крепости, называемого греками Родополь «Город роз». Последний, на наш взгляд, представляет собой неправильный перевод груз. *Вардцихе* как «Крепость (город) роз». В основе *Вардцихе* может лежать не персид., груз. и абхазское *уард* (вард) «роза», а основа известного родового имени *уард* или *вард* – владельцев крепости.

С гибелью картлийского царя Вахтанга Горгосала (502 г.) усиливается влияние персов в Картли и Лазике, где персы присвоили право утверждать новых лазских правителей. Согласно источникам, первым утверждённым шахом Ирана правителем Лазики был некий Замнакс. Византийский императар Юстин решил воспользоваться кончиной последнего в 522 году. Он тайно вызвал сына Замнакса – Цафия в Константинополь, где после принятия определенных условии он был провозглашен царём лазов [432, 263, 264].

Возвращение таким образом Лазики в сферу влияния византийцев вызвало серьезную обеспокоенность у персов. К тому же, в 523 году против них восстал картлийскии царь Гурген. В этой связи, после подавления этого восстания, персами была упразднена царская власть в Картли [433, 106]. Затем, в самом начале правления императора Юстиниана I (527-565) персы заняли лазские укрепления Сканду и Сарапанис. В ответ на это византийцы приступили в прибрежной зоне к строительству крепости Петры, «которая должна была служить основной базой византийских военных сил в Лазике» [69, 50].

В 528 году персы пытались прорваться во внутренние районы Лазики и, как отмечает Ю. Воронов, лазский царь Цафии «с помощью византийских войск» заставил их вернутся обратно в занимаемые ими Сканду и Сарапанис, а в 532 г., в соответствии с заключенным между Византией и Ираном «вечным миром», персам

пришлось оставить и эти укрепления. Вскоре Цафий умер. Царем лазов стал сначала его брат Опсит, а затем сын Цафия и его жены-гречанки – Губаз II. Далее ситуация в Лазике настолько ухудшилась, что спустя 10 лет лазы были уже вынуждены обратится за помощью к шаху Ирана Хосрову I [69, 51].

Хосров, нарушив в 540 г. «вечный мир», вскоре вторгся в Лазику и с помощью лазов захватил византийскую крепость Петру. Взяв Петру, Хосров направил большое войско в Северную Колхиду с целью захватить укрепления Севастополя и Питиунта [69, 53, 54].

Византийско-Иранский мирный договор 545 г. закрепил за персами занятые им позиции в Лазике. Однако лазы, испытав вскоре тяжесть персидского правления, стали снова искать покровительство Византии. Хосров, «вовсе не полагавший на лазов», узнав о неудовольствии лазов, посчитал «самым полезным немедленно умертвить лазского царя Губаза, весь народ лазский переселить, а Лазику заселить персами и другими народами» [412, 210]. Сообщение Прокопия о намерении Хосрова переселить лазов представляет значительный интерес в связи с сообщением Табари о том, что при Хосрове I в Азербайджан были переселены *аланы*, *абхазы, булгары* и люди из племени *сул* (об этом подробно см. Царство абасгов). В этой же связи обращают на себя внимания и слова самого Прокопия, упоминающие лазов и в прошедшем времени: «Лазы, народ прежде населявший Колхиду, считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посылал преемнику его украшения верховной власти» [412, 106, 107]. Возможно здесь Прокопий под именем Колхида имел ввиду первоначальную территорию лазов (лауов), т. е. междуречье Чороха и Риони (Фасиса).

Осуществление своих замыслов, прежде всего «умертвить Губаза», Хосров начал неудачно в 549 году. Губаз, узнав намерение Хосрова, перешел на сторону византийцев. Юстиниан тут же посылает в Лазику семитысячное войско, а также тысячный отряд цанов (чанов) [69, 58]. Однако Хосров, ценою больших потерь (в период походов Мермероя и Хориана), сумел тогда сохранить своё присуствие в Лазике, но уже во второй половине VI века Византия окончательно победила персов и подчинила Лазику своей власти. Тогда же (554 г.) византийцы, устроив заговор, коварно убили Лазского царя Губаза. Лазы потребовали от императора жестокого наказания виновников

убийства, а также назначения царём Лазики младшего брата Губаза – Цатия. Требования лазов было удовлетворено. Однако вскоре, как отмечается акад. С. Джанашия, Лазика была лишена и царской власти. По мнению З. Анчабадзе «упразднение власти в Лазике Византия осуществила после 623 г., когда император Ираклий имел основание быть недовольным Лазикой за её отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе» [19, 71]. Далее, до конца VII века, правители Лазики именуются патрикиями. Один из них в 663 г. был лишён власти и вынужден был скрываться в Абасгии, затем он дважды с помощью абасгов восстанавливал свою власть в Лазике. После него следующим правителем Лазики становится человек с абхазо-адыгским именем *Барнук*.

Второе наказание лазы получили в самом конце VII века, когда в лице правителя (патрикия) Лазики Сергия (внука Барнука) они отложились от византийцев и подчинили свою страну арабам. За этот поступок страна была лишена должности патрикия и было введено «непосредственное имперское правление». Однако вскоре, из политических соображений, здесь было восстановлено самоуправление, но, как отмечает З. Анчабадзе, «не под началом местной лазской династии, а во главе с картлийским «царем» Арчилом [19, 72].

К этому времени *лазы* (груз. *эгры*), на наш взгляд, уже представляли собой двуязычный народ, состоящий из абхазских (абазских) и чанских сообществ, говоривших на абхазском и чанском (чоуском) языках и окончательно разделенных на две части проникшими в междуречье Чороха и Риони (Фасиса) картлийцами. В дальнейшем, на базе северо-западных абхазо-чанских лазов, образуется народ– мегрелы, а за чанами (абхаз. чоу) закрепляется этноним *лазы*.

§ 5. Царства апсилов, абасгов (абазгов), санигов и зегов в I–VII вв.

1. Этническая характеристика и вопросы локализации

Принадлежность апсилов, санигов, абасгов, а также и мисимян античных авторов к предкам абхазов и абазин не вызывает сомнения у большинства современных кавказоведов. Ряд же исследо-

вателей к абхазо-абазинским сообществам также относят *зегов (зигов)*.

Среди названных сообществ *апсилы*, судя по их имени и историческим сведениям, являлись одним из основных и древних подразделений абхазо-абазинского этнического мира.

В имени *апсилы* просматривается самоназвание абхазов *аԥса // абза*, букв. «одноязычные» [94, 63, 64]. Указанные варианты этнического имени бытовали в разное время и как *аԥаса // абаза, абасг // абазг* – отсюда известные их формы множ. числа: *аԥса-р, аԥса-уаа // аԥс-уаа, аԥса-қәа, аԥса-цәа, аԥса-уаа, аԥаса-қә // абаза-қәа*.

Как уже сказано, автонимная основа *а-ԥс-а* и ее форма множ. числа *апса-р,* похоже, фиксируется как *абиша* и *абисар* еще в XIX в. до н. э. в одной из египетских надписей. Вариант же *апс-ил (*срав. *шаш-ил, дыр-ил, анч-ил*), представляющий собой иноязычное обозначение народа *апса,* неотделим от *обеш-ла* ассирийских источников XII в. до н. э., др. арм. *апш-ил-к,* а также *абшилов* письменных источников начала I тыс. н. э. и груз. *апш-ил-и* и *Апшил-ети* «Страна апшилов», т. е. «Страна апсов (абхазов)».

Этноним *апсил* по своему содержанию, как уже отмечалось, также однозначен с др.-греч. *айаеос, колхос, фасиани,* урарт. *кулха*, груз. *егри*, др.- арм. *егерк*.

Народ под именем *апсилы* в греко-римской литературе впервые упоминается в I в. н. э. Однако, похоже, что данный этноним бытовал в Колхиде и ранее, на что указывает сообщение др. – греческого автора Гиппократа (V–IV в. до н. э.) о том, что фасианы высоки ростом и чрезвычайно тучны, в их теле незаметно ни сочленений, ни жил [18, 246]. Представляется, что данный автор в своем описании фасианов явно опирается на перевод абхазского слова *апсыла* «тучный», «жирный», созвучный с вторым именем фасианов – *апсилы*.

Апсилы (они же апсары, колхи, фасиани, эгри) до I в. до н. э. являлись основным населением Колхиды. Однако, в результате их поражения в 83 г. до н. э. в войне с Митридатом и завоевания в 65 г. до н. э. Колхиды Помпеем, происходит перемещение *апсаров // апсилов* из междуречья рек Апсар и Физис в сторону р. Фасиса и далее на северо-запад . Освобожденная от последних территория, как уже отмечалось, заселяется представителями абхазо-адыгских сообществ северо-западного Кавказа – генеохами,

лазами, (лоадза-ми), шапсугами, а также и чанами Юго-восточного Причерноморья (см. главу VIII). Вскоре здесь, под эгидой абхазских (абазских) *лау* или *ладзов* (*ладз* – форма множ.ч. от *лау*), возникает этнополитическое объединение, получившее название *«Лазское царство»*.

Первое упоминание о лазах, апсилах и санигах находим у римского автора I в. н. э. Плиния Секунда. Он помещает апсилов (абсилов) между лазами, Севастополем и далее называет саников [351, 179]. Вслед за Плинием уже Флавий Арриан (II в.) пишет: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя» [223, 270].

Эти и последующие сведения об апсилах (Эвлий Геродиан – II в., Стефан Византийский – V в., Прокопий Кесарийский VI в. и др.), а также пределы распространения апсилийской культуры, указывают в качестве восточной границы Апсилии р. Фасис, а по мнению С. Джанашия – р. Хоб [289, 23].

Что же касается границы между Апсилией и Абасгией, то, как полагает ряд кавказоведов, она проходила в горах по р. Келасур (Кяласур) [69, 26; 382, 41] или же по р. Гумиста. В целом же, в I-II веках н. э. апсилы заселяли значительную часть северо-западной Колхиды от районов, прилегающих с севера к Фасису, до Севастополя (в частности до реки Кяласур) [34, 46; 454, 64].

Ряд грузинских исследователей: М. П. Инадзе, Г. В. Меликишвили и др. полагают, что уже во II в. лазы оттеснили апсилов и абасгов на север и довели свою этнографическую границу, по мнению М. И. Инадзе, до р. Ингури [439, 17, 18], а по Меликишвили до Диоскурии – Себастополиса [235, 383]. Однако, эти мнения практически ничем не подкреплены. В действительности, насколько известно, с образованием абхазских (абазских) царств – лазского, апсилского, абасгского и санигского – в период с I по VI в. н. э. не происходит каких-либо существенных передвижений народов, живших на восточном берегу Черного моря.

Так, по сообщению историка Прокопия Кесарийского, еще в его время – в VI веке – восточная граница Апсилии проходила, как и прежде, по р. Фасис, а на северо-западе Апсилия граничила с

Абасгией в горной зоне по реке Келасур (Кяласур) или по р. Гумиста.

В I в н. э. Плиний помещает апсилов именно в этих пределах, в частности, между лазами и Севастополем, и далее говорит о саниках (санигах), а абазгов же вовсе не упоминает. Во II веке Арриан уже прямо указывает, что Севастополь на земле саников и здесь же говорит, что с апсилами граничат абаски. Из этого сообщения непонятно, где находилась территория абазгов. Этим и объясняется существование в литературе взаимоисключающих суждений по данному вопросу.

Историк М. Гумба пишет: «Согласно этих сообщений, саниги и абасги занимали одну и ту же территорию. ...Это означает, что оба племени принадлежали к одной этнической группе». Далее он себя же опровергает: «Однако вряд ли на территории царства санигов могло находится другое, равноправное царство абасгов» [51, 149, 150].

Исследователь истории народов Восточного Причерноморья античного времени М. Инадзе полагает, что во II в. н. э. северная граница абасгов проходила южнее города Себастополя [439, 18]. По мнению же Иеромонаха Дорофея (Дбар): «Границы санигов во второй половине I, начале II в. проходили между современными реками Хашупсе или Псоу, где они соседствовали с абасгами, и реками Сочапста или Шаша, за которыми начиналась территория зихов» [440, 26]. Того же мнения и историк Т. Ш. Гицба [382, 41]. Эти суждения представляются совершенно безосновательными, прежде всего из-за их несоответствия с сообщениями Плиния и Арриана, согласно которым в I–II вв. н. э. саники занимали морское побережье от Апсилии до р. Ахеунта (Шахе), причем Севастополь лежал на земле саников, рядом же с санигами находились абазги, граничившие и с апсилами.

На наш взгляд, из вышеназванных сообщений вытекает, что в I–II вв. н. э. апсилы граничились как с санниками в прибрежной полосе, так и с абазгами в предгорной зоне. Об этом же говорит и Н. Кечагмадзе [453, 90]. Поэтому, похоже, что Плиний не называет абазгов из-за их отдаленности от моря. Близкородственные с апсилами абазги в тот период, скорее всего, занимали все предгорье Абхазии от верховья р. Келасур до верховьев рек Псоу или Мзымта, что включает в себя такие исторические места, как Акапское плато

(?), Гума, Псху, Мзаа, Аибга, Ахчипсы. Поэтому не случайно, что еще во II веке р. *Псоу* именуется *Абаск* [223, 271]; первое – *Псоу-* представляет собой усеченную форму автонима *а-псá-уа* «абхазы или абаза», второе же – *Абаск* – соответствует иноязычной форме обозначения абхазов – *абаск, абазг*, образованной от автонимной формы *аԥаса // абаса // база*. В этой связи следует также отметить, что и при генуезцах именно у устья *р. Псоу (Абаск)* помещался торговый порт «Абаза» [94, 227, 228].

Саниги же, как уже сказано, в I–II вв. находились на морском прибрежье между Апсилией и р. Ахеунта (Шахе) с одной стороны, и с другой – между морем и Абасгией.

Территориально и по своему происхождению, как справедливо утверждают кавказоведы, это те же самые, что и воинственные гениохи древних авторов. Они были известны у абхазов как *садзы* или *сандзы,* а в грузинских источниках *джики, чики* (об этом, см. главу II, § 2). Основа этнонима *сани-ги – сан* сохраняется в абхаз. *сан-дз*, усеч. *садз* «саниги», где *сан // цан-* этнонимная основа и *дз* (абхаз. *ҙ*) – садзский показатель множ. числа. Из абхазской формы *сандз* образованы известные этнотопонимы *Сандрыпш* и *Цандрыпш* из *Сан-дз-рыпш* и *Цан-дз-рыпш*, букв. «Край санов», «Край цанов». С этнонимной основой *сан // цан* также увязываются имена древнеабхазских княжеских родов *Цан* и *Сан*, в ед. числе – *Цан-ба // Сан-ба «Цанов // Санов*» (см. главу II) и название карликового племени – *ацан,* (*аԥан*) являвшихся, согласно абхазской легенде, доисторическими хозяевами абхазских гор [146, 136–139]. По преданию, *а-цаны* предшествовали абхазам (современным) в горных районах Абхазии. Академик С. Джанашиа считал возможным связать термин *цан* с названием *сан-иг*, а отсюда уже этноним *саниги* [451, 15].

Таким образом, в I–II вв. н. э. апсилы, саниги и абазги представляли собой крупные, близкородственные и непосредственно граничившие между собой общества. В этот период они и их царства не испытывали особых потресений.

В дальнейшем наблюдаются некоторые изменения границ Абасгии и Санигии. Похоже, с конца II по III в. абасгам, обитавшим над санигами в труднодоступной для врагов предгорной зоне между верховьями рек Кяласур и Абаск (Псоу), возможно и на землях за хребтом, удается распространить свое влияние на близкородственных и ближайших соседей – санигов. В ре-

зультате приобретения смежных с Абасгией прибрежных земель санигов, Абасгия становится значительной морской страной. Апсилия же перестает граничить с Санигией, граница последней отодвигается от р. Кяласур или р. Гумиста к р. Псоу. Это подтверждается и сообщением анонимного автора V в. (Псевдо-Арриан), в котором в качестве границы между абасгами и санигами указывается р. Абаск (Абаскос), т. е. р. Псоу. Саниги же, по словам анонима, жили, начиная от реки Абаскос, вплоть до р. Ахеунта [441, 231].

В VI же веке, согласно сообщению Прокопия Кесарийского, со стороны гор между абасгами и аланами находились упоминаемые впервые Прокопием, *брухи*. Последние, по предположению Ш. Д. Инал-ипа, «..вероятно позднейшие убыхи» [365, 434]. На наш взгляд, *брух* не очень созвучно с известными обозначениями убыхов – *убых, пёх, пёхир, тахы (тәахы)*.По своей основе этноним *брух* сопоставим с такими абхазо-садзскими родовыми именами, как: абхаз. *Бар-оу // Баар-оу*, букв. «Баровы» или «Бааровы» – в топонимах *Баароу, Бароуаху* «Гора (возвышенность) Бароуов» [93, 249, 344], *с. Бырц, гора Бырцхәа (Бырц-хәа)* «Гора (возвышенность) Бырцов» [93, 140], и садзским дворянским родовым именем *Бар-дзы // Быр-дзы,* букв. «Баровы (Быровы)», где *дз* – садзский аффикс множ. числа; от Бырдзы – *Бырʒышьха* «Гора Бырдзов (Быров)»; из садзского *Бар-дзы // Быр-дзы* – убыхская форма *Берзе-ху, Берзе-к* – родовое имя убыхских предводителей. Представляется, что от имени общества *Бар-оу,* «Баровы» образована его иноязычная форма *бару-х –бру-х* (срав. зих, зилх, саних, абазх, джих).

Вместе с тем, если исходить из созвучия, то с именем *брух* можно сопоставить также и название известного абазинского общества – *Бракий // Барак-ай* [167, 9]. Этноним *брух* ряд авторов (Ш. Д. Инал-ипа, Ю. Н. Воронов, М. Кишмахов) увязывают с гидронимами *Боргис* (Арриан, II в.), *Бурка* (Птолемей, II в.) и *Брухонт* – река, уже называшаяся во времена Псевдо –Арриана (Vв.) – *Мезиг* [441, 230, 231]. Вместе с тем, эти же современные авторы реку *Бурка // Боргис // Брухонт // Мезиг* отождествляют с рекой, ныне именуемой *Мзымта*. Основанием для такой увязки служит лишь созвучие гидронимов *Мезиг* и Мзымта. В действительности, такое отождествление никак не соответствует сообщениям вышеназ-

ванных авторов, в которых называются не только пункты и реки Черноморья, но и расстояние между ними. Так, Арриан (II в.) пишет:. «От Нитики до р. Абаска девяносто стадиев, Боргис отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса – на шестьдесят стадиев Несис, где выдается Гераклов мыс. От Несиса до Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов от санигов» [223, 271]. Тоже самое, с некоторыми уточнениями, повторяет живший в V веке Псевдо – Арриан. Он с аррианoвскими стадиями указывает и измерение расстояния в милях.

По данным обоих авторов, расстояние между Нитикой (Гагрой) и р. Абаск. (Псоу) 90 стадиев – 12 миль, т. е. около 16 км, что соответствует расстоянию между Гагрой и р. Псоу. Далее, от реки Абаск (Псоу) до Боргиса (Арриан), т. е. Брухонт, называвшейся уже в V веке Мезигом (Псевдо-Арриан), 120 стадиев или 16 миль, что примерно равно 23 км.

Указанное расстояние никак не увязывает названия *Бурка, Боргис, Брухонт* и *Мезиг* с рекой *Мзымта*, отстоящей от р. Псоу (Абаск) всего на 6 км. В действительности, примерно в 23 км от р. Псоу (Абаск) в Черное море впадает р. *Мысуа* или *Мцы,* ныне именуемая *Мацеста* [96, 37].

В гидрониме *Мысуа // Мызуа* представлено имя общества *Мыз* или *Мыс* (срав. *Мысра* «Мюсера» от *Мыс-раа* «Мысовы»), от чего и абхазская этнонимная форма *мыс-уа* (срав. *асадз-уа* «садз», *аԥс-уа* «абхаз», *агыр-уа* «мегрел» и т. д.), а также *Мезиг* Псевдо -Арриана (срав. *сан-иг*, *абаз-г, з-иг*).

От *Боргиса* (Мезига // Мызуа, т. е. Мацесты), по Арриану, 60 стадиев (около 11 км) до Несиса, где выдается Гераклов Мыс, что, на наш взгляд, соответствует мысу Соча. От Несиса до Масаитики 90 стадиев, т. е. около 16 км, что увязывает Масаитику с районом р. Лоо, срав. *Масаитика* с названием левого притока р. Лоо – *Мыскет // Мыцкет* [96, 36], букв. «село или община Мысов // Мызов», где *кет* из абхазско-садзского *кыт* «село, община». От Масаитика до р. Ахеунта (Шахе), являвшейся границей между санигами и зилхами (зигами), расстояние составляет 60 стадиев, т. е. около 11 км.

В целом же, согласно Арриану и Псевдо-Арриану, реки Абаск (Псоу) и Ахеунт, именуемая также Басий (при Псевдо-Арриане),

отстояли друг от друга на 330 стадиев, т. е. примерно на 60 км, что вполне соответствует расстоянию между современными реками Псоу и Шахе. Именно между этими двумя реками древние авторы помещали санигов II-VI веков. Последние, как уже сказано, с востока граничили по р. Абаск (Псоу) с абазгами, а на северо-западе, по р. Ахеунта // Басии (Шахе), – с зигами (зихами).

На наш взгляд, в IV–V века абазги распространяют свое влияние на санигов на что, похоже, указывает появление в Санигии новых топонимов, как *Мезиг* вместо Брухонт, *Басии* (последний срав. с *а-ԥаса, абаза* «абхазы») параллельно с Ахеунт (Шахе). Вместе с тем, в VI веке *брухи* локализуются в горах между абазгами и аланами. В частности, Прокопий (VI в.) пишет: «За апсилами и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, граница которых простирается до гор Кавказского хребта …За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи …За ними живут сагины» [430, 302–383].

На наш взгляд, из этого сообщения вытекают следующие выводы:

– абасги занимали территорию между морским берегом и горами Кавказского хребта, поэтому *брухи* не могли находится над абазгами у Кавказского хребта; к тому же Прокопий, говоря об аланах, живших над Абасгией и Апсилией, и о их (аланах) нашествии на Абасгию, не упоминает здесь брухов;

– слова Прокопия: «За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов» следует понимать, что брухи находились в предгорье Кавказского хребта за северо-западными пределами Абасгии от верховья реки, ранее именовавшейся Брухонт (сов. Мацеста). Здесь же брухи могли граничить как с абасгами, так и с западными аланами. К тому же и западные убыхи некогда именовались *аланы* [167, 14; 416, 181].

Согласно тому же Прокопию, по берегу Понта Эвксинского утвердились (на северо-западе от санигов – *В. К.*) *зехи*, а за ними (на востоке по берегу) жили *сагины*, т. е. саниги.

Этническое сообщество *зехи* впервые упоминается Страбоном (I в.) как *зиги*, эта же форма у Дионисия Периэгета (II в.), у Арриана (начало II в.) – *зилхи*, у Птолемея – *зинхи*, у Псевдо – Арриана (V в.) – *зихи*, а у Прокопия же – *зехи*.

Как уже отмечено, *зиги* или *зихи* (*зилхи*) с юго-востока граничили с санигами по р. Ахеунт (совр. Шахе), а на северо-западе – с ахейцами. Вместе с тем, похоже, что уже в I веке зигские поселения существовали и в отдельных регионах Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. По этому поводу Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Представляет интерес и то, что в ранне-сасанидское время существовала еще одна область или страна Махелония, которая упоминается в надписях шаханшахов Ирана, она же *Сикана* (ср. с названием зиги, Зигана, Зигополь и р. Зиганий и Зиганис в Абхазии и др.)» [365, 329]. В этой связи следует также вспомнить уже названную нами (см. гл. VII) древнюю крепость *Зилкала // Зир кала* (тур. *кале* «крепость»), расположенную в районе города Риза. Название данной крепости, похоже, также связано с *зигами,* т. е. с *зилхами* Арриана.

Территория зигов Северо-Западного Кавказа практически соответствовала территории древних ахейцев, именем которых называлась и река Ахеунт (совр. Шахе). Эта же река являлась при Арриане границей между зехами и санигами. Как уже было сказано, название Кавказских ахейов может происходить из абхазо-абазинского *ахы* «голова», «начало» – отсюда *ах-а, ах-аа* «головные», букв. «головные люди», т. е. люди, живущие выше (севернее) всех своих сородичей. Названия *Аха, Ахаа,* очевидно, были преобразованы античными авторами древ.-греческим окончанием *ой // ей* в *Ахей* (см. выше «Ахея и ахейцы»). В связи с этимологией этнонима *Аха, Ахей* обращает на себя внимание и последующее название р. Ахеунта *Шахе*, абхаз. *Шахы* (Шəахы), где, похоже, также представлена основа *хы* «голова», «головное», «начало». Отсюда *Шахы,* букв. «начало Ашы (Аше)», т. е. начало территории *Ашы*. Последняя носила имя одного из древних родов абхазских (абазских) правителей *Аш* (*Ашаа* «Ашовы»). Данное родоплеменное название и ныне сохраняется как обозначение реки и поселения на исторической территории ахейов или же зигов, в частности, в междуречье Куапсе и Макопсе. От имени родового общества и территории *Ашы,* на наш взгляд, происходит абхазское обозначение абазин-тапанта-*ашуа,* букв. «Ашова люди», «люди Ашовых» или же «люди (территории) Ашы», где в окончании представлен этнонимообразующий элемент *уа* «люди». Далее это же название, в результате комбинации её основ *аш+уа,* приобретает лабиа-

лизованную форму – *ашәуа* (ашуа), которой ныне абхазы именуют абазин, прежде всего тапантцев, и их местожительство *Ашәы* (Ашу, Ашвы).

На территории зигов (зилхов), т. е. в бывшей Аше, Арриан помещает и пункты «Старая Ахейа», соответствующую птолемеевой деревне *Ахея* (совр. Джубга?) [223, 272] и «Старая Лазика» (совр. Нечепсухо). Последнее название увязывается с именем великих абхазских (абазских) князей отрасли Аш, Ашаа – *Лау*, в множ. числ. – *Лаҙ* (об этом см. выше).

Представляет интерес и топоним *Пагр* – по Арриану (II в.) *гавань Пагр* (совр. Геленджик) [223, 172]. Похоже, последний также увязывается с именем абхазо-абазинского привилегированного рода *Баг, Паг,* во множ. числе *Багра, Пагра*, усечено *Багр, Пагр* «Баговы», «Паговы». В абхазском же *Баг, Багаа* «Баговы» пишутся *Багба, Абагба* «Багов», вариант этого же имени *Паг, Пагаа* «Паговы», (*Паҕуаа*), букв. «Паговцы» или «Паговские».

Вместе с тем, по вопросу этнической принадлежности *зигов* или *зихов* пока еще среди кавказоведов нет единого мнения. Одни их причисляют к адыгам, а другие – к абхазам (т. е. народу абаза). Первые основываются на том, что абхазы адыгов называют *азыху*, что созвучно с этнонимом *зих*. Другие же исходят из адыгского обозначения абхазов – *азега*. Так, например, проф. З. В. Анчабадзе пишет: «Этническая принадлежность приморских зихов («зехи» Прокопия Кесарийского), проживавших к северу от современной Абхазии, не поддается точному определению. Есть основание считать, что в раннефеодальную эпоху под этим названием выступают не только адыгские (черкесские) племена, но и этническая группа, состоящая в ближайшем родстве с абхазами. Здесь уместно отметить, что адыги и до сих пор называют абхазов именем «а-зега» [450, 60]. На наш взгляд, именно последнее находит наибольшее подтверждение, и, прежде всего, в языковом материале. Как уже отмечалось, целый ряд авторов (Г. Новицкий, Дж. Белл, Н. Раевский, Берже, А. Введенский, Л. Люлье и др.). фиксирует абхазо-абазинские сообщества и под именами *азра* и *азега*. В частности, А. Введенский пишет о том, что среди адыгских племен абхазы были известны под разными названиями; *абаз, абаза, азы,* у хакучинцев аула Кичмай, да и вообще, как он пишет, все шапсуги абхазов знали под именем «аз», «*азеха*» или «*азега*» [443].

Другой же известный автор – Дж. Белл, живший около трех лет (1837–1839 гг.) среди приморских черкесов, писал, что абхазы именовались также *азра* [11, 75–77]. Согласно Люлье и Услару, «все вообще племена абхазского происхождения известны были убыхам под коллективным именем *адзыге»,* а по Дирру, убыхи называли садзов еще и словом *джыхы*, отсюда и грузинское *джики, джикеты* и *Джигеты* [365, 180].

Исходя из вышеназванных данных, Ш. Д. Инал-ипа пишет о том, что от черкеского «*азэгье*», возможно происходит древнее *зиг / зихи* и *азега* – название абхазов, встречающееся в этнографической литературе XIX в. [365, 180].

Таким образом, с абхазами увязывается, наряду с именами *апсилы, абазги*, *саниги, абаза,* и такие названия, как: аз, *азра, азега // азеха, адзыге,* джихи. Их сближает с древними *зиг, зих*, *зир// зил* (*Зир кале // Зил кале*, см. выше) и *зил-х* (у Арриана) общая этнонимная основа *а-з*. Формы этнического имени *зиг // зих* образованы с помощью элемента *г // х,* как и названия *абаз-г // абас-к, сан-иг // саних // сан-ик*. В Аррионовском *зил-х* имеем основу *зил,* по своему окончанию *ил* (з-ил) напоминающую этнонимы *апс-ил*, *шаш-ил, анч-ил* и т. д. Фонетическими вариантами имени *зиги/ зихи* представляются формы *азега, азеха, адзыга, джихи*.

От этнонимной основы *а-з* образована абхазо-абазинская форма множ. числа *Аз-ра* (срав. *зир, Зир кале*), *Аз-раа,* букв. «Азовы», что практически идентично названию города *Азара*, помещаемого Птолемеем (II в.) в Приазовье [304, 244]. Южнее города *Азара* (в районе малого Ромбита) Птолемей также указывает (село или город) *Азараба* [304, 349], что буквально с абхазского переводится «крепость азров (азаров)», где *ба* – из абхаз. *а-баа* «крепость». Похоже, с этнонимной основой *аз* связано и название Азовского моря. В этой связи В. И. Ворошилов пишет: «Возможно, что этнический термин *аз* явился основой названия Азов и Азовское море. Еще Птолемей говорит о городе Азара за устьем Танаиса (Дона)» [96, 49].

Названию *Азов* в абхазском соответствует *Азоу* (фонема «*в»* не характерна для абхаз. языка), что представляет абхазскую этнонимную форму, состоящую из именной основы *аз* и абхазского этнонимного окончания *у* «человек», «люди» – отсюда *Азоу,* букв. «*азы*», срав. Псоу (из *а-пса+у*), *а-псы*, т. е. «абхазы», срав. *Лоо // Лоу* – из *Лаа+у* и т. д.

Таким образом, название *Азов* (абхаз. *Азоу*), прежде всего, – этнический термин. Азовское море (озеро) в разное время называлось, в основном, именами народов, проживавших у его берегов: в эпоху греков от имени народа *меоты* (адыги) – *Майотислиман* «Меотийское озеро», римлян – *Палус Меотис* «Меотийское болото», в античную эпоху – *Темиринда, Азоу* – отсюда далее русск. *Азов, Азовскоеморе* [96, 48, 49]. О том, что одно из абхазских (абазских) сообществ, известное у адыгов под именем *аз, азра, азега*, а у древних авторов как *зыги/зихи,* проживали в античный период на Черноморском побережье от р. Ахеунт (Шахе) до берегов Азовского моря и правого устья р. Кубань (возможно и далее), похоже, говорят целый ряд и других географических названий. Прежде всего, обращают на себя внимание названия древнего населенного пункта и полуострова *Тамань* (Таманский полуостров) и города *Темрюк* или *Тамрюк* на этом же полуострове у устья р. Кубань.

В районе совр. города Тамань (станица Таманской) в VI в. до н. э. была основана греческая колония *Гермонасса*, здесь же с конца IV в. н. э. существовали города *Таматарха,* он же, по арабским источникам – *Метрега*, на итальянских картах XV в. – *Матерка, Матрига, Матуга, Матега, Матрега,* а по русским источникам с X века – *Тмутаракань* [96, 201, 202].

В литературе существуют различные объяснения этимологии названия Тамань: из адыгского *темен* «болото», из тюркского *таман, табан,* «подошва», «ступня», «впадина»; из личного имени *Таман* и др. [96, 201; 44, 331].

Однако похоже, что *Тамань* довольно древнее географическое название. Оно по своей основе роднится с античным названием Азовского моря – *Темеринда,* их же основа *там // тем,* скорее всего, может быть обозначением абхазо-абазинского древнего сообщества *Там,* что во множ. числе – абаз. *Тамраа,* абхаз. *Тамар* (срав. *Темер-инда*). Современная форма ед. числа имени *Там* – у абхазов *Там, Тамба, Тамбия*; у абазин *Там*, *Тамов, Тамбиев*; у кабардинцев – *Тамбий*. Последнее, т. е. *Там-бий,* как справедливо отмечает Лавров, переводится «князь Тамовский» [425, 364–366]. Таким образом, древ.-греч. *Темеринда* (из *Тамар* «Тамовы») может быть этногидронимом, как и другие известные названия Азовского моря. Следует также отметить, что от абхазо-абазинской формы множ. числа этнонима *Там→Тамар* также образована адыгская форма родо-

вого имени Тамры+ку или *Темры+ку* (Темрюк), букв. «Тамров сын» – отсюда и название города *Темрюк* у устья р. Кубань, ранее именовавшегося у древних авторов *Тирамба* (об этом см. ниже).

Этнонимная основа *Там* также просматривается в названии древнего города *Таматарха,* располагавшегося на берегу Таманского залива в районе совр. города Тамань. Ойконим *Таматарха,* как нам представляется, имеет слегка искаженную форму. Исходной для последней может быть *Тамадзарха*, букв. означающая на абхазо-абазинском «Тамская прибрежная равнина» – из *Там+адзарха,* где *адзарха* «прибрежная равнина».

Похоже, что этноним *Там* также представлен и в названии, заменившем древнее Таматарха – *Тмутаракань*. Последнее появляется в русской летописи с X века как название центра русского княжества. В русской форме ойконима *Тмутаракань* следует видеть исходную *Тамы-таракан* (срав. адыг. Там-таракай), где в первой части *Там-ы* – этноним, во второй же части *тархан,* по-видимому, некий тюркский титул правителя, что и в качестве топонима встречается на Керченском полуострове – мыс *Тархан, Тарханские сопки* [96, 202, 203; 444, 431].

К имени древнего абхаза-абазинского сообщества Т*ам* (во множ. ч. *Тамар, Тамраа, Тамаа)* восходит этнонимная форма *Трам* (где *р* может быть наращением, или *Трам* из *Тамар*, *Тамр* «Тамовы»). Последняя, т. е. *Трам,* является именем известного абазинского княжеского рода, в прошлом признанных на всем Кавказе коневодов. [425, 373; 37; 35, 23].

С именем абхазо-абазинского рода (племени) *Трам* (Там), скорее всего, связано страбоновское название города или крепости – *Тирамба* (совр. Темрюк) у устья р. *Антикита*, соответствующее птолемеевской *Аттикита* (северный рукав р. Кубань) [292, 211, 212; 304, 244]. Географический пункт *Тирамба,* упоминаемый также и Птолемеем [304, 244, 248], букв. на абхазском означает «Крепость Тирамов (Трамов)», где *ба (баа)* «крепость» (срав. от *Азара – Азара-ба-а*). Название же реки (северный рукав Кубани) *Антикита, Антикет* или *Аттикита, Аттикит* (срав. у Плиния р. Антемунта у г. Диоскурия) переводятся с абхазского, как «село, община, района Аттиев» или «село, община Аттиев», где *кита, кит,* абхазо-абаз. *кыта, кыт* «село, община, район», а в препозиции – патроним. В этой связи обращают на себя внимание имена

абхазских привилегированных радов *Антиа*, *Антей-ба* «Антиев» и *Аҭеиба, Атеиба «*Аттиев», «Аттиевы».

Род *Трамов* относится к абазинам, именующим себя *тапанта*, что принято переводить с иранского (осетинского) как «равнинный житель» [42, 8]. Однако, данный этноним, т. е. *тапанта,* может иметь и иную этимологию. На наш взгляд, в основе этнонима *тапанта* следует видеть географическое название *Таман,* фонетической формой которого может быть *Тапан* или *Табан*, а в окончании абхазо-абазинский суффикс принадлежности *т* (ныне в абхаз. *тә*). В целом же,*тапанта* из *таманты → тамант-а, тамант-аа* букв. будет означать «из Тамана», «таманские», «таманцы». Вместе с тем, само название полуострова Тамань с абхазского *Тамны* переводится как «земля (владение) Тамов», где *Там*– название этнического общества и окончание – *н* – локативный суффикс, образующий название стран, этнических территорий (срав. *Аԥс-ны* «Абхазия», *Агыр-ны* «Мегрелия», *Шәа-ны* «Сванетия»). Тамовские князья *Трамы* являлись первыми среди дворян великих князей Лаовых. В период могущества Абхазского царства, в частности в конце XI века, похоже, к Абхазии отходят управлявшаяся русскими князьями Тмутаракань (Таматарха, Матрега, Матраха) и территория Тмутараканского княжества; правителями становятся здесь князья *Лоовы* (*Лау*).

Арабский ученый XII века ал-Идриси сообщает: «Матраха (т. е. Тмутаракань, Таматарха – *В. К.*) весьма древний город. Его князья, известные под именем *Олу Абас*, прославленные своей силой … храбростью и воинственным пылом, наводили страх среди своих соседей» [448, 359; 49, 152]. Общепризнанный перевод имени *Олу Абас* (*Олоу Аббас)* как «*Алоу* из рода Абас (или абасский)» ставят под сомнение И. Г. Коновалова и Б. Недков. Они слово «*улу*» возводят к *мулук* «владыка» [459, 169], что вряд ли соответствует действительности, хотя *Алоу Абас* – т. е. «Алоу абасские» и являлись владыками. Большинство же исследователей признают в имени «OLou Аббас» название абхазо-абазинского княжеского и царского рода *Лау* // Лоу. По поводу абхазского правления в Тамани академик А. П. Новосельцев пишет: «В 40-50 гг. XII в. в Тамани правила какая-та княжеская династия абхазского происхождения … В Крыму в XII в. в районе Керчи существовал город Русийа… В 40-50 гг. XII века этот город находился во враждебных отношениях с абхазским князем в Матраха» [449, 107; 49, 152].

Тмутаракань или *Таматарха* в арабских источниках значится *Матраха, Матрега*, в русском *Матраха,* что, похоже, является результатом усечения и искажения абхазо-абазинского ойконима *Таматарха*, т. е. Матраха из Та-матарха. Вместе с тем, именные формы *Матега, Матрега, Матрига* могут быть древними названиями части меотского (адыгского) берега Азовского моря: *Мате-га* или *Матыга,* букв. «берег матов // метов» – из *мат* или *мет* «*меот*» и абхаз. *га (а-га)* «морское прибрежье»; также переводится и *Метре-га, Мат-ри-га,* где *Мет // Мат* – этнонимная основа, *р-* показатель третьего лица, множ. числа «их» и *га* -«морской берег».

Представляется также абхазо-абазинским одно из названий р. Кубань (абхазо-абаз. *Кубина*) – *Псыж*. Последнее Дж. Коков рассматривает как адыгский гидроним в значении «старая река» – от *псы* «вода», «река» и *ж (жә)* – абхаз.-адыг. «старый» [207, 51]. Однако, вряд ли бывает старая или молодая река, река может быть большой, мелкой, глубокой, бурной, холодной, теплой и т. д. Чаще всего крупные реки называются по имени народа, живущего у её берегов. Поэтому логично видеть в гидрониме *Псыж*, обозначающей р. Кубань, по которой проходила северо-западная граница исторической Абхазии, абхазо-абазинский *Псы-дз* (Псаʒы, Псыʒы), букв. «Абхазская река» – из *псы* (а-псы) «абхазы» и *дз* «вода», «река» [93, 66].

Абхазо-абазинские следы, по-видимому, сохраняют и ряд топонимов южного побережья Крымского полуострова. Имеются ввиду названия приморских городов *Алупка* и *Алушта*. Первое переводится с абхазского, как «место вырубки жерновов» – из алу «жернов», т. е. «мельничный каменный круг» и *пка* – основа глагола *а-пҟа-ра* «резать», «вырезать», «вырубать». Второе же – Алушта, букв. «поле жерновов», «двор жерновов», «площадь жерновов» или же «площадь материалов для жерновов» – из *алу* «жернова» и *шта* «поле», «двор», «площадка», «усадьба». Как известно, жернова изготовлялись из твердых горных пород как кварц, песчаник и гранит; лучшим считался кварц. Эти породы встречаются в природе нечасто. Потребность же в жерновах был значительной, они являлись объектом экспорта.

Обращает также на себя внимание и ойканим *Ялта,* локализующийся близь Алупки. В окончании имени *Ялта* может быть продуктивный абхазский локативный суффикс *та*, срав. *Ла-та,*

Мацес-та, Чхал-тӡа, Ур-тӡа, Аанҵс-тӡа, Гумс-та, Пыш-та, Мсыр-та и многие другие топонимы в Абхазии. У абхазов бытует и личное имя *Ялта* (Иалта).

Возможно, абхазо-абазинского происхождения и название города Керчь, расположенного напротив Тамани. Последнее до сих пор не имеет общепризнанной этимологии. В этой связи напрашивается сопоставление данного ойканима с именем широко известного в прошлом абхазо-абазинского феодального (княжеского) рода *Кеч // Киач // Геч // Гиач*. От исходного *Кеч,* возможно, форма *Керч* [447, 80], где *р* может быть наращением, срав. *там →трам*. Существует также и фамилия *Керч* (представлена в Донецкой области). Древнейшее название г. Керчь – *Пантикапей* (основан в VI в. до н. э. – столица Боспорского царства), он же в IX–XI века – русский город *Корчев* или *Русина,* враждовавший с абхазским князем в Матрахе [449, 107].

Вызывает также любопытство и прибрежный пункт вблизи Керчи (Пантикапеи) – *Акра*. Страбон пишет: «…в Пантикапейской земле, деревенька по имени Акра» [229, 211; 245]. Последнюю В. В. Латышев локализует у мыса Такиль–Бурун на Керченском полуострове. Прибрежные населенные пункты под названием *Акра* упоминают и другие авторы, в частности, Птолемей говорит о городе *Акра* в Сарматии на берегу Меотиды (в восточной части Утлукского лимана) [304, 234] и Стефан Византийский – о поселении *Акра* в Скифии. Это же название, т. е. *Акра,* в абхазском языке выступает в качестве географического термина в значении «мыс», «маяк» [365, 208], в современной же Абхазии под названием *Акра* известен район устья р. Дгамыш. [93, 435].

Представляют также значительный интерес и ряд других названий географических пунктов, встречающихся у античных авторов:

– р. *Вардан* (т. е. Кубань) [304, 249], срав. имя абхазо-убыхского привилегированного воинственного рода *Вардан* (абх. Ҩардан);

– *Скопель* (поселение в районе устьяр. Вардан, т. е. Кубань) – совр. *Копыл* (ст. Копыльская) [304, 249], срав. *Копыл* с абхаз-абаз. именем рода – абхаз. *Купал, Купалаа* «Купаловы»*, Купал-ба* «Купалов», абаз. *Купал, Купалраа, Купалов* (подробно о них см. выше);

– *Гиппейские горы*, т. е. Конские горы (северные отроги Кавказа) [299, 245]. Страбон пишет: «На восточном берегу Меотиды есть река Большой Ромбит, за ним Теофаний (совр. Еея – *В. К.*),

далее Малый Ромбит, затем Аттикит (Антикит – *В. К.*), далее Псат и, наконец, Вардан (южный рукав р. Кубань – *В. К.*); все эти реки текут из Конских и Кавказских гор» [299, 245, 249]. Страбоновский ороним *Гиппейские* (т. е. Конские) горы представляется нам продуктом народной этимологии абхазо-абазинского *Ашышьхақәа* (совр. *Ашәышьхақәа*) – названия северных отрогов Кавказа – из абаз. *ашы*, абхаз. *атшы* «лошадь, конь» и *шьха-куа* букв. «горы». На самом же деле в форме *Ашышьхақәа* препозиционное *Ашы* этнотопоним – название северо-западного Причерноморья, отсюда абхаз. *ашуа* (ашәуа) обозначение абазин-тапанта и *Ашышьхақәа* «Ашские горы» или «Абазинские горы».

Таким образом, можно говорить о постоянном присутствии с I века до позднего средневековья абхазо-абазинского этнического элемента в лице абаза-таманта (тапанта) и других сообществ на Таманском полуострове. Прежде всего, именно здесь складывались абхазо-русские и абхазо-адыгские этнополитические, этнокультурные отношения. Князя же тамовские – *Тамбии*, по-видимому, играли значительную роль также и в средневековой истории адыгов [425, 364–366]. По преданиям название *Кабарда* берет свое начало от имени *Кабарды Тамбиева,* происходившего, по одной версии, от абхазского горного общества «мудави» [445, 145, 420, 632, 365, 180], а по другой – из «басхег», т. е. тапанта [446, 319–322]. Следует подчеркнуть, что ойконим *Кабарда* фиксируется еще в начале XIV в. (см. карта Весконти), как название территории на северном побережье Азовского моря, примерно в районе нынешнего Таганрога [447, 80]. В XIV–XV веках кабардинцы вынуждены были переселиться из Приазовья в верховья р. Кубань и в места их современного пребывания. Похоже, что именно тогда вместе с кабардинцами из Приазовья переселилась на Северный Кавказ часть абхазо-абазин, ныне именующая себя *тапанта*, что представляется фонетическим вариантом *таманта* «таманские», «таманцы» – *абаза таманта // апаса (апса) таманта,* т. е. «абаза таманские», что равно «абхазы таманские».

2. Царство апсилов

Флавий Арриан на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье помещает всего шесть этнополитических образований: это царства махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абасгов, санигов и

зегов. Выше уже говорили о Царстве махелонов и гениохов и Лазском царстве. Согласно Арриану, названные этнополитические образования,за исключением Царства махелонов и гениохов, во II в. уже находились в сфере влияния Рима, причем раньше всех сложились римско-апсилийские отношения. Арриан говорит, что царь апсилов (апшилов) «получил власть» (утверждение) от императора Траяна (98–117 гг.), в то время как цари лазов, абасгов, санигов и зегов лишь от его сына – Адриана. В связи с апсилами представляет значительный интерес сообщение римского историка Европия о том, что Траян «принял колхов в подданство» также, как иберов и некоторые другие народы [345, 369]. И здесь, похоже, под именем *«колхи»* скрываются *апсилы* (апсары, фасиане), так как именно при Траяне в Восточном Причерноморье сложились только римско-апсилийские отношения, и Траяном был утвержден только титул царя апсилов (колхов) – Юлиана.

Как уже сказано, Апсилия занимала обширную территорию от р. Фазис до р. Кяласур (порой – до р. Гумиста). В силу географического положения своей страны, апсилы, как и лазы, контролировали важные международные торговые пути. Через Лазику проходила международная торгово-транзитная дорога, шедшая из Индии через приморский г. Фасиса во внутренние районы Римской империи. Не менее важна была и апсилийская дорога на Северный Кавказ. Поэтому не случайно, что ведущие центры Апсилии были сосредоточены в Цебельдинской долине на пути к Клухорскому перевалу, который интересовал римлян с момента их появления на побережье. Перевальные дороги привлекали внимание римлян как в интересах развития торговых отношений, так и в целях безопасности своих границ. Абхазские перевалы представляли большую опасность, поскольку через них к жизненно важным для римлян центрам Колхиды прорывались воинственные аланы и другие северокавказские племена [34, 46]. Поэтому в охране Кавказских перевальных путей были заинтересованы как местные этнические сообщества, так и правители Римской империи. Похоже, чтово второй половине III в. Апсилия находилась на пути вторжения готов, а за тем и боспорцев во главе Совромата в пределы Римской империи. В конце IV века уже Византийская империя, в том числе Лазика, Апсилия, Абазгия и другие этнополитические образования Кавказского Причерноморья, оказались

перед опасностью вторжения гуннов. В этот период, как и ранее, Себастополис остается одним из главных римских опорных пунктов на побережье Апсилии. Здесь размещается значительный римский (византийский) воинский отряд, в числе которого входит так называемая «Первяконная когорта Клавдия (около 500 чел.) [457, 84]. Римские корабельные стоянки и крепости находились в Гиеносе, Зеганисе (Гудаа) и в других прибрежных пунктах Апсилии [34, 55]. В частности, в конце IV вв. в Зиганисе стояла «Вторая когорта Валента», т. е. отряд, насчитывающий около четыреста легионеров [460, 10]. Известно также, что на рубеже III–IV вв. в Зиганисе (Сиганей, совр. Гудаа) был похоронен Кириак, сосланный вместе со своими братьями в Апсилию императором Диоклетианом за приверженность к христианству [461, 190].

В 70-х годах IV века гунны, разгромив объединения аланов, вторгаются через Кавказские перевалы в южные Римские области. В этих условиях защита Кавказских перевалов для Византии становится вопросом первостепенной важности. Данное обстоятельство еще более тревожило абхазо-абазинские сообщества, прежде всего санигов, абазгов, апсилов и лазов (лоадзов), что, похоже, привело их к концу IV века к союзническим связям, позволявшим совместную охрану перевалов и всего пространства, занимаемого ими. Судя по источникам, в этом объединении особую роль отводилась Лазике. Думается это было обусловлено прежде всего географическим положением Лазики, близостью ее к центру Византийской империи, а также, возможно, особым положением (старшинству) в истории абхазских (абазских) царей рода *Лау (Лоу*) или *Лауадзев* – основателей и правителей Лазского царства или *Лауазии* (см. выше). В союзе родственных этнополитических образований Кавказского Причерноморья была заинтересована и Восточно-Римская империя, пока существовала явная опасность вторжения гуннов в её пределы. Ей нужен был в Закавказье сильный союзник, хотя бы формально считавшийся её вассалом. Таковым могла быть сопредельная с Византией Лазика в союзе с другими царствами Кавказского Причерноморья. Прокопий говорит о том, что лазы имели единственную обязанность перед римлянами – защита своих (собственных) северных границ «дабы вражески настроенные гунны не могли бы из сопредельных с ними Кавказских гор, пройдя через Лазику, вторгнутся в римские владения» [462, 115, 412, 106–

107]. В таких же отношениях с Византией находились Апсилия, Абазгия и Санигия. Таким образом, в тот период, как отмечает Г А. Меликишвили, военный союз между Римом и колхидскими политическими образованиями становится необходимым для обоих сторон [345, 379]. Однако эти отношения в кавказоведческой литературе трактуется по-разному.

Акад. С. Джанашия, ссылаясь на слова Прокопия Кесарийского – «они (т. е. апсилы и абасги – *В. К.*) являются давнишними подданными лазов», считал, что абасги (абазги), апсилы и саниги попали в вассальную зависимость от лазов в 80–90 гг. IV в. н. э. [429, 315–317]. Г. Меликишвили же пишет: «Когда конкретно произошло подчинение Лазике апсилов или абазгов, нам не известно … Зависимость абазгов, во всяком случае к VI в. было несколько иной, чем подчинение апшилов. У абазгов были собственные два князя (два царя – *В. К.*), один в западной, другой же – в восточной части их страны. Территория же апшилов, очевидно, непосредственно была включена в состав Лазского царства» [249, 341, 342]. Однако, как справедливо отмечает историк М. М. Гунба, при более внимательном прочтении первоисточников, мнение вышеназванных авторов не в полной мере подтверждается. Так, тот же Прокопий Кесарийский пишет, что саниги «не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов» [20, 207, 208], он же говорит и об отпадении абазгов от римлян, а не от лазов [430, 400; 51, 161]. Прокопий также четко различает друг от друга Апсилию и Лазику, в частности, он пишет: «Мидяне стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазику, но и Апсилию» [430, 403]. Такое разграничение, как отмечает З. В. Анчабадзе, позволяет думать, что Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого [20, 207]. Более того, врядли можно говорить о подчинении в IV в. Апсилии, Абасгии (Абазгии) и Санигии Лазике, если последняя являлась данником Рима, и если в 362 году лазы вынужденно обращались с просьбой к императору Юлиану, чтобы им позволено было спокойно жить в пределах своей страны [467, 1005]. Некоторые авторы полагают, что Лазика в конце IV века усиливается, свидетельством чего, как они считают, является подчинение сванов лазам. Вместе с тем известно, что в первой половине V века Византия усиленно наращивает своё присутствие на территориях лазов, апсилов, абасгов,

возможно и санигов и, похоже, пытается в полной мере подчинить последних себе. Однако, к середине V века Византия сама оказалась в сложной внешней и внутренней обстановке, вызванной, прежде всего войной с гуннами и ирано-византийскими отношениями. Пользуясь этим обстоятельством, правители Лазики, возможно и союзных с ним Апсилии, Абазгии, стали позволять принятие самостоятельных решений по вопросу внутренней и внешней политики своих царств. К середине V в. это привело к серьезному конфликту между Лазикой и Византией. В этом противостоянии лазы потерпели поражение, и Лазика была возвращена в лоно империи. Вскоре, пользуясь ослаблением Лазики, сваны вышли из её подчинения, сама же Лазика в 70-х годах V в. была завоёвана Вахтангом Горгасалом [462, 121; 69, 16]. По договору же Вахтанга Горгасала с византийским императором, внутренняя Лазика (груз. Эгриси) со Сванией отошли к владениям Вахтанга Горгасала, а приморская Лазика, Апсилия, Абасгия и Санигия, остались,как и прежде, в сфере влияния Византийской империи [431, 177]. Далее, также не приходится говорить о подчинении Апсилии, Абасгии, Санигии Лазике. Что же касается противоречащего этим фактам заявления Прокопия о том, что абасги и апсилы являются давнишними подданными лазов, то оно преследует, по справедливому замечанию М. Гунба, политическую цель. Последняя заключалась в том, что Византия, одержав победу над Ираном, узаконив подчинение лазов себе, собиралась через них же подчинить и соседние с ними этнические сообщества [51, 161].

Вместе с тем, очевидно и существование более тесных связей между Лазикой и Апсилий в V–VI в. На наш взгляд, эта связь, скорее всего, носила характер добровольного союза, на что указывает отпадение апсилов от колхов (лазов) в 550 году из-за невыполнения последними своих союзнических обязанностей [430, 403].

Возникновение апсило-лазского союза, представлявшего этнический близко-родственное население, похоже, было вызвано возникшей необходимостью совместной защиты от нависшей над апсилийско-лазским регионом угрозы нашествия гуннов – с одной стороны, персов и римлян – с другой стороны. Лазско-апсилийский союз объявил себя наследником древнего Колхидского царства [20, 208]. Они, как пишет Агафий: «Гордясь старым названием колхов,… сверх меры себя возвеличивают, и может быть,

не совсем без основания» [434, 73]. Это объединение территориально и этнически действительно в основном было тождественно Колхидскому царству и Царству фасианов. Вместе с тем, как уже было отмечено, древне-абхазо-абазинские сообщества были всегда взаимосвязаны, в переломные моменты их исторической жизни приходили на помощь друг-другу, совершали совместные политические акции [365, 456].

Характерно также и то, что правители Лазики, не раз вынужденно покидая Лазику, бежали не в Сванетию, Картлию или другие места, а в Абхазию (т. е. в Апсилию и Абасгию) [466, 63]. Лазов и апсилов, по-видимому, связывала как этническая близость, так и династическое родство их царей. Например, представляется, что брат лазского царя Цафия – *Опсит*, царствовавший в Лазике в 30-х годах VI века и царь апсилов середины VI века – *Опсит,* руководивший в отсутствии абасгского царя *Скепарна* обороной абазгской крепости Трахея в 550 году, есть одно и тоже лицо. Известно, что в этот период царем лазов был племянник Опсита, сын его брата Цафия и его жены гречанки – Губаз II [69, 51]. По поводу же царского имени – Опсит Ш. Д. Инал-ипа пишет: «… абхазское имя лазского царя (согласно Прокопию) *Опсита* также наводит на многие размышления [365, 522]. В 532 г. Византия и Иран заключили между собой «вечный мир», по которому Византия закрепила свои прежние позиции в Причерноморье. Однако, вскоре, политика Византии в Лазике и поведение находившейся тогда здесь византийской армии привело к очередному восстанию лазов против римлян. Лазы были вынуждены обратиться за помощью к шаху Ирана Хосрову. Последний, нарушивший в 540 году «вечный мир» с Византией, через год вторгся в Лазику [69, 53]. Хосров, захватив в Лазике Петру – территорию основной приморской военной базы византийцев, в 542 г. двинулся в Апсилию и Абазгию с целью захвата византийских укреплений Себастополя и Питиунта. Римские же воины указанных укреплений, заблаговременно узнав о намерениях Хосрова, как сообщает Прокопий, сожгли дома, разрушили до самого основания стены крепостей и на суднах переправились в город Трапезунд. Убедившись, что византийцы покинули Себастополь и Питиунт, персы вернулись в Петру [69, 56]. В 550 году иранское войско под командованием Набеда вступило на территорию Апсилии. Они были призваны сюда противником Губаза – лазским

вельможей Тердатом. Последний изменой сдал главную апсилийскую крепость Цибил или Тзибил (абхаз. Цабал) [430, 403]. Здесь, вместе с апсилами, оказалась гречанка Феодора – жена Опсита, бывшего царя лазов и дяди Губаза. Набед захватил в плен Феодору и, оставив в Тзибиле часть своих воинов, отправился в Абазгию.

Иранцы, легко овладев Тзибилой, возомнили себя хозяевами апсилов. Поэтому поводу Прокопий пишет: «Вследствие этого мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии» [430, 403]. Однако, желанию мидян не суждено было сбыться. Главной причиной тому – разыгравшиеся вскоре события внутри крепости Тзибил. О них довольно подробно рассказывает Прокопий: «У начальника этой крепости (Тзибил – *В. К.*) была жена родом из Апсилии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он пытался соблазнить её: когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ними в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствии этого апсилы отпали отколхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилию со стороны персов» [430, 403].

Вскоре в объявившую себя независимой Апсилию вошел со своей армией византийский военачальник Иоанн, возглавлявший взятие абазгской крепости Трахей. Ему «многими дружескими речами и обещаниями» удалось вернуть апсилов к прежним отношениям с Византией, в том числе с Лазикой [430, 403].

В 553 году персидские войска во главе с Мермероем вновь предприняли поход в Апсилию и Абасгию. Однако персы были остановлены в Апсилии силами апсилийского-византийского гарнизона крепости Тзибила. Мермерой вынужден был вернуться в Лазику [69, 88].

В 555 году у восточных пределов Апсилии, на земле мисимиан, произошли трагические события, вызванные поведением прибывшнго сюда византийского стратега Сотериха.

Мисимиане, по-видимому, являлись подразделением апсилов. Они занимали горную зону, лежащую между верховьями рек Кодор и Ингур, которая, согласно Прокопию, в начале 50-х годов VI века

ещё входила в состав Апсилии [34, 64]. На земле мисимиан находились значительные крепости: в Кодорском ущелье – *Тцахар*, а вблизи р. Ингури – *Бухлоон*. Название крепости *Тцахар* (она же *Сидерон* «Железная» [69, 122]) происходит от гидронима *Дзыххар, Дзыххара* (абхаз. *Зыҕҕар-а*) – названия реки, у правобережья которой была построена эта крепость. Гидроним восходит к абхаз. *Дзыххар, Адзыххара* (совр. *Аҙыҕҕара*), букв. «мелкая вода», «мелководье» [94, 80]. На тесную связь апсилов и мисимиан указывает также и «Житие святого Максима Исповедника», согласно которому, в 60-х годах VII века крепость *Пуста* находится «в краях Апсилии и Мисимиании». В 555 г. византийский полководец Сотерих прибыл из столицы империи в Мисиминию и встал лагерем у крепости Бухлоон. Он привез сюда императорские деньги для раздачи северо-кавказским народам – союзникам Византии. Вместе с тем, похоже, Сотерих собирался передать апсилийскую крепость Бухлоон аланам «дабы послы более отдаленных народов получали там субсидии и не было бы более необходимости византийским посланникам самим преодолевать трудности дальних горных переходов» [69, 99–100]. Слух об этом возмутил мисимиан, они отправили к Сотериху двух своих самых знатных представителей – Хада и Туана. Последние, как пишет Агафий, обратились к Сотериху со словами: «Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Не подобает тебе позволять другим отнимать наше, ни самому этого желать. Если же у тебя нет такого намерения, как можно скорее отсюда уходи и избери себе другое местопребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы все будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты медлил и оставался здесь» [434, 87]. Сотерих счел оскорбительным требования мисимиан и велел избить мисимианских представителей, оскорбив тем самым всех мисимиан. Пришедшие в ярость мисимиани ночью разгромили византийский лагерь, уничтожив Сотериха, его сыновей и унесли с собой деньги, предназначенные для раздачи северо-кавказским союзникам византийцев. Затем мисимиане перешли на сторону иранцев, прося у них помощи. Однако иранцев опередили византийцы. Они смогли оперативно организовать (556 г.) карательный поход в Мисиминию. Для начала византийцы попытались путем переговоров склонить мисимиан

к благоразумному признанию «прежних правителей», т. е. лазского и византийского, а также к возврату денег, доставшихся им от Сотериха.

Византийскими военачальниками было решено в качестве переговорщиков (послов) использовать апсилов. Выбрав среди них самых разумных представителей, они отправили их к мисимианам. Последние же, как говорит Агафий, «отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсилийцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский, без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду» [434, 118–119].

Византийцы, сильно разгневанные случившимся, перешли к решительным карательным действиям. На своём пути они не щадили ни женщин, ни детей. В итоге, потерпев жестокое порожение, мисимиане вынуждены были покориться и вернуть захваченные у Сотериха деньги. В ответ на это византийцы «разрешили мисимианам продолжать жить в своей стране по своему усмотрению» [434, 67; 462, 156].

Дальнейшее упоминание миссимиан связано с деятельностью византийского дипломата Зимарха. Известно, что последний (569–570 г.), возвращаясь из Средней Азии и достигнув центра Алании, вынужден был отказаться от более короткого «мисимийскогопути» через Кавказ и прошёл западнее, дарьинским (апсилийским) путём, через Апсилию [69, 118].

В VII веке, по-видимому, часть территории мисимиан контролировали аланы. Соглано источникам, если в середине VI века византийцы пытались передать мисимийскую крепость Буколус (Бухлоон) аланам, [69, 99–100], то в шестидесятых годах VII в. эта крепость уже находились в руках алан [464, 1–12].

В самом конце VII века арабы проникают через Лазику в Апсилию и Абасгию, и, похоже, им удается укрепиться на короткий срок в Мисиминии. Как пишет историк Феофан Исповедник: «…была там (в Мисиминии – *В. К.*) крепость, называемая Сидерон, начальником которой был Фарасманий, подчинявшийся в то время сарацинам (т. е. арабам – *В. К.*)» [465, 84]. Эта крепость в период между 706 и 710 годами была захвачена посланником византийского

императора Юстиниана II- спафарием Львом Исавром, благодаря, в первую очередь, помощи апсилов.

Что же касается собственно Апсилии, то у неё сложились дружеские отношения с Византией с 562 года, т. е. современи подписания договора о перемирии между Византией и Ираном сроком на 50 лет.

Тем не менее Апсилия, как Лазика и Абасгия, контролировалась Византией через свои приморские крепости. Со временем, уже в первой половине VII в., вся Колхида практически превращается в византийскую провинцию. С её политической арены, как отмечает Ю. Воронова, уходят базилевсы – цари, вместо которых появляются патрикии [69, 111]. Так, например, царская власть в Лазике была упразднена еще в первой половине VII века, в частности, после 623 года, когда император Ираклий был недоволен Лазикой за её отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе [19, 71]. Представляют значительный интерес сведения об Апсилии серединыVII века. Имеется ввиду история ссылки в Лазику Максима Исповедника и его сподвижников – апокрисария Анастасия и его ученика Анастасия-инока [464, 1–12]. Последний описал свои странствия в Лазике в письме к иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому. В ней Анастасией перечисляет все крепости, где он томился, с указанием их локализации. В их числе апсилийские крепости *Скотор* в ущелье р. Кодор [51, 191], *Пуста* восточнее Азанты (из абхаз. *Ԥеԥшҭа,* букв. «площадь или двор у обрыва» [94, 233–234]), *Тусум-е* (совр. абхаз. *Дзым-ашта*, букв. «двор Дзымовых») [24, 251, 252]. Вызывает особое любопытство сообщение Анастасия о том, что в начале 60-х годов VII века, в течение двух лет в Лазике был отстранен один из правителей, а сменивший его другой в течение 663 г. дважды лишался власти [276, 44–45]. При этом, в обеих случаях последний бежал в страну абасгов, и с помощью правителя Абасгии восстанавливал свою власть в Лазике. Вскоре он же вынужден был уступить своё место новому «богобоязненному, христолюбивому» правителю по имени Григорий.

Примечательно, что в тот период резиденция лазских правителей находилась не в самой Лазике, в восточной её части, как это было всегда, а в северо-западной Апсилии, в районе резиденции апсилийских правителей. Как уже сказано, в начале 663 года тогдашний правитель Лазики был смещён. Согласно рас-

сказу Анастасия, резиденция этого правителя ещё находилась во внутренней Лазике. Резиденция же сменившего его правителя уже помещается в Апсилии в районе Тзибила (Цебельда), вблизи крепости *Пустус,* где был заключён Анастасии. Новый патрикий (правитель) Лазики освободил Анастасия из крепости *Пустус* (совр. *Апуша*) и поселил его вблизи своей резиденции в том же районе [69, 114]. Здесь же находилась резиденция и последующего правителя Лазики – Григория, а также, возможно, и его приемника, известного под абхазо-адыгским именем *Барнук* (или Ле-Барнук) [69, 114–115; 94, 251], срав. с царским именем *Капарук* в т. н. «Диване абхазских царей».

Всё это, похоже, указывает на попытку окрепшей Абазгии представить апсилийских правителей в качестве правителей всей находившейся тогда под имперским правлением Лазики и, тем самым, – расширить и укрепить свое влияние как на Апсилию, так и на всю Лазику.

Однако, вскоре коренным образом меняется политическая ситуация во всем Западном Закавказье. Сюда в конце 60-х годов VII века вторгаются арабы, продвижению которых способствовало восстание против Византии лазского правителя Сергия – сына Барнука, и подчинение Лазики арабам. На сторону арабов перешли также Апсилия и Абасгия. В Апсилии арабы разместили несколько своих гарнизонов, но уже в начале VIII века Византийской империи удается восстановить в регионе прежнюю ситуацию, что стало возможным благодаря, прежде всего, усилиям будущего императора Византии – спафария Льва Исавра. В частности, как пишет Феофан, византийский император Юстиниан IIотослал в 708 году Льва Исавра «в Аланию с деньгами для того, чтобы поднять аланов на Абасгию, в то время как арабы завладели и Абасгией, и Лазикой, и Иверией». Лев Исавр, оставив деньги в Фасисе, пробрался через Апсилию к аланам и организовал вторжение союзных Византии алан в Абасгию. Выполнив стоявшую перед ним задачу, в 711 году перейдя один из перевалов, Лев Исавр спустился в страну апсилов. Здесь он смог собрать скрывавшихся от арабов византийских солдат, в основном, армянской национальности. Им предстояло двигаться вниз через укрепленное ущелье. Как пишет Феофан: «А была там крепость, называемая *Сидерон* «Железная» (она же *Тцахара – В. К.*), начальником которой был некто Фарсманий,

подчинявшийся в то время сарацинам» [465, 84]. Лев Исавр был вынужден, с помощью сопровождавших его алан и армян, организовать осаду крепости *Сидерон*. Исход сражения решил патрикий апсилов *Марин*, который пришёл на помощь Исавру с тремя сотнями своих воинов. Разрушив Сидерон, Лев Исавр «отправился в Апсилию в сопровождении Марина, первого у апсилов, и был принят со многими почестями». Далее он с почетом был выведен из резиденции Марина, находившейся, по предположению ученых, на горе *Шапкы (Собга* др. источников), в 7 км. от Цибилиума и доставлен к морю, где и сел на корабль в порту Себастополиса [69, 122–123; 34, 69].

Как сообщает Феофан Хронограф, в период осады Анакопии Мурваном Кру («Мурван Глухой») другой арабский полководец – Сулейман ибн-Исам – вступил в Апсилию. Арабы взяли штурмом Сидерон (Тцахару) и захватили в плен последнего правителя апсилов, Евстафия – сына «блистательного патрикия» Марина, в недавном прошлом помогавшего Льву Исавру. Сам Евстафий также являлся незаурядным человеком, пользовался заслуженной известностью в христианском мире. Потерпев поражение под Анакопией, арабы увезли Евстафия с собой и, после неудачной попытки обратить в исламскую веру, казнили [19, 93–94; 69, 127]. По этому поводу Феофан сообщает, что в 740 году Сулейман ибн-Исам «перебил всех пленных христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодати божьею, производят всякие целения» [69, 127].

Как справедливо отмечается в исторической литературе, в 738 арабы нанесли такой урон Апсилии, что она в дальнейшем уже не смогла возродиться в качестве самостоятельного политического образования [34, 69].

О социально-экономической структуре Апсилии в I–VII вв. можно судить на основе анализа многочисленного, разнообразного археологического материала. Наиболее ранним и ярким археологическим памятником Апсилии является погребение, найденное в селе *Тагилан* (Тагилон). Здесь обнаружено много золо-

тых изделий: голова оленя с ветвистыми рогами, золотые бусы, бляшки, серебряная посуда – стакан, чаши, кубок, блюдце, кольцо, обломки бронзового кувшина, железные конские удила и другие предметы, относящиеся к рубежу I–II вв. [69, 20–21].

В I–III веках н. э. в Апсилии широко распространяются римские монеты, фибулы – булавки, среднеземноморские раковины для ожерелий, амфоры, стеклянная посуда, предметы вооружения и другие материалы, «иллюстрирующие нарастание римско-апсилийских связей» [34, 47].

В материальной культуре также представлены общечерноморские образцы мотыг, вооружения, украшений и др., а также и материалы, указывающие на связи апсилов и аланов. Археологический материал Апсилии также указывает на развитие местной самобытной культуры. Представляет значительный интерес местная школы гончарного производства и металлургии. В целом же, материалы раскопок в Цебельде, отличающиеся рядом своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, дают археологам возможность выделения в Западном Закавказье особой археологической культурыпод названием «цебельдинскиой» [455, 273–274; 201–219] или «апсилийской».

В социальном аспекте апсилийское общество было уже довольно резко дифференцированным на бедных и богатых, а в религиозном отношении здесь были представлены как язычество, так и неофициальное христианство [456, 69]. В VI в. в Севастополисе (Сухуме) появляется храм, построенный в честь мученика Ореста и епископ. Себастопольский епископ в 451 году участвует в IV Вселенском соборе в г. Халкидоне [459, 14].

В качестве официальной религии христианство апсилами было принято в 30-х годах VI века, вслед за лазами [34, 65, 66].

3. Царство абазгов (абасгов)

Как уже сказано, в первой половине II в. рядом с апсилами находились абасги, причем апсилы с северо-запада одновременно граничили как с санигами, так и с абасгами. Последние же, т. е. абасги, занимали горную часть территории современной Абхазии от верховья р. Келасур (или Гумиста?) до верховья р. Псоу (возможно, до р. Мзымты), а также и прилегающие к ней земли Северного Кавказа, лежавшие вблизи алан (см. выше). Именно в этот

период, согласно Арриану, во главе Царства абасгов стоял некий царь Ресмаг, утвержденный римским императором Андрианом.

Вскоре абасгам удается расширить свою территорию за счет приморских земель санигов в междуречье р. Гумиста и Псоу. При этом трудно судить – произошло это в результате захвата данной территории абасгами или в результате слияния близкородственных этнических обществ. Так или иначе, уже в V в н. э. апсилы граничат только с абасгами (похоже по р. Гумиста), а граница между абасгами и санигами уже проходит по реке Абаск (Псоу). Таким образом, (на рубеже II–III веков) Абасгия (Абазгия), как и другие абхазские (абазские) политические образования, становится приморской страной. Сведения об абасгах (абазгах) довольно часто встречаются в II–X веках, в сообщениях древних авторов. Согласно источникам, во II–V вв. Абасгия находилась в афере политического влияния Рима.

В конце II в. на месте греческого Питиунта была построена мощная римская крепость, в которой, как отмечает Ю. Воронов, размещался не только значительный гарнизон, но и, по-видимому, центральное командование целой группы гарнизонов, расквартированных в Северной Колхиде [69, 25]. Похоже, в этот период территория Абасгии являлась северным пределом влияния Рима на Черноморском побережье. Известно, что еще в 40-х годах III в. римляне были вынуждены вывести свои воинские гарнизоны с Боспорского царства и уже в этом регионе были сильны антиримские настроения. Поэтому, не случайно, что с середины III века жители Северо-Западного Причерноморья, Боспорского царства и готы начинают предпринимать попытки уничтожить римское укрепление в Питиунте, а затем и в других местах Причерноморья. Первая попытка захватить Питиунт оказалась неудачной. Через несколько лет готы повторили свой набег на Питиунт. Им на этот раз удалось взять укрепленный город, разграбить его и увести жителей в плен [15, 71]. Вскоре, в конце 50-х годов III века Питиунт в числе других городов на Кавказском побережье Черного моря вновь был захвачен и разграблен готами. В конце же III века полководец боспорцев Савромат во главе меотийских сармантов совершил поход против римлян, завоевал страну лазов и достиг реки Галиса в Малой Азии а за тем вынужденно вернулся в Боспор. Эти и другие события указывают, что Рим в III в. небыл в состоянии эфективно защищать

свои владения и подопечные им территории. Это было обусловлено обострением в Риме в III в. внутреннополитической обстановки, ожесточённой борьбой между отдельными социальными группировками, неудачными войнами, которые приходилось вести Римской империи против усилившегося Персидского государства Сасанидов и другими факторами. Во второй половине III века отношения между Римом и Абасгией, как с Апсилией и Лазикой, являлись союзническими, Рим не в состоянии был вмешиваться в их внутренние дела.

На рубеже III–IV вв. центр римской империи постепенно перемещается на Восток, в связи с чем в первой половине IV в. наблюдается некоторое укрепление римской мощи в восточных провинциях, в частности, в прибрежных городах Центральной и Северной Колхиды. Похоже, становятся более тесными связи Римской империи с Абасгией. В конце III века вновь отстроенный Питиунт становится местом ссылки христиан. В первой четверти IV века здесь формируется христианская община во главе с епископом Стратофилом, участником Никейского собора 325 года [34, 55].

Согласно известному источнику «Мученичество святого Орентия», написанному в IV в., римский император Диоклетиан инструктировал царя абасгов *Ригвадина* в отношении высланных в Питиунт христиан [69, 25]. Позднее Питиунт упоминается епископом Феодаритом Кирским в связи с описанием злоключений Иоанна Златоуста, умершего в 407 г. по пути в Питиунт, куда он был сослан. Феодорит также говорит, что Питиунт в его время представляет собой «крайний предел Понта и римской власти, соседний с самыми дикими варварами» [467, 622].

В IV в. большое число абасгов стало уходить на службу в римскую армию, в которой, на рубеже IV–V вв., складываются целые воинские подразделения абасгов (Ala prima abasgorum) [69, 26]. Тогда же в Египте стояло римское воинское подразделение – когорта, носившее название «Первая когорта абасгов» [34, 51]. Вместе с тем, с образованием Византийской, т. е. Восточно-Римской империи (395 г.), в Абасгии, как и в других частях Понтийского лимеса, резко увеличивается численность римских солдат. В Себастополе располагается Первая конная когорта Клавдия [457, 84], а в Питиунте была расквартирована Первая счастливая когорта Феодосия, состоявшая из пятисот легионеров [457, 85].

Прежде всего, это было вызвано опасением нашествия гуннов в пределы империи. Тогда же гунны под предводительством Аттилы вторгаются через Кавказские перевалы в южные римские области [458, 143–153]. Однако, в этот период, ослабевшая в борьбе с вандалами, гуннами и во внутриполитической борьбе Византия была не в состоянии самостоятельно защищать свои пределы. Поэтому, прежде всего -нашествия гуннов, подтолкнула Византию к концу IV в. к союзническим отношениям с абхазскими (абазскими) этнополитическими образованиями, в том числе с Абасией, на стороне которой находились важные перевальные пути. Пользуясь этими отношениями, Византия совершенствует созданную им оборонительную систему «Понтийский лимес» в Восточном Причерноморье и резко увеличивает здесь численность римских солдат. Как уже сказано, только в Питиунте в V веке находилось уже 500 легионеров [34, 55]. Таким образом, Византия в первой половине Vвека, похоже, смогла поставить под свой контроль Лазику, Апсилию и Абасгию.

По сообщению Прокопия Кесарийского абазги приняли христианство в 529 году при Юстиниане Великом [18, 201]. Как пишет Прокопий: «Римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них (абасгов – *В. К.*) во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки. Ввиду более насильственного проявления власти абасги… пришли в негодование» [430, 400]. Следует подчеркнуть, что силовое решение Византией полного присоединения Абасгии к империи не состоялась в силу того, что в 542 году, под нажимом персов, Византия была вынуждена вывести свои гарнизоны из Питиунта и Себастополиса. Как отмечено в исторической литературе, Византия, утратив возможность контроля над абасгами с помощью грубой силы, выждав удобный момент, прибегла к помощи дипломатии. Около 548 года в Абасгию прибыл посланец императора – абасг Евфрат, с целью запрещения князьям производить кастратов [18, 136]. Ранее из Константинополя был прислан епископ. На средства, выделенные Юстинианом, был построен храм, а при императорском дворе основана школа, где

специально обучались мальчики из Абасгии. Абасгам, как христианам, были дарованы равные с византийцами права. Соответственно, местным князьям было запрещено впредь уродовать и продавать в рабство своих единоплеменников-христиан [34, 58]. Как отмечает Прокопий, большинство евнухов у римлян и, главным образом, в царском дворце, были родом абасги [430, 383], а, по сообщению историка Евнапия (Евагрия), из абасгов состояла и внутренняя стража Юстиниана [19, 45; 468, 110–111].

Вместе с тем, византийское правительство во главе с Юстинианом направляло своих агентов в Абасгию, с целью восстановить оппозиционные круги абазгов против их царей под предлогом борьбы с практикуемым последними кастрированием юношей [430, 382]. И вскоре, согласно Прокопию, «абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе» [430, 383]. Однако, вслед за этим, как отмечает Ю. Воронов, порядки, введенные в Абасгии византийцами без согласования с её исконным населением, вызвали в среде последнего негодование. Воспользовавшись затруднениями империи в войне с Ираном за Лазику, абасги снова выбрали себе царьков: *Опсита* – в восточной части страны и *Скипарну* – в западной, и призвали на помощь персов. Как нам представляется, против своих правителей, а затем и против Византии, одновременно восстало население как Абасгии, так и Апсилии. Вслед за Абасгией, в 550 году, от Византии (прежде всего Лазики) отложилась и Апсилия. Тогда же персидские войска во главе с Набедом, двигаясь в Абасгию, захватили обманным путём (см. выше) апсилийскую крепость Тзибилу и здесь же пленили жену Опсита (в прошлом царя лазов и дяди Губаза) – гречанку Феодору. Далее персидские войска прибыли в страну абасгов. Пробыв здесь недолго, взяли они в качестве заложников шестьдесят мальчиков из самых знатных абасгов и двинулись назад. Вместе с армией Набеда в далёкую Персию, помимо Феодоры и заложников, отправился один из абасгских царей – Скепарна, которого Хосров пригласил к себе для переговоров [69, 67, 68].

Переход абасгов на сторону персов с гневом воспринял Византийский император Юстиниан. По приказу Юстиниана командующий вооруженными силами Византии в Лазике Бесс «отобрав из римского войска очень многих и поставив над ними начальниками Улигага и Иоанна…, Бесс тотчас отправил их на кораблях в области абасгов» [430, 400–401].

В связи с отсутствием Скепарны, организацию обороны абасгов вынужден был взять на себя *Oncum*, который, как говорит Прокопий, «узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними» [430, 400–401]. Как нам представляется, этот Опсит в то время являлся царём Апсилии, т. е. Восточной Абхазии, а в прошлом и Лазики, где Опсит унаследовал лазский престол от своего брата Цафия (см. выше). Не случайно также, что жена Опсита – гречанка по имени Феодора – находилась в центре Апсилии, в крепости Тзибил.

По поводу личности Опсита Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Надо думать, что Опсит был не «царем» восточных абасгов, как об этом пишет Прокопий, а являлся властителем «восточной стороны Абхазии, то есть царем Апсилии, западные пределы которой во время Прокопия простирались, по-видимому, до самого района Сухума, а может быть чуть дальше. В западной же стороне Абхазии того времени, то есть у всех собственно абазгов, царем был, в таком случае, Скепарна. При всем том, с именем Опсит в источнике наблюдается явная путаница: то он «царь», то «правитель абасгов», то властитель «восточной стороны» Абасгии, и, как ни странно, этим же именем назван и неизвестно откуда взявшийся «лазский царь», причем непонятно, когда он царствовал в Лазике, да и имя его явно абхазского (апсильского) облика. Странно, почему вдруг понадобилось лазам назвать члена царской семьи, будущего наследника лазского престола апсильским, а не лазским именем? Обращает на себя внимание присутствие как в имени Опсит, так и в названии Апсилии элемента «пс». Что же касается того, что по названной Прокопием причине – отсутствия западноабазского Скепарны, задержанного Хозроем в Персии, обороной Трахеи руководил апсилийский Опсит, то это не должно нас особенно удивлять, тем более, что и сама Апсилия, где также были сильны сепаратистские тенденции, отпала в это же время от лазов и римлян, т. е. почти одновременно с абасгами, что было явно неслучайным явлением. В переломные моменты своей исторической жизни апсилы и абазги выступали, очевидно, как один народ, то есть обстоятельства вынуждали их совершать согласованные политические акции» [365, 456].

Силы абасгов (возможно и апсилов) Опсит сосредоточил в крепости Трахея, которая находилась вблизи моря на границе между

Апсилией и Абасгией. Об этом укреплении Прокопий пишет: «За пределами апсилиев при входе в пределы абасгов есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта. У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступности этого места. Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям по двое в ряд… Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «*Трахеей»* – сурово-кремнистым» [430, 401].

Следовавшее в Абасгию византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсилов; высадив войска на сушу (похоже в западной части контролируемой римлянами Себастополя – В. К), Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за войнами вдоль берега». Византийцы решили атаковать крепость Трахею с востока. Однако, когда они стали подходить к крепости по тропе через узкую местность, «увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоящих над этой тропой… вдоль всего обрыва» [430, 401]. Византийцы остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец, решив, что лобовая атака принесет значительные потери, византийские военачальники разделили войска на два больших отряда, один из которых, под командованием Иоанна, сделав вид, что уходят, вернулись к своим кораблям. Далее на вёслах они обогнули то место, где *Трахея* подходит к берегу, и, тем самым, оказались в тылу у неприятелей. Затем, распустив знамёна, обе части византийской армии пошли на абасгов, которые, как говорит Прокопий «увидав врагов, наседающих на них с двух сторон… в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать от этого места всё дальше и дальше [430, 401–402].

Абазги вынуждены были отступить за крепостные стены. Однако стража не успела закрыть вовремя ворота, и противник во-

рвался внутрь крепости без всяких препятствий. Абасги же, заняв оборону на крышах домов, пытались отбиться сверху, но нападавшие подожгли дома, и Опсит с небольшим отрядом бежал на Северный Кавказ к союзникам персов – гуннам. Византийцы взяли в плен жён знатных абасгов со совсем потомством и приближёнными, опустошив прилегающую местность [34, 60]. Таким образом, в 550 году абасгам пришлось заплатить большую цену за своё стремление к независимости.

В связи с вышеописанными событиями, важно определить локализацию крепости *Трахея,* относительно которой до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи (С.Н. Джанашия [469, 73], В. А. Леквинадзе [470, 181, 185] и др.) *Трахею* помещают в районе старой Гагры, другие же (Д. Бакрадзе [471 25], З. В. Анчабадзе [19, 11], Ш. Д. Инал-ипа [365, 463], Ю. Н. Воронов [69, 7] и др.) пытаются доказать, что она находилась на вершине Анакопийской (Апсарской) горы в совр. Новом Афоне. В последнее время высказываются и другие мнения. Например, краевед Т. Гицба, опровергая, на наш взгляд вполне обосновано, вышеназванные мнения, считает, что Трахея могла находиться у приморской части Келасурской стены, где, по его мнению, проходила граница между Апсилией и Абасгией [382, 50, 51]. Мы также осторожно уже высказывали и свое мнение о том, что Трахее может соответствовать район крепости Уазабаа, находящейся вблизи правого берега р. Гумиста (Гәымсҭа) на Верхне-Эшерском плато [94, 256]. На наш взгляд, описанная Прокопием *Трахея* полностью соответствует указанной территории по следующим признакам:

1. Трахея была расположена вблизи границы между Абасгии и Апсилии – «за пределами Апсилии при входе в пределы абасгов» [430, 401];

– Границей между Апсилией и Абасгией являлась р. Гумиста [19, 8] у правобережья которой находится Верхне-Эшерское плато.

2. Трахеярасполагалась на довольно значительном расстоянии от моря в «гористых местностях» [69, 7];

– Верхне-Эшерское плато также отстоит от моря на значительном расстоянии (около 5–6 км.), и само плато представляет собой гористую местность.

3. Согласно Прокопию, Трахея находилась на горе «начинающейся от Кавказского Хребта и все понижающейся, заканчиваясь как бы лестницей, вплоть до самого Эвскинского Понта» [430, 401];

– Здесь также не трудно узнать территорию Верхне-Эшерского плато и села Эшера «все понижающегося, заканчиваясь как бы лестницей» тянущегося вплоть до самого Эвксинского Понта, т. е. Черного моря.

4. В источнике также говорится: «Есть один проход, ведущий в это укрепление (т. е. Трахею – *В. К.*) и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд… Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески называют его «Трахеей» сурово-кремнистым» [430, 401].

В действительности не только тогда, но и в настоящее время добраться напрямую от моря через село Эшера к Верхне-Эшерскому плато довольно сложно. В прошлом в плато входили через Гумистинское ущелье, минуя крепость *Уазабаа* [Трахея – *В. К.*]. Узкая тропа начиналась у входа в горловину Гумистинского ущелья у верхнего гумистинского моста. Далее тропа идёт по правой стороне р. Гумиста на расстоянии около 1 км, а затем сворачивает в гору, к отвесным скалам, о которых говорит Прокопий, и к «единственному входу в Трахею», т. е. к проходу через крепость *Уазабаа*. Здесь же пещера, из которой вытекает большой родник. Все это находится у восточного предела Верхне-Эшерского плато и, как известно, именно с восточной стороны римляне первоначально подошли к Трахее. Эта же сторона является самой низкой и выступает как подошва у всего гористого плато. Здесь же крепость Уазабаа, защищавшая с востока единственный проход в этот район. Похоже, Прокопий имеет ввиду именно эту крепость, когда говорит, что у подножья «горы ещё в древности… выстроили очень сильное укрепление … Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов» [430, 402].

Согласно источнику, район Трахеи занимал обширную территорию с многими поселениями. Римляне вынуждены были атаковать этот район с двух сторон, для чего часть римского во-

йска осталась у восточного входа, другая же, обогнув на кораблях приморскую Трахею, высадилась, похоже, где-то в районе Гвандра. Далее римские воины, взобравшись на гору, оказались сзади абасгов.

Как видим, всё что сказано выше, никак не подходит к крепости в Старой Гагре и, тем более, к Анакопии в Новом Афоне.

Наконец, в пользу идентичности территории, именуемой Прокопием Трахеей, и территории Верхне-Эшерского плато также говорит название поселения и крепости *Уазабаа,* локализующихся, как уже говорилось, у восточного прохода в указанный район.

Согласно народной этимологии, название крепости *Уазабаа* переводится как «Крепость печали», «Плачущая крепость» – от *ауаз* «плач», «причитание». В действительности же, впрепозиции названия, скорее всего, этническое имя *уаз*, во мн. числе *уазаа* (ныне пишутся *Воз-ба*, у абазин – *Оз-ов*), и *абаа* «крепость»: *Уазабаа* «крепость Уазовых». Если же учесть соответствие абхазского *а-уаз* форме *аваз // абаз,* лежащих в основе известных этнонимных форм *авазг // абазг,* то название крепости *Уазабаа* или *Уазырбаа* букв. переводится «Крепость (авазгов) абазгов» или «Абазгская (Авазгская) крепость» [94, 256].

Как уже сказано, практически весь VI век Абазгия, как и Апсилия, Мисиминия и Лазика, была охвачена кровопролитной национально-освободительной борьбой. Каждое неудачное выступление имело тяжелые последствия. К ним относиться и депортация населения.

Так, после подавления антивизантийского выступления абасгов, руководивший обороной Трахеи царь (апсилов?) Опсит с частью воинов вынужден был перейти на Северный Кавказ к гуннам, где, похоже, и остался. Накануне этих же событий персы, уходя из Абасгии, забрали с собой шестьдесят мальчиков из самых знатных абасгов, каждого из которых, надо полагать, сопровождало определенное число обслуживающего персонала из абасгов. С персами ушел на переговоры с царём Ирана – Хосравом также и царь абасгов Скепарна со своей свитой. Тот же Хосров в 549 г. принял решение «весь народ лазский переселить, а Лазику заселить персами и другими народами» [412, 210]. Похоже, этот план частично был осуществлён. Азербайджанский исследователь С. Ю. Косумова, со ссылкой на

арабского историка IX века А. Табари, пишет, что при Хосрове I в. Азербайджан были переселены *аланы, абхазы, булгары* и люди из племен *сул* [472, 48]. Известно, что от Сумгаита до Дербента по побережью Каспия локализуются десятки топонимов с номинацией «Абхаз». Даже был город Абхаз [473, 36; 474, 13]. Этот же город, согласно источникам, являлся резиденцией *Абхаз-шаха* – владетеля области, соседней со страной Лиран, центром которой был город Шемаха [476, 28]. Представляет также значительный интерес проживание на территории Азербайджана этнического сообщества под именем *азера*. В частности, они являлись «жителями (села) города *Базза*, а центром их распространения г. Ардобиль» [472, 44, 45]. Город *азеров*– *Базз* в конце VIII века оказался центром восстания Бабека, которое «охватило помимо Южного Азербайджана, также Арран и Байлакан, и в течение 20 лет сотрясало весь аббасидский Халифат» [472, 32]. Вблизи поселения *Базз* был и город *Барза,* переименованный в 628 г. в *Барзанда*. До Ардобиля центром всего указанного региона был город Марага, именовавшийся до 732–733 гг. AfzahruS (Апза(х)рус / Апзарус) [472, 23]. К сожалению, как отмечает С. Ю. Косумова, образцы языка азерийцев остались не зафиксированными. На наш взгляд, этот пробел в какой-то мере восполняет вышеназванный ономастический материал. Так, например, напрашивается сопостовление этнонима *азера* с *азра* – адыгским обозначением абхазов. А также:

Базз – город *азеров,* срав *а-баз-г*, *абаза* «абхазы» и абхазский патроним *Баз-аа «Базовы», Баз-ба «Базов*»;

Барза – поселение вблизи г. Базз, срав. с садзско-убыхским именем княжеского рода *Барзы* (абхаз. *Барҙы*) – совр. *Барзек, Барзе-ков*; в Абхазии гора *Барҙы-шьха* «Гора Барзов»;

Апзарус (Апза(х)рус) – областной центр, переименованный в 30-х годах VIII века в Марага; срав. *Апсар-ус* с *апсар* – древним самоназванием*апсилов (абхазов)* или *Апзах-рус* с *абадзех;*

Бабек – имя предводителя восставших, главным центром пребывания которых был тот же город Базз; срав. *Бабек* с абхазо-адыгским именем *Бабук* (Бабыҟə), а также названием села *Бабук-аул* «село Бабука» в исторической Западной Абхазии.

Так или иначе, древние источники не оставляют сомнения в том, что в VI веке часть абхазских (абазских) сообществ была переселена Хосровом на территорию совр. Азербайджана.

В 551 г. Хосров и Юстиниан заключили унизительное для Византии пятилетнее перемирие.

Однако, в 553 году персидское войско под командованием Мермероя двинулось в Абасгию. Византийцы же, занимавшие гарнизоном, надо полагать, вместе с апсилами, главную крепость Апсилии – Тзибилу, захватили узкий проход, окруженный отвесными скалами (по мнению Ю. Воронова, возможно, Трахею), и не пропустили войско персов дальше. Мермерой вынужден был вернуться в Археополь [69, 83]. Тот же Мермерой в 554 году, путём обманных манёвров, вынудил многочисленное византийское войско, стоявшее в Лазике, к бегству. За это позорное бегство Юстиниан лишил знаменитого полководца Бесса власти, конфисковал имущество и выслал его в страну абасгов [69, 85], что возможно, указывает на его абазское происхождение. Вскоре положение персов в Лазике ухудшилось. В 555 году они дважды потерпели поражение – спервa у Археополиса, затем – у Фазиса. Хосров I, убедившись, что практически проиграл военную компанию в Лазике, заключил, для начала, перемирие с Византией, а затем, в 562 году, длительный 50- летний мир.

В этот период налаживаются лазо-византийские отношения, укрепляются связи Византии с Апсилией и Абасгией. Далее, уже с 70-х годов VI века, на протяжении полутораста столетий Колхида, в том числе и Абасгия, уже представляет собой византийскую провинцию [69, 111]. Вместе с тем, абасги продолжают принимать участие в боевых действиях империи. В 572 году абасги находились в числе тех, кто принимал участие в войне Византии против персидской армии Мирана. В 623 году они также находились в составе армии византийского императара Ираклия, воевавшего в Восточном Закавказье. Однако вскоре абазги и лазы самостоятельно вышли из этой войны. По этому поводу Феофан Хронограф писал: «Ираклий решил перенести военные действия в Месопотамию, а затем отступил на Северный Кавказ, лазы и абасги отказались от дальнейшего участия в войне, за что попали в большую беду. Так, например, Лазика за этот поступок лишились царской власти [276, 97]. Неизвестно, какое наказание понесли за это абасги, но они далее упоминаются и в числе вспомогательных отрядов византийцев в сражении с арабами на берегах Евфрата в 654 г. [19, 70-88; 69, 112].

В VI–VII вв. контроль над Лазикой, Апсилией, Абасгией Византия продолжала осуществлять, прежде всего, через свои приморские крепости. Ими вновь были восстановлены Себастополь и Питиунт. Об этом Прокопий пишет следующее: «…напротив Лазики были два укрепления – Себастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услыхав, что Хосров спешно посылает сюда войско… Ныне же император Юстиниан этот Себастополь, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов» [69, 112]. Этот же город именует как «Великий Себастополь» автор VIII века Епифан Константинопольский.

В III–IV вв. абасги сумели построить у себя крупную и сильную крепость Анакопию, ставшую с VII века «главной крепостью Абасгии».

Во второй половине VII в., похоже, Абасгия усиливается, начинает предпринимать несогласованные с Византией решения. Более того, проявляет сочувствие и помогает противникам Византийской власти – церковным деятелям, отбывающим наказание в Апсилии. В то же время, как выше сказано (*см. Царство апсилов*), смещенные в Лазике цари бегут в Абасгию и с помощью последней не раз восстанавливают свою власть. Причем эти цари сидели не в самой Лазике, а рядом с Абасгией, в Восточной части Апсилии. Сама же Лазика находилась под имперским правлением. Похоже, что Абасгия уже в тот период начинает распространять своё влияние на близкородственных с ними соседей.

Во второй половине VII в. в Закавказье продвигаются арабы. Согласно одним источникам, в 668 г., а по другим источникам в 737, 738 г.г. арабы потерпели поражение в Абазгии у стен Анакопии.

В то время арабскую армию возглавлял Мерван //Мурван, прозванный за свою жестокость «Мурван Кру», т. е. «Мурван Глухой». Арабы, захватив Қартли, Лазику, вошли в пределы Абазгии и осадили главную крепость страны – Анакопию.

По этому поводу грузинский летописец XI в. Джуаншер пишет: «И обошёл Кру весь Кавказ и завладел вратами Дариала и Дарубанда. И разрушив все города и большую часть всех границ

Картли… И когда узнал, что цари Картли и все родственники их ушли в Эгриси и оттуда перешли в Абасгию, вернулись и стали лагерем в районе Чкондиди. Его лагерь был от Цхенисцкали до Абхазии… Мурван пошел по их следам и разрушил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехстенную, которая есть Цихе-Годжи, разрушил и вошел в ограду Клисура. И в приход его был католикосом Табор. И когда вошел Кру в Клисуру, которая в то время была границей Греции и Картли, (он) разрушил город Апсилии Цхум (Себастополь – Ю. В.) и осадил крепость Анакопию, в которой есть икона пречистой Богородицы нерукотворной, относительно которой никто не знает, как она (туда) попала: ее нашли на вершине той горы, к которой с юга подступает море, а с севера – леса болотистые. Были тогда в ней цари Картли Мир и Арчил, а отец их был мертв и похоронен в Эгриси. А эристав императорский Леон ушел в крепость Собга, которая находится на перевале в Осетию. И никто не мог сразиться с Кру, так как войска его были и многочисленнее лесов Эгриских… И когда они (Мир и Арчил. – *В. К.*) находились в крепости Анакопии, туда пришел Мурван Кру и начал борьбу с этими царями… И было с ним число малое служителей дворцовых тысяча, а из войск абхазов – две тысячи воинов» [431, 234–238; 69, 125–127].

В период осады Анакопии, похоже, правитель Апсилии Евстафий – сын «блистательного патрикия» Марина и абазгский правитель Леон подняли апсилов против арабов. В этой связи арабский полководец Сулейман ибн-Исам вступил в Апсилию и нанёс стране сокрушительный удар, Евстафий был пленён. На наш взгляд, события в Апсилии ослабили арабов и вынудили их ускорить штурм Анакопии, в результате чего они и потерпели поражение у стен Анакопии. Это великое событие стало переломным для всех абхазских (абазских) политических образований того периода.

В 692 г. арабы наносят сокрушительный удар византийцам. Вскоре арабы оказываются у восточных границах Лазики. Пользуясь этим обстоятельством, в 697 г. против византийцев «восстал патрикий (Лазики) Сергий, сын Барнука, и подчинил эту страну арабам» [465, 81, 82]. Далее арабы проникли в Апсилию и привлекли на свою сторону Абасгию.

Византийцы, не обладая возможностью собственными силами вернуть абасгов, решили на них натравить алан. С этой целью, как

уже сказано, Юстиниан II отослал (706–710 гг.) спафария Льва Исавра «в Аланию с деньгами для того, чтобы поднять аланов на Абасгию». Действия Льва Исавра на месте подробно описывает историк Феофан Исповедник. По его рассказу, Лев Исавр на корабле прибыл в Фасис. Оставив здесь деньги, он в сопровождении местных жителей, сохранявших верность Византии, направился в Апсилию и далее, преодолев Кавказские горы, прибыл в центр Западной Алании. Аланы приняли его со всеми почестями, а затем, по его наущению, они напали на Абасгию и полонили её. Абасги, узнав что вторжение алан в Абасгию было организовано Львом Исавром, решили во чтобы не стало его заполучить. Властитель, т. е. царь абасгов «выразил аланам – союзниками Византийской империи – резкий протест, требуя через послов немедленной выдачи спафария за большое денежное вознаграждения, дабы не иссякла их «старинная друг к другу любовь». Вместе с тем, абасги сообщили правителю алан Итакси, что деньги, которые Лев оставил в Фасисе, якобы уже взяты оттуда назад Юстинианом II и, следовательно, не могут быть выплачены аланам за их труды. Они просили аланов выдать Льва Исавра им, за это правитель абасгов предложил аланам три тысячи золотых монет. Аланы на это ответили, что выполнили просьбу Льва не из-за денег, а «из любви к императору», и отказались идти на сделку с абасгами. Тогда те предложили за Льва шесть тысяч золотых монет [465, 82]. Аланы решили взять деньги. Льву они сказали: «Давай лучше схитрим, договоримся с ними, что отдадим тебя, и вместе с их людьми отправим наших … и нападем на них, опустошим их страну и вам окажем услугу». Всё так и было сделано с одобрения Льва Исавра [465, 83; 69, 120–121].

Император Византии Юстиниан II, узнав, что и без денег Лев Исавр выполнил успешно его задание, отправил абасгам письмо, в котором предлагал им: «Если вы сохраните нашего спафария и отпустите его, не причинив вреда, мы простим вам ваши прегрешения». Абазги, приняв это предложение, вновь отправили к аланам послов с просьбой следующего содержания: «Мы дадим вам в заложники детей наших, отдайте нам спафария, чтобы мы отослали его к Юстиниану». Но Лев Исавра не дал согласие на это, сказав: «Бог в силах отворить мне врата возвращения, а через Авасгию (Абасгию – *В. К.*) я не уйду» [465, 83]. Через некоторое

время Льву Исавру удалось вернуться в Империю через Апсилию (см. подробно об этом «Царство апсилов»).

Из описания Феофаном этих событий видно, что в Апсилии и Абазгии тогда не было постоянных, собственно арабских гарнизонов, но апсилы и абазги в борьбе против византийского присутствия, похоже вынужденно, рассчитывали на помощь арабов. Однако вскоре абасги и апсилы вновь переориентировались на Византию.

В 20-х годах VIII века арабы, на короткое время, во второй раз появляются в Колхиде. По сообщению армянского историка Моисея Каганкатваци, арабский полководец Джеррах ибн-Абдуллах аль-Хакими дважды пытался вторгнуться в Хазарию через «Абхазию», т. е. «очевидно по Дарьинскому пути через Клухорский перевал» [69, 124–125]. Далее, как пишет Лев Гумилёв, в 724–725 гг. арабы прошли через Дарьяльский проход, напали на алан, покорили их и обложили подушной податью. Вместе с тем под натиском арабов хазары были вынуждены перенести свою столицу с Терека на Волгу, где был построен город Итиль. Союзниками хазар были греки, союз которых был скреплен браком императора Константина V (Исавра) и хазарской царевны Чичак (Цветок) в крещении Ирины. Сестра последней была замужем за царя абазгов Константина II, старшего брата Леона.

4. Царства санигов и зегов

Этническое имя *саниги* фиксируется еще в конце I го тыс. до н. э. Согласно сообщению Мемнона (I в. н. э.), ставленник Метридата IV Евпатора- Клеохар бежал из Синопы в 70-х годах I в. до н. э. к «санегам». Выше уже рассматривались вопросы этнической характеристики и лакализации санигов и зегов (зехов, зихов). *Саниги* – бывшие *гениохи,* они же *санеги, саннихи*, *сагиды, джихи, джики* древних источников, у абхазов известныкак *садзы.*

Саниги в прошлом – одно из самых воинственных абхазских (абазских) сообществ, принимавших активное участие, вместе с зегами (зихами, зилхами), в политических событиях как в Северном, так в Восточном и Юго-Восточном Причерноморье. Они являлись одними из создателей Царства махелонов и гениохов и Лазского

царства. Сведений же, касающихся царств *санигов* и *зегов (зигов*, *зихов)* Северного Причерноморья, к сожалению, не очень много. Первым об этих царствах, как и о царствах махелонов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов, упоминает в 137 году н. э. Флавий Арриан. В частности, он пишет: «Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь, *царь санигов Спадаг* получил царство от тебя (Адриана – *В. К.*)... От Несиса до Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов (зихов – *В. К.*) от санигов. Царём у зилхов Стахемфак (Стахемфлас – *В. К.*); также получивший власть от тебя» [223, 270, 271].

В III в., похоже, саниги теряют часть своей территории. Как уже сказано, абасгам, обитавшим над санигами в горной зоне между верховьями рек Гумиста и Псоу, удается растворить в себе или вытеснить близкородственных восточных санигов – жителей морского побережья в междуречье указанных рек. В результате Апсилия перестает граничить с Санигией. Восточная граница последней отодвигается к р. Абаск, т. е. р. Псоу [441, 231]. Это подтверждается словами Анонима V в. о том, что (в III–IV вв.) абасги заняли земли своих северных соседей – санигов, вплоть до реки с характерным названием Абаси [73, 15]. С этого времени саниги оказываются вне пределов влияния Римской империи. Как известно, крайним северным пределом влияния Рима в III–IV вв. являлась Абасгия с крепостью Питиунт [479, 321]. Похоже, саниги сохраняли свою независимостьи в V веке. Прокопий Кесарийский пишет: «Саниги не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов» [20, 207, 208].

В VI столетии, как полагает С. Х. Хотко, «уже в византийскую эпоху, абазги распространяются до Никопсии, вытесняя санигов на северный склон кавказских гор, где те занимают земли в Прикубанье между зихами и гуннами. Таким образом, абазги становятся соседями зихов или зигов, на побережье остаются лишь два эти названия: Зихия и Абазгия» [480, 21]. З. В. Анчабадзе же пишет: «В источниках не сохранилось сведений о том, каким образом граница Абазгии (Абхазии) была доведена до р. Нечепсухо (т. е. до г. Никопсии – *В. К.*). Определенную роль здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что данная территория (от Бзыби до Нечипсухо) была населена ближайше родственными абазгам населением – *санигов и зехами*. Общие интересы борьбы против иноземных

захватчиков (в частности, против (хазаров) также стимулировали, надо полагать, это объединение» [21, 50]. В связи с этнонимом *зиги, зихи*, З. В. Анчабадзе считает уместным отметить, «что адыги и до сих пор называют абхазов имени «*а-зега*» [450, 60].

Действительно, трудно отрицать этническую близость абасгов, санигов и зегов того времени. Прежде всего, это подтверждается древним ономастическим, в первую очередь – топонимическим, абхазо-абазино-язычным материалом, связанным с их территориями II–VII вв. (см. выше § 5). Вместе с тем, как уже отмечалась, по свидетельству многих авторов, в прошлом среди адыгских сообществ абхазы были известны под названиями *абаза, аз-ы, аз-ра, а-зиха* или *азега*, *адзыге*; убыхи же *садзов* (санигов – *В. К.*) именовали ещё и словом *джыхы*, отсюда и грузинское *джики,джикеты* и *Джигеты* [443; 11, 75–77; 365, 180]. Похоже, последние восходят к имени сообщества *Чыгу,* занимавшего в прошлом труднопроходимую территорию между Гагрой и Цандрипшской долиной, известной у абхазов как *Чыгкыта* или *Чыгәкыта,* букв. «село (община) Чигов» (подробно об этом см. главу II, § 2).

Как уже выше сказано, под именем *зегов* (*зигов, зилхов, зихов, аз-ра, азега)*, прежде всего следуют видеть некогда крупное абхазо-абазинское сообщество *тапанта*, получившее это название уже на новом месте проживания (ныне прож. в Карачаево-Черкесии); *тапанта* – из абхазо-абазинского *таманты,* букв. «таманские», *абаза тапанты* «абаза таманские», что равно «абхазы таманские». *Кзегам* или *зихам*, на наш взгляд, также относились ассимилированные адыгами *шапсуги, абадзехи, натухайцы,* именовавшиеся *абадзе-чиль,* букв. «абазские народы» и др. [340, 11, 12]. Кабардинцы же приморскую Шапсугию называли *Абаз ӷыӄә* «Малая Абхазия».

Уже в VII веке северная граница Абазгии доходила до города Никопсия, располагавшегося у р. Нечепсухо. Эта же река считалась в то время крайним пределом влияния Византии и границей между Абхазией и Джигетией. Примечательно, что в древнегрузинском источнике именем *Джигетия* обозначена *Зихия* [482, 258; 481, 38], тогда как в дальнейшем в источниках *джигетами* именуется *садзы* (т. е. саниги), а их страна *Санигия* или *Садзны (Садзен) – Джигетией*. Как нам представляется, значительная часть санигов (сагинов) уже в VI веке вместе с зехами были распространены по

Черноморскому побережью на Таманском полуострове вплоть до р. Кубань [447, 52] и фигурировали как *джики, чики,* а их территория именовалась *Джигетия*.

Во второй половине VII века, во время Анакопийского сражения *(см. Главу IX*), в составе Абазгии, похоже, уже была и область зехов [21, 51]. Поэтому Леон грузинскому правителю Арчилу писал: «Дал мне кесарь эту страну (Абазгию – *В. К.*) в наследственное владение ... и отныне она является моей вотчиной от Клисуры до малой реки Хазарии (р. Кубань – *В. К.*), куда достигают вершины кавказские» [481, 242; 19, 67].

Абхазо-абазинский этнический массив имел свое продолжение на Западном Причерноморье вплоть до устья реки Кубань как в раннем, так и в позднем средневековье. Еще в начале XVI века барон Сигизмунд Герберштейн сообщал: «Если повернуть с востока к югу, это около болот Меотиды и Понта, при реке Кубани, впадающей в болота, живут народ *Афгазы* (т. е. *абхазы – В. К.*) [395, 2].

В первой половине XVII века турецкий географ и путешественник Эвлия (или Евлия) Челеби, побывавший дважды в Закавказье, фиксирует на Черноморском побережье от р. Фаша (Риони) до р. Кубань «25 племён *абаза*», т. е. 25 крупных абхазских (абазских) сообществ [614, 169, 173–181]. Это и другие сообщения средневековых авторов подтверждаются абхазо-абазинским топонимическим пластом как Таманского полуострова, так и последующей за ним географической номенклатурой Черноморского побережья от Новороссийска до границ современной Абхазии, и, естественно, и далее.

Здесь, в Новороссийско – Туапсинском районе и в пределах Большого Сочи, и сегодня сохраняется значительное количество географических названий абхазо-абазинского происхождения. В частности, в Новороссийско – Туапсинском районе к числу явно абхазских (абазских) относятся такие названия, как:

Яшимва, абхазо-абаз. *Иашымҩа* – речка и местность между Новороссийском и Геленджиком, Яш-и-мва (абхазо-абаз. *Иаши-мҩа*) букв. «Дорога Яша», где *Яш* (*Иаш*) – абхазо-абазинское родовое имя, отсюда и дворянская фамилия *Иаш-ба* (или *Эшба*), второй же компонент – *мва* представляет собой русскую форму передачи абхазо-абазинского *мҩа* «дорога»;

Адерба – река и местность южнее Геленджика, абхазо-абазинское фамильное имя;

Кацхур – гора в верховьи р. Адерба, абхазо-абазинское *кацхур* «барбарис»;

Пшада – река и поселение, букв. перевод с абхазо-абазинского «безветренный»;

Джубга – гора (хребет), река и местность; название представляет собой русскую форму передачи абхазо-абаз. *Џьубҕа*, букв. означающего «хребет (гора) Джуов» – из имени абазинского (тапантского) рода *Джы, Джуа* [425, 298] и абхазо-абазинского *бга* (*бҕа*) «хребет, гора», срав. Аибга – хребет и село в верховье р. Псоу, букв. «Хребет (гора) Аиовых»;

Ту – гора, река, местность, в основе – абхазо-абазинское родовое имя: абаз. *Ту, Туҕу* «Туов» или «Тугов», абхаз. *Тыю* (*Тыҩ*) – Туба (Туҩба) «Туов»;

Дзепшишха – гора, река, букв. «Гора Дзепша», *Дзепш* (Дзаԥшь) – абхазский княжеский род;

Аше– река и поселение; в основе названия – древнее родовое имя абазских князей;

Псишу – название крупной реки, впадающей в море в районе Лазаревска; представляет собой русскую форму передачи абхазского *Ԥсшәы*, букв. «Абхазская Ашвы», т. е. «Абхазская Тапанта» или «Абхазская Абазиния»;

Цусхвадж – река южнее Псишу, в переводе с абхазского «куцый»;

Чухукыт – поселение и река, название букв. переводится с абхазского и абазинского как «Село Чухов»;

Лоо – название поселения и реки близ Дагомыса; в основе родовое имя абхазских (абазских) князей, считавшихся древним ответвлением царского рода *Ач* (см. выше);

Мецкет – название поселения и левого притока р. Лоо – из абхазо-абазинского *Мыц-кыт*, букв. «Село Мыцов»;

Сочи – название города у одноименной реки (полную информацию о нем см. [96, 191–195]) – из абхаз. *Шәача* (*Швача*), что представляет собой фонетический вариант имени древнего абхазо-абазинского сообщества *Шашы*, известного в древних источниках как *Шаш, Шашы, Шаш-ил, Шашк* (см. выше главу VI, § 1).

Шхангирей иԥацәа рхәы – название горы Виноградной в г. Сочи, выше парка «Ривьера», значится на картах XIX века искаженно «Шангерей пацуа реху». В. Ворошилов прозрачное абхазское

Шхангирей иԥацәа рхәы переводит на русский язык как «Гора (рода) Шахан-Гирей-Ипа» [96, 242], более же точным является перевод «Гора сыновей Шхангирея».

В южной части Большого Сочи, в междуречье р. Мысуа (или Мацеста) и *соу, т. е. в садзской Абхазии (истор. *Санигия, Джикетия*), практически вся старая географическая номенклатура состоит из абхазоязычных названий. Многие из них освещаются в работах ряда исследователей: Ш. Д. Инал-ипа [73], Г. З. Шакирбай [615], В. И. Ворошилова [97], Т. Ш. Гицба [95, 417–432], Д. К. Чачхалиа [616, 192–205] и др.;

Таким образом, как представляется, рассмотренный выше материал дает основание видеть в I–VII веках на Черноморском побережье от Трапезунта до северного устья р. Кубань абхазские (абазские) сообщества со своими царствами, о которых говорит Арриан и другие древние авторы.

ГЛАВА IX

РАННЕ-ФЕОДАЛЬНОЕ АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО

§ 1. Образование объединенного абхазского государства. Абхазское царство VII–X вв.

Драматические события VII–VIII веков, связанные с нашествием арабов в Закавказье, в том числе в Лазику, Апсилию и Абазгию, внесли существенные изменения в этнополитическое состояние абхазских (абазских) сообществ. Поражение же арабов у стен главной крепости Абазгии – Анакопии (Апсар) имело далеко идущие последствия не только для абхазского // абазского этнического мира, но и других народов Кавказа.

Арабы, как уже сказано, со второй половины VII века развернули борьбу за господство в Закавказье и изгнание оттуда хазар. В первую очередь арабы решили наказать перешедших на сторону хазар и византийцев жителей Картли. С этой целью арабский полководец Мерван или Мурван, прозванный за свою жестокость «Мурван Кру», т. е. «Мурван Глухой», захватив Картли и Лазику, вошел со своими войсками в пределы Абасгии и осадил крепость Анакопию. Многие авторы не без основания считают, что это происходило в период совместного правления в Картли братьев Мира и Арчила (663–668 гг.), в частности, в 668 году. Другие же авторы, в силу различных субъективных причин, называют 737–738 гг., хотя в это время уже не было в живых участников Анакопийского сражения Мира и Арчила. Мир ушел из жизни от ран, полученных в Анакопийском сражении в 668 году, а Арчил был казнен арабами в Картли в 718 году. К тому времени уже не было в живых и Леона, называемого некоторыми историками «Леон I» (подробности об этом см. в работе Аргун Р. О., Шанава А. Б. «Анакопийское сражение – миф и реальность» – 649). Так или иначе, Анакопийское сражение – это реальное историческое событие.

Летописец Джуаншер рассказывает, что преследуя картлийских царей, Мурван Кру захватил «все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе – Годжи». Оттуда войска Мурвана вступили в Абхазию, осадили Анакопийскую крепость, в которой засели царь Картли Арчил и брат его Мир. Леон (абхаз. царь – *В. К.*) находился в этот момент в крепости Собги, которая находилась на перевальном пути в Осетию [199, 48, 49; 19, 93].

По сообщению Джуаншера в Анакопийской крепости вместе с Арчилом находились «небольшое число тадзреулов и людей эриставов и питиахшей до одной тысячи человек, да из абхазского войска две тысячи бойцов». Им же противостояли войска Мурвана Кру «по численности равные темной туче саранчи и комаров» [19, 93].

Грузинский же летописец говорит, что, якобы благодаря молитвам Арчила перед Анакопийской иконой пречистой Богородицы, среди арабских войск началась эпидемическая болезнь желудка, которая истребила их в количестве до 35 тысяч человек, а в боях «мечом» было истреблено до трех тысяч арабов [199, 50; 19, 93]. В этой связи высказывается мнение о том, что от названия иконы Богородицы – Победительницы Абазгская столица получила свое название *Анакопия* из греческого *Никопея* «Победительница» [86, 14; 87, 13] (об иной этимологии Анакопии см. [94, 94–96]).

Вместе с тем, в сомнительной трактовке событий ничего не говорится о главных защитниках крепости – о двухтысячной части абхазского войска и роли царя Абазгии Леона.

Если бы роль последнего в разгроме арабских войск не была бы значительной, то он бы не стал фактически руководителем антиарабского фронта во всем Восточном Причерноморье [462, 281], не стал бы он также и правителем обширной территории. Нужно также полагать, что не случайно в момент осады арабами Анакопии Леон со своими оперативными силами оказался в крепости Собги. Последняя, соответствующая крепости, именуемой абхазами *Ҷыбгы* (русск. *Шапкы),* букв. «Крепость у обвала» [94, 280, 281], находилась у перевального прохода в Цебельду – укрепленного района Апсилии. Через этот же район проходили дороги к перевалам, ведущим в Осетию. Таким образом, при вхождении арабов в Абхазию Леон находился в соседней Апсилии и, похоже, с помощью апсилов, мисимиан, возможно и осетин, собрал

значительные силы и неожиданно напал на арабов тогда, когда их основные силы были прикованы к стенам Анакопийской крепости. Думается, это и решило исход битвы в пользу абазгов. Вместе с тем, по-видимому, за активное участие апсилов и мисимиан в этой войне, арабам удалось вскоре наказать последних. Поход в Апсилию возглавлял арабский полководец Сулейман ибн-Исам. Арабы разгромили Апсилию и Мисиминию, пленили и увезли с собой правителя Апсилии Евстафия, «которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, они предали его смертной казни» [19, 93, 94; 69, 127].

После изгнания арабов из Абхазии и всей Колхиды «направили посла к греческому царю Мир и Арчил, и Леон – царь Абазгии, и сообщили, что было сделано богом руками их. А он (царь) послал два венца и грамоту Миру и Арчилу» и написал им: «Были в Ваше царство доблесть и мудрость в Картли. Теперь, хоть Вы и терпите гонение вместе с нами за служение Христу, но с изменением нашего положения вместе с нами и Вы будете возвеличены … Всем пределам Картли от нас сделан вред, а от царей ее были нам содействия и польза. Теперь это третье служение и польза, положенные ими на престол наш царский, в первый раз приняли свет крещения … затем от разорения спасли большой город Понта и между ними и персами сделали мир … Теперь, если бы бог не воспрепятствовал через них злым врагам, последние дошли бы до Константинополя» [518, 240; 69, 180]. Как отмечает Ю. Воронов, оценив столь высоко роль Картли как заслона против вторжений врагов через Восточное Закавказье к пределам Византии, император обращался затем к Леону со следующими словами: «А тебе жалую управление Абхазией, тебе и детям твоим, и потомкам твоим навеки. Но добром уважай народ картлийский, и с этих пор не властен ты вредить им (т. е. картлийским царям – *В. К.* [199, 52]) и границам эгрисским, пока они там сами не выйдут из них» [69, 129].

Представляет также значительный интерес диалог между Арчилом и Леоном, переданный Джуаншером – призвал Арчил Леона и сказал ему: «Да благословит господь тебя за то, что оказал нам отличное гостеприимство и защитил нас в местах своих надежно; известно, что теперь уже начали заселяться земли наши (расположенные) выше Клисуры. Поеду и обоснуюсь в Цихе – Год-

жи и Кутаиси. Теперь назови для себя то, что хочешь от меня в вознаграждение за благослужение твое». А Леон ответствовал: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисуры до реки Большой Хазарии (читай – Малой Хазарии – *В. К.*), куда достигает хребет Кавказа. Причисли и меня к своим слугам, которые сегодня удостоены быть твоими сыновьями и братьями. Не нужно мне доли от тебя, и то, что есть у меня, пусть будет твоим».

«Тогда отдал (Арчил) Леону в жены племянницу свою Гурандухт и ту корону, которую прислал царь греков для Мира. И дали (друг другу) обещание и страшную клятву, что не будет между ними вражды, чтобы Леон всю свою жизнь повиновался Арчилу. Отправился Арчил (из Абхазии) и обосновался в Эгриси вплоть до Шорапани» [199, 53, 54].

Приведенные выше сообщения, с тенденциозными поправками, средневековых авторов трактуются исследователями поразному. По мнению одних (Вахушти Багратиони, С. Джанашиа, Е. Такаишвили, З. Анчабадзе и др.):

– Леон, разбивший арабские войска у стен Анакопии (в 668 году – *В. К.*), и обозначенный ими как Леон I, не являлся царем и, тем более, основателем Абхазского царства. Считают, что этот Леон I и Леон II правили страной в VIII веке. Первым абхазским царем они называют Леона II, которого нет в Диване абхазских царей;

– Леон представляется как вассал византийского императора, как и Арчил;

– считается также, что до изгнания арабов из Абхазии и Эгриси Леон не был коронованным правителем, и что он получил византийскую корону от Арчила в знак благодарности;

– они же восточную границу владений Леона ограничивают современной рекой Келасур в Абхазии и т. д.

Не без основания иного мнения придерживается целый ряд исследователей (Ю. Воронов, М. Гумба, Г. Гумба и др.). Мы также во многом разделяем мнение этих авторов.

В первую очередь следует отметить, что Леон, согласно древнему источнику «Диван абхазских царей», уже обладал титулом «царь абхазов» и получил его еще до анакопийских событий 668 г. В этом источнике Леон назван одиннадцатым царем абхазов (абазгов) [18, 193].

Мы полагаем, что для правильного понимания содержания вышеназванных источников необходимо уточнить место прохождения восточной границы владения Леона, именуемой источником «Клисурой». Грузинские авторы, исходя из созвучия последнего, т. е. *Клисура*, с современным названием реки *Келасур* в Абхазии, утверждают, что граница между Абхазией и Эгриси в период нашествия арабов проходила восточнее г. Сухум, т. е. по р. Келасур. Они также основываются на том, что на левобережье р. Келасур у моря начинается крепостная линия, известная под названием *Великая абхазская стена*.

Однако название реки и местности – *Келасур*, как справедливо отмечает известный кавказовед Ю. Н. Воронов, возникло сравнительно недавно и восходит к турецкому *Кала-сур*, букв. «городская стена», или, как переводит его Карла Серена «крепость, окруженная большими стенами» [519, 118; 94, 124].

В грузинских же средневековых источниках здесь локализуются река и город Цхом. Поэтому увязку топогидронима *Келасур* с *Клисурой* древних источников следует считать ошибочной.

Ю. Н. Воронов довольно убедительно показывает, что в византийских источниках *Клисурой* именуется линия византийских оборонительных сооружений в Эгриси, проходившая ниже Цихе–Годжи и Кутаиси, и являвшаяся «границей Греции и Картли» [69, 150–157]. Как уже выше было сказано, эта же линия, как и во времена Плиния и Прокопия, являлась также границей между Апсилией и Эгриси и, в частности, она проходила по реке Техури и нижнему течению р. Риони (Фасис). Подтверждение тому и слова Арчила: «Поеду и обоснуюсь в Цихе–Годжи и Кутаиси» [518, 242] и «Отправился Арчил (из Абхазии) и обосновался в Эгриси вплоть до Шорапани» [199, 54].

Как уже было сказано, город-крепость Цихе-Годжи (древн. Археополис, совр. Накалакеви) находился вблизи апсилийской границы, на левобережье верховья р. Техури, в 17 км. к северо-востоку от г. Сенаки. Поэтому Джуаншер говорит, что Мурван Кру «вторгся в пределы Эгриси и захватил все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе Годжи», и оттуда он вступил в Абхазию, осадил Анакопийскую крепость (см. выше).

Таким образом, учитывая, что Апсилия уже входила во владения Леона, Абхазия, в целом, граничила на востоке с Эгриси по реке Техури и нижнему течению реки Фасис, что также являлось границей между Картли и Византией. В то же время, на северо-

западе владения Леона конца VII века доходили до р. Малой Хазарии, т. е. р. Кубань. Византийцы же, как известно, всю эту территорию всегда старались держать в сфере своего влияния. Однако, на этот раз император был вынужден признать право наследственного владения этой значительной территорией за Леоном и его потомками. Об этом же дипломатическим языком говорит Леон: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисуры до реки Большой Хазарии (читай – Малой Хазарии – *В. К.*)». Вместе с тем, византийский император позволяет себе дать властное указание Леону – не нарушать границы владений Мира и Арчила в Эгриси и не наносить им вред, а по добру «воздавать почести царям и народу их Картли, и с этого времени не быть тебе государем во вред их эгрисских рубежей, пока они сами не выйдут из них» [518, 240; 69, 129]. Однако, как отмечает М. Гумба, предупреждение Леона императором о ненарушении границ владений картлийских царей указывает на соотношение сил правителей двух стран того времени – Абхазии и Картли. Если бы царь Мир был более могущественным, чем Леон, то последний без предупреждения не нарушил бы границ владений Мира. Вероятно, Леон имел реальные возможности для расширения своих владений за счет картлийских правителей.

С другой стороны, учитывая, что Византия не принимала никакого участия в освобождении Абхазии от арабов, зависимость Леона от Византии теряла свое значение. Византия только санкционировала свершившийся факт [51, 288].

Сама Византийская империя находилась в довольно сложной ситуации. В этот период она вела ожесточенные бои против арабов, уже вблизи своих границ поэтому особое значение придавалось союзу с Картли как с приграничной с арабским Ираном страной. Во второй половине VII века Картли был оккупирован арабами, а правители Картли – Мир и Арчил были вынуждены бежать из своей страны Абазгию. Византийский император, в силу изложенных выше причин, пытается восстановить Картли в прежних правах. С этой целью он присылает две царские короны и грамоту Миру и Арчилу. Что же касается руководителя антиарабского фронта [462, 281], как в Абхазии, так и на всем Восточном Причерноморье, освободителя Абхазии и спасителя карт-

лийских царей – Леона, то он, похоже, уже являлся царем и не нуждался в новой царской короне [51, 229].

Вскоре, в 668 году, Мир скончался, после чего Арчил выдал замуж шестерых дочерей Мира. А седьмая, Гурандухт, была выдана за Леона. Арчил одновременно с этим передал Леону ту царскую корону, которая была прислана императором Византии для Мира.

Как пишет историк М. Гумба, Арчил, передавая Леону царскую корону, одновременно передал ему владения и власть Мира, поскольку ближайшей наследницей последнего была Гурандухт, вышедшая замуж за Леона.

Фактически женитьба на Гурандухт была юридическим оформлением присоединения Эгриси к Абхазии. Следовательно, даже до ухода Арчила из Эгриси Леон становится ее правителем. Если исходить из этого, можно полагать, что присоединение Эгриси к Абхазии произошло в конце 60-х годах VII.

Очевидно, что включение Эгриси в состав Абхазии формально носило сугубо мирный характер и происходило, по-видимому, с молчаливого согласия Византийской империи [69, 132]. Поэтому представляется ошибочным существующее до сих пор мнение о том, что с именем Леона II, якобы жившим во второй половине VIII века, связано образование Абхазского царства и присоединение к Абхазии Эгриси, что именно Леон II, является первым абхазским царем. Однако, все это никак не подтверждается источниками.

На самом же деле, как справедливо утверждает известный абхазовед М. Гумба, есть все основания считать одиннадцатого по счету царя абазгов Леона создателем объединенного Абхазского царства и его первым независимым царем, который происходил, по мнению ряда авторов, из древнего абхазского рода *Ач* (*Ач-ба*, в груз. Анчабадзе) [18, 208; 365, 547].

Согласно «Дивану абхазских царей», Леон I (Леон II – *В. К.*) правил Абхазским государством 45 лет. По ошибочному заключению ряда авторов, Леон скончался примерно в 780–782 гг. [18, 195; 69, 131] или, как принято считать, в 786 году.

Утверждается, что после Леона I страной стал править не сын Леона I, а его племянник Леон II. Это стало возможным якобы в результате того, что Леон II, воспользовавшись смертью Леона I, с помощью хазар захватил власть в стране [51, 231]. В историческом

сочинении XI века «Матиане Картлиса» читаем: «Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник (сын брата) эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был внуком (сыном дочери) хазарского царя, и, (воспользовавшись) силой их, отложился от греков, завладел (დაიპყრა) Абхазией и Эгриси до Лихи, принял имя царя абхазов. Ибо мертв был эристав Иоанн и стар Джуаншер» [481, 251; 19, 95]. Из этого сообщения следует, что Леон II завладел не только абхазской территорией (в том числе и Эгриси), но и захватил Аргвети, т. е. область, уже с античных времен населенную картами [19, 105], и, таким образом, он отодвинул восточную границу Абхазского царства до Лихского или Сурамского хребта.

Однако, основные эпизоды данного сообщения (как указывают другие источники) могли иметь место во второй половине VII века и связаны с деятельностью Леона, находившегося на абхазском престоле 45 лет – с 661 по 706 гг.

В этой связи важно отметить, что в VII веке до этого Леона существовал еще один правитель (царь) Абазгии под именем Леон. Так, К. Д. Кудрявцев, со ссылкой на один из списков Картлис Цховреба, пищет, что Византийский император Ираклий (610–641) передает Леону Абасгию в потомственное владение, а также титулирует его Куропалатом. Некоторое время спустя, в 619 году, Ираклий передает Леону город и крепость Никопсию. Это увеличение владений Леона, по словам летописей, было компенсацией за помощь и поддержку, оказанную Ираклию в войне, которую тот вел в то время с Персидской монархией [15, 86; 89, 95].

Об этом же Леоне пишут Вахушти Багратиони [5, 231], В. В. Латышев [643], К. Д. Мачавариани [13, 232], А. Головин [644, 45–46], М. Селезнев [645, 22], А. В. Фадеев [646, 76], Архимандрит Леонид [647, 146], Д. Гулия [18, 216] и др.

Похоже, что этот Леон, утвержденный императором Ираклием потомственным владетелем (царем) Абазгии и является Леоном I. По неизвестным нам обстоятельствам данный Леон не значится в списке абхазских царей. В этом списке отсутствуют также имена и ряда других царей, таких как Давид, Феодосий, Иоване, Адарнас, которые, согласно источникам, реально существовали.

Леон же, при котором арабы потерпели поражение у стен Анакопийской крепости в 668 году, царствовал 45 лет и умер примерно в 706 году, он же по счету является Леоном II.

Грузинские историки, ошибочно или умышленно, переносят период царствования Леона I и Леона II на сто лет вперед, т. е. с VII века на VIII век, что вносит путаницу в историю Абхазии VII–VIII веков.

Вместе с тем, представляет значительный интерес упомянутое в «Матиане Картлиса» в связи с присоединением Леоном II Эгриси к Абхазии слово დაიპყრა (даипкра), толкуемое историками по-разному. Так, П. Ингороква придает ему значение «присоединил», С. Джанашия – «овладел», «захватил», а З. Анчабадзе пишет: «На самом деле слово «დაიპყრა», в зависимости от контекста, может быть переведено с древнегрузинского и как «завладел», и как «завоевал» [19, 100]. При этом следует заметить, что ни один из вышеназванных источников, несмотря на то, что в тексте источника речь идет об Абхазском царстве и деяниях абхазского царя, не посчитал нужным поинтересоваться абхазской этимологией данного слова. В действительности же слово *даи-пкара* производно от масдарной формы абхазо-абазинской основы глагола *пка (пҟа) – апҟара (а-пкара)* «бить», «побить», – «подчинить», «покорить», «наказать»; *аи-ба-пҟара* (аибапкара) «драка», букв. «бить друг друга» и т. д. Таким образом, если исходить из абхазо-абазинской этимологии слова *апҟара,* то становится вполне понятным, что Леон II силой подчинил (или покорил) всю названную в источнике территорию и не только её – он «укрепился у берегов Арагви, разорил Мухнари, Херки и Базалети» [266, 300]. Вместе с тем, согласно Вахушти, имело место и добровольное подчинение Леону II населения части юго-западной Грузии. По этому поводу Вахушти пишет: «После того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе (город-крепость в районе Абастумани). Отложились от них и присоединились к Леону… После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони» [520, 174, 176].

Леон II разделил Абхазское царство на восемь областей или эриставств и назначил над ними своих наместников (правителей).Вахушти пишет: «… первый царь Леван, царствовал 20 лет (имеется в виду период его царствования в качестве независимого абхазского царя в 686–706 гг. – *В. К.*). Воцарившись, этот Леон, овладев всей Эгриси, назвал ее не Эгриси, а Абхазией, и разделил сию Эгриси, а отныне Абхазию, на восемь эриставств:

1. – Посадил над абхазами и дал ему Абхазию и Джикети до Моря и Хазарской реки;

2. – Посадил в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси – Анакопию с Аланией;

3. – Посадил в Бедиа и дал ему восточнее (реки) Эгриси до Цхенис-цкали;

4. – Так как к тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли к югу от Чорохи, отложившись от эристава Одзрахоса, назвал (эту землю) Гурией и посади там эристава своего;

5. – Посадил в Рача-Лечхуми;

6. – Посадил в Сванети;

7. – (Посадил) в Шорапани, (владетеля), всей Аргвети к востоку от (рек) Риони и Ханис-цкали до Лихи;

8. – Посадил в Кутаиси (эриставом) Ваке, Окриба, земель к западу от Ханис-цкали до Гурии и западнее Риони до Цхенис-цкали» [199, 128, 129].

В этом историческом материале, представляющем большую важность для освещения истории Абхазского царства, имеется, на наш взгляд, серьезные неточности и противоречия. В частности, это касается пределов вышеназванных областей. Эти области у Вахушти перечисляются с запада на восток. Первой называется Абхазская область (т. е. Абазгия с Джикетией до моря и до Хазарской реки), за ней следует Цхумская (Сухумская) область, правитель которой получил и территорию за (рекой) Эгриси – Анакопию с Аланией (читай – до границ Алании [19, 109, 116]), что совершенно непонятно. Получается, что из области абазгов была выделена ее столица Анакопия, к тому же Анакопия вдруг оказывается слева за рекой Эгриси и рядом с Аланией [119, 128], что никак не может соответствовать действительности. Здесь произошла явная подмена (ошибочно или умышленно) географического названия *Анакопия* созвучным с ним названием известного пункта у левобережной части устья р. Эгриси (абхаз. Егры, мегр. Енгури) – *Анаклия*. Как известно, и Алания тогда также находилась в области верховьев рек Эгриси (Енгур) и Хоби. Как выше сказано, из намерения Византии в лице Сотериха отдать мисимийскую крепость Бухлоон аланам в 554–556 гг. в Мисиминии разыгралась страшная трагедия. Крепость Бухлоон, абхаз. Пахулан, была расположена на правом берегу р. Ингур на пути в Аланию. Нужно полагать, после разгрома мисимиан эта крепость была отдана аланам [69, 99-108]. Таким образом, при Леоне II Цхумская область занимала всю территорию Апсилии от р. Гумыста (возможно р. Келасур) до р. Хоби.

Нуждается также в уточнении границ и Бедийская область, находившаяся, согласно источнику, за восточным пределом Цхумской области. Вахушти пишет: «Посадил (эристава – *В. К.*) в Бедиа и дал ему (территорию – *В. К.*) восточнее (реки) Эгриси до Цхенис – Цкали» [199, 129]. Это же место источника также переводится с грузинского как: «г. Бедиа, начиная с Энгура до Цхенис-Цхали» [18, 212]. Однако многие авторы древнюю *Бедиа* увязывают с современным названием села *Бедия* в Абхазии. В этом случае выходит, что правитель Бедийской области, находясь на территории Цхумской области в с. Бедиа, правил территорией, находящейся восточнее р. Эгриси (Енгури), что также маловероятно. По Вахушти, Бедийская область находилась за Цхумской областью, восточнее р. Эгриси (примерно за р. Хоби) и доходила до р. Цхенис – Цкали. Поэтому Бедиа – центр Бедийской области надо искать в междуречье рр. Хоби и Цхенис – Цкали.

Впервые название Бедиа упоминает в XI веке Леонти Мровели, в связи с мифическим рассказом об отце Кавказских народов Таргамосе, одного из сыновей которого, якобы, звали Эгр или Эгрос. Согласно рассказу Мровели, этот Таргамос разделил между своими сыновьями принадлежавшие ему земли между Каспийским и Черным морями: «А Эгросу отдал (Таргамос) земли от морского залива и определил границы: с востока – малую гору, которая ныне именуется Лихи; с запада – море; (с севера) – реку Малой Хазарии, куда достигает хребет Кавказа. Этот же Эгрос построил город и назвал своим именем – Эгриси. Теперь то место называется Бедиа» [199, 37, 38]. Вахушти же говорит, что первый грузинский царь Парнаоз «разделил находящийся в его подчинении Эгрис на два эриставства и Куджи посадил эриставом (того) Эгриси, который был построен Эгросом, и нарек эту землю Бедиа, ибо нашел счастье. И отдал Куджи (земли) к западу и северу от Риони до моря и реки Эгриси полностью, включая Сванети» [4, 220].

Леонтий Мровели и Вахушти пишут о периоде, отдаленном на много веков от времени образования независимого Абхазского царства (VII в.). Город Эгри и владения Эгриси того времени находились между рр. Риони и Хоби или Егры (Енгури) [94, 58–60]. Именно эту территорию назвал *Бедиа* посаженный здесь (IV в. до н. э.) некий правитель *Кудж*. Благодаря этим рассказам, названия *Эгриси, Эгри, Бедиа* становятся синонимами. Вряд ли последнее имеет прямое отношение к абхазскому *Бедиа*, возникшему в XI веке как название

основанной абхазским царем Багратом III (на месте современного села Бедиа) царской резиденции и духовного центра. Возможно, Мровели, чтобы углубить исторические корни современных ему царей, Бедиа увязывает со вторым названием Эгриси – *Бедиа*. В. Р. Бутба также отрицает идентичность Эгри (Эгрос) с абхазским селом Бедиа. Он считает, что в источнике фраза «то место теперь называется Бедиа» является поздней вставкой [84, 90].

По Мровели и Вахушти получается, что абхазский царь Леон одного из правителей посадил не в абхазском Бедиа, а в Эгрисской Бедиа, находящейся в пределах Западной Грузии [94, 58, 93–94]. Акад. М. Броссе не двусмысленно древний Бедиа идентифицирует с *Дшкон-дид*. Он пишет: «Тот, кто захочет собирать грузинсие надписи, должен прежде всего посетить: в Мегрелии – Бедию или Дшкон-дид, Зугдид и главнейшие резиденции Дадианов» [588, 497].

Историческое название *Бедиа* Вахушти переводит с грузинского как *беди* «счастье». В. Бутба же, анализируя данные древнеармянских источников, уточняет его значение как «спаситель». Однако, для того, кто знаком с общими принципами образования топонимов, значение «счастье», «спаситель» не совсем приемлемо. Потому, думается, что Бедиа имеет иную этимологию.

Вспомним, часть Эгриси, расположенная к западу от Риони, которой правил *Кудж*, согласно древним писателям, еще в V–VI вв. являлась апсилийской территорией (см. выше). Кроме того, следует отметить, что имя самого правителя, автора названия Бедиа – *Кудж* не характерно для грузинской ономастики, а у абхазов и абазин оно бытует с древних времен, ср. личные имена *Қəыць* (Кудж), *Кəаць* (Куадж), дворянские фамилии *Кəыц* или *Куджба* [24, 204; 39, 132].

Можно представить, что *Кудж*, получивший благодатную западную часть Эгри (Эгриси), мог назвать ее абхазским словом *бзеиа (бдзеиа)* «хороший, прекрасный» – *Эгры бзеиа (бзиа)* «прекрасная Эгры (Эгриси)». Со временем абхаз. *Бзеиа* (*Бдзеиа*) в грузинской языковой среде могло транформироваться в *Бедиа*.

Что же касается названия современного абхазского села *Бедиа,* – оно может быть переносным или же связано с *банд, бенд, бандиа*, встречающимися в итальянских источниках XIV–XV вв. [19, 239]. На персидском *банд, бенд* означает «крепость». В действительности, в селе Бедиа имеется древняя крепость внушительных размеров, именуемая абхазами *Нарджхьоу,* а в источниках иногда как *Агуа, Акуа,*

Бедиачук. Д. К. Чачхалиа считает, что *Бедиа* от латинского *бадиа* «монастырь», «аббатство» [519, 44].

В связи с топонимом *Бедиа* представляет интерес и абхазское родовое имя *Бедиа // Бадиа*, носители которого ныне, в основном, проживают в Турции и Аджарии [522, 220, 223].

Вышеуказанные пределы областей Абхазского царства указывают на то, что Леон II создал административные единицы с учетом существовавших до него этно-племенных границ.

Вахушти пишет также о том, что Леон II «построил город и крепость Кутатиси (т. е. Кутаиси – *В. К.*) и сделал (там) резиденцию царя абхазов: подобно Анакопии, сделал сей Кутатиси вторым стольным (городом). Надо предположить и освобождение им Абхазского католикоса, с соизволения же греков» [199, 129].

При Леоне II начинается процесс переселения картлийцев (грузин) в южные регионы Абхазского царства. В то время, как пишет современник той эпохи И. Сабанисдзе, обитатели Картли были «порабощены насилием, скованы, как бы железом, бедностью и нищетой, мучились и изнывали под тяжестью их (арабов) дани, безжалостно истязались и были подавлены страхом» [521, 44]. Прежде всего, эти условия вынуждали картлийцев покидать родные края и переселяться в южные регионы Абхазского царства, «ибо та страна (Абхазия) защищена была от страшных сарацин» [521. 49]. В этой связи уместно подчеркнуть, что в период правления Леона II объединенное Абхазское царство превращается в одно из самых благополучных государств на Кавказе. В источнике того же периода читаем: «Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну (Абхазию – *В. К.*) полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных в ее пределах. Ибо границей ее является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней находятся Трапезунд, поселение Апсарея и Напсайская гавань» [521, 62]. Комментируя данный исторический текст, акад. С. Джанашиа отмечает, что данное «описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны, и позволившие абхазскому эриставу в скором времени освободиться от всякой иноземной зависимости» [429, 336].

Немного о важнейшем памятнике Абхазского царства VI–X вв. – «Диване абхазских царей». Этот памятник был составлен на рубеже X–XI веков по инициативе абхазского царя Баграта III. Он пред-

ставляет собой список владетелей (царей) Абхазского царства VI–X вв., предшествовавших Баграту III, выделенных из более обширного исторического документа «Жизнь абхазских царей» или «Жизнь Абхазии» [18, 19, 195; 515, 10, 11].

«Диван абхазских царей» содержит 21 имя царей Абхазского государства и краткие справки о них. В редакциях более позднего времени наличествует памятная запись переписчика – краткая справка относительно времени царствования Баграта III и его сына Георгия I (1014–1027 гг.).

Материалы этого памятника первым использовал иерусалимский партиарх XVII века Досифей в своей «Истории иерусалимских патриархов». Грузинский оригинал документа, считавшийся утерянным, был найден Е. Такайшвили в начале XX столетия. Он же изучил и издал текст памятника [199, 22].

В рукописи этой более 77 статей. В опубликованном Такайшвили «Диване абхазских царей», или так называемой у Досифея «Истории Абхазии царя Баграта» читаем: «Во имя бога, я царь Константин, сын блаженныя памяти Баграта, царя абхазского, нашел в кутаисском казнохранилище кутаисский «Диван (список) царей». В нем записаны были имена царей, но он был уже в состоянии ветхости, и я приказал заново его переписать».

«Первым царем Абхазов был Анос; вторым – сын его Гозар; третьим – сын его Иствинэ; четвертым – сын его Финиктиос; пятым – сын его Барнук; шестым – сын его Димитрий; седьмым – сын его Феодосий; восьмым – сын его Константин; девятым – сын его Феодор (Теодорэ); десятым – сын его Константин; одиннадцатым – брат его Леон, который прожил в царствовании своем сорок пять лет; двенадцатым – (сын его) Феодосий, который прожил в царствовании своем двадцать семь лет; тринадцатым – брат его Деметра, царствовал тридцать шесть лет; четырнадцатым – брат их Георгий, который владел в качестве старшего сына (наследника) Агцупом, и потому был назван Георгием Агцупским (Агцупели), он царствовал семь лет; пятнадцатым – сын Деметрэ Баграт, царствовал двенадцать лет; шестнадцатым – сын (его) Константи, царствовал тридцать девять лет; семнадцатым – сын его Георгий, царствовал сорок пять лет; восемнадцатым – сын его Леон, царствовал десять лет; девятнадцатым – брат его Димитрий, царствовал восемь лет; двадцатым – брат его Феодосий Выжженный Глаз, царствовал три года. И после сих царей угодно было богу, и

я Баграт Багратид, сын блаженныя памяти Гургена и сын дочери Георгия, царя абхазского, овладел страной Абхазией, моим материнским наследством, и сколько времени буду царствовать, это ведает бог».

Потом прибавлено: «А царствовал этот Баграт тридцать шесть лет, и после него царствовал Георгий тринадцать лет и пять месяцев» [18, 195, 196].

Практически до сих пор нет единого мнения о времени правления указанных в «Диване» абхазских царей. Известно, что в Абхазии Леону I предшествовали 10 царей:

1. Анос 2. Гозар 3. Иустиниан 4. Фиктиос 5. Капаруки (он же Барнук, Бакур) 6. Димитрий 7. Феодосий 8. Константин 9. Феодор 10. Константин.

Далее после Леона I общий список царей завершает двадцать первый царь абхазов Баграт III, правивший, по списку Досифея Нотара, с 992 года, а по Е. Такайшвили – с 978 года.

Е. Такайшвили, опираясь на обнаруженный им генеалогический список абхазских царей, без учета времени правления неучтенных в списке царей, попытался, путем обратного от Баграта III вычисления, установить годы правления перечисленных в списке абхазских династов, и для Леона получил годы 746–791. Эту датировку принял и акад. И. Джавахишвили [19, 104].

Согласно источнику, Леон, обозначенный авторами как Леон I, как уже сказано, царствовал 45 лет. Это время Е. Такайшвили помещает между 746-791 годами [18, 200], другие же называют 736–767 годы [87, 12], а в учебниках «Истории Абхазии» (1993, 2006 гг.) указывают на 741–786 гг.

Принято также считать, что Леон II, которого нет в Диване абхазских царей, воцарился в Абазгии после Леона I с помощью хазар в 786 году и умер в 806 г. он же объявляет себя независимым абхазским царем и значительно расширяет пределы своего государства. В поддержку этих заключений приводится сообщение Летописи Картли: «Этот второй Леон … завладел Абхазией и Эгриси вплоть до Лихи, назвал себя царем абхазов, ибо не было в живых Иоанна и был престарелым Джуаншер» [199, 57].

Этому же Леону приписывается основание города Чхара в 797 г. (см. 18, 24), другие же пишут, что его построил Феодосий в 819 г. (см. ниже).

Однако, как уже отмечено, в VIII веке с 706 года не было в Абазгии ни одного царя с именем Леон. Речь должна идти только о Леонах VII века.

В указываемые Е. Такайшвили и другими авторами периоды VIII века не было также в живых ни одного из видных участников Анакопийского сражения, в том числе абхазского царя Леона, в действительности являвшегося по счету Леоном II, а также картлийских царей Мира и Арчила. Анакопийское событие происходило впериод совместного правления в Картли Мира и Арчила в 663–668 гг. в частности, в 668 году. Именно тогда скончался Мир от ран, полученных в Анакопийском сражении. Арчил был казнен в Картли в 718 году. Поэтому трудно согласиться с предложенными грузинскими историками датами правления абхазских царей в VI–X веках.

С учетом допущенных ошибок, искажений и пропусков в списке абхазских царей мы, так же как и Е. Такайшвили, попытались, путем обратного отчисления от даты воцарения Баграта III в 992 году, уточнить последовательность и даты правления абхазских царей от Аноса до Баграта III, и наоборот, путем прибавления – от Аноса до Баграта III. При этом мы ориентировались по реальным датам:

992 – год воцарения Баграта III

883–922 – Константин III, сын Баграта I

661–706 – Леон II

618(?)–643 – Леон I (признанный императором Византии Ираклием наследственным правителем Абазгии)

По Дивану абхазских царей, первым абхазским царем являлся *Анос*.

Согласно сообщению Прокопия Кесарийского (VI в.) в середине VI века, не без вмешательства византийцев, абхазы восстали против своих правителей в Западной и Восточной Абазгии и свергли их. Пользуясь этим обстоятельством, римские власти решили присоединить Абазгию к своим владениям. Но уже в начале 550 года абазги были вынуждены избрать из своей среды новых царей – Скепарну и Опсита и призвать персов на помощь. Персидские войска под предводительством Хориана [15, 63] прибыли в Абазгию и вскоре удалились. В том же году персидские войска уже во главе с Набедом вошли в Абазгию. Персы, договорившись с абазгами, ушли вместе с царем Абазгии Скепарном, который был приглашен на переговоры персидским царем Хосровом.

Вслед за этим разгневанный Византийский император Юстиниан организовал военный поход в Абазгию. В этом же 550-м году абазги потерпели поражение в трахейской битве. Однако, несмотря на эту победу, византийцы не смогли закрепиться в Абазгии. В 551 году Юстиниан заключил с Хосровом унизительное для Византии перемирие на пять лет.

В 553 году персидские войска вновь побывали в Абазгии. Здесь их влияние сохранялось до 562 года – до заключения между Персией и Византией нового, уже невыгодного для Персии, договора о перемирии. Лазика была возвращена в лоно Византии.

Исходя из этих фактов можно полагать, что первый абхазский царь *Анос* и его сын *Гозар* царствовали в период персидского влияния на Абазгию в 550–562 гг. Похоже, что именем *Анос* был обозначен, поддержанный Хосровом, *Скепарна*. Первое, т. е. *Ан-ос*, как нам представляется, является титульным именем и восходит к форме *Хан* (*Ханос*), которым персидские шахи называли правителей других стран [18, 142].

Думается, что время правления Аноса и его сына Гозара охватывает не более 12 лет. С восстановлением византийского влияния на Абазгию (562 г.) цари Абазгии именуются уже традиционными византийскими именами: Юстиниан, Филиктос (Финиктиос), Капаруки (?), Дмитрий (I), Феодосий (I), Константин (I) и т. д. Названные цари, похоже утверждались Византией. Первый Леон, о котором уже выше сказано, унаследовал престол от своего отца Константина I в промежутке 610–619 годов [15, 86] и, думается, это произошло ближе к 619 году. По этому поводу Вахушти и К. Кудрявцев пишут, что некоторое время спустя, в 619 году, император Ираклий (610–641 гг.) передал Леону (I) город и крепость Никопсию [5, 231; 15, 86].

К. Кудрявцев утвердительно говорит, что Леон I становится царем Абазгии в 612 или 613 году [15, 88, 89]. Другие же авторы – К. Д. Мачавариани [13, 232], М. Селезнев [645, 22], А. В. Фадеев [646, 76], Омар Беигуа [648, 26] считают, что Леон I правил в 620–643 годы, а Архимандрит Леонид утверждает, что Леон I стал правителем в 622 году. В. В. Латышев же пишет: «…при Ираклии в 624 году авазги помогали Византии в борьбе с Персией, по свидетельству Картлис Цховреба, Ираклий дал абхазскому эриставу Леону I инвеституру на наследственное владение этой страной» [18, 211].

Учитывая разбросы мнений, условно назовём 618 год как дату воцарения Леона I, после которого, спустя некоторое время,

в 619 или 620 году, Ираклий передает Леону город и крепость Никопсию. В 622 году император Ираклий признает (или утверждает) право наследственного владения Леона Абазгией и пожаловал ему титул Куропалата. Это не могло произойти в 624 году, как пишет В. В. Латышев, в силу того, что в 623 году абазги и лазы отказались участвовать в военных делах Ираклия, за что Лазика лишилась царской власти (см выше). Леон I царствовал в Абазгии до 643 года [648, 26]. Таким образом, Леон I мог править Абазгией в период 618–643 годов (около 25 лет). Согласно источникам, Леон унаследовал правление Абасгией от своего отца Константина (I) примерно в 618 году. Получается, что Леон становится правителем Абазгии спустя около 56 лет с окончания правления Гозара (562 г.). Этот период вполне может вместить время правления провизантийских царей абазгов: Юстиниана, Филиктиоса, Капаруки, Дмитрия (I), Феодосия (I) и Константина (I). Однако временные рамки царствования каждого из них пока трудно установить с точностью. Речь может идти только о примерных датах.

Более определенно можно говорить о Леоне (I), ошибочно невнесенного или кем-то умышленно вычеркнутого из списка абхазских царей. Он, согласно многим исочникам, царствовал в Абазгии в 618(?)-643 гг. (см. выше).

После Леона I Абазгией правили его сын Феодор, примерно в 643–654 гг., и, в 654–661 гг. Константин (II) – сын Феодора.

Как уже сказано, после Константина II абазгский престол занял его младший брат Леон II, ныне известный как Леон I. Этот Леон II правил страной 45 лет, с 661 по 706 год, – из них 25 лет (661–686) в качестве наследного правителя и 20 лет (686–706) как царь независимого абхазского государства с титулом «Аԥсҳа», т. е. «Царь абхазов».

Таким образом, в конце VII века завершается процесс формирования Абхазского независимого государства.

Ошибочный или умышленный перенос исторических фактов и персоналий из VII века в VIII век существенно искажает как историю Абхазии, так и в целом историю Закавказья средневекового периода.

В начале VIII века, в частности в 706 году, царем Абхазии (Абазгии) становится сын Леона II – Феодосий II, правивший, по одним источникам 39 лет, а по другим – 27 лет. Мы склонны придерживаться цифры 39 и считаем, что он царствовал с 706 по 745 год.

После Феодсия II страной правил царь по имени Давид, которого нет в списке абхазских царей, но он упоминается в арабской рукописи, составленной Антиохийским патриархом Макарием III (1647–1672). Рукопись сообщает, что абхазский царь Давид отправил делегацию к патриарху Феофилакту (744–751) для рукоположения в епископы. Как нам представляется, царь Давид являлся сыном Феодосия II и правил страной около 38 лет (745–783).

Похоже, что после Давида царем Абхазии становится его сын Феодосий III, царствовавший около 37 лет (783–820). Он же в списках абхазских царей значится как Феодосий II. Феодосий, именуемый вторым, является зятем правителя Тао – Кларджети Ашота Куропалата (787–826 гг.). Свою внешнеполитическую деятельность Феодосий III активизирует, как и его предшественники, в восточном направлении.

В Закавказье усиливается борьба за обладание Картли. Первый шаг к развязыванию этой борьбы предпринял правитель Кахетии Григол, которому удалось захватить Картли, имевшую для всех важное стратегическое значение. Первым против Григола выступил Ашот Куропалат в союзе со своим родственником – абхазским царем Феодосием III. Они разбивают Григола в битве на реке Ксани. Григол Кахетинский, на стороне которого выступали горцы и тифлисский эмир, бежал, а Картли отошла к Ашоту Куропалату [497, 29; 19, 122, 123].

Активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется, разумеется, не только стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского правителя. Самому же претендовать на овладение Картли у Феодосия, по-видимому, не было еще возможности. Однако его участие в первой же борьбе за Картли было весьма знаменательным; оно положило начало длительной борьбе его преемников за овладение этой стратегически важной областью [19, 123].

В 819 году Феодосий II построил город *Чхара*, (или Чхари, Чихори, срав. область Чиха) – в районе Кутаиси – Шаропани, а также выстроил город Хони (абхаз. Хан, Ханы) и Хонский собор [18, 214, 215; 87, 19].

Считается, что Феодосий III (Феодосий II ?) умер бездетным и абхазский престол после него занял младший брат Дмитрий

II [19, 123]. По нашему подсчету Дмитрий II царствовал в 820–846 гг.

По примеру своих предшественников Дмитрий II также предпринимает значительные шаги к расширению пределов Абхазского царства. По-видимому, усиление Абхазского царства беспокоило как арабов, так и византийцев. Византийский император Феофил, а затем его сын Михаил III посылают карательные экспедиции против абхазов в 831 и 833 гг. При этом они призывают на помощь эмира Тифлиса Исхака бен Исмаила. Однако войска их терпят поражение от абхазов.

Византия вновь предпринимает попытку силой оружия навязать свою политическую гегемонию Абхазскому царству. В 843–844 гг., согласно сообщению анонимного византийского историка, из Константинополя на кораблях направляется в Абхазию многочисленное войско под предводительством Феохристома. В пути византийский флот был сильно потреплен бурей. А высадившись на берег, войска были атакованы абхазами и потерпели сокрушительное поражение. По свидетельству того же источника, потери императорских войск составили до 40 тысяч человек [87, 19].

Абхазское царство и далее продолжало борьбу против арабов, борьбу за овладение Картли. В этом направлении удачно выступил абхазский царь Георгий I – брат Дмитрия II, царствовашего, на наш взгляд, в 846–852 гг. (принято считать 861–868 гг.), имевший прозвище (титул) *Георгий Агцепский,* [18, 195] или *Георгий Агцупский,* по-видимому, по названию его бывшего владения *Агца* в районе столицы Абхазского царства *Анакопии (Апсар)* [199, 23; 87, 20]. В первые же годы царствования Георгий занял Картли [515, 122, 123] и оставил эриставом в Чиха сына Деметре» [497, 31]. Дальнейшее продвижение Абхазского царства на восток было прервано кончиной Георгия I.

Следующим абхазским царем становится сын Георгия I Иованэ (852–863), что, по-видимому, не было одобрено сторонниками сыновей Дмитрия II. Как уже отмечалось, один из сыновей Дмитрия, т. е. старший Тенин, уже был правителем Чихской области. Вторым же являлся маленький сын Дмитрия – Баграт.

Некоторые же исследователи умышленно или ошибочно умалчивают о существовании у Георгия сына Иованэ, называя Георгия I бездетным. Они же, как справедливо отмечают Р. О. Аргун и А. Б. Шанава, отождествляют имя сына Георгия Иованэ с именем некоего

князя Иоана Шавлиани, приближенного жены Георгия, матери его сына Иованэ. Более того, Иване Шавлиани приписывается захват абхазского престола и узурпация власти в Абхазском царстве, на что нет прямых указаний в первоисточниках.

Вахушти же пишет: «После царя Феодосия царем стал брат его Гиорги. Сей Гиорги захватил Картли и эриставом в Чихи посадил Теинина, сына брата своего Дмитри. И после доброго царствования умер царь Гиорги лета Христова 877, грузинского 97. А после царя Гиорги царем стал сын его Иованэ. Однако царица, мать царя Иованэ, вознамерилась более укрепить царствование своего сына, и так как уже не было в живых Дмитри, брата царей Феодосия и Гиорги, поэтому схватила сына Дмитри, Чихского эристава Тенина и убила его. А младшего сына того же Дмитри, малолетнего Баграта, изгнала и в пути Баграта бросили в море. Однако господь избавил его и достиг Константинополя» [4, 222].

Иованэ, чтобы укрепить свое шаткое положение на абхазском престоле, породнился с Багратионами, владетелями Тао. Он женил своего сына на дочери Гуарама, сына Ашота. После Иоанна престол занял его сын Адарнас или Афанасий (863–871 гг.). По-видимому, и у Адарнаса в стране было немало противников по причине проявленной жестокости и коварства вдовы Георгия I и её сына Иованнэ – отца Адарнаса. Об этом свидетельствуют вольные действия отдельных абхазских феодалов – правителей областей. Так, в этот период абхазские правители Аргвети из рода будущих Богвашей самовольно завладели землями Триалети и закрепились там. Они же провели (пробили) кратчайшую дорогу через Триалетский хребет на Картли и здесь же построили крепость, получившую у грузин название *Клде-Кари*, букв. «Дверь в скале», а у абхазов *Баагуаш (Баагәашә)* «Крепостные ворота» – отсюда и фамилия (или прозвище), абхаз. *Баагәашә,* груз. Багваши (см. ниже). Не случайно также отсутствие Иованнэ и Адарнаса в списке абхазских царей. Тем не менее они были царями.

В царствования Иоанна и Адарнаса борьба за Картли продолжалась. В основном она велась между армянскими Багратидами и Абхазским царством, что вытекает из сообщения «Летописи»: «А Насра, сын Гуарама, и Гурген (владетели Тао – Кларджети – *В. К.*) были на стороне абхазов, Давид и Липарит пособляли армянам и воевали армяне и абхазы из-за Картли» [199, 60]. По-видимому, на данном этапе борьбы за Картли абхазская сторона потерпела поражение,

поэтому армянский правитель Ашот Багратуни получил титул эристави – эристава армян и картлийцев [19, 125]. А Насра, выступавший на стороне абхазов, с помощью сарацин был изгнан в Византию.

По видимому к этому времени относится и сообщение «Матиане Картлиса»: «Царь абхазов Феодосий (т. е. сын царя Иоанна Афанасий, он же Адарнас – *В. К.*) выступил против (Буга) и закрепился в Куерцхоба. Когда Буга узнал об этом, то послал против него Зирака, своего военачальника, и Баграта, сына куропалата Баграта. Сразились они, абхазы были обращены в бегство, и погибло их бесчисленное множество. Феодосиий бежал по двалетскому пути. Это событие произошло после 5 августа 853 года, т. е. после взятие арабами Тифлиса и убийства ими (тбилисского) эмира Сахака, как об этом повествуется в надписи на Атенском храме» [19, 141]. Согласно того же «Матиане Картлиса», поражение абхазского царя произошло после падения Тбилиси и убийства Сахака [481, 85, 86].

После понесенного поражения Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок. Такой же данью была обложена и Хазария [19, 142].

В конце 80-х гг. IX века в Абхазию возвращается сын Дмитрия Баграт, и с помощью своих абхазских сторонников и военной силы византийцев завладевает абхазским престолом. Об этом «Матиане Картлиса» сообщает: «Баграт, сын абхазского царя Дмитрия, находился в Греции, в Константинополе; дал ему царь греков войско и отправил морем на кораблях в Абхазию. (По прибытии туда) Баграт убил Адарнасе и овладел Абхазией. Он взял себе в жены супругу его (Адарнасе), дочь Гуарама». Последним актом он предотвратил развитие конфликта между ним и правителем Тао.

Баграт царствовал в Абхазии сравнительно недолго (871–883 гг.). Став царем, Баграт вызвал из Греции брата своей жены Насра, который находился под покровительством императора. Баграт дал Насра войско и направил его против Адарнаса, которого таойцы до этого объявили эриставом Картли. В борьбе против таойцев и картлийцев Баграту помогли и осетины. При поддержке войск абхазского царя Насра занял Одзрхе, Джарисцихе, которые раньше принадлежали его отцу. Далее Баграт I намеревался овладеть Картли и вытеснить из него армян и тайоцев. Встревоженные этим армяне и картлийцы внезапно напали на объединенное воинство абхазов, осетин и греков на берегу Куры и нанесли последним поражение. В «Летописи» говорится: «Пришли Гурген и Адарнас, сын Давида, вспо-

мошествовали им армяне, вступили в бой на берегу Куры; одолели абхазов, убили Насра и мтавара овсов Бакатара и эристава абхазов» [199, 127].

Анализируя указанный текст и другие источники, ряд ученых допускает, что осетины, которых в прошлом византийцы использовали против абхазов, уже в указанный период были не просто союзниками, а подчиненными абхазам» [523, 198; 515, 127].

После кончины Баграта I абхазский престол занял его сын Константин III (893–922 гг.). С приходом к власти он приступил к энергичным действиям против своих противников и занял в 904 году Картли. Это привело к ответным действиям армян против Абхазии. Об этом «Летопись» сообщает следующее: «В это время выступил Константи, царь абхазов, и захватил Картли; разгневался на него царь сомехов Сумбат Тиезеракал, выступил с большим войском и обступил Уплисцихе, поставили друг на друга палан-курдани (вьючные седла – *В. К.*) и при помощи этой хитрости взяли крепость. Но (затем) Сумбат и Константи полюбовно договорились и вернул (Сумбат царю абхазов) Уплисцихе и всю Картли» [497, 32].

Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата. Между тем государи Армении и Абхазии и до этого состояли в родстве, поскольку сын Сумбата – Мушег был женат на дочери абхазского царя Константина. Теперь же их родство стало еще теснее. И от жены армянки у Константина родился сын, нареченный Багратом [87, 23]. Однако, как отмечает З. Анчабадзе, такая уступчивость Сумбата объяснялась, прежде всего, осложнившимися к тому времени отношениями с арабами. Как сообщает армянский историк Асохик, в 907 году, по приказу халифа, против Сумбата выступил «с большим войском» арабский наместник Абу-Садж, которого поддерживали некоторые армянские правители. Узнав об этом, Сумбат «перешел в Абхазию». Характерно, что тао-кларджетский царь Арданасе также поддержал противников Сумбата, потому, надо полагать, что Сумбат находился в союзе с абхазским царем Константином.

Грузинский летописец сообщает, что в период нашествия арабского полководца Абуль-Касима (914 г.) Сумбат снова нашел себе убежище «в горах абхазских». Впоследствии Сумбат погиб в борьбе с арабами [19, 127].

В том же 914 году арабский полководец Абуль-Касим принудил абхазского царя Константина оставить Картли. Однако вско-

ре, пользуясь уходом части арабских сил из Картли и ослаблением Армянского царства, Константин смог прочно овладеть Картли. Это видно, в частности, из того, что кахетинский корепископ Квирике I признал себя его вассалом, и они совместно начали борьбу против Эрети. Летописец сообщает, что Константин и Квирике «вступили в Эрети и осадили крепость Вежини. Абхазский царь осадил ее с верхней стороны, а Квирике – с нижней». После победы над эретцами Квирике досталась крепость Орчоби, а Константину – Ариши и Гавазни [199, 63].

Комментируя это событие, И. А. Джавахишвили пишет: «Правитель Кахети действовал разумно, не осмеливаясь один расширять свои владения, дабы не восстановить против себя абхазского царя; после победы он взял себе лишь одну часть уступленной им территории, а две части уступил царю абхазов». Таким образом, царь абхазов утвердился теперь не только в Картли, но и в Эрети. Отныне преимущество и главенство в Грузии оказалось в руках «абхазских царей» [19, 127].

В честь победы над Эрети здесь, по велению абхазского царя Константина, в местечке *Эредви* (вблизи Цхинвали) закладывается церковь. Само название местечка *Эредви*, по-видимому, представляет грузинскую форму абхазского *Еретдвы (Ерет̧дәы),* букв. «Еретское поле (равнина)».

Найденная здесь церковная запись гласит: «Во имя Бога-Отца, Сына и Святого Духа, с ходатайством св. Богородицы, с помощью св. Георгия, в царствование Богом утвержденного царя Константина, который изволил и прибыл в Эретию, обратил в бегство царя эретинцев и, возвратившись оттуда с миром, на утрене молился в Алаверди, переночевал в Бредза. Опять поднялся и разрушил крепость Веджини. При владычестве в Картли Ивана Тбели, при архиепископе блаженного, его крестом по замыслу Никозского блаженного Степана епископа, усилиями и с помощью близких я, Теодоре Таплайсдзе, заложил фундамент. Лето было 6510 (906 г.)» [87, 24].

Имя Константина упоминается и в других эпиграфических памятниках того периода – в церковных надписях, на иконах, утвари. Его имя выгравировано также на архиерейском посохе в Шемокмедском монастыре, надпись на котором гласит: «Христос, прославь царя Абхазского Константина». Константин III был активным проводником христианства среди народов Кавказа. С его именем увязывают строительство христианских храмов в верховьях Куба-

ни, типологически относящихся к абхазской архитектурной школе. Миссионерская деятельность Константина по утверждению христианства в Алании была высоко оценена Константинопольским патриархом Николаем Мистиком. В письме к Константину патриарх писал: «Преславному властителю Абасгии … свидетельство благочестия – твое боговдохновенное усердие, которое ты явил и являешь в деле спасения и приобщения к истине народа аланов: мы же от разных сведущих людей узнали о твоих успехах, что ты с Божьей помощью много заботился о просвещении правителя Алании и о тех, кто с ним сподобился святого крещения» [87, 24, 25].

После казни Сумбата Армению возглавил его сын – Ашот Железный. В 920 году он отправляется в Абхазское царство с просьбой о помощи, в соответствии с дружественным союзом, закрепленным его отцом с абхазским царем Константином III накануне арабской агрессии в 906 году [87, 24].

Однако, вскоре после взятия Эрети, абхазский царь Константин III скончался (922 г.). Вслед за этим в стране началась борьба за власть между сыновьями Константина – Геогрием и Багратом. «Матиане Картлиса» сообщает: «У царя Константи было два сына – один старший, и второй младший, – которого родила ему (вторая) жена (армянка – *В. К.*). Старшего звали Гиорги, младшего – Баграт. И была между ними борьба яростная, о чем повествует их история. А этот Баграт был зятем эриставт-эристава Гургена, помогал Гурген (Баграту) всеми своими силами. И пока не скончался Баграт – не было мира. Баграт (по счету Баграт II), по-видимому, незаконно занимал престол около 2-х лет (922–923). После смерти Баграта II Гиорги II стал полновластным царем абхазов (923–963). Как явствует «Летопись», он был преисполнен всех благ, отважный и представительный, боголюбивый, более всех строитель церквей, был милостив к бедным, щедрый, скромный и преисполненный всяческой доброты и добродетели. Он упорядочил и управился со всеми делами вотчины и своего царства, воздвиг Чкондидский храм, учредил епископию и украсил ее множеством мощей святых мучеников» [497, 33, 34].

Георгий II был наиболее выдающейся фигурой среди абхазских царей IX–X вв. В период его правления Абхазское царство превращается в самодостаточное и самое влиятельное государство в Закавказье. «Матиане Картлиса» называет Георгия II «царем великим и богом возлюбленным» [524, 265, 269, 275; 19, 128]. Георгий продолжает культурную экспансию на Северный Кавказ, где строятся

храмы, представляющие абхазскую архитектурную школу. В его правление на северной стороне Кавказского хребта укрепляется область проживания северных абхазов, которые в 923 году под предводительством князя Бера вторгаются в Армению [87, 24].

После своего воцарения Георгий II назначил правителем Картли своего старшего сына Константина. Однако спустя три года, подстрекаемый местными феодалами, Константин «стал враждовать со своим отцом и домогаться царского престола». Он укрепился в крепости Уплисцихе, где его поддерживали «тбетцы и многие другие азнауры» [19, 128, 129]. Георгий незамедлительно осадил Уплисцихе. После долгой осады крепости Георгий обманными обещаниями выманил сына – раскольника, а затем «ослепили, оскопили его, подвергли другим пыткам, после которых он умер» [19, 129].

Усмирив Картли, Георгий посадил там своего второго сына – Леона. В то же время, в связи с восстанием гардабанских феодалов, Георгий вторгся в Кахети, и подверг ее разорению, и страну подчинил себе [19, 130].

Георгий II также вел постоянную борьбу за усиление своего влияния на Тао-Кларджети, которая сама имела серьезные претензии на владение Картли и Кахети, поэтому с завистью взирала на продвижение Абхазии на восток. Для достижения своей цели Георгий II выдает свою дочь за сына тао-кларджетского царя Адарнаса – Ашота Куропалата. В дальнейшем Георгию удается захватить часть Тао-Кларджети. Вскоре, по-видимому, не без участия тайоцев, картлийцы и кахетинцы, сговорившись, попытались отложиться от Абхазского царства. Узнав об этом, Георгий отправляет войска во главе с сыном своим Леоном. Они подвергают опустошению мятежную Кахетию.

Как сообщает «Летопись»: «Поняв безуспешность сопротивления, Квирике явился к ним. Но затем пожелал тайно бежать, схватил его (Леон) и направился в Кахети, чтобы захватить всю его семью. (Но они) скрылись, так как картлийские азнауры известили их.

Перешел на сторону царя Гиорги (Шурта), брат хорепископа Квирике, и передал ему крепость Уджарму, заняли они и остальные крепости Кахети, кроме трех крепостей: Нахчевани, Бочормы и Лоцобанта.

(Крепостью) Лоцобанни владел Иване (Аршисдзе), укрепился он в ней, предал патрона (своего). Воздвигли Шурисцихе и разместили в ней гарнизон. Крепостью Марана владел тогда Хахуа Аршисдзе, брат Иване, (который) наподобие брата свое желал силой удержать

(крепость). Прибыл царь (Гиорги), приказал войску сразиться. Взяли крепость хитростью, и захваченного Хахуа привели к царю, а царь отправил (его), плененного, в Джикети.

Крепостью Нахичевани владел Фадла, сын Квирике. Он тоже укрепился в ней. Когда хорепископ Квирике увидел бессилие свое, попросил гарантию сохранения жизни и передал Кахети царю Гиорги» [497, 35].

Однако окончательному подчинению Картли и Кахети помешала смерть царя Георгия. Когда Леон узнал о кончине отца, то у Базалетского озера встретился с архиепископом Квирике и заключил с ним мир. Сын Квирике женился на дочери Леона и признал над Кахети политическую власть своего тестя. После этого Леон вернулся в Абхазию и стал царствовать [19, 131, 132; 515, 132–134].

Сын Георгия Леон III, согласно «Дивану абхазских царей», царствовал около семнадцати лет (963–980 гг.). Он, как и отец, начал с принятия энергичных действий по экономическому и политическому развитию страны. В «Летописи» говориться: «Умножил Господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви и превратил его в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок» [518, 270; 515, 134].

Леон III распространил свою власть дальше на восток и подчинил себе Джавахети. Начальником над этой областью он назначил своего ставленника Звиада Марушиани (Марушис-дзе). В Джавахетии, которая стала крайним восточным пределом Абхазского царства, на границе с Арменией, недалеко от современного Ахалкалаки, по его повелению строится храм в селении Кумурдо. На стене этого храма имеется строительная надпись, в которой поименован и сам Леон и его новый наместник в этой области Звиад Марушиани. В храме, заложенном в 964 году, сохранились рельефные изображения Леона III, его сестры Гурандухт с младенцем – будущим абхазским царем Багратом II на руках.

Надпись в Кумурдо гласит: «Иоанн епископ положил основание этой церкви рукой грешного Сакоцари при царе Леоне в 964 году в мае, в день субботний первой луны в наместничестве Звиада» [87,29].

Леон III продолжает борьбу за окончательное подчинение Абхазскому царству Кахетии. После внезапной смерти его дочери – жены Квирике II, Леон III очередной раз вторгается в Кахетию с большим

войском, выходит на берег Арагви и подвергает разорению Мухрани, Хорки, Базалети. Вскоре, во время великого похода в Кахетию, он внезапно заболел и умер [19,132]. Погребен в материковой Абхазии, в едва завершенном Моквском соборе [87,29,30].

Леон III умер бездетным и на абхазский престол взошел его брат – *Деметре (Дмитрий) III* (980-988 гг.). Второй брат Леона – *Феодосий* еще в детстве был послан своим отцом Георгием II на учебу в Византию. Согласно словам летописца, Георгий отправил Феодосия и его брата (Баграта) за границу с целью не допустить после своей смерти неурядицы между братьями из-за престола [19, 132, 133].

Дмитрий III вскоре после своего воцарения овладел Картли. Как говорится в «Летописи»: «И пока он упорядочил дела в своем царстве, прошли времена» [497, 36, 37]. В этот период «какие- то люди» вызвали Феодосия из Византии, чтобы он начал борьбу против брата – Дмитрия [19, 133].

Феодосий, увидев поддержку со стороны грузинских феодалов, по-видимому также и от некоторой части абхазской знати, решил силой отвоевать престол у брата. Из Византии он приехал прямо в Самцхе, где к нему присоединились мосхийские феодалы, собравшие значительное войско. Однако они внезапным нападением были разбиты войском Дмитрия, а Феодосий бежал в Картли. Год спустя Дмитрий дал клятвенные заверения Феодосию в Мцхете, в присутствии знатных особ, о мире. Однако, заполучив брата в свои руки, Дмитрий, нарушив клятву и заверения, ослепил Феодосия. Это событие вызвало мятеж среди сторонников Феодосия. Как явствуют источники, Дмитрий решительно и жестоко подавил эти волнения, ибо Дмитрий «был решителен и могуч» [524, 272; 19, 134, 87, 30].

Ослепленный Феодосий получил у абхазов прозвище *Чала* или *Аԥсҳа Чала,* букв. «Царь – инвалид», «Больной царь» (см. ниже), которого, по-видимому, долгое время скрывал Дмитрий [497, 37]. Когда же умер Дмитрий, как сообщает летописец, «вельможи страны сей убедились, что единственным наследственным владетелем Абхазети и Картли является Теодоси (Феодосий), вывели его и посадили царем» [497, 37].

Феодосий IV (III ?) Слепой или *Феодосий Чала* царствовал около трех лет (988-991 гг.). Далее правил страной около 2-х лет его бездетный двоюродный брат Атарнас Давид (991–992). В годы их правления страну раздирали распри, царил хаос. Данная ситуация вынуждала абхазскую элиту искать нового претендента на престол в условиях

сложившегося в Абхазском царстве династического кризиса. Вскоре такая замена была найдена в лице сестры абхазских царей Леона III, Дмитрия III и Феодосия IV – *Гурандухт* и ее малолетнего сына *Баграта*. С воцарением же Баграта III завершается присоединение Картли и Тао-Кларджетии к Абхазскому царству и начинается новый имперский этап развития абхазского феодального государства.

Список абхазских правителей VI – X веков с учетом пропущенных в «Диване абхазских царей» и наиболее вероятными периодами их пребывания на престоле:

1. *Анос* или *Ханос* (он же *Скепарна*)	550–555 – первый абхазский царь, царствовал около 5 лет?
2. *Гозар* (сын *Аноса*)	555–562 царствовал около 7 лет
3. *Юстиниан* (*Иустиниан*)	
4. *Филиктос*	на царствование этих 4-х царей
5. *Дмитрий*	приходится около 46 лет
6. *Феодосий*	
7. *Константин*	608–618(?) примерно 10 лет
8. *Леон I*	618–643 царствовал около 25 лет
9. *Феодор*	643–650 царствовал около 7 лет
10. *Константин II*	650–661 царствовал около 11 лет
11. *Леон II* брат *Константина II*	661–706 царствовал 45 лет
12. *Феодосий II* – сын *Леона II*	706–745 царствовал (по Вахушти) 39 лет
13. *Давид* – сын *Феодосия II*	745–783 царствовал 38 лет – в списках абхазских царей нет
14. *Феодосий III* – сын *Давида*	783–820 царствовал 37 лет – в списках абхазских царей значится как Феодосий II
15. *Дмитрий II* – младший брат *Феодосия (?)*	820–846 26 лет (или 36)

16. *Георгий Агцупский* – старший сын *Феодосия III*	846–852 царствовал около 7 лет (в источниках нет на это указания)
17. *Иованне* – сын *Георгия*	852–863 царствовал около 10 лет – нет в списках абхазских царей
18. *Адарнас* (или *Афанасий*) сын *Иованна*	863–871 царствовал 8 лет – нет в списках абхазских царей
19. *Баграт I* – сын *Дмитрия II*	871–883 царствовал 12 лет
20. *Константин III – сын Баграта I*	883–922 царствовал 39 лет
21. *Баграт II* – сын *Константина*	922–923 царствовал около 2-х лет – нет в списках абхазских царей
22. *Георгий II* – сын *Константина*	923–963 царствовал около 40 лет
23. *Леон III* – сын *Георгия*	963–980 царствовал 17 лет
24. *Дмитрий III* – брат *Леона III*	980–988 царствовал 8 лет
25. *Феодосий IV (III) Слепой*	988–991 царствовал 3 года
26. *Атарнас Давид*– двоюродный брат *Феодосия*	991–992 царствовал 2 года
27. *Баграт III*	992–1014 царствовал 22 года (*В. К.*) 992–1022 царствовал по Е. Такайшвили 30 лет (?) 992–1028 царствовал по М. Броссе 36 лет (?)

§ 2. О границах Абхазского царства в VII–X вв.

Сведения о первоначальной границе Абазгского (Абхазского) царства относятся к VII веку. Впервые об этом говорится в связи с правлением Леона I в Абазгии в период императора Византии Ираклия (610–641). Далее, как уже отмечалось, согласно сообщению Джуаншера, абхазский царь Леон I (т. е. Леон II) в разговоре с Арчилом – картлийским царем называет следующие границы своего владения: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно … Отныне она является моим наследственным владением от

Клисуры до реки Большой (читай Малой) Хазарии, куда достигает хребет Кавказа» [199, 53]. Конечно же, здесь речь идет о признании за Леоном территорий, которыми он уже владел.

Выше уже не раз отмечалось, что в источнике под названием Клисури обозначена византийская оборонительная линия, проходившая ниже Цихе-Годжи и Кутаиси, и являвшаяся «границей Греции и Картли» [69, 150-157; 329, 62-66; 94, 124]. Здесь же, по р. Техури (правый приток Риони) и нижнему течению р. Риони (Фазис), проходила юго-восточная граница Апсилии, которая уже являлась частью Абазгии (Абхазии). По источнику, северная граница Абазгии доходила до Малой реки Хазарии (в источнике ошибочно указано «Большая река Хазарии»), что соответствует р. Кубань [199, 53].

Итак, Абазгия или Абхазия, до присоединения к ней Эгриси еще в VII в. простиралась: на севере – до р. Кубань; на северо-востоке – до Главного Кавказского хребта; на юго-востоке – до р. Техури ((правый приток Риони) и нижнего течения р. Риони (Фазис); на юге – до Черного моря.

В 60-х годах VII века, с женитьбой Леона II на дочери покойного эгрисского правителя Мира и передачи ему короны последнего, освобожденное Леоном же Эгриси оказывается под управлением Леона. Затем, Леон II присоединяет и картлийскую область Иверии (см. выше) к Абхазскому царству, сюда же отходит и территория между р. Риони и р. Чорох. Происходит это, как пишет Вахушти, «после того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе (город-крепость в районе Абастумани). Отложились от них и присоединились к Леону… После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони» [520, 174, 176].

Существует также еще один важный документ, указывающий на границы Абхазского царства того же периода. Речь идет о сочинении автора VIII века Иоане Сабанисдзе «Мученичество Або Тбилели». Согласно этого источника, правитель Картли – Несре, из-за жестокости арабских завоевателей, покинул временно свою страну. Он, в сопровождении юноши – араба Або и большой свиты, перешел в Хазарию, заблаговременно отправив членов своей семьи в Абхазию. В Хазарии же юноша Або отрекся от мусульманства и принял христианство.

В контексте сочинения Иоане Сабанисдзе, в частности, говорится: «И когда прибыли они в страну Абхазию, владетель той страны благосклонно принял Несре со всем его воинством. Когда Несре увидел царицу, мать свою, жену и детей своих, с радостью все величали бога за то, что живыми благополучно собрались вместе»... «И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т.к. он узрел страну ту исполненной христовой веры, и ни одного неверующего не сыскать было в их пределах. А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсареай и Напсайская гавань. И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионийцев, который восседает на престоле в великом граде Константинополе» [199, 6-9].

Через некоторое время Несре и Або через Абхазию возвращаются в Восточную Грузию; арабы казнили юношу Або в 786 году.

Считается, что пребывание картлийского правителя Несре в сопровождении юного араба Або в Абхазии имело место еще при Леоне I, в последние годы его правления. Это подтверждается тем, что Або казнили в Картли в 786 году [520, 174, 176]. Однако, данный факт не может быть увязанным с Леоном I, в действительности царствовашим в 618–643 гг. похоже, указанные события произошли в период правления в Абазгии Феодосия III (783–820) (см выше).

В сочинении Иоане Сабанисдзе речь идет о юго-восточной границе Абхазии по р. Чорох. При этом имеется в виду приведенная ниже цитата из этого сочинения: «...А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсареай и Напсайская гавань. И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионийцев, который восседает на престоле в великом граде Константинополе». Данная цитата толкуется по-разному. Одни (К. Кекелидзе, П. Ингороква и др.) рассматривали приведенное сообщение как свидетельство нахождения Трапезунта, поселения Апсар и Напсайской гавани в пределах Абхазского царства. Пункт Апсар К. С. Кекелидзе помещает в устье Чороха (Гонио), а Напсай отождествляет с Никопсией [525, 34]. Он также утверждает, что: «В пределы Абхазии, т. е. Западной Грузии, ранее называвшейся Лазикой и Фасидой (от реки Фазиса – Рио-

ни), тогда действительно входил Трапезунт» [525, 62]. Другие же (С. Джанашиа, З. Анчабадзе, М. Гумба) справедливо подчеркивают, что в приведенной цитате прямо указывается, что Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань, являются городами Халдии, которые представляют собой владения ионийского царя, т. е. византийского императора [9, 113]. По мнению академика С. Джанашиа Абхазия в то время, в политическом смысле, не простиралась южнее реки Чорох [429, 388]. Прямое указание на то, что Трапезунт являлся городом Халдии, а вся эта область входила в состав Византии, как заметил З. Анчабадзе, имеется у Константина Багрянородного, который в своем труде «О Фемах» под № 8 упоминает «Фему Халдия» и ее «митрополию – Трапезунт» [527, 34; 19, 114].

Таким образом, в VIII веке границами Абхазского царства являлись: Малая река Хазарии – на севере, Главный Кавказский хребет – на северо-востоке, Лихский хребет – на юго-востоке, р. Чорох – на юге и Черное море – на западе [51, 234]. В основном в этих границах Абхазия выступает как цельное государство и в IX–X вв.

Определенные сведения о границах Абхазии середины X в. дает византийский император Константин Багрянородный. В частности он пишет: «От Таматархи на расстоянии 18 или 20 миль есть река, называемая Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху. От Укруха до реки Никопсиса, на которой стоит соимённый реке город, простирается область Зихии; длина её 300 миль… От конца Зихии, т. е. от реки Никопсиса, побережье занимает земля Абазгия до города Сотириополя на протяжении 300 миль» [526, 21].

Насколько нам известно, локализация реки Никопсиса и города Никопсия у исследователей не вызывает разногласий. Река Никопсис – это современная река Нечепсухо, впадающая в Черное море в 25 км к северо-западу от Туапсе. Справа от устья этой реки, на горе, исследователи помещают средневековой город Никопсию – центр Зихской епархии [96, 162, 164].

Вместе с тем по поводу местоположения города Сотирополя, до которого, как говорит Константин Багрянородный, доходит (южный) предел Абазгии, у исследователей существуют различные мнения. Часть из них (Ю. Кулаковский, Ф. Брун, З. Анчабадзе, Л. Хрушкова) Сотирополь отождествляют с Пицундой, т. е. Питиунтом древних авторов. Некоторые же авторы (В. Болотов, П. Ингороква) Сотирополь увязывают с Севастополем (Сухум). Позже П. Ингороква меняет

свое мнение и высказывает новое предположение, по которому Сотирополь – это приморский пункт Оф, близ Трапезунта.

Все эти мнения представляются довольно сомнительными в силу того, что они явно противоречат ясному указанию Константина Багрянородного о том, что Абазгия тянется «от реки Никопсиса до города Сотирополя по морскому берегу на пространстве 300 миль», т. е. примерно столько же, сколько и между Укрухом (Кубанью) и Никопсией. Данное обстоятельство обоснованно подчеркивается в работах Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба. В частности, О. Бгажба заостряет внимание на следующих важных посылах:

Сотириуполис – однозначно локализуется как пункт близ юго-восточной границы Авасгии, причем в этом смысле не столь принципиально, на территории какого государственного образования он находился – в Авасгии или византийской фемы Халдия;

под Авасгией, учитывая протяженность страны (300 миль), следует совершенно определенно понимать Абхазское царство периода его расцвета, а не территорию расселения этнической единицы (абасгов), т. к. к середине X века абасги, апсилы, миссимиане и саниги уже почти 200 лет составляли единую абхазскую феодальную народность;

протяженность страны Зихия и страны Авасгия одинакова. Река Никопсис – граница между этими странами, на ней находится одноименная крепость (город);

следуя тексту первоисточника, очевидно, что ключевым моментом для локализации Сотириуполиса является определение местонахождения крепости Никопсис, как пограничного пункта между Абасгией и Зихией и, как известно из других источников, места захоронения Симона Канонита – апостола Христа [528, 91].

Однако далее автор, несмотря на совершенно верные исходные позиции, приходит, на наш взгляд, к ошибочному заключению о том, что Абазгия в тот период (X век) простиралась между Трапезунтом и Цандрыпшом [528, 93, 95, 97].

Прежде всего, следует заметить, что переносом Никопсиса в район Цандрыпша отсекаются от Абазгии важная часть абхазского народа и Абхазского царства: *садзы* (саниги или чиги, джики) и их страна *Джикетия* (Санигия), которая, согласно источникам, граничила во II–Vвеках с Зихией по р. Ахеунта (Шахе) (см. выше), а затем по реке Никопсис (Нечипсухо). Заключение Абазгии меж-

ду Трапезунтом и Цандрыпшем противоречит и словам самого О. Бгажба: «Под Авасгией, учитывая протяженность страны (300 миль), следует совершенно определенно понимать Абхазское царство периода его расцвета, а не территорию расселения этнической единицы (абасгов), т.к. к середине X века абасги, апсилы, миссимиане и саниги уже почти 200 лет составляли единую абхазскую феодальную народность» [528, 91].

Как нам представляется, Ю. Воронов и О. Бгажба, принимая Сотирополь за Трапезунт, естественно не могли 300 миль (445 км – из расчета 1 миля=1481,5 м) дотянуть до р. Ничепсухо, в связи с чем и возникло предположение о том, что Никопсия могла находится в районе Цандрыпша. При этом, видимо, имелось в виду, что Никопсис, считавшийся местом захоронения Симона Канонита, его название церковные деятели могли переносить с одного места на другое. Как известно, Анакопия, благодаря русским монахам, также считается местом захоронения Симона Канонита.

На самом же деле сообщение Константина Багрянородного о прохождении границы между Зихией и Абазгией по р. Никопсис (Ничепсухо, Негепсухо), на наш взгляд, не должно вызывать сомнений.

Во-первых, как уже выяснено, сам император Константин Багрянородный недвусмысленно говорит, что Трапезунт является митрополией Халдии [527, 34].

Во-вторых, как выше сказано, границей Абхазского царства в VIII и в начале IX вв., а, согласно Багрянородного, и в середине X века являлась река Чорох. Представляется, что именно с этим фактом увязываются приводимые академиком О. Бгажба слова Багрянородного о том, что крепость Адарнуци (Артануджи) расположена в бассейне Чороха и «является ключом к Авасгии» [528, 92].

По данным того же Багрянородного, изменения претерпела лишь северная граница Абхазского царства. Если в VIII и в начале IX века северной границей Абхазского царства являлась р. Кубань, то в середине X века она уже проходила по р. Никопсису (Нечепсухо, Нигепсухо). Зихия же помещается за Абазгией – между р. Никопсис и р. Кубань. Известно, что прежняя внутренняя граница Зихии и Санигии, позже и Абазгии, проходила по р. Шахе, соответствующей Ахеунту Адриана и др. авторов. Теперь же междуречье Шахе и Никопсиса оказывается среди земель Абхазского

царства. Вскоре, по-видимому, абхазские цари возвращают в состав Абхазского царства остальную Зихию, тем самым восстанавливают прежнюю границу царства по р. Кубань. свидетельством этого представляется перенос во второй половине X века кафедры зихского митрополита из Никопсии в Тмутаракань [96, 164].

Как уже сказано, Никопсия, располагавшаяся у абхазо-зихской границы, считалась местом захоронения святого апостола Симона Канонита. В этой связи обращает на себя внимание сам топогидроним *Никопс-ис* и местная его форма *Нигепсухо* (//Ничепсухо). В основе этих форм представлены близкие по облику основы *нико* и *ниге*, которые могут восходить к абхазо–абазинскому *ныха* «икона», «святыня» – отсюда слово *Ныхапс* (срав. Никопс), букв. «святая река» или «река святыни», где *пс* – абхазо – адыгское слово «вода», «река». Вторая же форма названия реки *Нигепсухо* также, возможно, из абхазо–абазинского *Ныхапшахуа* (срав. Нигепсухо), букв. «святой берег» или «берег святыни», где *псахуа* (абхаз. *ԥшаҳәа*) «берег», «прибрежье».

И, наконец, если принять Никопсию за исходную точку отсчета расстояния между двумя концами страны абазгов, то от Никопсиса за 300 миль, согласно Багрянородному, должна оказаться южная граница Абхазского царства с городом Сотирополь.

В действительности, если рассматривать мили Багрянородного в значении сухопутного измерения, в расчете 1 миля=1609, 34 метра, то 300 миль составит около 483 км (срав. у О. Бгажба – 445 км.), что примерно соответствует расстоянию между Никопсисом и р. Чорох. Отсюда – большая вероятность того, что город Сотирополь мог находится в районе Батума, или Петры. Возможно, древнее название Батума – *Бата, Бати* путают с названием Пицунды – *Пити,* благодаря одной старой записи «Сотирополь – прежде Питиа» [530, 36].

Таким образом, в середине X века устойчивыми политическими границами Абхазского царства являлись: река Нигепсухо (Ничепсухо) – на севере, Главный Кавказский хребет – на востоке, Лихский (Сурамский) хребет – на юго-востоке, р. Чорох (или вблизи нее) – на юге и Черное море – на западе. Как отмечалось выше, в зависимости от успехов политической экспансии абхазских царей, владения последних заходили порой (главным образом в X в.) далеко в область Восточной Грузии (Картли, части Кахети, Эрети и Тао-Кларджети) – на юге и доходили до Кубани («Хазарской реки») – на севере.

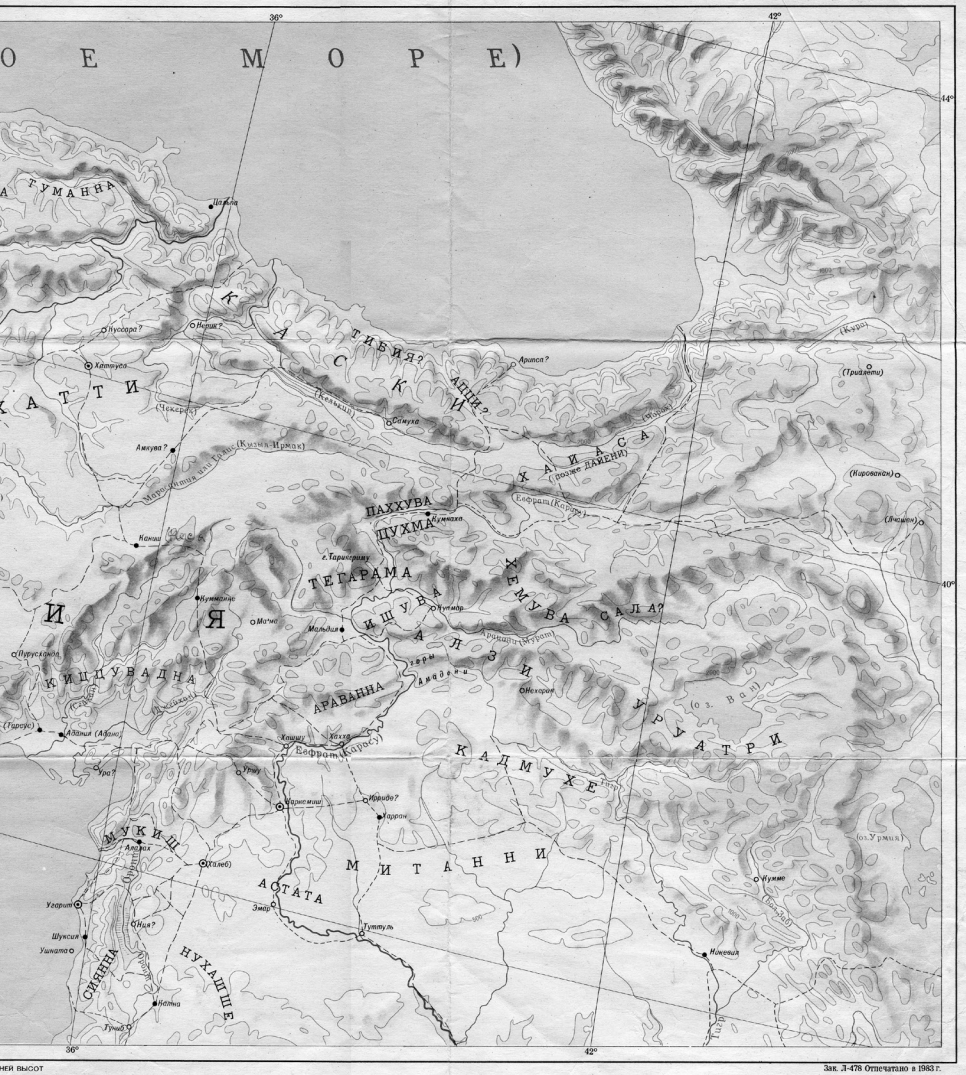
МАЛАЯ АЗИЯ ВРЕМЕНИ ХЕТТСКОГО

Сечение рельефа 0,200,500,1000,2000,3000 м и выше

ШКАЛА СТУПЕ

0 200 500

ЦАРСТВА (около 1500–1200 гг. до н.э.)



ней высот

0 1000 2000 3000 выше

Зак. Л-478 Отпечатано в 1983 г.

ГЛАВА X

СВИДЕТЕЛЬСТВА АБХАЗСКОГО И АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 1 Феодальная народность *абхазы* или *абаза // апаса // апса* (**аԥсуа**) // **апсар**

Консолидация древних абхазо–абазских обществ в единую абхазскую народность, начавшаяся в V–VI вв., завершается, в основном, к концу VII века. Решающую роль в формировании абхазской феодальной народности сыграли абазги и апсилы. На тесные абазго – апсилийские связи указывают древние авторы уже с VII века. Так, анонимный армянский географ конца VII в., сообщает: «На морском берегу – страна авазгов, где живут апсилы и авазги до приморского своего города Севостополиса и далее до реки Дракона,...отделяющей Абхазию от страны Егер» [19, 65]. В своде «Картлис Цховреба» бывший апсилийский город Цхум (Сухум – Севостополь) также назван «город Абхазии и Апсилии Цхуми» [21, 49]. Вместе с тем, упоминание в названных источниках абазгов и апсилов в отдельности указывает на то, что они еще в начале VIII в. представляли не в полной мере цельное этнополитическое образование. В конце VII века угроза арабского нашествия еще больше сближает Абазгию и Апсилию. В период осады арабами Анакопии абазгский правитель (царь) Леон и апсилийский правитель Евстафий формируют в Апсилии значительные силы, сыгравшие, на наш взгляд, решающую роль в поражении арабов под Анакопией. В этой связи, как уже выше сказано, арабский полководец Сулейман ибн-Исам вступил в том же году в Апсилию и нанес стране сокрушительный удар. Арабы захватили в плен последнего правителя апсилов Евстафия, имя которого пользовалось заслуженной известностью во всем христианском мире. Вскоре, потерпев поражение в Абхазии, арабы увели с со-

бой Евстафия, которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, предали его в Месопотамии, в древнем городе Харране, смертной казни [19, 93, 94; 87, 16]. С этого времени Апсилия перестает существовать как самостоятельная единица. Она становится частью нового политического объединения, во главе которого становится Леон I. Сюда же вливаются и другие абхазо – абазинские общества: саниги, мисимиане и др.

Таким образом, уже к концу VII века под эгидой Абазгии и её царя Леона I оказывается практически весь абхазо–абазинский этнический массив, занимавший Черноморское побережье от устья р. Кубани до р. Фазис. Данный этнический массив формировался в абхазскую феодальную народность, в первую очередь, на основе общности (смежности) территорий, языка и культуры. Немаловажную роль играл и тот факт, что многочисленные абхазо–абазинские общества, обладая индивидуальными обозначениями, называли себя также общим для всех этническим именем *абаза // апаса*, образованным от варьирующей основы *бз // пс*. От автонима *абаза // апаса* были производные формы: *абаза-уа // апаса-уа* «абаза // апаса», а также *абаза-қәа // аԥаса-қәа* «абазы // апасы», *абаза-шәа* (срав. *абызшәа* «язык») // *аԥаса- шәа* «абазский // апасский язык».

Следует подчеркнуть, что фонетический вариант абхазского автонима *аԥаса* издавна бытует и в усеченном варианте как *апса* – отсюда автонимные формы *апса–уа // апс-уа* «абхаз»; *апса-уаа // апс-уаа, аԥса-қәа, аԥса-цәа* и древнее *апса-р* «абхазы» (подробно об этом см. выше). Последнее, т. е. автоним *апсар*, фиксируется в древних источниках в качестве названия города – крепости *Апсар* (соврем. Гонио) на морском берегу, справа от устья р. Чорох и оно же обозначало и р. Чорох. Это же этническое имя носила столица Абазгии – *Апсар*, в которой, на горе, располагалась столичная крепость Анакопия. В грузинских же источниках, как уже выше говорилось, абхазы упоминаются также и под самоназванием – *апсар* [365, 182]. Наконец, следует также указать на то, что от этнонимной основы *апс* образован важный социальный термин *аԥсҳа* «царь», букв. «абхазский царь» и название страны абхазов – *Аԥсны*, букв. «место абхазов». Последнее, как уже отмечено, фиксируется в армянской «Географии» VII века в форме *Псинун*в качестве названия страны абазгов и апшегов [84, 78].

Большинство исследователей этнополитической истории абхазов считают, что процесс образования абхазской феодальной народности завершился в основном в VIII веке. Не вызывает сомнения и то, что главную роль в формировании абхазской народности сыграли абазги и апсилы [19, 69].

Следует также подчеркнуть, что Абхазия в VIII веке в своих этнических пределах являлась густонаселенной [525, 49–51; 365, 533] и моноэтнической страной. На протяжении существования Абхазского царства абхазы как в собственно Абхазии, так и на завоеванных ими землях, ни с кем не делили свою гегемонию [365, 525]. Они, как правило, свое этническое имя и название своего государства распространяли на зависимые от них страны и народы Кавказа.

Как справедливо отмечает проф. Ш. Д. Инал-ипа: «Трудно себе представить, чтобы абхазские цари в своих экспансионистских устремлениях могли иметь такие успехи, какие были ими достигнуты, если бы они не опирались на компактное, этнически, в основном, однородное население своей страны, представляющее значительную силу и в количественном отношении» [365, 545].

§ 2. Из абхазской лексики государственного строительства и социальных отношений

Язык – главный показатель этнической общности народа, вместе с тем– основа существования самой общности. Он хранит в себе несравненно больше информации, чем датированные письменные, археологические и другие памятники. В абхазско-абазинском языке представлена довольно развитая лексика, связанная с национально-государственным строительством и с социально-политическими отношениями.

Понятие «народ» в абхазском языке обозначается словом *ажәлар,* образованным от *ажәла* «род» и элемента множественности – *р–*; *ажәлар* букв. «множество родов», *ауаажәлар* «общество», «общественность», *аԥсуа жәлар* «абхазский народ», *аԥсныжәлар* «народ Абхазии», *анхаҧыжәлар* «крестьянство» и т. д. Выше уже говорилось о экзоэтнонимах и автонимах *абаза // апаса*, *апса // апсуа, апсар, абазг, абхазы,* выступавших как общее обозначение

многочисленных абхазских (абазских) обществ. От форм самоназвания *апса (апс-уа)*, *апсар* производно название их страны *Аԥсны,* букв. «Страна абхазов». Употребляются и варианты: *Аԥсынра,* для обозначения всех территорий, на которые распространялась юрисдикция Абхазии, и *Аԥсынтәыла* «Страна Абхазия», «Абхазское государство», буквально же «Владение Абхазии» – от *Апсны* «Абхазия» и *тәыла* «владение». Последнее, т. е. *тәыла,* восходит к масдарной форме абхазского глагола *атәыра* «собственность», где основа *тәы* «принадлежность» «собственность», отсюда и слово *атәы* «раб», *атәра* «рабовладение».

Слова *атәыла* (из *атәы-ра*) в значениях «владение», «страна», «государство», довольно древнее образование. Со временем оно стало выступать и в качестве элемента, образующего названия стран и государств: *Кырт-тәыла* «Грузия», *Урыс-тәыла* «Россия», *Тырку-тәыла* «Турция» и т. д. В абхазском языке существует почти окаменевшее выражение *«атәыла арбгара»,* букв. означающее «сокрушать государство». Оно используется, когда речь заходит о каком-то грандиозном деянии – *атәыла ирбгеит* в смысле «он сделал грандиозное дело», *атәыла ирбгазшәа* «как-будто он сделал великое дело», при этом никто не задумывается об его исходном значении – «сокрушать государство (или страну)». В этом выражении, несомненно, заложена память об известных завоеваниях абхазских царей периода Абхазского царства.

Абхазия в прошлом делилась на отдельные крупные регионы. Юго-западная часть страны именовалась *Апсынду* «большая (Великая) Абхазия», а северо-восточнаячасть – *Апсынхәычы* (Апсынхучи) «Малая Абхазия» [340, 15]. К периоду же могущества Абхазского царства относятся термины *Аԥсындузза* (Апсныдудза) «Великая Абхазия» и *Аԥсынҟьаҟьаду* «Широченная великая Абхазия». От самоназвания абхазов *апса* также образован термин *Аԥсадгьыл* «Родина», букв. «Земля апсов (абхазов)».

Регионы Абхазии делились на *аҳра* «княжества», *аҳмадара* – территории, управляемые наместниками царя – *аҳмада* (см. ниже.), края – *аԥшь* [94, 45], а также на села – *ақыҭа* «село», «город», «общины», состоявшие из посёлков *ацу, ацуҭа.*

К древнейшим абхазо-абазинским социальным терминам относится *аҳ (ah)* «большак», далее «господин», «князь», «владетель», «царь». Ш. Д. Инал-ипа пишет: «До самого недавнего вре-

мени абхазские невестки называли старейшего *аҳ* или *дадаҳ*, *саҳ,* в смысле – самый почетный, большой, господин, «мой владыка», а его жену – нанаҳ» [146, 215]. От имени *аҳ* «князь», «царь» образованы следующие абхазские термины:

аҳ-кәажә «княгиня»;

аҳкәажәду «царица», «владычица», «владетельница»;

аҳра «княжество», «царство»;

аҳраду «царство», букв. «большое княжество»;

аҳҭны «поместье», «резиденция», «столица» (см. выше); *аҳҭырпҳар // аҳҭнырпҳар* «княжеская (царская) или дворцовая дружина», «царская гвардия»;

аҳамҭа «подарок», «награда», букв. «княжеский или царский дар» [146, 217].

Собственно абхазо-абазинским является также важный социальный термин *аамсҭа* «дворянин», «рыцарь» – *аамсҭара* «рыцарство», *аамыстцәа* «дворяне». Ш. Д. Инали-ипа пишет: «В ходе становления и развития феодального строя оформляется и укрепляется категория дворян как часть господствующего класса феодалов. Дворяне – по-абхазски «аамста» (аамсҭа) – это люди, «произведенные» или выдвинувшиеся по службе у князей и не имевшие права уходить от них. Это обстоятельство выражается и в самом термине «аамста», который также является составным и, по-видимому, означает княжеского слугу, произведенного князем на эту должность (от аҳ – князь, амусҭа – произведение)» [146, 218]. Представляется, что предложенная Ш. Д. Инал-ипа этимология термина *аамсҭа* не очень точна.

Термин *аамсҭа* действительно восходит к форме *аҳмысҭа,* но буквально оно может означать «находящийся во дворе князя (правителя) – от *аҳ* «князь», «правитель» и *мыста* из *мыдзта,* где *мдзы* «двор», срав. современное *мдзы-рха* «двор» и *та* (ҭа) «находится». Таким образом, абхазско-абазинское *«аамыста»* этимологизируется, примерно, как русское *«дворянин».* Вместе с тем, абхазско-абазинское *аамыста* может быть довольно древним термином. Он как будто сближается с именем сына одного из состоятельных придворных царя Угарита (XIII в. до н. э) Никмэпы – *Аммистамры* (см. выше). Абхазо-абазинские дворяне подразделялись на две основные категории – *аамста ду* «феодалы» – крупные землевладельцы, равнозначные грузинским *тавадам*

и обычные дворяне – *аамсҭа*, являвшиеся законодателями абхазского рыцарского этикета – *аамсҭашәара*.

Значительный интерес представляет абхазский термин *аҳмада* «порученец», «поверенный», «наместник», засвидетельствованный в древне-грузинском источнике в исходной абхазской форме *аҳмада* и в варианте *ҳамада* [539, 305, 307]. В частности, в указанном источнике, в связи с событиями в Закавказье в конце XIII в., упоминается доверенное лицо царя, назначенное на должность *аҳмада* или *ҳамада* Сурамской области и Картли, здесь же называется и *Амиреджиб* – правитель региона по имени *Абазов Ҷила* (Абазас-дзе Чила) [539, 305, 307].

Абхазский термин *аҳмада // ҳамада,* в целом, переводится – «порученец царя», «поверенный царя», отсюда также «наместник царя», и представляет собой двусложное образование, где *аҳ* «князь», «царь» и *мада* «порученец», «поверенный», «то, что связанно с кем-либо», «увязанный», срав. глагол *амадара* «поручать», «поручительство», «связывать», «увязывать», «соединять» – отсюда и слово *аимадара* «связь».

Думается, что термин *аҳмада,* как и *аамыстә,* появляется в абхазско-абазинском лексиконе гораздо раньше образования Абхазского царства, а уже в период Абхазского царства *аҳмада* обозначал наместников абхазского царя – правителей регионов царства.

От термина *аҳмада // ҳамада,* очевидно, происходит известное на Кавказе слово *тҳамада // тамада,* означающее человека, ведущего от имени и по поручению хозяина застолье.

В иерархии правящего класса средневекового абхазского государства главнейшим являлся *аԥсҳа* «царь», «властелин», «владыка», а иногда «король», «император» [146, 213]; в абхазской же церковной литературе также «царь», «бог» [540, 53]. От термина *аԥсҳа* «царь» образован *аԥсҳара* «царство», «королевство», «империя» и церковное – «царство небесное», [541; 1-8; 146, 218]. Сам термин *аԥсҳа* буквально переводится как «царь абхазов». Еще акад. Н. Я. Марр омтечал: «Апсха представляет собой абхазский термин, в котором окончание *(ҳа)* выступает в значении покровителя, властителя, правителя, князя, господина, владыки, а первая часть (*ԥс*) происходит от основы племенного названия абхазов (*аԥсуа*). В целом слово «апсха» означает «царь абхазов» (букв. «владыка абхазов»), «царь Абхазии» [2, 182].

Проф. Ш. Д. Инал-ипа в своих работах уделяет значительное внимание истории термина *аԥсҳа* [146, 212–257]. Он совершенно справедливо подчеркивает, что «апсха» представляет собой важный языковой памятник периода образования абхазской народности и создания абхазской государственности во главе с единым верховным правителем [146, 218]. В другом месте Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Вряд ли термин «апсха» мог появиться у абхазов после обоснования столицы царства в Кутаиси. Ясно, что он возник в результате единого, этнически однородного образования. Может быть, первым «апсха» был Леон II, объединитель собственно Абхазии – ядра Абхазского царства» [365, 549]. Согласно фольклорным материалам абхазы величали *Аԥсҳа – аҳцәа раҳ Аԥсҳаду* «Царь царей Великий царь» буквально же «царь царей, Великий царь абхазов» (см. титулатура абхазских царей). В абхазском языке имеется и заимствованное из арабского слово hunkar абхаз. ahuntkar *аҳәынтԥқар* «государь» отсюда *аҳәынтԥқарра* (абхаз. *аԥсҳара*) «государство», «империя» [517, 78]. У жителей же предгорной Абхазии в прошлом имел хождение и термин *хан* «правитель», по-видимому, заимствованный у персов или у хазар в период раннего средневековья. Вместе с тем следует подчеркнуть, что у абхазов *хан* также означает и «дворец», что по происхождению может быть абхазским: *хан* –из *хан(ы)* букв. «место главы» – от *хы* «голова», «глава» и *н* – локативный суффикс (см. выше). От абхазо-абазинского слова *ахы* «голова» происходит и значение «глава» – *жәлар р-хы* «глава народа», отсюда и термин *ахада* «глава», «правитель», «президент» – *Аԥсны ахада* «Президент Абхазии (см. мисимийское *Хада* [365, 397; 434, 87]. От той же основы *ахы* «голова», производно обозначение должности *ахылаԥаш (ахылаԥшԥы)* «смотритель», «смотрящий», «управляющий», «охраняющий», «начальник», *ахылаԥшцәа*, «начальство» – от *ахы* «голова» и *аԥшра* «смотреть [15, 16; 517, 72], а также *ахатԥыԥуаԥ* «заместитель» [550, 259]. Важную роль в абхазском обществе играло также избираемое лицо – *аԥыза,* букв. «предводитель», «ведущий»: *ар-рԥыза* «предводитель армии», *аԥыза-министр* «премьер – министр», букв. «ведущий министров» и т. д. Избираемым лицом являлся и *аԥхьагыла* [517, 39], буквально «стоящий впереди»: *ажәлар раԥхьагылаԥ* «лидер народа», «лидер нации». В целом, вышеназванные термины обозначали верхушечную часть

абхазского общества периода Абхазского царства, именуемую *аиҳабыра* «старшины», «правительство», «начальство»; *анапхгара* «руководство». Руководящее сословие представляло несомненное меньшинство по сравнению с производящим населением. В целом, все они вместе взятые, именовались *аҳи алааи* «верхи и низы» – от *аҳ* «князь», «царь» (срав. *аҳара* «верх», «высота») и *алаа,* букв. «низы» – от переверба *а-ла* «низ» и *аа* «люди», *аҳ илаа* «служивые князья», «простонародье», *аҳ илаа дрылачон ҳәа* (поговорка) «(как тот) князь или царь, питавшийся в среде низов» [542, ?, 543, 119]… К числу *алаа* относились и крестьяне – *анхаҩы,* (*анхацәа* «крестьяне») – прежде всего это независимые крестьяне *анхаҩы цқьа,* букв. «чистый крестьянин», имевшие свое хозяйство, известные общественные права, имевшие даже рабов и зависимых от себя бедных крестьян [517, 99]. Д. Чачхалиа ошибочно в термине *алаа* видит обозначение высшей знати [87, 59]. Абхазский термин *а-лаа* «низы», «простонародье», по-видимому, идентично с *лаой,* упоминаемый Страбоном, как обозначение простонародья служившей в Иберии рабами у царей [249, 285–286]. Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей, термин *лаой,* которым обозначает Страбон низший слой иберийского общества, был широко распространенным социальным термином на эллинистическом Востоке, в частности – в Малой Азии. Сам Страбон по происхождению был из Малой Азии, поэтому естественно, называя определенный слой иберийского общества «лаоями», он, прежде всего, представлял себе более близких ему малоазийских «лаоев». В Малой Азии, так же, как и на эллинистическом Востоке, вообще основную массу эксплуатируемого населения составляли именно «лаои» – полунезависимые общинники. Их нельзя считать ни рабами, ни крепостными. Нельзя их считать также и колонами. Они были лично свободными земледельцами, прикрепленными, однако, к общине и обрабатывавшими земли царя, знати, храмов, городов и военных колонистов. При этом они платили денежные или натуральные налоги и выполняли разные другие повинности. Термин «лаои» следует переводить как «мужики», «люд», «люди» [249, 288]. Следует подчеркнуть, что в грузинском языке не засвидетельствованы термины «лаой» или «алаа». В абхазском же языке с *алаа* увязывается слово *алага* «приниженный» «униженный», «опущенный», «бедный» – от привербаала «низ» и *га*– орудивно-

го суффикса «брать», «взять»- глагол *алагара* «опускать», «спускать», срав. *аҩа-га* «поднятый» – *аҩагара* «поднимать». Абхазское *алага* зафиксировано в источнике в грузинской форме *алагта* «бедный», что проф. М. Д. Лордкипанидзе пытается возвести к грузинскому слову *глахакта* «нищий», «бедный» [497, 59, 90].

В абхазском языке, наряду с *алаа,* имеется также древний и довольно важный социальный термин *ахьыԥшы (ахипшы*) «зависимый», «опекаемый», в широком смысле – «все кто зависимы от кого-либо». К сословию *ахьыԥшы* (*ахипшы*) относились:

– зависимые крестьяне – *анхаҩы хьыԥшы;*

– закрепощённый крестьянин – *ахәуҩы*, букв. «готовящийеду, корм», *ахура* «прислуживать», «готовить еду, корм», «готовить долю кому-либо»;

– прислуга – *амаӡуҩы, амаӡуразқәу;*– *амаӡ* «услуга», *амаӡура* «прислуживать», «служба», «служение», *амаӡуҩы*«лакей», «служащий» [550,166];

– рабы – *атәы, агыруа;*

– рабы рабов – *атәы итәы;*

– рабы из пленных – *ахашәала* [15, 16-18; 517, 72, 101].

На наш взгляд, абхазский термин *а-хьыԥшы* и его форма *и-хьыԥшу* «зависимый» вряд ли отделимы от древнего термина *хупшу* – «зависимый», известного уже впервой половине II тыс. до н. э. в Ассирии, Финикии, Метаннии, возможно, и в других государствах Ближнего Востока. Как уже отмечено (см. главу V), в Ассирии он означал низший разряд воинов, набиравшихся из зависимых от царя людей [189, 322]. В Финикии термин *хупшуII хупше* означал зависимых крестьян [189, 388]. Абхазское *а-хьыԥшы* «зависимый» представляется довольно прозрачным двусложным образованием. Состоит оно из препозиционного *а-хьы* «зад», «задний» и глагола *ԥшра* «смотреть», глядеть» [517, 72; 556, 133]. Отсюда *ахьыԥшы* буквально «смотрящий в зад кого-либо», т. е. «следовать за кем-либо», далее «люди, зависящие от кого-либо» и наконец «зависимые», срав. глагол *ахьыԥшра* «следовать за кем-либо».

Зафиксированную в письменных источниках форму *хупшу* можно сопоставить также с вариантом абхазского термина *«ахьыԥшы» – и-хьыԥшу* «зависимый» и с основой абхазского глагола *хуапшы→а-хәаԥшра* «смотреть (глядеть) на кого-либо» (о термине *хьиԥшы* более подробно см. главу V).

Выше также было отмечено, что в Ассирии, наряду с социальным термином *хупшу*, было в обиходе и не менее важное слово *алайау* «общинник» [189, 322], образованный от основы *ала* или *алу*, и фиксирующийся в угаритских и ассирийских текстах в значении «крестьянская община» [201, 98], (срав. с абхаз. *алаа* «простонародье»).

С термином *ала* «община», по-видимому, увязывается абхазское *аилар* «община», срав. *аиларрымхы* «общинное поле», *аилар-ныха (Елырныха)* «общинная церковь», «общинная святыня» [94, 169]. Термин *аилар* образован с помощью суффикса множ. числа *р* от основы *аила* «совместье», «сообщество», «соединение»: срав. *аила-ла-ра* «соединяться», «сходиться»; *аилыӡра* «расходиться» и т. д. – отсюда *аила еиуоу* (срав. сирийск. *алайау*) или *аилареиуоу* «общинник», (см. главу V). На наш взгляд интересующие нас термины первоначально имели хождение в государствах с хаттским и хуритским населением. В середине II тысячелетия до н. э. хурриты создали государство Митаннию – одно из крупнейших держав Ближнего Востока. Немало хурритов проживало также и в Сирии. В целом же, в III-II тыс. до н. э. они занимали всю территорию от равнин Северной Месопотамии до Центрального Закавказья [182, 90, 91]. Как отмечают исследователи, *хатты* и *хурриты* по языку и происхождению были близкими с предками кавказских народов [189, 311], в том числе, абхазо-адыгов [546,25].

В Абхазии зависимые крестьяне *ахьыԥшы* делились на людей среднего достатка – *зыԥсы злоу анхацәа* и *аҕар* «бедные», «бедняки», «малоимущий» – отсюда *аҕарра* «бедность», «беднота». Сам термин *аҕар* образован от основы *аҕа* «редкий» [551, 70], «мелкий», «обмельчавший», срав. *арагара* «разрежать», *аргара* «измельчать», *азыгара* «мель», «мелководье»– конечное же *р*– аффикс множественности. Следует подчеркнуть, что *азыгара,* в качестве абхазского гидротопонима *Азыгара→Тцахара,* засвидетельствован еще Агафием в VI веке [434?, 119, 30?, 35]. Все это дает основание полагать, что от абхазского *а-гар* производно грузинское *гари* в словах *гари-ба*, *гари-були* «бедняк», «бедный», «скудный». К категории *аҕар* относились *анымха-хымӡәа,* букв. «живущие и не живущие» т. е. «несущие жалкое существование», *ананамга* «бедняга», «доходяга», *арыцха* «совершенно неимущий» «несчастный», *арыцхара* «несчсастье», «бедствие».

Выше рассмотренные термины являются лишь частью широко развитой абхазской лексики государственного строительства и социальных отношений. Её условно можно разделить на следующие отраслевые группы:

1.*Термины, связанные с нормами поведения:*

аӡас «обычай», «правило поведения», «обряд», «характер», «натура», «повадка», «привычка». Слово представлено и в грузинском языке, срав. груз. *ӡеси* «правило», «обычай». Ряд авторов (К. Ломтатидзе Б. Джонуа и др.) [551, 40; 107, 110, 121], считает абхаз. *аӡас* грузинским заимствованием, что, не без основания, ставит под сомнение Р. К. Гублиа. Она пишет: «Данное слово расчленяется на *аӡа (ас а)* «дно, низ, основа» и превратительный суф. *с* (s), восходящий к указательному местоимению *ас* (as) «так», «вот так», в целом первоначально означавшее «в качестве основы», ср. аналогичные образования в абхазском языке: *аус* (aus)«дело» (из *аура* «делание», «делать» и *с* (s),букв. означавшее «в качестве делания», *ачыс* «пища», «еда» (из *ча–ачара* «питаться, насыщаться») и *с* (s), в целом означавшее «в качестве еды» и др. Обращает на себя внимание использование его в отрицательной форме *ӡасым* «не положено», «грешно» (по религиозным соображениям). Слово *аӡас* широко используется в словообразовании в качестве второго компонента имен существительных, образуя наречия действия: *ауаҩы – уаҩӡас* «человек – по-человечески, в качестве человека», *аԥсуаӡас* «по-абхазски» ԥҳәыцас «по-женски», «характерное для женщин» и др.» [551, 39, 40].

На наш взгляд, термин *а-ӡас* – довольно древнее образование. Похоже, что он мог появиться задолго до образования абхазского средневекового царства. Разделяя в целом мнение Р. К. Гублиа, термин *а-ӡас* можно буквально перевести как «являющееся правилом, обычаем» – из *а-ӡа* «основа», «базис», «основное», «правильное», «изученное» (срав. *и-ӡо-уп* «изучено», *ӡа-уп* (цо-уп) «правильно», *а-ӡа-ра* «учиться», *аӡара* «знание» [551, 39]) – отсюда и значения «базисный», «правильный», «обычный». Далее от основы *а-ӡа,* посредствам аффикса превратительности *с* [555, 72] образован термин *а –ӡас* «обычай», «правило поведения», «обряд» и т. д.;

аԥсуара «абхазство» – «совокупность норм поведения абхазов», «характерные черты абхазского народа» [548, 85];

аԥсшәаҳәара «вежливое приветствие», «приветствие», букв. «говорить по-абхазски»;

аԥсышәара «вежливость» – от *аԥсшәа* «абхазский язык»;

аамстԥашәара «человек хорошего воспитания», «благородный», «вежливый», «деликатный» [548, 6] – от *аамстԥа* «дворянин», «рыцарь»;

аамстԥара «рыцарство», аамстԥашәара «деликатность», «тактичность», «вежливость» «порядочность»;

аламыс // анамыс «совесть» «честь», «достойные уважения и гордости этические нормы поведения»: восходит к греч. *номос* «обычай», «порядок», «закон» [553, 228], «религиозно-этическая правовая норма, имеющая обязательный, общезначимый и неизменный характер в греческих полисах» [552, 742];

алеишәа «поведение», «характер», «дисциплина» [548, 127]; по-видимому, образован от древне-абхазского *а-леи* «эллин», *леиаа* «эллины» – отсюда *А-леитәыла* «Эллада», «Греция» – «далекая страна», *а-леишәа* первоначально «эллинство», «эллинская норма (обычай) поведения», срав. абхаз. *аамстԥашәа* «дворянская норма поведения» – от *аамыстԥа* «дворянин» и *шәа* «подобие» [550, 361; 554, 300], *ауаҩы-шәа* «по-человечески» и т. д.

К выше означенной лексической группе относятся также и слова:

алых «избранник», «избранный» – *алхра* «выборы», «избирать»;

алыпшаах «отборные люди»;

аҟәыш, аҟәыԥа «мудрый», «умный»;

аԥхьагыла «передовой», «вожак», «предводитель»;

аӡырга «человек, пользующийся известностью», «почетный»;

анага «уважаемый», «представительный»;

агәрага «доверенный», «поверенный»;

адыр «знатный», «знающий»;

ауаҩра «человечность», «гуманность»;

аҿеи «порядочный» – *аҿеира* «порядочность»;

ахатәра «видный», «известный», «солидный», «знатный»;

аиаша, аиашара, аҧабырг «истина», «правда», «правдивость», «справедливость»;

аҕырԥштәы, аҕырԥшыга «примерный», «образцовый»;

аԥхашьаҩ «застенчивый», «стыдливо-робкий», «стеснительный», «вежливый»;

ахьӡ, ахьӡ-аԥша«слава».

2. Термины, обозначающие людей непристойного (преступного) поведения:

амҽеи «негодяй», «негодный», *аҩашьа* (блудный);

ацәаԥҽыга «позорник», «срамник»;

аҕьыч «вор» – *аҕьычра* «воровать»;

акәылаҩ «грабитель» – *акәылара* «грабить», «наподать»;

аԥхашьара, ахьымӡҕ «позор», «стыд», «срам»;

аԥхамшьа «бесстыжий», «аморальный»;

аламысда «бессовестный» – *аламысдара* «бессовестное поведение»;

амцҳәаҩ «врун» – амцҳәара «врать»;

аԥагьа «гордый», «заносчивый»;

аҟәырҟәыр «скандалист»;

амҧакьакьара «подхалимство», «лицемерить» – *акьакьаҩы* «подхалим»;

ацәгьаршҩы «злодей» – *ацәгьаршра* «злодейство»

акаԥьбеи «жадный» – *акаԥьбеира* «жадность»;

амуча «дармоед», «тунеядец»;

аҟьала «заблудившийся», «сбившийся с дороги», «бродячий», «бродяга»;

амшгаҩ «бездельник» – *амшгара* «безделие»;

агмыг «негодяй», «безобразный», «отвратительный» – *агмыгра* «мерзость», «безобразие»;

ахага «сумасшедший» – *ахагара* «сумасшествие»;

агаӡа, абзамыҟә, алыг, «глупый», «тупой»;

аччархә «смешной», «посмешище» – *аччарахәра* «глупость»;

амдыр «невежда», «ограниченный»;

амитә «чудовище», «монстр», «несчастье»;

амри «дебил», «недоносок»;

амаҳагьа «кровосмеситель» [550, 166].

3. Нейтральные (общие) термины:

аизара «собрание», «народный сход»;

жәлар реизара «народное собрание», «парламент»;

алыхеизара «представительное собрание», «совет уполномоченных» – от *алых* «избранник», «избранный»;

аилатәара, аилацәажәара «заседание», «совещание»;

ахантәаҩы «председатель», «председательствующий»;

алкаа «вывод» – *алкаара* «выделять»;

алаҳәара «объявление», «объявлять»;

аиҿкааҩ «организатор» – *аиҿкаара* «организовывать»;

абжьагара, абжьгара «совет», «наставление», «нравоучение» – *абжьгаҩ* «советчик» – *абжьгацәа* – «советники»;

абжьаҟазаҩ «миротворец» – *абжьаҟазара* «посредничество», «примирять», «миротворчество»;

абжьацәажәаҩ «переговорщик» – *абжьацәажәара* «посредничать»;

амаӡа «секрет» – *амаӡажәа* «секретный разговор»;

амаӡаныҟәаҩ «секретарь», «доверенное лицо»;

алабаҟьаҩы «глашатай»;

анапынҵа «поручение», «обязанность»;

аиқәшаҳаҭра «согласие», «соглашение»;

анышәара «мириться», «смириться»;

аизыҟазаашьа «взаимоотношение»;

амадара «вручение», «вручать», «поручать», «доверить кому-либо, кого-либо, что-либо»;

ахыҷәкы «цель», «задача»;

адҵа «задание», «поручение», «приказ» – *адҵара* «поручать», «возлагать»;

адгылара «поддерживать», – *аидгылара* «союзничество», «единство»;

адцара «присоединять» –*адҵра* «отходить», «выходить», «выходить из состава государства»;

адхра «отделять»;

адцалара «принуждать»;

ахтыс «событие», «происшествие», «приключение», «летопись» [548, 217];

амхра – «снимать (уволить) с должности»;

аххәара «скидывать с должности»;

ахақәитԥра «свобода»;

аԥҟара «правило», «установление» – *аԥҟарақәа* «правила»;

аԥхықәра «обязанность» – *атԥакԥхықәра* «ответственность»;

атәым «чужой», «чужак» – *атәымԥьара* «чужбина»;

ауааҳә «приглашение на помощь для выполнения какой-либо работы»;

ақьачақь «шут», «балагур» – *ақьачақьра* «шутовство», «балагурство», «балагурить», «шутить», «паясничать»;

ахақәӡара «жертвовать собой» – *ахеиқәырхара* «самосохранение»;

аныҟәцара «эксплуатировать» «держать кого-либо на побегушках»;

ашышра «жаловаться», *ашышбԥыц* «жалоба»;

ақәзаара «исчезнуть», «погибнуть» «сгинуть»; *ақәызра* «погибнуть или пострадать», «понести большие убытки из-за кого-либо, чего-либо»;

акнаҳара «повесть», «подвергнуть смертной казни через повешение» [548, 94];

амч «сила», *амчра* «власть» – *мчыла* «силой», «насильно»;

ақәымчра «насилие», «давление», «строго поругать кого-либо»;

ачҳара «терпение»;

аусбартԥа «управление», «контора», «место принятия решения»;

ахан «храм», «дворец», «замок» [548, 210];

аҳитәара, аҳитәартԥа «трон», «сидение», «резиденция» [548, 192];

ахазына «сокровище» – переносно «прекрасный», «чудный», «очаровательный»;

ахазынатԥра «сокровищница»;

абираҟ «знамя»;

амҳәыр «печать».

4. Армейская терминология:

а) наименование родов войск, военачальников и армейских занятий:

ар, «армия», «войско» – *армчы* «военные силы », *аруаԥ* «военный», *аруаа* «военные»;

аԥстԥыр, аԥстар «войско» [550, 198], «абхазское войско»;

аррхы «главнокомандующий» – букв. «глава армии»;

арԥыза «предводитель армии» – от *аԥыза* «предводитель», «главарь», «вожак»;

аԥхьагыла «ведущий», «стоящий впереди воинов»;

агәыԥ «отряд», «группа»;

арҟәыцәа «армейское подразделение»;

архәтԥа «войсковая часть», «воисковое подразделение»;

ашьаҟар «пехота», *ашьаҟауаҩ, ашьаҟаруаҩ,* «пехотинец», «пешший»;

ашхәар «военно-морской отряд»;

аҽыуаа, аҽар, аҽцәа «конные», «конница», *аҽыуаҩ* «всадник»;

азар рашәа «песня всадников», «песня кавалеристов» – возможно, из *аҽар рашәа* «песня конницы»;

жәаҩырхы «командир отделения» [548, 77], букв. «глава десятерых»;

ашәаҩырхы, шәаҩырхы «командующий сотней» [548, 282];

зқьырхы, зықьрхы «командующий тысячным отрядом»;

аамстԥа «рыцарь», «дворянин»;

аамстԥар «рыцарство», «рыцарская дружина»;

амҩаԥгаҩ «проводник», *амҩаԥгара* «проводить»;

анаԥшҩы «наблюдатель» – *анаԥшра* «наблюдать»;

аԥшыра, аԥшыртԥа «наблюдательный пункт»;

аԥыԥшҩы «дозорный» –*аԥыԥшыртԥа* «место дозорного»;

аԥшыхәҩы «разведчик» – *аԥшыхәра* «разведка», «дозор», «заниматься разведкой»;

ахьча «караул», «охранник», «пастух»;

ахьчара «караулить», «охранять»– *ахьчаҩ* «защитник», «хранитель»;

аҳәаахчаҩ «пограничник»;

атәылахьчаҩ «защитник страны»;

аҷаԥшьара «бодрствовать, бдеть», «стеречь, сторожить, караулить»;

аҷаԥшьаҩ «бодрствующий», «караул»;

ар рхәы «армейское питание», «армейская провизия»;

ар рычуан, «армейский котёл»;

ар рқәаб «плоскодонный котёл»;

ар рымҩа, *армҩа* «армейская дорога», переносно – «широкая дорога»;

б) крепостные строения и вооружения;

абаа «крепость», «бастион», «цитадель», «храм» – вообще «строение из камня», *абаагәара* «крепостная стена», «крепостная ограда»;

абаагәашә «крепостные ворота»;

абаарыԥхра «крепостная цепь», «гряда крепостей»;

аџьых «башня», «крепость», «крепыш» [548, 289] – из абхазского преверба – *џы* «крепкий, твёрдый, упругий» [551, 43] и словообразовательного афикса – *х*; срав. *аҟәырҷа* «обломок чего-либо» – *аҟәырҷа-х* «осколок», *акашәара* «падать» – акашәара-х «подкидыш», а –тәы «собственный» – *атәы-х* «раб» и т. д., абхазское *а-џых* «башня», «крепость» – в мегр. *џьихи* (джихи), в груз. *цихе* «крепость»;

абааџых «крепостная башня»; *абаажә* «старая крепость», «остатки древнего каменного строения»;

абаахжәара «разломать (разрушить) крепость»; поговорка – *абаа хыужәазшәа* «как будто разрушил ты крепость»;

баак ргылан баак зырбго «тот, кто построив одну крепость, разрушает другую» (поговорка);

абаандара «заключать в крепость»;

абаандаҩы «заключённый», «арестант», «пленный»;

абаандаҩтәра «арестовать», «пленить»;

ахырҕәҕәарҭа «укрепление», «укрепленное место»;

аибашьыга // абџьар «вооружение»;

ажра «ров», «канава»;

аҳәышәҭ «вышка»;

абџьар «оружие», «вооружение», «доспехи» – представлено и в грузинском, срав. груз. *абџьари* (абджари) «доспехи». П. К. Услар абхаз. абԥьар рассматривал как исконно-абхазское слово и увязывал его с абхазским *аџьбара* «крепкий». Это мнение поддержано Р. К. Гублия, иного же мнения придерживались Н. Марр и П. Чарая. Они, без всякого основания, абхаз. *абџьар* выдавали из сванского языка [551, 43, 44]. На наш взгляд, на абхазское происхождение термина *абџьар,* в первую очередь, указывает его препозиционное – *а,* характерное для абхазских существительных. Сам термин *абџьар,* скорее всего, восходит к абхазскому названию древнейшего оружия – *абӡы* «копьё»,

«дротик» – *абӣар* «копья», или «дротики» срав. *абӣар→абԥьар*.

Абӣы «копьё», «дротик»; *абӣар* «копья», «дротики»; последнее образовано посредством аффикса множ. числа – *ар*, *р* (см. выше);

абса, аԥса [547, 61] «пика», «штык»;

алабашьа «посох с металлическим наконечником»;

аса «короткое копьё», «меч»;

аҳәа «шашка», «сабля»;

аҩҷы (охот. яз.) // *аҟама* «кинжал»;

ахыц «лук (для стрелы)»

ахҷа «стрела (для лука) с железным наконечником»;

ахы «пуля», «стрела»;

ахәымпал «тупоголовая стрела (детская)»

азаандаҟ «арбалет»

акәалӡы «броня, панцирь», «кольчуга»;

ашәаныза «кираса»;

акәалӡкьаҷ «бронежилет»;

аманыза «наручи»; *ашьаныза* «поножни»;

акәалӡхылԥа «шлем»;

аԥынӡар «шлем» [548, 168] «шлем, защищающий голову и лицо»;

алактԥаҩ «шлем», «забрало»;

аԥыра, аԥырак «щит» [557, 801] – из морфемы – основы – *ԥ* (ы, а), выступающей в абхазских (абазских) словах в значении «перед», «передний», «впереди», «вначале», «прежде» и словообразовательного аффикса *ра,* придающего основе отвлеченную форму – *аԥы-ра* «то, что впереди», «щит» «заслон». Р. Гублиа пишет: «*Аԥыра*, «заслон», «преграда» из *–ԥ–* «впереди», *р–* аффикс каузатива – *аԥыракра* «заслонить, закрывать» [556, 74]. От основы *аԥыра* образованы также слова, как: *аԥырагылара* «заслонять», букв. поставить впереди чего-либо, *аԥыра-кра* «заслонить себя или кого-либочем-либо», *аԥар-гыла, аԥыр-гыла»* «загородка», «ширма» [550, 207], *аԥыра-ҳәа* «фартук», *аԥар-ды, аԥар-да* «занавес» (срав. тур. *церде*) [551, 48, 49]. Думается, что к *аԥыра, аԥырак* «заслон», «щит», «защита» восходит и абхазский термин *аԥра* «парус», обьясняемый Н. Марр. из абхазского *аԥырра* «летать».

Последнее считается абхазским заимствованием в грузинском языке. Грузинское *ԥари* – отсюда и форма *са-ԥари* «щит», скорее всего, восходит к абхазскому *аԥыра, аԥырак* «заслон», «защита», «щит».

в) война, военные действия:

амч «сила» – *амчра* «власть», «военная сила», *амчхара* «военный потенциал»;

аибашьра «война», «воевать»;

аибашьԥы «воин» – *аибашьцәа* «воины», «воинство»;

аҕа «враг» – *аҕацәа* «враги», *аҕара* «враждовать»;

аҧагылара «противостояние», «противостоять»;

аԥыжәара «превосходство», «преимущество»;

ашьра «убивать», *ашьыга* «орудие убийства»;

ашьакатәара «кровопролитие»;

ажәлара, ажәылара «наступление», «штурм», «атака» [548, 71];

ажәӷара «натравливать кого-либо на кого-либо», «пустить в наступление на кого-либо» [548, 73];

ахысра «стрельба», «стрелять», *аиҧахысра* «перестрелка»;

ахәра «рана», «ранение», «ранить»;

ахәрбҕьыц «подорожник», букв. «лист для раны»;

ампыӷахалара «завоевывать», «прибрать к рукам», «захватывать»;

ақәылара «нападать», «набег», «нападение»;

акәылаԥы «нападающий», *ақәылацәа* «нападающие»;

арҳәра «грабёж», «грабить», *арҳәацәа* «грабители»;

аимӷәара «разорять», «разорение», «разграбление», «расхищение»;

атәыла рбгара «рушить государство, страну» (см. выше);

апҟара «избиение», «избить, побить», «избивать» [548, 155];

анибарӷәара «изничтожить», «истребить друг-друга»;

атҵахара «погибать», «гибнуть»;

атҵархара «убивать», «уничтожать», «губить»;

аԥынгыла «помеха», «барьер» – *аԥынгылара* «препятствовать»;

акушара «окружать», «осаждать»;

амԥакра «засада», «устроить засаду», «перерезать дорогу»;

аԥхаӷара «прогонять»; *ахьаӷра* «отступать»;

атԥарцәра «освобождать», «опустошать»;

ақәхра «уничтожать», «истреблять», «разорять»;

аҟәаҟәара «разбить», «уничтожить», изничтожить»;

анӷәара «погибать», «уничтожение»;

аимадара «связь», «соединение»;

аӷахара «проигрывать», «проигрыш», «поражение»

абжьаӡра «пропасть безвести»;

аитԥахара «ничья», «ничейный результат»;

ахыхьчара «оборона», «самозащита»; *аиқәырхара* «спасать»:

аинаалара «мириться», *арғыҕкра* «обострять», *аинҟьара* «сталкивать»;

амақарра, аршәара «угрожать», «пугать»;

агәҽанызаара «осторожность», «настороженность», «бдительность»;

амаана «хитрость», «уловка»;

ааха «ущерб»;

ашьаҳага «путы», *ашьамтԥлаҳә* «кандалы»;

атҟәа «пленник», «пленный», «военнопленный» – *атҟәара* «пленить», «брать в плен»;

аиааира «победа», *ахақәитԥра* «свобода»;

аҳәаа «предел», «граница»; *аҳәааныркә* «заграница», «зарубежье»;

аҳәааркра «ограничивать», «закрывать границу»; *аҳәаада* «безграничный»;

аисах «спорная территория», «спорная граница»;

г) геройство, трусость, измена:

агәымшәа «смелый», «храбрый», «бесстрашый», «смельчак»;

агәаҕьра «риск», «рисковать», «смелость»; *игәаҕьыуацәоу* «рискованный»;

ахаӷа «мужчина» «мужественный», – *ахаӷара* «мужество»;

ахаӷа ихаӷа «герой из героев», букв. «мужчина мужчины»;

ахаӷаҕьеҩ «сильный, мужественный, решительный мужчина»;

афырхаӷа «герой», «смельчак», «храбрец»;

ахаӷа ихаӷа афырхаӷа «сверхгерой», букв. «герой из героев герой»;

афырхаҵара «героизм», «геройство»;

ашәара «пугаться», «струсить»;

ашәаҩы, ашәаргәында «трус», «боязливый», *ашәаҟьа* «сильно напуганный»;

аршәара «пугать», *аршәага* «пугач», «пугало»;

ашәарҭа, ашәарҭара «опасность», «опасное место»;

аҭиҩ «предатель», *аҭиира* «предавать»;

аԥсахра «измена», «изменять», *аԥсахҩы* «изменник»;

анапхара, ачарҳәара «предательство», «донос», – *анапхаҩ, ачарҳәаҩ* «доносчик», «предатель» и др.

д) термины, связанные с морем и военно-морскими силами (более подробно см. [147]):

амшын- «море», *ага* «берег», «приморье»,

аԥсамшын – (аԥсуамшын) «абхазское (абазинское) море» [491; 109; 365, 436];

амшынныриҵә – «заморье»;

абаза- «сильный восточный ветер, нередко свирепствующий у западных берегов Черного (//Абхазского – *В. К.*) моря и особенно опасный для дунайских рыболовов» [549, 5];

амшынуаҩ – «моряк», «мореплаватель» – *амшынуаа* «моряки», «мореплаватели»;

амшынныкәара – «хождение по морю»;

арра – «переплывать» – *арырҭа* «место переправы»;

арга- «плавсредство», «то, на чём переплывают море, реку», «лодка», срав. название корабля аргонавтов *«арго»* (см. выше);

ашхәа- «лодка», «парусное судно», «парусный корабль», «лодкообразная грудная кость птицы»; – от названия лодки *ашхәа* образован *ашхәар,* букв. «лодочная армия», где *ашхәа* «лодка», «парусное судно» и *ар* «армия», «отряд»;

ашхәар – «военный морской отряд», см. *ашхәа;*

анышь «лодка», срав. и.-е. *па-us*, греч. *Vaus,* лат *nauis* «судно», груз. *нушьа,* мегр. *неши, ниши*, абхаз. *анышь* «лодка» [107; 29];

амар // камар – древняя абхазская удлиненная лодка *(см. выше);*

*аҕба «*судно*», «*корабль*»;*

*аԥра «*парус*», аԥраҕба* «парусный корабль*»* из абхаз. *аԥра* – груз. *аԥра* «парус» (см. выше);

аканҵьа «большая лодка», «баркас»; *афлыка* «фелюга»;

ашхәар рашәа «песня моряков»;

ашхәатәартԥа «стоянка лодок»; *аҕбатәара* «рейд», «бухта»;
абаҕәаза «морской порт», «гавань, бухта»;
аҕбашаха «корабельный канат»;
аҕҕара «мель», *азыҕҕара* «мелководье»;
аԥырсал «якорь», букв. «клин парусника»;
акра «мыс» «маяк», *алашарба* «светило» «маяк», «светлячок»;
азсара «плавать» – *азсаҩ* «пловец»;
азхылара «выйти в море»;
азхыӣра «высадка на берег»*; азхыӣырԥа* «место высадки»;
азаакәарылара «тонуть», «терпеть крушение»; *азаарԥәарылара* «топить»;
ахәаҵера «душить, утопить»;
ацәқәырпԥа «волны»; *азықә* «пойма»;
азышьшьыра «заводь»; *амшынеисра* «волнения моря»;
адгьылбжьаха «остров»;
азыбжьаха, азыбжьа-хала «залив»;
амшынҳәа «дельфин»;
акаԥа «сеть», «невод».

5. Термины, связанные с юридическим и обычным правом:

азин «право», «полномочие», *азиндара* «бесправие»;
азинхьчара «правозащита», *азинзбара* «правосудие»;
азинеилагара «правонарушение»;
ақәиԥра «быть в праве»;
аара «вина», «обвинение»;
азба, азбаҩ «следователь», «судья», букв. «видящий (обнаруживающий) пропажу»; – от абхазского *азба, азбаҩ* образованы грузинские слова *ме-дзеба-ри* «следопыт», *гамо-дзиеба* «расследование», *га-модзиеб-ули* «следователь», *мадзиеба-ри*, *мадзиеб-ели* «ищущий»;
а-мазаба, амазабаҩ «следователь», «раскрывающий тайну», букв. «видящий (раскрывающий) тайну, т. е. сокрытое»;
аз (адз), *ацәыз* «пропажа» –*азра* «пропадать», *азара* «красть», «скрывать»;
азбара «судить», «решать» – первоначально «находить пропажу», «поиск пропажи»;

аҙбаҩ «следователь», «судья», буквально «человек, обнаруживающий (ищущий) пропажу»;

аҙбартԥа «суд», *аҙбатә* «подлежащий рассмотрению», «подлежащий выявлению»;

адауартԥа «судилище» [23, 439] – древ. термин, срав. египет. (абисс.) *адауауа* «судилище» [18, 124] (об этом см. выше);

аимдара «поиск», «обыск», *аимдарақәа* «поиски»;

аԥшаара «отыскивать», «находить»;

агәҩара «сомнение», «подозрение»;

ашьклаԥшра «следить», «слежка», «наблюдение», «наблюдать за кем-либо»;

ашьԥа «след», *ашьԥақәа* «следы»;

ашьԥалара «следовать», «преследовать»;

ашьԥазааҩ «преследователь», «следопыт»;

азӣаара «вопрос», «спрашивать», «опрашивать»;

аҙбахә «весть», «известие о пропаже»;

аҿыӣга // аҿыӣга «причина», «отговорка»;

ааргшра «выявление», «показ», «раскрытие»;

аилыргара «разбираться», «обсуждать», «разборка»;

аҿаргылара «очная ставка», «противопоставление»;

ақәԥҿра «разоблачить», «изобличить»;

аҿаԥҿра «разоблачать», «опровергать»;

аӣыхра «разоблачить», «вынудить»;

агәараргага «доказательство»;

ашаҳаԥ «свидетель» – *ашаҳаԥра* «свидетельство»;

агха «ошибка», «просчёт», *аилагара* «нарушение»;

ацәгьа «нечто плохое» – *ацәгьара* «злодеяние», «преступление» [548, 238];

ацәгьаура «преступление», «совершать преступление»;

ацәгьаҳәара «доносить», «ябедничать»;

ацәгьаҳәаҩ «доносчик», «ябедник», «клеветник», *ацәыҙ* «потеря»;

амаҙарах «краденное», «ворованное»;

аӣартԥыша «взятка», «мзда»;

агьыч «вор» – *агьычра* «воровать», *арҳәара* «грабить»;

ақәылара «нападение», «нападать»;

ауаҩшьра «убийство», «убить человека»;

абналара «удирать», «сбежать», *абрагь* «абрек»;

ахара «вина», *ахаратəра* «обвинять»;
агəыбԥан «упрёк», «нагоняй»;
авба, авбара «косвенное обвинение», «упрёк», «вина»;
ақəыʒбара «осуждать», «осуждение»;
акра «задержать», «поймать», «ловить»;
атԥакра «заключение», «арест», «закрыть»;
агəырпԥса «расплата», «возмездие», «кара»;
аибатԥиира «предавать друг-друга», «доносить друг на друга»;
абахтԥа «тюрьма», «темница»;
ахьхəра «раскаяться», «придумать»;
анажьра «прощать», «прощение»;
аҽыриашара «оправдаться», «оправдываться»;
ашьтра, аушьтра, аужьра, «отпускать», «выпустить»;

6. Христианская терминология:

Анцəа «бог», «всевышний», *анцəаду* «великий бог»; изначально *анцəа, анцəақəа* «боги» – *анцəахəы* «божество» [550, 188]. Абхазский христианский бог *анцəа* всемогущ и управляет всем миром. День и застолье у абхазов начинается со слов *анцəа улԥха ҳатԥ, анцəа ҳаумшьын* «дай бог нам теплоту своих глаз, сохрани нас». Первый тост абхазского застолья представляет собой обращение к богу за здравие земных: народа, членов стола, семьи и т.д. Существует целый ряд устоявшихся фраз, как: *анцəа ихьышьаргəыцԥа* «божья золотая стопа», *анцəа идырп (итəуп)* «бог знает (весть)», *анцəа иумҳəан!* «не дай бог!», *анцəа иҳəааит!* «дай-то бог!» *анцəа ишиҳəара дыќоуп (дынхоит),* т. е. он прекрасно живет, срав. «он как сыр в масле катается», *анцəа дыумырԥəыуан* «не надо жаловаться на судьбу», «не стоит плакаться», *анцəа уишазар*! «ради Христа!», «если ты создан богом!», *анцəа ицəымʒу* «отвратительный, омерзительный, богомерзкий тип», *анцəа еизишеит* «они (девушка и парень) созданы богом друг для друга», *анцəа имазкуа (еикануа)* «очень сильный, смелый человек», «человек, который может состязаться с богом в силе, храбрости, мудрости», поговорки: *уара иуҳəо анцəа иуциҳəозар ауп* «человек предполагает, а бог располагает», *анцəа иишо, анцəа дигоит* «бог дал, бог взял»; *анцəагьы анцəа иоуп, аха уаргьы ухы уахə (унапы ќьа)* «бог-то бог, да и сам не будь плох», «на бога надейся, а сам не плошай» [548, 150];

а-нцәаихаӷаҩы «верующий, религиозный человек»; *анӷәахаӷара* «вера в бога»;

а-нцәатәра «обожествлять», «боготворить», «сделать кумиром»;

а-нцәахәы «божество», «бог», «покровитель»;

иҳақәиҭыу «господь сущий над нами»;

Иаса-Қьырса «Христос»;

ақьырсиан «христианин»;

ақьырсианра «христианство»;

аҳаахра, арқьарсианра [547, 62], «крещение»;

қьырса «рождество»;

анан (Анцәа иан) «богородица»;

нанҳәа «день успения богоматери», «август»;

аныха «икона», «образ», «святыня»;

аныԥс ныха «икона (святыня) богоматери»;

ацқьаҭыԥ, аԥшьаҭыԥ «святое место»;

аныхабаа (греч. *еклес*, мегр. *охуаме*) «церковь», буквально «крепость иконы», «крепость святыни» – где *аныха* «икона», «святыня» и *баа* «крепость», «храм», Термин *аныхабаа* в значении «церковь» сохраняется в слове *аныхаԥааҩ* (см. ниже);

аныхаԥааҩ – из *аныхабааҩ* «настоятель церкви»; «священик», «церковник»; в основе термина *аныхабаа* «церковь» + ҩ «человек» (см. *аныхабаа*);

аԥшьа «освящённый», «святой», *аԥшьаҭыԥ* «святое место»;

аԥшьаҩыра «священное писание»;

аԥшьара «благословление», «благословлять»;

аԥшьаҩы, (аныхаԥааҩ), *апап* «священик», «поп»;

адикуан «дьякон»;

абер «монах»;

амаалықь «ангел», «младенец»;

ашара «творить», *ашацәа* «творцы», «ангелы»;

алԥха «благодать», «благорасположение»;

ачгара «поститься», «соблюдать пост», *ачгахьа* «постная еда»;

амшаԥ // мшаԥы «пасха», *амшаԥымза* «апрель», *амшаԥышәҭ* «лютик»;

аныҳәа «моление», «праздник», *аныҳәара* «молитва», «молиться», «говорить за здравие кого-либо»;

аныҳәаԥхьыӡ «молитва», «благословение»;
аныҳәартԥа «место моления», «церковь»;
ақәнага «доля», «заслуга»;
аԥсаԥа «милосердие», «благое дело»;
аԥьшьара «благодарение», «благодарить»;
ақәра «клятва», «присягание», клясться», *аҷатԥахьа* «обет»;
анцәа рашәа «песень молитва» [550, 188];
анцәа инықәра, анцәаиныс «клясться богом»;
анықәра «клясться именем кого-либо»;
абзабаа «благоденствие»;
ашьара «блюсти», «соблюдать обычай, запретный день»;
агәыргьын «венец»; *агәыргьын хаԥара* «венчание»;
анцәахша «божественный»;
иҳақәитԥыу «господь сущий над нами»;

7. Термины товарно-денежных отношений:
ахәаахәтра // ахәҳахәтра «торговать», «торговля»;
ахәаахәтԥы «торговец», «купец»;
арҳара «зарабатывать», «приобретать»;
атԥира, архәҳара «продавать», *атԥиҩы* «продавец»;
атԥиитә «товар», «то, что подлежит продаже, обмену»;
ахә «цена», «стоимость», *ахәԥса* «стоимость», «расценка»;
аԥса, аԥсара «стоимость»;
ахәшьара «оценивать»;
хәыда «бесплатный»; *хәыда-ԥсада* «даром», «задаром»;
ахашәала, ақьар «прибыль», «выгода»;
аԥара «деньги», *ақьаадԥара* «бумажные деньги», *аԥараҷырпы* «мелочь»; *амаатԥ* «рубль», *аԥаратра* «бумажник»;
аԥырга «деньги в мелких купюрах», *аԥыргара* «разменивать»;
аԥхьаӡара «считать», *ахыԥхьаӡара* «количество»;
амазара (амал) «богатство», «имущество»;
амцхә «излишек»;
аԥсахра «менять», «брать в долг»;
аитԥыԥсахлара «обмен», «обменивать»;
аилаӡара «договорённость», «договариваться»;
аилахәыра «компания», «кооперация»;
алахәыла «напарник», «компаньон», «один из членов сообщества»;

аԥхастԥа «убыток», «ущерб», «испорченный»;
ахараԥса «штраф»; *ақьыра,* «плата», *ашәара* «платить»;
аных (ахарԥь), *аныхра* «расход», «расходовать»;
ауалхәаҩ «кредитор», *ашас* «залог»;
ашәара «заплатить», «платить»;
ашәахтә «налог»; *ашәатәы* «платёж»;*аҳаза*«пошлина»;
ахәтԥа «часть», *ахәтԥаа* «доля»;

шамахамзар – окаменевшее слово; используется в абхазском языке, когда речь заходит о каком-нибудь редком предмете или явлении и выражает понятия: «не так часто», «редко», «за редким исключением»; *ари еиԥш шамахамзар исымбац* «такое я не так часто видел», *шамахамзар ари еиԥш уԥылом* «редко такое встретишь», *шамахамзар, зегь бзиоуп* «за редким исключением все хорошие» и т. д.

Из слова выделяется элемент *«мзар»*, известный в абхазском языке в значении «если не», см. *иахьа-мзар уаӡәы* «если не сегодня – завтра», *зежә-мзар ҩажәа* «если не девятнадцать – двадцать» и т.д. Отсюда *шамахамзар,* букв. «если не шамаха», «если не в Шамаха», где препозиционное *шамаха* никак не объясняется на абхазо-адыгских языках. Как выясняется, последнее увязывается с названием древнего города *Шемаха* – столицы Ширванского ханства IX–XVI вв. Временем наибольшего могущества этого государства считаются VII–XI века. Этот же период является и временем становления и расцвета Абхазского раннефеодального государства. В означенное время столица Ширвана *Шемаха* становится важнейшим городом Кавказа, крупным центром торговли на Великом шелковом пути, а также одним из крупных торгово-ремесленных центров на Ближнем Востоке. Мировую известность имели ворсовые ковры, поласы и килимы, изготовлявшиеся в Шемахе и других местах Ширвана и т. д. [560, 662; 561, 114].

В Шемахе вели торговлю купцы многих государств, в том числе, согласно этимологии слова «шамахамзар», и представители абхазского купечества. Абхазы в античный период и в средние века поставляли на мировые рынки, в числе различных товаров, продукцию ткаческого ремесла. Абхазские ткани часто вывозились на рынки Константинополя, Солоник, Смирны [562, 5], а также и в столицу Ширван – *Шемаху* [561, 144]. Вместе с тем, следует под-

черкнуть, что в 1124 году абхазский царь Давид IV захватил Ширван, посадил там своих наместников [61, 573, 574].

Абхазские купцы, возвращаясь из Шемаха, где они, вероятно, часто бывали, уже на месте с восхищением рассказывали землякам об увиденном и услышанном в этом международном тороговом центре. Отсюда, когда речь заходила о каком-нибудь редком предмете или явлении, стали говорить, что «такое если не в Шемаха, нигде не увидишь (или не услышишь)». Постепенно эта фраза *шамаха мзар* «если не в Шемахе» стала общенародным выражением. Последнее со временем потеряло первоначальное содержание и в настоящее время выступает в значении «не так часто», «редко», «за редким исключением» [561, 114, 115]. В этой связи представляет значительный интерес удинский языковой материал. Удины [563, 453], живущие в Кавказской Албании (в Азербайджане) при исчезновении чего-либо, кого-либо говорят: «Пропал, как Шемаха». По-видимому, в этом случае в языке сохранена память о разрушении Шемахи в 1222 году татаро-монголами, или об одном из разрушений Шемахи в результате землетрясений, что здесь бывало не раз. Таким образом, в абхазском примере речь идет о могуществе и расцвете г. Шемаха и об абхазско-ширванских торговых и политических отношениях, а в удинском языке сохраняется память о трагедии города Шемаха. Эти факты представляются ярким свидетельством важности языка и как носителя и хранителя исторического и культурного прошлого любого народа.

Выше очерченный круг культурных, религиозных, общественно-политических, военных и других терминов абхазского языка сформировался, в основном, в период Абхазского царства, часть из которых корнями уходит в эпоху древних цивилизаций (см. выше). В целом этот пласт представляется исконно абхазо-абазинским. В нём практически нет заимствований из картвельских и других языков. Данный факт, на наш взгляд, указывает на то, что абхазы в IX–X веках вошли в пределы картвельских племён с уже развитой общественно-политической терминологией, и неслучайно, что именно в период Абхазского царства наблюдается процесс проникновения абхазских терминов в картвельские языки. В частности, пример тому – вышеназванные факты заимствований из абхазского языка:

груз.: *да-пҟр-оба, даи-пҟро* «завоевать», «завладеть» – из основы абхазского глагола *пҟа –а-пҟа-ра* «побить», «разбить», «подчинить» (см. выше [19, 98, 100]);

ғари-ба, ғари-були «бедняк», «нищий» – из абхаз. *Аҕа* «мелкий», «бедный, *аҕарра* «обмельчать», «беднеть», «беднота», *аҕар* «бедный», *анхаҩғар* «мелкий (бедный) крестьянин»;

алагтә «нищий», «бедный» [498, 59, 90] – из абхаз. *алага* (см. ниже);

алага «низший», «низы», «униженный», «опустившийся», – из преверба *ала* «низ» и орудивного аффикса – *га;*

мс-ахура «слуга», «служитель» – из абхаз. *ахәура* «прислуживать» букв. «готовить еду, корм», «готовить долю кому-л» – от *ахәы* «доля», «еда, пища, корм» и глаг. *аура* «готовить» – *ахәуаҩы* «прислуга», «крепостной» букв. «готовящий еду, корм»;

ӣеси «правило», «обычай» – из абхаз. *аӣас* «обычай», «правило», «обряд», «характер», «повадка» (см. выше);

цихе (груз.), *джиха* (мегр.) «крепость» – из абхаз. *аджых* «башня», «крепостная башня»;

абӌьари (груз.) «доспехи» – абхаз. *абӌьар* «оружие», «вооружение» – возможно, из абхаз. *абӣар «копья»* (*абӣы* «копье»); П. К. Услар *абӌьар* сближал с абхаз. словом *аӌьбара* «крепкий» [556, 283];

ԥари, саԥари «щит» – из абхаз. *аԥыра, аԥырак* «заслон», «щит»;

аԥра (груз.) «парус» – из абхазского *аԥра* «парус». По мнению Марра, грузинское и абхазское *аԥра «парус»* – из абхаз. *аԥырра «летать».* Однако, абхаз. *аԥра «парус»,* возможно, из *аԥыра* «заслон», см. выше *ԥари, аԥыра*;

нушьа (груз.) *нышьа* (мегр.) «лодка» – из абхаз. *а-нышь* «маленькая лодка» (срав. и.-е. naus) [559, 142; 494, 71];

мадзиеба-ри, мадзиеб-ели (груз.) «ищущий», *га-мод-зиеб-ули* (груз.) «следователь», *га-мадзиеба* (груз.) «расследование», *мадзебари* (груз.) «следопыт» – из абхаз. *аҙба, аҙбаҩ, амаҙаба, амаҙабаҩ* «следователь», букв. «видящий (обнаруживающий) пропажу», «раскрывающий тайну, т. е. сокрытое», *аҙбара* «расследование»;

аҳмада, ҳмада «наместник» [539, 305, 307] – из абхазского *аҳмада* «наместник» «порученец», «поверенный» где *аҳ* «владетель», «царь» и *мада* – основа глагола; *а-мада-ра* «поручать», «поручительство», срав. *аимадара* «связь», «взаимосвязь»;

тамада «руководитель застолья» – из абхаз. *аҳмада, ҳамада* «наместник (хозяина)» – «человек, ведущий застолье по поручению хозяина»;

Примечательно, что само самоназвание грузин *қартвели* также производно от абхазкого *қартуа (ақыртуа)* «грузины», буквально означающего «қартский человек» – от абхаз. *Қарт* «Тбилиси» и *уа* «человек», «люди» (см. выше). Абхазское *қартуа* (а-қыртуа) в *мегр. қортү, қорту, қортуа*, в груз., закономерно, – *қартва*, отсюда *қартв-ели* «грузины», букв. *«қартуицы»*, «принадлежавшие к *картуа*». Существуют немало и других абхазизмов в картвельских языках. Многие из них отмечены уже в специальной литературе (см. [494, 71–115]). Однако нельзя сказать, что данный вопрос достаточно изучен.

Важные языковые свидетельства о роли абхазов и абхазского языка в средневековом абхазском многонациональном государстве содержат древнегрузинские источники. В частности здесь фиксируются также известные абхазские слова как *а-чала, апсар, лаша.*

Как уже сказано, в 975 году на абхазский престол был посажен слепой Феодоси или Теодоси (абхаз. Таташь), ослеплённый своим братом Деметре – царем Абхазии.

Имя Феодосия фиксируется в источнике с эпитетом *Чала-мепе,* переводимое «*Чала-царь*». Его также называют «Феодосий слепой», «Феодосий темный» [515, 138; 140]. Первое, т. е. груз. *Чала-мепе* «Чала царь» переводится отдельными авторами и как «соломенный царь» [515, 137]. Однако, непонятно, какое отношение имеет солома к искалеченному царю, к царю – инвалиду. Видимо, поэтому проф. М. Лордкипанидзе слово *чала* переводит как «никчёмный», хотя нет такого слова в грузинском языке» [497, 77]. Нам же груз. *Чала-мепе* представляется частичным переводом из абхазского *Аԥсҳа-чала* «Чала-царь», буквально означающего на абхазском «царь-калека», «царь – инвалид»: – от *аԥсҳа* «царь» и *чала* «болезненный», «битый», «калека», «худой (тощий)» – (срав. *ачала* «худой»-аԥсыла «упитанный); *ачала,* букв. «содержащий боль», «болезненный» – от основы *ач* «боль», «опухоль» «болезнь», отсюда также и слово *ачымазара* «болезень», букв. «иметь ач (боль, опухоль)», где постиозиционное *амазара* «иметь» [151, ?];

Трудно переоценить значимость для правильного понимания истории абхазского средневекового государства упоминания в одном древнем сообщении двух абхазских ключевых слов *аԥсар* – древнее самоназвание абхазов, (отсюда и название их столицы *Аԥсар*, см. выше) и *лаша* «светлый, светоч». Речь идет о средневековом произведении «История и восхваления венценосцев», автор которого, рассказывая об организации военного похода по случаю рождения наследника абхазского престола *Георгия – Лаша*, пишет: «Собравшись на счастье Лаши, которое переводится с языка апсаров как «Просветитель вселенной» [565, 434]. Как справедливо отмечает З. В. Анчабадзе, под «языком апсаров» летописец несомненно имеет ввиду абхазский (апсуйский) язык [18, 190]. Далее З. В. Анчабадзе также утверждает: «Слово «*Лаша»* действительно абхазское. Оно означает по-абхазскии «светоч», «светлый» [19, 214] недвусмысленно на это также указывают и другие известные ученные, как М. Джанашвили, С. Н. Джанашия, Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Амичба и др. (См. так же выше).

В частности, Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Перед нами полное совпадение как абхазской языковой принадлежности, так и абхазской же этимологии имени *Лаша,* которое переводится только с языка апсаров, что является единственным общественным общенациональным самоназванием собственно абхазов (аԥсуа). И только на этом языке оно поддается осмыслению как светоч, потому что действительно только на абхазском «лаша» означает свет, сверкание, блистательный, освещение (ср. поговорку: аҵара – лашароуп, аҵарадара – лашьцароуп, т. е. «ученье – свет, неученье – тьма»). [365, 527]. Многое информации в себе может иногда нести даже небольшое по объему сообщение содержательного исторического источника, а также термин, лексическая фраза и т. д. Поэтому, видимо не случайно, что чудом уцелевшийся от вахтанговских переписчиков и редакторов (см. выше) слова летописца подверглись уже в XX веке корректировке. Так, в издании проф. В. С. Кекелидзе варианта «История и восхваления венценосцев» (груз. оригинал 1941 г., русский перевод 1945 г.) уже не указано, на каком именно языке слово *«Лаша»* означает «просветитель», «светоч» [19, 214; 365, 528, 529]. По поводу значимости вышеприведенного сообщения автора «История и восхищения венценосцев» З. В. Анчабадзе пишет: «Таким образом, историческое произведение «История и

восхваление венценосцев», автор которого является современником описываемых им событий, содержит, как мы видели, важные сведения по истории Абхазии и, в частности, весьма ценные свидетельства по вопросу об этническом состоянии абхазов, того периода. Этот источник должен быть использован каждым исследователем исторического прошлого абхазов, а не игнорироваться полностью, как это к сожалению, делают некоторые авторы, которые хотят внести коренные изменения в утвердившиеся в исторической литературе взгляды об этнической принадлежности абхазов средневековья» [19, 216]. В целом, приведенные выше данные с достаточной очевидностью свидетельствуют о том, что абхазы в средневековье обладали довольно развитой государственной машиной, что на контролируемой ими территориях они ни с кем не делили свою этническую гегемонию.

§ 3. Абхазо-абазинские родовые и фамильные имена в грузинской и мегрельской антропонимии

Как известно, материалы ономастики, в том числе антропонимии, представляются довольно значительными для исследователей истории языка, прошлого того или иного этноса и его культурных, политических связей с соседними странами и народами и т. д.

Абхазо-абазинские личные и родовые имена и фамилии привлекали и привлекают внимание многих исследователей. Представляют значительный интерес работы академиков Н. Я. Марра и С. Н. Джанашия, а также абхазских ученых – Д. И. Гулиа, С. П. Басария, Х. С. Бгажба, Г. А. Амичба, В. М. Бганба, Д. М. Дасания и др.

В последние годы появились уже и ряд монографических исследований как по абхазской (Ш. Д. Инал-ипа [74], А. Э. Куправа [76]), так и по абазинской антропонимии (С. Х. Ионова [425]). Усилиями известного ученого Дж. Н. Кокова также собраны и изучены этнические, личные, фамильные имена адыгов [204]. Всё это довольно важно. Как справедливо отмечает Дж. Н. Коков: «От состояния разработки антропонимии в одном языке в значительной мере зависят успехи этой науки в другом (родственном или

неродственном) языке находящемся или находившемся с ним в исторических контактах» [204, 8]. В плане интересующих нас проблем абхазо-грузинских отношений раннего средневековья и в целом периода Абхазского царства (VIII–XIII вв.), важно знать и материалы грузинской и мегрельской антропонимии.

В Грузии по изучению грузинской антропонимии также сделано немало.

Результаты сравнительного изучения абхазо-адыгской и грузинской антропонимии, несомненно, могут быть одним из показателей характера абхазо-грузинских отношений, а также пределов присутствия и роли абхазского этнического элемента на территории современной Грузии в период Абхазского царства. Первым этой теме уделил внимание акад. С. Н. Джанашиа [505, 476 – 481], а затем её касаются З. В. Анчабадзе и другие исследователи.

В частности, С. Н. Джанашиа, на основе изучения письменных источников, утвердительно говорит о феодальной миграции («колонизации»), имевшей место с X в. со стороны абхазов в Восточную Грузию. Согласно С. Н. Джанашиа, в Восточную Грузию «шли не только сеньоры, но и их вассалы, арьервассалы, крепостные и дворня» [451, 481].

1. Абхазские родовые имена в грузинской антропонимии

Абхазы относятся к народам, характеризующимся наличием традиционных родовых имён. Эти имена закреплялись более всего за потомками именитых людей, за людьми, имевшими высокое положение в обществе.

Выделение привилегированных родов, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, происходило у абхазов в довольно отдалённые времена. Древнейшими привилегированными сословиями в среде абхазских (абазских) сообществ считались княжеские рода *Ач* и *Чач,* причем последний, т. е. *Чач,* в преданиях и работах отдельных авторов представляется ответвлением из рода *Ач* [365, 547; 19, 195]. Абхазские именные формы *Ач* и *Чач* в западной части исторической Абхазии бытовали как *Аш и Шаш* или *Аше* и *Шаше* [35, 10]. Согласно сообщению анонимного автора XIX века, именная основа *Ач* (*Ач-ба*) на древне-абхазском языке также означала «князь» – отсюда родовое имя *Чач (Ч-ач, Ач-и-ач,* букв. переводится «над князем князь» [19, 195]. С привилегированным обществом *Ач* или *Аш*

увязывают также и происхождение абхазо-абазинского, в прошлом могучего княжеского рода – *Лау // Лоу* [73, 73]. На наш взгляд, всё это указывает на значимость и древность некогда многочисленного рода *Ач* или *Аш*. Представляется также, что род (племя) *Ач / Аш* распался на отдельные общества *Ач / Аш*, *Чач / Шаш, Лау* и др. еще задолго до образования Абхазского царства. Так, похоже, что имя сообщества *Шаш* (Чач) в форме *Шаш-ил* (срав. *апса→ апс-ил*, *др-ил, анч-ил* и т.д.) упоминается в урартских источниках как название царского города – *Шаш-ил* или *Шашил-уни*, а также страны *Шашети* (см выше гл. VI). В Абхазии также известно с. *Шашил-кыт*, груз. *Шашил-ети*, букв. «село Шашилов», у садзов же общество *Саше / Шаше*, а также село *Шаше / Шаче* (ныне г. Сочи) и княжеский род *Шаше* [73, 72, 122]. Что же касается рода князей *Лоу*, во множ. числе *Лаудзы* или *Ладз // Лыдз* [73, 95, 143], то, как уже сказано, они явились основателями Лазского, т. е. Ладзкого царства (см. выше гл. VI). С *Лауами / Лоуами* из рода *Ач* некоторые исследователи также увязывают начало династии абхазских царей *Леонидов* [18, 207, 208; 508, 106].

Вместе с тем, спервыхвеков н. э. письменные источники фиксируют различные имена царей древних абхазских (абазских) сообществ [7, 152]. Некоторые из нихтакже увязываются с родовыми или этническими именами. Так, имя *Опсит* (срав. с колхидским *Апсирт,* известным как имя апсилийского и Лазкого царей (VIв.), может быть из самоназвания абхазов – *апсуа*. Вероятно также, от родового имени *Губа*, *Губаа* (срав. груз. фам. *Губа-дзе* [12, 57]), с помощью абхазо-садзского показателя множ. числа *дз* «ʒ», образованы фамильные форы – абхаз. *Губаз*, садз. *Губзы, Губза,* сродные, как отмечают Ш. Д. Инал-ипа и Г. В. Цулая [365, 522, 523; 513, 122], с именем царского рода Лазики *Губаз* I, *Губаз* II (V–VI вв). Младший брат последнего носил и собственное имя *Цата*. По-видимому, к этому имени (*Цата)* восходят фамилии – абхаз. *Цатаа*, мегр. *Цатава*, груз. *Цатиашвили*.

В связи с усилением Абхазского царства и с продвижением его с 10 в. вглубь Закавказья, в древнегрузинской литературе появляются родовые имена представителей абхазской знати. Ещё в 70-х годах X в. фиксируется родовое имя известного политического деятеля, наместника абхазского царя в Картли *Иоанна Маруш-ис-дзе*. В последнем не трудно распознать основу абхазской княжеской

фамилии *Мар(ы)шь-ан – Марышь, Маршьы* [74, 153]. Последняя встречается и в таких фонетических вариантах, как *Марчы – Марчан, Марчил* (срав. апс-ил, шаш-ил и т. д.), в груз. *Мерчуле; Барчы – Барчан, Бырчил*, в груз. *Бурчуладзе*; в садзском *Мардзы, Бардзы – Бардзба;* в убых. *Барзек, Берзек* «Берзеков». Исходной формой следует считать абхазо-садзское *Мар-дзы* (Бар-дзы), где выделяется исходнаяоснова *Мар* и древнее абхазо-садзское окончание *дз* (ʒ *→чы→шьы*), придающее основе форму множ. числа. Сама антропонимная основа *Мар,* возможно, этнонимного происхождения. В этой связи представляет интерес упоминаемое Гекатеем Милетским и Геродотом племя *Мар*. Согласно Геродоту, *мары* и *колхи* совместно принимали участие в походе персидской армии против Греции (см. гл. VII). Плиний же (I в. н. э.) говорит о племени *Мард* в Северном Причерноморье. Что же касается вышеупомянутых форм *Марышь / Марыч*, то от них производны варианты княжеской фамилии *Маршан // Марчан*, что, на наш взгляд, восходит к титулу *Марышь-хан,* где *хан-* тюрк. «правитель» «владетельный князь», срав. от формы *Бардзы – Бырдзахан* «сильный самодостаточный человек»[1]. Как известно, в прошлом имя *Маршан* (Маршьан) выступало в горной Абхазии в двух значениях: как родовое имя и в значении «правитель», «князь». На это также указывает и зафиксированные акад. С. Н. Джанашиа форма *Маршьан-ҳа,* означающая, букв. «Маршан-князь», [507, 135] и форма *Маршьан-кул* «святой князь» или «святой Маршан» [204, 181, 224; 39, 42]. Похоже, аналогичное происхождение имеет абхазская дворянская фамилия *Маан* – из *Маахан* или срав. в мегрельском *Марган (Маргания), Маа-р-хан,* где *р* может быть наращением или же показателем 3-го лица, множ. числа. Думается, что также образована и дворянская фамилия *Озган* [74, 167] из *Оз-хан*, букв. «Хан Озовых» или «Хан (из рода) *Озовых*».

На наш взгляд, тюркское слово *хан*, «монарх», «правитель», «владетельный князь» вошло в употребление в Абхазии не позже VI–VII вв. (см. ниже). Мегрельские правители *Дадиани* считали себя потомками абхазских ханов, о чём свидетельствует материалы отчета русского посольства Ф. Елчина русскому Государю о их пребывании в дадиановской земле в 1639–1640 гг. В частности,

[1] В абхазском языке представлено также слово хан / /ахан в значении «дворец».

здесь приводится титул Левана Дадиани, звучавший на их (дадиановском – *В. К.*) языке «Хантипа Леонт» [61, 243], что представляет собой искаженную форму абхазского *Хандипа* из *Хан-д(у)-ипа,* букв. «сын великого хана»; срав. титул и фамилию *Хан-ипа* «сын хана», «правитель», «владетельный князь» (фамилия *Ханипа* не раз встречается в абхазском фольклоре). Ряд учёных дадиановский род, а так же род Варданисдзе, выводят из корня Марушианов, т. е. Маршанов [506, 108–109; 74, 153–154] (об имени Дадиан см. ниже ст. *Дад, Дада*…), что, на наш взгляд, подтверждается, например, фонетической близостью основ *мар* (Мар-шьан), *бар* (*Бар-чан, Бар-дзы, Бар-дзек*), *вар* (Ԛар-дан), *уар* (Уар-дан, Ԛар-дан). В связи с именем *Вардан,* представляет также значительный интерес одно из древних названий р. Кубань –*Вардан,* упоминаемое Страбоном (I в. н. э.) [299, 245], а в форме *Вардана* – Птолемеем (II в. н. э.) [304, 244]. Последнее практически идентично с абхаз. *Вардана-а (Ԛарданаа)* «Варданова». Проф. Ш. Д. Инал-ипа родовое имя *Вардан* также увязывает с названиями общества, местности и р. Вардана (Ԛардана) в Убыхии (в тех же местах, рядом с ахеями, Плиний (I в. н. э.) помещал племя мардов (Plin. NH, VI, 16); с названием села и рода Вардан вблизи Адлера; с с. Варданыхуа в Бзыбской Абхазии, с названием поселка, родом и святилищем Варданныха в с. Эшера; с названием с. Варда – Вардан в Дале; с абхазским космонимом «Звезда Варданиевых» (Ԛарданаа риацәа). Название племени Вард, Уард встречается в адыгских преданиях, песнях и выражениях, например: «подобно варду». В Северной же Абхазии в преданиях фигурирует эпический герой Мард. В связи с этим представляется интерес то, что Сасаниды у северных перевалов границы Ирана создавали вассальные владения князьков. Именно оттуда известны имя и титул одного из них – Вардан-шах … [74, 153].

В грузинских источниках, вслед за этнопатронимом *Вардан – Варданисдзе* уже в XI в. (1044 г.) появляется в грузинском оформлении родовое имя абхазских владетельных князей *Чач* в форме *Чача-с-дзе*. Последнее представлено в составе полного имени предводителя абхазского войска – *Куабулели Отаго Чачасдзе* [199, 80]. В этомимени первое – Куабулели – выступает в качестве титула «Куабульский» и производно из абхаз. *Куапыл*, восходящего к названию территории совр. Кобулети, что указывает на

владения ОтагоЧач-ипа (груз. Чача-с-дзе). Представитель этого же рода, уже под фамилией *Шервашидзе* – абхаз. *Чачба,* становится правителем (эриставом) собственно Абхазии [18, 208; 15, 127].

В 80-х годах XII века владетелем Цхумской области Абхазии был также *Шервашидзе Отаго (Дотаго)*. Повторяющееся в источниках имя *Отаго*, похоже, указывает на связь рода Шервашидзе с родом абхазских владетелей *Чач (Чачба),* груз. – *Чачасдзе* XI века. Поэтому не случайно, что они известны под двумя именами абхаз. *Чач – Чачба* и груз. *Шерваши-дзе*. По поводу происхождения последнего в литературе существуют различные мнения. Одно из них основывается на предании о том, что фамилия *Шервашидзе* происходит от правящей династии Ширванского княжества (на терр. сов. Азербайджана), т. е. из рода *Ширван-Шаха* [18, 208; 564, 64]. Однако многие авторы относятся с недоверием к приведенному преданию. По их мнению попытка феодалов (князей) Шервашидзе увязать происхождение своего рода с ширван-шахами представляет собой обычное в средневековом обществе стремление отдельных феодалов связать свой род с каким-либо знатным иностранным родом, чтобы повысить свое общественное значение [15, 128]. В этой связи З. В. Анчабадзе отмечает, что в феодальной Грузии тавады Орбелиани считали, что они происходят от китайских дворян, а тавады Цицишвили выводили свой род из Италии [21, 191]. Мы склонны поддержать предположение авторов (Н. Я. Марр, Н. А. Бердзенишвили и др.) о местном происхождении рода Шервашидзе. Для нас представляет особый интерес увязка акад. Н. А. Бердзенишвили фамилии Шервашидзе с именем абхазского военачальника Отаго Чачас-дзе 40-х гг. XI в. [19, 193].

На наш взгляд, в основе грузинского имени этого древнеабхазского княжеского рода *Шервашидзе – Ширваш,* похоже, имеем переиначенное абхазское титульное имя – *Шырпас* (Шырԥас или Шәырԥас), букв. «Предводитель ашов»; (соответствие абхаз. *ԥ* груз. *в*, см. абхаз. *ауаԥс* → груз. *овс* «осетин»). Имя состоит из элемента *аш* или *ашә* – основы этнонима *ашуа // ашәуа* – абхазского обозначения *абазин – тапанта,* а в прошлом – жителей исторической Западной Абхазии, в том числе, садзов – джиков (см. выше). Данная этнонимная основа сочетается с абхазским термином *рԥас // рԥыс* «предводитель», «молодец», «юноша», букв. «идущий впереди армии».

С помощью слова *а-рԥас // а-рԥыс* образован также ряд абхазских имен: *Хьы-рԥыс* «Золотой молодец», *Хаԥа-рԥыс* «Герой молодец», *Хуажәа – рԥыс* (в фольклоре) «Рододендровый молодец» и т. д.

Мы полагаем, что при абхазском царе Давиде Строителе управляющим (эриставом) Цхумской области был поставлен человек из абхазского княжеского (царского) рода *Чач* (абхаз. *Чач-ба,* груз. Чача-с-дзе), являвшегося до этого предводителем (владетелем) а*шов,* поэтому носившего титул *Шырпас* (Шырԥас, или Шәырԥас) «Предводитель ашов».

Данное титульное имя и легло, на наш взгляд, в основу грузинской формы фамилии Шерваши-дзе, ставшей второй фамилией абхазских владетелей Чачба – Шервашидзе: от абхаз. *Шырԥас* грузинское *Шерпас-идзе→Шерваш-идзе.*

Как уже сказано, к абхазским титульным именам относятся и фамилии *Маршан, Маан, Дад-ипа –Дадиан, (Дади-хан) Куапыл* – груз. *Куабул-ел*, *Агур* – груз. *Гур-иел*, [5, 13; 19, 195], *Бадеи* – груз. *Бадиан, Бедиан, Бедиели,* а также от *Агцыбаа* «Агцубская (Агцупская) крепость» (Анакопийская крепость) – груз. *Агцепели* в имени *Георгий Агцепели,* букв. «Георгий Агцупский» – абхаз. царь (XI в).

Представляет значительный интерес имя крупнейшего абхазского феодала и политика Липарита, основателя рода Багвашей. Исследователи отмечают, что в первоисточниках не указывается его родовое имя [46, 31]. Однако, на наш взгляд, родовое имя *Липарита* содержится в его имени *Липарит*, которое представляется нам грузинской формой передачи абхазо-абазинского *Лоу-Барат*, букв. «Барат (из рода) Лоу», где *Лоу* – абхазо-абазинский княжеский род и *Барат* – абхазское собственное имя, от чего образовано и имя могущественного абхазского феодального рода *Баратов* (груз. *Барата-швили*) (см. ниже *Бараташвили*, *Качибасдзе*). Вместе с тем известно, что основателем рода *Багваш* является *Липарит* (т. е. *Лоу Барат*) [46, 50, 85]. В последствии представители рода Багваш являлись крупными и влиятельными феодалами Абхазского царства, которые пытались не повиноваться абхазским царям Баграту III и Баграту IV. Родовое имя *Багваш* сохраняется в качестве княжеской фамилии *Багваш* и ныне у абазин, ау абхазов в названии большого села – *Пакваш* (Пақәашь) –бывшей вотчины

князей Ачба. Считается, что абхазское *Багваш* является производным от родового имени абхазо-абазинского княжеско-дворянского общества *Баг* [425, 272–274]. Вместе с тем, происхождение данного имени может быть связанным со следующим историческим фактом. Известно, что род Багвашей в начале управлял Верхней Имеретией, т. е. Аргвети. В 80-х годах IX в. Липарит из рода Багвашей переселился в Триалети и основал здесь своё эриставство, он же пробил искусственный проход в отроге Триалетского хребта и соединил кратчайшим путем Картли с основной территорией Абхазского царства, а над пробитой скалой воздвиг крепость *Клде-Кари,* букв. «Дверь в скале» или «Скальные ворота» [497, 72; 19; 124]. Поразительно, что *Багваш – Багуаш* из абхаз. *Баагуашə* переводится букв. «Крепостные ворота» или «Ворота крепости» – где *Ба(а)* «крепость» и *гуаш* из – абхаз. *гуашə* «ворота». Вместе с тем, возможен перевод *Багваш* и из формы *Баг-гваш* – абхаз. *Баг-гуашə*, букв. «Баговские ворота» или «Ворота Багов» (от Баг + гваш «ворота». Однако, представляется более вероятным первый вариант этимологии. Очевидно, что открытая Лепаритом кратчайшая дорога между западной частью Абхазского царства и ее новой территорией – Картли и строительство над проходом крепости, получившей у грузин название Клде-Кари «Скальные ворота», а у абхазов – *Баагваш* «Крепостные ворота», имело большое практическое значение. Этим и объясняется использование грузинского названия крепости – *Клде-Кари* «Скальные ворота» и в качестве обозначения княжества Липарита – *Клдекарское княжество*. Абхазское же название *Баагваш* «Крепостные ворота» было присоединено к имени Липарита в качестве эпитета, отсюда *– Липарит – Крепостные ворота*; *Рати сын Липарита – Крепостные ворота* и т. д. По-видимому, как уже сказано, они были из ветви абхазского княжеского рода *Ачба – Лоу*. Отсюда и этимология грузинской формы имени основателя рода Багваш *«Липарит»* из абхазского *Лоу Барат*, букв. «Барат (из рода) Лоу». Возможно не случайно, что Липарит и его сын Рати выступали в союзе с Иване Абазас-дзе – эриставом Картли. Думается также, что от Рати – сына Липарита, пошло новое ответвление под фамилией Ратишвили, абхазо-мегр. *Ратиа* (срав. абхаз. личное имя *Рат* [509, 424], *Рад* [74, 112]. Что же касается вышеупомянутого имени картлийского эристава Иване *Абазас-дзе*, букв. «Абазов», то оно напрямую

связано с именем абхазо-абазинского этноса *Абаза*, (срав. также с абазинской фамилией *Абаза*) [425, 254]).

В грузинских письменных источниках упоминается еще одно, также узнаваемое, родовое имя *Арш-ис-дзе,* относящееся к середине 10 в. Два брата – Иване и Хахуа Аршисдзе являлись опальными владельцами двух крупных крепостей Кахетии. Вчастности, в источнике говорится: «(Крепостью) Лоцобани владел Иване [Аршисдзе], укрепился он в ней, предал патрона (своего). Воздвигли Шурисцихе и разместили в ней гарнизон. Крепостью Марана владел тогда Хахуа Аршисдзе, брат Иване, (который) наподобие брата своего желал силой удержать (крепость). Прибыл царь (Гиорги), приказал войску сразиться. Взяли крепость хитростью, и захваченного Хахуа привели к царю, а царь отправил (его), плененного, в Джикети» [497, 35].

Основа упомянутого родового имени *Арш-исдзе – Арш*, вряд-ли отделима от абхазского родового имени *Арш, Арыш* и многочисленной фамилии *Арш-ба* «Аршовы» или «Арышовы». Отсылка провинившегося *Хахуа Аршисдзе* в Джикетию, т. е. в Западную Абхазию (см. выше), указывает на абхазские корни этого рода.

С абхазо-абазинским этническим миром неразрывно связаны, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, и такие известные фамилии Грузии этнического происхождения, как: *Абхазаури, Абзианидзе Абхазава, Абхадзе (Апхадзе), Абхаидзе (Апхаидзе), Абсава (Апсава), Абсандзе (Апсандзе), Абаза* (см. выше – *В. К.*), *Абхази, Абазадзе, Абхазишвили, Апсуа, Апсуа-ипа, Апшилава* [74, 269].

2. Абхазские фамильные окончания

В основе абхазских фамилий лежат, как правило, личные, родовые и этнические имена. Придают им фамильную форму ряд давно устоявших фамильных окончаний. Как известно, образование фамилии – длительный процесс, продолжающийся до последнего времени [204, 7]. При этом, отсутствие письменных источников на родном языке затрудняет возможность определения времени появления тех или иных фамилий и фамильных окончаний. Нам же приходится довольствоваться лишь данными древнегреческих, грузинских и русских письменных, а также абхазских фольклорных источников. Наиболее древними и известными являются, прежде всего, фамилии привилегированных сословий.

Одним из характерных окончаний абхазских фамильных имен, как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-ипа, является *ба, па* (ԥа), означающий «сын», «дитя», «потомок» [74, 183]. Наряду с ними существует и женское фамильное окончание *ԥха*, усеченно *ха* «дочь», «девушка» [12, 42, 43, 74; 281, 282]. Значительную группу составляют абхазские фамилии с окончанием на *уа, аа, иа,* которые ряд исследователей ошибочно считают мегрельскими, однако нетрудно видеть, например, в окончании *уа* абхаз. *уа, уаа* «человек», «люди», а в *аа* – показатель множ. числа класса людей (срав. *ауаҩы* «человек» – *ау-аа* «люди»). К такому же выводу приходит известный грузинский языковед, академик, знаток и исследователь абхазских (абазских) языков К. В. Ломтатидзе [510].

Формант *у-а* представляется древним и, прежде всего, этнонимообразующим элементом – *ашә-уа* «абазин», *апс-уа* «абхаз» *агыр-уа* «мегрел», *ақыртҵуа* «грузин» и т. д.; он же представлен и во многих фамилиях *Мат-уа, Саб-уа, Чич-уа, Хух-уа, Чок-уа, Џьап-уа* и т. д. Фармант *уа* встречается также в именах в усеченной форме *– у; Ла-у* (Ло-у), *Ԥса-у* (Ԥсо-у), *Агуха-у* (Агухоу) и др.

Окончание у-а используется и во множественной форме – *уаа,* букв. «люди»: *Мат-уа* во множ. ч. *Мат-уаа, Саб-уа – Саб-уаа, Чич-уа – Чич-уаа* и т. д. Это же окончание выступает и усеченно в форме *аа: Агрба – Агра-аа* «Агрбовы»*, Хагба – Хаг-аа* «Хаговы»…

В случаях, когда окончание *уа* или *уаа* сочетается с основой, оканчивающейся на *а,* то комплекс *ауа, ауаа* передается, в мегрельском (и в русском), как *ава,* например: *Агухаа, Агуха-уаа* – в мегр. *Агухава*; *Какаа, Кака-уаа* – в мегр. *Какава; Цанаа, Цана-уаа – Цанава* и т. д. Вместе с тем интересно, что сами мегрелы в устной речи при произношении мегрельских фамилий опускают окончание *ва,* например, фам. *Абхаза-ва – Абхаза*, *Микава – Мика, Гудава – Гуда* и т. д. А. Э. Куправа формант «*ва*» не считает первичной мегрельской формой; как он полагает, «ва» является обрусинным вариантом абхазского суффикса «*уаа*» [76, 89].

В абхазо-абазинской антропонимии представлены и другие древние форманты, придающие основе форму множественного числа, как *р, ар* и *раа* – в абазинском, а также садзско-абхазское *з/ҙ,* которые не раз упоминались выше.

Как известно, у абхазов и, в особенности, мегрелов имеются значительное количество фамилий с окончанием на *иа* (ия). Одни

его рассматривают как мегрельское фамильное окончание, другие же, как абхазское.

По нашему наблюдению, формант *иа* представляется в качестве фамильного окончания в случаях присоединения абхазского «*а*» к фамильным основам с окончаниями на «*и*», имеющим в основном иноязычное происхождение. Например, от адыг. *Гули* – абхаз. *Гули-а;* от адыг. *Бли* – абхаз. *Бли-а*, мегр. *Були-а;* адыг. *Курчей* – абхаз. *Куарчи-а; Бадий – Бади-а*; *Бжаней – Бжани-а; Дагужей – Дагужиа) Дагузи-а* и т. д.: от грузино-мегрельской фамильной формы, *Маргани* (абх. Маан) – абхаз. – мегр. *Маргани-а; Маршани – Маршани-а; Чиквани – Чқуани-а, Чкони-а* и т. д. Что же касается мегрельского фамильного окончания *аиа* (ая), то оно возникло в результате сочетания мегрело-абхазского *иа* с *«а» → а+иа: Кецба – Кецба-иа, Зухба – Зухба-иа, Чачба – Чачиба-иа* и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что вышерассмотренные фамильные окончания *аа, ава, аиа (ая), иа (ия), уа*, согласно письменному источнику, уже бытовали в конце XVI века [61, 234–236].

Помимо фамилий, оканчивающихся на *ба*, *иа, ԥха (ха), аа, уа, иа, з, (ʒ), а-р,* немало в абхазской антропонимии и фамилий с другими окончаниями. Ш. Д. Инал-ипа их классифицирует по следующим конечным формантам:

на –*хә* (Акьатыхәа, Шараҳхәа, Ҳаҳхәа, Тамышхәа);

на – *ҟәа* (Анчоҟәа, Берамыҟәа, Далҭрыҟәа, Салмаҟәа);

на – *кәа* (Артылакәа, Адикәа, Чакәа, Цкәа);

на – *гә* (Агәа, Лабигәа, Бигәа, Гьагәа, Мцаҕәачәа, Шьмагәа);

на – *оу* (Баалоу, Драҟәоу, Лоу, Мдоу, Шоу,Ҷакәоу);

на – *ан* (Агәырӡан, Озган, Маан, Маршан, Ԛардан, Дишьан, Гәырзан, Ҟардан);

на – *ԥшь* (Багаԥшь, Гыруаԥшь, Заԥшь, Каԥшь, Таԥшь, Ҭраԥшь, Шьаԥшь);

на – *мышь* (Бармышь, Ермышь, Тахҭамышь, Ҳамышь)

на – *ышь* (Башьышь, Птышь, Мҷышь, Ҳәатышь и др.);

на – *р* (Лакыр, Смыр, Чагыр; Амԥар, Дбар, Чукбар, Аԥьбар, Есԛиндар, Басар, Бакьлар, хотя здесь можно полагать, что *р*- показатель множественности, собирательности);

на – *аз* (Гәбаз, Уаз, Чуаз, Чалмаз, Баҕәаз, Ҭҳәаз);

на – *ыл* (Ҭаркьыл, Шьаҟрыл, Ҳмаил);

на – *ал* (Аԥьынҵьал, Чаабал, Ванбал, Хәырхәмал, Кьасал, Кьыркьаԥал);

на – *цә* (Лаѡыцә, Наҕәыцә, Хакәыцә-аа, Ԥшицә-ба);

на – *аԥь* (Абҕаԥь, Амкәааԥь,Гәаԥ, Транҷь, Ҭгәаԥь);

на – *ч* (Аҕач, Кчач, Амкәач, Ҭаскәач, Ҟәнач, Гьеч (Гьач), Кяч (Қьач), Реч, Ҟлыч; по-видимому, к этому же ряду относятся Ач-ба, Чач-ба, Шәа-ча, Цых-ча, Уана-ча, Пынца-ча, Асабы-ча и др.);

на *–за* (Ашза, Кинза, Амчза, Агырза, Килза), где «дз» – зимеет обобщенно-множественное значение (ср. зынза – «весь», «все», «целиком») и имеет свои определенные параллели в адыгских языках». [74, 183, 184].

3. Древне-абхазские фамилии с окончаниями на *ба, па, уа* в грузинской антропонимии

Как уже сказано, в ранне-грузинских письменных источниках (IX–XIII вв.) упоминаются лишь родовые имена известных тогда абхазских политических и военных деятелей, без каких-либо ныне известных абхазских фамильных окончаний. Однако, эти родовые имена сопровождаются западно-грузинским словом *дзе* «сын»: *Чача-с-дзе, Маруш-ис-дзе, Варадан-ис-дзе, Арт-ис-дзе* и т. д. Если исходить из грузинской традиции – переводить в тексте все, что переводится на грузинский язык – то не исключено, что груз. *дзе* может быть переводом абхаз. – *ԥа* «сын»: *Чач-и-ԥа – Чача-с-дзе,* (срав. Чач-ба с назв. села в Картли – Чачуб-ети [366, 342]), *Марышь-и-ԥа – Маруш-ис-дзе, Ҽеардан-и-ԥа – Вардан-ис-дзе* и т. д. На это указывает, на наш взгляд, и заключение академика С. Н. Джанашия о том, что абхазские князя *Гиачба / Гечба* (или *Киачба)* прибыли в Картли в качестве колонизаторов в период Абхазского царства. Здесь, в грузинской среде, абхазское окончание фамилии *Гиач-и-ԥа // Гиачба // Геч-ба – па, ба* «сын» было осложнено грузинским окончанием *дзе,* что также означает «сын». В целом же абхаз. *Гиач-ба / Гечба* было переиначено в Каджипа-дзе и Качиба-дзе [429, 476]. Далее С. Н. Джанашия пишет: «Думается, что в те же времена на самом северном пункте дороги, соединяющей Западную Грузию с Восточной, обосновались Анчабадзе, фамилия которых по своему происхождению и последующей истории («ба» + «дзе») представляет собой полную аналогию фамилии Качибадзе». От фамилии Анчабадзе (Ачба) произошло название местности Ачабети, от ко-

торой, в свою очередь, образовалась новая фамилия – Мачабели, представители которой впоследствии также составляли известный в феодальной Грузии тавадский род» [429, 478].

Число подобных примеров, как отмечает З. В. Анчабадзе, можно было бы значительно умножить (Гонглибаисдзе, Апхази и др.): они свидетельствуют о том, что многие абхазы по происхождению, как в эпоху Абхазского царства, так и впоследствии, влились в грузинскую народность [19, 156].

На наш взгляд, в грузинской форме абхазской княжеской фамилии *Ач-ба – Анчаба-дзе / Анчапи-дзе – «н»* – является наращением, то же самое и в грузинской форме абхаз. *Чач-ба – Чанчибадзе* (срав. абхаз. *хага* – в мегр. *ханга* «сумасшедший», абхаз. р. Егры – «Енгури» и т. д.) .

Вместе с тем представляется, что фамилия Мачабели по своему происхождению может быть не связанной с родом *Ачба / Анчабадзе*. Скорее всего, Мачабели восходит к родовому имени абхазских феодалов *Мач (// Маҷа),* во множ. ч. *Мачаа, Мачар,* абхаз. *Мачараа,* фамильная форма *Мачаба* – отсюда груз. *Мачаба-ели.* К вышеназванным и другим абхазским родам восходят многие известные впоследствии грузинские фамилии. Так, например, как отмечает С. Н. Джанашия, от собственного имени абхазского феодала *Барата Качибасдзе* появляется фамилия *Бараташвили*. Последние становятся крупными феодалами – владетелями Орбет – Самшвилде, присоединив «Саорбелиано» к «Сабараташвили» [429, 476; 366, 341]. Вслед за С. Н. Джанашия грузинский историк Д. В. Гвритишвили утверждает, что предки князей Бараташвили прибыли в Картли из Абхазии в X–XIII веках и они носили фамилию Качибадзе. Он же, ссылаясь на Вахушти, говорит, что «…Бараташвили владели Гачианскими Гардабанским эриставствами, к югу от Тбилиси вплоть до Лори-Пановари» [511, 77]. Автор также дает следующие исторические сведенья о грузинских фамилиях, восходящих к роду *Гечба – Качибадзе – Бараташвили*.

1. Госташабишвили. Представители этой фамилии произошли в первой половине XVI века от Госташаба Бараташвили, владение которого было расположено в Алгетском ущелье.

2. Германозишвили. Их родоначальником являлся Германоз Кавтарович Бараташвили. Его сатавадо сложилось также в первой половине XVI века на территории Алгетского ущелья.

3. Зурабишвили. Сатавадо Сазарбишвило сложилось в XVI веке в Дманисском ущелье. Основателем его был воевода Зураб Бараташвили.

4. Абашишвили. Генеология этой фамилии, по данным Ф. Жордания, начинается с XIV века.

5. Палаванхосрошвили. Данная фамилия выделялась из рода Бараташвили и упоминается с XVII века.

6. Кавтаришвили. Впервые упоминается в документах XVII века.

7. Иаралишвили. Также происходит от Бараташвили. В 1721 году за ними числились крепостные крестьяне в 19 сёлах.

8. Иотамишвили. Происходят от Иотама Бараташвили. Их феодальное владение образовалось в 1536 году, когда Иотам отделился от своего Орбела. На территории сатавадо находилось до 80 сёл.

9. Капланишвили. Феодальное владение этой фамилии возникло в 1536 году [511, 77; 512, 207–208].

Примеров абхазо-грузинских антропонимических связей довольно много. Свидетельством этому является предлагаемый ниже словарь абхазских (абазских) родовых и фамильных имен и связанных с ними грузинских фамилий.

4. Словарь абхазских (абазских) родовых и фамильных имён, преобразованных в формы грузинских фамилий

Абаза – экзоэтноним, иноязычная форма обозначения абхазо-абазинского этнического мира: у абазин *Абаза* также фамилия [425, 251, 254] что, похоже, из адыг. *Абаза* «абхазо-абазины» [204, 118]. Под этническим именем *Абаза – Абаза-с-дзе* в IX–X вв. в Восточной Грузии сформировался сильный абхазский феодальный род [507, 211–217; 76; 56] (смотри выше).

Абазасдзе – см. *Абаза*.

Абакели, Абакелия – см. *Аԥагьаа, Аԥагьиаа, Аԥакьиаа...*

Абат (шапсуг.), абхаз. **Абаҭаа** [74, 289], абаз. **Абыта** [425, 255] – дворянский род; от основы имени *Абат* – **Бат** – груз. *Батиа-швили // Патиа-швили,* от абаз. **Абыта** – груз. *Абути-дзе*.

Абаш (Абашь), ***Абашаа*** *(Абашьаа)* [74, 218, 240] – мегр. *Абашия,* груз. *Абаши-дзе, Абаши-швили* (см. *Гиач, Геч, Гиачба*).

Абашидзе, Абашия – см. *Абашь, Абашьаа*.

Абашишвили – см. *Абаш; Гиач, Геч, ...Гиачба// Гечба*.

Абдаа, Абдиа, Абыдба [74, 289] – груз. *Абдиа-швили*.

Абдаладзе – см. *Абдлаа.*

Абдиашвили – см**.** *Абдиа, Абдаа, Абыдба.*

Абдлаа [74, 246] – груз. *Абдала-дзе.*

Абесалашвили – см. *Абысал.*

Абрас (срав. *Абрас-кил*), **Барас** (абхаз.) [74, 289, 297] – груз. *Апрас-и-дзе.*

Абугу, Абыгу, Абук, Абук-ипа, Абугба, Абухба, Бугба (абхазо-абаз.) [74, 92, 221, 223, 225; 425, 256] – мегр. *Букиа,* груз. *Абука–швили.*

Абукашвили, Букия – см. *Абугу, Абыгу.*

Абуладзе – см. *Аубла, Аублаа.*

Абутидзе – см. *Абат, Абаҭаа, Абыта.*

Абхазава //Апхазава – грузинское именование абхазов, одна из самых распространенных фамилий в Грузии. Фиксируется впервые в грузинских источниках началаXVII века [76, 60]. Фамилия происходит от груз. *апхази,* мегр. *апхаза* «абхазы», от абхаз. *Апхазаа* → грузино-мегр. *Апхазава // Абхазаа.* Вместе с тем, фамильная основа *апхази* в Грузии известна также и в качестве княжеской фамилии *Абхази.* Происхождение последней выводится от одной из ветвей владетельных князей Абхазии *Чачба– Шервашидзе*, поселившихся в Кахетии вначале XVII в. От экзоэтнонима *апхази* происходят также и такие грузинские фамилии, как: *Абхаза-ури, Абхази-швили, Абха-дзе // Апха-дзе* (похоже, из *Апхаза-дзе)*, *Абхаи-дзе // Апхаи-дзе* [74, 269].

Абхадзе //Апхадзе – см. *Абхазава // Апхазава.*

Абхазаури – см. *Абхазава // Апхазава.*

Абхаидзе // Апхаидзе – см. *Абхазава // Апхазава.*

Абхази // Апхази – см. *Абхазава // Апхазава.*

Абхазишвили– см. *Абхазава // Апхазава.*

Абшиладзе – см. *Апсил, Апшил.*

Абысал (абаз.) [425, 255] – мегр.?, груз. *Абесала-швили.*

Агигаа (абхаз.) [74, 223], [74, 222] – мегр. *Гигава*, груз. *Гигашвили.*

Агсабадзе – см. *Агуса, Агусаба.*

Агуса, Агусаба→Агуасба (абхаз.) [74, 290] – груз. *Агсаба-дзе.*

Адеишвили, Атеишвили – см. *Аҭеи, Аҭеиаа, Аҭеиба.*

Аиба, Еиба – абазинская форма множ. ч. *Еибраа* – древнее абхазо–абазинское сообщество (в Абхазии – местность и святилище

Ебрныха, букв. «святилище Еибовых»), от абхазо-абаз. *Еибраа* – груз. *Ебра-ели→Ебрали-дзе.*

Аимхаа, Емхаа, форма множ. числа **Аимхәар** – абхазский княжеский род; от абхаз. *Аимхәар* – мегрело-грузинское *Емухвари.*

Ак, Акаа, Акаба [74, 226, 291] – распространенная абхазо – абазинская фамилия; – мегр. *Каба-иа* [366, 377], *Акобия* (?) [74, 260, 291], груз. *Акаба-дзе, Каба-дзе.*

Акабадзе – см. *Ак, Акаа, Акаба.*

Акаладзе – см**.** *Кал, Калаа, Кал-ипа, Акал-ипа.*

Акауба // Акоуба, Акауа, Кауа [425, 262] – абхазо-абазинская фамилия; от фамильной основы *Кауа* – мегр. *Кауа-иа* [74, 220] – груз. *Кава-дзе*; от абхаз.фамилии *Акоуба* – мегр. *Акоби-я*, груз. *Акоби-дзе.*

Акобидзе – см. *Акауба // Акоуба…*

Акобия – см**.** *Ак, Акаа, Акаба; Акоуба.*

Алавидзе – см. *Лау, Лоу, Алоу.*

Амаан // Маан – имя известного абхазского княжеско-дворянского рода; в мегр. *Марган-ия,* в груз. *Амане-ли, Аманели-сдзе* (XII в.) [199, 89], *Маргана-дзе, Маргани-дзе* (см. статью *Марышь*).

Аманели – см. *Амаан, Марышь.*

Аманелисдзе – *см.Амаан, Марышь.*

Ан, Ануа, Анруа (абхаз.) [74, 224, 293] – груз. *Ануа-швили.*

Ананаа – абхаз. родовое имя; в мегр. *Нанава,* в груз. *Ананейшвили* (срав. крепость *Анан-ура* в Арагвском ущелье в Грузии).

Ананеишвили – см. *Ананаа.*

Анда – абхазское родовое имя, во множ. ч. – ***Анда-р***, Андараа «Андаровы», от *Андар* – абхаз. *Андар-ба*, *Андарб-уа* «Андарбовы» [74, 260]; – мегр. *Андриба-ва*, груз. *Андриа-дзе.*

Андриадзе, Андрибава – см. *Анда, Андар, Андарбуа.*

Антадзе, Антия – см. *Антҭ, Антҭеиаа.*

Анҭ, Анҭеиаа, Анҭеиба (абхаз.) – (срав. с именем племени *Анты* в Северном Причерноморье); – мегр. *Антиа, Антелава* (?), груз. *Анта-дзе.*

Ануашвили – см. *Ан, Ануа.*

Анчабадзе, Анчапидзе, Анчпадзе – см. *Ач.*

Аԥагьаа, Аԥагьиаа, Аԥакьиаа, Аԥагьа-ипа – (абхаз. *Аԥагьа // ԥагьа* «гордый»); древний абхазский княжеско-дворянский род (в Абхазии вымерли) – мегр. *Апакиа,* груз. *Апаки-дзе;*

возможно также из абхаз. *Аԥагьа* – груз. *Абак-ели* – отсюда и мегр. – *Абакел-ия*.

Апакидзе, Апакиа – см. *Аԥагьаа, Аԥагьиаа, Аԥакьиаа*..

Апрасидзе – см. *Абрас*.

Апса, во мн.ч. – **апсаа, апсақәа, аԥсацәа, аԥсар** – древние формы самоназвания абхазов. Форма *Апса* бытует и в качестве фамилии у абазин [425, 264]. От абхаз. *Апсаа* – мегр. *Абсава // Аԥсава,* груз. *Аԥсан-дзе // Абсан-дзе*, где *«н»* – наращение (срав. Чачба – *Чанчиба-дзе, Ачба – Анчаба-дзе* и. т. д.). От эндоэтнонима *апсуа* – груз. *Апсуа-ипа*, букв. «сын абхаза», «Абхазов» [74, 269].

Апсандзе // Абсандзе – см. *Апса*.

Апсил, апшил– древниеиноязычные формы обозначения абхазов (см. выше), абхаз. *Апшилаа* (Аԥшьлаа) – мегр. *Апшилава* [74, 269, 293] (письменно зафиксировано около 1600 года [513, 123]; груз. *Абшила-дзе, Апшила-швили*.

Апсуа-ипа– см. *Апса*.

Апшилава– см. *Апсил*.

Апшиладзе – см. *Апсил*.

Апшилашвили, Апшилава– см. *Апсил, апшил*.

Ар [74, 293], **Ара** [204, 124], ***Арба, Араа*** (срав. *Ар-т, Ар-д* – основа абхазо-садзской княжеской фамилии *Арт-ба, Ард – ба, Аредба*). Похоже,от абхаз. *Арба* – груз. *Арбе-ли, Орбе-ли*, *Арби-дзе*; из груз.фамилии *Орбели – Орбел-иани*.

Арашидзе, Арешидзе – см. *Арш, Арыш, Аршба*.

Арбели– см. *Ар, Ара, Арба*; см. также – *Арт, Ард*.

Арбидзе– см. *Ар, Ара, Арба*, см. также – *Арт, Ард*.

Арда, Ардауа, адыг. **Ардава** [204, 124] (срав. садз. *Аред – Аредба, Арыд – Арыд-ба* [74, 142]; от абхаз. *Ардауа, Ардауаа* – груз. *Ардава-дзе*.

Ардавадзе– см. *Арда, Ардауаа*.

Арешисдзе – см. *Арш, Арыш, Аршба*.

Арихуа (Арихәа), Архуа [74, 244] (срав. гора *Архәа* – в Гуд. р-не.) [93, 287]); множ. ч. **Арыхуаа,** абхазо-абаз. **Рихуа, Рыхуа, Рыхва** [74, 320; 425, 362] – мегр. *Риха-я, Арухава,* груз. *Архва-дзе, Архуа-дзе;* от формы *Рыху* – груз. *Руха-дзе*.

Арт (Арҭ), Ард, Артба, Ардба [74, 208, 218, 294] – абхазо–садзский княжеский род; срав. груз. *Орбе-ли*, сван. *Орбе-л-иани* (возможно, из абхаз. *Артба*– груз. *Орт-бели→Орб-ели,* срав.

так же груз. *Артмела-дзе* из *Артбела-дзе*?); в абхазском- уже из груз. *Ортбели (Орбели) – Ардбел-аа,* мегр. *Ардебела-ва*.

Артбеладзе, Артмеладзес – см. *Арт, Ард*.

Арухадзе, Архуадзе – см. *Арихуа, Архуа*.

Архвадзе – см. *Арихуа, Архуа*.

Арчавадзе, Арчвадзе, Арчевадзе – см. *Арчаа, Арчы*.

Арчава, Арчая – см. *Арчаа, Арчы*.

Арчаа, Арчы, Арчуа (срав. *Орч-уа, Орчы-ку-ба)* –абхазский дворянский род; от абхаз. *Арчаа – мегр. Арча-я, от Арчуа, Арчва-я* – груз. *Арчва-дзе, Арчава-дзе, Арчева-дзе*.

Арш, Арыш, Аршба [74, 254, 294] – древний абхазо-садзский род; – мегр. *Аршба-я,* груз. *Арешис-дзе* – зафиксировано еще в X в. как *Арш-ис-дзе* [497, 35], *Аришис-дзе, Ареши-дзе, Араши-дзе,* в сван. *Арыш-иани* – знатный род; согласно письменному источнику, два брата *Хахуа и Иване Аршисдзе*, владевшие в Кахетии крепостями *Лоцобанта* (влад. Иване) и *Марана* (влад. Хахуа) за неповиновение царю Георгию были захвачены и наказаны. *Хахуа Аршисдзе* царь отправил в Джигетию [497, 35], т. е. на родину, в Северо-Западную Абхазию.

Аршисдзе – см. *Арш, Арыш, Аршба*.

Арышиани – см. *Арш, Арыш, Аршба*.

Асаба, Асабуа, Саба, Сабуа (абхаз.) [74, 248, 321], адыг. **Сабаи** [204, 287] – мегр. *Сабуа*; от абхаз. *Асабуа* – груз. *Асабуа-швили,* от формы *Асаба – Асаба-швили*.

Асабуашвили, Асабашвили – см. *Асаба, Асабуа, Сабуа*.

Асанбадзе – см. *Сан // Цан,…Ацанба*.

Асанидзе – см.*Сан // Цан, Цанаа, Ацан…*

Асыкутар, Асыкутараа – см. *Цкит, Цкуит, … Сыкутар*.

Атеи (Аҭеи), Аҭеиаа, Аҭеи-ба «Атеевы» (абхаз.) [74, 219, 246, 251] – мегр. *Антиа* (?), груз. *Атеи-швили, Адеи-швили*.

Аха, Ахаа, Ахба, Ах(а)ба (абхаз.) [74, 295] – мегр. *Ахбая* [74, 260], груз. *Ахаба-дзе*.

Аубла, Аублаа – первейший княжеский род в садзской Абхазии. От абхазского *Аублаа* – мегр. *Убилава*, груз. *Абула-дзе*.

Ахабадзе, Ахбая – см. *Аха, Ахаа, Ахба*.

Ахавадзе – см. *Хау, Хоу, Ахоуаа*.

Ахобадзе, Ахобая – см. *Ахуаа, Ахуба*.

Ахоуаа, Хуаа (**Хәаа**)**-** (абхаз.) [425, 268; 74, 326] – груз. *Ахуашвили*.

Ахуаа (Аҳәаа), Ахуба (Аҳәба) [74, 295] – мегр. *Ахоба-я*, груз. *Ахоба-дзе* [74, 269].

Ахуашвили – см. *Ахоуа, Хуаа*.

Ач – имя древнейшего абхазского княжеского рода. В исторической Северо-Западной Абхазии этому же имени соответствовала форма *Аш* [35, 10]. Существует мнение о том, что родовое имя *Ач* со временем приобрело и значение «князь», отсюда фамилия *Чач (Чач – ба)* – из *Ачиач* «князь князей» или «над князем князь» [19, 195]. Имеется также предположение о происхождении династии абхазских царей Леонидов из рода *Ач, Ачба*, [18, 208; 365, 547]. В множ. ч. *Ач – Ачаа*, *Аш – Ашаа*, именные формы *–Ачба «Ачов», Ашба «Ашов»*. Фамилия абхазских князей *Ачба* зафиксировано в Восточной Грузии в названии района *Ачаб-ети,* а в грузинских письменных источниках абхаз. *Ачба* фигурирует как *Анчпа-дзе, Анчапи-дзе, Анчаба-дзе* [429, 478; 199, 137; 366, 320, 341] – мегр. *Анчба-я, Анчбе-иа* [366, 393]. В грузинских и мегрельских формах *«н»,* похоже, наращение, срав. абхаз. *Ачба* – в мегр. *А(н)чба,* в груз. *А(н)чпа-дзе, А(н)чаба-дзе;* абхаз. *Чачба* – в груз. *Ча(н)чиба- дзе* (об этом см. выше). Считается, что из князей Ачба происходит известный княжеский род *Лау, Лоу* [74, 148] – (см. ст. *Лау*), а так же и род Мачабели [19, 156].

Ачба – см. *Ач*.

Ачуа [74, 219, 296; 424, 269], **Чуа, Чыуа, Чуаз** – абхазо-садзский дворянский род [74, 331] – мегр. *Чаава* (?), груз. *Ачуа-дзе*.

Ачуадзе – см. *Ачуа, Чуа*.

Баалоу [74, 231, 297] – абхазо-абазинский дворянский род: мегр. *Балоу* [366, 398], груз. *Балава-дзе, Балова-дзе*.

Бабал [74, 222], **Бабил** (абхаз.) [495, 248], садз. **Бабалия, Баблиа, Баблуа;** исходная форма основы – *Бабил* (срав. *Цабал – Цибил*) – абхазский дворянский род [366, 411], от множ. числа *Бабилаа* – мегр. *Бабила-ва*, груз. *Бабила-швили;* от формы *Бабилуа* – сван. *Баблуа-ни;* от садз. *Баблиа* – груз. *Бабли-дзе;* от формы *Бабал – Бабали-швили*.

Бабилашвили – см. Бабал.

Бабана [74, 225] – груз. *Бабанишвили*.

Бабанишвили – *см. Бабана*.

Бабилава– см. *Бабал, Бабил*.

Бабилашвили – см. *Бабал, Бабил*.

Баблидзе – см. *Бабал, Бабил*.

Баблуани – см. *Бабал, Бабил*.

Бабоко, Бабыгу, Бабыку (Бабыḱу) – (абхаз.) [425,271] – мегр. *Букия, Бабук-иа*, груз. *Бабука-швили*.

Бабоу (абхаз. личное имя) [74, 94] – фамилия **Бабыуа, Бабыуаа**; мегр. форма – *Бобуа*, груз. *Бобуа-дзе*.

Бабукашвили – см. *Бабоко, Бабыгу*.

Бабуташвили – см. *Бабыт*.

Бабутидзе – см. *Бабыт*.

Бабуцидзе – *см. Бабыца*.

Бабыт (абаз.) [425, 271] – груз. *Бабути-дзе, Бабута-швили*.

Бабыца (абаз, адыг.) [204, 127] – груз. *Бабуци-дзе*.

Баг, Ԛаг, Баг-ба, Бах (Баԛ), Бах-ба (Баԛ-ба), Багаа, Баграа «Баговы // Паговы» – абхазо-абазинский княжеско-дворянский род [74, 165, 244, 247; 425, 272; см. Главу VIII, §5], адыг. *Бага, Бахо* [204, 127, 130] – мегр. *Ԛагава, Багба–я, Бахба–я (Баԛбаиа*), *Бахба–ва* [76, 40, 41], груз. *Баги-швили*.

Багбая, Бахбая, Бахбава – см. *Баг, Багба*.

Багваш // Багаш – абхазо-абазинский княжеский род. Связывают его с княжеским родом *Баг* (*Багаа, Баграа – Багба*) [425, 272, 273; 37, 89; 501, 30]. Согласно древнегрузинским письменным источникам *Багваши* – крупные феодалы и политические деятели Абхазского царства IX–X вв. Как уже отмечено, в IX веке один из Багвашей – *Липарит* пробил проход в отроге Триалетского хребта и соединил свое владение кратким путем с Картли, он же над пробитой скалой построил крепость. Данная крепость и проход получили у грузин название *Клде-Кари* «Дверь в скале» – отсюда грузинское название владения Липарита – *Клде-Карское эриставство* [497, 72; 19, 124]. В этой связи представляет значительный интерес этимология *Багваш* (срав. с. *Пакваш* в Абхазии) из абхаз. *Баагваш (Баагәашә),* букв. *«Крепостные ворота»* или *«Ворота крепости»,* где *ба (баа)* «крепость» и *гуаш (гәашә)* «ворота» (возможно также –*«Ворота Багов»,* см. выше). От абхазского *Баагваш (Баагәашә)* полное имя Липарита – *Липарит Баагваш* «Липарит-крепостные ворота». От имени же сына *Липарита Баагваша – Липарит* образована груз. фамилия *Липарити-с-дзе* [497, 48], а от имени сына этого Липарита – *Рати Багваши* – абхазо-мегр. *Ратиа*, груз. *Рати-швили*.

Багишвили – см. *Баг, Багба.*

Багу, Багуа, Багуаа, Бугба, **Быгу** (абхазо-абаз.) [74, 191, 297] – груз. *Багу-швили, Бугу-швили.*

Багушвили, Бугушвили – см. *Багу, Багуа, Быгу.*

Баж (Бажә), Бажаа (Бажәаа) [425, 274], **Бажа** (абхазо-абаз.) [204, 127] – груз. *Бажа-дзе, Божа-дзе.*

Баз, База, (Бадза, Баʒа) [425, 274] – груз. *База-дзе.*

Базадзе– см**.** *Баз, База.*

Бала [425, 275], **Балуа, Блуаа** – абхазо-абазинский дворянский род; адыг. *Балук (Балоко, Балыкә)* – мегр. *Бала* [74, 262]; от формы мн. ч. *Блуаа* – груз. *Блуа-швили*, от абхазо-адыгского *Балыку* (Балыкә) – груз. *Балуква-дзе.*

Балавадзе // Баловадзе – см. *Баалоу.*

Балуквадзе // Болуквадзе – см. *Бала.*

Барака (Бараҟа), Баракаи (Бараҟаи) – абазинское сообщество [425, 277, 278] – груз. *Барака-дзе.*

Баракадзе – см. *Барака, Баракаи.*

Бараташвили – см. *Гиач, Геч…Гиачба // Гечба…Киач.*

Бардзанидзе, Бардзания – см. *Бардзы, Бардзаа.*

Бардзы (Барʒы), Бардзаа, Бырдзы, Абар-дзуаа [74, 219, 224, 299], **Бардз-ба, Бырдз-ба** [74, 225], **Бардзан** (абхазо-садз.) – мегр. *Бардзан-ия,* груз. *Бардзани–дзе*, см. выше *Марышь.*

Басил (срав. *апсили,* область *Басил-ети* в Грузии), **Басилба, Басилба-й, Башилба-и** – одно из абазских сообществ [42, 10]– мегр. *Басил-ая*, груз. *Басила-швили.*

Басилашвили – см. *Басил, Басилба.*

Батиашвили – см. *Абат, Абатаа, Абыта.*

Бер [204, 133] *(Бер*, срав. *Бер-дз); Бер* – абхазский полководец X века [74, 53], форма множ. ч.– Бераа; – мегр. *Берая, Бери-я,* груз. *Бера – дзе, Бери – дзе.*

Берадзе, **Беридзе** – см. *Бер.*

Берая, **Берия** – см. *Бер.*

Бирджь [167, 21], **Бырдж** (Быржь), ***Бырч;*** от ***Бырч – Бырч-ыл, Бырч-ил*****,** (срав. от *Апса – Апс-ил, Шаш – Шаш-ил* и т.д.) – абхазо-садзский дворянский род [498, 21; 94, 137]; от абхаз. *Бырчыл* – груз. *Бурчула-дзе.*

Блуашвили – см. *Бала.*

Бобуадзе, **Бобуа** – см. *Бабоу.*

Буаа [74, 254, 299], садз. форма множ. ч. **Буадз** (*Буаз*) – мегр. *Буава*, груз. *Буа-дзе*; от садз. *Буадз* – груз. *Буачи-дзе*.

Буава – см. *Буаа*.

Буадзе – см. *Буаа*.

Буачидзе – см. *Буаа*.

Бугушвили – см. *Багу, Багуа, Быгу*.

Бурчуладзе – см. *Бирджь, Бырдж, Бырч, Бырчыл*.

Вардан, абхаз. ***Ԛардан***, **Уардан, Аԛардан, Ԛарданаа** «Варданиевы», **Ԛарданжәлар** «Сообщество Варданов» – один из древних абхазо–убыхских дворянско-княжеских родов. В Мегрелии представители данного рода именуются – *Вардан-иа*, в грузинских источниках фиксируются как *Вардани-с-дзе* (XII в.), *Вардани-дзе, Вардани-швили*. Варданы считаются ответвлением отабхазского княжеского рода Маршьан [506, 108, 109; 74, 153 – 154] (о роде *Вардан* более подробносм. выше статью *Марышь)*.

Вардан – см. *Вардан, Марышь*.

Варданисдзе – см. *Вардан, Мырышь*.

Варданишвили – см. *Вардан, Марышь*.

Вахвахишвили – см. *Вахох, Уахох*.

Вахох, Уахох – абхазский дворянский род [74, 168, 222] (срав. также абхаз.фам. *Хохаа, Хохба*). От абхаз. *Уахох // Вахох* – груз. княж. род – *Вахвахи-швили*.

Габа, абаз. **Габраа, Габри-ипа** [74, 300] – мегр. *Габрава,* груз. *Габа-дзе*.

Габадзе, Габрава – см. *Габа, Габраа*.

Гаг [496, 65, 74], **Гаги** [425, 281; 39, 149], **Гагиаа, Гагуа** «Гагиевы»; от абхазо-абазинскогородового имени *Гаги→Гагита→*совр. *Гагида* – название реки и села в Галском районе [94, 140]; от абхаз. *Гаг* –абхазо-мегр. *Гагуа* [74, 267], от формы *Гаги* – груз. *Гагила-дзе* (возможно, из *Гагил*; срав. *апс-ил*, *Шаш-ил, Анч-ил* и т.д.).

Гагиладзе – см. *Гаг, Гаги…*

Гагошидзе, Гогошидзе – см. *Гогуш, Гуагуш*.

Гагуа – см**.** *Гаг, Гаги*.

Гардапхадзе – знатная грузинская фамилия, производна от абхазской основы – *Гарда-пха,* где абхаз.окончание *пха* «дочь» [12, 42, 43; 74, 281, 282]; основа же *Гарда*, по-видимому, – древне-

абхазское родовое имя, сохраняющееся в названиях населенных пунктов Абхазии: *Гварда (Гуарда,) Гварда ахабла, Гварда авица* [93, 137, 140, 151].

Гванадзе – см. *Гуана*.

Гергадзе – см. *Гергя, Гьаргаа*.

Германозишвили– см. *Гиач, Геч … Гиачба // Гечба…*

Гецадзе – см. *Гыц, Гыцаа*.

Гиач, Геч, Гечаа, Гиачба // Гечба – фонетические варианты: абхазо-абаз. **Қьач, Қиач**, **Киач** (в Абхазии – храм *Киач–ныха* «Святыня Киачев»), **Киачуа, Қиачаа, Качибая, Кечба** [74, 310] – древний княжеский род садзских владетелей. На основании различных источников акад. С.Н. Джанашия устанавливает происхождение от абхазо-абаз. *Качиба*– груз. *Каджипа-с-дзе, Качиба-с-дзе,* мегр. *Качиба-я* (известно также в мегр. *Кеч-уа,* а в груз. *Киач-ели* – фамилия и псевдоним). Переход представителей рода *Качиба* в Картлию С. Н. Джанашия относит к периоду абхазской колонизации Восточной Грузии. В начале XV в. от них же, в частности от *Барата Качиба* или *Качиба-дзе,* появляется в Картли фамилия крупных феодалов – *Бараташвили* [429, 476, 480–481]. К роду последних, как отмечает Д.В. Гвритишвили, относятся носители фамилий: *Госташабишвили, Германозишвили, Зурабишвили, Абашишвили, Палаванхосрошвили, Кавтаришвили, Иаралишвили, Иотамишвили, Капланишвили* (см. выше).

Гигаа (Гьигаа), Агигаа (Агьигаа) (абхаз.) [74, 22, 223] – мегр. *Гигава*, груз. *Гига-швили, Гига-ури*.

Гигаури – см. *Гигаа*.

Гигашвили, Гигава – см. *Гигаа, Агигаа*.

Гогуадзе, Гогушвили – см. *Гуагу, Гуагуа*.

Гогуш, Гуагуш (Гәагәышь) –абаз. [425, 283], адыг. **Гогуш** [204, 139] –груз. *Гагоши-дзе, Гогоши-дзе*.

Гонглибасдзе – из абхаз. *Гонглиба // Гонглипа* [19,156].

Госташабишвили – см. *Гиач, Геч …Гачба // Гечба*.

Готуадзе – см. *Кота, Котуа // Кодуа*.

Гочава – см. *Гуч, Гуча…*

Гуагу (абаз.), абхаз. **Гуагуа, Гуагуа** (*Гәогәуа*) – мегр. *Гогуа,* груз. *Гогу-швили, Гогуа-дзе*.

Гуана «Гонов» – абаз. [425, 283] (срав. абхаз. *Гунаа, Гунба*) – мегр. *Гона-ва (?*), груз. *Гвана-дзе*.

Губаа – абхазское родовое имя, закрепленное в абхазском названииКрасной поляны – *Губаадвы,* букв. «Губааское поле» или «Поле (равнина) Губааовых». От родового имени *Губаа* производны фамильные формы *Губаз, Губза,* восходящие к садзской форме множ. числа *Губдзы,* а в абхазском – *Губаз* (срав. с родовым именем лазских царей *ГубазI, ГубазII).* От абхазо-абазинскогородового имени *Губаа* образована грузинская фамильная форма *Губа-дзе* [12, 57; 513, 122; 514, 54, 55].

Губадзе – см. *Губаа.*

Губла (срав. *Ԛәыбла*, *Аубла*) // **Хубла, Хублаа** (срав. *Ԛәыблаа*, совр. *Гублиаа).* От абхаз. *Хублаа* (Ԛәыблаа) – мегр. *Хубула-ва,* груз. *Хубула-дзе*, возможно и *Кубла-швили*.

Гуда, Гуыда, Гудаа (возможно, из *Гудза, Гудзаа*) «Гудовы» – абхазо-абазинское дворянское родовое имя, оно же название села в Галском районе Абхазии [94, 153] – мегр. *Гудава,* груз. *Гудава-дзе, Гуда-дзе*.

Гудавадзе, Гудадзе, Гудава – см. *Гуда, Гудаа.*

Гули (адыг.) [204, 142] – абхаз. ***Гулиа*** (*Гәлиа*) [74, 302], мегр. *Гулиа*, груз. *Гулиа-швили*.

Гулиашвили – см. *Гули, Гулиа.*

Гум [425, 284], **Гумаа** (**Агумаа**), **Гумба**, абаз. **Гумбараа** «Гумбовы»; от абхаз. *Агумаа* – мегр. *Агумава,* [74, 262], от формы *Гумба* – груз. *Гумба-дзе,* от. абаз. *Гумбараа – Гумбари-дзе*.

Гумбадзе – см. *Гум, Гумаа, Гумба.*

Гумбаридзе – см. *Гум, Гумаа, Гумба,Гумбараа.*

Гуч [74, 98], **Гуча, Гуача** [204, 142, 143], **Гуачуа Гочуа** // **Гучуа** [74, 301]– форма множ. ч . – **Гуачаа;** от абхаз. *Гуачаа* – мегр. *Гочава*, а также –*Гочуа // Гучуа;* от абхаз. *Гучуа* – груз. *Гучуа-швили.*

Гучуашвили – см. *Гуч, Гуча, Гуача //Гочуа.*

Гыц, Гыцаа, Гыцба [74, 301] – мегр. *Гыцба-я* [74, 266], груз. *Геца-дзе* (?).

Гяргя (Гьаргьа) [425, 288], **Гьаргаа (Гьаргьаа)** – мегр. *Герги-я, Герга-ва*, груз. *Герга-дзе, Герги-дзе*.

Дад, Дада, Дад–ипа – абхазо-адыгское личное и абхазское родовое имя [74, 99, 225; 204, 143], исторический абхазский княжеский род (срав. *Дадашь* [74, 27]), сохраняется в названии большого села в Гудаутском районе *Дадрыпш // Дыдрыԥшь*, букв. «Край Дадовых (Дыдовых)» – отсюда название известного святилища села – *Да-*

дрыпш ныха // Дыдрыпш-ныха – «Дадрыпшская (Дыдрыпшская) святыня». Вместе с тем, у абхазов *дад* является почтительным словом. Этим словом или его формой множ. числа – *дадраа* абхазы обращаются к старейшинам на народных собраниях [74, 197], а именем *дадаҳ* в прошлом выделялся глава семьи. Похоже, что от абхаз. *дад* происходит титульное имя абхазских владетелей Мегрелии – *Дадиан* (усечённо *Адиан*), мегр. *Дадиани* (об этом см. выше). О том, что *Дадиани* не фамилия, а титул, отмечено рядом исследователей (Вахушти Багратиони, М. Броссе, З. Анчабадзе [19, 195] и др.). Свидетельством этого являются часто встречающиеся у Вахушти такие выражения, как: «Дадианом сел брат его Мамия» [4, 237]; «учинить его же дадианом» [4, 238]; «Посадил дадианом Липарита» [4, 238] и т. д. Вахушти считал, что титул *дадиани* происходит от названия местности и крепости *Дад* в верховье р. *Дад* (отсюда *Дад*-иани», букв. «Дадский» – *В. К.*). Крепость Дад, по мнению М. Броссе, локализовалась на территории современного Галского р-на в Абхазии. Далее М. Броссе пишет: «Я всегда разделял мнение, что титул князей *Дадиани* связан именно с этим *Дад*» [74, 197]. Таким образом, если видеть в именной форме *Дадиани* абхазское родовое и топонимное имя *Дад* и сванское окончание – *иани,* то, как уже сказано, *Дадиани* будет означать «Дадский» или «родом из Дадов». Вместе с тем, возможно, *Дадиан* из *Дади-хан,* где *хан* – тюрк. «правитель», «владетель» (см. статью *Марышь*). По-видимому, это подтверждается уже упомянутым титулом Левана Дадиани (первая половина XVII в.), звучавшим на языке *Дадианов – «Дадиан Хантипа Леонт»* [61, 243], что есть абхаз. «*Дадиан Ханду-ипа Леонт»*, букв. «*Дадиан сын великого хана Леонт)*». К тому же, как уже сказано, Дадиани считают себе выходцами из корня абхазских князей Маршан [506, 108–109; 74, 153–154].

Дадашь, **Дадышь** – абхазо-адыгское личное и родовое имя [74, 27; 204, 143, 74, 98] (срав. *Таташь* – абхазское престижное мужское имя). От именной основы *Дадышь,* по-видимому, производна сванская княжеская фамилия – *Дадишкел-иани*, что, возможно, из *Дадышь-кул-иани*, где *Дадышь* – родовое имя, *кел // кил* – из арабо-тюркского *кул, кули* «Божий раб» – добавление к именам святых, срав. *Маршьан – Маршьанкул*, *Меремкул*, и. т. д. [204, 224].

Дадиан, Дадиани– см. *Дад, Дада…; Марышь.*

Дадишкелиани – см. *Дадашь, Дадышь.*

Дараха (адыг.) [204, 122], абхазо – абаз. **Дарахуа, Дарахуаа** – груз. *Дарахв-ели, Дарахвели-дзе.*

Дарахвели, Дарахвелидзе – см. *Дараха, Дарахуа, Дарахуаа.*

Дгебадзе – см. *Дгеиба.*

Дгебуадзе – см. *Дгеиба.*

Дгеиба – абхазская фамилия, по-видимому, бытовавшая и как *Дгеибуа*, ныне у абхазов и мегрелов сохраняется в форме *Дгебиа,* вгруз. *Дгеба-дзе*, а от *Дгеибуа – Дгебуа-дзе.*

Делы, Делаа, Делба [74, 304], адыг. **Дол** [204, 145] – мегр. *Долба-я,* от абхаз. *Делба, Долба–* мегр. *Долба-я,* груз. *Долба-дзе* [74, 260], от основы *Дол–* груз. *Доли-дзе.*

Джаа, Џьаа – абхазское родовое имя и село **Џьаа (Джаа)** в Цебельде [93, 350; 94, 284, 285]. От именной основы *Джаа* преизводны фамилии: *Джа-ба* (*Џьаба*) – отсюда *Джаб-уа, Джап-уа*, *Джаба-аа.* От той же основы *Джаа,* по-видимому, образованы абхазо-адыгское *Джахуа* и сван. *Джа-ианы;* от абхаз. *Джабуа (Џьабуа)* – мегр. *Джабуа*; от формы множ. ч. *Джабаа* – мегр. *Джабава;* от абхаз. *Джаба* – груз. *Джаб-ели;* от абхаз-адыг. *Джахуа* – мегр. *Джаха-я,* груз. *Джа-ха-дзе, Джоха-дзе*

Джабели, Джабуа, Джабава – см. *Джаа.*

Джамит (Џьамыт), Чамыт, Чамит, Чымыт, абхаз. форма множ. числа **Джьамытаа (Џьамытаа) // Чамытаа** – абхазо-адыгское родовое имя, срав. р. *Чимит,* село *Чемитоквадж* [96, 236, 239] (на адыг. «село Чемитовых») в исторической Западной Абхазии; от абхаз. *Джьамытаа (Џьамытаа)–* мегр. фамилия *Джомида-ва* и от формы *Чымыт // Джымыт (Џьымыт) – Джумут-ия.*

Джахадзе, Джахая, Джахуа – см. *Джаа.*

Джибил (абхаз.-адыг.) [204, 148], срав. древнее *Дзибил, Цибил*, совр. село *Цабал* в Абхазии – груз. *Джибла-дзе.*

Джибладзе – см. *Джибил.*

Джынджал (Џьынџьал), Джынджалаа (Џьынџьалаа) «Джинджаловы» – (абхаз.) [74, 335]; мегр. – *Джинджол-ия, Джинджилава, Джинджола-ва,* груз. *Джинджала-дзе.*

Джинджаладзе, Джинджолава – см. *Джынджал.*

Джинджарадзе – см. *Джынджи.*

Джинджи (Џьынџьы), Джындж-уа (Џьынџьуа), Джынджба (Џьынџьба) – (абхаз.); **Джинджараа** «Джинджовы» – абаз. [74,

243, 255, 335]; мегр. – *Джинджи-я,* от абхаз. *Джинджба* – груз. *Дзиндзи-ба-дзе*, от абаз. *Джинджараа – Джинджара-дзе*. Сюда же фамилии *Джинджиха-дзе, Джинджиха-швили,* где в основе *Джинджиха*– древняя абхазская форма женской фамилии с окончанием на *ха* (из *пха*) «дочь» (см. выше).

Джомидава – см. *Джомит…*

Джумутия – см. *Джамит…, Чамыт.*

Дзиндзибадзе – см. *Джынджы.*

Дзадз (Заʒ), Дзадза (Заʒа), Дзадз-уа (Заʒуа), Дзадз-ба (Заʒба) [74, 252, 307], множ. ч. – **Дзадзаа,** абаз. **Дзадзыра (Заʒыра)** [425, 304]; мегр. – *Дзадз-уа (Заʒуа),* груз. *Дзадзуа-швили, Дзодзуа-швили*.

Дзадзуашвили, Дзодзуашвили – см. *Дзадз…*

Дзапш (Заԥшь), Дзапшаа, Дзапш-ба (Заԥшьаа, Заԥшьба) – мегр. *Запи-скуа*, груз. *Зепи-швили* [74, 263].

Дзари (Зари), Дздзари (Зʒари), абхазо-адыг. **Дзе-р** [175, 209], абхаз. **Дзари-а(Зари-а) // Дзидзариа (Зиʒариа)** [74, 252] – мегр. *Дзидзариа,* от формы *Дзари – груз. Дзари–дзе.*

Дзаридзе – см. *Дзари.*

Дзыга (Зыга), Дзыгуа (Зыгуа) [425, 305], в адыг. **Дзаго** [204, 149] – мегр. *Дзигуа,* груз. *Заго–швили.*

Дидибадзе – см. *Дыд, Дыдба.*

Дидебашвили – см. *Дыд, Дадба.*

Долбадзе – см. *Делы, Делаа, Делба.*

Долидзе – см. *Делы, Делаа, Делба.*

Думаа, Дум-ба [74, 304] – мегр. *Дума-ва,* груз. *Думба-дзе* [74, 269, 304].

Думбадзе – см. *Думаа, Думба.*

Дыд– древнее абхазское личное и родовое имя [74, 37] (срав. **Дыдын** – букв. «Громовой», «Громов» [74, 28]), **Дыд-ба, Дыд-ипа** (срав. **Дад-ипа** [74, 225]) – мегр. *Дидия*, груз. *Дидиба-дзе, Дидеба-дзе, Дидеба-швили.*

Ебралидзе – см. *Айба, Ейба.*

Еджы (Еҷьы) – абхаз. личное имя, отсюда фамилия *Еджи-ипа (Еджиба),* сохраняется у турецких абхазов; в Мегрелии – *Эджиба-я, Эджибия,* груз. *Эджиба-дзе.*

Еджибадзе // Эджибадзе – см. *Еджы.*

Еджибая // Эджибия – см. *Еджы.*

Емухвари– см. *Аимхаа, Емхаа.*

Енык, Еник, Еныкьаа [74, 305], адыг. **Енукой** [204, 152] – груз. *Енуки-дзе.*

Енукидзе – см. *Енык, Еник.*

Еш (Эш), Ешаа // Иашаа, Ешба // Иашба – абхазский дворянский род; мегр. – *Ешиба-я*, груз. *Иаш-вили (*из *Иаш-швили), Яшвили (из Яш-швили).*

Жваны (Жәаны), Жванба (Ажәанба), Жванаа (Жәанаа) – абхазский дворянский род; мегр. – *Званба-я,* груз. Жвани-дзе, а также груз. *Гугу-швили* – от *Гугу Званбая* [76, 39, 41].

Загошвили – см. *Дзыга.*

Занта – абхаз. личное имя, срав. **Зата** [74, 100], **Жьанта** [509, 69] –осет. *Занта–та* «Зантовы». Фамильная основа **Занта** идентична с названием абхазского села *Азанта* в районе Цебельды. Абхазская форма множ. ч. имени *Занта – Зантар*, абаз. *Зантараа* (или *Зантар*), срав. адыг. фам. *Джандар* [204, 149], абаз. *Джандар* [425, 298, 299]. От абхаз. *Зантар* – мегр. *Зантар-ия*, от формы *Зантараа – Зантара-иа*, груз. *Зантара-дзе.*

Зантарадзе, Зантарая, Зантария – см. *Занта.*

Зепишвили, Зепискуа – см. *Дзапш.*

Зоу, Зауа [74, 101, 226], **Зоуаа** – груз. *Зоуи-дзе.*

Зоуидзе – см. *Зоу, Зауа.*

Зурабишвили– см. *Гиач, Геч,… Гиачба // Гечба…*

Иаралишвили– см. *Гиач, Геч,… Гиачба // Гечба…*

Иашвили, Яшвили – см. *Еш, Ешаа // Иашаа.*

Инал-ипа– абхазский княжеский род – мегр. *Инали-скуа,* груз. *Инали-швили* [366, 390].

Иналискуа – см. *Инал-ипа.*

Иналишвили – см. *Инал-ипа.*

Иотамишвили – см. *Гиач, Геч,… Гиачба // Гечба…*

Кабадзе – см. *Ак, Акаа, Акаба.*

Кабаиа – см. *Ак, Акаа, Акаба.*

Кабахь, Куапахь, Куапахьа, Кәапахьы-наа (абхаз.) [74, 220], адыг. **Кабах** [204, 166] – совр. абхазо-мегр. *Каба-хьиа, Кобахьия*, груз. *Кобахьи-дзе.*

Кабуладзе – см. *Куапал, Купалба.*

Куабулел – см. *Куапыл, Купал, Купалба.*

Кавадзе – см. *Акауба, Акоуба, Кауа…*

Кавтаришвили – см. *Гиач, Геч … Гиачба// Гечба…*

Каджипаисдзе– см. *Гиач, Геч … Гиачба // Гечба…*

Казан, Казанба, Казандба [74, 308] – от абхазской фамильной основы *Казан* – груз. *Казана-дзе.*

Казанадзе – см. *Казан, Казанба.*

Кака, Какаа, Какаба // Какуабаа // Какоба; от абхаз. *Какаа* – мегр. *Какава,* груз. *Кака-швили;* от *Какаба (Какоба)* – груз. *Какаба-дзе*.

Какабадзе – см. *Кака, Какаа, Какаба.*

Какашвили, Какава – см. *Кака, Какаа.*

Каку, Какуаа, Какуба, Какубаа [74, 102, 260, 308]; от абхаз. *Какуба* -мегр. *Какуба-я,* от *Какубаа – Какуба-ва* [366, 392, 306], груз. *Какуб-ери*.

Какубери, Какубава – см. *Каку, Какуаа, Какуба.*

Кал, Калаа, Кал-ипа [74, 226], **Акал-ипа** (абхаз.), садз. **Кал-дзы *(Калӡы),* Кал-цаа** – отсюда абхаз. форма **Акал-цба** [74, 218, 219]**;** от основы *Кал* и вариант **Кал-гба** (**Кал-ҕь-ба**) «Каловы» – груз. *Кала-дзе* [74, 244], *Акала-дзе.*

Каладзе – см. *Кал, Калаа, Кал-ипа.*

Камыш [1, 49–51], **Камышьаа, Хамыш** (**Хамышь**) –абхаз., **Кмыш, Хамыш** (абаз.) [425, 317, 318] – абхазо-абазинское общество, а также абхазо-садзский княжеский род [74, 161; 73, 156]; мегр. –*Камуш-иа,* груз. *Камуша-дзе, Комуша-дзе.*

Камушадзе, Комушадзе – см. *Камыш, Хамыш.*

Канчаели – см. *Кач, Кача.*

Кап, Капа (Қап, Қапа), Капаа,Кабба [74, 226], **Капба (Қапба**) – фамильные варианты, широко распространенные у абхазов и абазин (абхаз.) [74, 219, 223, 226; 425, 308], мегр. – *Капба-иа*, груз. *Капа-дзе.*

Кападзе – см. *Кап, Капа…*

Капланишвили– см. *Гиач, Геч, …Гиачба // Гечба…*

Капш (Қапшь), Капшьаа, Капшба– абхаз. дворянский род; – мегр. *Капш* [366, 396], груз. *Капша-дзе.*

Капшадзе – см. *Капш.*

Кар, Караа, Карба [74, 308] – мегр. *Кара-я,* груз. *Кара-швили.*

Карашвили, Карая – см. *Кар, Караа, Карба.*

Кац, Кацы (срав. с. **Катцы-рхәа**, букв «Плато (село) *Кацов»*), **Кацба** (абхаз.) [74, 308]; мегр. – *Кац-иа, Кациба-я*, груз. *Каца-дзе.*

Кацадзе – см. *Кац, Кацы, Кацба.*

Кацв (Қацә), Кацваа (Қацәа-аа), Кацвба (Қацәба)– (абхаз.) [74,312]; мегр. – *Кациба-я* [76, 47], от абхаз. *Кацвуба – груз. Кацоба-швили.*

Кацобашвили – см. *Кацв, Кацваа, Кацвба.*

Кач, Кача, (Қач, Қача, Каҷа – абхаз. личное имя) [74, 105] – отсюда фам. **Качба**, **Качабаа (Каҷабаа)** «Качбовы» [74, 308]; от абхаз. *Каҷабаа* -мегр. *Качаба-ва*, от родового имени *Кача* – груз. *Качеи-швили*, возможно и *Канча-ели,* где «*н*» может быть наращением (см. Статью *Ач.);* имя дворянского рода *Канчаели* или *Кача-ели* зафиксировано в письменном источнике XI века.

Качабава – см. *Кач, Кача, Качба.*

Качаели (Канчаели) – см. *Кач, Кача.*

Качеишвили– см. *Кач, Кача, Качба.*

Качибадзе – см. *Гиач, Геч… Киач, Гиачба.*

Качибасдзе – см. *Гиачба, Геч,…Киач…*

Качибая – см. *Гиач, Геч,…Гиачба//Гечба…*

Каш, Кашуа, Кашба, Кашуба, [телеф. справ. 1990 г.], (срав. *Кашәба* [74, 309]). **Акашба // Акшба** – некогда многочисленный абхазский род; мегр. *–Кашиба-я (Кавишбая*? [74, 260]), от абхаз.фамильной основы *Кашуа* – груз. *Кашуа-швили*, *от Кашба– Кашаба-дзе, Кашиба-дзе; от Кашуба–Кашуба-дзе.*

Кашабадзе – см. *Каш, Кашуа, Кашба…*

Кашибадзе – см. *Каш, Кашуа, Кашба…*

Кашибая – см. *Каш, Кашуа, Кашба…*

Кашмаридзе– см. *Кичма // Кишьма.*

Кашуашвили – см. *Каш, Кашуа, Кашуба…*

Каю (Каҩ), Каюба (Қаҩба, Ақаҩба), Қеҩба [74, 266] – варианты абхазского родового и фамильного имени; мегр. *–Кеба-я*, груз. *Кеба-дзе.*

Квабулисдзе– см. *Куапыл, Купал, Купалба.*

Квадзадзе – см. *Куадз, Куадзаа, Кудзба.*

Квирикашвили, **Квиркия** – *см. Курик, Курикба.*

Квирквелия – см. *Курик, Курикба.*

Кебадзе – см. *Каю, Каюба… Кеюба (Кеҩба).*

Киачели (фамилия и псевдоним) – см. *Кяч.*

Кик, Кикураа (абаз.) [425, 308; 74, 268], абхаз. **Кикаа**, **Кикаба // Кикба** *«Киковы»;* от абхаз. *Кикаа* – мегр. *Кикава;* от абаз. *Ки-*

кураа – мегр. Кикор-ия [74, 268], от абхаз. *Кикаа* – груз. *Кика-дзе, Кика-швили;* от *Кикаба // Кикба – груз. Кикаби-дзе, Кикна-дзе* (?).

Кикабидзе – см. *Кик, Кикураа.*

Кикадзе, Кикава – см. *Кик, Кикураа.*

Кил (Кьыл), Кил-ба, Килаа, садз. **Кил-дзы***;* мегр. – *Килба-я* [74, 261], *Килана-ва* [366, 396], груз. *Кила-дзе.*

Киладзе, Килбая – см. *Кил, Килба.*

Кинца, Киндзе (Кинʒа), в множ. ч. **Кинцыр** – абхазо-садзкий дворянский род [74, 166, 220; 94, 190]; от формы множ. ч. *Кинцыр* – груз. *Кинцура-швили.*

Кинцурашвили – см. *Кинца, Киндза.*

Кип [204, 213], **Кип-аа, Кипал, Кипал-ипа** [74, 310] – сванско-груз. *Кип-иани.*

Кипиани – см. *Кип, Кипаа, Кипал.*

Кипшидзе – см. *Капш, Кипши.*

Кипш (абхаз. **Кьыԥшь** «косоглазый»), **Кипшба***,* адыг. **Кипший, Кыпший** [204, 163]; мегр. – *Кипшиба-я* [366, 375], груз. – *Кипшидзе.*

Киртадзе, Киртбая – см. *Кирт, Кырт.*

Кичма // Кишьма (срав, *Кич, Кичба*) – абхазо-адыгская фамильная основа; адыг. **Кичмай, Кишмахуа** [74, 263, 264]. От *Кичма // Кишьма* – абхазо-абаз. формы множ. ч. – Кичмар // Кишьмар – отсюда мегр. *Кишмар-ия,* груз. *Кашмари-дзе, Кичмари-дзе* – дворянский род.

Кичмаридзе – см. *Кичма, Кишьма.*

Кишмария – см. *Кичма // Кишьма.*

Кобаладзе, Кобалиа– см. *Куапал, Купал, Купалба.*

Кобахьидзе, Кобахия – см. *Кабахь, Куапахь.*

Кобулашвили – см. *Куапыл, Купал, Купалба.*

Коидзе – см. *Куеи* (Қәеи), *Куеиба.*

Копалиани – см. *Куапыл, Купал, Купалба.*

Кота, Котуа // Кодуа, Котба – абхаз. дворянский род [74, 222]; мегр.– *Кот-уа*, груз. *Готуа-дзе, Котуа-швили.*

Котуашвили – см. *Кота, Котуа.*

Коцадзе – см. *Квадз, Квадзаа, Квацба, Коцба.*

Кочиашвили – см. *Куач, Куача…*

Кочибая– см. *Куач, Куача…*

Кошадзе – см. *Куаш, Куаша.*

Кошарадзе – см. *Куаш, Куаша.*

Кошуадзе – см. *Куаш, Куаша.*

Коява – см. *Куеи, Куеиба.*

Куабан, абаз. **Кобанра** «Кобановы» [425, 319, 378] – груз. *Кубани-швили.*

Куадз (Кәаʒ), Куадзаа, Куадзʒба (Кәаʒба), Акуадзба, (Акәаʒба), Коцба, [74, 222, 226, 229, 235, 248, 310] – многочисленный абхазский дворянско-крестянский род; *Кодз* – «Бесленеевский узден первой степени…» [204, 132]; от абхаз. *Квацба* – мегр. *Квацба-я* [76, 46], *Коцба-я, Квацаба-я, Куадзба-я, Куацба-я* [74, 261]; от абхаз. *Квадз* – сван. *Кваци-ани,* груз. *Квадза-дзе;* от *Коцаа (Коцба) – груз. Коца-дзе.*

Куапыл, Купал, Купалба– абхазо-шапсугский древний род (см. выше) – мегр. *Кобал-иа,* сван. *Копал-иани*, груз. *Кабула-дзе, Кобала-дзе, Кобула-швили* [199, 135], *Купали-швили*. Из абхаз. *Куапыл, Куапыл-ипа* – груз. *Квабул-ис–дзе (Иоване Квабулисдзе* IX в.) [497, 29]. От родового имени *Куапыл* также происходит название одного из владений *Куапылов* в прибрежной зоне совр. Аджарии – *Кобулети,* букв. «Место (земля) *Куабулов*» – отсюда титул *Куабулел* «владетель Кобулетии» или «*Кобульский*».

Куарчеи, Курчеиаа, Куарҷиа (Кварчия) [74, 220, 226, 244, 311], абаз. **Курча, Курчаа***,* [425, 322], адыг. **Курча, Курчей** [204, 161] – в груз. *Куарчи-ели* (срав. абхаз. фамилия *Кварчелиа // Куарҷелиаа*), *Курчи-швили* (срав. также *Квирчи- швили*).

Куарҷелиа // Кварчелиа – см. *Куарчеи.*

Куач, Куача (абхаз. личное имя) [74, 104], **Кочуа, Куачба**, (срав. **Кучба)** [74, 232] – мегр. *Кочиба-я, Кочуа*, сван. *Квачи-ани*, груз. *Кочиа-швили.*

Куаш, Куаша (срав. шапсуг. **Гуаша**) [74, 302; 204, 141], **Кошуа, Куашба, Куышба, Кшынба**– абхаз. [74, 260, 316, 309] – множ. ч. от *Куаш, Куаша –Кошар;* от. абхаз. *Куаша (Коша) –груз. Коша-дзе; от Кошуа – Кошуа-дзе; Кошар – Кошара-дзе.*

Кубанишвили – см. *Кубан, Кобанраа.*

Кубраа [74, 264], букв. на абхаз. «Камаров» – мегр. *Купра-ва*, груз. *Купра-дзе, Купреи-швили, Купара-дзе.*

Куд, Кудба, Кут, Котыуа, Кутба – абхазо-садзский дворянский род [74, 220, 311] – мегр. *Кудба-я,* груз *Кутиба-швили, Кутива-дзе.*

Куеи (Қәеи), Куеиаа, Куеиба (Қәеиба), срав. адыг. **Куй, Куей** [204, 172] – от абхаз. *Куеиаа (Қәеиаа)* – мегр. *Коява*, от основы *Куеи* – груз. *Кои-дзе*.

Кук, Кукаа, Кукба Кукуба – абхазский дворянский род; от абхаз. *Кукаа* – мегр. *Кука-ва*.

Кукул, во множ ч. **Кукулаа** – абхаз. личное и родовое имя; от формы *Кукулаа* – мегр. *Кукула-ва,* груз. *Кукула-дзе*.

Кукуладзе, Кукулава – см. *Кукул, Кукулаа*.

Купалишвили – см. *Куапыл, Купал, Купалба*.

Купарадзе – см. *Кубраа*.

Куправадзе, Куправа – см. *Кубраа*.

Купреишвили – см. *Кубраа*.

Курик (Кәырыкь), Курику, Курикба, (Кәырыкьба) (абхаз.) – мегр. *Квирк-ия,* груз. *Квиркв-ели* (в мегр. *Квирквелия*)*; Квирикашвили*.

Курча – см**.** *Куарчей*.

Курчишвили – см. *Курчеи*.

Кутателадзе – см. *Кутит*.

Кутатели – см. *Кутит*.

Кутит [74, 226] (срав. личное имя *Қәытәт, Қәатәт* [74, 104, 106]), адыг. **Хутат** [204, 211], груз. *Кутат-ели→Кутате-ла-дзе*.

Кутибашвили, Кудбая – см. *Куд, Кудба, Кут, Кутба*.

Кутивадзе – см. *Куд, Кудба, Кут, Котуа*.

Кухал, Кухал-ипа (абхаз.) – груз. *Кухалеишвили*.

Кухашвили, Гухашвили – см. *Кухуа, Кухуаа*.

Кухуа, Кухуаа (Кәыхәаа) [74, 222] – в мегр. *Кухуа (?*), в груз. *Кухуа-швили, Куха-швили, Гуха-швили*.

Кухуашвили – см. *Кухуа, Кухуаа*.

Куч (Қәыч), Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба, (Қәычба) [74, 311], абазинская форма мн. ч. – **Кучбараа;** от абхаз. *Кучаа* – мегр. *Кучава*, от абаз. *Кучбараа – Кучберия*; от формы *Куча* – груз. *Кучаи-дзе, Куча-швили*.

Кучаидзе – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кучашвили – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кучберия – см. *Куч, Куча, Кучуа, Куычаа, Кучба*.

Кирт, Кырт (Қырт), Кыртаа, (Қырҭаа), Кыртба (Қырҭба) [74, 312]; от абхаз. *Кыртаа – мегр. Кирта-ва, от Кыртба – Киртба-я,* от абхаз. *Кырт-аа – груз. Кирта-дзе*.

Киач (Қьач), Киачба Киачуа (Кьачуа), Киачаа (Кьачаа) – см. *Гиач, Геч, Гечаа*...

Лаба, Лапа (Лапа), мн. ч. – **Лапаа** или **Лапа-р** – абхазо-абазинское родовое имя, сохраняется в названии святилища в с. Блабырхуа – *Лапа–рныха*, букв. «Святилище Лаповых» [365, 197] (срав. р. *Лаба*, с. *Лабра,* фам. *Лаба-хуа*) – мегр. – *Лабия* , груз. *Лаба-дзе*.

Лабадзе, Лабия – см. *Лаба, Лапа.*

Лабахуа – см. *Лаба, Лапа.*

Лау, Лоу, Алоу (личное и родовое имя), во множ. ч.- **Лауаа** // **Лоуаа**. абаз. **Лаураа,** садз. **Лаудзы,** усеченно абхаз. и абаз. **Ладз, Лыʒ** – абхазо-абазинский княжеский род, древнее ответвление от княжеского рода *Ач* (Ачба) [74, 315, 362; 73, 143, 144; 425, 335]. От абхаз. *Алоу* – груз. *Аловидзе*.

Липаритисдзе – см. *Багваш*.

Лух, Лых, Лыхуаа (Лухəаа), Лухба, Лыхуба [74, 315], абаз. **Лих** «Лихов» [425, 342] – княжеско-дворянский род;- мегр. *Луха-ва,* груз. *Луха-дзе, Лухва-дзе, Лухо-швили*.

Лухадзе, Лухава – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба.*

Лухвадзе – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба.*

Лухошвили – см. *Лух, Лых, Лыхуаа, Лухба.*

Маад, Маад-ипа, Мадба [74, 220, 222, 240, 315] – возможно из *Мпаад* (срав. топоним *Мпаад-рыпста,* букв. «Ущелье Мпаадов» [93, 186, 642]) – княжеский род [74, 162]; в мегр. *Мадиа (?)* –из *Маад-ипа, Мадба* – груз. *Мадеба-дзе, Модеба-дзе*.

Маан – см. *Амаан; Марышь*.

Маг, Маги *(Магь // Макь),* см.**Магиаа (Магьаа)** – **Магиба (Магьба)** [74, 166, 252, 316], абаз. форма множ. ч. – **Маграа (Магьраа)** – абхазо-абазинский дворянский род; мегр. *Магиа(?),* от абаз. формы множ. ч. *Маграа* – груз. *Магра-дзе*,

Маградзе – см. *Маг, Маги*.

Мадебадзе, Модебадзе – см. *Маад, Маад-ипа, Мадба.*

Маджар – согласно Челеби, одно из древних абхазских сообществ [61, 248], срав. фам. *Мажара* [504, 377], груз. *Маджара-дзе*.

Маджарадзе – см. *Маджара.*

Маз, Мазаа «Мазовы» (абхазо-абаз.) [74, 316; 425, 342] (срав. гора и село *Мазихуа* в Гуд. р-не, букв. «гора Маза») –мегр.?, груз. *Мазиа-швили, Мази-швили.*

Мазиашвили, Мазишвили – см. *Маз, Мазаа*.

Макаш (Маҟаш), Мкаш, Макашуа (срав. *Накаш, Накашиа* [74, 240]), адыг. **Макуаша** [204, 180]; от формы *Макаш* – груз. *Макаши-дзе,* от *Макашуа – Микашави-дзе // Микашеви-дзе*.

Микашавидзе – см. *Макаш, Мкаш, Макашуа*.

Макшевидзе – см. *Макаш, Мкаш*, Макашуа.

Макашидзе – см. *Макаш, Мкаш, Макашуа*.

Макерадзе – см. *Макяр, Макир*.

Макиар, абаз. **Макиар, Мекер** [425, 343], **Макир, Макьыраа (Мақьыраа)** [74, 316] представляет собой форму множ. ч. от *Макь / Магь – названия* абхазо-абазинского дворянского рода [425, 343; 74, 166, 316] – груз. *Макера-дзе*.

Мамац, Мамацаа [74, 316], садз. **Мамадз (Мамаʒ)** – **Мамдзы** (срав. гора *Мамдзы-шьха* «гора Мамдзов») – абхазский дворянский род – груз. *Мамаца-швили*.

Мамацашвили – см. *Мамац, Мамацаа*.

Мар – см. *Марышь*.

Марганадзе – см. *Амаан / Маан*.

Марганиа – см. *Амаан / Маан, Марышь*.

Марганадзе, Марганидзе – см. *Амаан /Маан*.

Маргошвили – см. *Маргуш*.

Маргошидзе, Маргошия – см. *Маргуш*.

Маргуш (абаз.) [425, 346], в адыг. **Марго, Маргуш,** [204, 178] – мегр. *Маргош-ия,* груз. *Марго(ш)-швили, Маргоши-дзе*.

Марджанишвили – см. *Мырышь*.

Марушисдзе – см. *Марышь*.

Маршава – см. *Марышь*.

Маршьан, Марчан, Барчан – см. *Марышь*.

Маршания – см. *Марышь*.

Маршьанкул – см. *Марышь*.

Маршьанха – см. *Марышь*.

Марышь – древнее родовое имя абхазских князей *Маршьан* (см. выше). Первое, т. е. *Марышь,* фиксируется в имени наместника абхазского царя в Картли *Иване Маруш-ис-дзе* (X в.) [497, 38]. Имя *Марышь* имеет ряд фонетических вариантов, как: *Маршьы – Маршьан; Марчы – Марчан, Марчыл* (в груз. *Мерчуле*, X в.); *Барчы – Барчан, Бырчыл* (в груз. *Бурчула-дзе*). Думается, что все они восходят к садзской форме *Мардзы,* образованной от основы *Мар* посредством

окончания множ. ч. *дзы*: *Мар-дзы,* букв. «Мары» (о древнем племени *Мар* см. выше). От формы *Бардзы* (из Мардзы) также происходит имя убыхского дворянского рода *Барзе-к, Берзек* «Берзеков». В фамильных формах *Маршьан, Марчан, Барчан* выделяется окончание «*н*» похожее на окончание ряда убыхских фамилий. Однако фамильных форм *Маршьан, Марчан* у убыхов не было, как и, впрочем, не было княжеских родов. На наш взгляд, абхаз. Маршьан происходит от *Марышь-хан,* где *Марышь*– родовое имя и *хан* – тюрк. «правитель», «владетельный князь». Такое объяснение соответствует социальному положению *Марышов* в предгорной Абхазии, где имя *Маршьан* выступало как в качестве княжеской фамилий, так и в значении «правитель, князь». По-видимому, также образованы фамилии *Маан – из Маа-хан,* срав. мегр. *Ма-р-ган* – из *Ма-р-хан*, где «*р*» – показатель 3-го л. мн. числа – «их»: в груз. от абхаз. *Амаан – Аманели, Аманелисдзе;* срав. также *Озган* – из *Оз-хан* «Хан Озовых».

Фамилия и титул *Маршьан* бытовали и в форме *Мар – шьан-кул,* где *кул* тюрк. «святой» [204, 181, 224; 39, 42], а также и как *Маршьан-ҳа,* букв. «Маршьан князь» [507, 135]. От абхаз. *Марышь, Марышьаа* – мегр. *Маршава*, абхаз. *Маршьан* – мегр. *Маршания*, от *Марчан* – груз. *Марджани-швили*. Ряд авторов к *Маршанам* относят и абхазский княжеско-дворянский род *Ҩардан, Ҩарданаа,* в мегр. *Вардан-иа,* в груз. *Вардани-с-дзе* (упом. в X в.), *Вардани-швили*, а также и род владетелей Мегрелии – *Дадиани* [506, 108–109; 74, 153–154] (см. выше).

Марышьхан – см. *Марышь*.

Мата, Мату – абхаз. личное имя [74, 78, 131], фамильные формы: адыг. **Мату** [204, 179], абхаз. **Матуа** [74, 316]; от абхаз. *Матуа* – мегр. *Матуа,* груз. *Матуа-дзе, Матуа-швили*; от абхазо-абаз. формы мн. ч. *Матараа* – груз. *Матара-дзе*.

Матарадзе – см. *Мата, Мату.*

Матыт (абхаз. личное имя) [74, 109], срав. груз. *Матита-швили*.

Матиташвили – см. Матыт.

Матуадзе – см. *Мата, Мату.*

Матуашвили – см. *Мата, Мату.*

Мах, Махуа (*Махва*) [425, 349] – **Мхьеиаа, Мхьеиба** (у турец. абхазов), форма мн. ч. **Махар, Махараа,** шапсуг. ***Махара*** – абхазо-абаз. дворянский род; – мегр. *Мах-уа, Махар-ия,* груз. *Махо-*

швили, Махара-дзе, Махара-швили; от абхаз. *Мхьеиаа* – груз. *Мхеидзе* – фамилия одного из видных феодальных родов Абхазского царства. Абхазские предания данный род увязывают с фамилией *Хециа,* изкоторой, якобы, была родом мать Верховного Бога – *Анцәа* [513, 122, 123]. Фамилия *Хециа* у мегрелов известна как княжеская, у абхазов же – крестьянская.

Махарадзе, Махария – см. *Мах, Махуа.*

Махарашвили – см. *Мах, Махуа.*

Махошвили – см. *Мах, Махуа.*

Мача (// Маҷа), Мачаа «Мачовы», мн. ч. **Мачар**, адыг. **Мачар** [204, 182], **Мачараа** (абхаз.) «Мачаровы» – древнее абхазо-абазинское сообщество [168, 178; 94, 210; 496, 76] – мегр.?, от абхаз. *Мача* – груз. *Мача-идзе, Мачаи-швили;* от *Мачара – Мачарадзе, Мачара-швили* (срав. *Мачавар-иани*); от абхазской фамильной формы *Мача-ба* – груз. Мачаб-ели (см. статью *Ач*).

Мачабели – см. *Ач*; *Мача.*

Мачаидзе – *Мача, Мачаа.*

Мачаишвили – см. *Мача, Мачаа.*

Мачарадзе – см. *Мача, Мачаа, Мачар.*

Мачарашвили – см. *Мача, Мачаа, Мачар.*

Мачавариани – см. *Мача, Мачаа, Мачар.*

Мды, Мдыуаа, Мдоу, Мдавей, Мыдавей (**Мдаҽеи, Мыдаҽеи)** – княжеский род [74, 161, 248, 316]; мегр. – *Мудав-ия*, сван. и груз. – *Мдива-ни*.

Мдивани – см. *Мды, Мдыуаа, Мдоу, Мдавеи (Мдаҽеи).*

Мерчуле– см. *Марышь.*

Микадзе– см. *Мыку, ... Мыкуаа..*

Микашевидзе – см. *Макаш, Мкаш, Мкашыуа.*

Микеладзе – см. *Мкиал, Мкиалаа, Мкиалба.*

Микелбая– см**.** *Мкиал, Мкиалаа, Мкиаба.*

Мики, Микаиа, Микава – см. *Мыку, Мыкуаа...*

Мишвеладзе – см. *Мшвал.*

Мишвелиани, Мишвели – см. *Мшвал.*

Мкиал (Мкьал), Мкиалаа, Мкиалба (Мқьал-ба) – дворянский род [74, 261, 317] – мегр. *Микелбая*, груз. *Микела-дзе.*

Мхеидзе – см. *Мах, Махуа.*

Мшвал (**Мшәал, Мшәалаа)**– абхазский дворянский род [93, 532, 531], срав. *Муш-ба* (абхаз. *Мышә-ба*) [74, 317] – мегр.

Мишвел-и, Мишел-иа, сван. *Мишвел-иани,* груз. *Мишвела-дзе*.

Мыку (Мыкә), Мыкуаа (Мыкәаа), Мыкуба [74, 317], абаз. **Мыква** [425, 354] – отсюда название древнего села *Мыку* в Очам.районе Абхазии– абхазо-абазинское родовое и фамильное имя; – мегр. *Мики*, *Мика-иа,* от формы *Мыкуаа – Мика-ва,* груз. *Мика-дзе*.

Нан, Нанаа, Нанба – древний абхазо-абазинский род [74, 318] – мегр. *Нана-ва,* груз. *Нани-швили, Наней-швили*.

Нанейшвили – см. *Нан, Нанаа, Нанба*.

Накаш (срав. *Макаш, Каш, Кашба, Кашуба*), **Накашиа, (Накашьиа)** [74, 240], мегр. *Накаш-ия*, груз. *Накаши-дзе* – княжеский род.

Накашидзе – см. *Накаш*.

Напса (срав. **Напша, Апса** «абхаз») [425, 355], адыг. **Напша** [204, 184] – груз. *Непса-дзе* (католикос абхаз. (?) 1712 г.) [61, 269].

Озган, Озхан – см. *Марышь*.

Орбели – см. *Ар, Ара, Арба;* см. также *Арт, Ард*.

Орчы (**Уарчы), Орч-уа** (срав. Арчуа, Арч-ая), **Орчук (Орчыҟә)**, **Орчук-ба** [74, 318] – от абхаз. *Орчуа*– груз. *Орчва-дзе*.

Орчвадзе – см. *Орчы, Орчуа*.

Паг, Пагаа, Пагава – см. *Баг, Паг…*

Пал (Ԥал), Палаа, Пал-ба (абхаз.) [74, 318, 319] – мегр. *Пал-иа,* груз. *Палиа-швили*.

Палаванхосрошвили – см. *Гиач, Геч …, Гиачба // Гечба*.

Палиашвили, Палиа – см. *Пал, Палаа, Палба*.

Рад // Рат //Рԥ (абхаз. личное имя) [509, 424; 74, 112], срав. с именем одного из князей из рода Багваш – *Рати Багваш* (X в.). Отсюда, похоже, абхазо-мегр. фамилия *Ратиа*, груз. *Рати-швили*, см. *Багваш*.

Ратишвили, Ратиа – см. *Багваш; Рад // Рат // Рԥ*.

Рухадзе, Рихая – см. *Ариху, Архуа*.

Сан // Цан (срав. *Сандрыпш // Цандрыпш),* ***Цанаа, Ацан, Цанба // Ацанба*** – обозначения абхазо-садзского княжеского рода; от абхаз. *Цанаа* – мегр. *Цанава;* от основы *Сан* – груз. *Сани-швили, Асани-швили*, от абхазо-садзской фамилии *Ацанба // Асанба – Асанба-дзе*.

Санишвили – см. *Сан // Цан, Цанаа*.

Сотискуа – см. *Шат-ипа*.

Сотишвили – см. *Шат-ипа*.

Сохадзе – см. *Цух, Цюх, Цухаа*.

Сухишвили – см. *Цух, Цюх, Цухаа, Цухуба*.

Тавадзе – см. *Тау, Тауа*.

Тау, Тауа (абаз.) «*Таов*» – древний абхазо-абазинский род [425, 368] – груз. *Тава-дзе*.

Тбели – один из крупных феодальных родов в Абхазском царстве IX–XI вв. [497, 34, 76]. Похоже, из абхазо-абазинского княжеского рода *Дзиба (Зиба),* срав. также абхазский дворянский род *Циба*. С родом *Тбели,* по-видимому, связано название одной из областей Шавшети – *Тбети*. Последнее, возможно, – из *Дзибети,* букв. «местожительство Дзибов»; *Тбели* срав. с *Дзибели*.

Тота [74, 115], **Тот-ипа, Татиба (Ҭаҭ-иԥа),** срав. груз. *Тотиба-дзе*. Носители фамилии *Тотиба-дзе* считают себя выходцами из абхазского рода *Ҭаҭ-иԥа*.

Тотибадзе – см. *Тота, Тотиба*.

Тсикишвили – см. *Цкис, Цкиш*.

Уаз, Уазаа, Уазба (Возба) – древний абхазо-абазинский род; мегр. -*Узба-я,* груз. ?

Узбая – см. *Уаз, Уазаа, Уазба*.

Урыш (Урышә) [74, 324] – мегр. ?, груз. *Уруша-дзе*.

Урушадзе – см. *Урыш (Урышә)*.

Хаба (*А-ха-ба, А-х-ба* [74, 295]), **Хабы** [204, 209] – древний абхазо-адыгский род; – груз. *Хабиа-швили*.

Хабиашвили – см. *Хаба, Хабы*.

Хабита, Хуабыта – абхазо-адыгское родовое имя, адыг. **Хабыта** [204, 203], абаз. **Хабыта, Хабита** [425, 386], у турецких абхазов **Хуабыта** «Хуабитов» – от абхаз. *Хуабыта* мегр. *Хубут-иа,* груз. *Хобида-швили*.

Хавадзе, Ховадзе – см. *Хау, Хоу, Ахоуаа*.

Хар, Хар-ипа, Харипаа (у турец. абхазов), срав. мегр. *Хареба-ва*, груз. *Хареба-швили*.

Хара (срав. *Хар, Хар-ипа*), ***Хара-ба, Хараб-уа*** (абхаз.) [74, 125] – мегр. *Хараб-уа,* груз. *Хараба-дзе, Хараба-швили*.

Харабадзе – см. *Хара, Хараба, Харабуа*.

Харабашвили – см. *Хара, Хараба, Харабуа*.

Харебашвили – см. *Хар, Хар-ипа*.

Хатидзе – см. *Хат, Хатуа*.

Хатишвили – см. Хат, Хатуа.

Хау, Хоу, Ахоуаа, Хуаа (Хәаа) [74, 326], в адыг. ***Хав*** *(Хау)* [204, 203] – груз. *Ахава-дзе, Хава-дзе, Хова-дзе.*

Хат, Хатуа [425, 392; 204 ,207], абхазо-адыг. **Хат-хуа (Ҳат-хуа),** адыг. **Хат-ко** «Хатов»; – мегр. *Хатиа (?*), груз. *Хати-дзе, Хатиашвили* (*Хат*, срав. с этнонимом *Хатты).*

Хециа – абхазо-мегрельская фамилия: выводится из абхазского названия граба *ахиаца* [513, 122], см. статью *Мах, Махуа.*

Хинтибадзе, Хинтибидзе – см. *Хынт, Хинтба.*

Хинтбая – см. *Хынт, Хинтба.*

Хобидашвили – см. *Хабита, Хуабыта.*

Хорадзе, Хорава – см. *Хуар, Хуараа.*

Хох (Хуа-ху), Хохуа, Хухуа, Хохба – абхаз. дворянский род [74, 168, 242, 226] – абхазо-мегр. *Хухуа*, мегр. *Хохобая* [366, 168], груз. *Хоха-дзе, Хоха-швили,* Хухуа-швили, см. *Вахох, Уахох.*

Хохадзе – см. Хох.

Хохашвили – см. *Хох.*

Хохобая – см. *Хох.*

Хочаа (Хоҷаа), садз. **Хуачаа** [74, 221], (срав. *Хуаджаа*); – мегр. *Хочава,* груз. *Хоча-дзе.*

Хочадзе, Хочава – см. *Хочаа, Хуачаа.*

Хуар, Хуараа (Хәараа) [74, 223, 227] – абхазо-садзское родовое имя; мегр. *Хорава,* груз. *Хора-дзе.*

Хубуладзе, Хубулава – см. *Губла.*

Хубутиа – см. *Хабита, Хуабыта.*

Худж (Хәыць), Ходж, Хуадж [425, 394] – формы множ. ч.: **Худжаа, Ходжаа** *(Хоцьаа, Хәацьаа, Хәачаа)* [74, 221, 222]; от абхаз. *Ходжаа (Хәацьаа)* – мегр. *Ходжава,* от *Хоҷаа (Хәачаа*) – мегр. *Хоҷава,* груз. *Худжа-дзе, Хуча-дзе.*

Худжадзе, Хучадзе – см. *Худж, Ходж, Хуадж.*

Хуху, Хухуа (Хәыхәаа) [74, 119, 234, 326] – см. *Хох (Хуаху), Хохуа..*

Хухуашвили – см. Хох (Хуаху), Хохуа…

Хынт (Хынтә), Хынтба (Хынтәба) [74, 326] – мегр. *Хинтба-я*, груз. *Хинтиба-дзе, Хинтиби-дзе* [74, 269; 236].

Цабадзе, Цибадзе – см.*Ци, Цей, Циба.*

Цанава – см. *Сан // Цан, Цанаа…*

Царагба – мегр. *Царагба-я* [74, 261; 366, 354] груз.?

Царба (срав. *Царбеи* – абхаз. лич. им.) [74, 120] – мегр. *Царба-я, Цирба-я,* [366, 354] – груз. *Царба-дзе*.

Царбадзе, Царбая, Цирбая – см. *Царба*.

Цвиджа (Цәыцьа), Цвыдж (Цәыць), Цвыдз (Цәыʒ), Цвиджаа, Цвижба (Цәыцьба, Цәыʒба) [74, 206, 223, 242, 248, 329] – (абхазо-садзский) дворянский род: от абхаз. *Цвыджаа* – мегр. *Чиджава*, груз. *Чиджава-дзе*.

Цеквадзе, Цеквава – см. *Цекуа*.

Цекуа (Цеҟәа), Цек-уаа (Цеҟәаа) – абхазо-абаз. [425, 397; 74, 328] – мегр. *Цеква-ва,* груз. *Цеква-дзе*.

Ци, Цеи (абаз.) [425, 397] – абхаз. **Ци-ба, Цы-ба, Цыбаа, Цеи-ба** [74, 328] – от абхаз. *Цыбаа* «Цыбовы» – мегр. *Циба-ва,* от формы ед. числа *Цыба, Циба* – груз. *Цаба-дзе, Циба-дзе, Тсиба-дзе, Сибадзе*.

Цибадзе, Тсибадзе, Сибадзе – см. *Ци, Цей, Циба*.

Цикишвили – см. *Цкис, Цкиш*.

Цинцабадзе – см. *Цымцы // Цынцы, Цымыцба // Цыныцба*.

Цинцадзе – см. *Цымцы //Цынцы, Цымыцба // Цыныцба*.

Цис, Цыс, Цисба, Цысба (абхаз.); мегр.– *Цисба-я* [74, 261; 76, 113], груз. *Циси-швили*.

Цисишвили – см. *Цис, Цыс, Цисба*.

Цискра, Цыскраа (абхаз. *Цыс-краа,* букв. «Птицеловы»), срав. мегр. *Цискара-ва* [61, 236], груз. *Цискари-дзе*.

Цицибадзе – см. *Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыцба*.

Цицишвили – см. *Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыцба*.

Цицуашвили – см. *Цыц, Цыцуаа, Цыцуа, Цыцба*.

Цкис, Цкиш, Цыкиш [204, 211] **Цкишаа** [425, 398] – абхазо-абазинский княжеского-дворянский род – груз. *Цикиш-швили, Тсикиш-швили*.

Цкит, **Цкуит**, во множ. **Цкуитаа, Цкуитар, Цыкутар, Цыҕытыр** [366, 379], **Сықәҵар, Асыкутараа** [74, 246]– родовое имя; от абхаз. *Цкуит-аа* – мегр. *Цхвит-ава,* от *Цкуитар–Цхвита-рия,* груз. *Цкити-швили*, срав. у Латышева племя *скити* [303, 354, 355]; срав. также абхазо-абаз. родовое имя *Цкис, Цкиш, Цқишаа* «Цкисовы», «Цкишевы» [425, 398].

Цхвицхвишвили – см. *Цхуцху, Цхуцхуба*.

Цымцы // Цынцы, Цымцаа / Цынцаа, Цымцба / Цын-цба [74, 328] – абхазский дворянский род; – мегр. *Цимицба-я //*

Цимцба-я [366, 414]; от абхаз. *Цынцы* – груз. *Цинца-дзе,* от *Цынцба – Цинцаба-дзе* считаются ответвлениями от рода *Цымыцба – Цирамуа и Сиргинава* [366, 421, 427].

Цыц, Цыцаа, Цыцуа, Цыц-ба – абхазский дворянский род; от абхаз. *Цыцаа* – мегр. *Цицава*; *Цыцуа – Цацуа*; от *Цыцба, Цицба -Цицба-я, Цициба-ва,* [76, 41], от абхаз. *Цыц* – груз. *Цици-швили; Цыцуа – Цицуа-швили,* от *Цыцба, Цицба – Цициба-дзе*.

Цух, Цюх, Цухаа, [498, 21], **Цухуба** – абхазский дворянский род [74, 328] – *Сухи-швили, Соха-дзе*.

Цхуцху, Цхуцхуба – абхаз. дворянский род (вымер), мегр. *Цхуцхуба-я* [74, 261], груз. *Цхвицхви-швили*.

Чавчавадзе – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Чаговадзе – см. *Чагуа, Чагуаа*.

Чагуа (абаз.), **Чагуаа** (абхаз.) [425, 404] – абхазо-абазинское родовое имя; – мегр. *Чагава, Чогава,* груз. *Чагова-дзе, (Чогова-дзе)*.

Чакуа, Чаква [74, 228, 232, 265, 330] – древний абхазский дворянский род; – мегр. *Чаква,* груз. *Чаква-швили*.

Чакватадзе, Чаквитадзе, Чаквитая – см. *Чакуат, Чакуатаа*.

Чаквашвили – см. *Чакуа, Чаква*.

Чакотадзе – см. *Чакуат, Чакуатаа*.

Чакуат, Чакуатаа, Чакуату – возможно, из *Чагуа-ду* или *Чакуа-ду*, букв. «Большой (великий) Чагуа (или Чакуа)», срав. абаз. и адыг. *Чага-ду* [425, 404; 204, 212], усеченно абхаз. *Чкотуа* [74, 331], абаз. *Чкуту* [425, 405, 406] – княжеский род; – мегр. *Чаквита-я,* груз. *Чаквата-дзе, Чаквита-дзе, Чакота-дзе, Чиквата-дзе, Чиквита-дзе, Чикота-дзе, Чикота-швили,* срав. с. *Чаквит* в Грузии.

Чанчибадзе – см *Чач, Чачба, Чачаа*.

Чар-ба «Чарбов» – абхазский род (вымер) – груз. *Чарба-дзе* [74, 269].

Чарбадзе – см. *Чарба*.

Чарг // Чарк, Чырг // Чырк, Чыргба // Чыркба [74, 242, 331], **Чаргуаа // Чаркуаа,** садзская форма мн. ч. **Чаргадз *(Чаргаз)*** – абхазо-садзский дворянский род; – мегр. *Чаргаз-ия, Чаргындз-ия;* от формы *Чарг* – груз. *Чарга-дзе, Чаргеи-швили*; из абхаз. *Чарки, Чаркуа* – груз. *Чарки-швили,* сван. *Чарквиа-ни*.

Чаргадзе, Чаргазия – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк…*

Чаргеишвили – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк…*

Чарквиани – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк…*

Чаркишвили – см. *Чарг // Чарк, Чырг // Чырк…*

Чах, Чахуа, Чахаа – дворянский род [498,21]; – мегр. *Чаха-ва*, возможно и *Джахуа* (?); от абхаз. *Чахуа* – груз. *Чахва-дзе,* от *Чах – Чах-ели*.

Чахвадзе – см. *Чах, Чахуа, Чахаа*.

Чахели (Чохели), *Чахава* – см. *Чах, Чахуа, Чахаа*.

Чач, Чачба, Чачаа – обозначение древнеабхазского привилегированного сообщества. Последнее соответствует имени княжеского рода *Шаш, Шаше, Шаче* в исторической северо-западной Абхазии [35, 10; 73, 149]. Форма имени *Шаш,* похоже, лежит в основе имени царского города *Шаш-ил, Шаши-луни,* упоминаемом в урартских источниках, а также в названии страны *Шашети,* села *Шашил-кыт* [268, 429], груз. *Шашил-ети* и в названии г. Сочи – абхаз. *Шəача* – из имени привилегированного сообщества *Шаша* или *Шача* (об этом см. выше). Существует мнение о том, что княжеский род *Чач* происходит от более древнего общества *Ач,* имя которого *«Ач»* могло означать также «князь», – отсюда ряд авторов *Чач* возводят к форме *Ачиач,* буквально означающей «над князем князь» [19, 195] (см. выше стат. *Ач*). Такое же объяснение может иметь и вариант имени *Чач – Шаш*. Последний сохраняется у мегрелов в форме *Шараш-иа*, где основа *Шараш* букв. переводится «ашов их аш», т. е. «над князьями князь», где *р* – абхазский показатель 3-го лица множ. числа класса людей – «их». Абхазское княжеское родовое имя *Чач* впервые появляется в письменных источниках в форме *Чача-с-дзе* в первой половине XI в.

От родового имени *Чач* образована и его абхазская фамильная форма *Чач →Чачба* «Чачов», что также является древним образованием. Последняя фиксируется в названии села в Картли – *Чачуб-ети* [366, 342], а в грузинских письменных источниках – как *Чанчиба-дзе*, где «*н*» может быть наращением, срав. *Ачба* – в груз. *А(н)чбадзе* (см. выше ст. *Ач*). В мегрельском же абхазское *Чачба* переиначено в *Чачиба-я,* а форма *Чачаа* – в *Чачава*. Абхазские владетельные князя *Чачба* в Грузии с XII века начинают именоваться Шервашидзе. На наш взгляд, причина тому – смена власти в Цхумской области Абхазии, произошедший при абхазском царе Давиде Строителя. По-видимому, здесь стал править не прямой наследник смещенного правителя, а новый *Чачба* –

уже родом из Западной Абхазии. На это, по-видимому, указывает основа имени *Шервашидзе – Шерваш,* что у абхазов может звучать как *Шырпас (Шәырпас, Шәырпыс)* в значении «предводитель ашов» или «предводитель из области Аше (т. е. Западной Абхазии)». Думается, абхаз. *Шырпас* первоначально выступало в качестве титула князя Чачба – нового владетеля Цхумской области, а затем, в грузинской среде, титульное имя *Шырпас* приобрело форму фамилий *Шервашидзе*. У абхазов носители этой фамилии и сегодня именуются *Чачба, Чачаа «Чачовы».* От формы множ. числа *Чачаа* – мегр. *Чача-ва*, в груз. *Чачова-дзе*, по-видимому, от последней и княжеский род *Чавчава-дзе*, что, по мнению некоторых авторов, последний может быть и из рода *Чичиуа* [499].

Чачава –см. *Чач, Чачба, Чачаа.*

Чачасдзе – см. *Чач, Чачба, Чачаа.*

Чачибая – см. *Чач, Чачба, Чачаа.*

Чеговадзе, Чигава – см. *Чыгу, Чыгуаа.*

Чиджавадзе – см. *Цвиджа.*

Чивадзе – см. *Чуу, Чыу, Чыуа.*

Чикарели, Чикорели, Чикорая – см. *Чкуа, Чыку, Чыкуба, Чыкураа.*

Чикашвили, Чикава – см. *Чыка, Чыкба.*

Чикваидзе – см. *Чкуа, … Чыкуа…*

Чикватадзе, Чикивитадзе, Чикотадзе – см. *Чакуат, Чакуатаа.*

Чиквашвили – см. *Чкуа, Чыкуа …*

Чикобава – см. *Чкуа, … Чыку, Чыкуба.*

Чиковани – см. *Чкуа, … Чыкуа, …*

Чикоидзе – см. *Чыгу, Чыгуаа, Чыкуаа …*

Чикоташвили – см. *Чакуат, Чакуатаа.*

Чичин (**Ҷыҷын)** – абхаз. личное имя [74, 122; 509, 199], фиксируется в абхазском фольклоре, где некий «Аҳ Чичин (Ҷыҷын)», букв. «владетель (царь) Чичин» представлен в образе благополучного правителя, – отсюда абхазы на вопрос: «Как поживаешь?» отвечают – «Ах Чичин еипш», т. е. «как правитель (царь) Чичин». Вероятно, от абхазского личного имени *Чичин* (Ҷыҷын) производна грузинская фамилия *Чичина-дзе.*

Чичинадзе – см. *Чичин.*

Чкуа (**Чқәа**), **Чкуаба** [74, 228, 331; 425, 405], **Чыкуа (Чыкәа), Чык-ипа (Чық-иԥа), Чук-ба // Чыкуба** [74, 221, 245, 332] – формы множ. ч. **Чыкуаа,** абаз. **Чыкураа**, от **Чыкуба – Чыкубар**; – дворянский род. Из формы мн. ч. *Чыкураа* – мегр. *Чикора-я,* груз. *Чикарели, Чикор-ели;* от абхаз. *Чыкубаа* – мегр. *Чикобава*; от форм *Чкуа, Чыкуаа* – сван. *Чикова-ни,* груз. *Чиква-и-дзе* (возможно, и *Чиквиладзе*), *Чиква-швили*. От сванского же *Чиковани* – абхаз. *Чкуан, Чкуаниа,* [74, 245, 349], мегр. *Чиквания, Чкония*.

Чмакур – согласно Челеби, одно из абхазских сообществ [61, 248], срав. груз. *Чимакури-дзе*.

Чолокашвили – см. *Чолокуа*.

Чолоквадзе – см. *Чолокуа*.

Чолокуа (абхазо-адыг.), абхаз. **Ҷолокуа, Ҷолокуаа;** – мегр. *Чолокия*, *Чолокава,* [74, 242], груз. *Чолока-швили, Чолоква-дзе*.

Чохели – см. *Чух, Чыху*…

Чхаидзе – см. *Чух, Чыху* …

Чуарели, Чаурели – см. *Чуу, Чыу, Чыуа*.

Чуашвили (Чаушвили) – см. *Чуу, Чыу, Чыуа*.

Чух, Чыху, Чыхуа // Чухуа, Чух-ба // **Чых-ба** [74, 331] – абхазо-абазинский дворянский род; – мегр. *Чухуа*, груз. *Чхаи-дзе, Чох-ели*.

Чыгу (**Чыгә), Чыгуаа, Чыкуаа, Чыгуба, Ачыгуба // Ачыкуба,** [74, 219, 236, 242] – абхазо-садзский дворянский род; от абхаз. *Чыгуаа* – мегр. *Чигава,* груз. *Чеговадзе*, от *Чыкуаа* – груз. *Чикоидзе*, от формы *Чыгуба // Чыкуба* –мегр. *Чикобава* [74, 262] (см. *Чкуа… Чыкуба*).

Чыка, Чыкаа, Чыкба, Чикба (тел. справ., 540) – мегр. *Чика-ва,* груз. *Чика-швили*.

Чуа, Чуу, Чыуа (срав. фам. *Чуаз*), – абаз. форма множ. числа **Чауараа, Чууараа** – одно из садзских обществ и абхазо-садзская княжеско-дворянская фамилия, известная также, как **Ачу, Ачуа, Ачуаа** [74, 160, 331; 73, 73, 139]; от абхаз. *Чыуа* – груз. *Чива-дзе, от Чауараа – Чауре-ли, Чуар-ели*.

Шарашия – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Шат-ипа – абхазский княжеский род, считается ответвлением от княжеского рода *Чаабалырхуа* [366?, 482–484]; – мегр. *Сотискуа,* груз. *Соти-швили*.

Шаш, Шаше – см. *Чач, Чачба, Чачаа*.

Шервашидзе – см. *Чач, Чачба, Чачаа.*
Шырпас (Шәырпыс) – см. *Чач, Чачба, Чачаа*
Эджибадзе – см. *Еджы.*
Эджибия – см. *Еджы.*

Число грузинских фамилий, восходящих к абхазским родовым и фамильным именам, несомненно гораздо больше, но и вышеприведенные примеры (их около 300) свидетельствуют о большом размахе абхазской колонизации территории грузинских (иверских) сообществ Восточного Закавказья в эпоху Абхазского царства.

На первом этапе функционирования Абхазского царства в VIII–IX вв. абхазами была освоена территория современной Западной Грузии до р. Чорох, и на востоке – до линии Лихского хребта. С X-го же века, согласно исследованиям акад. С. Н. Джанашия, абхазы начинают переселятся и на территорию Восточной Грузии [505, 476–481]. По этому поводу З. В. Анчабадзе также пишет: «Одним из интересных явлений в истории грузино-абхазских отношений рассматриваемой эпохи является феодальная колонизация абхазов из собственной Абхазии на территорию Западной Грузии, а затем, в связи с расширением пределов Абхазского царства, и в Восточную Грузю» [19, 155].

Следует также подчеркнуть, что правителями регионов захваченных территорий, как правило, назначались абхазские *аҳ* (груз. эриставы) и *аҳмада* «наместник царя», здесь же основными землевладельцами становились также абхазские князя и дворяне, государственные и церковные деятели и др.

Образование грузинских фамилии путём осложнения абхазских основ с абхазскими фамильными окончаниями на *ба // па* «сын», *пха // пхе*, *хе* «дочь», *уа* «люди» *аа, р // ра* (показ. формы мн.ч.) и других свидетельствует об одностороннем процессе миргации населения из Абхазии в Грузию в период Абхазского царства.

Обратный же процесс, т. е. появлениегрузинских и мегрельских фамилий в материковой Абхазии, происходит уже в более поздние времена, в частности, после распада Абхазского царства, и, в особенности, – в XIX–XX вв.

Что же касается абхазов – средневековых колонизаторов Грузии, то они, в силу различных объективных причин, начинают подвергаться ассимиляции в грузинской среде с XI–XII

вв. Более интенсивно они начинают вливаться в грузинский этнос с распадом Абхазского царства. Процесс этот продолжался до конца XIX века. Известно, что еще XIX веке абхазы отдельными анклавами проживали в отдельных уголках Грузии. В этой связи следует отметить, что на сегодняшний день грузинские, мегрельские и сванские фамилии и их ответвления, идущие из абхазских корней, в целом объединяют около одного миллиона граждан Грузии.

§ 4. Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья средних веков

О древнем абхазо-абазинском субстрате в топонимии Грузии мы уже выше говорили (см. главы V, VI, VII, VIII). К числу древнейших географических и этнических названий, безусловно, относятся названия, встречающиеся в урартских, ассирийских и древнегреческих источниках. Вместе с тем трудно определить, к какому времени относится появление ряда названий абхазского облика, фиксирующихся в период Абхазского царства и позже. Часть же абхазских географических названий по содержанию увязываются с Абхазским царством, с абхазскими этническими и патронимическими именами, с именами абхазских царей и их политической и церковной деятельностью, с хозяйственным бытом и т.д.

Об абхазо-адыгском и, в частности, абхазском вкладе в топонимию Грузии и юго-восточного Причерноморья писали многие именитые ученые – академики: Н. Я. Марр [264, 19], И. А. Джавахишвили [426], Г. А. Меликишвили [205, 82–84], И. М. Дьяконов [244, 60], С. Н. Джанашиа [438, 623–628], А. С. Чикобава [230, 288], К. В. Ломтатидзе [56, 138], Р. В. Гордезиани [196, 8, 10] и др. Представляют также значительный интерес результаты работы проф. Ш. Д. Инал-ипа по выявлению абхазских географических названий в топонимии Грузии [365, 219–224; 534, 87–95].

Абхазский топонимический материал обнаруживается как в древних и средневековых письменных источниках, так и в топонимических словарях современных грузинских исследователей (А. Глонти [566], Ю. Сихарулидзе [281], Г. Илиава [436; 568] и др.), а также на различных картах XIX–XX вв.

В первую очередь представляют интерес абхазские географические названия Абхазии, Грузии, а также и других регионов Закавказья, которые так или иначе увязываются с периодом Абхазского царства и абхазам.

Апсар или **Анакопия** – древняя столица Абхазского царства. *Апсар*, *апсары* (*аԥсаара* «апсарцы») впервые упоминаются в качестве названия территории современного г. Новый Афон церковными писателями IV в. Дорофеем и Софронием [302, 200]. На карте 1843 года [571] в прибрежной части г. Новый Афон указывается поселение *Псыры,* а над ней *Анакопия*. Первое, т. е. *Псыры,* неотделимо от основы современного абхазского названия Нового Афона – *Псырдзха*, а также *Абсар, Апсар (Анакопия)* древних источников, которое, как уже сказано, идентично с древним самоназванием абхазов.

Об абхазском названии г. Новый Афон – *Апсар*, *Псырдзха,* он же *Анакопия,* говорят Д. И. Гулия [18, 155], Ш. Д. Инал-ипа [365, 219], автор данной работы [30, 23; 94, 94] и др. Современное название города Новый Афон – Псырдзха (Ԥсырʒха) первоначально образовалось как гидроним, обозначающий Новоафонскую реку – одну из самых коротких рек мира – *Псырдзха* из *Апсардзха* (*А-ԥсарʒха*), букв. «Апсарский источник» или из *Аԥсар-рыʒха* «Источник апсаров» [94, 230].

Абхазский автоним *абсар // апсар* также фиксируется в древних источниках и как название города – крепости (совр. Гонио) на морском берегу, справа от устья р. Чорох. Согласно Плинию (I в. н. э.) и река Чорох именовалась также Апсар [223, 267–268; 180, 84]. Арриан же (II в. н. э.) пишет: «Говорят, что местечко Апсар когда-то в древности называлось Апсиртом, потому что здесь якобы погиб от руки Медеи Апсирт». По Прокопию Кесарийскому (VI в.) в его время Апсар именовался Апсар-унт (срав. Трапез-унт, Пити-унт и т. д.) [365, 219, 220].

Над древней столицей абазгов и Абхазского царства – *Апсар*, на горе, было построено в III–IV вв. одно из крупнейших фортификационных сооружений на Кавказе, известное под названием *Анакопия* или *Анакопийская крепость*. После поражения арабов у стены этой крепости в VIII веке, крепость и её название – *Анакопия* получают широкую известность. В письменных источниках название крепости – *Анакопия* начинает фигурировать и как обозначение

абхазской столицы. Основное же её название – *Апсар* оказывается на втором плане.

Анакопия // Анаҟәаԥиа– название главной крепости апсаров (абазгов, т. е. абхазов), выстроенной в III–IV вв. на территории современного г. Новый Афон (абхаз. Псырдзха). Оно же – одно из названий столицы раннеабхазского царства (см. Апсар).

Согласно утверждению археолога М. М. Трапш, наименование апсарской крепости *Анакопия* впервые упоминается в V в. н. э. [569, 88], но, к сожалению, автор не указывает первоисточник. Как уже сказано, крепость Анакопия упоминается Джуаншером в связи с арабским нашествием на Грузию и Абхазию в 30-е годы VIII столетия.

Известно также, что с 1027 года царица Алда, вдова абхазского царя Георгия I (родом из Алании), со своим малолетним сыном Дмитрием проживала в Анакопии. Здесь она в 1032 году организовала крупный заговор против центральной власти в лице Багратa IV. В связи с этим Анакопия на долгое время, до 1044–45 гг., становится местом бурных событий.

В связи с этим Анакопийскую крепость абхазы стали именовать *Анаҟәаԥиа аҳ лбаа*, букв. «Анакопийской царицы крепость», искаженной формой которого является вариант *Анаҟәаԥиаԥҳа лбаа*.

На генуэзских картах XIV–XVI вв. Анакопия значится как *Никофия* [572], *Никопсия, Анакуфа, Анакопия* [15, 34]. С Анакопией увязывают и следующие названия: *Акалифис, Ниосохия, Никополь, Ахейзос, Никопия, Никопсис* [18, 155], *Пханакопи* [7, 129].

Название Анакопия в XVIII–XIX фиксируется как *Анакопа* [573], *Анакопия* [574], *Анакопир* [404], *Анакуа* [575], *Анакопья* [576; 571].

По поводу этимологии Анакопии в литературе существуют разные мнения. Дюбуа де Монпере Анакопия переводит (неизвестно с какого языка) как «видная издалека обрывистая гора». Х. С. Бгажба пишет: «В слове Анакопия, как и в Никопсия, мы можем выделить окончание – *иа*. Основа *анакоп*, видимо, восходит к *анаҟәаԥ*, где второй элемент *ҟәаԥ* означает выступ (ср. *аҟәаԥа-ҷаԥа-* «изрезанная, извилистая местность»). Первая часть – *ана* самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: «*Анхуа*» (из Ана-хуа), *Ана-па* [168, 169].

Г. А. Амичба также рассматривает *Анаҟәаԥиа* как абхазское название. Он, основываясь на интерпретации Х. С. Бгажба, считает, что упоминаемая в греческих источниках Трахея «суровокаменистый», является переводом абхазского *Анаҟәаԥиа* [577, 18].

Нам представляется, что к этимологии *Анаҟәаԥиа* ближе подходит З. В. Анчабадзе. Он пишет: «Еще грузинский историк XI в. Джуаншер подчеркивал, что в Анакопии есть чудотворная икона пресвятой богородицы. Название города «Анакопия» увязывается также с абхазским словом «аныха» – «икона». Неслучайно, что соседнее с Новым Афоном абхазское село носит название «Анхуа» (Анухва) [20, 27].

На наш взгляд, название села *Анхуа* восходит к форме *Аныхәа,* букв. означающее «гора иконы (иконная гора)» или «гора святыни» от *аных-а* «икона», «святыня» + *хәа* «возвышенность», «гора». Сочетание в названии фарингального *х* и *хәа* дало *хәа,* отличное (как отмечает Х. С. Бгажба) от *хәа*, встречающееся в конце многих названий населенных пунктов Абхазии: *Блабыр-хәа, Мгәыʒыр-хәа, Каҷар-хәа* и т. д. Со временем название святой горы закрепилось за лежащим у ее подошвы селом. Анакопийская же гора стала именоваться *Анаҟәаԥиа ашьха* – из *Аныххәаԥиаашьха,* букв. «стоящая перед Анхәа (Аныххәа) гора» – где *ԥиа (аԥиа)* «то, что возникает перед чем-либо», «то, что закрывает спереди что-либо». Усеченная форма *Аныххәаԥиа* вполне может дать интересующий нас этноним *Анаҟәаԥиа*. Наконец, возможно с абхаз. *Анхәа (Аных-хәа)* «гора иконы (святыни) или «святынная гора» связан необъясняемый на осетинской почве топоним *Анхуа* в Осетии [570, 65, 115, 116]. Д. К. Чачхалия считает, что от названия иконы Богородицы – Победительницы Абазгская столица (крепость) получила свое название *Анакопия* – из греческого Никопея «Победительница» [86, 14; 87, 13].

Агҵа (Агца) – один из поселков села Анухва у северной подошвы Анакопийской (*Апсарской*) горы (Гудаутский район). Распознается в имени абхазского царя Георгия (известного и как *Георгий Агцепский* (846 – 853 гг.) в грузинском источнике – *Агцепели*. Думается, что в основе последнего имеется абхазское *Агцыбаа*, букв. «Агциская крепость», т. е. «Анакопийская крепость», владетелем которой являлся Георгий I (сын Леона) до своего воцарения на абхазский престол (см. глава IX, § 1) [199, 23].

Цхом // Цхум – центр Цхомской области Абхазского царства в междуречье рек Келасур (возможно р. Гумиста) и Ингур; в XI–XIII вв. город Цхум – один из крупных городов Кавказского Причерноморья и одна из резиденций абхазских царей (см. выше). Город *Цхом // Цхум* впервые упоминается грузинским историком XI в. Джуаншером как город Апсилии в числе восточно-причерноморских городов и крепостей, разоренных во время вторжения арабского полководца Мурвана ибн Мухаммеда в 733–738 гг. [19, 93; 199, 49]. Однако неизвестно, существовало ли название Цхум в период арабского нашествия или тогда еще город именовался Себастополисом. Основание для такого рассуждения дает вышеуказанное описание епархии Константинопольского патриарха, датируемое IX веком, где Севастополь называется как место кафедры архиепископа Абазгии (речь идет о времени, когда Апсилия была уже присоединена к Абазгии). В связи с этим представляет интерес сообщение другого древнего автора. Речь идет о грузинском писателе и переводчике Еквтиме Атонели (995–1028), который, повествуя о странствовании апостолов, пишет: «Отправились они оттуда (из Осетии – *В. К.*) и прибыли в город Севаста, который нынче именуется Цхуми» [578, 28].

Цхум в форме Sakhum впервые встречается на карте Исмаила Абульфеды (1331 г.) [579], затем на французской карте Делисле (1723) он значится как Sahoum [580], а на карте 1770 года Shakhom и Shacchom [581]. Названные и другие известные нам карты (исключая итальянские), изданные до 1830 года, довольно приблизительные, по ним практически невозможно точно локализовать обозначенные на них названия. Исключение составляет Брульенная карта Абхазии 1813 года, хранящаяся в Военно-историческом архиве (Москва) [582]. В ней указаны Согум в междуречье Гумисты и Келасури и отдельно Цхом (с пометкой, что там живет Ребия-Ханум – мать владетельного князя) на левом берегу реки Келасури. На карте 1845 года [583] также отмечено «Тубун – древний Цхоми». Ошибка ли это?

Интересные сведения относительно расположения Цхума дает грузинский историк и географ XVIII столетия Вахушти: «За рекой Кодори на западе река Цхоми, которая происходит от места Цхоми, которое находится в верховье этой реки в горах» [584, 781]. Ряд исследователей (В. И. Сизов, Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе,

Ю. Н. Воронов и др.), отождествляя реку «Цхоми» с Беслеткой и «верховье реки» с холмом, на котором стоит Замок Баграта на расстоянии около 500 метров от моря, помещают Цхоми на левом берегу р. Беслетки. Однако этому противоречат не только вышеназванные карты и сообщение Вахушти, но и свидетельство грузинского историка начала XIX века Нико Дадиани, хорошо знавшего Абхазию и не раз бывавшего здесь. В связи с событиями 20-х годов XIX века в Абхазии Дадиани пишет: «Мы прибыли в Тубун, т. е. Цхом, совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шервашидзиевых; откуда прибыли в крепость Аку, где отдыхали в продолжении четырех или пяти дней, достаточно уставшими от битвы». Ниже читаем: «Мы вернулись (из Лыхны – *В. К.*) и снова прибыли в Акуа, т. е. Сухум» [585, 101]. Как видим, автор не путает Цхоми с Акуа – Сухумом и первый помещает на левом берегу реки Келасури в местности, называемой абхазами Тҳәыбын (а по Дадиани – Тубун).

Не будучи знакомым с вышеприведенными материалами, Д. Гулия Цхом, именуемый мегрелами Кулеси, относит к Тхубуну, «бывшему городу в 4 верстах от Сухума, на юге близ к реке Келасури» [18, 148].

Таким образом, древний *Цхом* находился на левобережье р. Келасур.

Стена же, тянувшаяся от прибрежной Келасурской башни к огромной средневековой крепости, находившаяся на горке, на расстоянии около 500 метров от моря, служила для защиты западной границы города Цхом (абхаз. Тхубун). Позже именно здесь, т. е. в Цхоме, находилась резиденция абхазских князей, разрушенная вместе с городом в 1820 году русскими войсками [585, 101].

Наконец, о существовании за Келасурской стеной города говорит, по-видимому, и современное название этой местности – *Келасур-и*, которое, по мнению Ю. Воронова, не имеет ничего общего с Клиссурой древнегреческих и грузинских источников и восходит к турецкому *Каласур* – от *кала* «город» и *сур* «городская стена» [587, 103]. Согласно же Клары Серена (вторая половина XIX столетия) *Келасур* переводится как «крепость, окруженная высокими стенами» [587, 118].

Таким образом, ранний и поздний средневековый город *Цхум* или *Цхом* должен помещаться в междуречье Келасур и Мачара.

При этом с X века временами название распространялось и на современную территорию г. Сухума, всегда именовавшегося у абхазов Аҟәа. Отдельные авторы одновременно упоминают Цхум и переиначенную форму *Сухум*, первое указывает на левобережье р. Келасур, а Сухум на ее правобережье.

По поводу происхождения названия *Цхум // Цхом* в литературе существуют различные мнения. Г. З. Шакирбай считал, что ойконимы *Цхуми, Тхубын, Цхыбын* происходят от одного корня. Другой же исследователь М. Калдани *Цхуми* связывает со сванским *Цхом* «граб». Этимологию Цхуми, Цхоми затрагивает и П. Ингороква. Рассматривая данное название как грузинское, он выделяет в нем суффикс *уми, оми* и сравнивает с окончанием таких топонимов Грузии как: Бат-оми, Борж-оми, Дил-оми и т.д. [55, 147]. Думается, что автор прав в том, что в интересующем нас названии присутствует суффиксальный элемент *оми, уми*. Основой же топонима является – *цх*, который вряд ли отделим от абхазского названия реки Келасур – *Зыхәа* «Белая река» (от *аҳы* «вода» и *хәа* «белый» (см. выше «*Зыгәҭа*»). Еще Дюбуа писал, что р. Келасур «окрашивает в беловато-зеленый цвет море на расстояние более чем полутора верст» [7, 138]. Известно, что *Баҭ-оми* (Батуми) происходит от более древнего Баҭа, точно так же от названия *Зыхәа*грузинские источники производят названия реки и города *Цхуми* или *Цхоми*. Вспомним слова Вахушти: «За рекой Кодори на западе река Цхоми, которая происходит от местности Цхоми».

Название реки *Зыхәа* сохраняется и в абхазском названии села *Тхәыбын // Тҳәыбын*, трансформированное, на наш взгляд, из *Зыхәаԥан* (Дзыхуапан) букв. «Дзыхуский брод», «Дзыхуская переправа», где *Зыхәа* (Дзыхуа) – название реки и *а-ԥан* «брод». Что же касается средневекового *Цхом, Цхум*, то оно может быть из *Зыхәгум* «Зыхуский гум», где *Зыхәа*– название совр. р. Келасур и *Гум* – название центральной части Абхазии: *Зыхәгәым* усеченно *Зыхәым* > *Зхум* > *Цхом // Цхум // Сухум* [94, 242–247].

Келасур – см. выше Цхом, главу IX, § 1, а также [94, 245].

Собги – название крепости в районе Цабала (Гулрипш. р-н Абхазии), соответствующей современной русской форме *Шапкы* (Шьапки). Крепость *Собги* впервые упоминает грузинский автор XI века Джуаншер. Согласно его сообщению, во время арабского нашествия на Абхазию (VII в.) абхазский правитель (царь) Леон II

оказался в крепости *Собги*, находившейся на перевальном пути в Осетию [199, 49]. Гора и крепость, известная у русскоязычного населения района как *Шапкы*, находится также на перевальном пути в апсилийский район *Цабал* и далее на Северный Кавказ, в частности, в средневековую Осетию, что вполне соответствует локализации крепости *Собги* Джуаншера (см. выше).

Исходная форма названия – абхазское *Ҷыбгы* (Тшыбгы), буквально означающее «обрывной», «обвальный» – от глагола а*ҷ ыбгара* «обваливаться, отваливаться». Абхазская аффриката *ҷ* не характерна для грузинского языка, поэтому она закономерно передается в названном источнике через «*с*»– Собги.

Полное абхазское название крепости *Ҷыбгы абаа* букв. «Обрывная крепость», «Крепость у обрыва», что соответствует характеру самой местности [94, 280, 281].

Анаклия // Анакрия – см. выше главу IX, § 1, а также [94, 93, 94].

Бедиа– одна из областей Абхазского царства, образованная в конце VII века абхазским царем Леоном II, заключавшаяся между р. Хоби (?) и Цхенис – цкали, (см. выше главу IX, § 1, а также [199, 129; 94, 59, 129–131]).

Джихан-Куджи – согласно записи грузинского анонима, известного по рукописям XIII–XIV веков, город на левобережье р. Абаша, в 40 км от Кутаиси. В источнике речь идет о событиях VIII века. На поздний характер самой записи указывает содержащееся в ней разъяснение «…в городе Джихан-Куджи, на земле мегрелов, в окрестностях Чкондиди, что есть на мегрельском языке «Большой дуб» [199, 11, 12]. Однако, как известно, этноним «мегрелы» не использовался в письменных источниках до XIV в. [199, 56]. В сообщении представляет для нас интерес, прежде всего, название города *Джихан–Кудж*, практически соответствующий *Чкондиди* других грузинских источников. По поводу последнего Вахушти пишет: «Выше Бандзы и к западу от Цхенис – цкали, на высоком, с видом на реку, месте находится Чкондиди, церковь с куполом, грандиозная, Мартвильская. Её воздвиг восьмой царь абхазский Георгий и украсил церковными украшениями» [520, 166].

В интересующем нас названии *Джихан – Кудж* вторая часть *Кудж* является именем правителя *Егри – Бедиа* из мифического рассказа Леонти Мровели. Аноним прибавил ее к названию горо-

да Джихан, считая, что это место являлось и местом пребывания того же Егрского правителя IV века до н. э. – *Куджа* [94, 130, 131]. С его именем связана и известная крепость этого региона – Цихе Годжа – из *Цихе Куджа* «Крепость Куджа», совр. Накалакеви (см. выше). Что же касается самого названия города *Джихан*, то оно представляется исходной формой для основы *Чкон* в *Чкон-диди*, фиксирующейся и как *Дчкон-диди* [18, 218], *Дшкон-диди* [588, 427]. Сама исходная основа *Джихан*, более чем вероятно, производно от абхазского *Чихан, Чхан*, буквально означающего «Ачов дворец, храм», где *ч* – основа родового имени первых абхазских царей Ач (Ач-ба), *и* – притяжательный аффикс 3 л. ед. ч., класса мужчин – «его» и *хан* «дворец», «храм» (см. ниже *Чиха, Чхара*). *Ач, Ачба* – они же *Лау, Лоу* (Леониды), срав. *Лыхны* из *Лоухан* «Дворец Лоуовых» – резиденция абхазских владетелей [94, 205].

Со временем к названию *Чихан, Чхан* «Ачов дворец или храм» было прибавлено абхазское *адыуду* «великий» (абхазо-абаз. *адыу, аду* «большой», адыуду «великий», *адыудза* «величайший»). Абазское *а-дыуду* «великий»– в грузино-мегрельской передаче *диди* «большой», «великий», т. е. *Чихан* (или *Чхан*) *дыуду* или *Чхан диди* «Великий Ачов дворец (храм)». Абхазское *Чихан // Чхан* и производное от него *Чхан-дыуду* по созвучию с мегрельским *чикони // чкони* «дуб» было переиначено в *Чкон-диди* «Большой дуб».

На наш взгляд очевидно, что *Чкондиди* «Большой дуб» как название, мягко говоря, не очень подходит к городу, являвшемуся одной из резиденций абхазских царей, месту сосредоточения великолепных царских строений, религиозному центру. Как уже сказано, здесь в первой половине X века великий абхазский царь Георгий построил грандиозный купольный храм и учредил в нем епископскую кафедру, здесь же был похоронен и сам царь Георгий II. В дальнейшем управляющий Чхондыудским владением – абхаз. *Чхан мада* или *Чхан дадах* (?), груз. *Чкондидели*, становится вторым лицом в абхазском государстве после царя.

Управляющими царским двором и делами царского двора становились, по-видимому, представители княжеского рода Маршан (см. ниже Мартвили).

Мартвили– город и район в Западной Грузии. Город Мартвили – тоже самое, что древний *Джихан-Кудж* или *Чкондиди* (см. выше *Джихан–Кудж*). Как уже сказано, появление по-

следних названий связано с церковными постройками абхазских царей в Мартвили – монастыря *Джихан* (абхаз. *Чихан* «Ачов монастырь»), а затем церкви, известной как *Храм Рождества*, и Кафедрального собора *Успения Богородицы*. Последнее, как уже отмечено, получило у абхазов название *Чихан дыуду* букв. «Великий Ачов храм», т. е. «Великий царский храм», что передано в мегрельском искаженно как *Чикон-диди* «Большой дуб» (см. выше Джихан–Кудж). Вместе с тем представляет значительный интерес также и абхазская этимология названия города и региона – *Мартвили*. Последнее на картвельских языках не имеет убедительного объяснения. Павел Алепский (XVII в.) *Мартвили* возводил к *Мартуил* – имени младенцев, которых побил Ирод за Христа [61, 262]. На этом основании Д. Гамахария и Б. Гогия *Мартвили* переводят как «мученик» [61, 635]. На наш взгляд все гораздо проще. В основе имени *Мартвили*, представляющего внешне грузинскую форму, лежит прозрачное абхазское географическое название *Мартəыла* – в русской передаче *Мартвыла*, в грузинской – *Мартвили*. Абхаз. *Мар-тəыла* буквально означает «Владение Маров», т. е. «Владение Маршанов», где *мар* – основа княжеского родового имени – *Мар-шан* [24, 233, 234; 110, 173, 174; 94, 208–210] и *тəыла* (твыла) «владение», «страна» (см. выше). Как уже отмечено, именно представители рода Маршан становились управляющими делами царского двора и являлись вторым лицом в абхазском государстве. Вместе с тем, согласно Картлис Цховреба, вся Бедийская область (княжество) уже в X в. являлось родовым владением Маршанов (груз. Маруши-сде или Марушан-иани). Наследники этих правителей выступают под титульным именем *Дадиани* (см. выше и [506, 108–109; 74, 153–154]. Поэтому неслучайно, что некоторое время Мартвильский собор являлся усыпальницей (абхазских) правителей Мегрелии, т. е. средневековой Бедийской области *Дадиан-и*, являвшихся как уже сказано, родом из Маршан.

Асхи – название высокогорного плато, расположенного севернее г. Мартвили (Чкондиди) – из абхаз. *Асхы*, букв. «Снежная вершина», «Снежная голова» – из абхаз. *а-сы* «снег» и *хы* «голова», «вершина».

Хони – город и район к востоку от Мартвили в Западной Грузии. В 1936 г. переименован в Цулукидзе, в 1989 г. Восстановлено

исконное – Хони. Город Хони и Хонский собор были построены абхазским царем Феодосием II в 812 г. [15, 99; 17, 13; 18, 214]. На иконе Богородицы Хонского монастыря имеется надпись: «Все святая Богоматерь предстательствуй перед Христом за дом царя Леона» [17, 23].

Название города *Хони*, возможно, из абхаз. *хан* «храм», «дворец»; *Хан* > *Хони* срав. *Ч-хан* > *Ч-кони* и т. д. Вместе с тем не исключено более древнее происхождение данного названия. Оно может восходить к этнониму – обозначению родоплеменной группы *хон* (хоной), распространенной в качестве топонима в центральных районах Кавказа [599, 232, 233].

Кинчха – водопад и село *Зеда – Кинчха* «Верхняя Кинчха» в 26 км от Хони. По-видимому, из абхаз. *Кинц-ʒха* (Кинц-дзха) «источник Кинцов», где *Кинц* – абхазский дворянский род и *ʒха* (дзха) «источник», срав. в Новом Афоне р. *Псыр-дзха* «Источник апсаров» (см. выше).

Горда (Зеда-Горда «Верхняя Горда») – село в северной окраине Хонского района, справа от р. Цхенис – Цкали вблизи Кинчха.

Село Горда в прошлом было одним из царских курортов, которым позже пользовались правители Мегрелии Дадиани. Похоже *Горда* из абхаз. *Гуарҭа* «летняя стоянка».

Окаце – каньон между селом Зеда-Горда (Хонский район) и реки Цхенис – Цкали.

Название *Окаце* представляет собой мегрелизированную форму абхазского *А-кыҵа* (Акыца) «ущелье», «подгорье», срав. *ала-кыҵа* «подглазье», букв. «впадина глаза» – от *ала* «глаз» и *кыҵа* «впадина».

Абаша, Абашьа – правый приток р. Риони; город и район в междуречье Техури (Абаша) и Цхенис-Цкали в Западной Грузии. У Ламберти – Abbascia; село *Абаша* также в междуречье Супсы и Риони.

Исходным является этноним *абаса, аԥаса* «абхазы» (см. выше главу VIII, § 4, а также [18, 101; 61, 267, 268, 277, 298, 335; 423, 62, 63]).

Кутаис (Кутатис), груз *Кутаиси,* абхаз. *Куташ // Кутеш* (*Қәҭашь // Қәҭешь*) – средневековая столица Абхазского царства. Как уже отмечено (см главу VI, § 3), последние считаются производными от названия древнего города *Кута* (*Кита, Китей*) – центра

Айя–Колхиды, т. е. Царства Айета и айетидов аргонавтики. В основе этих форм, по мнению авторитетных ученых П. К. Услара, Н. Я. Марра и других, лежит абхазо – абазинский термин: абхаз. *а-кыта,* абаз. *кыт, кыта* «село», «община» [11, 78; 264, 19].

На наш же взгляд, к современной форме названия города *Кутаис*, абхаз. *Куташ // Кутеш (Қәтәашь // Қәтәешь)* может иметь отношение зафиксированное в XVII веке Эвлия Челеби на западной окраине исторической Абхазии значительное абхазское общество с именем *Кутаси* [1, 6].

Гегути – село в 7 км от средневековой столицы Кутаиси, абхаз. *Қәтәашь*. Здесь абхазскими царями был воздвигнут один из самых крупных дворцов Абхазского царства. При этом остается неизвестным, при каком абхазском царе он был построен. Первые строения села датируются VIII–IX вв., т. е. ранне-феодальным периодом Абхазского царства. Считается, что дворец был построен между XI–XII веками. В конце 70-х годов XII века село и дворец Гегути становятся одной из летних резиденций царицы Тамары. Царица здесь проживала в начальный период совместной жизни с первым мужем – русским царевичем Юрием (Георгием). Затем, в связи с разводом Тамары с русским царевичем Юрием и повторным замужеством за своего родственника Давида Сослана, правители Западной Абхазии вернули находившегося в изгнании Юрия и короновали его в Гегути царем всего Абхазского царства (об этом см. главу XI, § 2).

Что же касается происхождения названия села и дворца *Гегути*, фиксирующегося в грузинских источниках, то, по-видимому, оно из абхазского *Гукыт // Гукыт-а* (*Гәықыт // Гәықыт-а*), букв. «Центральное село» или «Столичное село». Последнее состоит из двух основ, где препозиционное *гу* «центр», «середина», переносно «столица» и второе составляющее – абхазо-абазинское слово *кыт, кыта* (*қыт // қыт-а*) «село», «община» (срав. абхаз. *Еш-кыт* «Село Эшбовых», *Аччаа-р-кыт* «Село Ачбовых», абаз. *Лоу-кыт* «Село Лоовых» и т. д.). При этом, по причине того, что абхазское *«ы»* закономерно передается в грузинском через *«у»,* – абхазское название села *Гәқыт* (*Гукыт или Гукыта*) в грузинском превратилось в *Гегут-и*, где «и» – обычное грузинское окончание.

Опшквити – село южнее Гегути, Кутаисский р-н. По-видимому название села *Опшквити* представляет собой мегрельскую форму

передачи абхазского *Аԥскыта* «Село апсов», т. е. «Село абхазов» – от *аԥс* – основа древнего самоназвания абхазов *апса* (срав. *апсил,* в груз. *апш-ил*, *Апсил-ия* →груз. *Апшил-ети*) и абхазского слова *акыта* «село», «община». Похоже, мегрельская форма *Опшквити* образована под влиянием (созвучию) мегрельскому *шьквити* «семь».

Чиха, Чхара (Чхари), в прошлом, – село, Чихская область и крепость в Имеретии и Аргвети [5, 324]. Территория Чихской области была присоединена к Абхазскому царству еще абхазским царем Леоном. Город же *Чиха* или *Чхара* был основан сыном Леона Феодосием II в 819 году [18, 215; 87, 19], а затем следующий абхазский царь – брат Феодосия II, Георгий, захватил Картли и владетельным князем (эриставом) в Чиха посадил Тинена, сына брата своего Димитри [5, 222].

Названия обозначенной территории *Чиха* и *Чхара* также имеют абхазское происхождение. Первое – из абхазского *Чыҳа* или *Чҳа* букв. «Ач(ба) – князь», «Ач(ба) – владетель» или «Ачов князь», «Ача владетель» – от основы родового имени абахзских владетелей *Ач-ба – Ач* и *ҳа* «князь (царь), владетель (см. выше *Джихан – Кудж*). *Чҳа* – первоначальное название села или города, основанного Феодосием II, отсюда *Чҳара* – название владения наместника (эристава) *Чҳа*, срав. *аԥсҳа* «царь абхазов» – *Аԥсҳа-ра* «Абхазское царство» и т.д.

Гванкити – село в южной части Чхарского района.

Наименование села *Гванкити* представляется грузинской передачей абхазского *Гуанкыта (Гуанқыҭа)* «село Гуановых», образованного от имени абхазо – абазинского древнего дворянского рода *Гуана, Гуанаа,* ныне у абазин пишутся «Гонов» [425, 283].

Сакара – пустынная территория на правобережье р. Квирила, выше Зестафони вблизи с. Гванкити *(Гуанқыҭа)*.

Название *Сакара* из абхазского *А-сакара* «пустыня», «пустырь».

Цуцхвати – крепость в Имеретии, к востоку от Кутаиси [5, 323] – из абхаз. *Цыцхуа* «гора Цыцовых», где *Цыц* (Цыц-ба) – родовое имя абхазских дворян и *ху* «гора», «возвышенность».

Чхвиш, Чхвиши, Чхвиси – крепость в Имеретии, в Раче [5, 324] – из абазинского родового имени князей *Цкис // Цкиш* [425, 398].

Имерети – междуречье Цхенис-Цкали и Квирила с центром в Кутаиси – центральная область Абхазского царства.

Об этимологии *Имерети* см. главу VI, § 5.

Гуриа, абхаз. **Агуры, Гуры** – провинция Абхазского царства, расположенная между Аджарией и р. Рион.

Об этимологии *Гуриа* см. главу VII, § 2.

Аҧара «Аджария» – см. главу VIII, § 4.

Чорох – река у восточных пределов Аджарии – см. главу VIII, § 4.

В целом же, как справедливо отмечает проф. Ш. Д. Инал – ипа [365, 219–225], в географической номенклатуре Западной Грузии, в частности в Мегрелии, Имеретии, Гурии и Аджарии абхазские названия занимают значительное место.

Известный специалист по грузинской топонимии П.П. Цхадая из географической номенклатуры Мегрелии выделяет такие абхазские географические названия как: *аʒмах (адзмах)* «лужа, пруд», «болото» (*В. К.*), *алгыд* «воронкообразная яма», *аххара (хекара)*, абхаз. *а-ххаара* «временное пастушье стойбище», «загон» (*В. К.*), *ашта* «поле», «луг», «двор» (*В. К.*), *какара (какаро)* «густой лес с крупными деревьями», «роща, лиственный лес» (*В. К.*) [567,34].

Значительное число абхазских названий представлены в микротопонимии *Зугдидского* и *Чхороцкуйского районов*:

Абастумани (с.-восточнее г. Урта, Зугдид. р-н) [566, 50], а также река и курорт Абастумани в юго-восточной Грузии (см. глава VII, §3), – из грузинского *Абас-т-убани* букв. «Абасский квартал (район)», т. е. «Абхазский район» (см. выше).

Абхазашь(и) нохора (село в Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 51], букв. «Место жительства абхазов».

Хецера (в районе Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 103], по-видимому, из абхаз. *Ахьацара* «грабовый лес».

Урта(гора и село юго-западнее Абастумани, Зугдид. р-н), из абхаз. *Урта // Утра* «огород», «обрабатываемая земля», срав. с Урта в Очамч. р-не Абхазии.

Хирху (местность в районе Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 103], по-видимому, *Хирху* является усеченной формой из абхаз. *Хьиаа-р-ху* «холм Хиовых», срав. также *Хьырху* «холм золота» и *Хирхәы* «наказанный».

Ԥақваши (близ Абастумани, Зугдид. р-н) [566, 92], срав. с *Ԥақәашь* в Очамчирском районе Абхазии.

Хибула (село в 20 км севернее Зугдиди, в Хобском районе; *Дзвели Хибула, Ахали Хибула*) [365, 220; 566, 103] – из абхаз. *Хибла* «золотые очи» [365, 220] и др.

В Чхороцкуйском районе:

Апсашь(и) цкургили (Чхороц. р-н) [566, 51], букв. «родник абхазов» – где *апса* – древнее самоназвание абхазов.

Цаиш(и) – село и церковь в Зугдидском районе – из имени абазинского дворянского рода *Циаш* [425, 398].

Чаквити, Чаквиджи – крепость в Одиши [5, 324]. Первое, *Чаквити*, из абхаз. *Чакуитәы* «владение Чакуа», «принадлежащее Чакуа» – из абхазского дворянского родового имени *Чакуа* (срав. *Чаква* в Аджарии), *и* – местоимение «его» и *тә* –«принадлежность», «собственность». Вторая же форма *Чаквиджи* – из абхаз. *Чақуа-иҷь* (Чакуаидж) букв. «Дуб Чакуа (Чаква)».

Агудзера (в с. Зуми, Чхороц. р-н), срав. *Агудзера* в Гулрышском районе Абхазии; **Аргуна** (с. Таиа) – из имени абхазского рода *Аргун*; **Гвамарда**(в с. Мухури, Чхороц. р-н) [568, 87] – из абхаз. *а-марда* «склон», «крутой подъем»; **Гвалашара** – из абхаз. *алашара* «свет»; **Гудааси** (с. Накиани) – из имени абхазского дворянского рода *Гуда, Гудаа* см. *Гудаа* – село в Галском районе Абхазии; **Какара** (с. Ахути) – из абхаз. *а-какара* «роща, лиственный лес» (см. выше); **Мачара** (с. Кирцхи) – из абхаз. *Мачара* «Мачовы»; **Нанду** (с. Кирцха) – на абхаз. «Великий Нан» или «Бабушка»; **Нацха** (с. Мухури) – из абхаз. *Ацҳа* «мост» (см. выше); **Набжьал** (с. Кирцха) – абхаз. «проход»; **Хаша** (в селах Напичхао, Таиа) – абхаз. *ҳаша* «известняк»; **Лахарха** (с. Ахути) – из абхаз. *Лаҳа-рха* «Долина (равнина) инжиров»; **Леапшиле** (с. Джоги), букв. «Район апсилов (апшилов)» [568]; **Леабхазе** (в селах Хабуме, Чоги, Чхороц. р-н) [566, 67], букв. «Район абхазов», «Место жительства абхазов»и др.

Гвандра (гора в Цаленджихском р-не) [566, 57], срав. *Гуандра* – гора, река и местность в Абхазии; об абхазской этимологии см. [94, 149, 150].

Абхазские географические наименования в топонимии Абашского и Мартвильского (Гегечкорского) районов (в дополнение к уже рассмотренным выше абхазским географическим названиям этого региона).

В северо-восточной части региона:

Агвара– топоним, часто встречающийся в горной Мигрелии.

– Из абхаз. *агуара* «ограда», «загон», «общий скотный двор». Абхаз. *Агуара* может иметь отдельные отсеки – *аҭыԥ*: место для дойных животных, место для молодняка, место для пастушьих собак, а в центре *Агуара аҭыԥ* «место пастухов». Абхазский народный животноводческий комплекс вместе с абхазскими названиями *агуара* и *аҭыԥ* сохраняется,согласно Г. Илиава,практически без изменения в быту жителей горной Мигрелии [436, 18] . Название *Агуара* широко встречается как в самой Абхазии, так и в Мигрелии, Гурии, Аджарии и др. местах (см. главу VIII, § 4).

Об этимологии *Агуара* (Агвара) см. [151, 109, 110].

Агварҭа – топоним, встречающийся в горной Мигрелии, см. (*Зениа гварҭа)* [436, 178].

– Из абхаз. скотоводческого термина *а-гуарҭа* «стоянка», «загон», «двор», стадо», «много». Представлено и в родственных языках: абазин. *гуарта*, адыг. *гуартэ / куарт* «стадо», «много», «отара». Термин *а–гуар0а* образован от абхазо – абазинской глагольной основы *гуа* (*а–гуа–ра́*) «располагаться, останавливаться где-либо со скотом» и локативного суффикса *ҭа*. Слово в целом разъясняется как «место, где располагаются, останавливаются (со скотом)» – «стойбище», «стоянка», «загон». Развитие в дальнейшем у этого слова значения «много», «стадо», «гурт», на наш взгляд, объяснимо на основании ряда фактов. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в абхазском языке слово *а-гуарҭа* в значении«много», «стадо» чаще употребляется с суффиксом единичности к – *гуарҭак*; последний осмысливается как «вмещающееся в одной ограде, загоне (*а–гуар0а*)». Отсюда: *раху гуарҭак ааицеит* «пригнал много скота», букв. «пригнал скот, вмещающийся в одном загоне – агуарта»; *раху гуарҭак анцәа исыҭ* «дай бог мне множество скота», букв. «дай бог мне скот, вмещающийся в одну агуарта»; *араху гуарҭа* «много скота», букв. «загон скота» [151; 111–113].

Азмахи (в северо-восточ. Мигрелии) [436, 18] – из абхаз. *аз̌мах* «лужа», «болото», см. выше.

Зана – речка в Старой Абаше (Абаш. р-н) [436, 29], срав. речка *Бзана* в Очамч. р-не Абхазии – «родник», убых. *бз* «вода».

Напацхара (с. Гезати, Абаш. р-н) [436, 19] – из абхаз. *Аԥацхара* «место плетённого дома», осложненный мигрельской приставкой «на».

Кацахура – местность в с. Самикао (Абаш. р-н) [436, 22] – из абхаз. *Каӡахур* «барбарис».

Нарцу – местность в г. Абаша и *Нерчи* в с. Курзу (Мартв. р-н) [436, 38, 147], по-видимому, из абхаз. *Нарцәы* (*Нарцвы*) «по ту сторону», «потусторонний».

Кодоре – м-сть в с. Гезати (Абаш. р-н), *Кодора* – м-сть в г. Абаша, *Кодори* – поселок села Кителари (Абаш. р-н) – срав. *Кодор, Кодори*, абхаз. *Кудры* – главная река в Абхазии.

Апхазаш(и)га (Мартв. р-н) [566, 51], букв. «Холм абхаза».

Наапхазу (Март. р-н) [566, 73], букв. «Место прежнего пребывания абхазов» [365, 224].

Цицибаиашьинохори (Цицибаиаши нохори) – (с. Онтопи, Абаш. р-н) [436, 17], перевод с мегрельского «Местожительство Цицбов» – из родового имени абхазских дворян *Цицба* (см. Цыц, Цыцба).

Маршьиа (Маршиа) (с. Онтопи, Абаш. р-н), мегр. «Местожительство Маршов» – из основы абхазского княжеского рода *Марыш*, т. е. *Маршан* (см. выше Маршан).

Тхина (м-сть в Мартв. р-не) [436, 105, 109], – срав. с с. *Тхина* в Очамчырском р-не Абхазии.

Агурқура (в с. Лехаиндрао, Мартв. р-н) [436, 78], на абхаз. *Агурқура* букв. «Место клятвы гурийца (гурийцев)» – из *агур* «гуриец» и *а-қура* «клясться», «давать обет, зарок» [548, 106].

Какара (в с. Дошаке, Мартв. р-н) [436, 143] – из абхаз. *А-какара* «роща», «лиственный лес» (см. выше).

Нацҳаду (в с. Тамакони, Мартв. р-н) [436, 161] – из абхаз. *Ацҳаду* букв. «Большой мост» – от *ацҳа* «мост» и *ду* «большой» (см. выше *Нацҳа*).

Нанду (в селах Абедати и Нагвазоу, Мартв. р-н) [436, 94, 109] – см. выше *Нанду*.

Нароу (м-сти в селах Норио, Абедати, Нахунао, Гурдзени, Мартв. р-н) [436, 34, 94, 123, 160], по-видимому из абхаз. *нароу* «вытянутое вдоль чего-либо место», «вытянутое в длину место».

Напҳьека (в с. Цкеми, Мартв. р-н) [436, 32] – из абхаз. *Аԥхьак* (Апхиак) «припрятанный», «изолированный», «находящийся на стороне» [548, 163].

Пакваши (м-сть в с. Нахунао и село, Мартв. р-н) [436, 122, 135], сравн. с. *Паҟәашь* (Пакваш) в Оачмч. р-не Абхазии.

Уҵа (Уца) – (гора в с. Салхино, Мартв. р-н) – из абхаз. *Ԛыҵа, Аԛыҵа* (Уыца) «подгорье» (см. выше).

Сапаҕуе (Сапагуе) – (с. Ведидкари, Мартв. р-н) [436, 70]. В переводе с мегр. «Местожительство Паговых», «Село Паговых». Речь идет об абхазском княжеском роде *Баг // Паг – Пагаа // Багаа* «Баговы // Паговы», в мегр. *Пагава* (см. главу X, § 4). Российский чиновник К. Бороздин, находившийся в Грузии в середине XIX века, писал: «Раскидываясь верст на сорок в окружности, от р. Абаши до р. Цхенис-цкали, т. е. до границы Кутаисской губернии, Банза составляла в Сенакском округе как бы status in statu, а в ней фамилия князей *Пагава* – особый элемент, особую силу».

Хорашьи нохори (с. Оноги, Мартв. р-н) [436, 74], мегр. «Местожительства Хоров» – из имени абхазских дворян *Хуара, Хуараа*, из рода садзов (см. выше Хуара, Хуараа).

Арчвашьи каре (в горной Мегрелии) [436, 76], мегр. «Арчов шатер (палатка)» – из имени абхазского дворянского рода *Арчуа, Арчаа* – в мегр. *Арчвая* (см. выше Арчаа, Арчуа).

Цачхура (Ҵачхәыра) – (село и река в районе Салхино, Мартв. р-н), по мнению Г. Элиава из мегр. *чхуру* «холодный» [436, 168]. *Цачхура*, а также и название другой реки *Цачхур*, впадающей в Риони, Ш. Инал-ипа рассматривает как абхазский гидроним [365, 248]; абхаз. *ҵачхура* букв. означает «мочащийся под себя». В пользу абхазской этимологии гидронима Цачхура говорит, на наш взгляд, название притока этой реки *Абхазура*, т. е. Абхазская [436, 168].

В северо-западной Грузии Ш. Д. Инал-ипа выделяет целый ряд абхазских географических названий, таких как: **Шхара** – ледниковая гора в Сванетии в бассейне Ингури (по-абхазски «ашьха» – гора); со ссылкой на Н. Я. Марра – **Ԥашьгуашь** (речка в Сванетии), грузинское название **Пасис мта** – «Горы Фасиса» и **Басиани** (ущелье на границе Сванетии, Рачи и Осетии); **Тахитара** (м-сть в Раче), срав. абхаз. *Тахитәара*, букв. «Место восседания Таха»; **Надикуара** «Речка Нада»; **Кижинара** «Склон Кижа»; село **Жибиани**, т. е. «Село Жибовых»; **Квараши** (около Вардзии) срав. абхаз. *Квараш* «белокаменный»; **Гумати** – м-сть в 5 км от Кутаиси (ср. ущелье Гума в центральной Абхазии); **Абжарские высоты** близ Кутаиси – из абхаз. *абжьара* «средний»; **Кодорская** гора и пункт, и селение *Кодори* в бассейне Риони, в верховьях р. Пичоры (срав.

абхаз. *Кудры*); в Гурии – **Ацана** (по мнению Ш. Д. Инал-ипа – из абхаз. названия карликового племени *Аӡан*); **Ацкур** в Гурии (из абхаз. *Цкуара* «Цәкәара», т. е. «бычья речка») [365, 219–223].

Пожалуй, абхазские географические названия и названия, связанные с абхазами, более всего представлены в Гурии и Аджарии (бывшая Батумская область). Здесь, как уже сказано, отмечаются:

– гидронимы с абхазо-адыгским окончанием *ԥсы* «вода» [438, 623–628] – **Супса, Кинапс, Акампс-ис** и др.;

– с абхазской основой *куара* «речка», «ручей» – **Окваре** в Гурии, в Аджарии – **Нади-квара** «Речка Нада», **Бабо-квара** «Речка Бобуовых», **Бобола-квара** «Речка Бабала» и т. д.;

– названия с абхазо-абазинским окончанием множественности *қәа (ҟәа)* – **Ач-қуа** (*Ачкәа*) «Ачовы», **Чаква** (Чаг-қәа) «Чаговы», **Малҭа-қәа** (Малтаква) «Малтовы» и т. д.;

– с абхазской основой *а-гуара* «ограда», «загон», «двор» – село **Гуара** (/Гвара) слева от р. Ачқәа (Ачҟәа), с. **Гуара** в районе Кирнати, **Ципин** – **гвара** в Гурии «ограда (или двор, загон) Ципина» и др.

По поводу абхазской топонимии Аджарии (бывш. Батумской области) Н. С. Джанашия писал: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри – **Анчи** («Анцва» – бог по-абхазски), отсюда и **Анчисхатская** церковь в Тифлисе и в Хандзте. **Хан-дз-та** – в переводе Ханская вода. В Гурии известны селения ... **Ципнигвара**, второе слово – «агвара» по-абхазски забор, ограда, плетень; в Ланчхутах известен ручей **Окваре**, это ни что иное, как мингрелизированное абхазское «аквара» – ручей, **Хопа** – в Лазистане, **Хоби** в Мингрелии, возвышенность **Урта** в Мингрелии и в с. Поквеш Кодорского участка. О терминах **Кутаис, Дуабзу, Губазоули** и других я умалчиваю, ибо они освещены у Н. Я. Марра» [589; 365, 222].

Представляют интерес и названия, производные от имен древних абхазских (абазских) обществ: **Губазеули** «Село Губазов» – из имени садзского общества *Губдзы*, абхаз. *Губадз*; *Цанда-ури* «Село Цандов», от садзского общества *Цанд*; **Сани-цкали** «Река санов (саников)», **Сани-геле** «Речка санов», **Сани-хеви** «Ущелье санов»; **Озургети** – из абхаз. *Уазы-р-кыт* «Село Озов» и т.д. (см. главу VIII, § 4).

Абхазские географические названия и названия, связанные с абхазами, представлены также и в Восточной Грузии.

Лихи– гора и местность: Лихский хребет, он же Сурамский хребет, восточная граница Абхазского царства VIII–IX вв. По утверждению П. Ингороква, *Лихи* соответствует форме *Луху*, в грузинском же *Лихи* – «Высокий бурьян» [55, 151], что маловероятно для названия горы и целого хребта. *Лихи // Луху* может быть родовым именем, на что указывает название села *Лихети* «Место Лихов» в Раче, та же речка *Лухуни // Лухунис цкали*, а также село *Лухвано* «Луховцы» в Лечхуме. У абхазов и ныне существует род *Лыху* (пишутся *Лыхуба*, а у абазин *Лихов*) [74, 315], во мн. числе *Лыхуар* – отсюда и фамилия Лыхуарба, они же Алхорба (в Аджарии) [74, 220, 234]. Вместе с тем топоним Луху может быть из Лоуху, букв. «Гора Лоов» (Лоу // Лау – абхазо-абазинский царский род). Лихский хребет у греков именовался Амарантским. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Важно и то, что греки Лихский хребет называли *Амарантским*, как видно заимствовав это название у местного населения (т. е. Солнечным, вероятно, называло его аборигенное население, для которого солнце вставало именно из-за этого, восточного для них хребта)» [365, 579]. Автор имеет в виду абхазов и абхазское слово *амра* «солнце».

Хашури– город и район на левобережье р. Кура – из абхаз. *аҳаша, аҳашара* «известковое место», «место известняка» – от *аҳаша* «известняк», букв. «белый камень» – *аҳаша-ра или аҳашра* «место известняка» [550, 292; см. главу VII, § 3)]. Срав. абхаз *а-ҳаша* с названием р. *Хаша* в Цаленджихском районе, *Хаша* – в селах Напичхао, Таиа (Чхороц. р-н) и абхаз. *Аҳаша цхырта* «Место добычи известняка» в Абхазии [93, 239].

Примечательно, что в советское время в Хашури имелись два известковых завода. О Хашури см. также главу VII, § 3.

Агара – м-сть на пути в Тбилиси между Хашури и Гори (см. главу VII, § 3).

Гори – город на левобережье р. Куры, восточнее Хашури. Здесь же древняя крепость «Горис – цихе». Похоже, *Гори* – из абхаз. *гуара* «ограда», «укрепление» – *абаа-гуара* «крепостная ограда, стена»: *гуара>гори*, срав. *Гуарҭа* > *Горда* (см. выше).

Уплисцихе – пещерный город-крепость в 10 км от Гори. До IV в. н. э. являлся крупным языческим центром поклонения вер-

ховному божеству Солнца и другим языческим богам (см. выше главу VII, § 3). Христианские сооружения здесь начинают появляться с IV века.

В начале IX века, по-видимому, при абхазском царе Феодосии, крепость Уплисцихе оказывается под контролем абхазов. Однако уже в середине IX века при абхазском царе Дмитрии он переходит к арабам. При абхазском царе Георгии абхазы вновь возвращают крепость себе. Основательно же в Уплисцихе абхазы закрепляются с конца IX века при царствовании абхазского царя Константина III.

Строительство крепости Уплисцихе автор Хвека Леонти Мровели приписывает мифическому Уплосу, являвшемуся сыном некоего Мцхетоса, жившего чуть ли не в доисторическую эпоху и построившего город Мцхету – древнюю столицу Грузии. На основе этой запутанной и сомнительной легенды [239, 50–52] отдельные грузинские историки считают Уплисцихе изначальным названием крепости.

В первую очередь следует подчеркнуть, что имена героев мифического рассказа Мровели – *Картлос, Мцхетос, Уплос* и т.д. представлены в греческом оформлении [239, 24, 49]. Последнее, т. е. *Уплос*, Г. Цулая считает производным от груз. *упали* «владыка» [239, 49]. Однако основа греческой формы Уплос – *Упло* фактически идентична абхаз. *Убла* (А-убла) – древнему родовому имени абхазо – садзских князей *Убла*, считавшихся одними из предков абхазских царей Апсха.

Упло-с дословно «владыка» восходит к семитскому *Бал, Бел* «владыка» (см. главу VII, § 3).

Возможно, что сама крепость гораздо старше, чем её название *Уплисцихе*, букв. означающее «Крепость Упла», «Крепость, принадлежащая Убла». Название *Уплисцихе* могло возникнуть в период Абхазского царства в IX–X вв. по имени владельцев крепости и прилегающей к ней территории абхазских *Убла*. Леонти Мровели же попытался углубить корни абхазских владык или же здесь речь идет о действительно древних корнях абхаз. *Убла* на этой территории.

Ананури (Анан-ури) – крепость в Арагвском ущелье, на правобережье Арагви, к северу от Мцхета [5, 315; 239, 65]. – Возможно, из имени абхазского женского божества *Анана* или *Анана-Гун-*

да – богиня пчёл и пчеловодства [365, 276, 277], срав. в Абхазии *Анан-тәара* (Анантвара) «Место восседания Анана». Срав. также , патроним *Ананаа, Анан-ба, Нанба* «Нановы», «Нанов».

Ачабети – село в Цхинвальском р-не Южной Осетии (бывш. Горийский р-н), расположенное на правом берегу реки Большая Лиахва к северу от бывшего села Тамарашени. *Ачабети* представляет собой грузинскую форму топонима, образованного от названия феодальной резиденции абхазских князей *Ачба*, контролировавших с X века ущелье Большой Лиахвы [366, 342; 18, 156].

Самачабло – грузинское название Южной Осетии. *Самачабло* в переводе с грузинского «Владения Мачабели», «Территория Мачабели». Княжеский род Мачабели С. Джанашиа и З. Анчабадзе рассматривают как ответвление от абхазских князей *Ачба* [505, 478; 19, 156]. Считается, что род Мачабели, поселившийся в период Абхазского царства у села *Ачабети*, постепенно распространил свою власть на большую часть долины Лиахвы, на весь современный Цхинвальский район.

Однако следует учесть факт существования у абхазов и абазин княжеского рода *Мача – Мачаба* (см. выше Мачи), во мн. ч. *Мачараа*, *Мачақәа* «Мачовы», от формы *Мачаба* грузинские фамилии *Мачабели,* от основы *Мача – Мача-идзе, Мача-ишвили,* от формы множ. числа *Мачара – Мачара-дзе, Мачара-швили* (см. выше главу X, § 5).

Адзиква – речка и *Адзиквис сакдари* – развалины старинной церкви близ Тбилиси в Борчалинском районе. Происходит из абхаз. *Аӡиқәа* (Адзиква) букв. «Черная вода» – «Черная речка» [17, 30; 18, 63; 365, 222]. Этот же гидроним представлен во всех районах Абхазии [см. 93, 302, 327, 487, 490, 555 и др.].

Алгети– ущелье в Картли [366, 342] – из абхаз. *Алгыт*ҧ «воронкообразная яма, провал» [567, 34].

Анчисхати – местность и церковь в Тбилиси. В этой связи Н. С. Джанашиа писал: «В нынешней Батумской области находились знаменитые в истории монастыри – *Анчи* («Анцва» – бог по-абхазски), отсюда и *Анчисхатская* церковь в Тифлисе и в Хандзте» [589]. *Анчисхати* – из абхаз. *Анцәаихатҧа* «Божий образ».

Ахча – село в Картли, в Кола [5, 315] по-видимому, из абхаз. *ахьча* «пастырь».

Урта – крепость в южном Картли в Палакацио [5, 323] – см. выше *Урта* в Зугдид. р-не и в Абхазии.

Чапала – село и крепость в Картли [5, 324] – по-видимому, из имени известного абхазского дворянского рода *Чабала, Чаабалаа* «Чабаловы».

Чабалаури – село в Каспийском муниципалитете (районе) Грузии.

– Из абхаз. княжеского – дворянского рода *Чабал // Чаабал*; *Чабала-ури,* букв. «местожительство Чабалов (см. Чапала).

Чачубети– село в Картли в ущелье Алгети, совр. Каспийский муниципалитет.

– Название *Чачуб-ети* производно от родового имени абхазских светлейших князей *Чачба* [366, 342].

Чхиквта – село в Картли, к западу от Тбилиси.

– Из абхаз. *Зхықуҭа* (Дзхыкута) – букв. «Место, прилегающее к воде (т. е. к реке)».

Ередви – местность и церковь в восточно-грузинской области Эрети.

В 906 году абхазскому царю Константину III удалось силой оружия присоединить Эрети к территории Абхазского царства. В честь победы над Эрети, по велению царя Константина, здесь, в местечке Эредви (близ Цхинвала) была заложена церковь. Церковная надпись гласит: «Во имя Бога – Отца, Сына и Святого Духа с ходатайством св. Богородицы, помощью св. Георгия, в царствовании Богом утвержденного царя Константина, который изволил и прибыл в Эретию, обратил в бегство царя эретинцев и …» [87, 24].

– *Эредви*, как уже отмечено, представляет собой грузинскую передачу абхазского *Ерет-дәы* (Ерет-двы), букв. «Эретское поле (равнина)», где *Эрет(и)* – название области и *дәы* (двы) «поле», «поляна», «равнина» (см. выше главу IX).

Ариши – крепость в Эрети, располагавшаяся на большом торговом пути [497, 75].

– От имени абхазо – садзского рода *Арыш*, пишутся Арш-ба.

Во второй половине X века два брата Иване и Хахуа из рода *Арш // Арыш,* груз. *Арши-сдзе* «Аршовы» владели значительными крепостями в Кахетии: крепостью *Лоцобани* – Иване, а Хахуа – крепостью *Марана*. По-видимому, их родовое имя носила и Эретская крепость *Ариш-и*. Братья решили выйти из подчинения абхазского царя Георгия II, в связи с чем, по приказу Георгия, крепости были взяты силой, а захваченного Хахуа царь отправил в Джикети (т. е. отправил его на Родину) [497, 35].

Мачи – крепость в Кахетии, в Заречье – от родового имени абхазских князей Мача →Мача-ба→Мачаб-ели (см. главу X, § 5, § 6).

Мачис-цкали – река в Кахетии, левый приток р. Алазани. Гидроним *Мачисцкали*, букв. «Река Мача», производен от родового имени абхазских князей *Мача* (см. Мача, Самачабло).

Цукети – земля в Кахетии на границе с Азербайджаном и Дагестаном [5, 323] – из абхаз. *Цукыта* «общинное село».

Алада – местность в Ахалкалакском районе; – из абхаз. *алада* «юг», «низина» [365, 221].

Хандзта – православный монастырский комплекс в Кларджети, ныне в составе Турции. Как справедливо отмечает Н. С. Джанашиа, *Хан-дз-та* в переводе с абхазского «Ханская река» [589], если быть точнее, *Хан-дзы* «Ханская река» (срав. Ханис цкали в Имеретии «Ханская река»), форма же *Хан-дз-та* букв. «Бассейн реки Хандзы».

Ацкури – крепость и город в Самцхе, к востоку от Ахалцихе [5, 316]; – из абхаз. *Ацәкуар, Ацәкуара* (Ацквара) «Бычий ручеек» [17, 31].

* * *

В целом, приведенный в настоящей главе абхазо-абазинский лексический материал, касающийся отдельных отраслей лексики, свидетельствует о том, что абхазский язык, как в древности, так и в период Абхазского царства, оказывал определенное влияние на лексический состав картвельских языков.

Абхазские слова обнаруживаются в таких отраслях картвельской лексики, как: лексика скотоводства, социальных отношений, войны и вооружения, мореходства, обычного права, этикета и др.

Абхазы внесли также значительный вклад в формирование грузинской антропонимии. В период колонизации абхазами грузинских территорий происходит распространение и преобразование абхазских родовых и фамильных имен. В настоящее время в Грузии под такими именами скрываются более одного миллиона человек.

В географической номенклатуре Закавказья и, в особенности, грузинской, также выявляются сотни абхазских (абазских) географических названий. Здесь также представлены мигрельские, сван-

ские, грузинские, армянские и другие топонимы, увязывающиеся с абхазами и их царями, сооружениями, родовыми и антропонимными именами абхазских князей, феодалов и т. д. Все это вполне естественно, ибо абхазы в VII–X веках, занимая всё Западное Закавказье – Причерноморье от р. Кубани до Трапезунда, играли большую роль в политической жизни Кавказа, а с Хвека Абхазия контролировала практически всё Закавказье от Черного до Каспийского моря.

ГЛАВА XI

АБХАЗСКОЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ АБХАЗСКАЯ ИМПЕРИЯ В XI–XIII ВВ.

§ 1. Еще раз об историографии Абхазского царства

Как уже сказано (см. предисловие), летописные и другие сведения (прежде всего – грузинские) об Абхазии и Грузии раннего и зрелого средневековья были подвергнуты в XVIII в. тщательной ревизии со стороны «Комиссии ученых мужей» Вахтанга VI. Сын Вахтанга VI – Вахушти, на основе «обновленных» и произвольно дополненных отцом и Комиссией древних, уже переписанных последними рукописей, создает работы по истории и географии Грузии. Впервые, именно в них, меняется многократно повторяющийся в первоисточниках применительно к VIII–X вв. термин «Царство абхазов» на «Эгрис – Абхазское царство» [462, 283; 515, 32], а затем на «Эгрисское», «Западно-грузинское». Меняется также и исторический термин «Царь абхазов» на «Эгрисский царь», «Царь Западной Грузии», «Грузинский царь» [505, 11]. Вместе с тем многие грузинские исследователи начинают именовать Абхазское многонациональное государство X–XIII веков как «объединенное грузинское государство», а первым его грузинским царем объявляют абхазского царя Баграта III (992–1014), правившего Абхазским царством в период его расцвета. Отсюда всё абхазское государство X–XIII веков в лучшем случае именуется абхазо-грузинским, а в большинстве раз – грузинским. В работах также опускаются, при цитировании первоисточников, ряд определяющих фраз, как, например, ключевая фраза «на языке апсар» из сообщения лепотисца о том, что сына царицы Тамары нарекли *Лаша*, означавшем на языке *апсар* (т. е. абхазов) «просветитель вселенной».

Вместе с тем есть основание думать, что указанные места в работах Вахушти являются вставками, сделанными не самим автором, а какой-то «редакторской рукой», которая упустила из виду то, чем заканчивает Вахушти свое повествование об Абхазском царстве, и что в корне опровергает вышеуказанные замечания. Вахушти, в частности, пишет: «Давида курапалата попросили прислать царем абхазов Баграта, сына Гургена, сына дочери абхазского царя Гиорги. Тот присылает его, и привели в Абхазети, и благословили в Кутаиси царем лета Христова 985, грузинского 205. И после сего Баграта в Абхазети установилось цартсвование Багратионов. И царствовали эти абхазские цари в Абхазети 199 лет. И после сего Баграта Первого до царя Давида, сына Лаши, и царя Давида Нарина, сына Русудан, весь Абхазети был под единым царствием Багратионов. И до разделения (страны) на царства этих двух Давидов прошло 274 года» [5, 224].

Спустя 50 (?) лет после смерти Вахушти часть его работ была переведена М. Броссе на русский и французский языки и издана в 1842 году. Таким образом, сочинения Вахушти, вместе с указанными посылами, стали достоянием русских и европейских ученых того периода. С тех пор содержащиеся в работах Вахушти указанные и другие искажения первоисточников лихорадят историографию Абхазского царства, поскольку по сей день публикуется немало работ, в корне искажающих содержание первоисточников, а отсюда – историю абхазов и средневекового Абхазского государства. В них, как уже сказано, исторические термины *«Царство абхазов», «Абхазское царство» подаются как «Эгрис – Абхазское царство», «Эгрис – Абхазетское царство», «Эгрисское царство», «Западно – Грузинское царство», «Абхазо – Имеретинское царство», «Абхазо – Картвельское царство», «Абхазо – Картлинское царство», «Грузия»*. В примечаниях к первоисточникам даются: *«абхазы, т. е. грузины», «абасги, т. е. грузины», «Абхазия, т. е. Грузия», «Абхазское царство, т. е. Грузинское царство», «абхазский царь, т. е. грузинский царь»* и т. д.

При этом известно, что термины «*грузин*» и «*Грузия*», на груз. *картвели* «грузин» и *Сакартвело* «Грузия», не могли быть еще в XI–XII вв. [604, 140–141; 52, 11; 49, 313–318]. Грузинские сообщества издавна были известны под названием *иберы // иверы*, а их страна именовалась *Иверией*. Однако они в XI–XII веках еще

не представляли единую феодальную народность «иверский народ», тем более не могли именоваться «*картвелами*», «*грузинами*» и иметь общенациональное государство *Сакартвело* «Грузия». Примечательно, что в основе современного самоназвания грузин *картвели* и названии их страны *Са-картвело* лежит абхазский этноним *а-қыртуа* «грузин» – из *қартуа*, *қартӷ-уаа* (// *ақыртӷ-қәа*), буквально – «картский человек», «картские люди», где *уа* – абхазский этнимообразующий элемент в значении «человек, люди». От абхазского *қартуаа*, передаваемого в грузинском как *картва*, посредством грузинского суффикса – *ели* образованы самоназвание грузин *картв-ели* и название страны *Са-картвело*, что было отмечено еще акад. Н. Я. Марром [344, 104] (см. выше).

«Редакторская» рука касается не только древнегрузинских источников и сообщений грузинских и других авторов позднего средневековья, но и ряда древних зарубежных источников. Так, например, уже в наше время (в XIX – начало XX вв.), вносятся определенные изменения в древний текст «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци – главы Армянской Апостольской церкви (IX в.). По этому поводу медиевист Р. А. Хонелиа пишет: «В основе тифлисского издания «Истории Армении» 1912 г., ровно как и на русском языке в Ереване в 1986 г., лежит один и тот же текст издания Н. Эмина 1853 г. Казалось бы, все три издания должны быть идентичны. Но нет, в издании 1912 г. для обозначения Восточной Грузии (Картли), наряду с авторским термином «Вирк», без всякой системы появляются термины «страна грузин» («Врац ашхарц») или «область грузин» («Врац наханг»). Причина появления этих терминов остается загадкой. Возможно, это всё та же интерполяция или этакий анахронизм, но уже грузинского происхождения, принадлежащий тем, кто готовил труд Иованнеса к печати.

Очевидно одно- в первоначальной рукописи, да и прочих в том числе, не могло быть терминов грузинского происхождения. Они, как и «егерская» терминология, вполне могли быть внедрены в рукописи «Истории Армении» в процессе многочисленных переписываний протографа. Но, как верно заметил грузинский исследователь Г. В. Цулая, «картлийцы – по-древнегрузински картвели (мн. ч. – картвелни) – впоследствии общее самоназвание грузин. Значение данного термина … ограничено в основном преимуще-

ственно восточной частью Грузии – Картли (античная Иберия)». В древнеармянской версии «Картлис-цховреба» также всюду отмечено: «Врац, которая есть Картли». Он же справедливо считает, что «вместе с тем средневековые армянские авторы Западную Грузию называют Апхаз (груз. Апхазети, т. е. Абхазское царство). Поэтому мы считаем анахронизмом, когда … название Картли и картвелни переводятся как «Грузия» и «грузины». Названию «Грузия» соответствует «Сакартвело», что впервые засвидетельствовано в «Истории царя Давида» (т. е. в XII веке – *В. К.*) [600, 216].

Еще в начале XX века историк С. Ашхацава писал: «Стремление грузинских патриотов иметь свою историю, освобожденную от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов Абхазской истории получило тенденциозное освещение, вследствие чего исторический облик многовекового абхазского государства изменился, превтворившись в новой Грузинской истории» [17, 21, 22]. Эти строки были написаны около ста лет тому назад, однако за это время в грузинской историографии ничего не изменилось в отношении тенденциозного искажения первоисточников и истории абхазов.

Одни авторы и сегодня утверждают, что Абхазское царство по своей сути являлось грузинским, а название свое получило от правившей абхазской династии, что абхазы составляли в этом царстве незначительную этническую группу. Другие же пишут, что в XI веке Абхазское государство было присоединено к Тао-Кларджети, что с воцарением в Абхазии Баграта III Абхазское царство превращается в Грузинское государство. Подобные суждения формировались среди определенного круга ученых на протяжении длительного времени.

Вместе с тем, многие авторы приписывают абхазам «великое стремление» к объединению грузинских земель и созданию великого Грузинского государства. Наконец, отдельные же авторы пытаются доказать, что предки современных абхазов не имели никакого отношения к Абхазскому царству, что средневековые абхазы – это грузины, или же: «абхазы по происхождению не абхазцы», «не все абхазы были апсарами (т. е. абхазами)», «абхазский язык – диалект грузинского языка», «термин *абхазы* в средние века ещё не являлся обозначением этноса», в ход была пущена и теория двуаборигенности и т. д.

В основном все это писалось в советское время, когда Абхазия находилась в составе Грузии, и был наложен негласный запрет на абхазскую историю. Среди авторов подобных абсурдных высказываний более всего преуспела историк, академик М. Д. Лордкипанидзе, которая относится к числу наиболее активных авторов, создавших букет «ошибочных» установок по истории Абхазии. Ей удалось увязать друг с другом все существовавшие до неё антиабхазские «теории» и «учения», и, развивая их искусно далее, создать историю вовсе не существовавшего в VIII–XIII веках грузинского (тем более – «могучего») централизованного государства [см. 523; 604].

Историк – медиевист, филолог, доктор ист. наук А.Л. Папаскир пишет: «Средневековые источники домонгольского периода, как известно, не знают ни Эгрисского, ни Картлийского, ни Картвельского, ни Иверийского, а, тем более, Грузинского царства, куда входили бы все картвельские земли, если не иметь в виду поздние вставки. Но желание изменить реальную номенклатуру у М. Д. Лордкипанидзе настолько велико, что она, не считаясь с этическими нормами науки, предложила заменить «Абхазское царство» средневековых источников на вымышленное ею «Эгрис-Абхазетское царство», на что указывалось выше. Обоснование этой беспрецендентной вольности она, как ни странно, видит в том, что название «Эгрис-Абхазетское царство» лучше выражает как состав, так и содержание этого государства (Абхазского царства – А. П.) ...» (?!!!). Но и этого ей оказалось мало, она решила Тао-Кларджетское княжество также объявить Картвельским царством. И здесь она считает, что «более приемлемо называть эту политическую единицу... Картвельским царством» (?!!!), т. е. повторяю, названием, которое неизвестно ни одному источнику. Сфабрикованные названия стран, естественно, потребовали и соответствующих царских титулов. Поэтому госпожа М. Лордкипанидзе вынуждена «организовать» титул «царь картвелов» для абхазского царя Баграт III, хотя у последнего есть свой законный титул «царь абхазов», или «царь абхазов и картлийцев». Поиски начались с того, что неосновной титул Баграта III – «царь абхазов и картлийцев» (основной – царь абхазов) – она стала употреблять в форме «царь абхазов и картвелов» [49, 113, 114].

В целом же, на сегодняшний день, работ, искажающих первоисточники, историю абхазов и Абхазского царства, а, значит, и историю самих грузин, так много, что для их опровержения понадобится не 40 томов, как пишет акад. О. Сенковский, а гораздо больше.

Как известно, систематическое искажение истории абхазов и Абхазского царства являлось основной причиной абхазо–грузинских конфликтов 1958, 1967, 1977–1978, 1989 и 1991–1993 гг., приведших к отделению Абхазской Автономной Республики от Грузинской ССР и к восстановлению в 1993 году независимости Абхазского государства.

Об искажениях первоисточников и истории Абхазии немало сказано в предисловии к данной работе, а также в исследованиях многих абхазских и зарубежных исследователей: О. Сенковского, В. Лангуа, Н. Марра, С. Ашхацава, К. Кудрявцева, С. Джанашиа, З. Анчабадзе, К. Ломтатидзе, Х. Бгажба, Ш. Инал-ипа, М. Гумба, А. Широкрада, П. Карабущенко и др.

Историография Абхазского царства подвергается довольно глубокому анализу в монографии уже названного автора А. Л. Папаскир «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» [49, 68–84].

На наш взгляд, указанное исследование проф. А. Л. Папаскир расставляет многие факты истории абхазов по своим местам, в соответствии с историческими, филологическими и другими документами средневековья, а фальсификаторов истории абхазов заслуженно подвергает жёсткой критике. Поэтому мы считаем, что нет необходимости здесь вновь повторяться. Для любого серьезного ученого – исследователя этнической истории того или иного народа всегда исходным является первоисточник, прежде всего – сведения древних авторов, летописные сведения, материалы этнографии и языков, в том числе ономастики, а также материалы и других исторических и лингвистических дисциплин. Произвольная трактовка этих материалов, подтасовка фактов, как правило, уводит далеко от исторической действительности. Люди же, занимавшиеся и занимающиеся этим непристойным занятием, рано или поздно оказываются разоблаченными специалистами, для которых истина дороже всего.

§ 2. Преобразование Абхазского царства в Абхазское многонациональное государство – Абхазскую империю

Как уже сказано, Абхазское царство во второй половине X века представляло собой довольно значительное государство, с которым в Закавказье на первых порах могло соперничать лишь Армянское государство.

Границы Абхазии простирались в Черноморье от Никопсиса до р. Чорох, а на востоке устойчивой границей являлся Лихский хребет.

В то же время на территории современной Грузии продолжали существовать независимые друг от друга княжества – Картлийское, Кахетинское, Эретское, Ранское, Тео-Кларджетское. Населения этих княжеств соответственно именовались: *карты* или *картлийцы, кахи* или *кахетинцы, эры, раны, таойцы, месхи* и т. д. Известно, что в ту пору еще не было обобщающего понятия «грузинский народ» и общего для всего картвельского этноса названия страны и государства – «Грузия», как это настойчиво преподносит нам ряд грузинских авторов.

Во второй половине X века абхазский царь Леон III (963–980) подчинил себе восточно-грузинскую область Джавахети, посадил там своего наместника (аҳмаду) *Звиада Марышь* (груз. *Маруш-иани, Маруши-с-дзе*). Здесь же, в 12 км от Ахалкалаки, был построен замечательный шестиабсидный, центрально – купольный храм [19, 153; 87, 29]. Леон III также пытался окончательно покорить завоеванные еще в 923–924 гг. абхазским царем Георгием Картли и Кахетию, но этому помешала лишь его внезапная смерть. Брат Леона III – Дмитрий вскоре после своего воцарения (980–988) овладел Картли.

Однако противники продвижения Абхазии на восток сумели организовать междоусобицу между царем Дмитрием III и племянником его Феодосием, находившемся до этого в Византии. Не случайно последнего поддержали именно соседние с Абхазией полузависимые от неё же княжества, в том числе и Картли.

Несмотря на эту значительную поддержку, династическую борьбу с Дмитрием Феодосий проиграл и, по указанию Дмитрия, ему были выжжены глаза.

Абхазия же в результате этой династической борьбы была значительно ослаблена [18, 162].

Царь Дмитрий III скончался в 975 году. Из-за отсутствия прямого наследника абхазская элита вынуждена была утвердить на абхазском царском престоле слепого Феодосия (988–991). Как отмечает З. В. Анчабадзе: «Воцарение Феодосия III, не пользовавшегося никаким авторитетом и лишенного возможности твердо взять в свои руки бразды правления, привело к резкому ухудшению дел в Абхазском царстве. Создавшимся положением воспользовались, в первую очередь, кахетинцы, которые объявили войну Абхазскому царству и осадили главный административный центр Картли – крепость Уплисцихе.

Для достойного выхода из сложившейся ситуации абхазы вынуждены были искать неординарные решения. Хитро – мудрый политический ход был предложен крупнейшим абхазским феодалом, политиком, абхазским правителем Картли – *Иоанном Марыш* (или Марыш-хан, груз. Маруши-с-дзе), характеризующимся источником как «человек сильный и имеющий много людей» [481, 272]. Предложение Иоанна Марыш (Марыш-хан или груз. Маруши-с-дзе, т. е. «Марушев») предполагало:

– свержение с престола Феодосия III (Слепого);

– воцарение в Абхазии сестры абхазских царей Леона III, Дмитрия III и Феодосия III (Слепого) – Гурандухт с её малолетним сыном Багратом, от Гургена Багратиони – одного из кларджетских владельцев;

– путем утверждения Баграта на абхазский престол – присоединение Тао – Кларджетского княжества к Абхазскому царству и окончательное закрепление господство абхазцев в Картли.

Предложение Иоанна Марышхана (Марушисдзе) было поддержано большинством влиятельных людей Абхазского царства, что дало возможность Иоанну приступить к реализации задуманного им же плана. В первую очередь необходимо было освободить Картли от кахов. Летопись Картли гласит: «Он (Иванэ Марушисдзе – *В. К.*) предоставил пред Давидом Куропалатом посла своего и предложил выступить с войском своим и взять Картли: или завладеть ею самому, или пожаловать её Баграту, сыну Гургена, сына дочери Георгия – царя абхазов – и которому принадлежали со стороны матери Абхазия и Картли. Этот же Иванэ Марушисдзе хотел (сделать) царем Баграта. Выслушав все эти слова Иванэ Марушис-дзе, выступил Давид Куропалат и двинулся всеми силами своими и пришел в Картли. Узнав о приходе его, кахи удалились, словно беглецы, и оставили ему Картли. Пришел Давид Куропалат

и прибыл в Квахврели, явился к нему Иванэ Марушис-дзе, принял от него Давид Уплисцихе и пожаловал его Баграту и отцу его Гургену, ибо не было сына у Давида Куропалата, а Баграта, сына Гургена, он усыновил. Когда же он двинулся в обратный путь, то оставил в Уплисцихе Гургена и сына его Баграта. В ту пору Баграт пребывал еще в несовершеннолетии, и поэтому (Давид Куропалат) поставил ему в соправители отца его Гургена. Созвал (Давид Куропалат) картлийских азнауров и повелел: «Он есть преемник (царя) Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и пособник; повинуйтесь ему все». Побыл он (здесь) еще немного дней и ушел в Тао» [46, 56, 57].

Согласно армянской версии, изложенной армянским историком Асохиком, поход Ашота Куропалата в Картли поддерживал военными силами армянский царь Сембат. Асохик пишет: «Тайский куропалат Давид и царь армянский Сембат поставили царем апхазов Сембата, сына Гургена, внука иверийского царя Баграта» [606, 180, 181]. Имеется в виду малолетний Баграт, оставленный в Картли (вместе с матерью и отцом) в качестве будущего правителя Картли и одного из наследников абхазского царя Феодосия Слепого.

Вскоре после ухода Давида из Картли кахетинские войска вновь захватили Уплисцихе и Картли. Лепотисец, в частности, говорит: «С истечением после этого некоторого времени, наступило новое злостное вероломство, как это заведено в обычаях картлийских азнауров: сговорились с азнаурами из Накурдеви и Саботари и привели войска из Кахети; сдали Уплисцихе, схватили Гургена и сына его Баграта и царицу Гурандухт и увели в Кахети. Тяжела была Давиду Куропалату весть об этом. Со всеми силами своими вошел он в Триалети, дабы (затем) вторгнуться в Кахети. Когда же кахи узнали (об этом), послали ему гонцов и предложили условия перемирия: отпустили Гургена и Баграта и царицу Гурандухт, вернули Картли и Уплисцихе, а крепости Цирквали и Груи оставили за собой. В ту пору Уплисцихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Георгия, царя абхазов и матерью Баграта» [46, 57].

На наш взгляд, в приведенном тексте первоисточника есть некоторое противоречие: в начале текста говорится, что Давид принял от Иванэ Марушисдзе «крепость Уплисцихе и пожаловал её Баграту и отцу его Гургену … В ту пору Баграт пребывал еще в несовершеннолетии, и поэтому (Давид Куропалат) поставил ему в соправители отца его Гургена». Это утверждение представляется нам довольно сомнительным, притом, что мать малолетнего Баграта Гурандухт была прямой наследницей абхазских правителей Картли и наследницей абхазского престола. Супруг же её – Гурген из Тео-Кларджети – не обладал правом быть соправителем Баграта. Это место в тексте, похоже, является поздней вставкой, так как далее в источнике говорится: «В ту пору Уплисцихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Георгия, царя абхазов и матерью Баграта» [46, 57].

По этому поводу А. Л. Папаскир пишет: «Царь абхазов Баграт III Багратид до восхождения на престолне мог претендовать на Картли по отцовской линии, потому что Картли принадлежало не отцу Баграта – Гургену, а матери Баграта – царице Гурандухт, т. е. родной сестре абхазского царя Феодосия. Отсюда вывод: Баграт III не был наследником картлийских Багратидов, в частности своего отца Гургена, не имевшего никаких наследственных прав на Картли, хотя являлся мужем правительницы Картли. Более того, Гурген Багратид не был ни царевичем, ни царем, хотя у него было шутовское прозвище «царь царей». Этот курьёз автор источника XI века объясняет так: «У Гургена был сын Баграт, по матери племянник абхазских царей … Прежде чем воцарился Гурген, сей Баграт стал царём в Абхазии, и поэтому Гурген назван был царём царей». Однажды Гурген всё-таки назван царём иверийским и картлийским, но это сообщение беспочвенно, оно не подкрепляется реальными историческими фактами. Гурген не имел права владения даже тем, чем владела жена его Гурандухт (Картли). А ко всему ещё Гурген был «от природы ограниченным». Кстати, и дед Баграта III, Баграт II Багратид, которого иные исследователи почему-то величают «царём картвелов», как сообщают Вахушти, М. Броссе и др., был глуповат. Не случайно он вошёл в историю как Баграт II Регвени (на грузинском языке – простак)» [49, 298, 299; 199, 82, 83; 606, 200, 201].

По мнению А. Л. Папаскир, и сообщение о том, что Давид Куропалат в 975 г. передал Картли несовершеннолетнему Баграту, также не заслуживает доверия [49, 299], тогда как законной правительницей Картли являлась его мать, правившая некоторое время Картли и после воцарения Баграта в Абхазии.

В 978 году, по достижении Багратом совершеннолетия, согласно сценарию Иванэ Мараш-хана // Марушисдзе, абхазская элита свергла Феодосия слепого и царем Абхазии провозгласила Баграта II, именуемого в Грузии Багратом III. Это событие довольно подробно описано в Лепотиси Картли, где, в частности, говорится: «Тот же Иванэ Марушис-дзе изъявил волю привести Баграта царем в Абхазию вместе с ним все вельможные эриставы и азнауры Абхазии и Картли выпросили Баграта себе в цари у Давида куропалата. Он же нехотя и с большим трудом выполнил их желание, ибо, как я уже говорил о том, бездетным был Давид куропалат, Баграта же усыновил и воспитал для владения обеими частями Тао. Лишь когда остались страна Картлийская и Абхазия без преемника, отдал им по уговору, а взамен забрал заложников. Привели его в Абхазию, благословили на царство, и повиновались все воле его, ибо он уже был в возрасте совершенном» [46, 58].

Однако с воцарением Баграта в Абхазии сложилась не такая уж безоблачная ситуация для Баграта и для Абхазии, как это преподносит летописец. Воцарение Баграта в Абхазии было воспринято неоднозначно и в Абхазии, и вне её пределов. Баграт вплотную занялся решением проблем Абхазского царства лишь спустя два года после занятия абхазского престола [49, 58]. С этой целью он в 980 г. направился в Картли, но, согласно летописи, картлийцы решили не впускать Баграта в Картли, не смотря на то, что они были в подчинении у его матери Гурандухт. В Летописи Картличитаем: «По прошествии после этого (воцарения Баграта – *В. К.*) двух лет начал он править и радеть об исправлении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию. И добавлю я, что во всех деяниях своих уподобился великому царю Давиду куропалату (– поздняя вставка – *В. К.*) … пришел он (Баграт) в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигву. Но в ту пору некоторые азнауры картлийские не желали прихода его, ибо розно правили делами картлийскими, хотя и пребывали в повиновении

у Гурандухт. Выставили они главарем Кавтара Тбели, отважилисьне борьбу и расположились у поступов к Могриси. Видя это, царь абхазов Баграт бросил клич своим воинам, и противники сошлись. Бежали картлийцы: одних перебили, других схватили живыми, прочие спаслись бегством и рассеялись. Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские; забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую» [46, 57].

Как отмечает З. В. Анчабадзе, за время отсутствия Баграта в Абхазии, по-видимому и здесь имело место выступление определенной части абхазских феодалов, недовольных воцарением в Абхазии Баграта [19, 167]. Летописец сообщает, что Баграт, «подобно искусному кормчему и пастырю, уладил все дела абхазские … Всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми» [481, 276].

После этого, согласно летописи, прошло несколько лет. Баграту вновь пришлось взяться за упорядочение дел в восточных регионах Абхазского царства. Здесь Баграта не признавали крупнейшие абхазские феодалы «могущественного дома» *Абаза* (груз. Абаза-сдзе) [505, 64], а также крупнейший и сильный людьми абхазский феодал *Липарит* (из абхаз. *Лоу Барат*, см. выше) *Багваш*, который, говоря словами летописца, «не повиновался он подобру Баграту» [46, 58]. Род Багвашей владел значительной территорией Картли к югу от Куры, Триалети, Атенской крепостью, Манглийским ущельем и Сквирети [9, 167].

Согласно летописи, царь Баграт тайно собрал всё своё войско и вступил в Картли с целью захватить владетельного князя Рати Багваша. Однако недруги Баграта спешно отправили послов к Давиду Куропалату, которые убедили его в том, что Баграт выступает не против картлийцев, а замышляет организовать убийство Давида Куропалата. Услышав такую весть, Гурген, отец Баграта, собрался в путь к своему сыну. Но Давид Куропалат, как говорит летописец, «спешно двинулся, собрал рать свою и созвал всех царей Армении … И с войском огромным, коему не было числа, пришли и разместились в Дливе и пустили рать на Гургена. Отправились навстречу Гургену и сошлись в Гардатхили, у начала Шавшети; прогнали Гургена, удалился беглец и скрылся в крепости Цепти. В ту пору Баграт вступил в Триалети и стал в Карушети. Отправил по-

сланника, осмотрел войска и понял, что невмочь ему противостоять Давиду куропалату. Тогда он оставил войско на своем месте и сам единолично предстал перед ним; просил прощения и заявил: «Пришел я не за чем-нибудь, но лишь из-за неповиновения Рати». Он же отпустил его, сказав: «Говорили мне, что пришел ты, чтобы умертвить меняя. Но ныне я узнал истину о твоей невиновности и даю тебе свободу против Рати: подчини себе его угодным тебе образом». И вернулся он преисполненный радости и пошел вновь в Абхазию, дабы не дать Рати повода для подозрений и напасть на него внезапно и врасплох. С начтуплением зимы явился он со всеми своими силами и подступил к Клде-Карской (крепости). Видя это, Рати со своим сыном Липаритом вышел вон (из крепости), взмолился царю абхазов Баграту и отдал Баграту собственную крепость, сам же сел в вотчине своей Аргвети» [46, 59].

Представляет значительный интерес армянская версия вышеназванных событий. Асохик пишет: «По смерти бабки его (Сембата) дед его Баграт женился на другой жене, которая стала гнать Гургена, сына Багарата, на его вотчины. По этой причине царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на Куропалата Давида и деда своего Багарата и, перешелпо ту сторону Кавказских гор, стал лагерем на берегу реки Кур. Тогда Куропалат Давид и царь иверский Багарат послали к царю армянскому Сембату просить придти им на помощь. Этот последний, взяв все армянские войска и брата своего Гагика, отправился к ним в Джавахский округ и стал лагерем в деревне, называемой Дливек. (Тут находился также) царь карсский, юный Абас, со своим отрядом. Все иверийские и васпураканские войска, Сюнийские и ахванские князья соединились против воинства апхазов, которые, приведенные этим в ужас, стали просить мира и заключили между собою дружественный союз. Куропалат Давид потребовал от царя апхазов крепость *Сакурат*, получив которую он уступил армянскому царю *Сембату* в знак признательности за оказанную ему помощь, но по смерти Сембата крепость эта снова была отнята у армян. Тогда, утвердив между собою мир, (союзные государи) возвратились каждый в свое владение. Это случилось в 437 (988) году» [606, 180–181].

Позднее названных событий Баграт развернул борьбу за присоединение к Абхазии Кахетии и Эретии. Проблемной оставалась

также область Тао (древнеармянский Тайк), являвшаяся родовой вотчиной отца Баграта; здесь войску Баграта противостояла кларджетско – армянская армия [34, 92].

В 1001 г., после смерти Давида Куропалата, царь Баграт попытался вступить во владение Тао – Кларджети, но этому воспротивилась Византийская империя, так как Давид Куропалат завещал Тао – Кларджетское царство Византии. Император Византии Василий II с многочисленным войском вступил в Тао. Баграт и отец его Гурген были вынуждены поехать к императору и добиваться от него уступок. Асохик по поводу этой встречи сообщает: «Направляя далее свой путь [император Василий], достиг горы Хавтчитч и города того же имени, где он был встречен Багаратом, царем Апхазским и отцом его Гургеном, царем иверийским. Василий, сделав великолепный прием апхазскому царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его – в магистра. И отпустил в их землю». Однако большую часть владений Давида Куропалата император удержал за собой. Эта территория вошла в сотав Византийского государства под названием «Иберийский Катепанат». Впоследствии из-за этого «давидовского наследства» велась длительная борьба между Византией и Абхазским царством [19, 169; 34, 92].

В 1008 г. скончался отец Баграта – Гурген, под непосредственным управлением которого находилась значительная территория, состоящая из Шавшети, Кларджети, Самцхе и Джавахети. После смерти отца Баграт присоединил эти области к своим владениям [19, 69; 46, 60]. Затем к Абхазии были присоединены Кахетия и Эретия [46, 60]. Баграт подчинил себе также Ран [46, 60, 61].

Таким образом, при Баграте III территория Абхазского царства намного увеличилась, как это и предполагала абхазская элита, в том числе Иванэ Марушисдзе, при выдвижении Баграта на абхазский престол.

Историк Сумбат Давитисдзе (XI в.) говорит о Баграте II, как о «царе абхазов», который установил свою «самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского (Каспийского) моря» [565, 382; 19, 172]. Летописец дает высокую оценку деятельности Баграта: «Сей Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех царей совершенством правления. Угождавшие ему и к нему стремившиеся – все сполна стали государями, а разделявшие

с ним власть стали рыцарями – вассалами ему подвластными и (нелицеприятно) верными. И покорил господь ему врагов и супротивников его; одарил страну его миром и покоем твердым. И не в силах кому-либо обстоятельно живописать все деяния его, дабы сохранить их в памяти беспредельных времен. Этот великий царь построил Бедийский храм и основал в нем епископат, заменив им Гудаквский епископат, пожертвовал множество сел со всеми ущельями и местечками, создал для него уложение, рукоположил и посадил епископа. И если кто соблаговолит узреть и убедиться в величии Баграта, пусть прежде глянет на великолепие Бедийской церкви и воистину чрез нее познает, что не было равного ему царя в стране Картлийской и Абхазской. Он благословил церковь в Кутаиси великим и беспримерным уложением, ибо собрал всех ближних царей и католикосов, священноучителей и настоятелей всех монастырей и всех вельмож из Верхних и Нижних земель его вотчины и царства, а также находившихся во всех прочих государствах» [46, 61].

Примечательно, что Баграт III записал себя в Диван абхазских царей двадцать первым абхазским царем. В частности, он писал: «И после их (т. е. двадцати абхазских царей – *В. К.*) соизволил бог и я, Баграт Багратиони, сын блаженного Гургена, сын дочери царя Георгия, овладел страной Абхазией, моим материнским наследством, и сколько времени буду я царствовать, это ведает бог» [199, 24].

При Баграте в Абхазском царстве чеканились монеты с надписью «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов» [34, 93].

Абхазский царь Баграт царствовал 36 лет и умер в 1014 году. Согласно летописи, «в день кончины своей пребывал он в Тао. И прах его забрал эристав эриставов Звиад и упокоил в Бедиа» [46, 61]. В этом сообщении примечательно то, что Баграт в день своей кончины находился в Тао, т. е. в своем родовом (отцовском) владении, а прах его забрал абхазский эристав эриставов (князь князей), владетель Джавахетии Звиад Марушисдзе и упокоил в с. Бедиа, находившемся далеко от центра Абхазского царства, в материковой Абхазии, где уже покоилась его мать – абхазская царица Гурандухт.

Все, что выше сказано об абхазском царе Баграте и Абхазском царстве 975–1014 годов, всецело соответствует превоисточникам.

Чем же обосновывают ряд грузинских исследователей (П. Ингороква, М. Лордкипанидзе, Г. Пайчадзе, З. Папаскири и др.) свои утверждения вроде:

– современные абхазы не есть средневековые абхазы;

– абхазы – это грузины (см. выше);

– с воцарением Баграта III на абхазский престол Абхазское царство прекращает свое существование;

– Абхазия становится частью многонационального грузинского государства;

– Абхазское царство было присоединено к Тао – Кларджетскому княжеству (царству);

– Баграт III – грузинский царь, в крайнем случае – абхазо-грузинский царь и т. д.

Во всем этом самое поразительное то, что создание многонационального грузинского государства, не существовавшего в природе в X–XII вв., приписывается Тао-Кларджетскому правителю Давиду Куропалату, завещавшему в 1001 г. свои владения Византии. В дальнейшем для возвращения этих земель абхазские цари были вынуждены приложить значительные усилия (об истории вопроса см. [49, 84–105, 291–336]).

По существу, единственным основанием для подобных утверждений отдельных грузинских исследователей является лишь великое желание создать, хотя бы «задним числом», героическое прошлое для своего народа, конечно же, за счет искажения шулерским приемом первоисточников и присвоения истории другого народа. Еще в 20-е годы прошлого столетия С. Ашхацава писал: «Стремление грузинских патриотов иметь свою историю, освобожденную от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов абхазской истории получило тенденциозное освещение, вследствие чего исторический облик многовекового Абхазского государства изменился, превратившись в новую грузинскую историю» [17, 21, 22].

На самом же деле, как свидетельствуют первоисточники и, прежде всего, грузинские, Абхазское царство на рубеже X и XI вв. не только не прекратило свое существование, но и, продолжая свои экспансионистские устремления на восток, еще больше окрепло за счет присоединения к своим владениям ряда земель центральной и южной Иверии [49, 96]. Следует подчеркнуть, что это ста-

ло возможным, благодаря успешной реализации плана абхазского двора (плана Ив. Марушисдзе). В результате этого при Багарате III Абхазское царство превратилось в Абхазское многонациональное государство, по существу – в Абхазскую империю во главе с самодержцем Багратом III. К титулу Багарата «царь абхазов» добавляется «и картлийцев», что является указанием на окончательное присоединение Картли к Абхазскому царству. В дальнейшем, по мере присоединения к Абхазскому государству других земель, к титулу абхазских царей прибавляются наименования этих земель и их населения: царь абхазов, карталинов, ранцев и кахетинцев и т.д.

Абхазское государство успешно функционировало до конца правления царицы Тамары (1184–1213 гг.). Согласно грузинскому историку Вахушти, и после «… сего Багарата (Багарата III – *В. К.*) в Абхазети установилось царствование Багратионов. И царствовали эти абхазские цари в Абхазети 199 лет. И после сего Багарата Первого до царя Давида, сына Лаша, и царя Давида Нарина, сына Русудан, весь Абхазети был под единым царствием Багратионов. И до разделения (страны) на царства двух Давидов прошло 274 года» [5, 224].

После Багарата III абхазский трон унаследовал его сын – Георгий III (для грузин – Георгий I) (1014–1027). При нем ситуация внутри Абхазского царства и вокруг него осложняется. Сразу же после смерти Багарата IIIкахетинское дворянство восстало против царского наместника и, призвав опять Квирике III, возвело его в звание царя кахетинского. На это Георгий дипломатично промолчал, учитывая складывающиеся сложные отношения Абхазского царства с Византией. Вслед за отпаданием Кахетии император Византии Василий потребовал от Георгия возвращения ему бывших владений Давида Куропалата, отданных временно отцу его. На это Георгий ответил ему письмом, что он ни одной пяди земли не уступит из владений, оставленных ему отцом.

Несмотря на такой ответ, Василий не предпринял ничего против Георгия, и в продолжении нескольких лет вел с ним только дипломатическую войну. Когда в 1020 г. умер царь Армении Гачик I и между его сыновьями Иоанном и Ашотом возник спор за престолонаследие – они прибегли к суду Георгия. Георгий разделил их и короновал Иоанна, как старшего брата, присвоив себе право

наблюдателя за сохранением раздельного акта между братьями. Не прошло много времени, как один из армянских вельмож, сторонник Ашота, донес Георгию на Иоанна, как нарушившего условия отнятием у него крепости Шатак. Большая часть армян не поддерживала Иоанна. Георгий принял сторону народа; тогда Иоанн объявил войну, но был побежден; была взята столица его Ани и многие другие важные пункты Армении. Армянская аристократия разделилась на партии и открыла междоусобную войну. Ашот, будучи не в силах восстановить порядок, бежал в Константинополь, просить помощи императора. Этот случай вывел из терпения императора. Василий решил принять меры укрощения Георгия, который не только не хотел добровольно возвратить области, завещанные ему, но и распространил свою власть над другими царствами, издавна находившимися под владычеством Греческой империи. В 1021 году Василий, во главе многочисленной армии, двинулся в Кларджетию [17, 17, 18].

После неоднократных сражений в 1021–1022 гг. греческие силы взяли верх над армией Георгия. В результате, в 1023 г., был подписан мирный договор, по которому Георгий был вынужден выдать на три года в заложники своего сына Баграта и уступить империи крепости и владения Тао-Кларджети и Джавахетии.

Царь абхазов Георгий был женат дважды: первой его женой являлась армянская царевна Мариам, от которой он имел, помимо Баграта, трех дочерей – Марту, Гурандухт и Кату. Последняя была выдана замуж за Смбата – брата армянского царя. Во второй раз Георгий женился на дочери осетинского царя Алде, от которой происходил сын Дмитрий [607, 130].

В декабре 1025 года, по условиям абхазо-византийского договора, сын Георгия – царевич Баграт вернулся на родину.

Георгий скончался в 1027 году в Триалети и был погребен в Кутаисском соборе. Сын Мариам – Баграт, будучи 9 лет от роду, вступил на абхазский престол под именем Баграта IV (на абхаз. престоле – Баграт III) (1027–1072 гг.). Вторая же жена Георгия Алда – дочь осетинского царя – ушла в Западную Абхазию и вместе с малолетним сыном Дмитрием обосновалась в городе Анакопия.

До совершеннолетия Баграта страной правила его мать, царевна Мариам – племянница армянского царя. Царевне Мармам, по-видимому не без помощи армян, удалось вернуть те крепости,

которые Георгий уступил царю Василию. В этой связи новый византийский император Константин VII отправил в Абхазию свои войска, которые стали безжалостно опустошать южные районы страны. В это время (1028 г.) внезапно умер император Константин. Его преемник – Роман III, не желая продолжать войну, вытребовал войска обратно [17, 19]. Этот же царь с почетом принял в Константинополе царицу Мариам, приехавшую сюда с миссией «искать мира и единения (с империей), а также добиваться чина куропалата для своего сына, как того требовал обычай и порядок в их (царском) доме, и привезти для сына жену». Роман III удовлетворил все эти «пожелания», скрепил договор о единстве и «заимной любви» золотой печатью, присвоил Баграту звание куропалата и дал в жены ему свою племянницу – царевну Елену. Она привезла с собой византийских мастеров, завершивших благоустройство Кутаисского собора. Однако вскоре Елена умерла» [607, 131].

Вслед за этим в Абхазском царстве разворачивается династическая борьба, направленная против Баграта IV со стороны его сводного брата Дмитрия. Как отмечает З. В. Анчабадзе, вокруг Дмитрия стали группироваться оппозиционно настроенные по отношению к центральной власти феодальные элементы. Около 1032 г. ими был организован заговор, ставивший своей целью свергнуть Баграта IV с престола и воцарить юного Дмитрия. Поскольку центром заговора была Анакопия, то, можно полагать, что в антиправительственном заговоре приняли активное участие, в основном, абхазские феодалы, по-видимому поддерживаемые стороной Алды – осетинами. Однако заговорщики «не сумели ни воцарить (Дмитрия), хотя очень этого желали, ни изгнать царя Баграта и его мать, ни главных дидебули его царства». Дмитрий не рискнул после этого оставаться в Абхазии и отправился «к царю греков», т. е. в Византию, и сдал (около 1033 г.) Анакопию византийцам. «Отныне царь абхазов лишился Анакопии» [481, 295; 19, 179].

До этого царь Баграт, по-видимому, чтобы ослабить поддержку Алде со стороны её соплеменников осетин, как и его отец Георгий, женился во второй раз также на осетинке – царевне Борене.

В восточной части Абхазского царства против Баграта выступили крупнейшие абхазские феодалы – Липарит Багваш (сын Липарита) и Иванэ Абазасдзе. Они в 1032 году захватили тбилисского эми-

ра и отняли у него Биртвисскую крепость. Однако вскоре, не без участия Баграта, эмир был освобожден и Тбилиси по-прежнему остался за арабами [601, 174].

Липарит Багваш был известным по всему Ближнему Востоку политическим деятелем и полководцем. И византийцы, и мусульманские владетели относились к нему с большим уважением [601, 175].

На основании сообщений летописи З. В. Анчабадзе пишет: «Приблизительно в 1044–45 гг. Липарит «вывел из Греции Дмитрия, брата Баграта, с войсками греческого царя. К нему присоединились некие дидебулы и азнауры. Прошли они через верхнюю страну и вступили в Картли, где осадили Атени, разоряя картлийские земли». Однако повстанцам и интервентам не удалось захватить крепость Атени, ввиду стойкости её защитников. Византийские войска были вынуждены в конечном итоге вернуться в свою страну и увезти с собой Дмитрия. Мать Дмитрия, царица Алда, бежала со своим внуком Давидом (сыном Дмитрия) из Анакопии в Осетию. Что же касается Липарита Багваши, то ему пришлось помириться с Багратом, и он был утвержден эриставом Картли» [19, 180].

Согласно коллективному труду «История Грузии» [601, 175], в 1045 году старейшины Ани предложили Баграту IV, как сыну армянской царевны, присоединить к его владениям этот город, столицу Армянского царства, и десять других армянских крепостей. Баграт занял Ани и крепости и назначил туда своих чиновных людей, а в крепостях оставил грузинские (читай – абхазские) гарнизоны.

В 1046 году Баграт осадил исходную столицу Абхазского царства – Анакопию. В это же время, согласно летописи, Баграту сообщили, что умер тбилисский эмир Джафар, и старейшины города предложили ему овладеть Тбилиси. Тогда Баграт оставил для осады Анакопии «абхазские войска» во главе с владетельным князем Куабулели Отаго Чача (об имени см. гл. X, § 4), а сам уехал в Кутаиси, где собрал местное ополчение и двинулся с ними в Картли [481, 299; 19, 180]. Главная же крепость Абхазии – Анакопия еще некоторое время находилась в руках царевича Дмитрия, его матери Алды и византийцев.

Анакопийскую крепость абхазы ныне именуют *Анаԥаапиа-ԥҳа лбаа,* букв. «крепость (женщины) Анакопиапха), что есть иска-

женная форма исходного *Анаҟәапиа аҳ лбаа,* букв. «крепость анакопийской царицы», т. е. крепость царицы Алды (см. гл. X, § 5).

В 1046 году, в связи со смертью тбилисского эмира, местные городские старейшины выполнили свое обещание – передали Баграту IV город Тбилиси. Но, в результате того, что Липарит снова восстал, Баграт лишился и Ани, и Тбилиси.

Липарит вновь с войсками вывел из Греции Деметрэ (Дмитрия), брата царя Баграта. Как пишут исследователи, войско Дмитрия, состоявшее из византийских наемников, в числе которых были франки, русские, варяги и представители других европейских народов, нанесло поражение войску Баграта и штурмовало Лихский хребет с востока. Лишь внезапная кончина Дмитрия помогла Баграту удержаться у власти. Затем, с помощью византийцев и армян, еще одно тяжелое поражение нанес Баграту правитель Картлии Липарит. На этот раз царя абхазов спасли турки – сельджуки, внезапно разгромившие войско Липарита и взявшие его в плен.

Освободившись, Липарит не только вернул себе, с помощью византийцев, свои прежние владения, в том числе и Тифлис, но и настоял на высылке Баграта, его матери и сестры Марты на три года в Константинополь. Затем Липарит короновал малолетнего сына Баграта Георгия в храме Руиси (Картлия), оставив его при себе в качестве воспитанника. Липарит стал практически правителем страны [641, 67]. Лишь смерть Константина Мономаха и приход к власти безвольного императора Михаила VI Старикашки облегчили положение Баграта, который по просьбе его сестры Гурандухт был отпущен с богатыми дарами домой. «Все войско, – отмечал летописец, – вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря в Хупати», т. е. современного Хопа юго-западнее Батума. Последующие смуты в стране способствовали удалению постригшегося в монахи Липарита в Константинополь и усилению Баграта.

Вслед за этим, в 1065 году, в пределы Абхазского царства вступил сельджукский султан Али-Арслан, разорил юго-восточные и южные области, занял город Ахалкалаки, разграбил его и перебил множество жителей.

Баграту пришлось выдать замуж за сельджукского султана свою племянницу – дочь его сестры и брата армянского царя Квирике. Стремясь заручиться поддержкой Византии, Баграт в том же

1065 году выдал свою дочь Марту (Мариам) за Михаила – сына византийского императора Константина X Дуки.

В 1065 году султан Алп-Арслан вновь опустошил Восточное и Центральнео Закавказье, некоторые его отряды перевалили через Лихский хребет, дойдя до восточных предместий Кутаиса. В 1068 году султан повторил свое нашествие, разорив на этот раз сначала Картли, а потом и Аргвети. Быстро наступившие зимние холода вынудили султана увести войска обратно [601, 176–177; 607, 132]. Баграту удалось организовать несколько ответных набегов, в одном из которых принял участие брат жены царя абхазов, осетинский царь Дорголел с 40 тысячами своих воинов. По окончании похода Дорголел пришел в Кутаис «по абхазской дороге», где повидал сестру свою и племянника, куропалата Георгия [46, 76].

Баграт скончался в Картли (в 1072 г.) – в период, когда Абхазское государство переживало трудные времена. Тело Баграта было отвезено в Чкондиди (современный Мартвили) и с великими почестями захоронено в соборе, построенном Леоном III в X веке. Как говорится в летописи: «Сей Баграт стал царем в девять лет и представился в возрасте пятидесяти шести лет. Баграт первоначально был *куропалатом*, затем стал *новолисимусом*, а потом *севастом* [46, 77].

В 1072 году царем абхазов становится преемник Баграт – Георгий III (1072–1089). Его характеризуют исследователи как слабовольного человека, неудачного правителя, больше интересовавшегося развлечениями, чем государственными делами [601, 177]. Летописец же говорит: «Царь Георгий был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол, лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный» [46, 77].

На второй год после воцарения в 1073 г. Георгия от него отложились крупнейшие абхазские феодалы – правители ряда областей, которых летописец называет «главари его царства». Имеются ввиду: Нианиа – сын Квабула (абхаз. Куапыл), Иване – сын Липарита (Багваша) и владетель (наместник царя) Сванетии Вардан (абхаз. Ҩардан). Не имея возможности силой справиться с непокорными вассалами, Георгий стал осыпать их всяческими милостями. согласно летописи: «… царь Гиорги одолел их добротой, мудростью и, не припомнив содеянного ими зла, даровал: Иване

– Самшвилде, а сыну Иване, Липариту, взамен переданного кахам Рустави, отдал Лоцобанни, а Ниания – Тмогви и другое отборное имущество, Вардану пожаловал [Аскалану и Утагубо Джакелов], по совету Иване и всех верных и непокорных покрыл милостью, и так успокоил царство свое царь Гиорги» [497, 60].

Как отмечает Ю. Н. Воронов, положение Георгия облегчалось тем, что его сестра Марта «прекрасная аланка (читай – абхазка) Мария» византийских источников последовательно была женой двух императоров – Михаила VII Дуки и Никифора III Вониата [607, 132]. Пользуясь этой связью, а также трудностями, переживаемыми тогда империей, Георгий сумел вернуть крепости, отторгнутые греками силой. Согласно летописи: «Отобрал у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и – множество крепостей в Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани. И после того господь вновь угодил: взял (Георгий) город Кари – крепость и страну, и твердыни Ванадские и Карнифорские и вынудил бежать турок тех земель» [46, 78].

Вскоре Абхазское царство настигла великая беда. В 1080 году турки совершили «великое» нашествие на Кларджети, Шавшети. Далее, как отмечает Ю. Н. Воронов, преследуя Георгия, турки оккупировали Аджарию, район Кутатиса, а с наступлением зимы перешли в Восточное Закавказье, превратив его в свои зимние стоянки и летние пастбища. Георгию пришлось признать себя побежденным и отправиться в иранский город Исфахан для личного выражения покорности султану Мелик – шаху [607, 133]. Вдобавок ко всему, на страну обрушилось большое стихийное бедствие – землетрясение 1088 г. «Число жертв было велико, так как толчки повторялись в течение года. Было разрушено много городов и сел, знаменитая Тмогвская крепость превратилась в развалины» [601, 179].

Таким образом, в последние годы правления Георгия Абхазское царство оказалось в удручающем состоянии. Абхазское государство потеряло почти все свои завоевания. Практически под её контролем осталась его западно-кавказская территория, а Картли, как пишет летописец, «разорена была, и кроме как в крепостях, не было жителей нигде, и не было строений никаких…» [608, 5].

По одной версии – подавленный горем Георгий в 1089 г. отрекся от престола в пользу своего сына Давида IV (601, 179), по дру-

гой версии – в 1089 г. феодалы свергли Георгия, передав престол его шестнадцатилетнему сыну Давиду [601, 133]. Так или иначе, очевидно одно – с тяжелым наследием вступил на абхазский престол юный Давид IV (1089 – 1125), впоследствии один из великих абхазских царей, нареченный в народе Строителем.

Обладая от природы могучим умом и железной волей, Давид IV получил высокое для того времени образование. Как отмечают исследователи, он усвоил ученость восточно-христианского мира, изучил арабский и персидский языки. Арабские источники свидетельствуют о том, что Давид IV обладал большими познаниями по исламу и спорил с ганджинским кадием о происхождении корана. Был известен и своей терпимостью к иноверцам и иноплеменникам [601, 189, 190].

Давид IV начал свою деятельность с налаживания внутригосударственных отношений. В первую очередь он усмирил вождей непокорных феодалов. Одного из главных противников – Липарита Багваша – он изгнал из пределов Абхазского царства и взял его Клдекарское княжество в собственное владение. В борьбе с непокорными феодалами Давид IV пришел к убеждению, что оплотом враждебных к царской власти сил является, прежде всего, церковь.

Высшие иерархи церкви были людьми знатного происхождения и, явно или тайно, боролись против царя заодно со светскими феодалами.

По инициативе Давида IV в 1103 году был создан церковный собор, принявший решение «отрешить от управления церковью епископов, занимавших должности в силу знатности и потомственных привилегий своего рода, а не благодаря личным качествам и заслугам, и поставил на их место достойных и просвещенных лиц, не считаясь с происхождением. Как это, так и ряд других важных постановлений собора были проведены в жизнь царем быстро и решительно [601, 192].

Таким образом аристократия в церкви была сокрушена.

В то же время Давид IV предпринимает усилия по освобождению территории Абхазского царства от бродящих по нему турецких орд и от стоящих здесь сельджукских гарнизонов. При этом, не имея значительных сил, пользуется тактикой внезапных, стремительных ударов по ним мобильными отрядами [601, 191]. Уже в то время начинает складываться благоприятная для Давида IV

внешнеполитическая ситуация. Наступает время стабильного развития Великой Византиипри правлении династии Комнинов, с которой Давид породнился, выдав замуж за одного из её представителей свою дочь Кату. Наступает также процесс распада государства сельджуков и эпоха крестовых походов, поднявших престиж христианских государств в ближневосточном регионе [607, 133].

В 1104 году к Абхазскому царству окончательно были присоединены Кахетия и Эретия. Это стало возможным благодаря блестящей победе войска Давида над турками в том же году в Эрети, при *Эрцухе* [609, 51] (срав. с названием *Эрцаху* – горы в современной Абхазии; – может быть из абхаз. *Эрцыху*, букв. «гора (возвышенность) эров»).

В 1110 году войска Давида овладели городом *Самшвилде*, являвшимся значительным опорным пунктом турок, защищавшем Тбилиси с юго-запада. У турок также были отняты: в 1115 году – город *Рустави*, в 1117 году – эретская крепость *Гиши*, а в 1118 году – сильное укрепление *Лоре* [601, 193].

Давид был женат на дочери кипчакского хана Атрака Гурундухт. Пользуясь этим обстоятельством, в 1118 году переселил на территорию Абхазского царства 45. 000 кипчакских (половецких) семей. Он наделил их землей и снабдил всем необходимым для воинской службы. В итоге, через два года абхазская армия заимела «отличную конницу в 40. 000 бойцов» [601, 194].

Уже в 1120 году абхазские войска вступили в Ширван и заняли город – крепость Кабалу. В связи с этим можно вспомнить сообщение арабского историка IX века Табари о том, что Хосров I переселил часть абхазов в Азербайджан, в частности и в Шемаху. Здесь даже был город Абхаз – резиденция Абхаз-шаха – владетеля этой области (подробно об этом см. главу VIII, § 5 «Царство абазгов»).

В августе 1121 года в Триалети, в Дидгорских горах, войсками Давида была одержана победа над многочисленным сельджукским войском. В 1122 году был освобожден от турок г. Тбилиси, туда же Давид перенес из Кутаиси свое местопребывание.

Согласно летописи «Картлис Цховреба», в 1123 году Давид «взялГулистан – главный дом Шарвана в страшную жару, присоединил Шарван и наполнил добром всех покорных» [518, 344].

Еще через год Давид «направился в Шарван, и взял город Шемаху и крепость Бирити, полностью весь Шарван, и оставил в кре-

постях и городах войско большое эров и кахов». И правителем и надзирателем тамошних дел определил своего канцлера – Суймона, архиепископа Чкондидели, бывшего тогда Бедиел-Аларверди [518, 345]. Эти сведения подтверждаются также арабским историком Ибн-ал-Асиром и армянскими историками. В частности, армянский автор Метеос Урхайеци отмечает, что Давид Строитель «много известных областей (гаваров) взял от персов мечом и силой. Взял Тбилиси, город Дманиси, Шарван, Шаки и Шамкор, взял также многие другие области», а Вардан также сообщает, что Давид расширил границы своего царства, завладел ... Эрети до Каспийского моря, до Дербента и до Шабурана» [601, 51].

Различные средневековые источники также подтверждают факт столкновения абхазских и дербентских войск при Шабуране, где дербендцы были разбиты. Именно с этого времени, как пишет Д. Л. Мусхелишвили, возникает известная впоследствии формула владения абхазских царей, впервые употребленная Давидом Строителем в своем завещании (1125 г.): «От Никопсии до Дербендского моря и от Овсети до Спери и Арагаца». С этого же времени, по мнению Д. Л. Мусхелишвили, титулатура грузинских (читай *абхазских – В. К.*) царей пополняется титулом Ширваншаха, впервые засвидетельствованном при внуке Давида – Георгие III (1170 г.) [609, 52].

Поистине, великий абхазский царь Давид IV скончался в 1125 году в Тбилиси, и был предан земле в построенном им же Гелатском монастыре, вблизи прежней столицы Абхазского царства – Кутаиси.

Преемник Давида Строителя – его сын Деметре I (1125 – 1156), еще при жизни своего отца был объявлен соправителем и коронован на абхазское царство. Дмитрий I, согласно летописи, являлся отважным царем, но, по-видимому, дарованиями уступал своему отцу. Он за время своего царствования утратил часть завоеваний своего отца. В частности, Дмитрий вынужден был уступить столицу Армении Ани его прежним мусульманским владетелям. Вместе с тем, в 1138 году Давид, по-видимому, совершил удачный поход на Ганджу. Привез оттуда городские ворота и подарил Гелатскому монастырю, где покоился его отец – Давид Строитель. Дмитрий периодически объезжал свое царство. В этой связи представляет значительный интерес сообщение арабского автора XII

века ал-Фарики, служившего некоторое время при дворе Дмитрия I. В частности, он пишет: «Я поступил на службу к абхазскому царю, владетелю Тифлиса, и вместе с ним участвовал в походе его войска. Царь передвигался с одного края до другого в пределах своих владений. И я был с царем, и мы провели несколько дней в области (вилайете) Дербенд и Хазаран … Царь остановил войско в долине около горы. И Малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю и привел ему слуг (с вещами, необходимыми для) его пребывания и пиров, так как он был зятем абхазского царя, будучи женат на его дочери» [610, 222, 223; 609, 52, 53].

Правление Дмитрия было омрачено династической борьбой между ним, его братом Вахтангом и старшим сыном Давидом. Последнему в 1155 году удалось на время овладеть троном и постричь отца в монахи. Давид V умер, не процарствовав и года [607, 134].

Сразу же после смерти Давида V царь Дмитрий вновь взял в свои руки бразды правления, а затем, в 1156 году, передал корону своему любимцу – младшему сыну Георгию [601, 208], ставшему на абхазском престоле Георгием IV (1156–1184). Вскоре умер Дмитрий. По традиции же абхазского двора прямым наследником Давида V являлся не Георгий, а малолетний сын последнего *Демна*.

Как бы там не было, Георгий оказался активным государственным деятелем.

Прежде всего он стал готовиться к освобождению южных пределов Абхазского царства и Армении от сельджуков. Развернулась жестокая борьба за город Ани. С 1161 года, на протяжении более десяти лет, этот город не раз переходил из рук в руки. Лишь с 1173 года Абхазское царство стало прочно владеть городом Ани. Войска Георгия в 1162 году нанесли сокрушительный удар двинскому эмиру и овладели городом. В 1167 году Георгий выступил в поход против северо-кавказских владетелей, взял города Шабуран и Дербент и, таким образом, обезопасил с севера владения Ширван – шаха, которому он вместе с тем передал Дербент как своему вассалу [601, 210].

В 1177 году в Абхазском царстве разгорелась очередная борьба за власть, одной из главных причин которой было нарушение Георгием III порядка наследования престола.

Командующий армией Иванэ Орбели возглавил восстание против царя, целью которого было свергнуть Георгия IIIи возвести на престол законного наследника Давида V – царевича Демна. Последний сам явился к царю и тут же был схвачен, подвергнут беспощадному телесному наказанию, от чего вскоре и умер. Восстание же было жестоко подавлено, в стране воцарилось относительное спокойствие.

Георгий был женат на осетинской царевне Гурундухт.

В связи с тем, что после смерти Демны не осталось прямых наследников царской династии по мужской линии, Георгий еще при жизни сам венчал на царствование свою единственную дочь Тамару и правил совместно с ней около шести лет, вплоть до своей кончины в 1184 году. Исследователи полагают, что прах Георгия III покоился в Гегути, т. е. в одной из царских резиденций в Западной Абхазии, близь столицы Абхазского царства – Кутаиси, а затем Георгия похоронили в той же части Абхазии, в Гелати [608, 174].

Сразу же после смерти Георгия III представители высшей знати поставили под сомнение законность коронации Тамары её отцом. Вместе с тем высший совет признал Тамару законной наследницей царя и с пышной торжественностью её вторично венчали на царство, но уже с соблюдением существовавшей абхазской государственной традицией коронования царей. Церемония коронации проходила таким образом, что подчеркивались права абхазской знати [611, 338]. В летописи говорится: «… принесли венец, певцы, возвысив голоса, воспели песни победного венчания и могущественного царствования … Среди подобного славословия и величания пригласили достойного из подвижников и исполненного благости Антония Сагиристдзе, архиепископа Кутаисского, и предложили ему взять в руки венец, так как по чину возложение короны при венчании на царство было предоставлено Залихской Имерии (т. е. Западной Абхазии – колыбели Абхазского царства)» [612; 608, 199; КЦII, 27].

Летописец специально подчеркивает, что во время коронации право возложить венец имел только епископ «Залихской Имерии» (т. е. Западной Абхазии).

Показательна также церемония вручения Тамар меча, как главнокомандующему войсками. Данный символ, т. е. меч, преподнесли и надели на Тамар тот же западно-абхазский (Кутаисский)

архиепископ и абхазские именитые чины Вардан-исдзе (абхаз. Ҩардан) и Аман-елисдзе (абхаз. Амаан) (о них см. главу X, § 4) [611, 338]. В этой связи хочется подчеркнуть, что меч до конца XIX века оставался главным атрибутом абхазского военного флага.

Вскоре после окончания коронационных торжеств абхазская знать потребовала от молодой царицы отстранения высших административных чинов, ставленников Георгия III, выдвинутых из среды людей неродовитого происхождения. Предлагалось, в первую очередь, удалить из царского окружения главного военачальника кипчака Кубасара, оказавшего Георгию III исключительные услуги в тяжелые для него дни восстания, а также и некоего Афридона, назначенного Георгием начальником крепостных гарнизонов и личного войска царя. Царица Тамар была вынуждена освободить от должностей преданных отцу и ей людей [601, 212–213]. Вслед за этим царский визирь Кутлу-Арслан (Кутлу с тур. «святой», «блаженный»), занимавший еще при Георгии III должность главного государственного казначея, вместе со многими влиятельными сторонниками, потребовал создать независимый государственный законодательный орган «Каравi».

Сторонники царицы предложили ей изолировать Кутлу-Арслана. По их настоянию последний был арестован, однако сразу же в его защиту выступили многие влиятельные силы. Царица была вынуждена пойти на переговоры. Кутлу-Арслан был освобожден. Обе стороны пошли на уступки и соглашение было достигнуто. Таким образом, была ограничена царская власть, а традиции абхазского двора, которые были попраны Дмитрием I и его сыном Георгием III, практически были восстановлены. Именно эти цари стали самодержавно править страной, назначать, вопреки традициям, себе соправителей из числа своих детей, короновать их. Ими же игнорировались мнения знатных людей страны, более того, – они стали не вхожими в царский двор, а высокие государственные должности были отданы людям не родовитым и не местного абхазского происхождения.

Именно эти и подобные действия Дмитрия I и Георгия III стали главной причиной уже названных антицарских выступлений. Царица вынуждена была провести также и значительные должностные перестановки в сторону укрепления значимости абхазской знати в делах государства. Были определены «должностные лица,

имевшие право стояния во дворце перед троном, назначены были сообразно их происхождению» [КЦ II, 34; 611, 340].

Тамара была ограничена и в выборе себе супруга, так как многое зависело от того, кто им станет.

На совместный царско-церковный совет был вынесен вопрос замужества Тамары. Назывались различные достойные имена. Многими была поддержана кандидатура Алексея Комнина – внука Византийского императора Андроника Комнина и абхазской царевны Каты, который приходился троюродным братом Тамары. Однако, по причине близкого родства, эта кандидатура была отвергнута. По этой же причине оказались несостоятельными и кандидатуры осетинских царевичей [605, 147]. После долгих дебатов, по предложению правителя (эмира) Картли и Тбилиси Абуласана [611, 225] или Абул Асана [605, 147] (из рода абхазских князей Маршан – Варданов из Цебельды [506, 106]) советом было принято решение предложить молодой царице в мужья русского царевича Юрия (Георгия), сына великого князя Владимиро – Суздальской земли Андрея Боголюбского. Несмотря на возражение царицы, венчание было решено [611, 340, 341; 613, 76].

Согласно русской летописи, в 1172 году Андрей Боголюбский посадил своего сына Юрия князем в Новгороде. В 1174 году отец Юрия – Андрей Боголюбский – стал жертвой боярского заговора и после того, как брат его Всеволод захватил владения Андрея, в княжестве не осталось никого. Юрий оказался в изгнании на Северном Кавказе, у половцев [605, 147].

Вскоре Юрий был привезен в Абхазию и обвенчан с царицей Тамарой.

Княжич Юрий оказался отважным воином и неплохим полководцем. За два года абхазское войско под его началом одержало ряд побед. Вместе с тем, как отмечают сторонники царицы, в течение тех же двух лет он обнаружил такие недостатки в характере и поведении, которые нельзя было загладить, простить или же исправить. Летописец говорит: «При омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать» [608, 227].

Однако, по-видимому, не в этом была главная причина неприятия Юрия. Во-первых, Юрий был навязан в мужья Тамаре и венчали их без её согласия, а также его кандидатура была поддержа-

на не всеми влиятельными чинами царского двора. Это обстоятельство, как отмечает историк М. Лордкипанидзе, не могло не наложить определенный отпечаток на взаимоотношения Юрия и Тамары. Отношения между сторонниками Юрия и сторонниками царицы обострялись, а в этих условиях Юрий, естественно, должен был поддерживать интересы той группировки, которая привела его к престолу. Тамара же, умножая число своих сторонников, готовилась к разрыву отношений со своим мужем. Через два года после замужества царица потребовала от высшего государственного совета право развода с мужем и «совет уважил её требование» [505, 148].

В 1188 году Юрий был вынужден оставить пределы Абхазского царства. При этом отпустили его, по-царски щедро одарив золотом и прочими сокровищами, посадили на корабль и отправили в Константинополь [608, 227].

Вскоре, в 1189 году, Тамара венчалась вторым браком с осетинским царевичем Давидом Сосланом, воспитывавшимся у её тетки – царицы Русудан. Венчание состоялось, несмотря на существование между ними довольно близкого родства. Прадед Тамары – Давид IV – являлся отцом прабабушки Давида Сослана. В силу этого родства Давид Сослан рос в абхазском царском дворе.

Давида в качестве своего супруга царица выбрала сама. Данный брак был воспринят в царстве неоднозначно. Как показали последующие события, он вызвал негативное отношение прежде всего у абхазской стороны, где родственные отношения строго охранялись. По этой причине, как уже сказано, до первого замужества Тамары были отвергнуты кандидатуры Алексея Комнина и осетинских царевичей. Кроме того, Тамара являлась дочерью осетинской царевны Гурундухт, и теперь появление на абхазском престоле рядом с Тамарой осетинского царевича Давида Сослана, хоть и родственного абхазским царям, могло привести к перерождению абхазского государства.

Именно вышеназванные обстоятельства, по-видимому, подтолкнули влиятельную часть абхазской знати, приведшей Юрия к абхазскому престолу, силой вернуть его обратно. Вскоре все западно-абхазские правители, как один, отложились от Тамар и устроили крупный мятеж. Восстание охватило также некоторую часть восточной и южной части Абхазского царства. В Запад-

ную Абхазию прибыл бывший муж Тамары – Юрий (Георгий) и в Гегутском дворце близь столицы Абхазии – Кутаиси он был коронован царем Абхазии [505, 151]. Далее восставшие перешли в Восточную Абхазию – в Картли, отсюда же часть восставших двинулась в сторону Джавахети, где вскоре они были разбиты войсками царицы. Основную же часть восставших Тамара нейтрализовала различными обещаниями. Восставшие были помилованы, а Юрий (Георгий) вторично был удален из пределов Абхазского царства.

Однако, по-видимому, войдя в роль царя, Юрий уже в 1193 году сам попытался с незначительными силами проникнуть в Абхазию с восточного края, но был разбит и скрылся.

Что же касается самого восстания, то оно, хоть и не до конца добилось своей цели, но стало серьезным ударом по самоволию царицы, оно продемонстрировало Тамаре и Давиду Сослану силу и волю абхазской государственной элиты. Поэтому не случайно, что первый ребенок Тамары и Давида был назван Георгием – именем его деда, абхазского царя Георгия III, и вторым абхазским именем *Алаша // Лаша*.

Это было сделано демонстративно, как знак преданности Тамары и Давида абхазам и абхазскому престолу. Летописец, личный историк Тамары, подчеркнуто писал, что имя *Лаша* «переводится с языка апсаров (т. е. абхазов – *В. К.*) как «Просветитель (вселенной)» [565, 434; 19, 190]. Слово *лаша* переводится с абхазского и в значении «светлый», «светоч» [19, 214; 515, 202] (см. выше).

Как справедливо подчеркивает З. В. Анчабадзе: «Слово «лаша» действительно абхазское. Оно означает по-абхазски «светоч», «светлый»... поскольку слово «лаша» означает «светоч» (или «просветитель», как его переводит автор «Истории и восхваления») *только на абхазском языке*, а не на языке какой-либо другой народности многонационального ...царства, то с полным правом мы можем сказать, что термин «апсары» «Истории и восхваления» идентичен термину «абхазы» (в узком смысле) того же источника» [19, 214, 215]. При этом следует подчеркнуть, что термин «апсар» являлся формой множественности самоназвания абхазов от *апса→апс-ар* (см. выше). Однако, понимая важность вышеприведенного ключевого сообщения летописи, современные грузинские исследователи умышленно опускают его или дают цитату без фра-

зы «на языке апсар», другие же, без зазрения совести и без всякого основания, имя *Лаша* объявляют древнегрузинским.

Естественно, что в созданном абхазами многонациональном государстве абхазы и их цари играли главенствующую роль. Абхазские князья и дворяне являлись владетелями многих земель в Закавказье, они составляли самый богатый и влиятельный класс феодалов Абхазского царства. В XII–XIII вв., как отмечает З. В. Анчабадзе, ни одно более или менее важное государственное мероприятие в стране не проводилось без участия представителей собственно Абхазии. Абхазы находились при царском дворе и участвовали во всех важных придворных церемониях государственной важности, принимали активное участие во всех военных действиях и т. д. [19, 187, 188].

В девяностые годы XII века в Абхазском царстве складывается стабильная внутриполитическая ситуация.

Еще в 1193 году, по обычаю абхазских царей (*хьыҙрацара* «хождение за славой»), в ознаменование рождения наследника престола Георгия–Лаша, царский двор сражу же предпринял крупный военный поход в Бардави – «великий и древний город». По свидетельству летописца: «...Опустошив Аран в больших сражениях, подобных битвам Нимрода, вернули владения и строения Бардоса, брата Эроса. Захватив множество пленных и неисчислимые сокровища, отпустили на волю тридцать тысяч пленников в долгоденствие Тамар и младенца её» [199, 91].

После победоносного возвращения из Бардави был предпринят поход на Эрзерум. Причиной тому, по-видимому, явился выход Эрзерумского правителя из подчинения абхазской короне. Владетель Эрзерума, предвидя реакцию абхазского двора, подготовился к обороне и призвал на помощь владетеля Карса Насраддина, сына Салдуха, и др. Однако, несомтря на сильное сопротивление, абхазские войска под предводительством Давида Сослана одержали победу.

В 1195 году атабек иранского Азербайджана Абубекр вторгся в Ширван. Не обладая возможностью самостоятельно оказать сопротивление врагу, ширван-шах Ахсартан обратился за помощью к царице Тамаре. Вскоре состоялась большая битва между абхазскими войсками, возглавляемыми Давидом Сосланом, и войсками атабека у Шамхора. Неприятель был разбит, было захвачено

знамя Халифа – символ могущества турок, а сам Абубекр спасся бегством.

Вслед за Шамхором был взят и город Ганджа [601, 217]. Эти победы, как отмечают исследователи, еще более укрепили позиции Абхазского царства на Ближнем Востоке. Затем к Абхазскому царству были присоединены область Гелакуни (район озера Севан) и Араратская долина [613, 77].

Абхазские войска в 1196 году силой взяли крепость Амберд, в 1201 году – Биджнис, в 1203 году – город Двин [505, 157]. Эти успехи Абхазского царства вызвали тревогу у соседних мусульманских владетелей, в особенности у Рукн ад-Дина, султана Рума, сельджукского государства Малой Азии. Последний организовал большой поход против Абхазского царства. При этом он через посредников отправил царице Тамар унизительное письмо, полное угроз и оскорблений.

Высший государственный совет, обсудив сложившуюся ситуацию, решил немедленно готовиться к войне.

Рукн ад-Дин собрал своё войско, созвал союзников и расположился около Басиани. Как полагают, в его стане находилось около 400 000 воинов [505, 167].

Бой с турками произошел в 1209 году в Басиани, около Эрзерума. Начало сражения для абхазского войска оказалось не очень благоприятным, но вскоре ситуация выправилась в связи с вводом в бой дополнительных абхазских сил во главе с Давидом Сосланом, который неожиданно ударил по врагу с фланга. Враг не выдержал этого натиска и бежал в беспорядке [601, 218, 219].

В тот же период внутренние и внешние факторы поставили Византийскую империю в тяжелое положение. Внутри страны шла кровавая борьба за престол, извне империи угрожали с одной стороны турки-сельджуки, с другой – крестоносцы. Последние овладели Константинополем и разделили между собой Византию. Воспользовавшись данной ситуацией, абхазские войска вторглись в пределы империи и заняли *Лазистан, Трапезунт, Самсун, Синоп, Керасунт*, взяли также *Катиору* и достигли *Гераклея*. На занятой территории было основано новое государство, на престол которого Тамара возвела своего родственника, царевича Алексея Комнина, грека по происхождению, но получившего воспитание при абхазском дворе [601, 217].

Для абхазского царства имело немаловажное политическое и экономическое значение установление контроля над Карсом, являвшимся одним из основных оплотов турок-сельджуков в Закавказье и находившимся на одном из главных торговых путей. Абхазские войска осадили крепость Карс. Несмотря на длительное и яростное сопротивление её защитников крепость была взята в 1206 году [601, 219; 505, 159].

В 1207 году скончался супруг Тамары – царь Давид Сослан. Царица в 1208 году объявила соправителем и венчала на царство своего еще совсем юного сына *Георгия IV*, известного в истории также под абхазским именем *Лаша* [601, 219]. После этих событий абхазский царский двор проводил целый ряд значительных военных действий. Как отмечено в исторической литературе, в 1208 году, в праздник Пасхи, ардебильский (в Иране) султан ворвался в христианский город Ани и там произошло страшное кровопролитие. Абхазский царский двор, удрученный этим страшным преступлением, решил отплатить султану той же монетой. С этой целью ночью накануне большого мусульманского праздника абхазские войска неожиданно напали на Ардобиль и овладели им. Город был разорен и разрушен до основания, а захваченный в плен султан казнён. После этой удачной военной операции абхазская армия уже в 1210 году двинулась на юг, вглубь Ирана. Один за другим были взяты города *Марану, Тавриз, Миане, Зенджан* и *Казвин*. Достигнув *Ром-Гура*, абхазские войска вернулись обратно с огромной добычей [601, 220].

В 1213 году, находясь в селе Табахмела (село в Аджарии), скончалась великая абхазская государыня Тамара, точное место захоронения которой до сих пор не установлено. По одной версии она была похоронена в родовой усыпальнице абхазских царей в Гелати, по другой же версии – в собственно Абхазии. Последнее согласуется с текстом древне-грузинской народной песни, известной под названием წაიყვანეს თამარ – ქალი «*Увезли Тамар*», в которой говорится: «წაიყვანეს თამარ – ქალი აფხაზეთში დიელო...ო», букв. «*увезли царицу Тамар в Абхазию*» [617, 160].

После смерти Тамары управление государством всецело оказалось в руках её юного сына Георгия Лаша (1213–1222). Царю Георгию Лаша пришлось потратить много лет на усмирение периодически восставших Гандзы, Нахичевани, Эрзерума и других

центров. Известность о победах Георгия дошла до римского папы Гонория III, который предложил ему участвовать в очередном крестовом походе. Однако в 1220 году у восточных границ объединенного царства появилось 20-тысячное войско монголов, посланных Чингис-ханом. Первое сражение монголы у Лаши выиграли.

На следующий год монголы снова появились у границ Абхазского царства. На этот раз их встретили здесь внушительной военной силой. Оценив ситуацию, монголы уклонились от столкновения, перевалили через горы и удалились восвояси [607, 135; 601, 226].

В 1222 году умер царь Лаша Георгий. Хотя у Георгия был малолетний сын Давид, но по воле царского двора абхазский престол унаследовала его младшая сестра Русудан (1222–1245). На следующий же год, по настоянию абхазской знати, Русудан была обвенчана с сыном эрзерумского владетеля Мугис-эд-дином, от которого заимела двух детей – Тамару и Давида [601, 246].

Спустя три года после воцарения Русудан Абхазское царство оказалось у критической черты из-за вторжения осенью 1225 года в его пределы многочисленного войска хорезмского шаха Джелал-ед-дина. Последний, не дав абхазскому двору опомниться, стремительными ударами нанёс поражение абхазскому войску у крепости Гарни (в Армении), а затем, в декабре 1225 года, осадил Тбилиси и вскоре город был взят.

Абхазские войска вновь потерпели поражение и в 1228 году в Болнисском сражении. Русудан вынуждена была бежать в Кутаис, где, как сообщает летопись, «призвала все войска свои – абхазов, Дадиан-Бедианов, рачинского воеводу и католикоса Абхазии, и провозгласили (они) царем Давида, сына Русудан, благословили его на царство в Кутаисии возложили на голову корону». Произошло это в 1230 году, когда Давиду было пять лет. Коронация «на царство в Кутаиси» и первое после 830 года упоминание в этой связи «абхазского католикоса», как отмечает Ю. Н. Воронов, является показателем не только распада абхазского многонационального государства, но и раскола Мцхетского католикосата, из которого выделился равный ему по полномочиям новый церковный организм с центром в Пицунде.

Дальнейшие попытки Русудан восстановить государство в прежних границах были безуспешными: началось вторжение монголов.

В 1243 году Русудан признала верховную власть хана Батыя. Монгольские войска разместились в Восточном Закавказье. Русудан была обязана ежегодно выплачивать 50 000 золотых, а её сына Давида IV отправили к великому хану монголов для утверждения на престол [607, 135]. В том же году объединенная с монголами армия Русудан вторглась в Малую Азию, где сопротивление ей оказал Эрзинский султанат, войско которого возглавлял «прославленный абхазец» *Дардан Шервашис-дзе (Чачба)*. По-видимому, это может быть указанием на то, что представители феодальной верхушки Абхазского воеводства в тот период вышли из повиновения Русудан. Как известно, «пребывающие дальше всех» абхазские феодалы приняли участие и в антимонгольском заговоре 1247 года [607, 136].

Царица Русудан умерла в 1245 году. В качестве ее преемника монголы утвердили двух царей – Давида, сына Лаши (правил в 1245–1270 годах) и Давида, сына Русудан (правил в 1245–1293 годах). Имена этих двоюродных братьев получили монгольские определения: *Давид Улу*, т. е. Давид старший, и *Давид Нарин*, т. е. Давид младший. В начале они оба сидели в Тбилиси и совместно управляли государством. Затем, в 1259 году, Давид Нарин обосновался в Западной (Залихской) Абхазии, где он был коронован еще в пятилетнем возрасте, а Улу Давид вступил в союз с монголами и укрепился в Восточной Абхазии (т. е. на территории современной восточной Грузии). Таким образом, Абхазское единое многонациональное государство к началу второй половины XIII века пришло к распаду. Как отмечает Ю. Н. Воронов, этот важный момент политического распада зафиксировал армянский историк Хетум (XIII век) в своем труде «История монголов». «Это царство, – писал Хетум, – разделяется на две части. Одна часть называется Грузия, а другая – Апхас (Абхазия). Там всего было два царя, один из которых, т. е. грузинский царь, подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять его под свое иго …» [607, 136].

К указанному периоду также и Вахушти относит распад Абхазского царства, которое просуществовало, по его подсчету, 473 года [5, 224].

Некоторые же исследователи считают, что Абхазское царство окончательно распалось только в XV веке [17, 25, 28, 45, 46; 382, 73, 74].

Позже правителями Восточной и Западной частей бывшего единого Абхазского царства предпринимались попытки восстановления единого государства, однако в тех условиях распад абхазского многонационального государства был неизбежен. Абхазы же, утратив значительную часть своих людских (этнических) ресурсов в Закавказье, вынуждены были закрыться в своих этнических пределах. С начала XIV века по XIX век вся бывшая территория Абхазского царства была охвачена междоусобными войнами.

В конце XV века на развалинах Абхазского царства, на территории современной Грузии, возник целый ряд независимых друг от друга грузинских государств. На отдельные княжества распадается также и Западное Абхазское царство.

§ 3. Государственный и социальный строй, экономика, быт и культура Абхазского царства (VII–XIII вв.)

Абхазское ранне-феодальное царство возникло в VIIIвеке как мононациональное государство. С VII по X век вся территория Западного Кавказа в первоисточниках именуется Абазгия или Абхазия, а её население – абхазами, хотя в состав населения входили сваны и некоторая часть чанов (предки совр. мегрелов). Цари же именовались только как *Аԥсҳа* «Царь абхазов». С X века, в связи с экспансией абхазов в Восточное Закавказье, Абхазское царство начинает приобретать характер многонационального государства. В титулатуре абхазских царей начинают появляться имена покоренных и включенных в пределы Абхазского царства народов и территорий (см. ниже).

Абхазское царство в XII и начале XIII века представляло собой уже крупное феодальное многонациональное государство, простиравшееся практически между Черным и Каспийским морями. В частности, *в начале XIII века его восточная граница проходила по реке Чалан-Усун,* совр. *Ах-су* «Белая речка» (в Азербайджане). *Восточнее Чалан-Усуна был расположен вассальный Абхазскому государству Ширван. Юго-восточная граница Абхазии проходила по Гурджи-Богазу. На юго-западе границы Абхазии доходили до Спери и Чанети, и государственная граница проходила по реке Порчис-Цкали. Западная граница шла вдоль Черноморского побережья и крайним пунктом на северо-востоке являлась Никопсия (близ Туапсе). Север-*

ная граница государства проходила по гребню Главного Кавказского хребта до Шемахийской горы. Севернее этого хребта были расположены вассальные Абхазии народы. В пределы Абхазского царства входили Двалети, Хеви, Пхови (Хевсурети) и Тушети. Крайним пунктом на севере был Чми на реке Терек [622, 54–65; 505, 163].

1. Государственный и социальный строй

С самого возникновения Абхазского царства во главе его стояли цари, именуемые до конца XIII века всеми первоисточниками царями абхазов.

Первоначально при царском дворе действовал совет старейшин, а затем высший царский совет, состоявший из основных государственных и церковных чинов. До XI века важнейшим лицом после царя являлся управляющий царским двором, который при Георгии II именовался, по преданиям абхазов, *Чихан Дадах*, в грузинских источниках *Чкон-дидели* (см. выше). При таком окружении полнота власти царя – самодержца зависела, прежде всего, от его личных качеств и заслуг. Что же касается представительного органа – совета, то он созывался царем при необходимости обсуждения особо важных государственных вопросов.

Царь являлся главнокомандующим армией, должность же заместителя главнокомандующего занимал предводитель армии – абхаз. *аԥыза* или *арԥыза* «предводитель армии». Вся территория Абхазского царства делилась на сугубо царские и княжеские владения. Царь управлял государством и своими владениями посредством высших чинов, придворных и управителей земель *аҳ, аҳцәа* «владетельные князья», «эристави» и царских наместников *аҳмада* (см. выше). Царь также управлял страной и с помощью своих спецпредставителей *атԥарнак, аҳитԥарнакцәа* и *ахылапшью* (*ахылаԥшҩы*) «смотрящий», «надзиратель».

С расширением Абхазского царства увеличивается число придворных чинов, усложняются и расширяются их права и обязанности. В XII веке в абхазском дворе появляются чиновники, именумые персидско-арабским термином «визир», обозначавшим высшего сановника.

Значительную роль в абхазском государстве играли родовитые абхазские князья, являвшиеся и крупными феодалами, с мнением которых абхазским царям приходилось считаться, а разногла-

сия между ними порой доводили до военного противостояния.

Основной опорой абхазского государственного аппарата являлось дворянство – абхаз. *аамстҭара, аамстҭцәа*. Абхазо-абазинские дворяне, как уже отмечено, подразделялись на две основные категории – *аамста ду*, букв. «большие дворяне» или «великие дворяне», т. е. «феодалы», равнозначные грузинским *тавадам*, и обычные дворяне – *аамста*, составляющие служилое и рыцарское сословие абхазского общества (см. главу X, § 3).

По-видимому, уже в IX веке в Абхазском царстве в основном завершается процесс образования классов крестьян и феодалов. В XI–XIII веках, согласно летописи, представители высшего дворянства уже обладали собственными вооруженными силами [618, 91]. Самым многочисленным являлось сословие крестьян – абхаз. *анхафы*. Оно состояло из *анхафыцкьа*, букв. «чистые крестьяне», т. е. «независимые крестьяне», имевшие свое хозяйство, определенные общественные права, имевшие также право держать рабов и зависимых от себя бедных крестьян.

Вторую часть крестьянства составляла категория *ахьыпшы* (ахипшы) «зависимые», «опекаемые». В неё входили: зависимые крестьяне – *анхафы хьыҧшы*; малоимущие – *аҕар*; закрепощенные крестьяне – *ахәуфы*; прислуга – *амаӷуфы*, *амаӷурызкуа*; рабы – *атҭәы, агыруа*; рабы рабов – *атҭәы итҭәы*; рабы из пленных – *ахашәала* (см. главу X, § 3).

Вместе с тем, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, у абхазов того периода еще сохранялись значительные остатки общинных отношений. В силу этого независимость крестьян сплошь и рядом вуалировалась всякого рода патриархальными отношениями. Среди них особо следует отметить систему молочного родства между феодалами и крестьянами, в том числе, прежде всего высшей категории лично свободных, так называемых «чистых крестьян» (*анхафы*). Однако главным пережитком дофеодального общественного устройства являлась сельская община (*ақытҭа*), которая пережиточно сохраняла немалую силу и в период могущества Абхазского царства в XII–XIII вв. [365, 519].

2. Войска и вооружение

В любом государстве особое значение имеет вопрос организации войска и уровень его вооружения. В абхазском государстве

царь, как самое могущественное лицо, имел собственное войско – царскую гвардию. В целом же абхазское войско было организовано по принципу феодального ополчения. Во время военного положения феодалы страны были обязаны явиться со своим войском под царское знамя. Перед выступлением в поход царь устраивал войскам осмотр: проверял его боевую готовность, вооружение, благословлял войско и боевое государственное знамя [505, 170]. Армянский католикос Иованнес Драсханакерти, говоря об итогах визита Ашота II Ерката в Абхазию (X в.), касается состояния абхазской армии Константина. В частности он пишет: «Царь абхазов Константин, встретив Ашота многочисленными подарками и приняв его очень дружелюбно, полностью, всем сердцем, душою и мощью своею присоединился к нему. *Он оказал ему большую помощь, собрав многочисленное войско на конях, словно по воздуху летящих, в железных доспехах и устрашающих шлемах, в скрепленных железными гвоздями нагрудниках и с прочными щитами, снаряженное в вооруженное острыми копьями, – дал все это войско ему, дабы с помощью его он отомстил врагам.* Поспешно вернувшись с этой массой конного войска и внушив смелость всему до единого множеству воинов, он полагал, что сумеет скоро довести дело до конца и с легкостью заставит врага сложить оружие» [600, 224].

Согласно же сообщению А. Грена, абхазская армия в X веке «*была вооружена по византийскому обычаю в сплошные латы, в то время как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи ..., на которую (т. е. на армию абхазов – В. К.) кругом смотрели со страхом и трепетом ...*» [628, 52; 49, 391].

С XI века абхазская армия становится многоязычной. В состав абхазкой армии стали входить: земское войско, которое вербовалось по всей стране и составляло основное ядро государственного войска, царское ополчение из вассальных стран, которое содержалось при царском дворе, и наемные военные отряды, состоящие в основном из северокавказских соседей. Особый род войск предназначался для защиты и охраны городов и крепостей [505, 170].

Грузинский поэт XIX века Григол Орбелиани в стихотворной форме воспроизводит национальный состав абхазской армии царицы Тамары следующим образом:

«Поднимая стяг Тамары,
В Дидубэ со всей округи,
Собрались для общей брани, кахетинец и тушин.
На хевсуре и на пшаве
Как огонь горят кольчуги.
Вот – могучий карталинец
Вежливый имеретин,
Месх, прославленный ученый,
Осетин, бесстрашный воин,
Меткий стрелами абхазец,
Храбрый горец и мегрел, …» [611, 344].

Абхазские лучники и абхазская конница являлись основными звеньями абхазской армии. Абхазские воины, в особенности лучники, пользовались широкой известностью еще в античном мире. В римской армии имелись отдельные абазгские военные подразделения. В Египте в V веке стояло абазгское военное подразделение, именовавшееся «Первая когорта абасгов» (см. главу VIII, § 5).

Абхазским лучникам посвящен целый ряд поэтических строк: например, в персидской поэме «*Вис и Рамин*» (XII в.) говорится: «*Ресницы её научились стрелы метать от абхазов, амбр исходил от души и от тела её*» [619, 168]. В стихотворении Григола Орбелиани (XIX в.) читаем: «Меткий стрелами абхазец» [611, 344].

Абхазы являлись также великолепными наездниками, как их предки гениохи, которых Лукан (I в.) называет «страшными наездниками» (см. выше). В прошлом, в ночное время абхазских наездников узнавали на расстоянии по характерному топоту их коней. Убранство коней абхазов вызывало восхищение у окружающих [623]. В известной грузинской опере З. Палиашвили говорится о великолепном абхазском наряде коня героя. О. В. Вахания также пишет о том, что в Западной Грузии абхазов считали хорошими наездниками и поэтому хорошая скаковая лошадь, изящное наездничество там часто ассоциировалось с представлением об абхазе [620, 32; 621, 45].

Своими военными навыками абхазы пользовались и в позднем средневековье. В частности, известный историк К. Кудрявцев говорит: «…абхазцы славились своими набегами и морским разбоем даже в такой стране, каким являлись Кавказ и Малая Азия в XVII и XVIII веках. Топот коней лихих абхазских джигитов при-

водит в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда иногда бороздили и волны Босфора, и смелость их набегов знало все Черноморское побережье» [15, 149].

Грузинский же историк Вахушти (XVIII в.) писал, что абхазы «*по морям ходят на судах олезхандар*, *в которые они садятся по сто, двести и по триста человек*», что в боях на море они «*стойки и могущественны*» [584, 785].

Свидетельством высокого имиджа абхазского воина также является уже названная «Повесть о Вавилон-граде» (XV в.). В ней в числе трех бесстрашных витязей, посланных в Вавилон с целью овладения знаками царского достоинства для византийского императора, наряду с греком по имени Гугрий и русским Лавером назван обежанин (т. е. абхаз) Яков [49, 386, 387].

3. Экономика Абхазского царства VIII–XIII вв.

Социально-экономическими предпосылками образования Абхазского царства в VIII веке явилось формирование единой абхазской народности и возникновение с V–VI вв. феодальной системы, элементы которой начинают обнаруживаться с позднеантичного времени.

В VII-VIII веках Абхазия представляла собой густонаселенную страну с растущими производительными силами и сравнительно выгодным международным положением. Высшая социальная категория была представлена светской и духовной знатью, низшая – крестьянами раннефеодальной эпохи. «Страна Абхазская» имела своего правителя, епископов, священников, в ней процветало христианство [525, 49–51; 365, 533].

Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, главными занятиями раннефеодальной Абхазии являлись земледелие и скотоводство. Развивалась и торговля, о чем говорят найденные в различных пунктах денежные знаки того периода. Их находят, что очень важно, не только в прибрежной, но и в предгорной и частично горной полосе – это боспорские, понтийские, греческие, персидские, римские, византийские, арабские монеты и монеты других стран. Большое место в хозяйственной жизни страны занимали различные ремесла – металлообработка, гончарство, судостроение, обработка шкур и кож, ткачество и др. В качестве товарного продукта, несомненно, продолжали эксплуатироваться и природные

ресурсы – лес, металл, воск, шкуры, пушнина и т. д. [365, 519]. Особое внимание уделялось виноградарству, как интенсивной отрасли хозяйства.

В IX–X вв. абхазское крестьянство уже выплачивало господские повинности в виде барщины, которая в это время выражалась как в трудовой повинности, так и в натуральном налоге. Абхазская казна пополнялась и за счет набегов на соседние с Абхазией регионы, однако абхазская казна пополнялась главным образом за счет таможенных пошлин, взимаемых на подконтрольных государству морском побережье, горных перевалах и международных торговых путях, а также и за счет торговли с другими странами. Как отмечает О. В. Маан, в структуру торговли Абхазского царства входил не только внутренний и внешний, но и государственный и частный, мелкий и крупный товарообмен; разнообразным был, надо полагать, и набор товаров, имевший хождение на рынке. Крупные абхазские профессиональные торговцы (*ахәаахәҭцәа*), занятые по преимуществу отдаленной внешней торговлей, находились на службе у царского двора, были, по сути, и его агентами [376, 166].

Основными предметами абхазского экспорта являлись продукты животноводства, пчеловодства, охоты, ткаческого ремесла – ковры, шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, керамические изделия, вино, веревки, канаты различного назначения, корабельный лес, самшит и многое другое. Широким спросом пользовались в странах Малой Азии, в Византии абхазские охотничьи соколы.

В Абхазию же ввозились различные ткани, в том числе златотканые платки, парфюмерные изделия, сахар, дорогие металлы, предметы церковного обихода, керамика и др. [611, 350].

В VIII–X вв. в Абхазском царстве и собственно Абхазии, как считается, основным платежным средством были византийские монеты, тогда как в Картли в обращении были арабские монеты. Эти монеты выступали в роли местной, так как служили местному назначению и широко использовались на внутреннем и внешнем рынках. Вместе с тем, по утверждению Д. Ланга, в средние века в Абхазии имела хождение монета собственного чекана. Речь идет о золотом гиперпироне весом в один мискал, являвшийся местным платежным средством. «Эта монета, – указывает Д. Ланг, – имела

хождение в землях абхазов и является денежной единицей их отцов» [624, 166, 167; 81, 15].

Материальное состояние Абхазского царства позволяло уже в VIII–X веках абхазским царям производить строительство целого ряда грандиозных христианских храмов как собственно в Абхазии, так и на присоединенных территориях. Абхазские цари отстраивают города Кутаис, Чихара (абхаз. *Чхара*) и Хони. Вместе с тем Абхазия ведет активную экспансивную политику в сторону Восточного Закавказья.

По мере расширения пределов Абхазского царства и включения в него новых экономически значимых территорий растут материальные возможности государства. Военные походы давали стране большое богатство в виде военной добычи и контрибуций с покоренных стран. Так, например, как уже отмечено, при рождении у царицы Тамары сына Лаша Георгия был предпринят очередной военный поход. В результате нового похода был разорен почти весь Иран. О несметных богатствах, захваченных в этом походе, летописец эпохи Тамары говорит: «Наполнились все государственные сокровищницы золотом и золотой утварью, ибо сыпали золото подобно земле (песку), камни (драгоценные) и жемчуг считали мерками, греческие и другие златоткани, очень редкие, бросали, как ненужное одеяние. Серебряная же утварь не пользовалась уже никаким почетом во дворце царя, так как все было сделано из золота и хрусталя, разукрашено драгоценностями, индийскими камнями, и ими он щедро одарил все церкви для отправления святых таинств». По словам историка царицы Тамары, Абхазия настолько разбогатела, что «земледельцы уподобились дворянам, дворяне – князьям, князья же – царям». «При Тамаре государство было настолько богато, что крепостные дворян одевались так же, как и их господа» [626, 140].

Абхазское многонациональное государство в XII и начале XIII века превращается в одно из богатейших государств Кавказа и Малой Азии [601, 228]. Оно чеканит собственные монеты, строит по всей стране храмы, оборонительные сооружения, новые царские резиденции, дороги, мосты, содержит многочисленную наемную армию и собственные военные подразделения. Страна щедро тратится на развитие церкви и светской культуры и т. д.

4. Церковь и культура

Как уже сказано, датой утверждения христианства в качестве официальной религии в Абхазии принято считать 548 год. В VI–VII веках на территории Абхазии уже имелось множество христианских сооружений, среди которых пользовались известностью Цандрипшская базилика, церкви в Гагре, Питиунте, Цибилиуме, Алахадзы, Себастополисе, Гюэносе (Очамчыра), Зиганисе (Гудаа) и др. Подчиненность абхазской церкви в VI-VIIвеках Константинополю являлось важным звеном, связывающим Абхазию с Византией. Освобождение Абхазского царства от политического господства Византийской империи предполагало и создание абхазской независимой церкви. По мнению Вахушти отделение абхазской церкви произошло вскоре после образования Абхазского царства. Вместе с тем известно, что еще в 750 году абхазский царь Давид посылает духовное посольство в Антиохию, чтобы узаконить самостоятельность абхазской церкви (об этом см. выше). Здесь антиохийский Патриарх Феофилакт рукополагает абхаза Иоанна в католикосы. Вскоре первый абхазский католикос Иоанн возвращается в Абхазию [86, 15, 16].

Согласно сообщению Иоанна Сабанисдзе – писателя VIIIвека, автора сочинения «Мученичество Або Тбилели», Абхазия уже в 80-е годы VIIIвека являлась цветущей христианской страной. Сабанисдзе говорит: «И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т. к. он узрел страну ту (Абхазию – *В. К.*) исполненной христовой веры и ни одного неверующего не сыскать было в их (абхазов) пределах. А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии … Когда же праведный и блаженный Або увидел чрезмерное боголюбие людей тех мест и непрерывное моление всего народа, им овладело священное рвение» [199, 8, 9].

В VIII-X веках абхазские цари строят в Абхазии такие грандиозные христианские сооружения как: Лооский храм в западной части исторической Абазгии (Абхазии) (VIII–IX вв.) [87, 61–66], Патриарший собор в Пицунде (IX–X вв.), Мюссерский храм близ Пицунды (X в.), Лыхненский храм Успения Богородицы (IX–X вв.), Анакопийский (Ново-Афонский) храм апостола Симона Канонита (X–XI вв.), Моквский кафедральный собор Успения Бо-

жьей матери (X в.), Кячский храм на горе выше абхазского села Джгерда (X в.), Лашкиндарский храм на горе выше г. Ткуарчал (X–XI вв.), Бедийский храм в абхазском селе Агу-Бедиа (X в.), грандиозный кафедральный купольный храм *Чихан дыуду* (мегр. Чкондиди) (X в.), Хонский собор (IX в.).

В период продвижения абхазов на восток в X–XIII вв. абхазские цари продолжали последовательно придерживаться христианской идеологии не только во внутренней политике и освоении новых территорий, но и выступали проводниками христианской веры для своих соседей – язычников.

В начале X века абхазский царь КонстантинIII возвел храмы в с. Эредви (Южная Осетия) и в Испирском ущелье (на левом берегу р. Чорох у подножья Испирской горы) две грандиозные базилики: Дорт-Килиссе (Килисса – из греч. эклес «церковь») и Пархал [626, 144]. Царь и абхазское духовенство разворачивают миссионерскую деятельность по утверждению православного христианства на Северном Кавказе, в частности – в Алании. Христианизацию Алании продолжил абхазский царь Георгий II. Вскоре здесь, в верховьях Кубани, появляются христианские храмы наподобие абхазских. Миссионерская деятельность абхазских царей в Алании получает высокую оценку со стороны константинопольского патриарха Николая Мистика, которую он выражает в благодарственных письмах абхазским царям Константину III и Георгию II [86, 19, 20; 625, 193, 194; 474, 8].

Десятым веком датируется строительство *Вачнадзианского* храма и кафедрального собора *Алаверди*. К X веку относится и кафедральный собор в Самшвилде (958 г.) на бывшей территории князей Барат (Бараташвили) из рода абхазских князей Гечба (см. выше).

Во второй половине X века Леон III строит, наряду с Моквским храмом в собственно Абхазии, и кафедральный храм в Джавахетии в селе Кумурдо (964 г.). При Баграте III в 1003 году в столице Абхазского царства – Кутаиси завершается строительство самого великого в Закавказье храма периода Абхазского царства – Кутаисского храма, именуемого также Храм Баграта. По-видимому, при том же абхазском царе Баграте III был построен в Кларджети кафедральный собор *Анчи* – из абхаз. *Анцәа* «Бог», «Спаситель». Святыней Храма *Анчи*, т. е. на абхазском «Храма Спасителя», яв-

лялась знаменитая нерукотворная икона – груз. Анчисхати – что из абхаз. *Анцәа ихата*, букв. «Образ Бога», «Образ Спасителя» [589].

Следует подчеркнуть, что в IX–X вв. в церковном зодчестве Кавказа особое место занимает абхазская школа. Существование абхазской школы церковного зодчества, как отмечает Н. Милованова, признают многие специалисты, в том числе и грузинские [627, 11; 626, 173]. Милованова заключает: «… Абхазское церковное зодчество, испытавшее вначале влияние Византии, Сирии и Сасанидской Персии (через Армению), переработав и обогатив этот опыт, создало новую школу с присущими только ей архитектурными приемами и особенностями, которая впоследствии оказала влияние на строительство храмов в Грузии, в Киевской Руси и на Северном Кавказе» [627, 11].

Абхазские цари уделяют значительное влияние церковному строительству и в XI–XII веках. Однако, по мере присоединения к абхазскому царству новых земель Восточного Закавказья, абхазская архитектурная школа уже с конца X века начинает принимать элементы грузинской и армянской архитектуры. Таким образом, формируется новый архитектурный стиль. По этому поводу Ш. Я. Амиранашвили пишет: «Лишь в конце X – начале XI в. четко выявляется постепенно слагавшийся новый стиль в искусстве. Возникают такие монументальные памятники зодчества, как Ошки, Хахули, Кутаисский кафедральный собор, Алавердский храм и капитально перестраивается Свети-Цховели в Мцхете. … Основным очагом была юго-западная Грузия (читай *юго-западная Абхазия – В .К.*)» [626, 158].

Согласно древнерусской летописи, *обезы* (т. е. абхазы) принимали участие в строительстве Софийского собора в Киеве [627, 11]. Древнерусский источник «Киево-Печерский пятерик» рассказывает о приглашении в 80-е годы XI века художников-мозаечников греков и обезов в Киево-Печерский монастырь для художественного его оформления [49, 244, 252, 273].

В XII – начале XIII в. вся обширная территория Абхазского царства была покрыта сетью великолепных христианских храмов и церквей, построенных в подавляющем большинстве абхазскими царями в VIII–XIII веках. Абхазское царство с самого начала встало под христианский флаг, христианство же стало идеологической основой абхазского государства. В XI–XIII вв. абхазы в Закавказье

создали многоязычную высокоразвитую христианскую культуру и, вместе с тем, и сильное многонациональное государство. Абхазское духовенство, являясь частью сообщества крупных феодалов и придерживаясь у себя принципа церковной централизации, поддерживало создание светской централизованной власти. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на укрепившиеся позиции христианства в Абхазском царстве, здесь еще в XI–XII веках действовали также языческие обряды и обычаи.

Абхазский царский двор внутри государства проводил политику терпимости и уважения к народам присоединенных к Абхазии территорий и их верованиям. Здесь уживались все существовавшие тогда религиозные течения.

В XI–XII веках церковная служба в Абхазском царстве велась на многих языках: на абхазском, греческом, мегрельском, иверском, осетинском, армянском, алванском (албанском) и др.

В этот период особое развитие получает в Восточной Абхазии иверская (грузинская) и армянская церковная письменная культура. В церквях и монастырях создавались оригинальные богословские и философские произведения, делались переводы с иностранных сочинений, переписывались рукописи, воспитывались молодые люди и т. д.

При этом следует заметить, что основные иверские центры просвещения и научно-литературной деятельности находились вне пределов Абхазского царства. Таковыми являлись: Иверская лавра на Афоне, Иверский монастырь на Черной горе в Сирии, Крестовый монастырь в Палестине, Петрицонская в современной Болгарии и др. [505, 179].

Дети знатных людей получали светское образование в абхазском царском дворе или в Византии.

В XI–XII вв. получают известность в Византии целый ряд писателей и философов, являвшихся выходцами из пределов Абхазского царства. Среди них Грамматик Абазг, Георгий Абазг, Василий Аваск, философ Иоан Питриций, Ефрем Мцири, Евфимий Ивер, Митридат Лаз, Макар Месхи и др. [510].

В Абхазском царстве уделяется значительное внимание летописанию. Согласно этой же летописи, уже в конце X века существовал летописный свод «Жизнь абхазов», откуда царь абхазов Баграт II (по груз. счету – III) выписал по хронологии имена существо-

вавших до него абхазских царей, список которых получил название «Диван абхазских царей». Само же историческое произведение «Жизнь абхазов», являющееся летописью Абхазского царства VI–X вв., позже было затеряно. Однако, как отмечает медиевист Г. А. Амичба, в соответствии с сохранившимися в «Летописи Картли» материалами о «Жизни абхазов», можно судить о его сущности: «Выясняется, что летопись Абхазского царства представляла собой обширную историю, в которой подробно описывались события VII-Хвеков. … Очевидно, этот письменный памятник начинался с воцарения Леона II и заканчивался кратковременной деятельностью Феодосия Темного» [515, 10, 11].

На наш взгляд, материалы летописи «Жизнь абхазов» в переработанном виде легли в основу составленного в 1072–1073 гг. на иверском (грузинском) языке сочинения, получившего позже название «Матиане Картлиса» или «Летопись Картли». Составителем этой летописи, как полагают исследователи, являлся человек из восточной части Абхазского царства [497, 13, 15].

По-видимому, этническим абхазом являлся известный писатель X века Георгий Мерчуле – автор сочинения «Жизнь Григола Хандзтели», в котором описываются различные факты из истории раннефеодальной Абхазии. Имя автора – *Мерчуле* – представляет собой закономерную грузинскую передачу абхазского имени одного из древних абхазских княжеских родов Маршанов (груз. Марушианов) – *Мырҷыл*, фонетический вариант которого есть *Бырҷыл*, отсюда и груз. фамилия *Бурҷул-адзе* (см. Главу X, § 5). Род *Мырҷылов* и по сей день сохраняется в Абхазии.

В X – начале XIII века летопись Абхазского царства ведется в основном на греческом, иверском (грузинском), армянском, арабском и персидском языках. В них описываются деятельность абхазских царей, значимые события и, в целом, – внутренняя и внешняя политика абхазского государства.

В Абхазском царстве для народов, проживающих здесь и вне его пределов, абхазская поведенческая, бытовая и рыцарская культура являлась предметом особого подражания. Абхазы в процессе своего национального развития выработали для себя свод духовных, морально-этических норм поведения под названием «*апсуара*», буквально переводимое как «абхазство». Он сформировался, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, еще в период образования

единой феодальной абхазской народности как особая этническая индивидуальность, как общность со своим этическим самосознанием, территорией, языком, культурой. Это стало историческим фактом ко времени образования Абхазского царства в конце VIII в. н. э. [23, 412]. Далее нормы *апсуа-ра* в абхазском обществе приобретают силу закона. По этому поводу профессор А. Э. Куправа пишет: «Традиционный абхаз стремился везде и всюду, при любых обстоятельствах следовать морально-нравственным законам *апсуара*, т. е. в своих практических действиях, поступках и словах проявлять: совесть абхаза(аԥсуа ламыс); честь и уважение (апату); гуманность (ауаҩра); мужество, героизм и отвагу (ахаҵара); рыцарство, благородство (аамыстәашәара); уважение к старшим (аиҳабы ҳаҭыр иқәҵара); соблюдение старшинства (аибарԥшра); взаимоснисходительность (аихаҵгылара); снисходительное отношение к слабому, доброту, душевность (агәыҳалалра); скромность, кротость, выдержанность, деликатность, вежливость; чувство долга и достоинства; взаимопомощь, взаимоподдержку (аихыраара, «киараз»); стойкость, твердость (ачҳара) и т. д.» [366, 202, 203].

С утверждением феодальных отношений в Абхазии в системе *апсуара* особое место начинает занимать дворянский, т. е. рыцарский этикет. В этой связи О. В. Маан отмечает: «…именно период зарождения и развития феодальных отношений сопровождался процессом выделения из общеабхазского этикета нового – дворянского этикета. Представители высшего сословия тем самым создали себе свой особый этикет, свою особую культуру, которая в целом опиралась на общеабхазский этикет. Вместе с тем, *Аамстәашәара* более детализировал систему *Апсуара*, в результате чего все ее важнейшие требования соблюдались более скрупулезно и более щепетильно, со своими специфическими способами и методами» [621, 36]. По определению О. В. Маан: «Апсуара задавала стандарты и каноны всего образа жизни высшего сословия, приводя его к «общему знаменателю»: надо было «вести себя как все», и «жить как все», и чтобы «все было как у всех». Она пронизывала все сферы жизни аамста, буквально до мелочей регламентируя их жизнь. Нормы *Апсуара* носили характер закона и имели очень сильное воздействие на высшее сословие. Нарушение этих норм рассматривалось как преступление» [621, 92].

Для абхазов превыше всего были *честь и слава* «ахьӡ аԥша». И сегодня абхазы считают, что «человек живет в этом мире, чтобы отличать честь от позора «ауаҩы адунеи дзыҟәу ахьӡи ахьымӡгьи рзоуп»». О достоинстве абхазов С. П. Басария в самом начале XX века писал: «Абхаз, – изысканно вежлив, почтителен к старшим. Умением держать себя и, вообще, что называется тактом, абхазы поражали почти всех иностранцев. Рыбинский говорит, что «чисто французской вежливости и предупредительности, как у них – вы нигде не встретите» [16, 81].

Абхазский народ, как отмечает профессор А. Э. Куправа, творец шедевров устного народного творчества – сказаний, эпоса, мифов, легенд, сказок, народной поэзии и яркой традиции устной художественной речи [366, 35, 36]. Наиболее значительными памятниками абхазского народного творчества являются известный Нартский эпос, а также сказания о герое-богоборце Абрскиле – абхазском Прометее и сказания об Апсха – царях Абхазии.

Представляет значительный интерес абхазский музыкально-песенный фольклор. Здесь представлены такие древние песенные произведения, как: свадебный «*Ҭацаагарашәа*», горевестные «*Ауоу*», «*Аԥсхураашәа*» [16, 76]; трудовые: песня жерновов «*Алурашәа*», песня мотыги «*Ачагашәа*», песня валяльщиц бурки; боевая песня «*Ар-рашәа*», песня героя «*Ахаҧарашәа*», песня о скале «*Ахра ашәа*», песня моряков «*Ашхәар рашәа*», кавалерийская «*Азарашәа*», «*Аҽцәа рашәа*», песня-молитва «*Анцәа рашәа*», букв. «Песня богов» и многие другие [34, 151; 16, 78, 79].

У абхазов практиковались слушания народных певцов и певиц, поэтов и поэтесс. Абхазские барды воспевали мужество, благородство и любовь; обличали злодеяния, пороки. Каждая песнь являла собой опоэтизированную частицу народной жизни, побуждала человека на подвиги и добрые дела, удерживала его от низких, неблаговидных поступков. Женщины в танце на народных празднествах были виртуозными и неутомимыми партнерами мужской компании [366, 288].

Значительное время живший среди абхазов грузинский священник К. Мачавариани в частности отмечал, что у абхазов «особенным вниманием пользуются песни и танцы в хороводных плясках, когда на обширной площади собирается молодежь из разных сёл и когда каждое село представляет своего поэта на состязание, что

исполнители песен о народных героях и обличители общественных пороков … пользуются общим уважением. Певцы свободно импровизируют, без труда облачают свои мысли в поэтическую форму в течение целого дня или ночи, в особенности, на специально устраиваемых состязаниях». «В обширном хороводе стоят эти поэты на противоположных сторонах, и поэзия их льётся широкой волной. Каждая поэма волнует не только молодежь, но и столетних стариков и старух, вспоминая дела давно минувших дней, минувшей свободы и вольной жизни». Поэта, заслужившего пальму первенства, подбрасывали в воздух и слава о нём сохранялась в деревне на долгое время [625, 39, 40; 366, 288].

Тот же автор К. Мачавариани говорит и об абхазских танцах – плясках. Он пишет: «Для танцев составляется большой круг из кавалеров и девиц. Диаметр круга бывает 60, а иногда и 100 аршин. Около каждого кавалера стоит девица или молодая замужняя женщина. По команде запевалы, в один миг все берутся за руки и начинается бег сначала на месте, потом справа налево и слева направо. Круговое движение происходит под такт песенников; поют все без исключения, но и пение это подчинено своего рода дисциплине. Сначала поёт часть, которая входит в состав первой четверти круга, потом вторая и так далее …, не мешая друг другу и не заставляя танцующих прерывать танцы». Кроме круговой пляски были и другие, в которых танцор вступал в состязание с танцоркой. Певцы начинали петь, кавалеры, образовав круг, хлопали в ладоши, и на арену выходили кавалер и девица. «Всё искусство их пляски, – пишет Мачавариани, – состоит в выделывании разных фигур … Кавалер во что бы то ни стало старается утомить свою даму так, чтобы она первая отказалась продолжать танец. Бывают случаи, когда девицы берут верх и сменяют по 3 или 4 кавалера. В честь таких неутомимых плясуний составляют хвалебные гимны …». В этих народных празднествах, как правило, принимали участие представители всех сословий [630, 56, 57; 366, 288, 289].

Многие авторы прошлых веков писали об исключительном развитии ораторского искусства у абхазов. Оно являлось важной частью их традиционной культуры. Его развитию содействовали, прежде всего, условия общественной жизни, включая традиционные народные собрания и народное судопроизводство [366, 36].

По ораторскому искусству, голосу, умению держаться, осанке Дж. Белл (первая половина XIX века) сравнивал абхазских ораторов с виднейшими европейскими сенаторами и судьями начала XIX века [217; 631, 52, 55]. Другой же автор – академик С. Н. Джанашиа – также говорил о том, что ораторскому искусству, деликатности и этикету абхазского крестьянина могли бы позавидовать видавшие виды дипломаты из Лиги Наций [366, 45]. По свидетельству К. Мачавариани: «Речь оратора – абхазца убедительна, увлекательна и до того обаятельна, что порой и убеленные сединой старики заслушиваются ею. Кто в совершенстве владеет абхазским языком, тот пользуется сильным орудием, чтобы проникнуть во все изгибы души, во все уголки сердца … Народный гласный суд, к которому допускаются жители обоего пола, не разбирая возраста, создает среди абхазцев выдающихся ораторов … Послушайте речь старика-абхазца, окруженного многочисленным со всех сторон собравшимся миром, решающим семейные, общественные, сословные и другие дела по обычаю старины. Слушая даже обыкновенного оратора или доморощенного поэта, не знаете чему удивляться, логической ли его последовательности или счастливому скреплению разнообразных по силе слов и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несется неудержимо. В бесконечных сравнениях, фигуральных образах и чудных аккордах слышатся глубокие истины, практически годная житейская мудрость, завещанная предками, и проверенные опытом собственной жизни советы» [629, 42; 266, 43].

Российская журналистка Зинаида Рихтер, побывавшая в 1923 году в Абхазии, писала: «Никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала культурном собрании. Абхаз выслушивает оратора, не перебивая его ни шумом, ни возгласами, в классической бессознательно-величавой позе, опираясь на высокий посох или винтовку. Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы, все вопросы решают необычайно быстро» [631,61].

В Абхазском царстве для всех проживающих в нем народов эталоном поведенческих норм являлся абхазский этикет. Он более всего оказывал влияние на поведенческую культуру менгрелов, грузин и осетин. Архимандрит Леонид (Кавелин) писал: «Усили-

лось нравственное влияние абхазов на соседние народы, страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику». Для картвелов, как и для других соседних народов (например, турок-османов), этикет «абхазский» был выражением аристократической изысканности и благородства, поэтому человека с хорошими манерами сравнивали с абхазом. В Грузии в качестве эпитета благовоспитанного человека употребляли выражение: «он как абхаз», «воспитан как абхаз» [633, 92; 168, 23; 624, 151].

Даже в конце позднего средневековья абхазы оставались на Кавказе эталоном благородства, рыцарского духа и воспитанности, в связи с чем в Грузии абхазов именовали «французами Кавказа». В конце XIX века Евг. Марков писал: «Сами абхазы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, французы Кавказа, как их величают в Грузии» [632, 360, 361; 621, 45].

§ 4. О языке письма и общения в Абхазском царстве

Как уже выше говорилось, судя по данным абхазского и абазинского языков и памятникам материальной культуры, абхазо-абазинскому этносу издревле не была чужда письменная культура. На абхазо-абазинском языке дешифрована т. н. «майкопская надпись» XIII–XII вв. до н. э. и сухумский эпиграфический памятник II в. до н. э. [25].

Вместе с тем, как свидетельствуют археологические памятники, уже в конце I-го тысячелетия до н. э. на территории Абхазии получает распространение греческое письмо [168, 66]. Им начинают широко пользоваться с утверждением здесь христианства с V по X в. В этот период греческий и абхазский языки становятся языками местной церковной службы. Как уже сказано, еще в 548 году в Абасгию был прислан абасг Евфрат с целью введения здесь христианства и, нужно полагать, для организации понятной для абхазов церковной службы на их языке, для чего из Константинополя был прислан и епископ. Император же Юстиниан для абазгов построил храм, а у себя в императорском дворе основал школу для обучения мальчиков из Абасгии.

Греческое письмо имело применение в Абхазском царстве до конца X века – греческие надписи встречаются на стенах старинных

церквей, на предметах церковной утвари, на надгробных плитах и т. д. Лишь намного позже, в эпоху грузинского влияния, в абхазских церквях, на иконах и фресках появляются грузинские надписи, нанесенные часто поверх древнегреческих.

Так, например, С. Смоленский сообщает о том, что он в 1830 году читал в Лыхненской церкви надпись на греческом языке о появлении кометы. Поверх неё уже в 1848 году появилась надпись о том же явлении на грузинском языке, прочитанная Мари Броссе [533, 350; 365, 556].

Греческая письменность использовалась в Абхазии, как в церковной, так и в светской жизни, пример тому – вислая печать абхазского владетеля VII века, на которой имеется греческая надпись «Константинос Абасгиос», т. е. Константин Абазгский [168, 67].

Вышеуказанные и другие свидетельства говорят о двуязычности абхазской элиты раннего средневековья. Она владела как абхазским, так и греческим языками, которые являлись и языками церковной службы. Абхазская элита также пользовалась греческим письмом, а по сообщениям древних авторов -и собственно абхазским. О том, что существовала абхазская письменность и что абхазский язык являлся языком церковной службы, говорит создатель славянской азбуки Константин Философ. Он в 867 году, отстаивая право народов создавать свою письменность и славить Бога на родном языке, перечисляет народы, пользующиеся своей письменностью и несущие Богу службу на своем родном языке. В частности, он называет армян, персов, авазгов (абхазов), иверов (грузин), осетин, готов, аваров, тюркские народы, хазар, арабов, египтян, сирийцев [531, 29; 49, 49, 339].

Абхазская письменность упоминается и в известной «Повести о Вавилонском царстве». Последняя подробно рассматривается в монографии проф. А. Л. Папаскир «Обезы...». Считается, что «Повесть о Вавилонсокм царстве» была написана в Византии примерно в X веке, а на русскую почву попала еще в XIII веке. О сути самой повести А. Л. Папаскир пишет: «После падения древнего Вавилона, обладателя всемирной власти, не оказалось достойного по своему могуществу государства, которому можно было бы передать функции Вавилона. Поэтому знаки всемирной власти пришлось оставить в опустевшем Вавилоне, и их там охраняли сказочные змеи. Логика заключалась в том, что знаков всемирной

власти достоин именно тот царь, который способен преодолеть все эти чудовищные препятствия. Многие правители, в том числе и византийские, неоднократно пытались приобрести эти символы, спрятанные в Вавилоне, но могущества не хватало. И тогда, как свидетельствует вторая повесть, византийский император Лев, по крещению Василий, вынужден был найти трех бесстрашных витязей – грека по имени Гугрий, обежанина (абхаза) Якова и русского Лавера – и послать в этот загадочный Вавилон в надежде на то, что эти герои сумеют вырвать знаки царского достоинства для византийского императора. А сам Лев со своими воинами следовал за ними на значительном расстоянии. Витязи, прибывшие в опустевший Вавилон, оказались перед чудовищным змеем, спавшим, свернувшись кольцом вокруг Вавилона. На стенах этого города на трех языках (греческом, абхазском, русском) сообщалось, каким образом и по каким лестницам можно преодолеть это препятствие, каким святым поклониться, где найти указанные символы и т. д. [49, 50, 386, 387, 393; 536, 182–183].

Обращает также на себя внимание ряд сообщений конца XIV – начала XVвеков. В частности, итальянский миссионер Иоанн де Галонифонтибус, епископ Нахичевана, а затем архиепископ персидского города Султании, глава христиан Персии и «всего Востока», после пребывания в Абхазии, Черкессии, Мегрелии, Грузии писал о том, что у черкесов (читай – у абхазов) имеется не только свой язык, но и своя письменность [534, 30, 31, 32]. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, эти сведения перекликаются с аналогичным и почти синхронным сообщением немецкого (баварского) автора Иоанна Шильтбергера, также посетившего на рубеже XIV–XV вв. Абхазию и другие уголки Кавказа. В частности, он сообщает, что в его время в числе языков, на которых велось христианское богослужение, были черкесский (зихский), абхазский, грузинский и мингрельский языки [535, 102; 534, 32–33].

На фоне вышеназванных фактов представляет значительный интерес приписка к неаполитанскому тексту греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (1048 г.), гласящая о том, что этот текст «переведен с абхазского (абазгского) языка» (Translata abasgo genere stilo) [532, 16, 17, 247].

Сегодня остается гадать: на каком языке или языках (возможно, на абхазском и греческом) была написана таинственно исчезнув-

шая летопись Абхазского царства «Жизнь абхазов» или «Житие Абхазии», о которой упоминается в «Картлис Цховреба» («Матиане Картлиса»). Летопись «Жизнь абхазов» видел иерусалимский патриарх Досифей, который оттуда и выписал генеалогию абхазских царей, названную «Диваном абхазских царей». В этой связи проф. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Однако, с исчезновением летописи «Житие Абхазии» легко говорить об этом, когда большинство «движимых» памятников искусства и бытовой материальной культуры были вывезены и часто неизвестно, где находятся и к кому относят их принадлежность, когда многое исчезло или уничтожено. Памятью средневекового искусства остались в основном лишь монументальные сооружения, которые, к счастью, никак невозможно вывези, хотя никакого содержимого, кроме частично сохранившихся фресок, в них уже нет. Даже пицундские храмовые мозаики были вырезаны и вывезены в Тбилиси в Музей искусств Грузии, где выставлены в нескольких залах, хотя их следовало законсервировать на месте, как это делается во всех других странах» [365, 561].

Бесследно исчезла и «Книга царей из рода их Багвашей» или как её называет медиевист Г. Цулая «О книге царей и рода Багвашей», на которую ссылается безымянный автор XIV века [46, 25, 26].

В дополнение к сказанному уместно вспомнить деятельность комиссии «ученых мужей», созданной в начале XVIII века Вахтангом VI (см. Предисловие). Члены комиссии «ученых мужей», как правило, переписывали доступные им первоисточники, после чего исходный материал «чудесным образом» пропадал или просто горел. Так, например, в России трижды горели дома имеретинского царя Арчила, вместе с вывезенным им из Имеретии царским (абхазским) архивом [45, 84, 117].

Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, были также уничтожены, уже в наше время, Абхазский институт с его уникальным архивом, Музей Н. А. Лакоба с его архивом, Государственный архив Абхазии, как, впрочем, в свое время и архив князей Шервашидзе и все принадлежащее им имущество и т. д. и т. п. [365, 561].

О существовании в средние века абхазской письменности говорят и ряд исследователей. В 1924 году историк С. М. Ашхацава, затрагивая историю Абхазского царства, пишет: «Нужно полагать, что государство имело не только свой язык, но и свою письмен-

ность, без чего христианские проповедники не смогли бы обойтись, не говоря уже о других правительственных необходимостях в письменности ….Ныне действующий древнегрузинский алфавит являлся алфавитом древнего Абхазского государства до его распадения; и после этого он все еще остался у церкви и дипломатии до 1863 года» [17, 36–37].

По вопросу абхазской письменности высказывается и известный кавказовед К. Кудрявцев. Он, рассматривая золотой век Абхазии, задается вопросом: «Могло ли существовать в течение нескольких веков большое, могущественное государство, распространявшее свое влияние и господство на Западное Закавказье, не имея своей письменности. И если оно не имело, то чьей пользовалось – греческой, грузинской и т. д.» Далее он же говорит: «По всем данным, вплоть до оформления Абхазии как совершенно независимого государства, этот край пользовался греческой письменностью (алфавитом и языком). Это находит подтверждение в легендах «колхидок», в надписях на храмах и в современном Новом Афоне и др.

Но затем мы беремся высказать смелое предположение, – судя по некоторым данным, так называемый «грузинский» алфавит являлся государственным алфавитом Абхазии, и уже потом, будучи использован Грузией, стал ее национальным достоянием, иначе смешно было бы грузинским летописцам в IX веке расхваливать этот алфавит. Только этим и можно объяснить ту «архаичность» грузинского языка этого периода. Вполне возможно, что в промежутке между греческим и «грузинским военным» письмом абхазская государственность и абхазцы пользовались общекавказским христианским алфавитом.

Возможно и то, что работы археологов в Абхазии и современной Западной Грузии откроют нам надписи на особом абхазском алфавите или же алфавитах, только что перечисленных. Ведь имеем же мы в Закавказье достоверно существовавший народ (агован, кавказских албанцев), от которого мы в наследство не получили ни одной записи, хотя известно, что у них была письменность [15, 124–126].

На наш взгляд, сообщения древних авторов и мнение названных и других исследователей, а также и материалы абхазо-абазских языков (см. выше), дают основания уверенно говорить о

существовании в эпоху Абхазского царства абхазского письма и, соответственно, составленных на нём абхазских текстов.

На территории Абхазского царства в XI-XIIIвеках фиксируются три местных алфавита, считающихся грузинскими: это заглавно-церковный (по-грузински *асомтаврули*), строчно-церковный (*хуцури)* и гражданский (*мхедрули*). Современное же грузинское письмо возводится к гражданскому, т. е. *мхедрули* [538, 44]. Однако такое обилие алфавитов у одного народа и использование их в один и тот же период маловероятно. Мы, как и уже названные авторы, также считаем, что один из них, а именно гражданский – *мхедрули* или *мхедар* являлся абхазским.

По мнению акад. Н. Я. Марра, грузинский церковный и гражданский алфавиты не являются разновидностями одного алфавита, а суть независимые друг от друга алфавиты, возникшие в разные периоды. Причем церковное письмо Н. Марр считал изобретением периода христианства, а гражданское письмо – изобретением периода язычества [538, 46]. Гражданское письмо *мхедрули* или *мхедар* выполняло роль письма феодальной знати – правящего сословия. Слово *мхедрули* или *мхедар*принято переводить как «всадническое» от груз. *мхедари* «всадник», «наездник», «кавалерист». Однако, на наш взгляд, оно может быть производно из другой основы. Если из грузинской формы слова *мхедрули* отделить грузинскую приставку *«м»* и окончание *«ули»*, то получим основу *хедар*, что может быть из абхазского *хадар* или *хадара* «правительство», «правление», «правящая элита», *Аԥсны ахадара* «Правительство Абхазии» и т. д. Само же абхаз. *хадар // хадара* представляет собой неопределенную форму множественного числа от абхазского термина *ахада* «глава», «главный», «глава чего-либо», «президент» – *Аԥсны ахада* «Президент Абхазии»; сравните также *анбан хада* «заглавная буква» или *анбан хадақәа* «заглавные буквы». Последнее значение – «заглавный» – представляет также интерес в связи с тем, что письмо *асомтаврули* состояло только из заглавных букв.

Что же касается этимологии названия гражданского письма *м-хедр-ули,* то оно больше соответствует назначению и характеру самого письма в Абхазском царстве, чем принятый грузинский перевод «всадническое». Таким образом не исключено, что абхазские тексты на основе письма *хадара* (груз. *м-хедар*) – *ахадара*

ҩыра «правительственное письмо», также и тексты, написанные на заглавно-церковном *асомтаврули* могут храниться в тайниках грузинских хранилищ или в еще не открытых эпиграфических памятниках Абхазского царства.

Уместно здесь затронуть и этимологию грузинского слова *цера* – (çera) «писать», выводимое грузинскими авторами из значения «резать», «рассекать» [538, 41]. Однако, на наш взгляд, груз. *цера* вряд ли можно отделять как по значению, так и по форме от абхазского *а-ҵара,* сохраняющееся в значении «запись», «записывать» в словах *анҵара* (ançara) «записывать», «наносить», «наложить»; *анапы-нҵара* «подписать», «подписывать», букв. же «наложить руку» – от *анапы* «рука» и *анҵара* «наложить», «налаживать».

Форма же слова *анҵара* «записывать» (срав. *аныҵра* «стереться») состоит из препозиционного *ан*, соответствующего русскому предлогу «*на*» и глагольной основы, представляющей масдарную форму абхазского глагола *ҵа-ра* «писать» первоначально «ложить», «наносить», «вложить», срав. преверб *ҵа* «дно», «основа», «под». Слово *ҵара (ан-ҵара)* «писать» со временем у абхазов получило и значение «учиться»: *аҵара* «учиться», «учеба», «учение», «образование», *аҵаҩы* «ученик», *ар-ҵаҩы*«учитель» и т. д.

Обращает на себя внимание еще одна деталь. В грузинском и абхазском языках алфавит, азбука, букварь обозначается практически одним словом: в грузинском *анабана* (разг.) или *анбани*, отличающиеся окончанием «и» от абхазского *анбан*. Все эти формы восходят к названиям первых двух букв алфавита – *а – «ан»* и *б – «бан»*. Представляется, что первая буква названа абхазским именем матери *«ан»*, отсюда форма названия второй буквы *б «бан»*, срав. *бы* или *а-б* в абхазском и абазинском «отец».

Как уже сказано, ряд грузинских и других исследователей утверждают, что Абхазское царство было грузинским политическим образованием. Говорят, что якобы на это указывает численное преобладание в Абхазском царстве картвельского этноса, что в нем пользовались грузинской письменностью, что официальным языком этого государства был грузинский, что богослужения проводились на грузинском языке, и т. д. и т.п., что, как уже сказано, не очень соответствует первоисточникам.

По этому поводу проф. А. Л. Папаскир пишет: «Думается, подобные аргументы несостоятельны. Вполне допустимо, что в Абхазском царстве грузинского этнического элемента стало больше на втором этапе развития этого государства (XI–XII вв.), когда оно стало расширять свои владения за счет восточно-картвельских земель. Но это еще ни о чем не говорит. В Византийской империи собственно греков было гораздо меньше, чем иноязычных. В Золотой орде монголов было несравнимо меньше, нежели завоеванных народов, но Золотая орда оставалась монгольским государством. Латинским языком и письмом пользовались многие европейские страны, но народы этих стран не стали итальянцами. На греческом писали и молились Богу многие народы, в том числе и абхазы, но самобытность при этом не потеряли» [49, 319]. Далее А. Л. Папаскир приводит слова известного русского ученого – литературоведа В. В. Кожинова: «В XIII–XVI веках существовало великое княжество Литовское, включавшее в себя громадную западную часть Руси (нынешние Украину и Белоруссию), отпавшую от нее в результате монгольского нашествия. Это было, конечно же, именно литовское государство, но его официальным письменным языком был все-таки русский (которым владели, разумеется, и литовские великие князья). В сущности, также обстояло дело в X–XIII веках и в Абхазском царстве» [537, 154; 49, 319].

Подобных примеров в истории много. Можно вспомнить средневековых союзников абхазов хазар, создателей могущественного Хазарского Каганата. Хазары, являясь тюркоязычным народом, в конце VIII века приняли караимское вероисповедание. Официально же переписка в этом государстве велась до X века на древнееврейском языке.

В Закавказье же имеем, отмеченный еще К. Кудрявцевым пример агован (кавказских албанцев), у которых была своя письменность, а албанские тексты на нем до сих пор остаются затерянными.

Как видно, существует немало различных материалов, дающих представление о характере письма и языка Абхазского царства VIII–XIII веков.

С уверенностью можно утверждать, что в VII–X вв. в Абхазском царстве использовалось для межгосударственной переписки греческое письмо и греческий язык, а внутри государства между

элитой – абхазское письмо и абхазский язык, языками же церковной службы являлись абхазский и греческий.

С расширением территории Абхазского царства и образования Абхазского многонационального государства (Абхазской империи), абхазские цари ведут межгосударственную переписку на языках тех государств, с кем они переписывались. Внутри же абхазского государства в XI–XIII вв. языками письма и церковной службы становятся: в абхазской среде – абхазский, частично греческий и грузинский, в грузинской среде – грузинский, в еврейской – еврейский, в армянской – армянский, в осетинской – осетинский. Церковная служба велась также на мегрельском, по-видимому, и на сванском.

Таким образом, народы Абхазского царства обладали правом служения Богу на своем родном языке. при этом они все восславляли как Господа Бога, так и абхазских царей.

§ 5. Династические браки, характеристики и титулатура абхазских царей

1. Династические браки

Династический брак, по общепринятому определению, – это брак между представителями правящих династий разных государств. Браки между членами монархических династий заключались, главным образом, в политических целях и в целях улучшения экономического состояния стран. Также они повышали родовитость и авторитет династий, давали возможность приобретать союзников в лице иностранных государств. Наконец, династические браки способствовали укреплению дружбы между народами, урегулированию межгосударственных конфликтных ситуаций и, вместе с тем, они являлись важными показателями роста международного авторитета государства. Династическими браками издавна пользовались многие государства мира, в том числе и средневековое Абхазское царство.

Так, согласно летописи, в период угрозы вторжения арабов в Закавказье, десятый (по Дивану абхазских царей) абхазский царь Константин II заключил брак с дочерью царя могучего тогда государства хазар [199, 57]. Вторая же дочь хазарского царя Чичак

была замужем за византийским императором Константином V и стала матерью его преемника – императора Льва IV Хазара. Таким образом, во второй половине VII века образовался антиарабский триумвират Византии, Хазарии и Абхазии. Вслед за этим, в 668 году Абхазия принимает решающий удар арабских сил под Анакопией и выходит победительницей. В то время правитель Абхазии Леон II являлся наследным владетелем практически всех земель абхазских (абазских) сообществ от р. Кубань до р. Рион. Союзники Абхазии – Византия и Картли, в лице её царя Арчила, опасаясь дальнейшего продвижения на юго-восток Леона II, создают условия для заключения союза Арчила и Леона II, скрепленного династическим браком. Согласно сообщению Джуаншера, так и было сделано: «И отдал тогда Арчил в жены Леону племянницу свою (дочь брата) Гурандухт, и корону, которую царь греков прислал ему для Мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними» [199, 54; 19, 74].

Абхазский царь Леон II (661–706), как уже сказано, прогнав арабов из страны при поддержке хазар, вышел из подчинения Византии, в 686 году объявил себя царем абхазов и Абхазию независимым государством. Он же намного расширил территорию царства, на востоке его пределы достигли Лихских гор, на юго-востоке – реки Чорох.

Устремлением абхазских царей на восток был продиктован брак сына абхазского царя Давида – Феодосия III с дочерью правителя Тао-Кларджети Ашота Куропалата (787–826). По-видимому, этот союз был выгоден для обеих сторон. Феодосий помог Ашоту Куропалату в его борьбе против Григола. вместе с тем, как отмечает З. В. Анчабадзе, активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется не столько стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского правителя. Вместе с тем, участие абхазского царя Феодосия в первой же борьбе за Картли по существу положило начало длительной борьбе абхазских царей за обладание этой центральной областью Закавказья [19, 123].

В конце 90-х годов IX в. дочь абхазского царя (Адарнаса Шавлиани) стала невесткой армянского царя СмбатаI Багратуни [607, 124].

В началеXвека, перед вторжением арабов в Армению, спор между армянским царем Сумбатом и абхазским царем Константином III за обладание Картли был урегулирован. Они заключили мирный договор, по которому Сумбат уступил Константину Уплисцихе и всю Картли. Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата (Смбата) [19, 127]. Позже сын Константина III от армянской царевны – Баграт – становится зятем Гургена – правителя Тао-Кларджетии. Старший же сын Константина – Георгий – был от первого его брака с дочерью правителя Тао-Кларджетии Адарнаса.

Георгий, впоследствии великий абхазский царь, был женат также на дочери армянского царя [626,184]. С целью усиления своего влияния на Тао-Кларджетию Георгий выдает свою сестру за сына тао-кларджетского правителя Адарнаса – Ашота Куропалата [527, 169; 19, 130]. Затем Георгий и свою дочь Гурундухт выдает замуж за сына одного из тао-кларджетских правителей Гургена Багратиони, брата основного правителя Тао-Кларджетии Давида Куропалата [19, 163, 164].

Сын Георгия II – абхазский царь Леон III, после опустошительных походов его отца и его самого в Кахетию, заключает мир с кориепископом Квирике и выдает свою дочь за его сына [87, 29].

Двадцать первый абхазский царь Баграт II (по грузинскому счету – III), сын Гургена – правителя северной части Тао [46, 7, 8], продолжил в Абхазском царстве династию абхазских Леонидов по линии совей матери – абхазской царицы Гурундухт.

Абхазские цари с X века начинают налаживать родственные связи с осетинами. Сын Баграта III Георгий III (по грузинскому счету –I) был дважды женат – первый раз на армянской царевне Мариам, а второй – на дочери осетинского царя Алде. От первого брака он имел, помимо Баграта (IV), трех дочерей – Марту, Гурандухт и Кату, от второго брака с осетинской царевной Алдой – сына Дмитрия [607, 130]. Дочь Георгия Ката была выдана замуж за Смбата – брата армянского царя, а её сестра Гурундухт в 50-е годы XI века являлась правительницей Западной Абхазии.

Двадцать третий абхазский царь Баграт IV (1027–1072), как и его отец, Георгий III, был женат дважды. Первый брак был заключен с дочерью византийского императора Романа III Аргира Еленой, что явилось подтверждением установления мира между

воевавшими тогда друг с другом Абхазией и Византией. По прошествии некоторого времени царевна Елена скоропостижно скончалась, после чего Баграт IV женился на царевне Борене – сестре Дорголела, дочери овсского (аланского) царя [46, 66].

В 1065 году Баграт выдал свою дочь (от аланки Борены) Марту (Мариам) за Михаила – сына византийского императора Константина X Дуки – будущего императора Михаила VII Дуки. После смерти последнего Марта становится женой следующего императора Византии Никофора III Вониата [607, 132].

Баграт IV вынужден был наладить отношения с появившимися в 60-х годах XI в. у границ Абхазского государства турками-сельджуками, представлявшими тогда грозную силу. Ему пришлось выдать замуж за сельджукского султана свою племянницу – дочь его сестры Каты и брата армянского царя Квирике [607, 132]. Преемником Баграта IV был его сын от осетинки Борены – Георгий IV (по грузинскому счету – Георгий II).

Двадцать пятый великий абхазский царь Давид IV (или Давид Строитель) (1089–1125) , являвшийся сыном абхазского царя Георгия IV (или Георгия II), был женат на дочери кипчакского хана Отрока Гурундухт [505, 97; 49, 245]. Дочь свою Кату Давид IV выдал замуж за представителя династии византийских императоров Комнинов. Внук Давида, т. е. сын его дочери Каты, становится в 1184 году императором Византии под именем Андроник I. Однако вскоре, во время мятежа в столице, погибли Андроник I и его сын Мануил. Сыновья же Мануила – малолетние Алексей и Давид – были спасены и воспитывались в абхазском царском дворе при царице Тамаре [601, 232, 233].

Считается, что вторая жена великого князя Изяслава II из «Обезъ» (т. е. из Абхазии) являлась дочерью абхазского царя Давида IV или же его сына Деметре [505, 110]. В летописи говорится: Изяслав в 1154 году «…повел из Обезъ жену себе царевну дщерь…» [49, 253]. По мнению З. В. Анчабадзе, в летописи речь идет о царевне Русудан, тетке Тамары [19, 174].

Согласно летописи, у сына Давида IV – Дмитрия IV (по грузинскому счету – Дмитрия I) одна из дочерей – Русудан – была выдана в жены Ширван-шаху Манучехра II [505, 132], вторая же дочь являлась женой правителя Дербента Абу-л-Музаффара. Иностранец ал-Фарики, участвовавший в походе войска Дмитрия, рассказы-

вает: «Царь передвигался с одного края до другого и с одного места до другого в пределах своих владений. И я был с царем, и мы провели несколько дней в области (вилайет) Дарбанд и Хазаран … Царь остановил войско в долине около горы. И Малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю и привел ему слуг (с вещами, необходимыми для) его пребывания и пиров, так как он был зятем абхазского царя, будучи женат на его дочери» [601, 222, 223; 609, 52, 53].

Абхазский царь Георгий V (по грузинскому счету – Георгий III) – сын Дмитрия IV был женат на осетинской царевне Гурундухт [607, 134]. От этого брака родилась дочь Тамара, будущая великая царица Абхазского многонационального государства.

Царица абхазов Тамара, по настоянию абхазской элиты, в 1185 году была выдана замуж за сына владимиро-суздальского русского князя Андрея Боголюбского – Юрия. Однако через 3 года этот брак был расторгнут. В 1189 году Тамара вторым браком венчалась с осетинским царевичем Давидом Сосланом. От второго брака родились Георгий – Лаша и дочь Русудан.

2. Характеристики царей

Оценка личности царя, императора и вообще правителя той или иной страны, оставленная его современниками, является также и важным историческим источником. Эти оценки могут быть несколько преувеличенными, если их автор являлся придворным или личным летописцем правителя. В целом же в этих характеристиках так или иначе отражаются политическое и культурное состояние страны в период характеризуемого её правителя.

В источниках сохраняются характеристики не всех абхазских царей. В них первыми удостаиваются характеристики два абхазских царя – Константин III (893–922) и его сын Георгий II (923–963), являвшиеся наиболее выдающимися фигурами среди предшествовавших им царей. Византийский патриарх Николай Мистик обращается к Константину III со словами: «*преславному властителю Абасгии … свидетельство благочестия* …» [87, 25]. Он же в 930 году в другом письме, уже к сыну абхазского царя Константина III – Георгию II писал: «*Высочайшему и возлюбленному сыну нашему, преславному властителю Абасгии. Уходом от нас твоего блаженного отца (Константина III – В. К.), сын наш, мы*

опечалены, тем более (памятуя) каким был твой отец, которого все славили и которым восхищались. И все же нашу печаль смягчает то, что промысел Божий благоволил тебе, кровному его отпрыску и плоду семени его, принять начало власти и явиться своему народу как некий образ вместо ушедшего из бренной жизни … Мы желаем, чтоб ты милостью Божией ни мало не уступил отцу в своих деяниях, а даже превзошел бы его, и стал для подданных таким отцом и правителем, чтобы делами своими засвидетельствовать, что справедливо Бог дал тебе такой жребий, и сделать отца еще блаженнее благодаря твоей жизни и добродетели …» [87, 27, 28]. Николай Мистик называет Георгия II также «*блистательным эксузиастом*», «*светлейшим правителем Абазгии*» [49, 279, 343]. Византийский император Константин VII Багрянородный обращался к Георгию со словами: «*Христолюбивому, божией милостью блистательному эксузиасту Абазгии*» [19, 138].

Летопись называет Георгия II «*царем великим и богом возлюбленным*» [565, 265, 269, 275; 19, 128]. В другом же месте говорится: «*Был он преисполнен всякой добродетели, мужественный и многосильный, боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодеяний*» [46, 53].

В летописи содержится также запись о сыне Георгия II – царе Леоне III (963–980): «*Вернулся Леон (из похода в Кахетию – В. К.) и распростер власть на вотчину и царство свое, ибо тогда же вступил в Абхазию. Умножил господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви и превратил её в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок*» [46, 55].

«*Великий и обличенный мощью царь Баграт*» – так пишет летописец об абхазском царе Баграте III (992–1014). Далее летописец говорит: «*Этот великий царь построил Бедийский храм (в совр. Абхазии – В. К.) и основал в нем епископат … И если кто соблаговолит узреть и убедиться в величии Баграта, пусть прежде глянет на великолепие Бедийской церкви и воистину через нее познает, что не было равного ему царя в стране Картлийской и Абхазской … Сей Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех царей совершенством правле-*

ния. Угождавшие ему и к нему стремившиеся – все сполна стали государями, а разделявшие с ним власть стали рыцарями-вассалами ему подвластными и (нелицеприятно) верными. И покорил господь ему врагов и супротивников его; одарил страну его миром и покоем твердым. И не в силах кому-либо обстоятельно живописать все деяния его, из коих я поведал лишь малость, дабы сохранить их в памяти беспредельных времен» [46, 61].

Царем после Баграта III становится его сын Георгий III (по грузинскому счету – Георгий I) (1014–1027), который «*также был преисполнен всякой благости*» [46, 62].

Летопись высоко отзывается о сыне Георгия, поистине великом абхазском царе Баграте IV. Баграт, вернувшись из Греции в 1025 г., как сказано в летописи, «*предстал пред отцом своим царём Георгием в доме его в Кутаиси, узрели и родители сына своего, подобно им, невиданного и неизреченного добродетелями, совершенного ликом, о доблестях которого не в силах глаголить устами человеческими*» [46, 64]. После воцарения на абхазский престол (1027–1072 гг.) «*Этот Баграт*, – говорит летописец, – *спервоначала был куропалатом, затем стал новелисимосом, а затем севастом. Был он ликом совершеннейшим из людей, полон мудрости, философ речью, осчастливлен судьбой, богатейший из всех царей Абхазии, милостив к согрешившим, щедрый на пути своем*» [46, 77].

Сына Баграта IV, абхазского царя Георгия IV (по грузинскому счету – Георгий II) (1072–1089), летопись характеризует как царя, который «*был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный*» [46, 77].

Высоко оценивается личность и деятельность великого абхазского царя Давида IV (Строителя) (1089–1125 гг.). Историк Давида, его современник и сотрудник, писал: «*Кто в силахпереречесть, каким количеством дел, обязанностей и функций обременен царь? – Расширение пределов (государства) и укрепление границ, предупреждение расколов и меры для порядка в царстве, организация походов, раскрытие княжеских козней, побор военачальников, внушения народу, административные и судебные решения, доходы казны, прием послов и ответы, соответствующее воздаяние приносящим дары, милосердное наставление*

провинившихся, щедрое вознаграждение заслуженных, справедливое рассмотрение жалоб, построение и вождение войска, – кто может исчерпать словами бездну дел государственных, в которых не было равного Давиду ни среди царей древних, ни среди царей новых?» … [601, 203].

Царь Давид, как отмечает Ш. Л. Амиранашвили, был известен как знаток астрономии и астрологии, являлся знатоком не только христианской богословской литературы, но и мусульманской. По сведениям Мохаммеда-аль-Хамави, он хорошо знал арабский язык и вел спор с гандийским кади о происхождении Корана. Известно, что царь Давид поддерживал мусульманских поэтов и суфиев [626, 138].

Источники также уделяют большое внимание личности Тамары – царицы Абхазского многонационального государства (Абхазской империи) (1184–1213 гг.), которая уже в молодом возрасте была в поле зрения окружающих. Летописец говорит: «*…она, будучи юной, по уму выглядит не юной, а сознательной, разумной и знающей*», далее отмечается, что она «*лицеприятная, лишенная недостатков и своеобразная*» [539, 26; 611, 338]. Известен также живой её портрет: «*Правильно сложенное тело, темный глаз и розовая окраска белых ланит; застенчивый взгляд, манера царственно метать взоры вокруг себя, весёлая и чуждая развязанности, услаждающая слух, речь, чуждый всякой порочности разговор …*» [611, 353].

К царице Тамаре обращались со словами: «*Царица могучая, светлейшая среди венценосцев …*» [626, 140].

Со временем Тамару, подобно византийским императорам, начинают именовать «*богоравной*». К имени Тамары прибавлялся эпитет «*солнцеподобная*», «*солнцеликая*». Последнее может быть абхазским переводом имени царицы – *Тамар, Тамара*, что выводится из библейского женского имени *Фамарь*, ивр. *Тамар* «Финиковая пальма». Мы допускаем, что царица могла быть названа абхазским именем, как и её сын Лаша, при этом, на наш взгляд, не исключая иноязычное происхождение имени Тамары, следует также отметить, что созвучное с ним абхазское имя (слово) *Тшамара*, усеченно *Тшамар* (Ҷамара // Ҷамар) буквально означает «солнцеликий(ая)» – от *тшы* (ҷы) «лицо» и *мара* «солнце» (совр. абхаз. *а-мра*, абаз. *мара* «солнце»).

3. Титулатура абхазских царей

Слово «титул», согласно словарям (В. И. Даля и С. И. Ожегова), означает «почетное звание, величание, именование по сану и достоинству», «почетное звание, наследственное или пожалованное», «наименование, звание, даваемое кому-нибудь в знак признания заслуг, успехов в какой-нибудь деятельности».

В государствах титулы монархов имели чрезвычайно важное внутригосударственное и международное значение. Признание титула правителя означало в международно-правовом аспекте признание его страны, его государства [474, 6]. В средневековых государствах складывается традиция включать в титулы монархов те земли, которые входили в состав их территорий. Борьба за признание титулов влекла за собой признание территориальных границ и завоеваний. Титулы подтверждали также особый статус монархов в государстве и обязывали их сохранять и защищать исторически сложившуюся территорию страны.

Титулатура абхазских царей складывалась на протяжении веков.

Она начинает формироваться еще на начальном этапе становления Абхазского царства. Согласно «Дивану абхазских царей» все 22 правителя раннефеодальной Абхазии, от первого – Аноса до Баграта III (X в.) именуются абхазскими царями. Однако до образования вVIII веке объединенного Абхазского царства во главе с Леоном I вряд ли кто-нибудь из абазгских царей мог именоваться *Аԥсҳа* «*Царь абхазов*», так как Абазгия вначале являлась лишь одной из частей этнической территории абхазов.

Царь Абазгии, похоже, Константин II (650-661), на принадлежавшей ему вислой печати обозначен на греческом языке как «Константинос Абазгиас», т. е. «Константин Абазгский» [634, 404; 365, 478].

Думается, что абхазы в начале именовали своих правителей *Ачҳа*, букв. «Ачов князь», «Ачов царь», образованным от *Ач* – древнего родового имени абхазо-абазинской касты правителей и *аҳ* «большой», «большак», «князь» и позже «царь». Как уже сказано (см. главу X, § 5), родовое имя *Ач* еще в более древнее время приобрело также и значение «князь», «правитель». Род *Ачов* из своей среды выбирал предводителя (правителя) *Ачҳа* с титулом *ачиач* (усеченно чач), букв. «Ач Ачов», т. е. «князь князей»; *Аԥсҳа*

чач, букв. «Ачбов князь, князь князей». Далее, еще задолго до образования Абхазского царства, из рода *Ач* выделяется отдельный род с титульным именем *Чач*, от которого позже происходит фамилия абхазских владетелей *Чач-ба*, а от древнего родового имени *Ач* – княжеская фамилия *Ач-ба*.

Древние родовые имена *Ачы* и *Чачы* соответствовали в исторической Западной Абхазии (у абазин) известным здесь княжеским родовым именам *Ашы* (Аше) и *Шашы* (Шаше). Они, т. е. *Ачы // Ашы* (Ач-ба, Аш-ба) и *Чачы // Шашы* (Чач-ба, Шашаа), а также князья *Аубла* и *Маршан*, в период Абхазского царства и позже занимали высшую ступень в среде абхазской элиты.

С образованием в VII веке объединенного абхазского государства появляется основной титул всех абхазских царей *Аԥсҳа*, букв. «Царь абхазов». Думается, что титулом «*Царь абхазов*» был именован уже Леон I, который в начале 50-х годов VIII века уже являлся практически главой всех абхазских обществ Причерноморья и наследственным правителем их общей абхазо-абазинской территории. Однако в источниках под титулом «*Царь абхазов*» первым фиксируется Леон II, объявивший Абхазию независимым (от Византии) государством. «*Этот второй Леон … отложился от греков … и назвал себя Царем абхазов*» [199, 57]. Начиная от Леона I и Леона II титул «*Царь абхазов*» являлся основным в титулатуре всех абхазских царей вплоть до распада Абхазского многонационального государства. Вместе с тем, еще в IX веке внутри Абхазии наряду с титулом *Аԥсҳа* имело применение и старое *Ачҳа* (см. выше Чихан, Чхара). По-видимому, это объясняется тем, что, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, абхазские цари *Аԥсҳа* были родом из *Ачҳа* [365, 547].

В летописи все правители объединенного Абхазского царства от абхазского царя Леона II до Баграта III именуются только как «*Царь абхазов*». При этом следует отметить, что царь Георгий I был известен как «*Царь абхазов Георгий Агцупский*» – от абхазского названия главной крепости Абхазии – Анакопии, абхаз. *Агӷыбаа*, букв. «крепость села Агцы», находившейся в наследственном владении Георгия I.

Своим именем отличался и абхазский царь Феодосий IV (988–991). Абхазы именовали его «*Аԥсҳа Чала Феодос (Таташь)*», букв. «*Царь абхазов Феодос немощный*», – отсюда груз. *Мепе*

Чала «Царь немощный». Феодосия также называли «*Царь абхазов – выжженный глаз*» или «*Царь абхазов Феодосий слепой*».

Титул абхазских царей «*Царь абхазов*» долгое время не признавался Византией в силу того, что Византия не могла смириться с отпадением зависевших ранее от неё государств. Поэтому в отношениях с ними, в том числе и с Абхазским царством, она упорно стремилась подчеркнуть свой верховный сюзеренитет над ними. Царей отпавших от неё государств, как правило, именовали «*архонтами*», т. е. «начальниками» и, как отмечает З. В. Анчабадзе, лишь главу Абхазского царства удостаивали звания «*эксузиаста*» (владетеля), что по византийскому «табелю о рангах» считалось выше звания *архонта*. Такое предпочтение объяснялось той гегемонной ролью, которую более полутора столетий играло Абхазское царство в Закавказье. В то время как абхазских царей византийцы именовали «*эксузиастами*», других же они называли «*архонтами*», в том числе таких крупных государей того времени как великого князя Киевского, Хазарского Хакана, короля Франции и др. [19, 138].

Официальное обращение администрации Византийской империи к царю Абхазии имело следующую форму: «*Христолюбивому, божьей милостью блистательному эксузиасту Абазгии*». Правитель Абхазии получал от византийского императора «золотую буллу» (кольцо с изображением императора) весом в два солида» [19, 138].

Имена абхазских царей с титулом «*Царь абхазов*» фиксируются как в уже названных исторических письменных памятниках – «Диване абхазских царей» (или «Хроника абхазских царей») и в Грузинской летописи – так и в различных греческих, армянских и грузинских церковных надписях.

Так, например, имя абхазского царя Константина II зафиксировано в первой половине Хвека на стеле Меджудского ущелья. Титул царя «*Царь абхазов Константин*» указывается в надписи Атенского храма и надписи на архиерейском посохе Темокмедского монастыря «*Христос, прославь царя Абхазского Константина*» [626, 184; 87, 24]. Его имя встречается и в других церковных надписях, на иконах, утвари. В церковных надписях фиксируются также титулы многих последующих абхазских царей: Георгия II, ЛеонаIII, Баграта III, Баграта IV, Давида IV и других.

Как уже сказано, сына Константина III абхазского царя Георгия II византийский двор именовал «*Блистательный эксузиаст Абазгии*», «*Светлейший правитель Абазгии*». По-видимому, именно в этот период в титулатуре абхазских царей появляется слово «*великий*».

В летописи «*царём великим и богом возлюбленным*» первым именуется Георгий II [565, 265, 269, 275]. Далее эпитет «*великий*» присутствует в титулах практически всех последующих абхазских царей – *Аԥсҳаду*, букв. «*Великий царь абхазов*».

В 992 году абхазский престол унаследовал по материнской линии Баграт III, являвшийся сыном одного из Тао-кларджетских правителей. Тем самым Баграт III становится продолжателем династии абхазских царей Леонидов – создателей объединенного Абхазского государства. *Баграт III записывает себя в Диван абхазских царей двадцать первым абхазским царём* (см. выше главу XI).

В первые годы правления Баграта, в частности во время нахождения его и отца на переговорах в Константинополе по поводу возвращения наследства Баграта, византийский император Василий IIдарует Баграту II (III) титул *куропалата*, а отцу его *магистра*.

Титул куропалата, как отмечает М. Д. Лордкипанидзе, являлся одним из самых почетных при дворе императора: пожалование куропалатства или какого-либо другого титула не всегда являлось свидетельством подчиненного положения жалуемого. Византийские императоры жаловали этот титул и европейским владетелям, а в XII веке и своим братьям [505, 68].

Грузинская же летопись абхазского царя Баграта именует «*Великий и обличенный мощью царь Баграт*» [46, 60]. В этой летописи также говорится, что «*…Этот великий царь построил Бедийский храм и основал в нем епископат …*» [46, 61].

Надпись на золотой чаше, пожертвованной Багратом III Бедийскому храму Божией Матери, гласит: «*Святая Матерь Божия, будь ходатайницей перед сыном Твоим за Абхазского царя Баграта и матери его царицы Гурундухты, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию Святую церковь*».

На выносном кресте в Цаиши есть надпись: «*Крест животворящий, прославь царя Абхазцев Куропалата Баграта*» [17, 24].

На монете Баграта III имеются надписи на двух языках: на арабском и грузинском. Последняя гласит: «*Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов*» [34, 93].

Современник Баграта III Сумбат Давитов (Давитисдзе), по-видимому, из рода армянских Багратидов, говорит о Баграте как о «*царе абхазов*», который установил свою «*самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского* (Каспийского) *моря*» [565, 382; 19, 172].

Армянский историк XI века Аристакес Ластивертский также именует Баграта «*царем абхазов*» и по поводу его кончины пишет: «*… умер царь абхазов Баграт и воцарился сын его Георг*» [19, 172].

В «Летописи Картли» или «Матиане Картлиса» Баграт III иногда именуется (если это не поздняя вставка) «*Царь абхазов и картлийцев*». Появление в титулатуре слова «*картлийцы*» стало роковым для абхазской истории. Как уже не раз было сказано, со времени «обновления», «реставрации» средневековых первоисточников «Комиссией ученых мужей» Вахтанга VI (XVIII в.) слово «*картлийцы*» бесцеремонно меняют сначала на «*картвелы*», а затем на современное «*грузины*». Это происходит притом, что «*картлийцы*» – не этническое название, этнонимы «*картвелы*» и «*грузины*», как известно, тогда еще не были, а грузинские сообщества именовались *иверами*.

Однако, не смотря на все это, многие грузинские исследователи на эту иллюзорную соломинку подвешивают Баграта III в качестве «*первого грузинского царя*» и не существовавшее в средневековье (в X–XIII вв.) «*великое объединенное грузинское государство*».

Вместе с тем известно, что Картли была покорена еще абхазским царем Георгием I Агцупским в середине 70-х годов IX века. В 904 году во второй раз Картли завоевал уже абхазский царь Константин III. На протяжении почти 100 лет, практически до воцарения Баграта III, Картли управлялась наместниками абхазских царей, в частности таковыми являлись сыновья Георгия II: вначале Константин, а затем Леон. Следующим же наместником абхазского царя в Картли был влиятельный представитель абхазской знати, опытный политик *Иоан Марышь* (груз. Маруши-сдзе, совр. абхаз. Маршан). Этот Марышь, преследуя цель возвести на абхазский престол сына абхазской царевны Гурундухт, добился того, чтобы

на его место правителя Картли поставили Гурундухт. После воцарения в Абхазском царстве Баграта III картлийцы решили выйти из подчинения царицы Гурундухт и царя Баграта. Молодому абхазскому царю Баграту пришлось силой оружия вернуть Картли в лоно Абхазского государства. Затем Баграт ввел в Картли прямое царское правление, что нашло отражение в его титуле: Баграт – «*Царь абхазов и картлийцев*». Этот факт, конечно же, никак не означал возникновения какого-то нового абхазо-картлийского государства, и, тем более, – образования абхазо-грузинского государства или перерастания в один миг Абхазского царства в Грузинское, или же растворение его в не существовавшем тогда грузинском государстве. Однако именно эти формулировки, не соответствующие действительности, подаются всему миру большинством грузинских историков на протяжении многих лет. Как увидим ниже, дальнейшее расширение территории Абхазского царства, присоединение к ней новых земель также находит отражение в титулатуре последующих за Багратом II (III) абхазских царей. Так, например, уже Давид IV именуется «Царь абхазов и картлийцев, ранов и кахов, самодержавец». Далее титулатура последующих царей еще более разрастается.

По существующему определению история титулов есть собственно история расширения или уменьшения территории государств.

Традиция включать в титул монархов те земли, которые входили в состав их владений, имела место в средневековье во многих государствах мира. Так, например, титул Петра I излагался в следующей форме: «Петр Первый, Император и Самодержавец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, …, повелитель и государь Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель». Однако это не означает, что Петр I являлся царем или императором русско-грузинского или русско-кабардинского государства. Он являлся императором, государем огромной русской империи.

Абхазское царство превращается в самое могучее государство в Закавказье уже при Баграте IV (1027–1072 гг.). По своему этническому составу оно становится абхазским многонациональным государством (империей).

Баграт IV, как и его предшественники, именуется «*Царём абхазов*». Ему присваиваются византийские титулы *новелисимос* и *севастос*. Летопись сообщает: «Баграт (IV – *В. К.*) спервоначала был *куропалатом*, затем стал *новелисимосом*, а потом *севастосом*» [46, 77]. На одном из крестов Монаметского монастыря имеется надпись: «*Христос прославь царя Абхазского и Нобилисимуса Баграта*» [17, 24]. На монете Баграта IV начертано: «*Христе возвеличь Баграта, царя абхазов и севастоса*» [590, 99].

Высшие византийские титулы носил и сын Баграта IV – Георгий IV (по груз. счету –II). Наряду с основным титулом «*Царь абхазов*» он иногда именуется, как и Баграт III, «*Царь абхазов и картлов (картлийцев)*», и далее в его титуле «*новелисимос*» сначала заменяется «*севастосом*», а затем «*кесарем*» [505, 123]. В актах Руис-Урбнисского собора ГеоргияIV (II) величают «*царём царей и кесарем всего Востока и Запада*» [505, 122].

Такое щедрое одаривание византийскими императорами абхазских царей Баграта IV и Георгия IV объяснялось, на наш взгляд, отнюдь не признанием их могущества и независимости. Это было вызвано, прежде всего, надвигающейся угрозой нашествия турок в пределы Византийской империи. Абхазия же рассматривалась как значительный заслон движению турок в сторону Византии. Поэтому византийские императоры всячески, в том числе и присвоением высоких византийских титулов, старались вдохновить абхазских царей на борьбу против турок. В итоге Абхазия уже при Георгии IV получила основной удар от турок-сельджуков, отчего Абхазское государство оказалось на краю гибели. Из-за сложившейся тогда в стране критической ситуации абхазская знать вынудила Георгия уступить престол своему шестнадцатилетнему сыну Давиду [505, 87].

Примечательно, что от природы умный, образованный и энергичный молодой царь Давид IV (Строитель, Обновитель), несмотря на то, что, еще будучи царевичем уже имел титулы «*севаста*» и «*паниперсеваста*», по восшествии на престол отказался от этих титулов, считая их унизительными для своего положения [505, 122].

После восстановления Абхазского царства в прежних пределах, Давид титуловался «*Царь Абхазов и Картлов, Ранов и Кахов, самодержавец*» [635, 232, 236; 505, 122].

На кресте Давида Строителя имеется надпись: «*Господи, возвеличь коронованного тобой Давида, царя абхазов, картлов, эров и кахов – солнце христианства – аминь*» [636, 162].

Далее, с завоеванием новых земель и усилением абхазского государства, Давид IV именуется «*Царь Абхазов, Картлов, Кахов и Лаков*», «*Царь Абхазов, Ранов, Картолинов, Кахов и Армян*». На одном из крестов, находящихся в Гелатском монастыре, имеется надпись: «*Боже сотворивший вся, прославь венчанного Тобою царя Абхазов, Картлов, Кахов и Лаков Давида – солнце христианства аминь*» [17, 24].

Надпись на выносном кресте Хонского монастыря гласит: «*Кресте честной, прославь непобедимого царя Абхазов, Ранов, Картолинов, Кахов и Армян, Давида и помилуй меня бедного*» [17, 24, 25].

Представляет значительный интерес свод дипломатических писем «*Тарассол*», т. е. «*Письмовник*», составленный на персидском языке и опубликованный профессором М. Тодуа [637].

В одном из писем, адресованных Давиду IV, он величается «*Царь царей Абхаза, Шаки, Алана и Руса*» [637; 609, 60].

Давид Строитель именуется также и как «*меч Мессии*». На медной монете Давида имеется надпись на арабском языке: «*Царь царей Давид, сын Георгия, меч Мессии*» [638, 39-47; 590, 101]. По-видимому, выражение «*меч Мессии*» подчеркивало, что Давид выступал в роли «*меча Мессии*» в борьбе против сельджукских завоевателей.

Судя по своему содержанию, к Давиду был обращен и следующий текст из вышеназванного Письмовника, опубликованный в переводе на русский язык историком Е. К. Аджинджал: «*Великий соборный, возвеличенный царь, представитель знатного рода, могущественный правосуд; превеличия страны и государства, защитник христиан, покровитель последователей Иисуса, самодержавец наследственных престолов и корон, стефанос Востока и Запада, хранитель веры Бога, царь царей абхазов, шаков, алан, помощник мессии …*» [474, 11].

По мнению ряда авторов (Месхия Ш. А., Лордкипанидзе М. Д. и др.), указанный в грамоте Георгия III (по абхаз. счету –V) титул «*Царь абхазов, картлов, ранов и кахов, ширванша и шаханша*» также относится к Давиду IV и появился в последние годы его правления [505, 123].

При всем этом Давид IV Строитель оставался царем абхазов, как это подтверждается надписью на его монете: «*Христе возвеличь Давида, абхазцев царя и севастоса*» [639, 343; 590, 100].

Вслед за Давидом абхазским царем становится его сын Дмитрий I (по абхаз. счету – Дмитрий IV) (1125–1156 гг.). Придворный поэт Ширваншаха Фелики (около 1160 года) называет Дмитрия I (или IV) «*Шахиншахом Абхаза и Шаки*» (Шаки в ту пору – Западный Ширван). В «Оде на смерть Дмитрия» Фелики говорит:

«*Шахиншах Абхаза и Шаки, царь горизонтов,*

Кто доставлял на Восток подати с Запада –

Деметре, сын Давида, глава рода Бакрат ...» [640, 289; 609, 59].

Сын Дмитрия Георгий V (по груз. счету – Георгий III) (1156–1184 гг.), согласно его же грамоте, титуловался подобно своему деду ДавидуIV, как «*Царь абхазов, картлов, ранов и кахов, Ширванша и Шаханша*». Он называл себя также «*мечом Мессии*», что указывается в надписи на его монетах [608, 147].

По-видимому, уже тогда при обращении к абхазским царям использовался титул, зафиксированный в том же Письмовнике: «*Доброжелательный владетель, эмир и главнокомандующий, великий правоверный, прославленный победитель, государь страны, оплот божественных учеников Христа, прославляющий страну обитателей христианства, укрепитель христианской веры, защитник царства абхазов и алан, богатырь, рыцарь и герой Армана, царь эмиратов, шахов, половцев и хазарь* ...» [474, 11].

Царица Тамара, период правления которой считается золотым веком Абхазского многонационального государства, титуловалась сообразно могуществу доставшегося ей в управление государства. В жалованнойГелатскому монастырю грамоте (1188 г.) она называет себя «*Царица абхазов, картов, ранов, кахов и армян, Шарванша и Шаханша и всего Востока и Запада повелительница* ...» [611, 338]. В данном тексте «*Ширван-шах*» означает *Ширван*, «*Шахан-шах*» собственно *Армению*, под именем «*Восток и Запад*» понимаются пределы восточно-христианского мира [601, 23]. Царица титуловалась и в форме «...*Обладательница абхазцев, карталинцев и кахетинцев, всего востока и христиан*» [17, 25]. Она также именуется и различными пышными титулами. Так, на

своей монете Тамара значится как «*Царица царей и цариц, слава мира и религии*» [17,28].

Титул Тамары практически соответствует канонизированной титулатуре абхазских царей, сложившейся в XII веке: «*Божей волей царь абхазов, картов, ранцев, кахов и сомехов, Ширван-шах и Шахан-шах, самодержавный обладатель всего Востока и Запада*» [601, 231].

Этот титул носили и следующий абхазский царь, сын Тамары – Георгий-Лаша (1213–1222 гг.) и его младшая сестра Русудан (1222–1245 гг.) в первые годы своего правления. Как известно, именно при Русудан в 1225 году восточная часть Абхазского государства была опустошена хорезмийским шахом Джелал-ед-дином и вскоре эта территория была отторгнута от Абхазского царства, а Русудан вынуждена была бежать в Западную Абхазию – в Кутаис, где, как уже сказано, в 1230 году царём коронова-ли её пятилетнего сына Давида [601, 249]. В 1243 году Русудан признала верховную власть хана Батыя. После её смерти в 1245 году территория Абхазского царства была разделена монголами между двумя двоюродными братьями Давидами, один из которых являлся сыном Русудан, другой же – её племянником (о них см. главу XI, §2). Так начался распад абхазского многонационального царства, еще недавно являвшегося могучим государством всего Кавказа и Закавказья.

После разделения Абхазии на Западную (абхазскую) и Восточную (практически грузинскую) правители восточной части еще долго пользуются названием «Абхазия» и канонизированной титулатурой абхазских царей. Здесь еще в середине XV века один из правителей, Баграт, именовал себя «*царем абхазским, картским, ранским, кахетинским и армянским, Ширван-шахом и державным государем всего Востока и Запада*». В действительности же, как отмечают авторы «Истории Грузии» [601, 306], этот исторически сложившийся титул уже давно не соответствовал реальной политической действительности, а в XV веке тем более.

В целом же историческая титулатура абхазских царей средневековья представляется значительным источником не только для истории абхазов и абазин, но и других народов Кавказа. Она, прежде всего, отражает историю развития Абхазского царства в

VIII–XIII веках, периоды его расцвета и падения, мощь и пределы государства, его национальный состав, а также его место в международных делах. В титулатуре абхазских царей подчеркивается решающая роль абхазов в создании Абхазского царства, а также их первостепенная роль и значимость в преобразовании этого царства в великое абхазское многонациональное государство в X–XIII веках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ привлеченных в исследовании материалов, в том числе результатов предыдущих исследований по этногенезу абхазо-адыгских народов и истории Древнего Востока, не оставляют сомнений в том, что предки абхазо-адыгов вместе с хаттами в древности (в III-II тыс. до н. э.) представляли многочисленный этнический мир. Они, как отмечали Ф. Мюллер, Н. Марр, П. Ушаков, А. Глейе, И. Дьяконов, Г. Меликишвили, О. Трубачев, Ш. Инал-ипа и др., занимали довольно значительную территорию от центральной части Малой Азии до Юго-Восточного Причерноморья, и далее – всю морскую береговую полосу Кавказа до части Северного Причерноморья.

Древнейшими этно-культурными центрами абхазо-адыгов являлись Северное Причерноморье, Приазовье, Таманский полуостров, территория современной Абхазии, Центральная Колхида, Юго-Восточное Причерноморье, верховья рек Чорох, Ефрата и излучины р. Галис. Это подтверждается, прежде всего, древней ономастикой, в частности этнонимикой и топонимикой, а также материальной культурой указанных регионов.

Языковые факты также свидетельствуют о древнейших связях предков абхазо-адыгов с народами Малой Азии и Переднего Востока, более всего с египтянами и шумерами. Таковыми фактами являются целый ряд общих древних терминов, имен мифических героев, богов и богинь и т. д. При этом большинство языковых параллелей, похоже, имело место еще до появления древнейших цивилизаций, т. е. до III тыс. до н. э.

Абхазо-адыгский протоязык стал распадаться на отдельные абхазо-адыгские языковые сообщества в V–IV тыс. до н. э. Одним из таких ответвлений считаются и хатты, страна которых находилась в Малой Азии, в излучине р. Галис. Известно, что они именовались *хаттами* по названию их столицы *hatə*, что у абхазов и абазин означает «резиденция», «столица», букв. «князя или царя место», срав. совр. *аҳт-ны* «столица», «резиденция». От назва-

ния столицы *hatə*(*ҳаты*) производен и этноним *hatti ҳатти*, т. е. *ҳаҭ-ти* (*ҳаҭтəи*), означающий на абхазо-абазинском букв. «хаттский».

Вместе с тем есть основание думать, что слова, встречающиеся в хаттских текстах под названием «хаттский», принадлежат не основному населению страны, т. е. хаттам, а являются образцами языка *куссар* или *кушшар* – жителей хаттской области, с помощью которых хетты – неситы в XVIII веке до н. э. завоевали страну хаттов. Язык же *куссар // кушшар*, по-видимому, являлся одним из ответвлений проязыка абхазо-адыгов.

В результате завоевания хеттами-неситами страны Хатты, её основное население, в том числе абхазо-абазинские сообщества, были рассеяны за пределами их страны. В новых местах они создают отдельные княжества и небольшие царства с названиями типа *Арца-ва, Асу-ва, Пахху-ва, Иашу-ва, Сал-уа,* где окончание *уа / ва* на абхазском и абазинском означает «люди» и выступает в качестве этнонимообразующего элемента. В таком же значении И. Дьяконов называет это окончание хурритским суффиксом. Адыгские сообщества под названием *каски* занимали территорию Юго-Восточного Причерноморья, прилегавшую к пределам Хеттского царства.

Древние абхазо-абазинские сообщества были известны под их самоназванием *абаз, абаза* (*абаз-уа*) – от *абыз* «язык» – «одноязычные», от чего производны формы *апаса* – усеченно *апса*, во множ. ч. *апсар* «абхазы». С ними практически идентичны этнонимные формы *Абиша* и *Абисар*, зафиксированные в египетской надписи на стене гробницы Ньюбери, датирующейся XIX веком до н. э. Первое, *абиша*, выступает как этнонимная основа в названии народа *абеш-ла, абешлай-цы* ассирийских источников XII в. до н. э., отмеченных в пределах северной части Малой Азии и Южного Закавказья. С этнонимами *абешла // апешла* тождественны варианты этнонима *абшил, апсил* более поздних источников. Известный хеттолог В. Г. Ардзинба в окончании этих этнонимов усматривал хеттский суффикс происхождения «*ил*».

Что же касается формы *абисар*, представленной наряду с *абиша* в древнеегипетской надписи, то она практически идентична форме множественного числа абхазского автонима *апса* → *апсар* «абхазы». Последняя, т. е. *апсар*, фиксируется также в I тысячелетии до

н. э. как название народа, а также реки (совр. Чорох), города и прилегающих к ним земель Черноморского побережья, а позже, в грузинской средневековой летописи, – как название абхазов.

С завоеванием царства хаттов хеттами-неситами в северо-восточной части Малой Азии примерно в XVII веке до н. э. возникает царство *касков* (*кашков*, предков адыгов).

В середине II тысячелетия до н. э. в бассейне р. Чорох образовались царства *Хайаса* и *Аци*, которые затем стали выступать в союзе как царство *Хайаса-Аци*. Создателями этих царств, по мнению ряда авторов, являлись абхазо-адыгские сообщества.

В этот же период за царством Хайаса при реке Ефрат, ближе к её верховью, источники локализуют царство убыхов *Паххува*, в основе названия которого, как отмечает ряд авторов, лежит обозначение убыхов *а-пёх // пёх // пахы*, абхаз. *а-убых*, адыг. *у-ббых* «убыхи». Форма же *Паххува* образована посредством абхазского этнонимообразующего элемента *уа, уаа, ваа* «люди» – отсюда *Паxх-уаа* (→ *Паxх-ува*), букв. «пахховцы», т. е. «убыхи». Те же убыхи уже в источниках XII века до н. э. фиксируются под убыхским автонимом *твахы // туахы* в форме *Диаухи // Таохи* (или Дайаэни) – как название царства, расположенного уже на территории Хайаса.

С появлением убыхов уже в конце XIII века до н. э. в верховье р. Чорох вместо существовавшего здесь союзного царства *Хайаса-Аци* образуется мощное абхазо-адыгское государство *Диаухи // Таохи*, именовавшееся также *Дайаэни*. В тот период вместе выступают также кашки и абешлайцы.

В письменных источниках конца II тысячелетия до н. э., в частности в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара I, наряду с абешлайцами и кашками (касками), страной Диаохи (Дайаэни), упоминается и страна *Хабхи*, прилегавшая к «великому морю», т. е. Черному морю. Как полагал Ш. Д. Инал-ипа, название *Хабхи* может быть основой этнонима *абха-з*, представляющего, на наш взгляд, садзскую форму множественного числа основы *Хабха*→ Хабхаз→ Абхаз.

В первой половине XII и в XI вв. до н. э. абхазо-адыгские этнические подразделения совершают целый ряд совместных военных походов в юго-восточные районы Малой Азии. Они же принимали активное участие в разгроме Хеттской державы в конце II тысячелетия до н. э.

В XI–X вв. до н. э. абхазо-убыхское государство *Дайаэни* или *Диаохи* урартских источников превращается в самое сильное и богатое государство в восточной части Малой Азии, в том числе на всём Армянском нагорье. Оно возглавляет коалицию племен, живших к северу, против Ассирии. Вся эта обширная территория была известна под названием *Наири*. Влияние Диаохи или Дайаэни распространялось и на многие причерноморские абхазо-адыгские сообщества, войска которых приходили на помощь подвергающемуся нападениям со стороны ассирийцев Диаохи.

В тот период в Юго-Восточном Причерноморье, в непосредственном соседстве с Диаохи, продолжает существовать и царство *Хайа* (Хайа-са), соответствующее *Аиа* (Айа) или Еиа (Ейа) древнегреческих источников и ассирийскому *Хабхи*.

В IX веке до н. э. рядом с Дайаэни (Диаохи), вокруг Ванского озера возникает сильное государство Урарту, в лице которого Дайаэни получает довольно опасного врага. На рубеже IX-VIII вв. до н. э. Урарту предпринимает удачный поход против Дайаэни или *Диауехи // Диаохи* урартских текстов.

В хвалебной скальной надписи урартского царя Менуа, наряду с названием страны *Диаохи // Диауехи* упоминается целый ряд и других любопытных топонимов этой страны: царский город *Шашил // Шашилуни*, общество *шашк, шашки*, страна *Шашеты, Шешети*, в основе которых просматривается родовое имя абхазских князей и царей *Шаш* (у северо-западных абхазов) или *Чач* (в восточной Абхазии). Этим именем обозначалась и одна из областей исторической Западной Абхазии, от которого происходит и название города Сочи, известного в прошлом как *Шаша, Шаше*. Урартская же форма названия царского города *Шашил* (срав. апсил, др-ил, анч-ил и т. д.) также лежит в основе названия абхазского села *Шьашьыл-кыт*, груз. *Шьашьил-ети*, букв. «село Шашилов», «место Шашилов», в Галском районе.

Название второго города Диаухи *Зуа, Зауа*, именуемого уже царём Урарту Аргишти также царским городом, представляет абхазскую этнонимную форму *За-уа* из *Зоу-уа*, где *уа* – этнонимообразующий элемент «люди». От *Зауа* производно урартское название области *Забаха* (*Зауах>Заваха >Забаха*) и далее, как отмечает Г. А. Меликишвили, от названия области *Забаха* происходит грузин. *Джавах* и *Джавахети*.

В конце VIII века до н. э. в результате неоднократных урартских нашествий страна Диаохи, существовавшая около 500 лет, исчезает в источниках как государство. Тогда же в северной части Диаохи урартийцы сталкиваются с политическим образованием *Кулха*, что, по утверждению ряда исследователей, соответствовало известной в ассирийских источниках стране *Хабх // Хабхи*. В том же VIII в. до н. э., наряду с *Кулха* урартских источников, в древнегреческой литературе начинает фигурировать народ *айос, айаиос* и страна *Эйа // Айа*, а в дальнейшем она же – *Колхида*. Эту страну целый ряд исследователей именует «Южно-Колхидское царство» или «Айа-Колхидское царство».

Название древней страны *Айа* происходит от имени древнего абхазо-абазинского общества *Айа*, потомки которого и ныне сохраняются как отдельный род в Абхазии. *Айа*, во множ. ч. *Ай-р* «Айовы», пишутся Аиба «Аиов». Это же имя сохраняется в составе целого ряда абхазских топонимов, как, например, *Аи-шьха*, букв. «гора Аиов», *Аи-бԥа* «хребет Аиов», гора и река *Аи-ц* из *Аи-ʒ* «река Аиов» и т.д.

Второй же этнотопоним *Кулк, Кулх* или *Кулха* урартских источников является производным от этнонимной основы *кул* посредством урартско-хурритского аффикса множественности – *х*. Она, в абхазо-садской форме множественного числа *Кулар-дз → Клар-дз*, выявляется в названии исторической области *Кларджети*, в котором окончание *ети* является грузинским. Основа *Кулар-дз* (в грузинской передаче *Клар-дж*) представляет собой этноним, состоящий из абхазского *Кул-ар*, букв. «Кулы» (срав. от апса→апс-ар «абхазы»), осложненный садзским окончанием множественного числа *ʒ (дз)*. Абхазский этноним *кулар* в форме *куллар* упоминается в летописи ассирийского царя Шамши Адада V (IXв. до н. э.).

Не исключено, что и название области, страны *Колхида* – из абхазского *Кул-кита // Кол-кита* (Куал-қыта) «община, страна кулов». Как известно, древнегреческие авторы центр Айа-Колхидского царства именовали *Кита* (срав. абхаз. *кыта* «село», «община»).

Согласно ассирийским, урартским и древнегреческим источникам, Айа-Колхидское царство занимало Восточное и Юго-Восточное Причерноморье и простиралось от Черного моря до

верховья р. Кура с охватом территории исторических *мосхов* и *забахов*. Согласно же поэмам Гомера, влияние этого царства распространялось и на всё Северо-Западное Причерноморье до Крыма. В частности, в аргонавтике говорится, что сыном *Аэта* в *Тавриде* был основан город *Пантикопей*, а брат Аэта являлся царем *тавров // синдов*. Тавры также были хранителями золотого руна в Айа-Колхиде. Дочь Аэта – *Медея* говорила на таврском языке и молилась на колхидском языке и т. д.

С падением Диаухи и Южно-Колхидского царства и утверждением в VII веке до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье сначала Урарту, а затем Персидской державы, политический центр Айа-Колхиды перемещается в Восточное Причерноморье со столицей *Айа // Ейа*, она же *Кита, Китей*, на реке Фасис. Это политическое образование вVI–V вв. до н. э., согласно Ксенофонту (V в. до н. э.) уже именовалось «*Царством фасианов*» и там царствовали цари из династии *Аэтидов*.

В древнеармянских источниках область Страны фасианов, расположенной в нижнем течении р. Чорох, именуется *Егер-к*, а её население – *егерацик*, т. е. «*егры*». Отсюда и река Чорох в уже более поздних грузинских источниках именуется Эгрис-Цкали, букв. «Эгрская река», тогда как у греческих и римских авторов она фигурирует под самоназванием абхазов «Апсар». С самоназванием абхазов также связано обозначение и второй крупной реки Колхиды – *Фас-ис*, что отмечается многими исследователями (Услар, Глейе, Марр, Кифтин, Бгажба, Инал-ипа и др.).

Таким образом, народ *фасиане* соответствует народу, ранее известному в Причерноморье как *хайа, хабхи, айаеос, колхи, апсар, абешла* или *абшил // апшил, апсил* и *егерацик*, т. е. *егры*, представляющиеся частью абхазо-абазинского этнического мира. О том, что колхи-фасиане являлись предками абхазов и абазин, отмечают многие исследователи, в том числе и крупнейший знаток древнегреческой литературы, переводчик и комментатор текстов о Скифии и Кавказе В. В. Латышев.

Главным аргументом для такого утверждения служит, прежде всего, ономастический материал древнегреческих текстов, в том числе и аргонавтики, обладающий относительно прозрачной абхазо-абазинской этимологией. Показательно также наличие у вышеназванных этнических формирований общих элементов в их

материальной и духовной культуре, в особенности – характерный только для них обычай «воздушного захоронения» и т.д.

Вместе с тем, анализ дольменной культуры Северо-Западного Кавказа и ареала её распространения, данных аргонавтики, а также материалов абхазо-адыгской топонимики и этнонимии дают основание также утверждать, что во II-I тыс. до н. э. всё Восточное Черноморско-Азовское побережье продолжали занимать абхазо-абазинские и адыгские этнические сообщества.

Согласно сообщениям древнегреческих авторов, к середине I тыс. до н. э. здесь, за колхами – фасианами, в северном направлении от р. Фасис, на морском побережье проживали более десяти этнических сообществ. Среди них своим количественным составом, занимаемой территорией и мощью выделялись *гениохи* или *иниохи*, именовавшиеся позже как *сани, саниги*, возможно они же и *абаз-ги*. Основная территория гениохов заключалась примерно между Сочи и включительно Сухумом, где был основан город Диоскуриада. Древние авторы конца I тыс. до н. э. характеризуют *гениохов* как народ, состоящий из многочисленных племён, различающихся многими названиями, у которых было четыре царя. Гениохов называют «воинственными», «славными», «страшными наездниками», «мореходами и пиратами», «господствующими на море» и т. д.

Они в конце I тыс. до н. э. уже имели ряд колоний на Черноморском побережье. Большинством исследователей гениохи также признаются одними из предков абхазского народа.

В целом же и во второй половине I тыс. до н. э. Юго-Восточное и Восточное Причерноморье занимали в основном абхазо-адыгские сообщества. В этот период налаживаются тесные связи этих сообществ с древнегреческим этническим миром. Примечательно, что именно тогда, с подачи носителей абхазского языка, переводятся на греческий язык местные имена целого ряда этнических сообществ. Так, например, название одного из сообществ Юго-Восточного Причерноморья *хои* или *хоу*, упоминаемое Ксенофонтом (конец V века до н. э.) было переведено на древнегреческий язык из абхазского значения *хоу*, букв. «длинноголовый», что на древнегреческом «макрокефалы», т. е. «длинноголовые»; Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) говорит о *фасианах-апсилах* как об упитанных, жирных людях, исходя из перевода созвучного с этнонимом *апсил*

абхазского слова *апсыла* «жирный, упитанный» [18, 95]; древнегреческое *фтейрофаги* «вшееды» представляет собой также перевод адыгского *цыфа* «люди», «человек», из созвучного с ним абхазского *ҵафа* «вшеед» [355, 401–404]; древнегреческие *макропогоны* «длиннобородые» также являются переводом имени этнического *псоу* из созвучного с ним абхазского слова *ԥцоу (ԥаҵау)* «длиннобородый»; *Гипейские* горы, т. е. *Конские* горы Страбона (название северных отрогов Кавказа) – из абхазского *Ашышьхақәа (Ашәышьхақәа)* «горы Ашовых», переведены из созвучного с ним абхазо-абазинского слова *ашышьхақәа // аҽышьхақәа*, букв. «конские горы», и т. д.

В самом конце I тыс. до н. э. существенно меняется этнополитическая ситуация в Малой Азии, на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье. Эти изменения были вызваны разгоревшейся борьбой государства Селевкидов с Римом, ослаблением и распадом Селевкидской державы, усилением Понтийского государства, противостоянием Понта и Рима, расширением границ Римской империи. Все эти бурные события не могли не отразиться на судьбах многих народов Малой Азии, Закавказья. Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. В этот период происходит переселение народов, меняются этнические и этнополитические границы, появляются новые этнические имена.

В конце II в. до н. э., уже при понтийском царе Митридате VI Эвпаторе, Малая Армения и Колхида были присоединены к Понту. За антипонтийское восстание *колхи-фасиане* лишаются собственной государственной власти. С деятельностью Митридата увязывают переселение одного из древне-абхазских сообществ мосхов (масхов, басхов) из Мцхетского царства в Северную Колхиду [350, 265], по-видимому, с ним же связано появление *гениохов* и *лоадзов* из исторической Северо-Западной Абхазии на территории колхов-фасианов. Немного позже здесь возникает царство под именем древнего абхазо-абазинского княжеского рода *Лау* или *Лауадз*, что передается в источниках как *Лаз, Лазы*.

В результате подобных действий понтийских царей, перемещения и смешения родственных этнических групп в I–II вв. н. э. на Юго-Восточном и Восточном Причерноморье сформировались такие царства, как: *Царство махелонов и гениохов*, Царства *лауазов* (лазов), *апсилов, абазгов, санигов* и *зегов*. Среди них к концу III века

первенствующее положение стало занимать *Царство лауазов (лазов)*. В IV веке оно начинает выступать в качестве объединителя абхазских (абазских) царств Восточного Причерноморья. Более того, в середине V века лауазский царь Губаз предпринимает неудачную попытку освобождения страны от византийской зависимости. Вслед за этим Царство лауазов оказывается в водовороте византийских войн, для него наступает период тяжелых испытаний. Уже в двадцатые годы VII века византийцы лишают страну царской власти, правители Лазики уже именуются патрикиями. Последние порой находят убежище в Абасгии, а абазгские цари позволяют себе восстанавливать их в прежних владетельных правах.

На рубеже VII–VIII вв. завершается консолидация двух наиболее крупных абхазских сообществ – *абазгов* и *апсилов* под самоназванием *апаса // абаза,* усеченно– *апса* (аԥсуа), во множ. числе *апсар*, т. е. «абхазы». Апсарам, т. е. абхазам, оказывается под силу создание в конце VII века независимого абхазского раннефеодального государства, объединившего все абхазо-абазинские этнические сообщества Причерноморья от р. Чорох до р. Кубань.

Образование Абхазского царства – *Аԥсҳара*, букв. «Царство абхазов» с общеабхазским царём *аԥсҳа*, т. е. «царь абхазов», явилось одним из важнейших этапов многовековой истории абхазо-абазинского этнического мира. С VII по X в. в. Абхазское царство представляет собой раннефеодальное общеабхазское мононациональное государство, простиравшееся по Черноморскому побережью от р. Кубань до р. Чорох, с юго-запада на восток – от моря до Лихского хребта. Христианство, национальное мировоззрение народа и нормы общежития *Апсуара* являлись идеологической основой Абхазского царства.

Это был период подъема абхазского народа. Возникновение такого крупного мононационального на первых порах государства содействовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры. Оно знаменовало собой разрушение племенных преград, усиление процесса консолидации абхазских племен в единую народность. Царство абхазов, которому удалось добиться независимости и ликвидации иноземного засилия, создавало благоприятные условия не только для образования единой народности в результате экономического, политического и культурного сближения род-

ственных абхазских (абазских) сообществ, но и для ассимиляции некоторых входящих в его состав не абхазских племен [24, 417]. Достижение единства народа становится основой для внутреннего развития Абхазского царства и его внешнеполитической деятельности.

В IX–X вв. вступает в активную фазу этнополитическая экспансия абхазов в восточном направлении. Абхазское царство посредством дипломатических и военных действий ведет борьбу за обладание землями Восточного Закавказья. Противниками здесь выступали грузинские раннефеодальные политические образования, а также такой серьезный соперник, как армянское царство Багратидов. Здесь же были сфокусированы политические интересы арабов, византийцев, алан. Однако абхазам удается закрепить за собой Картли и распространить своё влияние на Кахети и Эрети. Окончательное присоединение Картли к Абхазскому царству находит отражение в одном из титулов абхазского царя Баграта III: «Царь абхазов и картлийцев». Последующие абхазские цари прибавляют к данному титулу названия новых территорий и народов по мере их присоединения к Абхазскому царству.

В X–XI вв. происходит перерастание Царства абхазов в многонациональное абхазское государство – в Абхазскую империю. В XII веке при Давиде IV Абхазское царство становится единственным независимым и могучим государством на всём Кавказе. Наивысшего своего расцвета оно достигает при царице Тамаре на рубеже XII–XIII веков.

Абхазские цари с самого начала ведут активную строительную деятельность. Строятся города, дороги, мосты, страна укрепляется крепостями и облагораживается строительством многих христианских храмов.

Абхазы проявляют терпимость к представителям других национальностей и религий.

Народы Абхазского многонационального государства обладали правом писать и служить Богу на своем родном языке, при этом все они восславляли как Господа Бога, так и абхазских царей.

Судя по средневековым грузинским, армянским, арабским, персидским, греческим источникам, а также по титулатуре абхазских царей и названию государства, абхазы в Абхазском государ-

стве, просуществовавшем более 500 лет, ни с кем не делили свою гегемонию.

Абхазы придавали большое значение сохранению в Абхазском царстве династии абхазских царей Леонидов. На протяжение всего периода существования царства абхазам удавалось сохранять традицию преемственности. При этом имело место продолжение династии Леонидов и по женской линии. В первый раз, в конце Хвека, абхазский царь Баграт II (он же III) получил абхазский престол по линии своей матери – абхазской царевны Гурундухт из рода Леонидов. Подобное происходило и вXIII веке при абхазской царице Тамаре, от которой унаследовал царский престол её сын Георгий Лаша, а затем, от её дочери Русудан, – сын последней Давид Нарин.

Началом распада Абхазского многонационального государства явилось завоевание его восточной части монголами в 1225 году и признание абхазской царицей Русудан в 1243 году верховной власти хана Батыя. Распад Абхазского многонационального государства продолжался долго, болезненно и завершился лишь в XV веке.

Абхазы вышли из созданного ими многонационального государства с значительно растраченными этническими ресурсами. Процесс ассимиляции абхазов, оставшихся на некогда завоеванных ими территориях, в особенности в среде картвельских народов, продолжался вплоть доXIX века. Свидетельством этого являются многочисленные грузинские, мегрельские и сванские фамилии, производные от абхазских (абазских), адыгских родовых имен и фамилий. Количество носителей этих фамилий в Грузии сегодня составляет около одного миллиона человек.

Абхазы оставили свой заметный след в топонимии Закавказья, в языках и культуре народов Кавказа. Главное – абхазы VIII-XIIIвеков остались в разноязычных письменных источниках и в памяти народов как освободители и объединители кавказских народов, носители и распространители высокой христианской и рыцарской культуры.

В целом же есть основание говорить о том, что абхазо-абазинский этнический мир своими корнями уходит в глубину тысячелетий. Он развивался в контакте с древними цивилизациями Малой Азии, Ближнего Востока, Закавказья и Северного Причерноморья.

Предки абхазов и абазин в II–I тыс. до н. э. играли заметную роль в Малой Азии и в Юго-Восточном и Кавказском Причерноморье. В I–VII веках они представлены целым рядом отдельных царств в Причерноморье. С VII века они консолидируются в один раннефеодальный народ, создают своё независимое национальное государство, распространяют своё влияние в XII–XIII веках на всё Закавказье. История абхазо-абазинского народа не заканчивается этим периодом. Однако освещение дальнейшей их истории не входит в задачу данного исследования. Этот период абхазо-абазинской истории давно ждет специального, цельного и глубокого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Эвлия Челеби**. Книга путешествия. Вып. III.– М.,1983.
2. **Арканджело Ламберти.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией (с картою) 1654 г. // СМОМПК. Выпуск 43. – Тифлис. 1913.
3. **Путешествие Шардена** по Закавказью в 1672-1673 гг. – Тифлис. 1902.
4. **Вахушти Багратиони**. История царства Грузинского. – Тбилиси. 1976. (Перевод с грузинского Н. Т. Накашидзе).
5. **Вахушти царевич.** География Грузии. – Тифлис. 1904.
6. **Браневский С**. Новейшие географические и исторические известия о Кавказа. Ч. 1. – М., 1823.
7. **Дюбуа де Монпере**. Путешествие вокруг Кавказа. – Сухум. 1937.
8. **Путешествия профессора** Нордмана по Закавказскому краю // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1839.
9. **Дзидзария Г. А**. Ф. Ф. Тарнау и его Кавказские материалы XIX века. – М., 1976.
10. **Званба С. Т**. Абхазские этнографические этюды. – Сухуми. 1982.
11. **Услар П. К**. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис. 1887.
12. **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. – М., – Л., 1938.
13. **Мачавариани К. Д**. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913.
14. **Воробьев Н**. О несостоятельности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). – Ростов – на – Дону. 1919.
15. **Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 1922.
16. **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум. 2003.

17. **Ашхацава С. М**. Пути развития абхазской истории. – Сухум. 1925.
18. Гулиа Д. И. История Абхазии. Т. I. – Тифлис. 1925.
19. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). – Сухуми. 1959.
20. Анчабадзе З. В. История и культура древнейшей Абхазии. – М., 1964.
21. **Анчабадзе З. В**. Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухум. 1976.
22. **Очерки Истории** Абхазской АССР. Ч. I. – Сухуми.1960; Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II. – Сухуми. 1964.
23. **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965.
24. **Инал-ипа Ш. Д**. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.
25. **Турчанинов Г. Ф**. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971.
26. **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982.
27. **Дзидзария Г. А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979.
28. Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии (1910-1921). – Сухуми. 1963.
29. **История Абхазии.** – Сухум. 1986.
30. **Кварчия В. Е**. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. – Сухуми. 1985.
31. **Лакоба С. З**. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990.
32. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 гг. (Сост. Сагария Б. Е., Ачугба Т. А., Пачулиа В. М.). – Сухуми. 1992.
33. **Бигуаа В. Л**. Аԥсны аҭоурых. – Аҟуа. 1992.
34. **История Абхазии**. – Гудаута. 1993.
35. **Лавров Л. И**. Абазины // Кавказский этнографический сборник. Т. I. – М., 1955.
36. **Алексеева Е. П**. Абазины // В кн.: Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т. I. – Ставрополь. 1967.
37. **Данилова Е. Н**. Абазины. – М., 1984.
38. **Абазины**. – Черкесск. 1989.

39. **Тхайцухов М. С.** Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухуми.1992.
40. **Ламтатидзе К. В.** Тапантский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1944. (На груз. яз.).
41. **Ломтатидзе К. В.** Ашхарский диалект и его место среди абхазско-абазских диалектов. – Тбилиси. 1954. (На груз. яз.)
42. Генко А. Н. Абазинский язык. – М., 1965.
43.Сердюченко Г. П. Язык абазин. – М., 1955.
44. **Табулова Н. Т**. Грамматика абазинского языка. – Черкесск. 1976.
45. **Татишвили В**. Грузины в Москве. Исторический очерк (1653-1722). – Тбилиси. 1950.
46. **Летопись Картли**. (Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая). – Тбилиси. 1982.
47. **Григолия Константин.** О чем поведала «Картлис цховреба». – Тбилиси. 1973.
48. Сенковский Л. Некоторые сомнения касательно истории грузинов. – М., 1856.
49. **Папаскир А. Л.** Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005.
50. Народы мира. – М., 1938.
51. **Гунба М. М**. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухум. 1989.
52. **Гумба Г. Д.** Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994.
53. Цитата взята из работы Жордания. Ф. Хроника абхазских царей. – Духовный вестник Грузинского Экзархата». №№ 13–14. – Тифлис. 1902.
54. **Воронов Л.** Абхазия не Грузия. – М., 1907.
55. **Ингороква П.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. – Тбилиси. 1954.
56. Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // Жур. «Мнатоби», № 12. – Тбилиси. 1956. (На грузинском яз.).
57. **Анчабадзе З. В.** Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АБИЯЛИ. Т. XVII. – Сухуми. 1956.

58. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии в связи с работой Павла Ингороква «Георгий Мерчуле» // Труды АБИЯЛИ. Т. XVII. – Сухуми. 1956.
59. **Газ. «Ахалгазрда** коммунисти» от 2 марта 1956.
60. Торнике Гордадзе. Морально–идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Газ. «Кавказский акцент». № 16 (1–15 августа. 2000).
61. **Гамахария Д., Гогия Б.** Абхазия – историческая область Грузии. – Тбилиси. 1997.
62. **Ачугба Т. А.** Этническая «революция» в Абхазии. – Сухум. 1995.
63. «**Кавказский акцент».** 2001. № 8.
64. **Марыхуба И. Р.** Об Абхазии и абхазах. – Сухум – Акуа. 1993.
65. **Марыхуба И. Р.** Абхазские письма (1947-1989). Т. I. – Акуа (Сухум). 1994.
66. **Марыхуба И. Р.** Очерки политической истории Абхазии. – Акуа (Сухум). 2000.
67. **Сагария Б. Е.** О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. – Гагра. 1993.
68. **Воронов Ю. Н.** Абхазы – кто они? – Гагра. 1993.
69. **Воронов Ю. Н.** Колхида на рубеже Средневековья. – Сухум. 1998.
70. **Лакоба С. З.** Столетняя война Грузии против Абхазии. – Гагра. 1993.
71. Лакоба С. З. Асланбей. – Сухум. 1999.
72.Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси. – Сухум. 2001.
73. **Инал-ипа Ш. Д.** Садзы. – М., 1995.
74. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Сухум. 2002.
75. **Куправа А. Е.** Из истории абхазской традиционной культуры. – Сухум. 1998.
76. Куправа А. Е. Из истории абхазской антропоними. – Сухум. 2003.
77. **Ачугба Т. А.** Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. I. – Сухум. 2003.
78. **Ачугба. Т. А.** Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. II. – Сухум. 2005.
79. Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии. – Сухум. 2006.

80. **Хварцкия М. Ш.** История фальсификации и фальсификация истории. – Сухум. 1997.
81. **Аджинждал Е. К.** Из истории абхазской государственности. – Сухум. 1996.
82. **Аджинджал Е. К.** Из истории христианства Абхазии. – Сухум. 2000.
83. **Аджинджал Е. К.** Приоритеты исторического абхазоведения. – Сухум. 2005.
84. **Бутба В. Ф.** Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум. 2001.
85. **Бутба В. Ф.** Труды. – Сухум. 2005.
86. **Чачхалиа Д.** Абхазская православная церковь. – М. 1997.
87. Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000.
88. **Амичба Г. А.** Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (VI-VIII). – Сухум. 1999.
89. Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. – Сухум. 2002.
90. Амичба Г. А. Труды. – Сухум. 2004.
91. Шамба Г. К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. – Сухум. 2000.
92. Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005.
93. Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2003. (На абхаз. языке «Аԥсны атопонимика»).
94. Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. – Сухум. 2006.
95. Гицба Т. Ш. Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум. 2002. (На абхаз. языке).
96. Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья. – Сочи – Майкоп. 2005.
97. Ворошилов В. И. Убыхи. – Сочи – Майкоп. 2006.
98. Иороманах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Сухум. 2005.
99. Бигуаа В. Абхазский исторический роман. – М., 2003.
100. Маан О. В. Абжуа. – Сухум. 2006.
101. Аристава Ш. К., **Чкадуа Л. П.** Грамматика абхазского литературного языка. – Сухум. 2003.
102. Касландзия В. А. Абхазско-русский словарь. Т. I и II. – Сухум. 2005.

103. Начкебия С. Б. Русско-абхазский археологический словарь. – Сухум.
104. Хеция А. Д. Словарь спортивных терминов (абхазско-русский, русско-абхазский). – Акуа (Сухум). 2002.
105. Саманба Л. Х. О границах полисимии и омонимии (на материале абхазского языка). – Сухум. 2002.
106. Саманба Л. Х. Лексические и лексико-грамматические омонимы абхазского языка. – Сухум. 2001.
107. Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002.
108. Гулиа Р. К. Абхазо-адыгские этимологии. – Сухум. 2004.
109. Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2009.
110. Ионова С. Х. Абазинская топонимия. – Черкесск. 1993.
111. Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. – Сухум. 1937.
112. Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. – Сухуми. 1971.
113. Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970.
114. Замятнин С. Н. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // «Бюллетень комиссии по изучению чертвертичного периода». № 6-7. 1940.
115. Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода». № 9. 1947.
116. Тих Н. А. Предыстория общества. – Л., 1970.
117. Бунак В. В. Происхождения речи по данным антропологии. – М., 1955.
118. Ветров А. А. Семиотика и её основные проблемы. – М., 1968.
119. Рогинский Я. Я. , **Левин М. Г.** Происхождение человека и древнее расселение человечества. – М., 1951.
120. Ломтатидзе К. В. О функции редупликации в абхазском // Известия Института языка, истории материальной культуры. Т. V-VI. 1940.
121. Bouda K. Azechiv fur vergleichele Phonetik. Band, 3. HeftIII.
122. Баграт Шинкуба. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухум. 2008.

123. Кварчия В. Е. Некоторые этимологические заметки // Труды Абгосмузея. Вып. IV. – Сухуми. 1974.
124. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинение. Изд. 2. Т. II.
125. Косвен М. О. Этнография и история Кавквза. – М., 1961.
126. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.
127. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // ТАИЯЛИ. Т. XXXII. 1961.
128. Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. 1950. № XII.
129. Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). – М., 1966.
130. Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении // СМОМПК. Вып. 38. 1907.
131. Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. – Сухуми. 1971.
132. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А – Н. – М., 1977.
133. Гублия Р. К. Абхазо-адыгские этимологии. – Сухум. 2004.
134. Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии // ТАИЯЛИ. Т. XXV. 1954.
135. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. – Тб., 1976.
136. Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977.
137. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985.
138. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. – Л., 1949.
139. Формозав А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.
140. Соловьев Л. Н. Энеолетическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // СМИА. Т. I. 1939.
141. Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. – М.. 1971.
142. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. – Л., 1971.

143. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – Киев. 1970.
144. Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им А. М. Горького. Т. XII. – Сухум.
145. Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АБНИИ. Т. XXX. – Сухуми. 1960.
146. Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.
147. Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.
148. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1964.
149. Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. – Тбилиси. 1952.
150. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. **–** М., 1964.
151. Кварчия В. Е. Животноводская (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1981.
152. Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1960.
153. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание II. Чеченский язык. – Тифлис. 1888.
154. Климов Г. А. Кавказские языки // Языки мира. – М., 2001.
155. Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. I. – М., 1952.
156. Николаев С. Л., Старостин С. А. Северо-кавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лексическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3., – М., 1984.
157. Старостин С. А. Культурная лексика в обще-северокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М., 1985.
158. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967.
159. Дунаевская И. М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. – М. – Л., 1960.
160. Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. [1]., – М., 1961.

161. Меликишвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимики // ВДИ. I. 1962.
162. Трубачев О. Н. История сложных терминов родства. – М., 1959.
163. Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М., 1985.
164. Шагиров А. К. Абхазско-адыгские языки // Языки Мира. – М., 2001.
165. Шагиров А. К. К выявлению генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков // «Этимология». 1964». – М., 1965.
166. Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005.
167. Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазами (азега) и другими смежными с ними народами. Черкессия. (Историко-этнографические статьи). – Краснодар. 1927.
168. Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974.
169. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. – М., 1970.
170. Амичба С. А., Гублия Р. К. Абхазский язык. – Сухуми. 1984.
171. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме историко-этимологического осмысления топонимии древней Колхиды // Жур. «Вопросы языкознания». № 4. 1992.
172. Бганба В. М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.
173. Самсон Чанба. Иҩымҭақәа. – Аҟуа. 1986.
174. Аверкьев И. С северо-восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ» (очерк III), № 74. 1866.
175. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик. 1978.
176. Путешествие И. А. Гюльденштедта по Грузии. Т. I. – Тбилиси. 1962.
177. Чичинадзе З. Д. Превращение в магометанство грузин или отатаривание грузии. – Тифлис. 1915.
178. Новый полный географический словарь Российского государства или лексикон. Ч.I. – М., 1788.

179. Дзидзигури Ш. В. Грузинский язык. – Тбилиси. 1968.
180. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968.
181. История древнего мира. Часть. 1. – М., 1985.
182. **Древние цивилизации**. – М., 1989.
183. Гернот Вильхельм. Древний народ хурриты. (Перевод с немецкого И. М. Дунаевский). – М., 1992.
184. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М., 1986.
185. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М., 1965.
186. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. – Тбилиси. 1957.
187. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. – Л., 1971.
188. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.
189. Всемирная история. Т. I. – М., 1955.
190. Крывлев И. А. Раскопки в «Библейских» странах. – М., 1965.
191. Авдиев В. И. История древнего Востока. – М., 1948.
192. Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1960.
193. Стучевский И. А. Корни мифа о Христе. – М., 1958.
194. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985.
195. Редер Д. Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М., 1965.
196. Гордезиани Р. В. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. – Тбилиси. 1975.
197. Марр Н.Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. – «Избранные работы». – Т. 3. – Л., 1936.
198. Марр Н.Я. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем // «Избранные работы». Т. 2. – Л., 1936.
199. Амичба Г.А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тб., 1988.

200. Дьяконов И. М. Люди города Ура. – М., 1990.
201. **История древнего Востока**. – М., 1988.
202. Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. – М., 1962.
203. Карта (К – 2). Турция. ГУГК 1980. 1981 г.
204. Коков Д. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик. 1983.
205. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. – Тб., 1954.
206. Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750-1762гг. // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 2. – Краснодар. 1927.
207. Коков Д. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик. 1974.
208. Турчанинов Г.Ф. Открытия и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М., 1999.
209. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. – М., 1973.
210. **Цыганенко Г. П.** Этимологический словарь русского языка. – Киев. 1970.
211. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум. 1931.
212. Касландзия В. А. Абхазско-русский словарь. Т. II. – Сухум. 2005.
213. Граматика абхазского языка. Фонетика и морфология. – Сухуми. 1968.
214. Авдиев В. И. История древнего Востока. – М., 1969.
215. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 2. 1947.
216. Бакрадзе Д. М. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // «Кавказ» № 49. 1860.
217. Белл Д. С. Журнал о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 гг. – Beli J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, vol.1. London 1840.
218. Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. II. – СПб., 1787. (На немец. яз.).
219. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. IV. – Л., 1937.
220. Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси. 1966.

221. Инал-ипа Ш. Д. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях // Ученые записки АДИЯЛИ. Т. IV. (История и этнография). – Краснодар. 1965.
222. Первухин М. К. Страна белых гор. (Албанские впечатления) // «Природа и люди». № 11. 1916.
223. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1 (23), 1948.
224. Гамкрелидзе Т. В, Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. – Тб., 1984.
225. Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. – Сухуми. 1971.
226. Kuipers A. N. Phoneme and Morpheme in Kabardian s-Gravenhage. 1960.
227. Персидско-русский словарь. Т. 2. – М., 1970.
228. Трубачев. О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М., 1960.
229. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М. –Л., 1958.
230. Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. – Тб., 1936.
231. Чикобава Арн. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Изв. ИЯИИМК. – Тб., 1942.
232. Ламтатидзе К. В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // «Мнатоби». №-12. 1956.
233. Драчук В. Дорогами тысячелетий. – М., 1977.
234. Баюн Л. С. Некоторые вопросы реконструкции общеанатолийского глагольного строя // Древняя Анатолия. – М., 1985.
235. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959.
236. Хачатрян В. Н. Восточные провинции Хеттской империи. – Ереван. 1971.
237. Словарь иностранных слов. – М., 1949.
238. Большая Советская энциклопедия. Второе издание. Т. II.
239. Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. (Извлече-

ние сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М., 1979.
240. Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XIвека Леонтия Мровели // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум. 2003.
241. Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. – Тбилиси. 1973.
242. Шакрыл К. С. К истории абхазской письменности // Труды Сухгоспединститута. Вып. X–XI. – Сухуми. 1958.
243. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1937.
244. Дьяконов И. М. История Мидии. – М., –Л., 1956.
245. Бгажба О. Х. Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум. 2006.
246. Русско-абзинский словарь. – М., 1956.
247. Ган. К. Ф. Поездка в Мегрелию, Самурзакань и Абхазию (летом 1900 г.) // Кавказский вестник № 4. 1902.
248. Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита – стоянки Воронцовский пещеры // ТАИЯЛИ. Т. XXIX.1959.
249. Очерки истории Грузии. Т. I. – Тбилиси. 1989.
250. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. – М., 1960.
251. Микеладзе М. Т. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. – Тбилиси. 1974.
252. Инадзе М. П. О времени образования колхидского царства по данным древнегреческих авторов // Вопросы древней истории. – Тбилиси. 1973.
253. Глейе А. К. К истории северокавказских языков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37. – Тифлис, 1907. Отд. III.
254. Андреев Ю. В. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1984. № 4.
255. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. – М., 1990.
256. Гомер. Одиссея. – М., 1982.

257. Корнелий Тацит. Сочинение. 2-е издание. – СПб., 1993.
258. Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (ономастика) // Кавказ и Среднеземноморье. Тб., 1980.
259. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. I. – Тб., 1949.
260. Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик. 1974.
261. Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // «Труды» АБИЯЛИ. XXXI. – Сухуми. 1960.
262. Станислав Сегерт. Угаритский язык. – М., 1965.
263. Гомер. Одиссея // Жуковский В. А. Собр. Соч. Т. IV. – М., –Л., 1960.
264. Литературная энциклопедия. Т. I. 1930.
265. Джанашвили М. Г. История Грузии. Т. I. – Тбилиси. 1906.
266. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Книга I. – Тбилиси 1913. (На груз. яз).
267. Анчабадзе З. В. 50 лет Советской Абхазии. – Сухуми. 1971.
268. Дзидзария Г. А. Труды. III. – Сухум. 2006.
269. Ельницкий Л. А. Из исторической этнографии древней Колхиды // ВДИ. 2. 1938.
270. Страбон. География. – М., 1994.
271. Стефан Византийский. Из описания племен. (Перевод П. И. Прозорова) // Известия древних писателей (греческих, латинских) о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1890.
272. Античные источники о Северном Кавказе (состав. В. М. Аталиков). – Нальчик. 1950.
273. Цулая Г. В. Мифические тайны пещеры Абрскила // ТАИЯЛИ. XXXIII-XXXIV. – Сухуми. 1969.
274. Цулая Г. В. К истории имени Абраскил // СЭ. № 6. 1966.
275. Акаба Л. Х. Из мифологии абхазов. – Сухуми. 1976.
276. «Георгика». Т. IV. Вып. I. – Тбилиси. 1941.
277. Каухчишвили Т. С. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов // Кавказ и Среднеземноморье. – Тбилиси. 1980.
278. Писаревский Н. П. Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском // Кавказ и Среднеземноморье. – Тбилиси. 1980.

279. Лордкипанидзе О. Древняя Колхида (Миф и археология). – Тбилиси. 1979.
280. Аджинджал Ер. Абхазская культура и античная традиция // Алашара № 2. 1982. (На абхаз. яз)
281. Сихарулидзе Ю. М. Топонимика Юго-Западной Грузии. Книга 1. Батуми. 1958. (На груз. яз)
282. Бижев. А. Х. Абадзехи // Адыги. – Нальчик. № 2. 1991.
283. Инал-ипа Ш. Д. Об этногенезе древнеабхазских племен. – М., 1964.
284. Шакрыл К. С. Труды. Статьи и очерки по вопросам абхазского языка и фольклора. – Сухуми. 1985.
285. Меликишвили Г. А. Кулха // Древний мир. Сбор. ст. – М., 1962.
286. Лордкипанидзе Д. Д., Микеладзе Т. К. Восточное Причерноморье (Колхида) VII–V вв. до. н. э. // Античные письменные источники и археология. Причерноморья в VII-V вв. до н. э. Материалы международных симпозиума по древней истории Причерноморья. – Тбилиси. 1990.
287. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тбилиси. 1968.
288. Генко А. Н. Абхазо-русский словарь. – Сухум. 1998.
289. Джанашия С. Н. Сочинения. Т. III. – Тбилиси. 1959.
290. Лавров Л. И. О происхождении народов северо-западного Кавказа // Сб. материалов по истории Кабарды. – Нальчик. 1954.
291. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ № 1. 1947.
292. Меликишвили Г. А. Диаухи // ВДИ, 4 (34). – М., –Л., 1950.
293. **Новый и полный географический словарь** Российского государства или лексикон. – М., 1788.
294. Марр. Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык // Этапы развития яфетической теории. – Л., 1933.
295. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ № 3. 1947.
296. Турчанинов Г. Ф. Φθείρωφαγοί писателей классической древности // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси. 1946.

297. Меликишвили Г. А. К вопросу об этнической принадлежности народа кашки // Разыскания. Т. III. – Тб., 1953.
298. Коков Д. Н. Адыгские этнонимы. – Нальчик. 1979.
299. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, № 4. 1947.
300. Миликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1. 1965.
301. Всемирная история. Т. II. – М., 1956.
302. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. Сост. И. Н. 1898.
303. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. – СПБ. 1890.
304. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2 (24). 1948.
305. К–1 – Карта Кавказского края. Сост. Генеральным штабом Отельного Кавказского корпуса. – Тифлис. 1842.
306. К–2 – Турция. ГУГК. 1981.
307. К–3 – Карта Кавказских земель, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб. 1823.
308. К–4 – Административная карта Грузинской ССР. – Тб., 1938.
309. К–5 – OSMANISCHES REICH und SEINE SCHUTZSTAATEN (im XVII ten Jahrhundert). 1871.
310. К– 6 – Грузинская ССР. ГУГК СССР. 1987.
311. Сердюченко Г. П. Основные грамматические особенности языков Западного Кавказа. – М., 1955.
312. Чикобава А. С. Введение в языкознание. Ч. 1. – М., 1952.
313. Клычев Р. Н., Чкадуа Л. П. Абхазский язык // Языки мира. Кавказские языки. – М., 2011.
314. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. – Сухум. 1961.
315. ЦГВИА, ВУА, № 18510.
316. Проф. Тураев. Классический Восток. Т. I. – Л., 1924.
317. Гюльденштедт И. А. Путешествие Гюльденштедта по Грузии. Т. II. – Тбилиси. 1964.
318. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984.

319. Жан де-Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XI. – Одесса. 1879.
320. Челеби Эвлиа. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря // ЗООИД. Т. IX. 1875.
321. Ламберти А. Описание Колхиды или Мингрелии // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. X. – Одесса. 1877.
322. Гумба Г. Д. К вопросу идентификации р. Эгрисцкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.
323. Такайшвили Е. С. Три хроники. Источники грузинских летописей // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. (СМОМПК) Вып. 28. – Тифлис. 1900.
324. Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван. 1975.
325. Апакидзе А. М. Мцхета – древняя столица Картлийского царства. – Тбилиси. 1959. (На груз. яз).
326. Дьяконов И. М. Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. Вып. I. – М., 1961.
327. Обращение Грузии. (Редакционная обработка, исследование и комментарии М. С. Чхарташвили). – Тбилиси. 1989.
328. Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998.
329. Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // «Абхазоведение». Вып. II. – Сухум. 2003.
330. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван. 1971.
331. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Книга вторая. – Тб. 1965.
332. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси. 1966.
333. Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах auaps «осетин», asoanua «сван» // Вопросы Кавказской филологии и истории. – Нальчик. 1982.
334. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №- 3. 1948.

335. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – М., – Л., 1949.
336. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1. 1948.
337. Еремян С. Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // Историка-филологический журнал АН Арм. ССР. – Ереван. 1973.
338. Цулая Г. В. Джуаншер Джуаншериани. ЖВГ. – Тбилиси. 1986.
339. Беридзе М. И. Персидские элементы в топонимии Джавахети // Ономастика. (Под общей редакцией акад. Ш. В. Дзидзигури). – Тбилиси. 1987.
340. Кварчия В. Е. О границах исторической и современной Абхазии. – Сухум. 2011.
341. Джонуа Б. Г. Русско-абхазский словарь. – Сухум. 2010.
342. Орбелиани С. С. Словарь грузинского языка. – Тифлис. 1929.
343. Гумба Г. Д. К вопросу об этнической принадлежности Кавказских мосхов (масхов-месхов) // Первое международное Инал-иповские чтения. – Сухум. 2011.
344. Марр Н. Я. К истории передвижения яофетических народов с юга на север Кавказа // Известия Академик наук. № 6. 1916.
345. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959.
346. Каухчишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. II. – Тбилиси. 1965.
347. Ган. К. Известия др.-греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. I. – Тифлис. 1884.
348. Историки Греции. – М., 1976.
349. Трапш М. М. Труды (Древний Сухум). Т. 2. – Сухуми. 1969.
350. Гениохи. Реальная энциклопедия классической науки о древности (Паульса). Изд. Вельгельм Крокк. – Штаттгарт. 1912. (На немец. яз.).
351. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Записки классического отделения Императорского русского Археологического общества. Т. II. Вып. 1. – Санкт-Петербург. 1904.

352. Гамрекели В. О племени двалов // Материалы грузинской этнографии. Т. IX. – Тб., 1957.
353. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латынских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. 3-й. – Санкт-Петербург. 1900.
354. Ельницкий Л. А. Из исторической этнографии древней Колхиды // ВДИ, 2. 1938.
355. Турчанинов Г. Ф. Φθείρωφαγοί писателей классической древности // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1946.
356. Габуния З. М., Кварчия В. Е. Вопросы истории Абхазии и абхазской письменности в трудах Г. Ф. Турчанинова // Вопросы Кавказской филологии и истории. – Нальчик. 1982.
357. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – Ленинград. 1938.
358. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968.
359. Чикобава А. С. «П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-Кавказских языков» // Иберийско-Кавказское языкознания. VII. – Тбилиси. 1955.
360. Меликишвили Г. А. К вопросу об этнической принадлежности кашков // Жур. «Обозреватель» ИИД. Т. III. – Тбилиси. 1953.
361. Ардзинба В. Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Абхазоведения № 3. – Сухум. 2009.
362. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1979.
363. По обе стороны Большого Кавказа. – Сборник документов. Т. I. Абазины и «Черкесский» вопрос. (Автор-составитель Мусса Экзеков). – Питер. 2012.
364. По обе стороны Большого Кавказа. Сборник документов. Т. II. Абхазы. – Питер.2012.
365. Инал-ипа Ш. Д. Труды. Т. III. – Сухум. 2011.
366. Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум. 2008.
367. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. – Сухум. 2010.

368. Архимандрит Дорофей (Дбар). Православная церковь в Абхазии: Прошлое, настоящее, будущее. 1 том. – Новый Афон. 2012.
369. Абхазы. (Ответ ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун). – М., 2007.
370. Древнегреческо-русский словарь. – М., 1958.
371. Новогреческо-русский словарь. – М., 1980.
372. Русско-новогреческий словарь. – М., 1983.
373. Это ли забота о стране и о справедливости?! // Газ. "Ахалгазырда комунисти". 6 Мая 1989 г. (На груз. яз.)
374. Абхазы. (Издание второе исправленное). – М., 2012.
375. Газ. «Свободная Грузия». 29 сентября 1992 г.
376. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. – Сухум. 2012.
377. Тхайцухов М. С. Абазины. – Черкесск – Карачаевск. 2006.
378. Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001.
379. Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIIIв. до н. э. – XV в. н. э.) – Тб., 1983.
380. Авидзба А. Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум. 2008.
381. Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. – Сухум. 2012.
382. Гицба Т. Ш. Страна древних абазгов. – Сухум. 2012.
383. Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. (А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Ендольцева). – Санкт-Петербург. 2011.
384. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.). (Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.). Книга I. – Сухум. 2005.
385. Абхазия и абхазы в российской периодике, **(XIX–XX вв.).** (Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А.). Книга II. – Сухум. 2006.
386. Материалы по истории Абхазии XIX века. (Составитель Г. А. Дзидзария). Т. I. – Сухум. 2008.

387. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (Составители А. Э. Куправа, С. Т. Салакая, А. Ф. Авидзба). Т. II. – Сухум. 2011.
388. Материалы по истории Абхазии XIX века. (Составители А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А Ф. Авидзба). Т. III. – Сухум. 2012.
389. Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.). (Составитель Р. Х. Гожба). – Сухум. 2009.
390. Материалы по истории Абхазии Советского периода. Т. I. (Составитель Куправа А. Э.). – Сухум. 2012.
391. Пачулия В. М. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. – Сухум. 2010.
392. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969.
393. Климов Г. А. Кавказские языки. – М., 1965.
394. Боденштедт Фридрих. По Большой и Малой Абхазии. О Черкессии. – М., 2002.
395. Герберштейн Н. С. Записки о Московских делах. – СПТ., 1908.
396. Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762гг. // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 2. – Краснодар. 1927.
397. Тхайцухов М. С. Этнокультурные связи абазин в XIX– нач. XX вв. Автореф. канд. дисс. – М., 1985.
398. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник…– Сухум. 2006.
399. Гюльденштедт И. А. Географические и исторические известия о новой пограничной линии… – СПб., 1779.
400. Жан Франсуа Гамба. Путешествие в Закавказье. Ч. I. Перевод с французского на грузинский язык Я. Г. Мгалоблишвили. – Тбилиси. 1987.
401. К–7 – Cart des pays voisins la mer Caspienna. 1723. (par G. Delisle), Paris, 1723. – ЦГВИА.
402. К–8 – Charte der Laendr am Caucasus. Weimar, 1802, 1804, (Сост. Реинеке).
403. К–9 – Карта земель, лежащих между Черным и Каспийским морями (1786 г.);

К–10 – Карта Кавказских гор с границами обитающих в них народов (1786 г.);
К–11 – Карта (Большая Абхазия, Малая Абхазия, Мингрелия, Имеретия, Гурия). Изд. Б. М. и Б. Г.
404. К–12 – Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семёном Браневским к описанию Кавказа. – СПб. 1823.
405. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. –Москва. 1976.
406. Ушаков П. Н. Народы и языки Кавказа // Ж. «Народы Кавказа». № 1. 1921.
407. Копсергенова Валентина. Шумеры. – Черкесск. 2012.
408. Мифы народов мира. (Ред. С. А. Токорев). – М. 1987.
409. История всемирной литературы. Том первый. – М., 1983.
410. Дьяконов И. М., Афанасьева В. К. Я открою тебе сокровенное слово. – М., 1983.
411. Дирр А. Язык убыхов. Рус. перевод. Габуниа З., Сакиева Р. – Нальчик. 1996.
412. Прокопий Кесарийский. История воин римлян с персами // Кн. II. СПб. 1880.
413. Пазов. С. У., Татаршао А. Х. Абазины – древний народ Кавказа // Бибаркт Эльбурган. – Черкесск. 1996.
414. История Армении Февстоса Бузанда, Кн. III. – Ереван. 1953.
415. Армянская география VIII в. по Р. Х. – СПБ., 1877.
416. Кишмахов М. Х. – Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум – Карачаевск. 2012.
417. Карбущенко П. Я. Грузинские витязи в шкуре «Астраханского тигра» // Астраханский меридиан. Альманах. Выпуск I. 2010.
418. Похомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе. // Исторический вестник. Т. 7. – Тбилиси. 1953. (Издано И. Антскава и Г. Дзидзария).
419. Джанашиа С. Труды. Т. VI. – Тб., 1989. (на груз. яз.).
420. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). IV. 1884.

421. Кварчия В. Е. Тенденциозность или дилетанство // Газета «Бзыбь». № 5. 1990.
422. К-13 – Карта народов, обитающих между морями Черного и Каспийским. (ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 1060, л. 79 «а».
423. Черкессия в картах XIV-XIX веков. – Краснодар. 2011.
424. Нарт Сасрыква и девяносто девять его братьев // Абхазский народный эпос. (сост. Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба). –Сухум (Акуа) 1962. На абхаз. яз.
425. Ионова С. Х. Абазинские фамилии и имена – Черкесск. 2006.
426. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ, № 4. 1939.
427. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка // Исследование и тексты. Сухум – 2006.
428. Дж. Белл. (Белл Д. С.). Журнал пребывания в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 годах. Т. II. – Лондон. 1840. (На английском яз.).
429. Джанашиа С. Н. Труды. Т. II. – Тбилиси. 1925. (На груз. яз).
430. Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М. 1950.
431. «Картлис Цховреба». Т. I. – Тбилиси. 1955. (На груз. яз.).
432. Каухчишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. – Тбилиси. 1936.
433. История Грузии. Т. I. – Тбилиси. 1972.
434. Агафий. О царствовании Юстиниана. – М. 1953.
435. Дж. Белл. Журнал пребывания в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 годах. Т. II. – Лондон. 1840. (На английском яз.).
436. Элиава Г. В. Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. –Тбилиси. 1977. (На грузинском яз.).
437. Джанашвили Н. Абхазия и абхазы // ЗКОИРГО. Кн. 16. – Тб., 1894.
438. Джанашиа С. Черкесский (Адыгский) элемент в топонимике Грузии // «Мацне» (Сообщения Грузинского филиала АН СССР). Т. I. №8. –Тб., 1940.
439. Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода. (Автореферат канд. дисс.). – Тбилиси. 1953.
440. Иероманах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005.

441. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4. 1948.
442. Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зарадушт // ВДИ. 1967. №4.
443. Абхазы (Азега). (Введенский А. Н.) // ССКГ. Вып. VI. – Тифлис. 1872.
444. Поспелов Е. М. Географические названия России. – М. 2008.
445. Кабардинский фольклор. – М. – Л. 1936.
446. Очерки Кабардино-черкесской диалектологии. (Под. ред. М. А. Кумахова). – Нальчик. 1969.
447. Кадыр Натхо. Черкесская история. – Майкоп. 2012.
448. Ал-Идриси. География Идриси. – Париж. 1840. (На франц. яз).
449. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древний Руси (до середины XIII века) // История СССР. 1967. №3.
450. Анчабадзе З. В. Избранные труды. Т. 2. Сухум. 2011.
451. Джанашиа С. Н. Тубал – Табал, Тибарен, Ибер // «Труды». Т. III. 1959.
452. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении алкдриси. – М., 1999.
453. Флавий Арриан. Путешествие по берегам Черного моря. Грузинский перевод греческого текста, комментарии и карта Н. Кечагнадзе. – Тбилиси. 1961.
454. Абхазы. Ответ. редакторы Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. Издание второе, исправленное. – М. 2012.
455. Трапш М. М. О некоторых итогах археологических исследований в С. Цебельда Сухумского района. – ТАИЯЛИ. Т. XXXII. 1961.
456. Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухум. 1970.
457. Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» – ВДИ. 1969. №2.
458. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. – Л. 1951.
459 Милованова Наталья. Абхазия христианская. – Сухум. 2014.
460. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I–VII вв. Автореферат докторской диссертации. – М. 1973.

461. Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и её мозаиках. – ВДИ. 1969. №2.
462. Очерки истории Грузии. Том II. – Тбилиси. 1988.
463. Агатангелос. История Армении.
464. Бриллиантов А. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. – «Христианский Восток». Т. V. Вып. I. – Петроград. 1917.
465. Затейшвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана. – Древнейшие государства на территории СССР. – М. 1976.
466. Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тбилиси. 1985.
467. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. 1947-1949.
468. Жузе Г. Грузия XVII столетия в изображении антиохского патриарха Макария. – Баку. 1927.
469. Джанашиа С. Труды. Т. I. – Тбилиси. – 1949 (на груз. яз.).
470. Леквинадзе В. А. О постройках в Западной Грузии // ВВ. 1973. Т.34.
471. Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. – Тифлис. 1875.
472. Косумова С. Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. – Баку. 1983.
473. Реза Э. О. Азербайджан и Арран. – М. 2012.
474. Аджинджал Е. К. О титулатуре абхазских царей. – Сухум. 2014.
475. Джафраров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. – Баку. 1983.
476. Александр Широкорад. Война и мир. Закавказья за последние три тысячи лет. – М. 2009.
477. Прокопий Кесарийский. О постройках. – ВДИ. 1939. № 4.
478. Лев Гумилёв. Древняя Русь и великая степь. М. 2008.
479. Георгика. Т. IV Ч. II. Тбилиси. 1952.
480. Хотко. История черкесов – Санкт-Петербург. 2001.
481. «Жизнь Грузии». Под ред. С. Г. Каухчишвили. – Тбилиси. 1953. (На груз. яз).

482. Кекелидзе К. Этноды из истории древнегрузинской литературы. Т. IV. – Тбилиси. 1988.
483. Neuman C. Fr. Das Rusland und Circessen. – Stuttgart – Tubingen, 1840.
484. Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиция – бытовой культуры абхазов. – Сухум. 2014.
485. Авидзба Аслан. Проблемы военной – политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.). Книга I. Книга II. – Сухум. 2013.
486. Ардзинба В. Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов. ВДИ., 1977. №3.
487. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатомии. – М. 1982.
488. Агуажба Р. Х. Из истории Кавказской диаспоры: абхазы, убыхи...– Сухум. 2014.
489. Энциклопедический словарь. Т. 1. – С-Петербург. 1890.
490. Энциклопедический словарь (Граната). Т. 1. – С.-Петербург. 7-ое издание.
491. Меликсет-Бек Л. М. По следам Перипла Аррианы. // Труды АБИЯЛИ. Том XXX. – Сухуми. 1959.
492. Большая энциклопедия. Т. 1. –С-Петербург. 1896
493. Чирикба В. К. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке // ВЯ. № 4. –М. 1998.
494. Чирикба В. К. Абхазские заимствования в мегрельском языке // ВЯ, № 3. –Сухум 2009 г.
495. Дзидзария Г. А. Труды. I. –Сухум. 2002.?
496. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII- начале XX века. –М. 1974.
497. Матиане Картлиса. (Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе). –Тбилиси. 1976.
498. Люлье Л. Я. Черкессия – Северо-кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990.
499. «Кавказский гербовник» Цихинского. См. материалы из Википедии.
500. Грузинские фамилии. Материалы из Википедии**.**
501. Лавров Л. И. Абазины // Историко-этнографический очерк. // Кавказский этнографический очерк. – М. 1955.

502. Дирр А. Материалы к изучению языка и быта абхазцев. // СМОМПК. Вып. 44. Отс. 4.-Тифлис. 1915.
503. Мар Н. Я. Из абхазских личных имён... // О языке и истории абхазов. – М. – Л. 1938.
504. Телефонный справочник 1990. Сухумская городская телефонная сеть. 1990 год.
505. Джанашия С. Н. К гениологии рода Бараташвили // Труды. Том II. – Тбилиси 1952 (на груз. яз.).
506. Чхатарашвили К. Надпись Абуласана Иобисдзе из Цебельды и её историческое значение // ВИГФЭ. VI. – Тбилиси. 1990.
507. Джанашия С. Н. Труды. Т. IV.–Тб.; 1968 (на груз. яз)
508. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л. 1978.
509. Валентина Амичба. Словарь личных имен абхазов. –Сухум. 2012.
510. Ломтатидзе К. В. Абхазское слово ауаҩы- «человек» // Моамбе. 1943. Т. IV, №7. (На груз. яз.)
511. Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. (Сатавадо – сеньории). – Тбилиси. 1961.
512. Дасания Д. М. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение – Сухум. 2009.
513. Цулая Г. В. Из грузино-абхазской антропонимии // Этнографическое обозрение. № 1.– М.1999.
514. Джомидава Н. Колхские фамилии и имена. – Тбилиси. 1966. (На груз. яз.).
515. Амичба Георгий. Средневековая Абхазия в грузинских нормативных источниках. – Сухум. 2011.
516. Сенковский О. И. Некоторые сомнения касательно истории грузинов. – Сухум. 2008.
517. Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая. –Сухум. 1934.
518. «Картлис цховреба». Т. I. –Тбилиси. 1955 (на груз. яз.).
519. Карла Серена. Путешествие по Абхазии. –М. 1999.
520. Вахушти. Описание Грузинского царства. –Тбилиси. 1941. (на груз. яз).
521. Сабанисдзе И. Мученичество Або Тбилели (см. Кекелид-

зе К. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. –Тбилиси. 1956).
522. **Зухба С. Л.** Из жизни аджарских абхазов // Современное абхазское село. – Тбилиси. 1967. (На абхаз. яз.).
523. **Лордкипанидзе М.** Политическое объединение феодальной Грузии.– Тбилиси. 1963.
524. **Вахушти.** «Жизнь Грузии». 1913. Издание З. Чичинадзе (на груз. яз.).
525. **Кекелидзе К.** Памятники древнегрузинской агиографической литературы. –Тбилиси. 1956.
526. **Известия** Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 91. М.-Л. 1934.
527. **Багрянородный К.** «О фемах» и «о народах». –Москва. 1899.
528. **Бгажба О. Х.** Так где же все-таки находился Сотириуполис Константина Багрянородного? // Абхазоведение. V-VI выпуск. –Сухум.2011**.**
529. **Псевдо-Арриан.** Объезд Эвксинского Понта. // ВДИ. 1948. №4.
530. **Кулаковский Ю.** Где был построен императором Юстинианом храм для абхазов? //Археологические известия и заметки. № 2. –Москва. 1897.
531. **Житие Константина-Философа** // Труды славянской комиссии. Т.I.- Л. 1930.
532. **Нуцубидзе Ш.** История грузинской философии. – Тбилиси. 1960.
533. **Смоленский С.** Воспоминания кавказца. (Из записок юнкера) // Военный сборник. Том. I. XXXVII, отд. I. 1872.
534. **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической действительности – Сухум. 1992г.
535. **Записки** императорского Новороссийского университета. Т. I. Вып. I-II. – Одесса. 1867.
536. **Сказание** о Вавилонском царстве // Памятники литературы Древней Руси. – М. 1992.
537. **Кожинов В. В.** Судьба России: вчера, сегодня, завтра. – М. 1997.
538. **Дзидзигури Ш. В.** Грузинский язык. –Тбилиси. 1968.
539. **«Картлис Цховреба».** Т. II.– Тбилиси. 1959.

540. Краткая священная история. Переведена на абхазский язык под руководством И. Бартоломея. Издание общества восстановления христианства на Кавказе. – Тифлис. 1866.
541. Мачавариани К. Д. Аҟәра бҕьыц. Жәа-закәанк. Аныҳәарақәа. – Қарҭ. 1910.
542. Аԥсуа бызшәа ажәар. 1. –Аҟәа. 1986.
543. Шьаҟрыл К. С. Аԥсуабызшәа бзыԥтәи адиалект ажәар. – Аҟәа. 2014.
544. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. – М. 1950.
545. Болтунова А. И. Возникновение классового общества в государственной власти в Иберии // ВДИ. № 2. 1956.
546. Ушаков П. Н. Народы и языки Кавказа. // Журнал «Народы Кавказа». – Тифлис. 1921.
547. Кукба В. И. Избранные труды. – Сухум. 2007.
548. Джонуа Б. Г., Касландзиа В. А. Краткий абхазско-русский, русско-абхазский словарь. – Сухум. 2011.
549. Большая энциклопедия. Т. I. – С.-Петербург. 1896.
550. Генко А. Н. Абхазо-русский словарь. – Сухум. 1998.
551. Гублия Р. К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. – Сухум. 2002.
552. Фридрих Любкер. Словарь античности. – М. 2005.
553. Щеглов Г. В., Арчер В. Словарь античности. – М. 2006.
554. Шьаҟрыл К. С. Аԥсуа бызшәа бзыԥтәи адиалект ажәар. – Аҟәа. 2014.
555. Грамматика абхазского языка. – Сухум. 1968.
556. Гублиа Р. К. Очерки абхазской этимологии. – Сухум. 2013.
557. Джонуа Б. Г. Русско-абхазский словарь. – Сухум. 2010.
558. Торотадзе А. Г. Краткий русско-грузинский словарь. – Тбилиси. 1969.
559. Дзидзария О.П. Некоторые абхазизмы, представление в картвельских языках // Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.
560. БСЭ. Издание второе. Т. 47**.**
561. Кварчия В. Е. К этимологии слово «шамахамзар» // Известия АБИЯЛИ. Т. VI. –Тбилиси. 1977.

562. Аджинджал Е. К. Изображение на абхазских коврах XIX в. «Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Союза». Тезисы Всесоюзной конференции. – М., 1974.
563. Языки мира. Кавказские языки. – М. 2001.
564. А. Миллер. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. I., –СПб, 1910.
565. «Жизни Грузии». Свод царя Вахтанга, изд. З. Чичинадзе. – Тифлис. 1913.
566. Глонти А. А. Топонимические разыскания. – Тб., 1971 (на груз. яз.).
567. Цхадая П. А. Топонимия горной Мигрелии. – Тб., 1975 (автореферат канд. диссер.)
568. Елиава Гиви, Шенгелия Григол, Парулава Гиви. Топонимика Чхороцкуйского района. – Тб., 1983 (на груз. яз).
569. Трапш М. М. Труды Т.4. –Сухуми. 1975.
570. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч.I. 1971.
571. К-21 – Квартирная карта Абхазии 1843 года.
572. К-22 – ЦГАА – Карта итальянца Фредуча (1497 г.)
573. К-15 – Карта «Иверская земля» (1743г). ЦГВИА.
574.К-14, см. К-8.
575. **Абрюцкий 2-й.** Статистический взгляд на Абхазию // Тифлисские ведомости. 1831. № 27-29.
576.К-18 – Карта Черного моря в древности. Понт Эвксинский. Описи кап-лит. Е. Монганари (1828-1836). – Николаев. 1840.
577. Амичба Г. А. Новый Афон и его окрестности. – Сухуми. 1988.
578. Хрестоматия по древнегрузинской литературе. (Сост. С. И. Кубанейшвили). Т. I. – Тбилиси. 1946.
579. К-16 – Карта Исмаила Абульфеды (1331 г.).
580. К-17, см. К-5.
581. К-19, см. К-8.
582. К-20 – Брумленная карта Абхазии (1813 г.). ЦГВИА.
583. К-23 – Карта театра войны в Азии. Съемки шт.-кап. Петрова, Андреевского и др. – Тифлис. 1845.
584. Вахушти. История Грузии. – Картлис цховреба. –Тбилиси. 1973. Т. 4 (На груз. яз).

585. Дадиани Н. История Грузии. – СМОМПК. – Тифлис. 1902. Вып. 35.
586. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978.
587. Карла Серена. Путешествие по Абхазии. – М. 1999.
588. Журнал Министерства народного просвещения. Часть XVI. – СПб.1837.
589. Джанашиа Н. С. Давайте работать // Газ. «Сухумский вестник». 1915. №№ 99-100.
590. Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до. н. э. – XIII в. н. э.). – Тбилиси. 1987.
591. Шамба С. М. Гюнос – I. – Тбилиси. 1988.
592. Дзидзария О. П. Море и абхазы. Историко-лингвистический очерк. – Сухум. 2002.
593. Дзидзария О. П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.
594. Чирикба В. А. Баскские и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М. 1985.
595. Валерий Бигуаа. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум 2012.
596. Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и Царства Армянских Багратидов в IX-X веках // Автореферат кандидатской диссертации. – Ереван. 1967.
597. Чирикба В. А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. I. – М. 2012.
598. Литература Древнего Двуречья // ИВЛ. Т. –М. 1983.
599. Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуицу» // Вестник Академии Наук Абхазии. № 2. – Сухум. 2007.
600. Хонелия Р. А. Некоторые исторические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X в. Иованнеса Драсханкертци... // Вестник Академии Наук Абхазии. № 2 – Сухум. 2007.
601. Бердзенишвили Н., Джавахашвили И., Джанашия С. История Грузии. Часть I. – Тбилиси. 1946.
602. Агрба И. Шь. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе

христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. – Сухум. 2007.
603. Иоване де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). (из сочинения «Книга познания мира»). – Баку. 1980.
604. Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии н. э. (XI–XIII вв.). – Сухум. 1999.
605. Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI – начала XIII века. – Тбилиси. 1974.
606. Асохик. Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию – писателя XI столетия. – М. 1861.
607. Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV. – Сухум. 2014.
608. Челидзе Вахтанг. Исторические хроники Грузии (XI-XII). –Тбилиси. 1988. (перевод с грузинского А. Бесташвили).
609. Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии. – Тбилиси. 1982.
610. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. – М., 1968.
611. Метревели Р. В. Царица Тамар. – Тб., 1991. (на груз. языке).
612. «История и восхваление венценосцев». Пер. К. С. Кекелидзе. Изд-во АН ГССР. – Тб., 1954.
613. История Грузии. (Учебник). – Тб. 1979.
614. Эв. Челеби. Книга путешествий // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. IX-А. – Одесса. 1875.
615. Шакирбай Г. З. Абхазские топонимы Большого Сочи. – Сухуми. 1978.
616. Чачхалиа Д. К. Историческая топонимика Большого Сочи XIX века… // Джигетский сборник. Вып. I. – Москва. 2012.
617. Грузинская народная песня. В трех томах. – Тб. 1960. (на груз. языке).
618. История и восхваление венценосцев. Издание К. Кекелидзе. – Тб. 1941.
619. Хрестоматия древнегрузинской литературы. Составитель – С. Каухчишвили. Т. II. – Тб. 1949.

620. Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959.
621. Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX века). – Сухум. 2012.
622. Бердзенишвили М. М. Границы грузинского государства в начале XIII века // Грузия в эпоху Руставели. – Тб., 1966.
623. Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. – Сухуми. 1978 (на абхаз. языке).
624. Маан О. В. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средневековье. – Сухум. 2014.
625. Аджинджал Е. К. Церковь и государство: политика и суверенитет в Абхазии X в. // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. – Сухум. 1996.
626. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. Т. I. – Москва. 1950.
627. Милованова Наталья. Абхазия христианская. – Сухум. 2014.
628. Грен А. Н. Династия Багратидов в Армении // (ЖМНП) – Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 11.
629. Мачавариани К. Д. Корнет К. Ш. Лакербай. – Сухум. Издательство ЦГП «Алпха».
630. Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. Вып. IV. – Тифлис. 1884.
631. Гожба Руслан. К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов // Мосты. – Сухум. 1998.
632. Марков Евг. Очерки Кавказа. – СПб. – М. 1887.
633. Леонид А. Абхазия и её христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887.
634. Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абазгского // «Мацне» (Сообщ. АН Груз. ССР). Т. XVI. 5. – Тбилиси. 1955.
635. Жордани Я. Ф. Хроники и другие материалы по истории Грузии. I. Тб. 1893.
636. Месхия Ш. А. Дидгорская битва. Тб., 1972.
637. Тодуа М. Грузино-персидские этюды. III. Тб., 1979.

638. Капанадзе Д. Г. Медная монета грузинского царя Давида сына Георгия // Эпиграфика Востока. XII. 1958.
639. Капанадзе Д. Г. Новый тип монеты Давида Строителя // Византийский временник (В В). T.VIII. М., 1956.
640. Буниятов З. М. Грузия и Ширван в первой половине XII века // Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966.
641. Кедрин. Гиоргика. V. – Тбилиси. 1963.
642. Асатиани Л. Ю. К этимологии грузинских гидронимов RIONIIARAGWI // Ономастика Кавказа. – Орджоникидзе. 1980.
643. Архимандрит Дорофей. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Второе издание. – Новый Афон, 2015.
644. Головин А. Историческое обозрение Грузии. Кавказский календарь. Тифлис, 1864.
645. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Книга 3. Санкт-Петербург, 1850.
646. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии (с древнейших времен до крестьянской реформы 1870 г.). Часть I. Сухум, 1934.
647. Архимандрит Леонид. Абхазия и в ней Ново – афонский Симона Канонита монастырь. Москва, 1898.
648. Беигуа Омар. Схема Абхазской истории. Стамбул, 1993.
649. Аргун Р. О., Шанава А. Б. «Анакопийское сражение – миф и реальность». Жур. «Аҟәа / Сухум». Вып. 4. Сухум. 2019.

УКАЗАТЕЛИ

Материалы абхазо-абазинской лексики

А

аамсҭа // аамысҭа 232, 358, 359, 365, 369
аамсҭар 369
аамсҭара 358, 365, 495
аамсҭашәара 365, 504
аамысҭцәа 358
ааанда 123
аара 33, 82, 375
аарԥшра 376
аарыхра 44
ааха 373

Б

аб 31, 38, 72, 85, 104, 105, 125, 126, 141
аба 38, 105, 125, 171
абаа 123, 257, 304, 306, 370, 438, 450
абаагәара 370
абаагәашә 370
абаажә 370
абаандаɷтәра 370
абаандаɷы 370
абаандара 370
абаарыԥхра 370
абаахжәара 370
абааԥых 370
абаҕәаза 375
абадихуа 105
абаза 2, 54, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 85, 98, 119, 173, 200, 256, 270, 273, 276, 278, 279, 285, 307, 314, 315, 354, 355, 356, 374, 538, 545, 589
абара 82
абахҭа 377
абду 38, 103
абер 378
абжы 31
абжьагара 367
абжьаƙазаɷ 367
абжьаƙазара 367
абжьацәажәаɷ 367
абжьацәажәара 367
абжьаʒра 373
абжьгаɷ 367
абжьгара 367
абжьгацәа 367
абза 76
абзабаа 379
абиԥара 42
абиашьа 38, 104
абиашьцәа 38
абираƙ 368
абналара 376
абɷа 41, 74, 159

абрагь 376
абса 371
абхәа 38
абҵара 46
абԥа 41, 74, 159
абԥьар 370, 371, 382
абыз 61
абызшәа 61
абымба 44
абырфын 44
абысҵа 45
баба 38, 78, 81
бабаду 38
баԥы // бԥы 41

В

авба 377
авбара 377
авара 117

Г

ага 98, 117, 186, 374
агара 186, 187, 227, 260
агаʒа 366
агмыг 366
агмыгра 366
агха 376
агыруа 174, 182, 259, 362, 495

ГӘ

агуара 222, 260, 449
агуара ду 260
агуарааида 260
агуарата (агәараҵа) 260
агура 256
агәаҕьра 373
агәаԥара 126
агәаԥара 126
агәарԥ 123
агәарабжьара 260
агәараҵа 260
агәеанызаара 373
агәԥара 376
агәрага 365
агәраргага 376
агәыԥ 369
агәыбҕан 377
агәыжь 126
агәымшәа 373
агәыргәыр-ра 31
агәыргьын 379
агәырԥса 377

Ҕ

аҕа 160, 363, 382
аҕар 363, 382, 495
аҕара 372
аҕарра 363, 382
аҕацәа 372
аҕба 374
аҕбашаха 375
аҕҕара 375

ҔЬ

аҕьыч 366, 376
аҕьычра 366, 376
аҕәырра 31

Д

адауарҵа 74, 376
адауауа 74, 376
адгылара 367
адгьылбжьаха 375
аджар (аԥьар) 229
адикуан 378
адуқәа 80
адхра 367
адҵа 367
адцалара 367
адцара 367
адыд 31
адыд-ра 31
адыр 365
дадаҳ 358, 409
даду 38

Ж

ажра 370
ажыга 39

Жь

ажьаҕьырԥага 124
ажьаҳәа 160
ажьи 160
ажьыра 160
ажьыраҟь 160
ажьырныҳәа 160

Жә

ажәла 42, 356
ажәлантә 42
ажәлар 42, 43, 108, 356, 360
ажәлар реизара 43, 367
ажәԥа 43
ажәԥан 73
ажәҵар
ажәҵара 372
ажәылара 372
жәаԥырхы 369

З

азаандаҟ 371
азаара 74
азар рашәа 369
азарашәа 507
азин 375
азинеилагара 375
азинхьчара 375
азҵаара 376
зқьырхы 369
зықьрхы 369

З

аҙ 375
аҙаакәрылара 375
аҙаарҟәрылара 375
аҙаахра, арқьарсианра 378
аҙба 375, 382
аҙбаара 126
аҙбаԥ 375, 376, 382
аҙбара 375, 382
аҙбарҵа 376
аҙбатә 376
аҙбахә 376

аҳсаԝ 375
аҳсара 43, 375
аҳхылара 375
аҳхытԥра 375
аҳхытԥырҭа 375
аҳыпҵара // аҳырпҵара 172
аҳыбжьаха 375
аҳыбжьахала 375
аҳыҕҕара 363, 375
аҳықә 375
аҳырга 365
аҳышьшьыра 375

И

иаааира 153, 373
иара 76, 167
иаша 366
иашара 366
аибапҟара 326
аибарԥшра 506
аибаҭиира 377
аибашьԝы 372
аибашьра 43, 372
аибашьцәа 372
аибашьыга 370
аибашьырҭа 105
аиҿкааԝ 367
аиҿкаара 367
аиҿыбаара 160
аизара 367
аизыҟазаашьа 367
аиқәшаҳаҭра 367
аиқәырхара 373
аила 108, 109, 124, 363
аилага 109
аилагара 109, 376
аилажьра 109
аилажәра 109
аилаԥса 109
аилар 108, 109, 363
аиларҭәара 160
аилатәара, аилацәажәара 367
аилахәыра 379
аилаҳара 80
аилаҳара 379
аилыргара 376
аимадара 359, 373, 382
аимдара 376
аимдарақәа 376
аимҵәара 372
аинаалара 373
аинҟьара 373
аисах 373
аиҵахара 373
аиҵныԥсахлара 379
аиха 160
аихаҵгылара 506
аиҳабы 105
аиҳабыра 105, 361
аицхыраара 506
иахуа 105
игәаҕьыуацәоу 373
иҳакәиҭыу 378, 379

К

акакара 31
акалра 157, 159
аканԥьа 374
акаҭа 375
акаԥьбеи 366
акаԥьбеира 366
акашәара 370

акнаҳара 368
акра 284, 375, 377
акыдыршәыла 44
камар 43, 141, 171, 228, 229, 374
кыта 83, 163, 190, 205, 216, 281, 442, 541

КӘ

акәалʒкьаҿ 371
акәалʒхылпҧа 371
акәалʒы, 157, 158 371
акәылаԝы 372
акуаала 158
акуа-ра 158
акушара 372
кәалʒы 157
куараса 221

Қ

ақыҧа 357, 495

ҚЬ

ақьаадпҧара 379
ақьақьаԝы 366
ақьар 379
ақьачақь 368
ақьачақьра 368
ақьыра 380
ақьырсиан 378
ақьырсианра 378
қьырса 378

ҚӘ

ақәпҷера 376
ақәиҧра 375
ақәнага 379
ақәны 44
ақәра 379
ақәхра 373
ақәылаԝ 43, 366, 372
ақәылара 43, 366, 372, 376
ақәымчра 368
ақәыршә 44
ақәыцьма 194
ақәыʒбара 377
ақәыʒра 368
ақәʒаара 368

Ҟ

аҟама 371
аҟыга 39
аҟанҵааʒара 44

ҞЬ

аҟьала 366

ҞӘ

аҟәаҟәара 373
аҟәырҟәыр 366
аҟәырҷа 370
аҟәыш 365

Л

ала 31, 109, 124, 361, 363, 382, 441
алаа 43, 361, 362, 363
алааҙара 47
алабаҡьаҩы 367
алабашьа 371
алага 361, 362, 382
алакҭаҩ 371
аламыс // анамыс 365
аламысда 366
аламысдара 366
аласа 44
аласалых 44
алахәыла 379
алахьча 47
алахьынҵа 77
алаҳәара 367
алашара 86, 445
алашарба 375
алеишәа 365
алкаа 367
алу 283, 363
алурашәа 507
алԥха 378
алыг 366
алыпшаах 365
алых 365, 367
алыхеизара 367
лахьы 77
лаҵарамза 46
лаша 86,256, 383, 384, 487

М

ам 31
амаалыҟь 378
амаана 373
амааҭ 379
амадара 359, 367
амазара 379, 383
амаҟарра 373
аманыза 371
амар 43, 72, 141, 166, 228, 229, 374
амара 72, 82, 166
амарда 99
амарԥьа 229
амаха 125
амахҿе 125
амаҳагьа 366
амаҳә 38
амаҵ 362
амаҵуҩы 362, 495
амаҵура зқәу 362
амацәа 160
амацәаз 160
амаҙа 367
амаҙаба 375, 382
амаҙабаҩ 375, 382
амаҙажәа 367
амаҙаныҡәгаҩ 367
амаҙарах 376
амдыр 366
амза 79
амҿеи 366
амҿыш // амҿыша 106
амитә 366
амла 31
амҩаԥгаҩ 369
амҩаԥгара 369
амҩакра 372
ампыҵахалара 372
амра 72, 79, 150, 151, 152, 166, 209, 229, 450

амрагылара 166
амраныҳәа 152
амраҭашәара 167
амри 366
амсырқьаад 70
амуча 366
амхра 367
амҳара 38, 39
амҳәыр 368
амҵақьақьара 366
амцхә 379
амцҳәаԥ 366
амч 368, 372
амчра 368, 372
амчыбжь 106, 107
амшаԥ 378
амшаԥышәҭ 378
амшгаԥ 366
амшгара 366
амшын 43, 117, 172, 374
амшын ага 117
амшынеисра 375
амшынныҟәара 43, 374
амшыннырцә 374
амшынуаа 374
амшынуаԥ 374
амшынҳәа 375
амыр 151, 209
мара 71, 72, 103, 167, 525
марда 99, 445
мчыла 368
мшаԥы 378

Н

ан 31, 37, 38, 73, 77, 78, 79, 81, 82, 99, 152, 388, 395, 516
ана 31, 37
анага 79, 365
анажьра 377
анаҟәа 82
анан 78, 378
нан, нана 37
анана 37
анан // нан 78
анан ду // нанду 37, 38, 78
ананамга 363
нанаҳ 358
нанҳәа 37, 46, 78, 152, 378
анапхаԥ 374
анапхара 374
анапхгара 361
анапынҵа 367
анаԥшԥы 369
анаԥшра 369
анбан 515, 516
анду 38
ани 31, 37
анибарҵәара 372
анхаԥы 108, 361, 362, 495
анхаԥы хьыԥшы 108, 362, 495
анхаԥы цқьа 361
анхаԥыжәлар 356
анхәа 38
анцәа 38, 71, 77, 80, 152, 377, 378, 421, 502, 503, 507
анцәа иныҟәра 379
анцәа иныҟәра, анцәаиныс 379
анцәа рашәа 379
анцәаиныс 379
анцәаихаҵаԥы 378
анҵәара 373
анцәатәра 378

анцәахатцара 378
анцәахәы 378
анцәахша 379
аншьа 38
аныҟәцара 368
аныҟәара 37
анықәра 379
анымха-хымтцәа 363
аныпс ныха 378
аных 380, 434
аныха 378, 434
аныхапаақ 378
аныхабаа 378
аныхра 380
аныҳәа 37, 77, 378
аныҳәара 37, 77
аныҳәарҭа 379
аныҳәапҳьыӡ 379
анышә 37
анышәара 367
анышь 74, 374
нан // нана 37
нанаҳ 358
нанду 37, 38, 78
нанду ду 37, 38
нанҳәа 37, 46, 78, 152, 378
нацҳа 79

П

ап 63, 72
апап 378
апҟага 39
апҟара 43, 326, 372
апра 228
апсха, апсҳара 334, 345
апсу 76, 83, 84
апсы 149, 247
апсыла, апсыла 174, 184, 383
270, 544

Ԥ

аԥ 127
аԥагьа 366
аԥара 172, 379
аԥараҭра 379
аԥарды 371
аԥасашәа 61
аԥҿыга 39
аԥҟага 39
аԥҟара 368
аԥҟарақәа 368
аԥра 43, 371, 374, 382
аԥра 43
аԥраҕба 374
аԥса (этноним) 54, 61, 69, 85,
144, 270
аԥса (пихта) 32
апса (пика) 371
апса (цена) 379
аԥсаԥа 379
аԥсадгьыл 357
аԥсамшын 374
аԥсара 379
аԥсаса 47
аԥсахɷы 374
аԥсахра 374, 379
аԥсныжәлар 356
аԥсныхәша 127
аԥстыр, аԥстар 369
аԥсуа 60, 63, 67, 69, 83, 84,
144, 262, 354, 356, 359,
374, 384, 506, 545

аԥсуара 365
аԥсхәрашәа 507
аԥсҳа 203, 334, 345, 359, 360, 383, 545
аԥсҳара 359, 360
аԥсшәаҳәара 365
аԥсы 81, 149
аԥсышәара 365
аԥхамшьа 366
аԥхасҵа 380
аԥхаҵара 372
аԥхашьаԥ 366
аԥхашьара 366
аԥхныга 39
аԥхныга 39
аԥхыԥәра 368
аԥхьагыла 360, 365, 369
аԥхьаʒара 379
аԥҿыга 39
аԥш 74
аԥш 46,347
аԥша 31
аԥша 31
аԥшаара 376
аԥшра 108, 360
аԥшра 108
аԥшыра 369
аԥшырҵа 369
аԥшыхәԥы 369
аԥшыхәра 369
аԥшь 195, 357
аԥшьа 378
аԥшьаԥы 378
аԥшьаԥыра 378
аԥшьара 378
аԥшьаҵып 378
аԥшьаш // аԥшьаша 106
аԥыжәара 372
аԥыза 43, 360, 369, 494
аԥынгыла 372
аԥынгылара 372
аԥынʒар 371
аԥыра 371, 372, 382
аԥырак 371, 372, 382
аԥыракра 371
аԥырга 379
аԥыргара 379
аԥырра 371, 382
аԥырсал 375
аԥыԥшԥы 369
аԥыԥшырҵа 369
ԥсҵа 159
ԥсы 31, 76, 112, 175, 258

Р

ар 108, 124, 153, 163, 181, 360, 368, 369, 374, 394, 487, 516, 541
арап 126, 127
ара 82, 127
араҕара 363
арахәааʒара 44
арацәа 127
арацәарца 160
арга 43, 153, 154, 374
арҕыҷкра 373
арҟәыцәа 369
армԥа 370
армчы 368
арпра 39
арпыга 39
арԥыза 360
арра 43, 374

аррашәа 507
аррымԥа 370
аруаа 368
аруаԥ 368
архәҭа 369
архәҳара 379
арҳара 379
арҳәра 372, 376
аршәага 374
аршәара 373, 374
арԥара 124
арԥыза 369, 494
арԥыс 391
арытәа 160
арыцҳа 363
арыцҳара 363

С

аса 32, 371
асабша 106
асакара 126
асара 126
асра 32, 44
асырҭа 44
асырҭы 44
сабыш, цабыш 106
сарды 44

Т

атҟәа 373
атҟәара 373
атса 100, 159, 160
туахыбза 130

ТӘ

атәра 357
атәы 357, 362, 370, 495
атәы 362
атәыла 43, 108, 357, 372
атәыларбгара 43
атәылахьчаԥ 369
атәым 368
атәымԥьара 368
атәыра 43, 357

Ҭ

аҭаара 33
аҭаацәа 33, 42
аҭакра 377
аҭакԥхыҟәра 368
аҭара 42
аҭарнак 494
аҭархара 372
аҭарцәара 33, 373
аҭахара 372
аҭиира 374
аҭиитә 379
аҭиԥ 374
аҭиԥы 379
аҭира 379
аҭып 33
аҭыԥь 160
аҭӡы 33
ҭамада 383
ҭацаагарашәа 507

ҬӘ

аҬәара 160

У

ауааажәлар 356
ауааҳә 368
ауалҳәаԥ 380
ауаԥра 365, 506
ауаԥшьра 376
ауаԥы 364, 365, 394, 507, 575
ауҕә, ауыҕә 45
ауарҳал 44
ауаса 126
ауасааҙара 47
ауасахьча 47
аужьра 377
ауоу 507
аура 82, 100, 364, 382
аусбарҭа 368
аушьҭра 377
уа, уаа 394, 539
уаԥҵас 364
уард 267

Ф

афлыка 374
афы 72
афырхаҵа 373
афырхаҵара 374

Х

ахага 366
ахагара 366
ахада 42, 360, 515
ахадара 515
ахазына 368
ахазынаҭра 368
ахақәиҭра 368, 373
ахақәҵара 368
хамыжә 73
ахан 128, 368, 388
ахантәаԥы 367
ахара 377
ахараҧса 380
ахаратәра 377
ахатәра 365
ахаҭыԥуаԥ 360
ахаҳә, аҳаху 33
ахаҵа 373
ахаҵара 373, 506
ахаҵарашәа 507
ахаш // ахаша 106
ахашәала 362, 379, 495
ахылаҧшԥы 360
ахыркы 150
ахыркра 150
ахеиқәырхара 368
ахҿа 371
ахылаҧш (ахылаҧшԥы) 360
ахылаҧшԥы 360, 494
ахырҕәҕәарҭа 370
ахысра 372
ахыԥхьаҙара 379
ахыхьчара 373
ахыц 371
ахыци ахумпали 34
ахышаҟәа 81
ахҟәа 82
ахра 97
ахра ашәа 507
ахҭыс 367
ахы 42, 232, 277, 360, 371
ахықәкы 367
хага 79, 397

хамыжә 73
хан 128, 199, 252, 256, 360, 388, 391, 409, 420, 439, 441, 463
ханга 79, 397
хаҭыԥ 71
хыри-хыц 34

хә

ахә 379
ахәаахәҭѡы 379
ахәаахәҭра 379
ахәаахәҭцәа 499
ахәаҽра 375
ахәаш // ахәаша 106
ахәра 372
ахәрашәа 507
ахәрбгьыц 372
ахәԥса 379
ахәҭа 380
ахәҭаа 380
ахәуѡы 362
ахәура 362
ахәҳахәтра 379
ахәшьара 379
ахәыз 45
ахәымпал 371
ахәыҷ 45
ахәышҭаара 33
хәҭа 73
хәыда 379

хь

ахьажь 31
ахьԥара 161
ахьаԥшра 108
ахьи 161, 233
ахьиира 161
ахьѡеижь 161
ахьтәы 161
ахьхәра 377
ахьча 369, 452
ахьчаѡ 369
ахьчара 369
ахьы 71, 161
хьызрацара 43
ахьыматәа 161
ахьымзг 366
ахьыра 161
ахьырхәыц 161
ахьырцәаҵәа 161
ахьыршәыгә 161
ахьыԥса 161
ахьыԥшра 108, 362
ахьыԥшы 108, 362, 363
ахьышьҭра 108
ахьз 366, 507
ахьзы 161
ахьзыркра 161
ахьзыркы 161
хьызрацара 43

ҳ

аҳ 42, 71, 90, 108, 148, 203, 357, 358, 359, 361, 382, 430, 494, 526
аҳа 42, 115
аҳабѡа 41
аҳаза 380
аҳаћьа 33
аҳамҭа 358

аҳара 42, 361
аҳарак 42
аҳаса 100
аҳатҵа 33
аҳацҳа 33
аҳаша 33
аҳапҵшьапҵера 42
аҳапы 33
аҳитәара 368
аҳитәарҭа 368
аҳиҭарнакцәа 494
аҳкәажә 358
аҳкәажәду 358
аҳмада // ҳамада 359
аҳмадара 357
аҳмыста 358
аҳра 71, 357, 358
аҳраду 358
аҳҭны 203, 358
аҳҭнырпҵар 358
аҳҭы 90, 91, 203
аҳцәа 82, 360, 494
ҳабҩы 159

ҲӘ

аҳәа 31
аҳәа 371
аҳәаа 373
аҳәаада 373
аҳәааныркәа 373
аҳәааркра 373
аҳәаахчаҩ 369
аҳәҳәага 39
аҳәынҭқар 360
аҳәынҭқарра 360
аҳәыҳә 31
аҳәышәҭ 370

Ц

ац 32
ацабыш // асабыш 106
цабыш 106
ацха 44
ацеира 150
ацқьаҭып 378
ацуҭа 357
ацха 44
ацҳа 79
цба 107
цеи-цеи 150
цихе 204, 370, 382, 450, 520
цыр-цыр 150
цыр-цыр 150
цабыш 106, 107

ЦӘ

ацәа 31, 44
ацәаҕәара 45
ацәапҵеыга 366
ацәгьа 376
ацәгьара 376
ацәгьаршҩы 366
ацәгьаршра 366
ацәгьаура 376
ацәгьаҳәаҩ 376
ацәгьаҳәара 376
ацәқәырпҵа 375
ацәмаҭәа 45
ацәыӡ 375, 376

Ҵ

аҵабырг 366
аҵара 364, 384
аҵарҭыша 376
аҵас 364, 382
аҵафа 173
аҵахара 373
аҵаҵгәы 45
аҵыхра 376

Ҵә

аҵәаҕәара 45
аҵәахәа, аҵәыхәа 45

Ч

ач 259, 383, 386
ача 45, 46, 154
ачаала 46
ачаҕьа 46
ачажәла 46
ачаз 46
ачаԥәа 46
ачала 345, 383
ачалаа 46
ачалт 46
ачара 46, 262, 364
ачарҕә 46
ачарҭа // ачаҭра 46
ачарҳәаɷ 374
ачарҳәара 374
ачарӡ // ачарыц 46
ачафага 46
ачахра 46
ачачаб 46
ачачра 46
ачаԥь 46
ачашә 46
ачашыла 46
ачгара 46, 378
ачгахьа 378
ачгьахьа 46
ачеи-ԥьыка 46
ачу 125
ачха 46
ачхәар 46
ачҳара 368, 506
аччархә 366
аччархәра 366
ачымазара 383
ачыс 46, 364
чы 125, 388

Ҷ

аҷапырхәа 44
аҷапшьаɷ 369
аҷапшьара 369
аҷоу бызшәа 182, 262
ҷрыху, ҷырыху 263

Ҽ

аҽааӡара 47
аҽага 39
аҽаба 125
аҽагашәа 507
аҽада 125
аҽаɷра 46
аҽар 369

аҽар рашәа 369
аҩаш // аҩаша 106
аҽебыга // ачапҵыга 46
аҽегәара 260
аҽеи 365
аҽеира 365
аҽецәа 229, 369
аҽецәа рашәа 507
аҽеы 160, 175, 229
аҽеыриашара 377
аҽеыуаа 369
аҽеыуаҩ 369
аҽеыхьча 47
аҽеытга // аҽытга 376
ҽада 125

ҿ

аҿагылара 372
аҿапҿера 376
аҿаргылара 376
аҿаҵа 39
аҿаҵахьа 39, 379
аҿырпштәы 366
аҿырпшыга 366

ш

аш 32, 44, 277, 390, 427
ашаҟәа 81
ашара 81, 378
ашас 380
ашаха 44
ашаҳаҵ 376
ашаҳаҵра 376
ашацәа 378
ашашәа 44
ашы 45
ашлых 44
ашра 81
ашҵа 383
ашхәа 43, 374
ашхәар 43, 369, 374
ашхәар рашәа 507
ашхәатәарҵа 375
ашшара 126
ашы 45, 80, 81, 285
ашыц 32
ашышбҕыыц 368
ашышра 368
шамахамзар 380, 577

шь

ашьа 32
ашьаҟар 369
ашьаҟаруаҩ 369
ашьакаҵәара 372
ашьаҟауаҩ 369
ашьамаҟа 47
ашьамаҟааҙара 47
ашьанҵа 32
ашьаныза 371
ашьара 379
ашьаҳага 373
ашьклапҵшра 376
ашьра 43, 105, 372
ашьҵа 376
ашьҵазааҩ 376
ашьҵақәа 376
ашьҵалара 376
ашьҵра 108, 377

ашьхааҳара 44
ашьхар 186, 187
ашьхара 126
ашьхараа 186, 187
ашьхарԥы 114

ШӘ

ашәаҟьа 374
ашәаныза 371
ашәаԥы 374
ашәара 374, 380
ашәаргәында 374
ашәарҭа 374
ашәарҭара 374
ашәатәы 380
ашәахтә 380
ашәахьа // ашәахьы 106
а-шәи-шәи 31
ашәи-шәи 31
ашәҟәы 132
ашәԥырхы 369
шәԥырхы 369

Ԥ

аԥа
аԥатра 124
аԥаша // аԥаш 106
аԥашьа 366
аԥны 128
аԥсара 115
аԥҽы 371
аԥынтра 124
аԥыҵа 172

Ҧ

аҧыр 160
аҧых 370
аҧьаз 158, 159, 160
аҧьмааҳара 47
аҧьмагәара 260
аҧьмахьча 47
аҧьуа 160
аҧьшьара 379
ҧьихи 63, 64, 370

Именной указатель

А

Абаев В. И. 126, 230, 560, 566
Абаза 55, 56, 57, 59, 60, 66, 139, 200, 220, 273, 393, 398, 467
Абазасдзе 398, 474
Абазасдзе Чила 359
Абакели 398
Абакелия 398
Абардзуаа 405
Абат 398, 399, 405
Абатаа 405
Абаҭаа 398, 399
Абаш 398, 446, 447, 586
Абашидзе 398
Абашишвили 398, 407
Абашия 398
Абдаа 398, 399
Абдаладзе 399

Абдиа 398, 399
Абдиашвили 399
Абдлаа 399
Абду // Абди 103
Абегян М. 565
Абесалашвили 399
Або 331, 346, 347, 501, 575
Абрас 399, 401
Абсирт, Апсирт 148, 149
Абугба 399
Абугу, 399
Абук 399
Абукашвили 399
Абук-ипа 399
Абуладзе 399
Абуласан 485, 575
Абуласан Иобисдзе 575
Абуль-Касим 340
Абу-Садж 340
Абутидзе 399
Абухба 399
Абхадзе // Апхадзе 399
Абхазава 393, 399
Абхазаури 393, 399
Абхази // Апхази 399
Абхазишвили 393, 399
Абхаидзе // Апхаидзе 399
Абшиладзе 399
Абыгу 399
Абыдба 398, 399
Абысал 399
Абыта 398, 399, 405
Авдиев В. И. 559
Аверкьев И. 557
Авидзба А. Ф. 23, 568
Авидзба В. Ш. 26
Авраам 85
Агатангелос 254, 573
Агафий 289, 292, 293, 571
Агигаа 399, 407
Агрба В. Б. 26
Агрба И. Ш. 579
Агсабадзе 399
Агуажба Р. Х. 24, 26, 568, 574
Агуса 399
Агусаба, Агуасба 399
Адарнас 325, 338, 339, 347
Адеишвили 399
Адерк 196
Аджинджал Е. К. 23, 535, 553, 573, 578, 581
Аджинджал И. А. 7
Адонц Н. 261, 565
Адриан 264, 286, 313, 350
Азарталы 112
Азиру 103, 104, 109, 110, 112
Азо 191, 192, 205, 206, 207, 208, 213
Азон 205, 206, 207
Аиба 399, 541
Аимхаа 400, 412
Аимхәар 400
Аир // Аираа 144
Ак, Акаа, Акаба 400, 412
Акаба Л. Х. 8, 151, 562
Акабадзе 400
Акаладзе 400
Акал-ипа 400, 413
Акалцба 413
Акауба // Акоуба, Акауа, Кауа 400
Акашба // Акшба 414
Акка 83
Акобидзе 400
Акобия 400
Акуадзба 416

Ақаԥба 414
Алавидзе 400
Алда 433, 473, 474, 475,520
Александр Македонский 191, 192, 205, 206, 207
Александр Широкорад 17, 461, 573
Алексеева Е. П. 11, 550
Алексей Комнин 485, 486, 489
Ал-Идриси 282
Алоу 282, 400, 418
Алп-Арслан 476, 477
Амаан // Маан 400, 419
Аманели 400, 420
Аманелисдзе 400, 420
Амиран 151, 152
Амиранашвили Ш. Я. 525, 581
Амичба В. А. 9
Амичба Г. А. 9, 23, 384, 385, 434,505, 553, 558, 573, 577, 578, 581
Амичба С. А. 9, 557
Аммиан Марцелин 195
Ан, Ануа, Анруа 400
Ананаа 400, 452
Ананеишвили 400
Анастасий 294, 295
Анда 400
Андреев Ю. В. 561
Андрей Боголюбский 455
Андриадзе, Андрибава 400
Аниттас 94
Анос 332, 333
Антадзе, Антия 400
Антиох 208
Антоний Сагирисдзе 483
Анҭ, Анҭеиаа, Анҭеиба 400
Ануа 39, 400
Ануашвили 400
Анхиал 244, 246, 247
Анчаа 247
Анчабадзе З. В. 8, 10, 18, 20, 34, 37, 42, 146, 148, 149, 170, 222, 226, 550, 551, 562, 572
Анчабадзе Ю. Д. 24
Анчабадзе, Анчапидзе, Анчпадзе 400
Анчба 247
Аншба А. А. 9
Апакиа 400, 401
Апакидзе А. 197, 401, 565
Аполлоний Родосский 177, 178, 180, 185
Аппиан 196, 212, 230
Апрасидзе 401
Апса 401, 405, 422
Апсандзе 393, 401
Апсандзе // Абсандзе 393. 401
Апсирт 148, 149, 387, 432
Апсуа-ипа 393, 401
Апсха 194, 209, 359, 451, 507
Апхазава 399
Апшилава 393, 401
Апшиладзе 401
Апшилашвили 401
Аԥагьаа 398, 400, 401
Аԥагьа-ипа 400
Аԥагьиаа 398, 400, 401
Аԥакьиаа 398, 400, 401
Аԥсуа 577
Аԥсҳа 108, 345, 360, 383, 493, 526, 527
Аԥсҳа Чала 345, 527
Ар 401, 422, 507

Ара 92, 117, 401, 422
Аран // Арин // Арын (Арын-ба, Арынд-ба) 102
Арашидзе 401
Арбели 401
Арбидзе 401
Аргишти 138, 139, 540
Аргун Р. О. 337
Аргун Ю. Г. 9
Ард 199, 401, 402, 422
Арда 401
Ардава 401
Ардавадзе 401
Ардауа 401
Ардба 401
Аргун 318, 337
Ардзинба В. Г. 9, 10, 52, 86, 538, 555, 558, 567, 574
Ардзинба Х. 26
Арешидзе 401
Арешисдзе 401
Аристава Ш. К. 24
Аристакес Ластивертский 530
Аристарх 238
Аристотель 225, 230
Арихуа (Арихәа) 401
Арканджело Ламберти 5, 185, 222, 223, 549
Арриан (Флавий) 154,177,223, 225, 243, 245, 271, 285, 313, 572
Арт (Арҭ) 401
Артба 401
Артбеладзе, Артмеладзе 402
Артемидор 230
Артмеладзес 402
Арток 212
Арухадзе 402
Архвадзе 402
Архимандрит Леонид 509
Архуа 401, 402, 422
Архуадзе 402
Арчаа 402, 448
Арчава 402
Арчавадзе, Арчевадзе, Арчвадзе 402
Арчер В. 577
Арчил 13, 312, 318 319, 320, 321, 322, 323, 324, 333 519
Арчуа 402, 422, 448
Арчы 402
Арш 393, 401, 402, 453
Аршак 212
Аршба 401, 402
Аршба Н. В. 9, 25
Аршисдзе 343, 393, 402
Арын 102
Арыхуаа 401
Арыш 393, 401, 402, 453
Арышиани 402
Асаба 402
Асабашвили 402
Асабуа 402
Асабуашвили 402
Асанбадзе 402
Асанидзе 402
Асатиани Л. Ю. 582
Асланбей 57
Асохик 340, 464, 468, 469, 580
Аспанели 192, 208
Асыкутар 402
Асыкутараа 402, 425
Аталиков В. М. 562
Атарнас Давид 347
Атеи (Аҭеи) 402
Атеишвили 399
Атрак 480

Аҭеиаа 399, 402
Аҭеиба 402
Аубла 101, 194, 196, 203, 209, 212, 399, 402, 408, 527
Аублаа 399, 402
Афанасий 339
Афанасьева В. К. 570
Ах(а)ба 402
Аха 70, 71, 231, 232, 233, 277, 402
Ахаа 277, 402
Ахабадзе 402
Ахавадзе 402
Ахба 231, 402
Ахбая 402
Ахобадзе 402
Ахобая 402
Ахоуаа 402, 423, 424
Ахуаа (Аҳәаа) 403
Ахуашвили 403
Ахуба (Аҳәба) 403
Ач 99, 247, 259, 261, 316, 325, 386, 387, 396, 397, 400, 403, 414, 418, 421, 427, 439, 443, 449, 526, 527
Ачба 101, 247, 252, 259, 392, 396, 397, 401, 403, 418, 427, 439, 452
Ачу 429
Ачуа 403, 429
Ачуаа 429
Ачуадзе 403
Ачугба Т. А. 10, 22, 24, 26, 550, 552, 567, 568,
Ачҳа 526, 527
Ачыгуба // Ачыкуба 429
Аш И. К. 56
Аше 252, 277, 278, 316, 386, 428, 527
Ашот II Еркат 496
Ашот Багратуни 338
Ашот Железный 341
Ашот Куропалат 335, 343, 464, 519, 520
Ашхацава С. М. 7, 459, 499, 513, 550
Аҩардан 406
Аяш 91

Б

Баалоу 395, 403, 405
Баароу 274
Бабал 403, 404
Бабалия 403
Бабана 403
Бабанишвили 403
Бабил 403, 404
Бабилава 403
Бабилашвили 403
Баблиа 403
Баблидзе 404
Баблуа 403
Баблуани 404
Бабоко 404
Бабоу 404, 405
Бабукашвили 404
Бабуташвили 404
Бабутидзе 404
Бабуцидзе 404
Бабыгу 259, 404
Бабыку (Бабыҟу) 404
Бабыт 404
Бабыуа 404
Бабыуаа 404
Бабыца 404
Баг 278, 392, 404, 405, 422, 448

Багаа 278, 404, 448
Баг-ба 404
Багбая 404
Баграт 337, 338
Баграт I 339, 340, 347
Багваш 391, 392, 404, 418, 422, 467, 474, 475
Багваш // Багаш 404
Багваши 338, 404, 475
Багишвили 405
Баграа 404
Баграт 337, 338
Баграт I 339, 340, 347
Баграт II Регвени 465
Баграт II, (Баграт III) 331, 333, 342, 347 345, 456, 470, 504, 520, 524, 529, 530, 547
Баграт III 16, 17, 329, 330, 331, 333, 456, 465, 469, 470, 471, 472, 473, 524, 529, 531, 532, 546
Баграт IV 520, 521, 532
Багу 405, 406
Багуа 405, 406
Багуаа 405
Багушвили 405
Баж (Бажә) 405
Бажа 405
Бажаа (Бажәаа) 405
Баз 99, 307, 405
База 405
Бакатар 339
Бакрадзе Д. М. 16,111, 559
Бакур 332
Бала 405
Балавадзе // Баловадзе 405
Балуа 405
Балуквадзе // Болуквадзе 405
Барака (Бараԥа) 405
Баракадзе 405
Баракаи (Бараԥаи) 405
Барас 399
Бараташвили 391, 397, 398, 405, 407, 502, 575
Бардавелидзе В. В. 558
Бардзаа 201, 405
Бардзан 405
Бардзанидзе 405
Бардзания 405
Бардзба 405
Бардзы (Барҳы) 405
Барнук 256, 269, 295
Бартом 196, 212
Барчан 388, 419, 420
Барчы 388, 419
Басария С. П. 6, 384, 549
Басил 256, 405
Басилашвили 405
Басилба 405
Басилба-й, Башилбай 405
Батиашвили 405
Бах (Баҕ) 404
Бахба (Баҕ-ба) 404
Бахбава 404
Бахбая 404
Баюн Л. С. 560
Бгажба О. Х. 9, 10, 24, 26, 349, 561, 565, 568, 569, 576
Бгажба Х. С. 8, 9, 19, 61, 200, 385, 433, 434, 461 552, 556, 557, 571, 557
Бганба В. М. 25, 63, 385, 557
Белл Дж. 56, 278, 279
Бер 405
Берадзе 405
Берая 405
Бердзенишвили К. И. 62
Бердзенишвили Н. А. 7, 202, 390, 579

Берже А. 278
Берзек 388, 420
Беридзе 405, 566
Берия 18, 405
Бернштам А. Н. 572
Бесс 301
Бесс 301
Бжания В. В. 9, 36, 555
Бжания Ц. Н. 9, 561
Бигуаа В. А. 23, 163, 553
Бигуаа В. Л. 11, 80, 81, 550
Бижев А. Х. 563
Бирджь 405, 406
Блуаа 405
Блуашвили 405
Бобуа 404, 405
Бобуадзе 405
Боденштедт Фридрих 569
Болотов В. 349
Болтунова А. И. 577
Борена 521
Боуда К. 52
Бриллиантов А. 573
Броневский С. 6, 56, 549
Броссе М. 14, 329, 409, 457, 465, 511
Брунф 348
Буаа 406
Буава 406
Буадзе 406
Буачидзе 406
Буга 336
Бугба 399, 405
Бугушвили 405, 406
Букия 399, 404
Бунак В. В. 31, 554
Буниятов З. М. 582
Бурчуладзе 388, 406
Бутба В. Ф. 23, 329, 553
Быгу 405, 406
Бырдж 201, 202, 405, 406
Бырдзба 405
Бырдзы 274, 405
Бырҷыл 505

В

Вардан (Ҩардан) 176, 247, 248, 284, 285, 389, 395, 396, 398, 406, 420, 477, 481, 484
Варданисдзе 389, 406
Варданишвили 406
Василий Абасг 504
Василий (император) 469, 472, 473, 504, 512, 529
Вахания О. В. 497, 581
Вахвахишвили 406
Вахох 406, 424
Вахтанг VI 13,14, 15
Вахтанг Горгасал 266, 289
Вахтанг Гургаслан 15
Вахушти 6, 14, 15, 16, 20, 262, 321, 327, 328, 329, 330, 331, 335, 338, 346, 397, 409, 435, 436, 437, 438, 456, 457, 465, 472, 492, 498, 501, 549, 575, 576, 578
Введенский А. Н. 278, 572
Вейнберг И. П. 558
Весконти 285
Ветров А. А. 554
Виктор Лангуа 24, 461
Вильхельм Гернот 558

Возба 256, 423
Волкова Н. Г. 567
Волкова Н. Г. 567, 574
Воробьев Н. 7, 549
Воронов П. 6, 551
Воронов Ю. Н. 9, 22, 27, 226, 274, 304, 322, 340, 436, 478, 491, 492, 552, 565, 569, 579, 580
Ворошилов В. И. 23, 231, 279, 361, 317, 553

Г

Габа 406
Габадзе 406
Габраа 406
Габрава 406
Габри-ипа 406
Габуния З. М. 25, 567
Гаг 406
Гаги 406
Гагиаа 406
Гагиладзе 406
Гагошидзе 406
Гагуа 406
Гамахария В. 19, 440, 552
Гамба 56, 569
Гамба Жан Франсуа 569
Гамкрелидзе Т. В. 62, 124, 557
Гамрекели В. 567
Ган. К. Ф. 561
Гардапхадзе 406
Гванадзе 407
Гвритишвили Д. В. 407, 575
Гекатей Милетский 170, 171, 173, 174, 176, 196, 215, 218, 219, 221
Гелланик 215, 216, 224
Гельгамеш 81
Генаба 228
Генараа ркуара 228
Генараа рзыхь 228
Генко А. Н. 12, 59, 231, 551, 563, 577
Георгиев В. 52,122
Георгий (сафарбей) 57
Георгий 337, 338, 343
Георгий II 342, 343, 344, 439, 477, 502, 521, 522, 524, 529
Георгий III 472, 520, 522, 524, 534
Георгий IV 521, 532
Георгий V 522, 534
Георгий Абазг 504
Георгий Агцепский 331, 337, 434
Георгий Агцупский 337, 347, 391, 527
Георгий Мерчуле 18, 19, 505, 551, 552
Георгий Чачба 57
Гераклид 224, 225
Герберштейн С. 55, 569
Гергадзе 407
Германозишвили 397, 407
Геродиан 240, 271
Геродот 44, 69, 110, 111, 156, 158, 169, 170, 171, 174, 177, 179, 184, 191, 198, 217, 218, 223
Гецадзе 407
Геч 98, 284, 396, 398, 405, 407, 412, 413, 414, 418, 422
Гечаа 407, 418
Гечба 396, 397, 398, 405, 407, 412, 413, 414, 422, 502

Гиач 284, 396, 398, 405, 407, 412, 413, 414, 418, 422
Гиачба // Гечба 396, 398, 405, 407, 412, 413, 414, 422
Гигаа (Гьигаа) 407
Гигава 399, 407
Гигаури 407
Гигашвили 407
Гиоргадзе Г. Г. 52, 556
Гиппократ (Иппократ) 174, 184, 270 195, 543
Гицба Т. Ш. 23, 272, 317, 553, 568
Глейе А. 67, 91, 131, 263, 264, 537 561
Глонти А. А. 431, 578
Гогия Б. 19, 440, 552
Гоглойти Ю. Г. 193
Гогошидзе 406
Гогуадзе 407
Гогуш 406, 407
Гогушвили 407
Гожба Руслан 569, 581
Гозар 332, 333, 346
Гомер 145, 561, 562
Гонглибасдзе 407
Гонория III 491
Гоов 223
Гордадзе Торнике 19, 552
Гордезиани Р. В. 431, 558
Госташабишвили 397, 407
Готуадзе 407
Гоу 223
Гочава 407
Грамматик Абазг 504
Грен А. Н. 69, 91, 581
Григол Кахетинский 335
Григол Орбелиани 335, 496, 497
Григолия Константин 551
Гуагу 407
Гуагуа 407
Гуагуш (Гәагәышь) 407
Гуана 407, 443
Гуача 408
Гуачаа 408
Гуачуа // Гочуа // Гучуа 408
Губа 253, 255, 258, 387, 408
Губаа 58, 255, 387, 408
Губадзе 255, 408
Губаз 251, 255, 256, 265, 266, 268, 290, 387, 408, 545
Губаз I 256, 387, 408
Губаз II 256, 268, 290, 292, 387, 408
Губза 387, 408
Губзы 387
Губла 101, 104, 132, 408, 424
Гублия Р. К. 9, 25, 370, 555, 557, 577
Гуда 394, 408, 445
Гудаа 287, 408, 445, 501
Гудава 394, 408
Гудавадзе 408
Гудадзе 408
Гулардава 165
Гулария 165
Гули 395, 408
Гулиа Д. И. 7, 11, 69, 70, 71, 74, 91, 111, 148, 149, 186, 203, 221, 222, 226, 227, 263, 264, 385, 432, 550
Гулиашвили 408
Гум 98, 408, 437
Гумаа (Агумаа) 408
Гумба 228, 408
Гумба Г. Д. 2, 23, 26, 188, 197,

240, 254, 255, 321, 561, 565, 566, 579
Гумбадзе 408
Гумбараа 408
Гумбаридзе 408
Гумбовы 408
Гунба М. М. 8, 9, 272, 288, 321, 323, 324, 325, 335, 348, 461, 551, 551, 580
Гурандухт 321, 324, 344, 345, 346, 463, 464, 465, 466, 467, 470, 473, 476, 519, 520
Гурген 267, 338, 339, 342, 465, 467, 469
Гурундухт 480
Гурцкая А. 26
Гухашвили 417
Гуч 407, 408
Гуча 407, 408
Гучуашвили 408
Гуыда 408
Гыц 407, 408
Гыцаа 407, 408
Гыцба 408
Гьаргаа (Гьаргьаа) 408
Гюльденштедт 6, 55, 59, 564, 569
Гяргя (Гьаргьа) 408

Д

Давид 339, 346
Давид IV (Строитель) 381, 391, 427, 479, 481, 486, 521, 531, 532, 533, 534
Давид Куропалат 463, 464, 465, 466, 467, 469
Давид Нарин 492, 547
Давид Сослан 486, 490
Давид Улу 492
Дад 389, 391, 408, 409, 411
Дада 389, 408, 409
Дадашь 408, 409, 410
Дадиан 389, 391, 409, 440, 491
Дадиани 388, 389, 409, 420, 436, 440, 441, 579
Дадиани Н. 579
Дадишкелиани 410
Дадышь 409, 410
Дамназ 251, 255
Данилова Е. Н. 11, 550
Дараха 410
Дарахвели 410
Дарахвелидзе 410
Дарахуа 410
Дарахуаа 410
Дардан 492
Дасания Д. 385, 575
Дгебадзе 410
Дгебуадзе 410
Дгеиба 410
Делаа 410, 411
Делба 410, 411
Делисле 56, 435
Делы 410, 411
Деметра 332
Демна 482, 483
Державин Н. С. 555
Державин Н. С. 555
Джаа 410
Джабава 410
Джабели 410
Джабуа 410
Джавахишвили И. А. 7,62, 88, 91, 131, 146, 148, 170,

188, 198, 340, 431, 562, 565, 571
Джамит (Џьамыт) 410
Джанашвили М. Г. 146, 148, 562
Джанашиа Н. С. 7, 20, 62, 91, 226, 240, 261, 556, 558, 579
Джанашиа С. Н. 7, 20, 62, 265, 273, 304, 321, 331, 348, 384, 385, 386, 388, 396, 397, 407, 430, 431, 452, 454, 461, 509, 563, 571, 572, 575
Джапуа З. Д. 9, 26
Джафар 475
Джафаров Ю. Р. 573
Джахадзе 410
Джахая 410
Джахуа 410, 427
Джелал-ед-дин 491, 535
Джеррах ибн Абдуллах 311
Джибладзе 410
Джинджаладзе 410
Джинджараа 410, 411
Джинджарадзе 410
Джинджи (Џьынҷьы) 410
Джинджолава 410
Джомидава 411, 575
Джонуа Б. Г. 24, 554, 566, 577
Джуаншер 311, 318, 322, 326, 333, 434, 437, 566
Джулухидзе Г. 20
Джумутия 411
Джынджал (Џьынҷьал) 410
Джынджалаа (Џьынҷьалаа) 410
Джынджба (Џьынҷьба) 410
Джынджуа (Џьынҷьуа) 410
Джьамытаа (Џьамытаа) // Чамытаа 410
Дзадз (Заʒ) 411
Дзадза (Заʒа) 411
Дзадзаа 411
Дзадз-уа (Заʒуа) 411
Дзадзуашвили 411
Дзадзыра (Заʒыра) 411
Дзапш (Заԥшь) 411
Дзапшаа 411
Дзапшба (Заԥшьаа, Заԥшьба) 411
Дзари (Зари) 411
Дзариа (Зари-а) // Дзидзариа (Зиʒариа) 411
Дзаридзе 411
Дздзари (Зʒари) 411
Дзе-р 411
Дзидзария Г. А. 8, 10, 549, 550, 556, 562, 574
Дзидзария О. П. 25, 26, 554, 556, 577, 579
Дзидзигури Ш. В. 558, 576
Дзиндзибадзе 411
Дзодзуашвили 411
Дзыга (Зыга) 411
Дзыгуа (Зыгуа) 411
Дидебашвили 411
Дидибадзе 411
Димитрий 332, 333
Диоген 230
Диодор Сицилийский 154, 165, 225, 230
Дионисий 155, 226, 229, 230, 231
Дионисий Периегет 155, 165, 226, 230 231

Дирр 93, 570, 574
Дмитрий 336, 344, 345, 462, 463, 473, 474, 481, 482, 534
Дмитрий II 336, 337
Дмитрий III 344, 345, 346, 347, 463
Дмитрий IV 534
Дол 410
Долбадзе 411
Долидзе 411
Дорголел 477
Дорофей (Дбар) 23, 553, 568, 571
Досифей 223, 332, 513
Драчук В. 560
Думаа 411
Дум-ба 411
Думбадзе 411
Дунаевский И. М. 52, 88, 558
Дыд 411
Дыдын 411
Дьяконов И. М. 52, 87, 88, 91, 93, 98, 104, 113, 131, 166, 170, 178, 180, 197, 431, 556, 558, 559, 561, 565, 570
Дюбуа де Монпере 6, 222, 433, 549

Е

Ебралидзе 411
Евнапия (Евагрия) 301
Евстафий 155, 165, 181, 296, 312, 354
Евфимий Ивер 504
Евфрат 67, 100, 101, 113, 116, 121, 127, 128, 129, 131, 139, 300, 308, 510, 537, 539
Еджы (Еҷьы) 411
Еиба 399
Елена 474, 521
Елиава Гиви 578
Ельницкий Л. А. 562, 567
Емухвари 400, 412
Емхаа 400, 412
Еник 412
Енукидзе 412
Енукой 412
Енык 412
Еныкьаа 412
Епифан Константинопольский 309
Еремян С. Т. 566, 572
Ефрем Мцири 504
Еш (Эш) 412
Ешаа // Иашаа 412
Ешба // Иашба 412

Ж

Жан де Люк 185, 565
Жванаа (Жәанаа) 412
Жванба (Ажәанба) 412
Жваны (Жәаны) 412
Жордания Ф. 398
Жьанта 412

З

Загошвили 412
Закарейшвили П. 21

Замназ 251, 255
Замятнин С. Н. 7, 27, 554
Занта 412
Зантарадзе 412
Зантарая 412
Зантария 412
Зата 412
Затейшвили С. Г. 573
Зауа 138, 412, 540
Званба С. Т. 6, 549
Зепискуа 412
Зепишвили 412
Зимарх 293
Зинаида Рихтер 509
Зоу 138, 412, 540
Зоуаа 412
Зоурым 83
Зурабишвили 398, 407, 412
Зухба С. Л. 9, 151, 576
Зыцарь Ю. В. 52

И

Иакут (Якут) 147
Иаралишвили 398, 407, 412
Иашвили 412
Ибн-ал-Асир 481
Иванэ Абазас-дзе 392,494
Иванов В. В. 124, 560
Иванэ Марушис-дзе 463, 464
Изяслав II 521
Илиава Г. 446
Инадзе М. П. 62, 156, 188, 226, 271, 561, 563, 571
Инал-ипа 412
Инал-ипа Ш. Д. 8, 9, 22, 42, 51, 52, 62, 63, 88, 92, 102, 114, 116, 122, 130, 131, 140, 141, 146, 147, 148, 149, 151, 155, 161, 170, 178, 186, 187, 194, 221, 222, 226, 231, 232, 233, 251, 252, 253, 255, 259, 274, 277, 279, 290, 302, 304, 317, 356, 357, 358, 360, 384, 385, 386, 387, 389, 393, 394, 395, 431, 432, 444, 448, 449, 450, 461, 495, 498, 505, 512, 513, 527, 537, 539, 542, 550, 552, 555, 556, 560, 563, 567, 571, 576
Иналискуа 412
Иналишвили 412
Ингороква П. 18, 19, 20, 62, 187, 198, 199, 200, 220, 227, 250, 261, 326, 347, 349, 437, 450, 471, 551, 552
Иоане Сабанисдзе 346, 347
Иоане Шавлиани 337
Иоанн 291, 303, 325, 326, 333, 344, 463, 466, 469, 473, 501, 504, 512, 580
Иоанн Златоуст 299
Иоанн Петрици 504
Иоанн Шильтбергер 512
Иованне 55, 337, 338, 347, 416, 466
Иоване де Галонифонтибус 55
Иованнес Драсханакерти 496
Иованнес Драсханакертци 458, 579
Ионова С. Х. 25, 554, 571
Иотамишвили 398, 407, 412
Ираклий 242, 269, 294, 308, 325, 347

Ирина 333, 334
Ирку А. 102, 132
Исмаила Абульфеды 435, 578
Иствинэ 332
Исхак бен Исмаил 336
Итакси 310

К

Кабадзе 412
Кабаиа 412
Кабарда Тамбиев 285
Кабах 412
Кабахь 412, 415
Кабба 413
Кабуладзе 412
Кавадзе 412
Кавтаришвили 398, 407, 413
Каджипаисдзе 413
Кадыр Натхо 572
Казан 413
Казанадзе 413
Казанба 413
Казандба 413
Кака 394, 413
Какаа 394, 413
Какаба // Какуабаа // Какоба 413
Какабадзе 413
Какава 394, 413
Какашвили 413
Каку 413
Какуаа 413
Какуба 413
Какубаа 413
Какубава 413
Какубери 413
Кал 400, 413
Калаа, 400, 413
Каладзе 413
Калҕы, Колҕы 161
Калдиани М. 437
Кал-ипа 400, 413
Каллимах 175
Камушадзе 413
Камыш 413
Камышьаа 413
Канджария В. Х. 351, 511
Канчаели 413, 414
Кап 413
Капа (Қап, Қапа) 413
Капаа 413
Кападзе 413
Капанадзе Д. Г. 582
Капарук 295
Капба (Қапба) 413
Капланишвили 398, 407, 413
Капш (Қапшь) 413
Капшадзе 413
Капшба 413
Капшьаа 413
Кар 92, 413
Караа 413
Карабущенко П. Л. 13, 461
Карашвили 413
Карая 413
Карба 413
Карла Серена 322
Картам 195, 196, 212
Касландзия В. А. 24, 553, 559
Кассий Дион 238
Касумова С. Ю. 306, 307
Каухчишвили С. Г. 7, 165, 215, 265, 566, 571
Каухчишвили Т. С. 562

Кахидзе М. 20
Кац 413, 414
Кацадзе 414
Кацба 413, 414
Кацв (Қацә) 414
Кацваа (Қацәа-аа) 414
Кацвба (Қацәба) 414
Кацобашвили 414
Кацы 413, 414
Кач 413, 414
Кача 413, 414
Каҷа 414
Качабаа (Каҷабаа) 414
Качабава 414
Качаели 414
Качба 414
Качеишвили 414
Качибадзе 396, 397, 414
Качибасдзе 391, 397, 414
Качибая 407, 414
Каш 414, 422
Кашабадзе 414
Кашба 414, 422
Кашибадзе 414
Кашибая 414
Кашмаридзе 414
Кашуа 414
Кашуашвили 414
Кашуба 414, 422
Каю (Каѽ) 414
Каюба (Қаѽба) 414
Квабулисдзе 414, 416
Квадзадзе 414
Кварчия В. Е. 550, 553, 555, 556, 565, 566, 567, 571, 577
Квирикашвили 414
Квирике 340, 343, 344, 472, 476, 520, 521
Квирквелия 414, 417
Квиркия 414
Кебадзе 414
Кедрин 582
Кекелидзе К. 347, 384
Келешбей Чачба 57
Керам К. 559
Кехир 175
Кечакмадзе Н. 272
Киач (Қьач) 418
Киачаа (Кьачаа) 418
Киачба, Киачуа (Кьачуа) 418
Киачели 414
Кик 414, 415
Кикаа 414, 415
Кикаба // Кикба 414, 415
Кикабидзе 415
Кикава 414, 415
Кикадзе 415
Кикураа 414, 415
Кил (Кьыл) 415
Килаа 415
Киладзе 415
Кил-ба 415
Килба Э. К.
Килбая 415
Кил-дзы 415
Киндза // Кинца 102
Киндзе (Кинʒа) 415
Кинцурашвили 415
Кинцыр 415
Кип 415
Кипал 415
Кипиани 415
Кипш 415
Кипшба 415
Кипшидзе 415
Кипший 415

Кирт 415, 417
Киртадзе 415
Киртбая 415
Кисслинг 170, 214, 231, 244, 246, 247, 249, 250, 253
Кичма // Кишьма 414, 415
Кичмай 278, 415
Кичмаридзе 415
Кишмария 415
Кишмахов М. Х. 24, 129, 274, 570
Кишмахуа 415
Клавдий Птолемей 217, 218, 230
Клапрот Ю. 6
Климов Г. А. 556, 569
Клычев Р. Н. 564
Кмыш 413
Кобаладзе 415
Кобалиа 139, 415
Кобанра 416
Кобахидзе 415
Кобахия 415
Кобулашвили 415
Кожинов В. В. 576
Коидзе 415
Коков Дж. Н. 102, 107, 283, 385, 559, 564
Колба 161
Колбая 161
Колдани М. 437
Комушадзе 413
Конджария В. Х. 9
Коновалова И. Г. 282, 572
Константин 340, 341, 342
Константин II 311, 333, 334, 528
Константин III 339, 341, 342, 502, 522, 530
Константин V 311, 333, 334
Константин VI 334
Константин Абазгский 511, 526
Константин Багрянородный 348, 350, 351
Копалиани 139, 415
Копсергенова Валентина 570
Корнели Тацит 142, 147
Косвен М. О. 555
Кота 407, 415
Котба 415
Котуа // Кодуа 407, 415
Котуашвили 415
Котыуа 416
Коцадзе 415
Коцба 415, 416
Кочиашвили 415
Кочибая 415
Кочуа 416
Кошадзе 415
Кошарадзе 416
Кошуадзе 416
Коява 416, 417
Крайнов Д. А. 554
Крывлев И. А. 558
Ксенофонт 44, 145, 155, 170, 171, 173, 174, 176, 177, 183, 184, 188, 191, 243
Куабан 416
Куабулел 412, 416
Куабулели Отаго Чачасдзе 389
Куадз (Кәаʒ) 416
Куадзаа 414, 416
Куадзʒба (Кәаʒба) 416
Куапал, Купалба 412
Куапахь 412, 415

Куапахьа 412
Кәапахьынаа 412
Куапыл 389, 391, 412, 414, 415, 416, 417, 477
Куардзы 233
Куарчеи, Куарчиа, Кварчия
Куач 415, 416
Куача 415, 416
Куачба 416
Куаш 415, 416
Куаша 415, 416
Куашба 416
Кубанишвили 416
Кубраа 416, 417
Куд 163, 194, 416, 417
Кудба 416, 417
Кудбая 417
Куджба 194, 330
Куджи 193, 194, 195, 212, 266,
Кудрявцев К. 7, 226, 265, 461, 514, 549
Куеи (Қәеи) 415, 417
Куеиаа 417
Куеиба (Қәеиба) 417
Куей 417
Куй 417
Куйперс А. 125
Кук 417
Кукаа 417
Кукба В. И. 577
Кукба Кукуба 417
Кукул 417
Кукулаа 417
Кукулава 417
Кукуладзе 417
Кул 162
Кулаа 162, 220
Кулаковский Ю 348, 576
Кумахов М. А. 52, 572
Купал 139, 200, 258, 284, 412, 414, 415, 416, 417
Купалба 139, 200, 412, 414, 415, 416, 417
Купалишвили 417
Купарадзе 417
Куправа А. Э. 8, 9, 10, 22, 385, 394, 417, 506, 507, 552, 567, 569
Купрадзе 417
Купреишвили 417
Курик (Кәырыкь) 417
Курикба 414, 417
Курику 417
Курча 416, 417
Курчаа 416
Курчеиаа 416
Курчей 395, 416
Курчишвили 417
Кут 163, 194, 416, 417
Кутателадзе 417
Кутатели 417
Кутба 416, 417
Кутибашвили 417
Кутивадзе 417
Кутит 417
Кутлу-Арслан 484
Куфтин Б. А. 7, 146, 148, 562
Кухал 417
Кухашвили 417
Кухуа 417
Кухуаа (Кәыхәаа) 417
Кухуашвили 417
Куч (Қәыч) 417
Куча 417
Кучаидзе 417
Кучашвили 417

Кучба 416, 417
Кучберия 417
Кучуа 417
Куычаа 417
Куышба 416
Кшынба 416
Кыпший 415
Кырт (Қырҭ) 417
Кыртаа 417
Кыртба 417
Қач 414
Қача 414
Қеɷба 414

Л

Лаба 57, 418
Лабадзе 418
Лабахуа 418
Лабия 418
Лавров Л. И. 11, 165, 550, 562, 563, 574, 575
Ладз 252, 387, 418
Лаз 251, 253, 255, 504, 544
Лазба 251
Лакоба Н. А. 21, 513
Лакоба С. З. 10, 22, 24, 550, 552, 561, 569
Лангуа В. 461
Лапа (Лапа) 418
Латышев В. В. 173, 184, 284, 542, 559, 560, 563, 564, 565, 566, 567, 572, 573
Лау 101, 205, 251, 252, 253, 255, 278, 282, 287, 387, 400, 403, 418, 439, 450, 544
Лауаа // Лоуаа 418
Лауадз 544
Лауар 252
Лаудзы 387, 418
Лаураа 418
Лафон Р. 52
Лаша 86, 146, 256, 259, 384, 456, 472, 487, 488, 490, 491, 500, 522, 525, 535, 547
Лев Гумилев 311, 573
Лев Исавр 295, 296, 310, 323
Левин М. Г. 554
Леквинадзе В. А. 572, 573, 581
Ленорман 111
Леон 312, 315, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 344, 345, 346, 354, 348, 355, 360, 437, 462, 501, 502, 519, 520, 523, 527, 530
Леон I 315, 318, 319, 321, 323, 324, 325, 326, 332, 333, 334, 335, 346, 347, 355, 360, 501, 519, 527
Леон II 324, 325, 326, 327, 330, 331, 333, 335, 346, 348, 519, 527
Леон III 344, 346, 347
Леонид А. 581
Липарит 338, 391, 392, 404, 467, 476
Липарит Багваш 474, 475
Липаритисдзе 418
Ломоури Н. Ю. 62
Ломтатидзе К. В. 7, 12, 19, 129, 204, 394, 431, 551, 554, 560, 575

Лонгуа В. 461
Лордкипанидзе М. Д. 20, 362, 460, 529, 533, 574, 580
Лордкипанидзе О. 563
Лоу 99, 101, 128, 205, 251, 252, 279, 282, 287, 387, 391, 392, 395, 400, 403, 418, 439, 442, 450, 467
Лоуадз 252
Лукан 225, 497
Лукин А. Л. 7,36, 555
Лукулл 238
Лух 418
Лухава 418
Лухадзе 418
Лухба 418
Лухвадзе 418
Лухошвили 418
Лых 418
Лыхны 91
Лыхуаа (Лухәаа) 418
Лыхуба 418, 450
Лэнг Д. 499
Любкер Фридрих 577
Люлье Л. Я. 56, 59, 287, 557, 574

М

Маад 418
Маад-ипа 418
Маан 388, 391, 395, 400, 418, 419, 420
Маан О. В. 2, 3, 23, 26, 499, 506, 553, 568, 574, 581
Маг 418
Маги (Магь // Макь) 418
Магиаа (Магьаа) 418
Магиба (Магьба) 418
Маграа (Магьраа) 418
Маградзе 418
Магь 418, 419
Мадба 418
Мадебадзе 418
Маджар 418
Маджарадзе 418
Маз 418, 419
Мазаа 418, 419
Мазиашвили 419
Мазишвили 419
Макар Месхи 504
Макаш (Маћаш) 419
Макашидзе 419
Макашевидзе 419
Макашуа 419
Макерадзе 419
Макиар 419
Макир 419
Максим Исповедник 292, 294, 573
Макьыраа (Мақыраа) 419
Маллас 264
Маллас 264
Маласса 255
Малиа Е. М. 9
Мамац 419
Мамацаа 419
Мамацашвили 419
Марган 388, 400
Марганадзе 419
Маргания 388, 419
Марганидзе 419
Марго 419
Маргошвили 419
Маргошидзе 419

Маргошия 419
Маргуш 419
Мард 388, 389
Марджанишвили 419
Мариам 473, 474, 477, 520, 521
Марин 152, 296
Мария 478
Марк Аврели 245
Маркиан 265
Марков Евг. 581
Марковин 562, 570
Марр Н. Я. 6, 52, 54, 62, 68, 69, 82, 91, 124, 131, 146, 147, 151, 152, 198, 204, 255, 262, 359, 370, 390, 431, 515, 537, 549, 558, 559, 566, 567, 575
Марушисдзе 419, 463, 465, 466, 469, 470, 472
Марчан 388, 419, 420
Маршава 419, 420
Маршан 388, 391, 395, 409, 439, 440, 447, 485, 527, 530
Маршания 419, 420
Маршьан 388, 406, 409, 419, 420
Маршьанкул 409, 419
Маршьанха 419
Марыхуба И. 22, 552
Марышь 388, 396, 400, 405, 406, 409, 418, 419, 420, 421, 422, 462, 530
Марышьхан 420
Масуди 141
Мата 420
Матарадзе 420
Матиташвили 420
Мату 420
Матуа 420
Матуадзе 420
Матуашвили 420
Матыт 420
Мах 420, 421, 424
Махар 420
Махараа 420
Махарадзе 421
Махарашвили 421
Махария 421
Махошвили 421
Мача (Маҷа) 200, 421
Мачаа 397, 421
Мачабели 397, 403, 421, 452
Мачавариани К. Д. 6, 421, 507, 508, 509, 549, 577, 581
Мачаидзе 200, 421
Мачаишвили 200, 421
Мачар 200, 397, 421
Мачара 200, 421, 436, 445, 452
Мачараа 397, 421, 452
Мачарадзе 421
Мачарашвили 421
Мачахели 200
Мдавей (Мдаԥеи) 421
Мдивани 421
Мдоу 395, 421
Мды 117, 421
Мдыуаа 421
Мебуришвили Т. 20
Мекер 419
Мела 214, 219
Меликишвили Г. А. 7, 20, 52, 62, 88, 113, 114, 116, 122, 131, 131, 138, 139, 140,

145, 146, 147, 156, 164, 166, 178, 180, 182, 183, 188, 197, 204, 216, 227, 228, 245, 248, 249, 288, 431, 540, 557, 559, 560, 561, 563, 564, 566, 567
Меликсет-Бек Л. М. 574
Ментуахатеп 71
Менуа 136, 137, 138, 139, 162, 540
Мермерой 291, 308
Мернептах 120
Мерчуле 18, 19, 388, 419, 421, 505, 551, 552
Месхия Ш. А. 581
Мессарош Ю. 122
Метревели Р. В. 580
Мибчуани 222, 226
Микава 394, 421
Микадзе 421
Микаиа 421
Микашавидзе 419
Микашевидзе 421
Микеладзе 421
Микеладзе М. Т. 561
Микеладзе Т. 156, 197, 563
Микелбая 421
Мики 421, 422
Миллер А. 578
Миллер Вс. 151
Милованова Наталья 572, 581
Минорский В. Ф. 580
Мир 312, 318, 319, 320, 323, 324, 333
Мирван 211
Митридат VI Евпатор 196, 205, 214, 234, 235, 236, 237, 238, 244, 248, 253, 312, 544
Митридат Лаз 504
Михаил III 336
Михаил VII Дуки 478
Мишвеладзе Р. 20, 421
Мишвели 421
Мишвелиани 421
Мкаш 419, 421
Мкиал (Мкьал) 421
Мкиалаа 246, 421
Мкиалба (Мқьал-ба) 246, 421
Модебадзе 418
Мровели Л. 23, 187, 188, 203, 206, 209, 212, 213, 328, 329, 438, 451, 560, 561
Мува-тталла 112
Мукбаниани 422
Мурван ибн-Мухамед (Мурван Кру) 296
Мурван Кру 296, 311, 312, 318, 319, 322
Мурзаев Э. М. 564
Мурсилис II 98, 114, 119, 175
Мусхелишвили Д. Л. 20, 481, 580
Мутавакиль 336
Мхеидзе 421
Мхитар Айриванский 63
Мхьеиаа 420, 421
Мхьеиба 420
Мшвал 421
Мшвениерадзе Д. М. 556
Мшәал 421
Мшәалаа 421
Мыдавей (Мыдаѡеи) 421
Мыква 422
Мыку (Мыкә) 422
Мыкуаа (Мыкәаа) 422

Мыкуба 422
Мырҷыл 505
Мюллер Ф. 537

Н

Набед 291
Накаш 419, 422
Накашиа 419, 422
Накашидзе 422, 549
Нан 37, 46, 78, 152, 422, 445
Нанаа 39, 422
Нанба 39, 422, 452
Нанейшвили 422
Напса 422
Напша 422
Насра 338, 339
Наут 121, 122
Начкебия С. Б. 554
Недков Б. 282
Ниания 477, 478
Нижарадзе Н. 263
Никм-Адду III 103, 110
Никм-Эпа 103, 110
Николаев С. Л. 556
Николай Мистик 341,522, 523
Никонов В. А. 61, 557
Никонор Александрийский 240
Никифор III Вотаниат 478, 521
Нимфодор Сиракузский 185
Новицкий Г. 278
Новосельцев А. П. 282, 572
Нойман Ц. 187
Нордман А. 6
Нуцубидзе 576

О

Овидий 230
Озган 388, 395, 420, 422
Озраа 256
Озхан 422
Олтак 237, 238
Олу Аббас 282
Опсит 255, 268, 290, 301, 302, 303, 304, 306, 387
Орбели 222, 226, 227, 241, 401, 402, 422, 483
Орбелиани 202, 262, 390, 496, 497, 566
Орджоникидзе 18
Орчвадзе 422
Орчуа 402, 422
Орчук (Орчыќә) 422
Орчукба 422
Орчы (Уарчы) 422
Отаго 389
Откупщиков Ю. В. 142, 157, 156, 562

П

Павел Алепский 440
Паг (Паг) 278, 404, 422, 448
Пагаа 278, 422, 448
Пагава 422, 448
Пазов С. У. 95, 570
Пазраа 173
Пайчадзе Г. 471
Пал (Пъал) 422
Палаа 422
Палаванхосрошвили 398, 407, 422
Пал-ба 422

Палиа 422
Палиашвили 422, 497
Паллас П. 6
Папаскир А. Л. 24, 460, 461, 465, 466, 511, 517, 551, 557
Папаскири З. 471
Парулава Гиви 578
Пахомова А. 570
Пачулия В. М. 10, 24, 569
Пейсонель М. 55, 59, 559, 569
Первухин М. К. 560
Периэгет, Периегет 155, 165, 226, 230
Петр Первый 531
Пиотровский Б. Б. 40, 555
Писаревский Н. П. 562
Питханас 94
Плиний 189, 190, 218, 219, 225, 226, 230, 240, 242, 243, 245, 253, 257, 272, 388, 389
Плиний Секунд 230, 235, 243 244, 271
Плутарх 238
Помпей 196, 212, 225, 236, 237, 238, 270
Помпоний Мела 216, 218, 219, 220, 223, 225, 226, 230, 243, 245
Порданис 247
Поспелов Е. М. 572
Прокопий Кесарийский 271, 276, 288, 290, 291, 300, 313, 570, 573
Псевдо Александр 15
Псевдо-Арриан 274, 275, 576
Псевдо-Орфей 225
Псевдо-Скилек Кариандский 162, 170, 171, 175, 177, 178, 215, 216, 217, 218, 224, 225, 230
Птолемей 190, 212, 230, 240

Р

Рад // Рат // Рать 422
Раевский Н.278
Рамсес II 110, 120
Ранович А. Б. 577
Рати 392, 404, 422, 467, 468
Ратиа 392, 422
Ратиани 422
Ратишвили 392, 422
Ребия-Ханум 435
Редер Д. Г. 80, 558
Реза Э. О. 573
Рейнеггс Я. 2, 118, 559
Ресмаг 271, 298
Риб-Адди 104, 107
Ригвадин 299
Рихая 422
Рихуа 401
Роман III 474. 520
Рогинский Я. Я. 554
Розен Г. 6
Русудан 457, 472, 486, 491, 492, 521, 522, 535, 547
Рухадзе 422
Рыхва 401
Рыхуа 401

С

Саба 402
Сабаи 402
Сабанисдзе И. 330, 575

Сабо Орбелиани 202
Савромат 265
Сабуа 402
Савельева Т. Н. 555
Сагария Б. Е. 8, 9, 10, 22, 550, 552
Салакая Ш. Х. 9, 151, 555, 559
Саманба Л. Х. 24, 554
Самсон Ҷанба 557
Сан // Цан 402, 422, 424
Санишвили 422
Саурмаг 194, 197, 210, 211
Сегерт 562
Сезострис 110, 111
Сембат 464
Сенковский О. И. 15, 166, 263, 575
Сергий 309
Сердюченко Г. П. 12, 59, 551, 564
Сибадзе 425
Сизов В. И. 435
Симон Кананит 349, 350, 351, 501
Сихарулидзе Ю. 202, 261, 262, 563
Скепарна 290, 301, 302, 306, 344
Скилак Кариандский 170, 171, 175, 176, 178, 217, 224
Смоленский С. 511, 576,
Сободок 238
Соловьев Л. Н. 7, 32, 554, 555, 561
Сотерих 291, 292
Сотискуа 422
Сотишвили 423
Сохадзе 423
Спадаг 271, 313
Спенсер Э. 255
Сталин 18
Старостин С. А. 556
Стахемфак 313
Стефан Византийский 148, 240, 271, 284, 562
Страбон 155, 170, 177, 179, 181, 205, 212, 215, 216, 225, 226, 230, 231, 237, 239, 240, 241, 243, 245, 284, 361, 562
Стратофил 299
Струве В. В. 567
Стучевский И. А. 558
Сулейман Ибн-Исам 296, 312, 320, 354
Сумбат 339, 340, 342, 469, 520, 530
Суппилулиум 119
Сухишвили 423
Сықәҵар 425

Т

Табор 311
Табулова Н. Т. 551
Тавадзе 423
Такайшвили Е. 330, 331, 332, 333, 565
Там, Тамба, Тамбия 280
Тамара 86, 485, 486, 487, 489, 490, 522, 525, 534, 535
Тенин, Тинен 337, 338
Таргамос 116
Тария 217
Тата 98
Татаршао А. Х. 95, 570

Татиба (Ҭаҭ-иԥа) 423
Татишвили В. 551
Татта 98
Татташь 98
Тау 423
Тауа 423
Тацит 15, 225, 230, 562
Тбели 341, 423, 467
Тердат 291
Тиглатпаласар I 86, 87, 130, 131, 140, 539
Тигран II 235, 236
Тимосфен 239
Тирдат III 254
Тирибаз 191
Тих Н. А. 30, 554
Тодуа М. 581
Токарев С. А. 67,77, 558
Томашева 222
Томсон 123
Тораа 217
Ториа 217
Торнау Ф. Ф. 6, 59
Тортия 216
Торуа 217
Торчуа 217
Тота 423
Тотибадзе 423
Тот-ипа 423
Трам 281
Трапш М. М. 8, 9, 433
Траян 286
Тромбетти А. 52
Трубачев О. Н. 52, 88, 537, 557
Трубецкой Н. С. 49
Тсибадзе 425
Тсикишвили 423
Туана 292
Тугов В. Б. 95
Тураев Б. А. 198, 564
Турчанинов Г. Ф. 9, 107, 132, 157, 224, 550, 559, 563, 567
Тхайцухов М. С. 60, 551, 568, 569
Ҭрыш 121

У

Уаз 256, 257, 304, 395, 423
Уазаа 423
Уазба (Возба) 423
Уардан 406
Уахох 406, 424
Уаххацит, Уахсит 98
Убло 194, 196, 213
Узбая 423
Улигаг 303
Урушадзе 423
Урыш (Урышә) 423
Услар П. К. 6. 49, 59, 61, 66, 69, 91, 221, 227, 549, 556
Ушаков П. Н. 67,91,173, 263, 264, 537, 570, 577

Ф

Фавстос Бузанд 129, 570
Фадеев А. В. 7, 223, 559
Фарандат 174
Фарнаваз 192, 193, 207, 208, 209, 210
Фарнаджом 211, 212, 214
Фарнак 234

Фасмер М. 559
Феодор 332, 333, 346
Феодора 291, 302, 334
Феодорит Кирский 299
Феодосий 325, 331, 332, 333, 335, 336, 339, 344, 345, 347, 383, 462, 519, 527, 528
Феодосий Гангрский 294
Феофан Исповедник 293, 310
Феофил 336
Феофилакт 325, 501
Феохристом 336
Фиктиос 332, 346
Формозов А. А. 40, 555
Форрер Э. 52
Фредуче 253
Фридрих Мюллер 67, 537

Х

Хаба 423
Хабиашвили 423
Хабита 423, 424
Хабы 423
Хабыта 423
Хавадзе 423
Хагба Л. Р. 25
Хада 292, 360
Халбад Т. Х. 9
Хамыш 413
Хамыш (Хамышь) 413
Хан Гирей 56, 65
Хантипа 389, 409
Хар 423
Хара 423
Харабадзе 423
Харабашвили 423
Харакс Пергамский 239
Харебашвили 423
Хар-ипа 423
Харипаа 423
Хат 423, 424
Хатидзе 423
Хатишвили 424
Хатуа 423, 424
Хатхуа (Ҳатҳуа) 424
Хатшепсут 71
Хау 402, 423, 424
Хачатрян В. Н 114, 560
Хварцкия М. 22, 553
Хетум 492
Хеция 421, 424
Хеция А. Д. 24, 25, 554
Хиба 231
Хибба 233
Хинтбая 424
Хинтибадзе 424
Хинтибидзе 424
Хирхуф 71
Хиуйт Дж. 25
Хишапсау 71
Хобидашвили 424
Ховадзе 423
Ходж 424
Ходжаа 424
Хонелия Р. А. 9, 250, 458, 579
Хорава 424
Хорадзе 424
Хориан 333
Хосрой Нуширван 15
Хосров 268, 290, 301, 306, 308, 309, 333, 334, 480
Хотко С. 254,313, 573
Хоу 402, 423, 424
Хох (Хуа-ху) 424
Хохадзе 424

Хохашвили 424
Хохба 406, 424
Хохобая 424
Хохуа 424
Хочаа (Хоҷаа) 424
Хочава 424
Хочадзе 424
Хрушкова Л. Г. 9, 348
Хуаа (Хәаа) 402, 424
Хуабыта 423, 424
Хуадж 424
Хуар 424
Хуараа (Хәараа) 424
Хуачаа 424
Хубла 408
Хублаа 408
Хубулава 424
Хубуладзе 424
Худж (Хәыць) 424
Худжаа 424
Худжадзе 424
Хуху 424
Хухуа 424
Хухуа (Хәыхәаа) 424
Хухуашвили 424
Хучадзе 424
Хынт(Хынтә) 424
Хынтба (Хынтәба) 424

Ц

Цабадзе 424
Цагаева 578
Цанаа 65, 394, 402, 422, 424
Цанава 394, 422, 424
Цанба 422
Царагба 424
Царба 425
Царбадзе 425
Царбая 425
Цата 387
Цатава 387
Цати 269
Цатиашвили 387
Цафий 268, 290
Цвиджа (Ҵәыцьа) 425
Цвиджаа 425
Цвижба (Ҵәыцьба, Ҵәызба) 425
Цвижба Л. И. 23, 568
Цвинария И. И. 9
Цвыдж (Ҵәыць) 425
Цвыдз (Ҵәыз) 425
Цеи 425
Цеи-ба 425
Цеквава 425
Цеквадзе 425
Цекуа (Цеҟәа) 425
Цекуаа (Цеҟәаа) 425
Церетели Г. В. 124
Ци 403, 424, 425
Цибадзе 424, 425
Цикишвили 425
Цинцабадзе 425
Цинцадзе 425
Цирбая 425
Цис 425
Цисба 425
Цисишвили 425
Цискра 425
Цицибадзе 425
Цицишвили 390, 425
Цицуашвили 425
Цкис 423, 425, 443
Цкит 402, 425

Цкиш 423, 425, 443
Цкишаа 425
Цкуит 402, 425
Цкуитаа 425
Цкуитар 425
Цулая Г. В. 151, 209, 225, 387, 458, 513, 551, 561, 562, 566, 575
Цух 423, 426
Цухаа 423, 426
Цухуба 423, 426
Цхадая П. А. 444, 578
Цхвицхвишвили 425
Цхуцху 425, 426
Цхуцхуба 425, 426
Цыба 425
Цыбаа 425
Цыганенко Г. П. 559
Цыҕьтыр 425
Цыкиш 425
Цыкутар 425
Цымцаа // Цынцаа 425
Цымцба // Цын-цба 425
Цымцы // Цынцы 425
Цыс 425
Цысба 425
Цыскраа 425
Цыц 425, 426, 443, 447
Цыцаа 425, 426
Цыцуа 425, 426
Цюх 423, 426

Ч

Чавчавадзе 426
Чаговадзе 426
Чагуа 426
Чагуаа 426
Чаква 258, 259, 260, 426, 445, 449
Чакватадзе 426
Чаквашвили 426
Чаквитадзе 426
Чаквитая 426
Чакотадзе 426
Чакуа 426, 445
Чакуат 426, 428
Чакуатаа 426, 428
Чакуату 426
Чала-мепе 383
Чамагуа Л. 26
Чамит, Чамыт 410, 411
Чанба Р. К. 9
Чанба С. Я. 63
Чанчибадзе 426
Чарая П. 370
Чар-ба 426
Чарбадзе 426
Чарг // Чарк 426, 427
Чаргадз (Чаргаҙ) 426
Чаргадзе 426
Чаргазия 426
Чаргеишвили 426
Чаргуаа // Чаркуаа 426
Чарквиани 427
Чаркишвили 427
Чаураа 429
Чаурели 429
Чах 427
Чахаа 427
Чахвадзе 427
Чахели (Чохели) 427
Чахуа 427
Чач 138, 259, 386, 387, 389, 390, 391, 396, 397, 403, 426, 427, 428, 429, 430, 527, 540

Чачаа 426, 427, 428, 429, 430
Чачава 427, 428
Чачасдзе 389, 390, 428
Чачба 57, 91, 390, 391, 395, 399, 401, 403, 426, 427, 428, 429, 430, 453, 492
Чачибая 428
Чачхалия Д. К. 23, 317, 330, 434
Чеговадзе 428, 429
Челеби Эвлия 55,185, 442, 549
Челидзе Вахтанг 580
Чивадзе 428
Чигава 428, 429
Чиджавадзе 428
Чикава 428
Чикарели 428
Чикашвили 428
Чикваидзе 428
Чикватадзе 428
Чиквашвили 428
Чикивитадзе 428
Чикобава 7, 49, 68, 128, 204, 263, 428, 429, 431, 556, 560, 564, 567
Чиковани 428, 429
Чикоидзе 428, 429
Чикорая 428
Чикорели 428
Чикотадзе 428
Чикоташвили 428
Чингис-хан 491
Чирикба В. А. 25, 52, 371, 557, 579
Чичак 311, 333, 518
Чичин (Цыцын) 428
Чичинадзе З. Д. 261, 428, 557, 576, 578
Чкадуа Л. П. 9, 24, 553, 564
Чкуа (Чқәа) 429
Чкуаба 429
Чмакур 429
Чолокашвили 429
Чолоквадзе 429
Чолокуа 429
Цолокуа 429
Цолокуаа 429
Чохели 427, 429
Чуа 403, 429
Чуаз 251, 395, 403, 429
Чуарели 429
Чуашвили (Чаушвили) 429
Чукба // Чыкуба 429
Чурсин Г. Ф. 7,35, 195, 555, 558
Чуу 428, 429
Чууpаа 429
Чух 429
Чухба // Чыхба 429
Чхаидзе 429
Чхатарашвили К. 575
Чыгаа 64
Чыгу (Чыгә) 429
Чыгуаа 428, 429
Чыгуба 64, 429
Чык-ипа (Чық-иԥа) 429
Чыкуа (Чыққәа) 429
Чыкуаа 428, 429
Чыкуба 428, 429
Чыкубар 429
Чыкураа 428, 429
Чымыт 410
Чырг // Чырк 426, 427
Чыргба // Чыркба 426
Чыуа 403, 428, 429
Чыху 429

Чыхуа // Чухуа 429
Цьаа 410

Ш

Шагиров А. К. 125, 230, 555, 557
Шакирбай Г. З. 317, 580
Шакрыл К. С. 8, 9, 161, 555, 560, 561, 563, 564
Шакрыл Т. П. 25
Шамба Г. К. 9, 23, 553, 572
Шамба С. М. 10, 579
Шамши Адад 163
Шанава А. Б. 318, 337
Шарашия 429
Шардан 121
Шарден 5, 223, 549
Шат-ипа 422, 423, 429
Шахнович М. И. 555, 558
Шаш 137, 138, 209, 316, 386, 387, 405, 406, 427, 429, 540
Шаше 138, 209, 252, 386, 387, 427, 429, 527, 540
Шеварднадзе Э. 20
Шервашидзе 57, 390, 391, 399, 427, 428, 430, 513, 570
Шинкуба Баграт 554, 571
Шота Руставели 13, 581, 582
Шоуа И. 26
Шухардт Г. 52
Шырпас (Шәырпыс) 430

Э

Эджибадзе 411, 430
Эджибия 411, 430
Элиава Г. В. 571
Эмин Н. 458
Энгельс Ф. 43, 555

Ю

Юлиан 271, 288, 286
Юрий (Георгий) 487
Юстиниан 15, 267, 294, 301, 346, 565, 571
Юстиниан II 294,295, 310

Я

Яйленко В. П. 561
Яков 85
Якут (Иакут) 147
Яшвили 412

Теонимы. Мифологические образы. Святилища

А

Абзу, Апсу 75, 76, 81
Абрскил //Абырскил 151, 152, 209
Абсирт // Апсирт 148
Аг-ных 148
Адад // Адыд 80
Адапа 76
Аҽышьашьан 37, 47

Ажәҩан 73
Ажьырныҳәа 160
Аиаҭ, Аиеҭ, Аэт 148, 155
Аиҭ, Ҳаиҭ 76, 148
Аиҭар 47, 79, 80
Айа, Эйа 155
Аиларныха 363
Алаверди 341, 502
Алышькьынтыр 47
Аман апа 72
Амаран 152
Аматанеира 128
Амза 79, 152
Амзаныҳәа 152
Амиран 151, 152
Амонхатеп 71
Амра 79, 204, 205, 209, 210
Амраныҳәа 152
Амрос-гель 152, 209
Амыр 151
Ан, Ану 77, 79
Ана // Нан 37
Анакопийский (Ново-Афонский) храм 501
Анана 37, 44, 78, 79, 451, 452
Анана Гунда 44, 78
Анана Шацәа 78
Анана Хибла 78, 79
Ананду 78
Анан-Лдзаа-ных 252
Анаԥа-анага 79
Антар 79
Анубис 72
Анцәа 38, 71, 77, 80, 377, 378, 421, 502, 503, 507
Анцәа дуқәа 80
Анчи 503
Анчисхати 452, 503
Аншар 77, 81
Анып̧с 72, 73
Анып̧с ныха 73
Аныха 378, 434
Аныҳәара 37, 77, 378
Апсу 75, 76, 77, 81, 83, 142
Апсха 194, 209, 359, 451, 507
Арго 153, 154
Аргонавты 142, 152, 153, 185, 240
Арея 152, 175
Армаз 204, 209, 210
Аттис 78, 79
Афы 72
Афырхаҵа 373
Ахетатон 71
Ахьы Зосҳан 71
Аҳәараҳ 47
Ашеышьашьан 37,47
Ашаку 81
Ашнан 80

Б

Бедиа 327, 328, 329, 330, 438, 470, 502
Бедийский храм 470, 502, 523, 529

В

Варда 389
Вачнадзинский храм 502
Великая Богиня 78

Г

Геката 150, 165
Гелиос 148, 152
Гильгамеш 81
Гурпаранцаху 123

Д

Джабран 37, 47
Джаджа 46
Джихан 438, 439, 440, 443
Дорт-Килиссе 502

Е

Ерыш 44

Ж

Жәабран 37, 47
Жәгараа 73

З

Зевс 151
Зихская епархия 348

И

Иаса-Қьырса 378
Иахуа 105
Иверская Лавра 504
Иверский монастырь 504
Инанна 79, 83
Ишкур 81
Иштар 79

К

Кадеш 102
Кибела 78
Кибла 78
Киево-Печорский монастырь 503
Кирке 165
Кишар 77, 81
Крестовый монастырь 504
Криос 152
Криос 152
Кубаба 78
Куадаш 102
Куджи 193, 194, 208, 210, 329, 438
Кукун 44
Кул Ахмат 162
Кумурдский храм 502
Кутаисский кафедральный собор 503
Кячский храм 502

Л

Ламма 77
Лахама 77
Лахара 80
Лахма 77
Лашкендарский храм 502
Левкотей 212, 237
Лооский храм 501
Лыхненский храм 501

М

Мард 388, 389
Мардук 77
Мача-ныха 200
Медея 153, 165, 214, 239, 542
Моквский кафедральный собор 501
Мумму 76
Мцхетос 451
Мюссерский храм 501

Н

Набу 81
Нан 37, 46, 78, 152, 422, 445
Нанна 78
Нанҳәа 37, 46
Нарт 73, 571
Нарԥьхьоу 51
Нуна 72

П

Пархал 502
Персей 150
Прометей 150, 151

С

Самшвилдский кафедральный собор 502
Сатаней 39, 40
Софийский собор 503
Стробил 151

Т

Таргамос 116, 328
Тиамат 76

У

Уа Ра ду 72
Уахсит 98
Уашхо 122, 222
Уашҳау 122, 123
Улликумми 83, 114, 115
Умма 83
Уплос 208, 209, 451
Уплос 209, 213

Ф

Фрикс 152

Х

Хазарталы 112
Хазрет-Али 112
Хандзта 454
Хәажәарԥыс 51
Хибла 78
Хонский собор 336, 441, 502
Хору Аха 70, 71
Храм апостола Симона Кананита 501
Храм Свети-Цховели 503
Хубаба 81
Хумбаба 81
Хырка 150

Ц

Цирцея 142, 150, 154, 214

Ч

Чкондидский храм 342
Чхан 439
Чыгәрныха 64

Ш

Шамаш 81
Шьашәы (Шашвы) 48, 160

Э

Эа // Эйа, 76
Эгрос 182
Эгрос 187
Энки 83
Эредви 341, 453, 502
Эреду 81
Эт-ных 148

Я

Яхве 105

Географические названия

А

Аацы 114, 144, 246
Абаза (м-ть) 200
Абаза (область) 139
Абаза (страна) 55, 56, 57, 66, 273
Абазакыт 257
Абазгия 286, 288, 298, 306, 313, 320, 327, 334, 346, 348, 349, 493, 526
Абазинское (Абхазское) море 57
Абазия 66, 99, 120
Абасгия 274, 289, 294, 295, 298, 300, 308, 309, 313
Абасилети 199
Абаск 273, 274, 275, 276, 298, 313
Абаския 257
Абаскос 274
Абасса 66, 147
Абассия 257
Абастумани 200, 201, 327, 346, 444
Абасхети // Абасхия 199
Абаша 147, 257, 438, 441, 447
Абашьа 147, 441
Абжарские высоты 259, 448
Абиси 202
Абиссиния 69, 70
Абсарети 146
Абсари 146
Абсилети 199
Абсне 56, 66, 118
Абу 169, 171, 188, 340, 482, 521, 522
Абхаз (гор.) 142, 307

Абхазашьи нохора 445
Абхазети 16, 56, 345, 457, 472
Абхазия 6, 7, 10, 17, 18, 19, 23, 24, 27, 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 66, 91, 130, 137, 140, 141, 174, 182, 255, 257, 262, 282, 314, 322, 324, 326, 331, 346, 348, 356, 357, 455, 457, 460, 462, 463, 466, 471, 492, 493, 498, 500, 501, 503, 519, 532, 535, 549, 550, 551, 552, 553, 555, 558, 564, 568, 569, 570, 571, 572, 575, 580, 581
Абхазская Республика 18
Абхазская Тапанта 316
Абхазское княжество 57, 347
Абхазское море 57
Абхазское царство 17, 19, 318, 327, 331, 337, 341, 342, 349, 350, 443, 456, 457, 459, 460, 462, 471, 472, 478, 482, 491, 492, 493, 503, 516, 518, 528, 531, 545, 546, 589
Агара 187, 188, 189, 202, 260, 450
Агвара, Агуара 260, 446
Агварта, Агуарта 446
Аггара 202
Агры 117
Агрышьха 117
Агуа 330, 434
Агудзера 445
Агура 189, 190
Агурқура 447
Агуры 189, 444
Агца 434
Агырны 66
Адерба 315, 316
Аджария 182, 261, 262, 444
Адзиква 452
Адзлагарадз 176
Адзлагарахук 36
Адзыггара (Аҳыҕгара) 229
Адлер 199
Ажашвара 259
Азанта 41, 294 412
Азара 279, 281
Азараба 279
Азербайджан 268, 307, 336, 480, 488, 489 573
Азмахи 446
Азов 257, 279, 280
Азовское море 279, 280
Азраха 138
Аҳыҕгара 292
Аибга 56, 144
Аибыхуҵа 144
Аирқәа рыҳха 144
Аиц 144
Аишьха 144
Айа // Эйа 115, 142, 143, 144, 147, 155, 184, 190199, 588
Айа-Колхида 164
Акампсис 92
Акапское плато 272
Аккад 83
Акомпсеон 242
Акра 101, 284
Акуа 84, 101, 225, 330, 436, 552, 554, 571
Акуи 29
Акула 144, 162

Акул-ԥацхьра 162
Алаверди 341, 502
Алада 454
Аланда 114
Алания 328
Алахадзы 501
Алгети 452, 453
Алзи 113, 116
Алупка 283
Алушта 283
Амарети 166
Амберд 489
Амби 104
Амзара 28
Амкува 91
Аммур 104, 110
Амхел // Амхиал 246
Амшен 172
Анаҟәаԥиа 433
Анаҟәаԥиаԥҳа лбаа 433
Анаклия 328, 438
Анакопа 433
Анакопийская крепость 391, 432, 434
Анакопир 433
Анакопия 318, 319, 328, 337, 350, 355, 432, 433, 434, 473, 474, 475
Анакрия 438
Анакуа 433
Анаҟәаԥиа 433
Анаҟәаԥиԥҳа лбаа 433
Анакуфа 433
Ананури 451
Анапа 99
Анкара // Ангора // Анкира 91
Антемунта 218, 219, 240, 281
Антикита 281
Антиохия 501
Анхуа 28, 246, 433, 434
Анчи 449, 452, 502
Анчисхати 452, 503
Апарон 172, 174
Апаса 98, 119
Апзарус 307
Апианча 28
Апсар 92, 144, 146, 147, 149, 155, 169, 171, 173, 182, 183, 186, 188, 191, 193, 239, 242, 249, 253, 260, 266, 270, 307, 318, 337, 347, 348, 340, 355, 432, 433, 542
Апсара 55, 149
Апсарети 146
Апсарея 92, 146, 331
Апсашьи цкургили 445
Апсилия 271, 274, 286, 288, 289, 294, 295, 301, 302, 306, 313, 320, 322, 333, 335, 348, 355, 435, 565
Апсирта 149, 154
Аԥсны 11, 23, 54, 58, 66, 69, 91, 182, 227, 262, 357, 360, 353
Аԥсҳара 545
Аԥсынду 66, 357
Аԥсындузҙа 357
Аԥсынҟьаҟьаду 66, 357
Аԥсынра 357
Аԥсынтәыла 66, 357
Аԥсынхәыҷы 66
Аԥшьдәны 99
Аԥшьырдәны 120
Апушта 295
Апхаз 64, 459

Апхазашига 447
Арабис 175
Арагва 203
Аракс 117, 201
Арарат 166
Арацани 117
Араштуа 117, 118
Аргвети 326, 327, 338, 392, 443, 468, 477
Арголида 154
Аргос 154
Аргуна 9, 445
Ардаган 199
Ардобиль 307, 490
Ариан-Картли 205, 206, 207
Арион 169, 171, 188
Арипса 92, 113, 175
Ариши 340, 453
Арлан 199
Армаз, Армази 203, 209
Армения 234, 235, 236, 243, 544, 565
Армянское нагорье 121
Арпа 56, 92, 146
Арпас 92, 146, 175
Арран 307, 573
Аррапха 127
Артаани 199
Архаб 171
Архаве 171
Архаԥа 171
Археополь, Археополис 240, 257, 266, 322
Арцава 97, 118, 119, 120, 128, 143
Арчвашьи каре 448
Асаз 201
Ассирия 87, 107, 108, 136
Асува, Ассува 98, 99
Асурастан 196, 207
Асхи 440
Атени 475
Аттикита 281
Аха 70, 71, 231, 232, 233, 277, 402
Ахаду 232
Апҳазеҭи 59, 66
Ахач 232
Ахеиус 230
Ахейзос 433
Ахеунт 232, 275, 276, 277, 280
Ахея 122, 230, 253, 258, 277, 278, 589
Ахиява 118, 119, 120
Ах-су 493
Ахча 452
Ахчипсы, Ахчыпсы 232, 273
Ахыр 92, 97, 99
Ац 29, 114
Ацана 257, 449
Ацкур (Ацкури) 201, 454
Ацци 113, 114, 115, 116, 119, 144, 175, 539
Ачааркыт 257
Ачабети 396, 452
Ачандара 41
Ачанра 182
Ачара (Аҷара) 182, 261, 262, 263, 444
Аҷара 263
Аҷарисцкали 261
Ачгуай 259, 260
Ачгуара 29
Ачква 259
Ачмарда // Чамарда 99

Ачы // Аҷи 259
Ашвыркыт 257
Аше 252, 277, 278, 316, 386, 428, 527
Ашәдәны 120
Ашәы (Ашу, Ашвы). 278
Ашхарпайя 114
Ашшур 81, 83
Ашышьхаҟәа (Ашәышьхаҟәа) 544
Аю-Даг 221
Аяш 91

Б

Баагуаш (Баагәашә) 338
Баба-квари 260
Багажиашта 29
Багазкей 90, 91
Багрипста 58
Базалети 211, 327, 344
Базз 307
Базза 307
Баз-кыт 99
Байлакан 307
Баназ 92, 97
Барак 101, 274
Бардава 488
Барза 307
Барзанда 307
Басиани 145, 147, 448, 489
Басий 275, 276
Басилети 256
Басла-ҭа 102
Басхог 199
Бата 258, 351
Батуми 145, 258, 259, 437, 563
Башкапсара 41
Бгардәны 99, 120
Бебрек 91
Бедиа 327, 328, 329, 330, 438, 470, 502
Бедиачук 330
Бердуджи 207
Бехириада 174, 176
Бжана 56
Бзана 259, 446
Бзыбь 41, 221, 231, 571
Бзып 101, 189
Бзыпта 189
Бибаркыт 257
Библ 102, 104
Биджнис 489
Ближний Восток 561
Бобоква 259
Бобоквара 449
Боболо-квари 260
Бозок 91, 92
Большая Абаза 56
Большая Абхазия 56, 57, 66, 570
Большой Медерес 97
Большой Ромбит 284
Боргис 274, 275
Боржоми 201
Боспор 205
Боспорское царство 196, 236
Брухонт 274, 276
Бредза 341
Буколус (Бухлоон) 293
Буланная 253
Бурка 274, 275
Бухлоон 292, 293, 328
Бырцә 28, 274
Быршышьха 274

В

Вавилон 498, 512
Ваке 327
Вардан 176, 247, 248, 284, 285, 389, 396, 406, 420, 477, 481, 484
Вардцихе 267
Веджини 341
Великая Абхазская стена 222
Великая абхазская стена 322
Великая Армения 243
Византия 268, 269, 288, 289, 290, 300, 309, 323, 336, 519, 528
Вица // Вице 172
Волга 311
Вох 129, 137, 145

Г

Гавазни 340
Гагра 63, 232, 501, 552
Гал 29, 33, 97, 586
Галис 87, 88, 91, 93, 94, 113, 119, 131, 537
Ганджа 489
Гандза 480
Гармозика 204
Гарни 491
Гарп 101, 246
Гатукай 56
Гвалашара 445
Гвамарда 445
Гвандра 306, 445
Гванкити 443
Гвара 260, 449
Гвард (Гуарда) 28
Гуалдхвы (Гәалдәҳәы) 162
Гегути 442, 483
Гедиз 97, 98
Гелати 483, 490
Геленджик 230, 278
Генараа ркуара 228
Генрыпш // Гинрыпш 228
Гераклея 489
Гераклов мыс 275
Гечрипш 28
Гиаргямишь (Гьаргьамышь) 101
Гиен 190, 217, 239
Гиенос 190, 227
Гиппейские горы 284
Гиши 480
Главный Кавказский хребет 162, 348, 351
Глубокая 242
Горда 441, 450
Гори 450
Греция 176, 365, 561
Грузинская ССР 564
Грузия 6, 13, 16, 17, 18, 19, 23, 66, 357, 457, 458, 459, 462, 492, 503, 551, 568, 573, 581, 582
Гуадиху 36
Гәалдхәы 162
Гуара (Гвара) 449
Губа 253, 255, 258, 387, 408
Губаа 58, 255, 387, 408
Губаады (Губаадәы) 58, 255
Губазеули 256, 449
Губла 101, 104, 132, 408, 424
Гудаа 501
Гудааси 445
Гудоута 29, 36, 550

Гудоу 189
Гулистан 480
Гулрыԥшь 221
Гум, Гума 33, 98, 259, 273, 448
Гумати 448
Гумста 28
Гумсы 189
Гумыста (Гумиста) 28, 189, 328
Гурджи-Богаз 493
Гурия 189, 256, 444, 570
Гюэнос 501

Д

Дагва, Дагуа, 259
Даиохи // Диауехи 129
Дайаэни 129, 130, 131, 136, 539, 540, 588
Даренда 99
Дарьяльский проход 225, 241, 311
Двалети 494
Двана (Дәԥана) 260
Двин 489
Двуречье 74, 75, 81, 83, 84
Деврез 92
Дербент 481, 482, 521
Джавах 138, 540
Джавахети 138, 145, 199, 344, 462, 469, 478, 487, 540, 566
Джавахский округ 468
Джам 117
Джампал 260
Джаника 181
Джейхан 98, 99
Джикети 64, 327, 343, 393, 453
Джикетия 317, 349
Джихан-Кудж 438, 439, 440
Джубга 278, 316
Дзепшишха 316
Диауехи // Диаохи 129, 136, 540
Дидоети 194, 211
Диоскуриа 190, 218, 219, 223, 243
Диоскуриада 217, 225, 239, 240, 243, 543
Дирапс 92, 176, 177
Дранда // Даранда 99
Дуабзу 92, 449
Дурдзукети 211
Дурыпш 252
Дутха 172

Е

Евфрат 100, 101, 113, 116, 121, 128, 129, 300, 510, 537, 539
Египет 69, 70, 71, 85, 104, 127, 198, 588
Егревике 190
Егриоз 92
Егры 79, 92, 187, 189, 216, 328, 329, 397
Егырны 91
Еея 284
Елыр (Илори) 29
Ениапан 91
Ефес 98
Ешкыт 257

Ж

Жибиани 448

З

Забаха 138, 199, 540
Закавказье 16, 40, 92, 124, 136, 164, 165, 167, 170, 185, 192, 206, 207, 287, 295, 297, 308, 309, 315, 318, 320, 335, 336, 342, 359, 455, 462, 477, 478, 488, 490, 492, 493, 502, 503, 514, 517, 518, 528, 531, 548, 569, 588
Замуа 117, 118
Зана 446
Занапа 99
Западная Грузия 19
Зенджан 490
Зефирий 180
Зиата 102
Зигана 247, 277
Зиганис 501
Зигополь 247, 277
Зихия 313, 314, 349, 350
Знаква 259
Зоу 138, 412, 540
Зуа 137, 138, 540
Зыгәҭа, Зыхәҭа 437
Зыхәа 437
Зыхуны 66, 262

И

Иашымюа 315
Иберия, Иверия 211 166, 235, 238
Иерусалим 105
Имер 166
Имерети 16, 166, 444
Имер-хеви 193
Ингур 55, 93
Инджик 56
Ипп 241
Ираклий 242, 269, 294, 308
Иран 117, 290, 490, 500
Исид 242
Исис 239
Искурия 223
Исфахан 478
Итиль 311
Ишу-ва 98, 99

К

Кабарда 285
Кабуранда 114
Кавказ 40, 60, 139, 141, 142, 164, 285, 286, 293, 304, 306, 308, 311, 318, 342, 438, 497, 557, 558, 559, 562, 573
Кавказское Причерноморье 136, 588
Кавро 223
Кадеш 101, 102
Кадош // Кодош 101
Казвин 490
Какара 445, 447
Канак 92
Кара-Хисс 112
Карачал 97

Кария 143
Карс 490
Карт, Картл 98, 203, 204, 210
Картерон Тейхос 221
Картл (Картли) 203, 204
Картли 13, 17, 191, 192, 193, 196, 197, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 266, 267, 290, 311, 312, 318, 320, 322, 323, 330, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 351, 359, 387, 392, 396, 397, 404, 407, 419, 427, 443, 452, 453, 458, 459, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 472, 475, 476, 477, 478, 485, 487, 499, 505, 519, 520, 530, 531, 546, 551
Карты 98, 204
Каска 113, 119
Каспия 307
Катиора 191, 489
Кахети 137, 211, 340, 343, 351, 464, 546
Кацахура 447
Кацувадна 116, 119
Кацхур 316
Качаети 259
Кбааде 58
Квараши 448
Квачара (Куачара) 33, 35
Квирила 188, 189, 210, 259, 443, 444
Келасур 29, 271, 272, 297, 321, 322, 328, 435, 436, 437
Келькит 116, 181
Кепрюкёй 91
Керасунт 245, 489
Керкемиш 101
Керч, Керчь 284
Кеч 97, 98, 284
Кечи-барлу 97
Кианей 195, 241
Кигн 224
Киев 556, 559
Кижинара 448
Киликия 235
Киндза 101, 102, 415
Кинчха 441
Кирки-пал 97
Кирцха 445
Кистрик 36, 555
Кита 147, 164, 190, 441, 541, 542
Клардж 162, 541
Кларджети 163, 164, 184, 191, 210, 335, 336, 338, 343, 351, 454, 459, 465, 469, 473, 478, 502, 519, 520
Клде-Кари 338, 392, 404
Клисура 311, 322, 565
Клухор 162, 220
Клыхура 162, 220
Кобалаури 258
Кобалети 258
Кобалҭа 258
Коблиани 139, 200, 201
Кобулети 139, 258, 389, 416
Кодор 114, 156, 188, 221, 222, 223, 225, 240, 291, 294, 447
Кодоре 447

Кодори 259, 435, 437, 447, 448
Козан 99
Колика 218, 219
Колхида 22, 28, 140, 154, 155, 161, 163, 164, 184, 186, 187, 188, 190, 196, 220, 225, 234, 237, 238, 250, 264, 268, 294, 308, 537, 541, 544, 552, 563, 588, 589
Колхидское царство 144, 145, 155, 165, 168, 190, 541
Колы 162, 219, 220
Коман // Куман 91
Константинополь 265, 266, 267, 300, 473, 476, 486, 501
Корак 221, 225
Коракс 221, 222
Кораксийская страна 219
Кораси 222
Кордула 245
Корчев 284
Красная поляна 58, 255
Ксани 335
Куазан 99
Куанапа 99
Куапсе 277
Куараши 259
Куардзышха 223
Кубань 55, 56, 63, 66, 97, 146, 187, 252, 280, 281, 283, 284, 285, 315, 317, 323, 346, 350, 351, 389, 519, 545
Кудепста 29
Кудырта 189
Куерцхоба 336
Кула 98, 162
Кулеси 436
Кул-иани 162
Кул-рхуа 162, 220
Кулха 91, 139, 140, 141, 144, 145, 154, 155, 156, 161, 163, 164, 184, 541, 563
Кулӡҳәы 162, 220
Кум 98
Кумманна 99, 100
Кура 92, 139, 145, 171, 199, 201, 202, 203, 204, 210, 213, 214, 450, 542
Курса 223
Куссар, Кушшар 94
Кута 83, 147, 194, 441
Кутаиси 190, 210, 241, 259, 266, 267, 321, 322, 327, 330, 336, 346, 360, 438, 441, 442, 443, 444, 448, 457, 470, 475, 480, 481, 483, 487, 491, 502, 524
Кутатиси 330
Кушшара 94
Кызыл-Ирмак 91, 92, 93
Кындыг 114
Кырка 92, 97
Кэгритика 189
Кюр-дере 28
Кяхта 100
Қырҧтәыла 66

Л

Лаба 57, 418
Лагаш 82

Лазика 250, 251, 253, 255, 269, 278, 286, 287, 288, 289, 294, 306, 308, 309
Лазистан 489
Лазское царство 249, 254, 271
Лауаз 252
Лахарха 445
Лаша 86, 146, 256, 259, 384, 456, 472, 487, 488, 490, 491, 500, 522, 525, 535, 547
Лаше 256
Лдзаа 252, 253
Лдзаа-ных 252
Леабхазе 445
Леапшиле 445
Левкотей 212, 237
Ле-Мустье 28
Лечкоп 29, 33
Лиаше 201
Лидия 119, 167
Лимна 175
Лиран 307
Лихи 326, 327, 329, 333, 450
Лихский хребет 267, 348, 450, 462, 476, 477
Лоар 253
Лоо 251, 275, 279, 316
Лоо // Лоу 251, 279
Лоре 480
Лоукыт 205
Лоцобани 393, 453
Луша 249, 250
Лыхны 29, 36, 91, 159, 252, 436, 439

М

Майотис лиман 280
Маква 259
Макопсе 277
Малая Абаза 56, 57
Малая Абхазия 56, 63, 64, 66, 314, 357, 570
Малая Азия 67, 120, 235, 497
Малая Хазария 187
Малтаква 259, 449
Малый Заб 117
Малый Мендерес 98
Малый Ромбит 285
Марага 307
Марану 490
Мараш 99
Мари 83
Мартвили 439, 440, 477
Мартәыла 440
Марту 75
Маршьиа 447
Марыпс 174
Марыху 174
Масаитика 275
Масик 198
Масис 116
Матий 242
Матраха 282, 283
Матрега 283
Махелония 247, 277, 572
Мацеста 275, 276, 317
Мача-ныха 200
Мачара 200, 421, 436, 445, 452
Мачар-цкали 200
Мачарыԥшь 200
Мачахели 200

Мачи 452, 454
Мачис-цкали 454
Мачихел 200
Мегрелия 55, 91
Мededсиз 99
Мезиг 274, 275, 276
Мезыб 101
Мелид-Камману 130
Меотида 55, 315
Месопотамия 74
Метрега 280
Мецкет 316
Мзым 189
Мзымта 29, 189, 232, 255, 272, 274, 275
Мисиминия 292, 293, 306
Миссир 70
Мисия 118, 119
Митанни 107, 110, 127, 128
Мкелрыпш 246
Могр 242
Моква (Мыкә) 29, 201, 240
Москва 435, 570, 576, 580, 581, 584, 585
Мосхийские горы 197
Мохва 201
Мрамба 151
Мсыр 70, 198, 284
Мтиулети 194, 195, 211
Мурат 117
Мухирисис 267
Мухнари 327
Мцхета 197, 198, 203, 206, 207, 213, 565
Мцхетское царство 196, 206, 209, 588
Мцы 275
Мҷышь-ҭа 102
Мыгды 117
Мыскет // Мыцкет 275
Мысра 275
Мысуа 275, 317

Н

Наа 221
Наана 221
Наапхазу 447
Набжьал 445
Надиквара 260, 449
Наири 118, 131, 140, 540, 559
Накалакеви 147, 240, 322, 439
Нанду 445, 447
Напацхара 446
Напсайская гавань 331, 347, 348, 349
Напҳьека 447
Нарджхьоу 330
Нароу 447
Нарцу 447
Нахичеван 490
Нацха 445
Нацхаду 447
Незип 101
Нелкари 211
Неса 94
Несис 275
Нечепсухо 55, 250, 251, 278, 313, 314, 348, 350
Нижний Яштух 28
Никопея 319, 434
Никопсия 55, 251, 314, 325, 348, 349, 350, 352, 433, 493

Никофия 433
Нитика 275
Нечипсухо 351
Новгород 485
Новороссийск 55
Новый Афон 144, 146, 432, 433, 568, 571, 578

О

Овсети 481
Одемиш 97
Одзр(а)хе 138
Одзрхе 327, 339, 346
Одиний 175
Озраха 256
Окаце 441
Окваре 260, 449
Окриба 327
Опшквити 442, 443
Орду 47, 179, 191
Оронт // Оронта 102
Осетия 502
Отап (Уатап) 28
Отхара 41, 144, 162
Очамчира 29, 36, 190
Ошки 503

П

Пагр 230, 278
Пазар 171
Пакваши 447
Палеостоми 444, 259
Палестина 90, 104, 504
Палус Меотис 280
Пантикапей 153, 165, 214, 284, 294, 542
Парнаут 201
Парсава 117
Парсуа 117, 118
Пасис мта 448
Пахулан 328
Паххува 113, 116, 129, 539
Ԛашьгуашь 448
Пелопонес 154
Пений 224
Персия 117, 206, 207
Петра 531, 267, 268
Питиа 351
Питиунт 239, 290, 298, 299, 300, 309, 313
Пицунда 252, 491, 501
Полемоний 245
Понт 154, 156, 234, 238, 578
Понтийское море 347, 501
Порданис 175, 247, 249
Порчис-Цкали 493
Посхови 201
Поти 190
Приазовье 279, 537
Пса 202
Псарон 172, 173, 174
Псат 285
Псахара 28
Псин, Псинун 66, 355
Пскал 221
Псоу 58, 144, 219, 232, 246, 272, 273, 274, 275, 276, 279, 297, 298, 313, 316
Псху 223, 232, 273
Псыж 283
Псырдзха 432, 433
Пурусханда 114
Пуста 292, 294
Пустус 295

Пханакопи 433
Пхови 494
Пшада 316
Пшап 101

Р

Разбойничья река 239
Рани 16
Рача-Лечхуми 327
Риза 171, 172, 277
Рим 235, 238, 265, 298, 299
Риони 55, 145, 147, 150, 156, 183, 188, 189, 190, 193, 195, 242, 257, 259, 265, 266, 267, 268, 269, 315, 322, 327, 329, 330, 346, 347, 348, 441, 448
Рис 239
Рица 172
Роан 195, 241
Родополь 267
Ром-Гур 490
Российская империя 58
Россия 58, 66, 357
Русина 284
Рустави 478, 480

С

Сапаҕуе (Сапагуе) 448
Саджа-су 201
Садз 56
Садзели 201
Садзен 314
Садзны 314
Сазара 199
Сакара 443
Сакартвело 16, 23, 457, 458, 459, 551
Сакурат 468
Салуа 98, 113, 117
Самачабло 452, 454
Самсун 489
Самухи // Шамухи 116
Самцхе 163, 197, 198, 199, 206, 345, 454, 469
Самшвилде 397, 478, 480, 502
Сандрыԥшь 65
Санигеле 257
Санигия 288, 289, 314, 317, 349
Санихеви 257
Саницкали 257
Сант-Ашель 28
Сарды 120, 167
Сахара 126
Са-ҷанра 261
Сванети, Сванетия 195, 290, 327, 329
Свания 267
Себастополь, Себастополис 271, 296, 300, 501
Севастополь 224, 225, 240, 271, 272, 313, 354, 435
Северное Причерноморье 236, 244, 537
Северный Кавказ 60, 139, 164, 285, 286, 304, 306, 308, 342, 438
Сеихан 98
Сенаки 240, 257, 322
Сидень 245
Сидерон 292, 293, 295, 296

Сикана 247, 277
Синоп 489
Синопэ 92
Сирия 90, 111, 112, 182, 196
Сканда 267
Сквирча 260
Скопель 284
Скотор 294
Скра 202, 203
Скурча 223, 260
Собги 319, 437, 438
Согум 435
Сотирополь, Сотирополис 349, 350, 351
Сочи 63, 114, 138, 194, 225, 230, 242, 253, 315, 316, 317, 387, 427, 540, 543, 553, 580
Спери 481, 493
Сперское море 207
Среднеземноморье 143, 562
Старая Абаша 257
Старая Ахея 230
Старая Лазика 251, 253, 255, 278
Старый Сенаки 257
Страна мосхов 199, 206, 211, 213, 235
Страна реки Сеха 97
Страна фасианов 183, 187, 188, 191, 196, 206, 207, 588
Супса 92, 256, 257, 449
Сурамский перевал 190
Сурамский хребет 55, 450
Сурий 196
Сухма 117
Сухум 1, 2, 23, 90, 101, 116, 190, 217, 225, 240, 246, 259, 322, 349, 354, 436, 437, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 559, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 579, 580, 581, 584, 585
Схалта 259

Т

Табал 99, 572
Табахмела 490
Тавр 100
Таврида 153
Тавриз 490
Тагилан 159, 296
Тагилони 159, 217
Таик 130
Таманский полуостров 280, 537
Тамань 280, 281, 282
Таматарха 280, 281, 282, 283
Там-кыт 99
Тамрюк 280
Танаис 218
Тао 130, 335, 336, 338, 339, 343, 345, 351, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 466, 469, 470, 471, 473, 519, 520
Тао-Кларджети 465, 469, 519, 520
Тапанта 316
Тарс // Тарсус 99

Тарсур 99
Тарсус 98, 99
Тархан 281
Тахитара 448
Тбилиси 9, 10, 13, 19, 22, 98, 204, 209, 337, 383, 397, 450, 452, 453, 475, 476, 480, 481, 485, 491, 492, 513, 549, 551, 552, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 584
Тегарама 113, 116
Темрюк 280, 281
Терек 311, 494
Техура 147
Тзибил 291, 302
Тигранакерт 236
Тир 104
Ткуарчал // Карчал 97
Тмутаракань 252, 280, 281, 282, 283, 351
Тохма 99
Трабзон 176
Трапезунт 176, 177, 239, 347, 348, 350, 489
Трахея 290, 302, 303, 304, 305, 434
Триалети 166, 338, 392, 464, 467, 473, 480
Троя 220,231
Ту 316
Туапсе 60, 101, 230, 350, 252, 253, 255, 348, 493
Туби 56
Тубун, Тхубын 435, 436, 437
Турция 47, 98, 357, 559, 564
Тушети 494
Тушпа 118
Тхина 447
Тхубун 436
Тцахар 292, 235
Тшырпан 210

У

Уаз-абаа 257, 304, 305
Уарпа 56, 146
Убух 56
Угарит 101
Укрух 348
Умма 82
Уплисцихе 209, 339, 342, 450, 451, 463, 464, 465, 467
Урарту 118, 136, 139, 145, 164, 167, 183, 540, 542, 559
Урта 444, 449, 452
Урук 83
Урыстәыла 66

Ф

Фазис 92, 146, 147, 150, 155, 156, 243, 286, 346, 355
Фасид 241, 242
Фасис 110, 145, 147, 150, 183, 188, 189, 190, 191, 193, 195, 196, 215, 216, 225, 239, 242, 266, 271, 286, 310, 322, 542, 543

Фаша 55, 147, 315
Финикия 107, 132

Х

Хабх 63, 140, 141, 541
Хабхи 63, 130, 131, 140, 141, 144, 155, 539, 540, 541, 588
Ҳабҩы 41
Хав-тчитч 469
Хазария 311, 334, 337
Хайа 115, 131, 144, 540
Хайаса 112, 113, 115, 116, 119, 129, 144, 539
Хала 175, 260
Халдия 348, 349
Халкидоне 297
Халцыс 175
Хандзта 449, 445, 454
Хани 199
Ханис цкали 256, 454
Харес 240, 241
Хариен 218, 240
Хариент 240, 241
Хатти 91, 93, 94, 95, 538
Хаттское царство 90, 94
Хахули 503
Хахха 100, 101
Хацци 114, 115
Хачыпсы 232
Хаша 100, 202, 445, 450
Хашпсы 202
Хашупсе 272
Хашури 202, 450
Хашша 100, 101
Хашшу 100, 101
Хеви 494
Хевсурети 494
Хеирады 174
Хемува 113, 117
Херки 327
Херобий 239
Хецера 444
Хибула 445
Хирпис 56
Хирху 444
Хихадзири 257
Хоби 202, 328, 329, 438, 449
Ходжалы 97
Хойрады 178, 179
Хони 199, 336, 440, 441, 500
Хопа 172, 449, 476
Хоста 29, 63, 64
Хуаджал 97
Хуап 29, 101, 172, 173, 246
Хуасҭа 63
Хубушкиа 118
Хупати 476
Хупынипшахва 29, 34, 35, 555
Хыныс 117
Хыҧс-ҭа 102
Ҳабҩы 41
Ҳабҩы 41

Ц

Цабал 99, 291, 403, 410, 438
Цандрыҧшь 64, 65, 330
Царства гениохов 249
Царство абазгов 297
Царство абхазов 456, 457
Царство махелонов и гениохов 243, 244, 245, 544, 589

Цачхур 259, 448
Цачхура 448
Цебельда 34, 35, 295, 572
Цибилиум 296, 501
Циви 240, 257
Ципнигвара 449
Цихе-Годжа 257, 439
Цихе-годжи 193
Цихе-Годжи 240, 266, 311, 318, 320, 322, 346
Цихе-Гуджа 266
Цицибаиашьи нохори 447
Цкрыш 121
Цкуара 259, 449
Цре 201
Цукети 454
Цумур // Сумур 101
Цусхвадж 316
Цухма // Сухма 116
Цуцхвати 443
Цхом 116, 322, 435, 436, 437
Цхум 312, 354, 435, 436, 437
Цхуми 354, 435, 437
Цхыбын 437
Цыра 201

Ч

Чабалаури 453
Чаква 258, 259, 260, 426, 445, 449
Чаквити, Чаквиджи 445
Чакыт 99
Чал 97
Чалан-Усун 493
Чамарды 99
Чампали 260
Чанети 493
Чаника 181
Чаны 182, 262
Чапала 453
Чатал 97
Чачубети 453
Чаши 56
Чвинта 201
Черкесия 66, 262, 557, 571, 574
Черное море 55, 57, 121, 171, 172, 176, 259, 275, 348, 351
Чин 97
Чине 97
Чиха 336, 337, 439, 443
Чихан 439, 440, 494, 502, 527
Чихская область 443
Чкондиди 311, 438, 439, 440, 477, 502
Чми 494
Чорох 55, 86, 92, 113, 114, 129, 131, 136, 137, 145, 146, 147, 155, 171, 173, 175, 183, 186, 188, 189, 200, 204, 214, 242, 243, 249, 253, 260, 261, 262, 263, 265, 266, 346, 347, 348, 350, 351, 355, 430, 432, 444, 462, 502, 519, 537, 539, 542, 545
Чорохи 262, 263
Чубурхиндж 28
Чухукыт 316
Чхара 336, 439, 443, 527
Чхвиш, Чхвиши 443
Чхиквта 453

Чыгәрханыха 64
Чыгәрхәа 64
Чыгқыҵа 64
Чыгрыԥшь 64
Чыгурха 64

Ҷ

Ҷьгьыҵа 63, 64
Ҷьиқҿти 64
Ҷьқыҵа 64

Ш

Шабуран 481, 482
Шавшети 138, 423, 467, 469, 478
Шаки 481, 533, 534
Шамкор 481
Шамухи 116
Шамхор 488, 489
Шапкы 319
Шапсих 56
Шарван 480, 481
Шахе 230, 232, 272, 273, 275, 276, 277, 280, 350
Шахы 277
Шашети 138, 387
Шаши 56, 427
Шашил // Шашил-уни 137
Шашилети // Шешелети 137
Шашилқыҵ 137, 387, 427
Шашилу 137, 138
Шашилуни 540
Шаш-куара 137
Шемаха 307, 380, 381
Шемахийские горы 494
Шәача 65
Ширван 380, 381, 390, 480, 482, 488, 493, 521, 534, 535, 582
Шоропани 210, 336
Шубара 260
Шубарта 130
Шумера 83
Шумере 74
Шумеры 570
Шурисцихе 343, 393
Шхангери иԥацәа рхәы 316
Шхара 448
Шьам 112

Э

Эгейское море 92
Эгер 186, 187, 188, 189, 227
Эгриси 16, 186, 187, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 206, 207, 208, 210, 211, 227, 251, 266, 289, 311, 312, 318, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 333, 334, 346
Эгрис-Цхали 186, 188, 189, 193
Эгры 92, 97, 187, 188, 189, 190, 330
Эгури 189
Эгырта 189
Экректика 190, 216
Эредви 341, 453, 502

Эре-ду 81
Эрети 191, 192, 207, 340, 341, 342, 351, 453, 480, 481, 546
Эрзерум 488, 489
Эрцаху 480
Эрцух 480

Я

Ялта 283, 284
Яшимва 315
Яштух 28, 35

Этнические названия

А

Абадза 54, 65
Абадзе-чиль 54, 314
Абадзех 54 65, 307
Абаза // апаса 2, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 85, 98, 119, 139 173, 200, 220, 256, 270, 273, 276, 278, 279, 285, 307, 314, 315, 354, 355, 356, 374, 393, 398, 467 538, 545, 589
Абазги 18, 19, 20, 60, 61, 173, 272, 273, 276, 279, 288, 302, 303, 308, 310, 311, 313, 354, 356
Абазинцы 59, 60, 101
Абазины 5, 11, 54, 57, 59, 60, 65, 83, 102, 160, 186, 398 550, 567, 568, 570, 574
Абаса 60, 98, 147, 200, 273, 441
Абасги 67, 272, 276, 288, 289, 297, 300, 301, 303, 308, 309, 310, 311, 313, 349, 350, 457
Абаск, абаски 62, 271, 272
Абассины 60
Аббаз, аббазы 60
Абеслинцы 60
Абешла 85, 86, 87, 130, 538, 542
Абешлайцы, апешлайцы 85, 86, 87, 88, 130, 539
Абжуа 23, 553
Абжьыуаа 65
Абисар 85, 86, 88, 94, 270, 538 588
Абиша 85, 86, 88, 270, 538, 588
Абкац 141
Абсары 146
Абхазо-адыги 87, 88, 261, 588
Абхазы 5, 9, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 37, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 70, 79, 80, 83, 86, 87, 91, 112, 122, 125, 127, 130, 141, 144, 146, 151, 155, 159, 160, 163, 174, 182, 185, 186, 198, 199, 200, 204, 211, 214, 231, 232, 247, 250, 252, 257, 262, 263, 264, 268, 273, 276,

278, 279, 283, 285, 307, 314, 315, 337, 338, 354, 355, 356, 360, 380, 381, 385, 386, 397, 399, 409, 428, 430, 431, 433, 441, 451, 455, 457, 459, 463, 471, 475, 487, 488, 493, 497, 498, 503, 505, 507, 510, 517, 526, 538, 541, 545, 546, 547, 550, 552, 558, 568, 571, 574, 579, 589
Авазги 354
Авгаз 141
Агыруа 61, 174
Аджам, аджамква 117
Адыги 70, 87, 88, 261, 278, 280, 314, 563, 588
Азега 278, 279, 280, 314, 557, 572
Азра 63, 138, 257, 278, 279, 280, 307
Азыхә 66, 262
Аибга 56, 65, 273, 316
Аир, аираа 144
Айаеос 184, 270, 542
Айцы 144, 154, 155
Аккадцы 75
Ақырҭуа 61, 98, 204, 383, 394
Аланы 195, 268, 276, 286, 293, 307, 310, 565, 579
Албанцы 122
Алты Кесек Абаза 220
Амориты 75
Ампревты 242
Амшенские армяне 172
Анчилы 246
Аппаиты 181
Апса 54, 61, 69, 85, 86, 146, 202, 256, 270, 285, 354, 355, 356, 357, 387, 401, 405, 422, 487, 538, 541, 545
Аԥсақәа 202
Аԥсацәа 401
Аԥсуа // аԥсуаа 60, 63, 65, 67, 69, 83, 84, 144, 262, 354, 356, 359, 374, 384, 506, 545, 577
Апсар 86, 92, 130, 144, 146, 147, 149, 155, 169, 171, 173, 182, 183, 186, 188, 191, 193, 202, 239, 242, 249, 252, 253, 260, 266, 270, 307, 318, 337, 347, 348, 354, 355, 356, 357, 383, 432, 433, 446, 487, 488, 538, 542, 545, 589,
Апсары 87, 155, 188, 242, 247, 253, 270, 286, 355, 432, 487
Апсилы 18, 19, 20, 61, 62, 84, 91, 137, 146, 155, 174, 214, 242, 249, 253, 270, 271, 272, 273, 279, 286, 288, 289, 291, 297, 298, 302, 311, 349, 350, 354, 356
Апхаза 141, 399
Апхази 141, 397, 399
Апхазк 141
Апхазни 141
Апхас 141
Апшилы 146
Арабы 126, 127, 293, 295,

296, 309, 311, 318, 320, 347, 354, 546
Арнауты 122
Армяне 116, 172, 211, 212, 213, 338, 339, 565
Асадз, асаӡуа 61, 65, 275
Ассирийцы 87
Ауапҵс 195
Аублаа 399, 402
Аубых 65, 116
Афгазы 55, 60
Ахеи 215, 218, 230, 231, 232
Ахейцы 122, 226, 230, 231, 253, 277, 589
Ахмениды 191
Ахчипсы 65, 273
Аҷоу 182, 259, 262
Ашәамахь 116
Ашәуа 65
Ашуйцы 83, 102, 277
Ашхаруа, 186, 187
Аэтиды 152

Б

Базы 158, 173, 290
Баракай 274
Баски 52
Басхег 285
Басилбай, Башилбай 198
Бехиры 176, 245
Бжана 56
Бжедуги 55
Бизеры 170, 173
Брухи 274, 276
Будины 217
Булгары 268, 307

В

Вельты 217
Вехиры 170, 176
Византийцы 267, 268, 290, 292, 293, 303, 304, 308, 309, 323, 339, 475, 528, 545

Г

Гелоны 215, 217, 218, 221, 223, 224, 589
Гениохи 70, 122, 215, 218, 221, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 250, 253, 264, 273, 312, 497, 543, 566, 589
Гәымаа 65
Гиппоподы 217
Готы 298
Греки 102, 119, 149, 153, 157, 177, 179, 206, 222, 228, 311, 326, 450
Грузины 15, 16, 17, 18, 19, 20, 56, 259, 311, 318, 383, 457, 459, 471, 530, 551
Гуайе 232
Гумаа 65
Гурийцы 186, 189, 327, 346

Д

Дандарии 238
Джики, джихи 64, 273, 279, 312, 314, 315, 349

Длинноголовые 173, 227, 248, 543
Дрилы 171, 176, 181, 245
Дурдзуки 211

Е

Евреи 211
Египтяне 46, 71, 73, 109, 111, 555
Ефиопы 111

Ж

Жане 55

З

Забаха 138, 145, 199, 540
Зехи 276, 278
Зиги 122, 215, 230, 231, 247, 276, 277, 279, 314
Зидриты 244, 248, 249
Зилхи 276, 277
Зихи 122, 165, 276, 277, 279, 280, 314

И

Иберийцы 238
Иберы // иверы 212, 457
Имеры 166
Иниохи 224, 225
Иранцы 117, 219
Ирон 195

К

Кабардинцы 54, 285, 314
Кабилухи 139, 200
Камариты 226, 227, 228, 229
Карбоны 217
Кардухи 170
Карийцы 143, 562
Картвелы 16, 17, 458, 530
Картлийцы 17, 208, 212, 213, 339, 343, 458, 462, 466, 467, 530, 531
Картлосаны 206
Карты 98, 204, 435, 436, 462
Каски 86, 87, 113, 119, 129, 130, 538
Касоги 87, 113
Катарза 163
Кахи 462, 464
Кашаги 87, 113
Кашки 86, 87, 88, 94, 539, 564
Керкеты 181, 215, 216, 219, 221, 588
Керкиты 181
Кешаги 87, 113
Киммерийцы 164, 165, 166, 167, 168
Колика 218, 219
Колхи 19, 44, 67, 69, 70, 111, 153, 154, 155, 156, 158, 161, 162, 164, 169, 170, 171, 174, 184, 186, 188, 191, 212, 213, 217, 220, 225, 237, 239, 242, 243,

244, 247, 250, 253, 256, 264, 270, 286, 388, 542, 544, 588
Колхи-фасианы 184
Колы 162, 219, 220, 221, 225, 589
Кораксы 215, 218, 219, 221, 222, 224, 228, 225, 258
Косоги 87
Кулар 163, 164, 169, 173, 184, 541
Куссары 94, 95

Л

Лазы 242, 249, 250, 251, 253, 254, 264, 265, 268, 269, 290, 271, 286, 287, 288, 289, 308, 544
Лаконцы 226, 231
Лау 101, 205, 251, 252, 254, 253, 255, 271, 278, 282, 287, 387, 400, 403, 418, 439, 450, 544
Лауар 254
Лезгины 227
Леки 192, 207, 208
Лидийцы 168
Луша 249, 250

М

Макроны 169, 170, 177, 180, 181, 244, 245
Макропогоны 215, 218, 219, 227, 544, 589
Мары 170, 174, 420
Мары 75, 103, 169, 170, 174, 388
Маскуты 198
Махелоны 244, 245
Махороны 245
Махош 55
Мегрело-чаны 226
Мегрелы 56, 174, 182, 204, 259, 269, 394, 438
Меланхлены 215, 217, 218, 219, 221, 225
Меланхлены 214, 218, 589
Меоты 165, 166, 215, 280
Месхи 199, 462
Метаннийцы 111
Мзаа 273
Мисимияне 18, 214, 291, 293
Монголы 419
Моссиники 169, 170, 171, 177, 178, 179, 198
Мосхи 169, 170, 173, 179, 180, 196,197, 198, 199, 204, 211, 214, 215, 224, 588
Мудави 285
Мушки 197
Мысаа 119
Мысыл-пара 198

Н

Наири 118, 131, 140, 540, 559
Натухайцы 54, 314
Ногайцы 220

О

Обезы 19, 24, 59, 461, 503, 511, 551, 557
Овсы 192, 195, 207, 208, 211
Осетины 195, 207, 208, 339

П

Персы 117, 211, 213, 267, 290, 291, 306
Пёх 63, 116, 129, 130, 140, 145, 176, 274, 539
Пигмеи 20

Р

Раны 372, 462
Римляне 235, 236, 264, 298, 305, 309

С

Садзы 22, 58, 63, 65, 199, 273, 312, 314, 349, 552
Салты 253
Салы 217, 218
Самырзаҟаная 65
Сан 65, 178, 179, 182, 273, 275, 279, 402, 422, 424
Саниги 18, 61, 179, 257, 271, 272, 273, 274, 276, 279, 288, 312, 313, 314, 349, 350, 355, 543
Санники 242, 244
Санны 181, 182, 241, 243, 244, 245, 253, 257
Санны-гениохи 243, 244
Сапиры 180
Сарацины 331
Сармат 284
Сваны 225, 241, 242, 253, 254, 289, 493
Селевкиды 192, 208
Синды 153, 165, 215
Скиф 224
Скифины 171
Скифы 195
Сомехи 116

Т

Тавры 153, 165, 214, 542
Таойцы 339, 462
Таохи 128
Тапанта 220, 277, 282, 285, 314, 316, 390
Тибарены 170, 179, 180, 181, 245
Тореты 215, 216, 218, 221
Туахы 130, 131
Туахы 130, 136, 539
Тубало-тибарены 180
Турки 56, 476, 478, 489
Турки-сельджуки 476, 489

У

Убыхи 23 24, 54, 58, 65, 67, 116, 129, 171, 184, 222, 274, 276, 279, 314, 539, 553, 574

Урартийцы 139, 541
Урумейцы 87

Ф

Фазиани, фасианы 147, 155, 184, 188, 191, 237, 242, 270
Франко-фригийские племена 87
Фтейрофаги 173, 215, 218, 223, 224, 227, 241, 544, 589

Х

Хабх, хабхи 63, 130, 131, 140, 141, 144, 155, 539, 540, 541, 542, 588
Хайасцы 119
Халды 175, 181
Халдей 170
Халибы 156, 158, 170, 175, 178, 179
Хапиры 109
Хатты 88, 90, 93, 94, 95, 363, 537, 588
Хетты 90, 95, 110, 538, 565
Хетты-неситы 538
Хои 170, 173, 174, 232, 543
Хоу 173, 174, 247, 543
Хурриты 83, 100, 127, 128, 363, 558

Ч

Чан 71, 178, 179, 182, 183, 389
Чаны 179, 181, 182, 183, 245, 261, 262, 265
Черкесы 65, 101, 102, 216
Цоу 182, 262, 263, 265, 269

Ш

Шаки 481, 533, 534
Шапсуги 54, 65, 112, 222, 278, 314
Шапсыгэ 112
Шашил 137, 139, 198, 247, 387, 427, 540
Шашки 138, 139, 540
Шашы 316, 527
Шумеры 74, 75, 570

Э

Эгры 186, 188, 249, 269
Экехерийцы 175
Эллины 177, 179, 217, 223, 231, 365
Эры 14, 15, 23, 28, 205, 214, 215, 462, 553

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) в названиях архивных и научных учреждений, сборников и журналов:

АбИЯЛИ	Абхазскийнаучно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований). Сухум.
АБНИИ	Абхазский научно-исследовательский институт. Сухум.
АбНИИК	Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Сухум.
АГУ	Труды Абхазского Государственного Университета. Сухум.
АдИЯЛИ, АдНИИЯЛИ	Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне Адыгейский институт гуманитарных исследований). Майкоп.
АКАК	Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис.
БСЭ	Большая Советская энциклопедия.
ВВ	Византийский временник.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВИГФЭ	Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси.

ВУА	Военно-ученый архивный фонд ЦГВИА (ныне РГВИА). Москва.
ВЯ	Вопросы языкознания. Москва.
ЖВГ	Жизнь Вахтанга Горгасала.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗКОИРГО	Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис.
ЗООИД	Записки одесского общества истории.
ИИЯИМК	Известия института языкознания и истории материальной культуры.
ПС	Переднеазиатский сборник.
СГПИ	Сухумский государственный педагогический институт. Сухум.
СМИЯ	Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми.
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССКГ	Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СЭ	Советская этнография. Москва.
ТАГМ	Труды Абхазского государственного музея. Сухуми.
ТАИЯЛИ	Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Сухум.
ТФ	Тифлисские ведомости.
ЦГВИА	Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЦГП «Алпха»	Центр Гуманитарных программ. Сухум.

б) в названиях языков:

абаз. – абазинский
абж. – абжуйский
абис – абиссинский
абхаз. – абхазский
кирг. – киргизский
лакск. – лакский
лат. – латинский
мегр. – мегрельский
авар. – аварский
адыг. – адыгский
аккад. – аккадский
ассирийск. – ассирийский
бзыб. – бзыбский
груз. – грузинский
др.-арм. – древнеармянский
др.-греч. – древнегреческий
др.-еврейск. – древнееврейский
еврейск. – еврейский
египет. – египетский
и.-е. – индоевропейский
итал. – итальянский
каб. – кабардинский
ног. – ногайский
осет. – осетинский
перс. – персидский
русск. – русский
садз. – садзский
сван. – сванский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
угарит. – угаритский
урарт. – урартский
хатт. – хаттский
хетт. – хеттский
хурр. – хурритский
шумер. – шумерский

в) другие сокращения:

букв. – буквально
г. – год
г. – гора
Гагр. р-н – Гагрский район
Гал. р-н – Галский район
гор. – город
Гуд. р-н – Гудаутский район
Гул. р-н – Гулрыпшский район
м-сть – местность
Очам. р-н – Очамчырский район
пос. – поселок
р. – река
с. – село
с/с – сельский Совет (сельсовет)
Ткуар. р-н – Ткуарчалский район.
церк. – церковный

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. 5
ГЛАВА I. Из истории древнейшей Абхазии 27
ГЛАВА II. Этюды из истории языка и этногенеза абхазо-абазинского народа 49
§ 1. О родстве и особенностях кавказских языков 49
§ 2. Абхазо-абазинские языки, наречия и о наименованиях их носителей. 52
ГЛАВА III. Ареал распространения абхазо-адыгских языков в эпоху древнейших цивилизаций 67
§ 1. Протоабхазы и Египет. 69
§ 2. Предки абхазо-абазинского этноса и народы древнего Двуречья 74
ГЛАВА IV. Абхазо-абазинские этнические сообщества в первой половине II тыс. до н. э. 85
§ 1. Абиша или Абисар. 85
§ 2. Абхазо-адыги и хатты. 88
ГЛАВА V. Абхазо-абазинский этнический мир в контексте истории Малой Азии XV–XI вв. до н. э. 97
ГЛАВА VI. Южное Закавказье, Юго-Восточное и Кавказское Причерноморье в первой половине I тыс. до н. э. 136
§ 1. Этнические сообщества Юго-Западного Закавказья по данным урартских источников. Царство Дайаэни или Диаохи. 136
§ 2. Народ и страна Хабхи. 140
§ 3. Страна и царство Айа // Эйа 142
§ 4. Корабль «Арго». 153
§ 5. Колхи и Колхида 154
ГЛАВА VII. Абхазо-абазинские сообщества во второй половине I тыс. до н. э. 169
§ 1. Этнический состав населения Юго-Восточного Причерноморья 169

§ 2. Страна фасианов 183
§ 3. Мосхи и Мцхетское царство 196
1. Мосхи 196
2. Мцхетское царство 206
§ 4. Северо-Западное Причерноморье. 214
1. Керкеты (южные). 215
2. Торетика 216
3. Гелоны 217
4. Меланхлены или макропогоны 218
5. Кораксы и колы 219
6. Фтейрофаги – «вшееды» или «шишкоеды» 223
7. Гениохи 224
8. Ахея и ахейцы 230
ГЛАВА VIII. Этнополитические образования Юго-Восточного и Восточного Причерноморья в I в. до н. э. – VII в. н. э. 234
§ 1. Из истории международных отношений конца I тыс. до н. э. и I в. н. э. 234
§ 2. Колхида в конце I тыс. до н. э. – I в. н. э. 237
§ 3. Царство махелонов и гениохов 243
§ 4. Абхазо-абазинские ладзы (лоадзы) и Лазское Царство 249
§ 5. Царства апсилов, абазгов, санигов и зегов в I–VII вв. 269
1. Этническая характеристика и вопросы локализации 269
2. Царство апсилов 285
3. Царство абазгов (абасгов). 297
4. Царства санигов и зегов 312
ГЛАВА IX. Раннефеодальное Абхазское царство 318
§ 1. Образование объединенного абхазского государства. Абхазское царство VII–X вв. 318
§ 2. О границах Абхазского царства в VIII–X вв.. 345
ГЛАВА X. Свидетельства абхазского и абазинского языков 354
§ 1. Феодальная народность *абхазы* или *абаза // анаса (аԥсуа) // ансар* 354
§ 2. Из абхазской лексики государственного строительства и социальных отношений 356

1. Термины, связанные с нормами поведения 364
2. Термины, обозначающие людей непристойного (преступного) поведения 366
3. Нейтральные (общие) термины 367
4. Армейская терминология 368
а) наименования родов войск, военачальников и армейских занятий 368
б) крепостные строения и вооружение 370
в) война, военные действия 372
г) геройство, трусость, измена 373
д) термины, связанные с морем и военно-морскими силами 374
5. Термины, связанные с юридическим и обычным правом 375
6. Христианская терминология 377
7. Термины товарно-денежных отношений 379
§ 3. Абхазо-абазинские родовые и фамильные имена в грузинской и мегрельской антропонимии 385
1. Абхазские родовые имена в грузинской антропонимии 386
2. Абхазские фамильные окончания 393
3. Древнеабхазские фамилии с окончанием на *ба, па, уа* в грузинской антропонимии 396
4. Словарь абхазо-абазинских родовых и фамильных имен, преобразованных в формы грузинских фамилий 398
§ 4. Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья средних веков 431
ГЛАВА XI. Абхазское многонациональное государство, или Абхазская империя, XI–XIII вв. 456
§ 1. Еще раз об историографии Абхазского царства 456
§ 2. Преобразование Абхазского царства в Абхазское многонациональное государство – Абхазскую империю 462
§ 3. Государственный и социальный строй, экономика, быт и культура Абхазского царства (VIII–XIII вв.) 493
1. Государственный и социальный строй 494
2. Войска и вооружение 495
3. Экономика Абхазского царства VIII–XIII вв. 498
4. Церковь и культура 501

§ 4. О языке письма и общения в Абхазском царстве. 510
§ 5. Династические браки, характеристики и титулатура
абхазских царей 518
1. Династические браки 518
2. Характеристики царей 522
3. Титулатура абхазских царей 526
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 537
ЛИТЕРАТУРА 549
УКАЗАТЕЛИ 583
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 657

В. Е. КӘАРҬИА

АУСУМҬАҚӘА РЕИЗГА

БЫЖЬ-ТОМКНЫ

V АТОМ

АЕТНИКАТӘ ҬОУРЫХ

В. Е. КВАРЧИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ V

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

V. E. KVARCHIA

COLLECTED WORKS

VOLUME V

HISTORICAL

Редактор **Шоуа И. Г.**
Корректор **Кварчия И. Н.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л. Р., Гурцкая А. Ш., Ардзинба Х. Ш.**
Компьютерная верстка **Береджи А. Ш.**
Технический редактор **Береджи А. Ш.**